

Б Ы Л И Н Ы С Ё В Ё Р А

ТОМ ВТОРОЙ

П Р И О Н Е Ж Ь Е , П И Н Е Г А
И П О М О Р Ь Е

подготовка текста и комментарий
А. М. А С Т А Х О В О Й

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД • 1951

11. 88722

Академия Наук СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(П У Ш К И Н С К И Й   Д О М)

МАТЕРИАЛЫ
РУКОПИСНОГО ХРАНИЛИЩА
СЕКТОРА ФОЛЬКЛОРА

II

под редакцией
В П АДРИАНОВОЙ - ПЕРЕТЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга является второй и завершающей частью издания, первая часть которого — «Былины Севера», т. I — вышла в 1938 г.

Задача издания, как об этом говорилось в предисловии к первому тому, — показать русский народный эпос на Севере, в пяти основных былинных очагах, во вторую половину 20-х и в начале 30-х годов нашей эпохи.

Том I был посвящен Мезени и Печоре. Том II включает записи, произведенные в трех других былинных гнездах — в Прионежье, на Пинеге и в Поморье (на южном берегу Белого моря). Вместе с текстами первого тома эти записи характеризуют состояние нашего эпоса на определенном этапе, показывают процессы развития эпоса в первой четверти XX века. Они являются, таким образом, важным и необходимым материалом для изучения истории русского эпического творчества.

Довольно значительная часть текстов, вошедших во второй том, записана была в местах, в прошлом слабо обследованных, — именно в средней и северной частях Шуньгского полуострова и на Пинеге выше Карпогорья. Тексты эти пополняют наши знания о характере русского народного эпоса Севера, знакомят с еще новыми своеобразными обработками былинных сюжетов.

Материалы как первого, так и второго томов «Былин Севера» свидетельствуют о том, как дорого народу его поэтическое наследие в области эпоса, как бережно хранил народ и пронес через века образы русских богатырей — защитников Родины, воплотившие народные идеалы, стремления, мечты, сознание своих

могучих сил. Оба тома «Былин Севера» заключают большое количество произведений, связанных с героическим прошлым народа. Многие из текстов ясно показывают, что народные эпические образы, порожденные исторической действительностью далеких веков, продолжали жить полноценной жизнью, помогая народу осознавать свою силу в борьбе как с внешними врагами-захватчиками, так и с классовыми угнетателями.

Одним из характернейших процессов позднейшего времени в области эпического творчества является, вместе с дальнейшим развитием патриотических мотивов, особое усиление социального содержания эпоса, элементов социального протеста, вызванное обострением классовой борьбы. Былины II-го тома, как и тома I-го, дают характерные примеры выражения этого процесса. Вместе с тем видное место во II-м томе занимают произведения, отразившие представления народа, связанные с вопросами личной и семейной морали.

Наряду с большим количеством помещенных в сборник былин героических и социально-бытовых, в него входит ряд народных баллад, близких к былинам и по своему поэтическому оформлению, и по напевам, и по исполнению, как «Дмитрий и Домна», «Князь, княгиня и старицы» (гибель оклеветанной жены) и др. На Севере эти былины-баллады на темы тяжелых семейных конфликтов самими певцами воспринимаются как особый тип эпических песен, родственный былинам, и противопоставляются лирическим и обычным балладным песням. Этот род северного эпического творчества, особенно характерный для Пинеги и Поморья, оказался довольно распространенным в 20-е и 30-е годы в Прионежье.

Устойчивость былин-баллад, корни которых иногда уходят в глубокую старину, обусловлена и драматичностью сюжетов, и тем, что содержание некоторых из них находило долгое время соответствие в пережитках патриархальных семейных отношений; особенно же привлекало певцов в этих песнях ярко выраженное в них осуждение семейного деспотизма, насилия, попирания свободного чувства.

В них воплощено горячее сочувствие к невинно гонимым, запечатлены поэтические образы верных жен, нежно

любящих дочерей, отстаивающих свой свободный выбор молодых девушек.

В настоящем сборнике в основном сохранены принцип расположения и подачи материала, а также характер кратких очерков о сказителях, принятые в томе I.

В комментариях входят сведения о распространении сюжета в прошлом, о новых записях его после Октября, полный библиографический перечень вариантов, а также указания на черты местной специфики в художественных обработках данного сюжета и характеристика каждого из публикуемых вариантов.

В публикуемых текстах составитель сохраняет все морфологические и основные фонетические особенности речи, отмеченные во время записи. Но явления ассимиляции согласных и переход звонкого в глухой на конце слов, поскольку они в северных говорах в основном тождественны с явлениями литературной речи, особым начертанием не выделяются и обозначаются обычной орфографией. Твердое произношение «ж» или «ш» и мягкое «ч» особыми начертаниями отмечаются лишь в случаях усиления твердости или мягкости сравнительно с обычным произношением.

Сохраняются все колебания произношения в пределах одного и того же произведения, характерные для живой речи, в таких случаях, как окончания глаголов («тся», «тса», «тсе», «тца», «тця» и др.), окончания имен прилагательных в родительном падеже («ого», «ово», «ова» и др.), чередование «ч» и «ц», «м» и «н» и т. п.

Буквой *h* обозначается «г» фрикативное.

Заглавия былин без скобок принадлежат самим исполнителям, в прямых скобках — составителю.

Сборник сопровождается рядом указателей и включает словарь местных и старинных слов к обоим томам.

В отличие от тома I, где все записи (за исключением двух, которые особо оговорены) произведены составителем сборника, в том II входят записи и других лиц, преимущественно тех, кто работал вместе с составителем и под непосредственным его руководством. В примечаниях к отдельным вариантам каждый раз указывается, кем именно данная запись произведена.

С чувством глубокой благодарности отмечаю участие в данном томе ныне покойной Зинаиды Викторовны Эвальд, которой принадлежат все помещенные расшифровки фонографических записей былинных напевов Пруонежья.

Расшифровки фонограмм напевов Пинеги и Поморья (за исключением №№ XV и XVI) произведены А. Г. Кудышкиной и отредактированы Ф. А. Рубцовым, за что приношу им сердечную благодарность. Также очень признательна А. П. Евгеньевой за ценные указания по словарю.

А. Астахова.

П Р И О Н Ё Ж Ъ Ё

ЕГОР БОРИСОВИЧ СУРИКОВ

Е. Б. Суриков — в год записи публикуемых былин — 63-летний старик из д. Конда Сенногубского сельсовета Заонежского района, семейный, малограмотный. В начале 1932 г., когда производилась запись, кроме основного своего занятия — земледелия, работал как печник. В течение всей своей жизни бывал лишь в ближайших городах: Петрозаводске, Повенце. Военной службы не отбывал. По характеру своему это был замкнутый, молчаливый человек.

Е. Б. Суриков — наследник былинного знания матери своей Домны Васильевны Суриковой, от которой, тогда еще 40-летней женщины, в 1871 г. Гильфердингом были записаны 4 былины и 2 старшие исторические песни (Онежские былины, 138—143). По словам Егора Борисовича, сама она научилась былинам у своей матери. Гильфердинг же в числе ее учителей называет известного певца Конона из Зяблых Нив, которого во времена Рыбникова и Гильфердинга уже не было в живых.

В своей автобиографии, сообщенной собирателям (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVI), Егор Борисович дает некоторые сведения о матери, дополняющие краткую заметку о ней Гильфердинга. Домна Сурикова была неграмотна. Оставшись после смерти мужа в крайней бедности с двумя малолетними сыновьями, Антоном и Егором, она выносила на своих плечах всю тяжесть крестьянской работы. Дед ходил по миру.

От Домны Васильевны переняли былины оба ее сына. От старшего, Антона Борисовича, в 1926 г. экспедицией Государственной академии художественных наук (ГАХН) было записано 13 былин и 6 духовных стихов и С. И. Бернштейном, участником экспедиции Государственного института истории искусств (ГИИИ), 7 текстов записано на фонограф. (Хранятся в Фонограмм-архиве Сект. фолькл. ИРЛИ, №№ 725—735, 738, 745).

По описанию односельчан, Антон Суриков был крепкий старик, большого роста, «прямо громадный». Ходил по деревне с посохом. «Много былин знал и очень веселый был. Все его любили. С молодежью пел. Как только соберутся, сейчас же он веселить придет». (Из воспоминаний племянника, Якова Егоровича Сурикова, 17 л., записанных Н. Котляровой 19 августа 1931 г.; Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVI).

В том же 1926 г. впервые были произведены записи 4 былин и от Егора Борисовича Сурикова — экспедицией ГАХН (см.: Сок.-Чич., стр. 571—588). Тексты Егора Сурикова донесли наследие матери в лучшей сохранности, чем тексты его брата, Антона Борисовича (см. там же, стр. 571). Односельчане Егора Борисовича в 1931 г. тоже подчеркивали хорошее знание им былин: «Антон Суриков был знаменит, так это потому, что тем, кто записывал, первый на речке попался, а ведь Егор все то же так же знает, а скромн был». Однако, если по своему качеству былины Егора Борисовича выше текстов его брата, то по количеству известных ему сюжетов он уступает брату. В памяти Егора Сурикова сохранилось всего 4 былины. Публикуемые тексты являются записями этих былин, произведенными в 1931—1932 г.

Былины Егор Борисович любил, называл их и «былинами» и «старинами». Отзывался о них так: «Наверно былъ. Песня — былъ, а сказка — ложь». Пел их лишь в домашнем кругу за работой: «В деревне я не пою, когда и заставляють, не нахожу нужным». Слышал, но сам не исполнял, еще былины про Ставра, Илью Муромца, Кострюка, Дуная и Чурилу. Других видов народного творчества не знал. О сказках отзывался пренебрежительно: «Детское это».

Егор Борисович Суриков принадлежит к типу сказителей, усваивающих от своих учителей не только основную сюжетную схему и запас поэтических формул, а всю словесную композицию в целом. Обе былины на те же сюжеты, которые были записаны от Домны Васильевны («Василий Буслаевич» и «Про царя Калина и князя Владимира»), чрезвычайно близки к текстам матери, в значительной части своей повторяя их почти дословно (см. примечания к обеим былинам). Немногие отклонения обнаруживают некоторую тенденцию к усилению бытовых и психологических черт и к сокращению чисто изобразительных. Эти особенности заметны и в былине «Добрыня Никитич», она сравнительно бедна описательными элементами, которые как раз в былинах на данный сюжет играют большую роль. В то же время в ней выделены основные психологические моменты.

ПРО ЦАРЯ КАЛИНА И КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА

- Мхи были болота от Белѣ озерѣ,
Реки-ты озёра ко Смоленскому,
Матушка Казань подошла под Вострахань,
Она усьём-то пала в Цёрно морё,
5 Ай во тое ли во морюшко во Цёрное.
Справляетце-сподобляетце царь Кѣлина
Он ко стольнему ко городу ко Кеёву,
Он к ласкову князю Владимиру,
Царя со царицей во полон обрать,
10 А душечку царевну во замужесво.
Сберал свою силушку по три году,
Только силы, что и сметы нет.
Приказал своей силы великоей
В одно место бросить по камешку,
15 Тут стала гора превеличайшая.
Выберал своей силы великоей
Самых лучших он татаровьев:
«Вы подите-ко, послы царя Кѣлины,
Подите к стольному городу ко Кеёву,
20 Ко ласкову князю Владимиру.
И у дверей вы не спросите предверницков,
У ворот вы не спросите преворотницков,

Отворяйте вы двери на́ пята,
 И положите камверты на золочен стол,
 25 И пословесно ему й выговаривайте:
 «Солнышко князь стольно-кеевской!
 Уличи ты опахивай, дворы ты очищивай
 И жди-ка царя, царя Ка́лину».
 Тут Владимир стольнѣ-кеевской
 « По терему он побегеваёт,
 Куньей шубой окрываётца:
 «Охти мне, робята, на бяду попал,
 Охти мне, робята, на великую!».
 Завадил Владимир почестен пир
 35 На всих на князей на бѣяров,
 На всих руськихих могущних богатырей.
 Красно солнышко на вечере,
 Почесен пир ни на вѣсели.
 Говорит Владимир стольно-кеевский:
 40 «Ай же вы, князья, князья-бѣяра,
 Вси вы русския могучия богатыри!
 Пособите-ка мне-ка думу думати:
 Не отдать бы нам стольно града Кеева
 И меня, ласкового князя Владимира,
 45 Што ли татаровам поганым».
 Э-за тово стола э-за дубового,
 Э-за тово пиру э-за почесново
 Выходит Алёшенька Попов-то сын,
 Говорит-то он таково слово:
 50 «Ай же, солнышко князь стольно-кеевской!
 Не даим стольного града Кеева,
 Тебя ласкового князя Владимира
 Без войска, без рати без великой».
 Он седлал да уздад добра коня,
 И на коня он клал войлучки,
 На войлучки седѣлышко черкасское.
 Привязовал шолкамы шумаханскома,
 Не ради красы-босы-угожества,

А ради укрепы богатырскойей.
 60 И только видели добра молодца сядуци,
 Не видели в чисто поле поедуци,
 Одна курева стоит да во чистом поле.
 Приезжает далече-далече во чисто поле,
 Ко тому к каменю ко Латырю,
 65 К тому кресту Левонидову,
 Раздёрнул он бел шатёр
 И привязал коня к белу шатру,
 Насыпал пшены да белояроей,
 Поставил он одно дёревцо,
 70 Одно дёревцо поставил десяти сажен.
 И на дёревцо клал он кистоцку,
 Кистоцку клал золощёную,
 Не ради красы ради угожества,
 А ради приметки богатырскойей.
 75 Тут э-за стола э-за дубовово,
 Э-за пиру да э-за почёсново
 Выходит Добрынюшка Микитенец.
 Говорит он токово слово:
 «Ай же, солношко князь стольно-кеевской!
 80 Не даим стольно града Кеева,
 Тебя ласкового князя Владимира
 Мы без войска, без драки великойей».
 Седлал он уздал он добра коня,
 На коня он клал тут войлуцки,
 85 А на войлуцки клал тут потуги,
 А на потуги сидёлышко церкаское,
 Привязывал шелкамы муханскимя,
 Не ради красы-босы-угожесва,
 А ради укрепы богатырския.
 90 Видли добра молодца сядуци,
 А не видели в чисто поле поедуци,
 Одна курева стоит от его от копыт от лоша-
 динных.
 Приехал далече-далече во чисто поле,

- Ко тому ко каменю ко Латырю,
95 Ко тому кресту Левонидову.
Раздёрнул он бел шатёр,
Привязал коня к белу шатру,
Насыпал пшены белояровой,
И поставил он 'дно дёревцо,
100 Одно дёревцо поставил двадцати сажен.
И клал он туды кистоцки,
Кистоцки клал золочёные,
Не ради красы-босы-угожества,
А ради признацки богатырскойей.
105 Тут э-за того э-за стола э-за дубового,
Со тово со перу с почёсного
Выходит старый козак Илья Муромец,
Говорит он таково слово:
«Ай же ты, солнышко князь стольно-
кеевской!
110 Поидем в дáлече-далечé во чисто поле,
Возьми меня да во защитницки,
Времени упросим на два месяца,
Штобы когда было бы нам когда улицы
опахивать,
Дворы-то бы очищивать,
115 Котлы бы навешивать,
Ждать царя, царя Кáлина».
Тут собирались двенадцать богатырев
У того у каменя у Латыря,
У того креста Леванидова.
120 Играли в шашки-шахматы заморския,
Тут оны и послали Алёшеньку Попова сына
Посмотреть во чисто поля.
Приходит Олёшенька Попов тот сын
И тут он говорит, что там поскакиват
125 Удалый добрый молодец во чистом поли,
Добрынюшка Микитен сын.
Уж тут скачили вси двенадцать богатырей
И победили царя, царя Кáлина.

ПРО ДОБРЫНЮ МИКИТИЧА

- Не белая берёза к землѣ клонится,
 Поклоняется Добрынюшка Мякитин сын,
 Он своѣй родимой матушки:
 «Ай же ты, родимая матушка,
 5 Ты зачим меня несчастного спорѣдила?
 Как ты меня несчастного спорѣдила,
 Завернула бы в рукавчик в полотняный бы,
 Выслала бы на матушку Сивонь-горѣ,
 Бросила бы меня бы во синѣ морѣ,
 10 Цем мни ездить нонь
 По двум, по трѣм, четырёх по сторонушкам
 И убивать-то мни бесповиннаих головушк.
 Распрогневался на меня князь да стольне-кеевскій
 Посылает меня в земли во татарские
 15 Сбирать-то он дани-пошлины,
 Дани-пошлины собирать за двенадцать лет.
 А хто там побываѣ, мало жив приезжаѣ.
 Ты прощай-ка, матушка родимая,
 И ты прощай, жана, семья любимая,
 20 Шесть годѣв ты меня пождѣшь
 И не можь дождать — хоть вдовой живи,
 А хоть замуж поди,
 Поди замуж за князей хоть за бояров,
 Не ходи только за Олѣшу за Поповича,
 25 За тоѣо за бабьяѣо насмешника».
 Только видли добра молодца тут сядуца,
 А не видели в чисто полѣ поедуца,
 Только курево стоит от копыт от лошадинаих.
 Времяна идут, быдто реки тякут,
 30 Апося Добрынюшки Микитыча
 Только времени прошло ровно шесть годѣв,
 Не видать Добрыни из чиста поля.
 Со тоѣо со полюшка со чистоѣо
 Бяжит лошадушка ступистая

- 35 Ко тому ко терему сиротскому.
Приезжает к крыльцю да ко перёному,
Привязау коня к кольцю да к золочёному,
Приходит удалой добрый молодец в высок терём.
Крест кладёт по писаному,
- 40 Он поклоны ведёт по ущёному:
«Здрастуйте, Добрынина ты матушка,
[З]драстуйте, Добрынина молода жана.
Я привёз вам весточку нерадосну,
Я видеу Добрынюшку убитою.
- 45 Лежит Добрыня во чистом полі,
Головушкой лежит в ракитов куст,
А резвыми ногами во чистом полё,
Головка у Добрыни поразломана».
Тут заплакала Добрынина-та матушка,
- 50 И заплакала Добрынина молода жана.
Родна матушка плачет до гробных досок,
Молодая жонка день до вечера,
С день до вечера, а слухать нечею,
Тёмна ночь пришла — и танцевать пошла.
- 55 Нацау тут Олëshенька похаживать,
Настасьё-то Микуличну посватывать;
Положила тут она завет друга на шесть лет,
Подождать Добрыню из чиста поля.
Времена идут, быдто реки текут,
- 60 И друго прошло шесть годов,
Не видать Добрыни из чиста поля.
Нацау Олëshенька похаживать,
Настасьё-то Микуличну подговаривать,
И завели свадьбу.
- 65 Тут Добрынина-то матушка
Села под косивчесто окошечко
И закликала унылым, старым голосом:
«Закатилось тёпло красно моё солнышко,
И не пекёт-то больше цвётён месяц».
- 70 Со тою со полюшка со цистою
Бяжит лошадушка ступистая

- Ко тому ко теряму ко цистому,
Ко тому крыльцу да к перёному.
Привязывау коня к кольцу золочёному,
75 Проходил он да на высок терём.
Крест кладёт по писаному,
Поклоны ведёт по уцёному:
«[Э]драсвуйтя, Добрынина-та матушка,
Я привёз вам весточку всерадосну —
80 Скоро будет вам Добрыня из чиста поля».
Говорит Добрыне эта матушка:
«Ай же ты, удалой добрый молодец,
Не смейся над старой над Добрыниной-та матушкой.
Тому времени прошло ровно шесть годов,
85 Как полуцили весточку нерадосну,
Видли там Добрынюшку убитому».
Говорит удалый добрый молодец:
«Ай же ты, Добрынина ты матушка,
Гди же Добрынина молода жана?».
90 — «Добрынина молода жана
Сегодня замуж ушла,
Сегодня у них и пир и свадебка,
За тою за Олёшу за Поповица».
— «Ай же ты, Добрынина ты матушка,
95 Ты подай-ка мне Добрынины гусёлышки яровчатые».
Говорит Добрынина-та матушка:
«Ай жа ты, удалой добрый молодец,
Там к дверям-то кладены придверюшки,
А к воротам приворотнички,
100 Не посадят тебя во высок терём».
Пришоу удалый добрый молодец,
Дал приворотникам по зóлотой по денежке,
И припустили на высок терём

(Вот, перед золотом-то всё расступится). ,

- Сел он на пецку на кирпичную,
105 Нацау он в гусёлышко поигрывать,
В гусёлка-то играет он, поигрывает,

- А припевки припевая от Йиросолима.
По припевацкам Настасья-то заметила,
Наливала-то стакан да зеленá вина:
110 «На-ка выпей, удалый добрый мблodeц,
От меня да зеленá вина,
За твою игру да за весёлую
И за твои припевки».
И выпивал стакан да зеленá вина,
115 Наливал-то ей стакан да мёду сладкого:
«На-ко пей от меня стакан да мёду сладкого,
И пей до дна, то увидишь добра,
А не выпьешь до дна, да и не видать добра».
Тут выпивала стакан да мёду сладкого,
120 Ко устам ей перстень прикатается,
Перстень быў ёй да обруцальный,
Говорит она да таковы слова:
«Ай жа ты, Добрынюшка Мякитин сын,
Мы псовки — жоны мужния:
125 Муж в лес по дрова,
А жана и замуж пошла.
Возьми-ка меня жонку за желты кудры,
А бей-ка меня жонку по нагузку».
Как скоциў Добрынюшка Мякитин сын,
130 Со той со пецки со кирпичной,
Хватаў Олёшу за желты кудры
З-за то́го, з-за́ стола з-за дубово́го
И начаў он по терему поваживать,
А гусёлками по спине ли охаживать.
135 Взяў Настасью Микулицну,
Пошла в свой-ка высо́к терем.

ПРО ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА

Аще жил Буслав да девяносто лет,
Хоть бы жил Буслав и да целу тысяцю,

- Живуци Буслав да он не старилса,
Ай на дѣстали Буслав да ѣ переставилса,
5 С Новѣм-градѣм и да не перѣчелсѣ,
С каменнѣй Москвой да спору не было.
Ай оставалось у него да ѣ цядо милое
Молодой Василюшко Буславиевиц.
Уж как стал он по улицям похаживать,
10 Ай с робятамы-то шуточек он пошучивать.
Только шутки-ты шутит нехорошие:
Кого за руку-та дерне, то рука сы пылеча,
Кого за ногу-та дерне, и нога с колена вон.
Собирались мужики да ѣ новгороцкии:
15 «Ащѣ ай же ты, Васильева ты матушка,
Ты уйми своё да цядо милоѣ!
Ты не уймишь своего да цядо милово,
Будем унимать да всим Новѣм-градѣм.
Мы сведѣм Василюшку ко Волхову,
20 Да пѣхнем мы Василюшка в Волховѣ».
Тут Васильева матушка
Чоботы надернет на босѣ ногу,
А шубу-то накинѣт на одно плечѣ.
И побежала она тут на улицу,
25 Хватала своё цядо милоѣ
А нацала Васильѣ уговаривать:
«Аще жил Буслав да девяностѣ лет,
Хоть бы жил он да целу тысящу,
Живуци он не старилса,
30 А на дѣстали он переставилсѣ.
С Новѣм-городѣм не перѣцелси,
И со Москвой спору не было».
Тут Василий сын Буславович
Накурил Василий зеленѣ вина,
35 И наварил Василий пива пьяново.
На бѣлый двор боцки он выкатывал,
И на боцках подносы поднасывал,
На вѣдрах подрезы подрезывал:
«Этѣ весом цара полтора пуда,

- 40 А кто выпьет эту цару зелена вина,
Тот поди ко мни на поцестен пир».
Собирались мужики да новгороцкии
Ко Василию да на поцестен пир.
Увидали подписи подписаны,
- 45 И увидели подрези подрезаны:
«А к цѣрту же Василия со чесным пиrom!
Нам не выпить этой цары зелена вина,
И не вытерпеть вязу цервленово».
Идѣт-то маленькой Потанюшка,
- 50 На правою ноженьку припадает,
На небо он де поглядает.
Говорят-то мужики да новгороцкия:
«Не ходи, Потаня, на почестен пир.
Не выпить тебе цару зелена вина
- 55 И не вытерпеть тебе вязу цервленого».
Пришел маленькой Потанюшка,
Хватил он цароцку одной рукой,
Выпивал он цароцку одним духом.
Прибежал Василий сын Буславович,
- 60 Ударил-то его вязом-то цервленым —
Стоит Потаня не стряхнетца,
Ево желтые кудѣрка не сворохнетца,
Говорит Василий сын Бославъевич:
«Ай же ты, маленькой Потанюшка,
- 65 Пойди ко мни да во дружинушки».
И пили с Потаней они дѡпяна,
И ели с Потаней дѡсыти,
И гуляли с Потаней дѡлюби.
Тут мужики новгороцкия
- 70 Заводили они почесен пир,
Накурили оны зелена вина
И наварили пива пьяново,
Всех князей-бояр на пир позвали,
А Василия Буславьева не позвали.
- 75 Говорит Василий сын Буславъевич:
«Ай же ты, матушка родимая,

- Спусти сходить да на почесен пир
Вдвоём с маленьким Потанюшкой».
- Говорит Василью ведь и матушка:
- 80 «Ай же ты, Василий сын Буслаевич,
Вси гости придут на пир званья,
А вы придите низванья,
А низванным гостям в перу места нет».
- «Ай же ты, матушка родимая,
- 85 Спусти нас сходить да на почесен пир.
Куды нас посадят, мы там сидим,
А что можем достать, то едим да пьём».
- И пошли оне на почесен пер.
Приходят оны на почесен пер.
- 90 Крес кладут по писаному,
Поклоны ведут по уцёному:
«Здраствуйте, мужики новгороцкии!».
- «Здрастуй, Василий сын Буславьевич!
Ты садись, Василей, во большом углу».
- 95 Кормили Васильюшка тут досьты
И поили Васильюшка досьяна.
- «Ай же ты, Василий сын Буславьевич,
Побейся с намы во велик заклад,
Што завтра-та итти да к реки Волховой,
- 100 Нам-то битыцэ всим Новы-градом,
А вам двоима со Потанюшкой».
- Он хмельним умом да пьяным разумом
Побиўся с нима о велик заклад,
Что им-то битыца всим Новым-градом,
- 105 А Василью двоима со дружиною.
Приходит Василий со чесна пера,
У Васильюшка головушка повешона.
- Говорит Василию тут матушка:
«Што у тя головушка повешона?»
- 110 Верно царой тебя там пообнесли,
Либо пьяница-собака обесчестила».
- Василий-то матушки ответу не мог подать.
Говорит-то маленька Потанюшка:

- «Были вчерась на цесном пири,
115 И побился Василий о велик заклад:
Што завтра-то итти к реки Волхову,
Йим-то битцы всим Новы-градом,
А нам с Василием Буславьевичом».
Тут Васильева-то матушка
120 На миску клала чиста серебръ,
А на другую клала чиста золота,
И побежала она да на поцестин пир.
Крес кладёт да по писаному,
Поклон вела по уцёному:
125 «Здравствуйте, мужицки де новгороцкия,
Вот вам дороги подароцки.
Вы простите-ка Васильюшка во той вины,
Што побился с вами о велик заклад».
Говорят мужики новгороцкия:
130 «Не простим Васильюшка во той вины,
А сведём ли Васильюшку ко Волхову,
Пихнём мы Васильюшка во Волхово,
Повладеем ево конями-то добрыма
И всем имением-богацесвом».
135 Она крес на лице и с теремъ долой.
Ударила чоботом во липину,
Улетела эта липина во задний тын,
Вси крыльца-перильца покосилися.
Тут ставал поутрушку ранёшенько
140 Василий сын Буслаевич,
Пошел на Волхово помытися.
Идёт-то девушка черनावушка,
Говорит Василью Буславьеву:
«Ай же ты, Василий сын Буславьевич,
145 Затым прибили твою дружинушку
Во чистом поли?».
Тут Василий сын Буславьевич
Шубу накинул на одно плечо,
А шляпу-то надвинул на одно ухо,
150 Хватил он свой цевленой вяз,

- Побежал он к рики Волховой.
Идѣт-то старцище Ондронцище,
Его-то крѣсной ведь батюшко,
И на головы несѣт Софеин колокол,
155 Он удариу старцище Ондронцище
И расколол Софеин колокоу.
Как пришоу он к реке Волховой,
Начал Васильюшка поскакивать,
Своим-то вязом помахивать.
160 Куды махнѣт — падут улицмы,
Отмахнѣт — да переулкамы.
Тут мужики да новгороцкия
Побежали ко Васильевой матушки:
Ай же ты, Васильева ты матушка!
165 Ты уйми своё цado милое,
Оставьте вы люди хоть на сѣмена».
Говорит Васильева матушка:
«Не уйму Васильюшка Буславьева,
Не простили вы вицор во той вины».
170 Сама цѣботы надернѣт на босы ноги,
Шубу накинѣт на одно плещѣ.
Прибязала она к рики Волховой
Ихватила Васильюшку под пазуху,
Нацала Василья уговаривать:
175 «Жиу Буслав да девяносто лет,
Хоть бы жыу Буслав да целу тысяцу,
Живуцы он не старился,
На досталь он переставилси,
С Новы-градом не перецилсѣ,
180 И с каменной Москвой спору нѣ было».
Тут говорит Василий сын Буславьевиц:
«Ай же ты, матушка родимая,
Я вцорась пришоу да не поужинау
И севодни-то пошоу да не позавтракау,
185 Дай хоть сѣгодня пообедати».
Ели оны дѣсыти, пили дѣпяна.
Говорит Василий сын Буславьевиц:

- «Ай же ты, матушка родимая,
Мы согрешили большое пригрешение,
190 Спусти нас да в Еросóлим-град
Ко христову гробу приложитися,
И ко святом телу помолитися».
И говорит Василью матушка:
«Еть можно и дома богу помолитися».
- 195 — «Нет, спусти нас в Еросóлим-град».
И пошли оны в Еросóлим-град
Двоима со Потанюшкой.
И пришли на гóру Сионьскую,
И лежит на гори кось сухоялова,
200 Они нацали эту кось попиновать.
Говорит кось голосом человеческим:
«Хоть меня бы, кости, не попинывали,
Мало ляжит со мной да во товарищах».
Говорит Василий сын Буславьевиц:
205 «Ни сама спала — себе сон видела».
И пришли оны в Еросóлим-град
И ко христову гробу помолитися,
Христову телу приложитися
И в Ердан-рики да окунались.
- 210 Говорит йим девушка черनावушка:
«Наим телом в Ердан-рики не купляцца».
И пошли домой Василий сын Буславьевиц.
Гди лежала кось да сухоялова,
Тут лежит синь камень.
- 215 В одну сторону камень двадцать сажён,
А в другу сторону камень десять сажён.
Говорит Василий сын Буславьевиц:
«Ай же ты, маленькой Потанюшка,
Ну скажи поперёк камня,
220 А я скажу да вдоль камня».
Скажил Василий сын Буславьевиц,
И грудью-то он пал о синь камень.
«Ай же ты, маленькой Потанюшка,
Ты пойди скажи да моей матушки,

- 225 Пусь поминает меня да добра молодца».
 Тут и концился Василий сын Буславъевич.

ПРО СОЛОМАНА

- Ай за славным было за синим морём,
У прекрасного царя Василья у Окульева,
Аще быу да у него да ведь почестен пир
Ай на всих князей и на бояров,
5 На всих руських могучих богатырей.
Аще красное да солнышко на вечери,
А почестен пир-то быу на весели,
Ащи вси на пиру пьяны-веселы.
З-за того з-за стола да з-за дубового,
10 Ай з-за того пиру да й почесного,
А выходит-та прекрасный царь Василий-то Окульевич.
Ай уж он бьёт князьям целом да покланяетце:
«Ай же вы, князи, князи-бояры,
Аще да й накормлены,
15 Ащи вси да на пиру да вы напойны,
А вси вы на пиру да поженены,
Аще я у вас один да холос-няженат.
Ай уж вы дайте-ка мне да супротивную,
А чтобы стаником она была со мной равнёшенька,
20 Аще росту была высочешенька,
Аще очи-то были да ясно сокола,
Аще брови у ней чорна соболя,
Ай волосом желта, да й умом сверста».
А з-за тово стола да дубового,
25 З-за тово перу да почесного
Ай выходит вор Ивашка Псваренин,
А бьёт царю да покланяётца:
«Аще ай же ты, прекрасный цар ты Васильевич!
Уж я знаю-то тебе да супротивную,
30 Есть за славным да за синим морём,

- Аще есть да у царя да у Солóмана
Аще есть царица Солóмания.
Ай она стаником с тобой будё равнёшенька,
Аще расту-то она да высокёшенька,
35 Аще очи-то у нёй ясно сокола,
Аще брови-то у ней черна соболя,
Волосом желта да умом свёрста».
Аще тут прекрасный царь Василий Окульевич
А й он ударил-то Ивашко по той стороны,
40 Переправил он Ивашку по другой стороны:
«А уж ты, вор Ивашка ты Поваренин,
Как можно у жива мужа жёну отнять?»
А тово Ивашка не пытаючи
Биёт целом царю да поклоняетца:
45 «Аще ай же ты, прекрасный царь!
А знаю жива мужа жену отнять.
Ты сострой-ка мни кораблицки цевленыя,
Ты пороссади там садочки зелёныя,
А сделай-ка ты рыбьядую беседушку,
50 Посади туды птицушек райских,
Чтобы пели песенки царские.
А клади-ка туды кроваточки тесовые,
На кроваточки периночки пуховые,
А клади-ка туды зановесочки кружатой камки,
55 А клади-ка туды питья забидущии,
Солóманную ¹-то шубу соболиную,
А царице-то комбцеку кружтатую.
А хоть не дорога комбцика кружтатая,
Только дороги узоры-ты заморские».
60 А тут послушал прекрасный царь Василий
Окуловиц
Уж он сделал рыбьядую беседушку,
Пороссадил там садочки зелёные,
А штобы пели там песенки да царския,
Посадил он туда птичушек да райских,

---

¹ Для Солóмана.

- 65 Аще клал кроваточки тесовые,
На кроватоцки периночки пуховыя,
А навлощицки клал туда ситцевы,
Зановесоцки-то клал да крущатой камки.
Уж он клал питья забидущи,
70 А Солóману-то шубу соболиною,
Сорок-то соболей-та со куницею.
А царице-то комбóеку крущатою.
А хоть не дорога комоцека крущатая,
Только дороги узоры-ты заморския.
75 Скоро скажитца да тихо делатца.
Полител Ивашка за синé морé.
И приезжал Ивашка за синé морé
Ко тому ко крутому ко бéрежку.
Он выкидывал подмостоцки дубовыя,
80 А приходил к Солóману да под окошечко,
Закрывал своим громким голосом:
«А што в доме есть да Солóман царь?».
А Солóмана-то в доме не слуцилоси,
А слуцилась царица Соломáния.
85 Она бросилася вся по плец в окно:
«А ты поди, Ивашка, на высок терём».
А пришол Ивашка на высок терём».
А он крес кладёт да по писаному,
Он поклоны-то ведёт да по уцёному:
90 «А здравствуй ты, царица Соломания!
Аще вот ти дороги подароцки,
А Солóману-то шубу соболиную,
А тебе комбóику крущатую,
А поди отсени ¹ живот у меня на содах,²
95 Чтоб было из цево торговать,
Аще вам дабы платить пошлину».
А царице-то подароцки [в] цесть пришли:
«А торгуй, Ивашка, хоть и год поры,

---

¹ Оцени.

² На судах.

- А хоть ты торгуй, Ивашка, две поры,
100 А торгуй, Ивашка, ровно три году.
А тут Ивашка не пытается,
'Ще бьетца целом, царице поклоняетца:
«Поди отсени живот у меня на содах!».
Тут царица Солóманья
105 Еще мылась она всё белёшенько,
Одевалась хорошехонько,
А пошла она на суды цервленья.
Ай увидла она садики зелёныя,
Ай увидла птичушек райских,
110 Что поют-то оны песенки да царския.
Ай увидла столички дубовыя,
Увидала тут краватоцки тесовые,
Аще тут царица садиласи,
Ащи тут царица принапилоси,
115 А тут царица оввалилоси.
Аще тут Ивашка Поваринен
Он раздёрнул тонки белы парусоцики,
А полител Ивашка э-за синя моря.
Среди моря царица прохмелилоси,
120 Среди моря царица прохватилоци,
Нацала царица горько плакати,
Ай начау Ивашка уговаривать:
«Аще бог снесёт за славное за сине море,
Аще выдаем мы тебя заму́ж за дру́гого,
125 А за прекрасного царя Васи́лия за Оку́льева».
Скоро скажетца да тихо деетца.
Приезжали-то они за синé морé.
А сретал прикрасной царь Васи́лий-то Оку́ловиц,
А сретал царицу Соломаньею,
130 Ащи брал её за́ руки за белые,
Целовал он во уста саха́рнии.
А сходили-то оны да во божью церкву,
Аще приняли оны да золоты венцы.
Аще жили-то оны да всё по три году,
135 А во великом совети да во любви.

- Аще тут Соломан царь Давыдьевич
 А сберал свою силушку по три году,
 Аще коней он людей да всё крылатых.
 А полител Соломан за синё морё.
 140 А по край моря он силу останывывал,
 А своей силушки наказывал:
 «Ай же ты, моя сила великая!
 Перьвой раз я затрублю во туриной рог —
 Вы седлайте, вы уздайте вы добрых коней.
 145 А по другой раз я затрублю во турий рог —
 Садитесь вы да на добрых коней.
 А по третий раз я затрублю во турий рог —
 И приезжайте в далече в далече во чисто полё».
 А Соломан царь да Давыдьевич
 150 Пришел он к Василье-ту Окульцу да под окосецко:
 «В доме ль есть прекрасный царь Василий
 Окулевич?».
 А Василия Окулева в доме не случилоси,
 А случилось-то царица Соломания.
 Ай ена бросилась вся по плеч в окно:
 155 «Ты ступай, Соломан, на высок терем!»
 И пришел Соломан на высок терем.
 Кормила тут Соломана досьти,
 Поила-то Соломана досьяна,
 Говорит она да таково слово:
 160 «Ай же ты, Соломан царь Давыдьевич!
 Скоро надо быть Василью-то Окульцу.
 Ты ступай, Соломан, во кован дарец».¹
 А он хмельным умом да пьяным разумом
 И сел Соломан во кован дарец.
 165 А приходит прикрасной царь Василий
 Окулевич,
 И говорит царица Соломания:
 «Коно боялись мы по три году,

---

¹ Сундук. — Примеч. исполнителя.

- Тот-то у нас да во кован дарці
И под моей под . . . . . под бабией.
- 170 Есь Соломан хитёр-мудёр,
Есь у нёго сила великая,
Козни Солóмана наскори́!».
- Говорит Солóман царь Давыдьевич:
«Ай же ты, прекрасный царь Василий Окульевич!
- 175 Не слухай бабы, бабы стра́мницы.
Кабы она умная была да всё разумная,
Не пошла бы она на́ суды цёрвленные
И не вышла бы замуж за дру́гого.
Ни казни Солóмана по холопьюму,
- 180 А казни Соломана по царскому,
Чтобы было слышно по всем землям,
Что царь царя казнил да во чистом полі.
Ты пошли своих верных слуг,
Пошли во чисто полё,
- 185 Пусть поставят там столбицки тоцёные,
Кладут там грядочки орлёныя
И повесят петелку шелковую,
Да тут меня да вы зада́вите».
- Тут прикрасный царь Василий Окуловиц
- 190 Послал своих верных слуг:
«Вы пойдите-подите, слуги, слуги верныя,
Поставьте столбицки тоцёныя,
Туды кладите грядочки орлёныя,
И привяжите тую петелку шелковую».
- 195 И повели Солóмана во чисто полё.
Говорит Солóман царь Давидьевич:
«Ай же ты, прекрасный царь Василий
Окульевич!
- Перьва-то карёжка¹ сама идёт,
А другую за собой ведёт,
- 200 А третью будто цёрт несёт».
- Говорит царица Соломания:

---

¹ Повозка.

- «Ай же ты, прекрасной царь Василий Окуловиц!
Он первую петлю пройдёт хитростью,
А другу пройдёт своей мудросью,
205 Есь Соломан хитёр-мудёр».
Отпоясала от себя шелков поёс
И привязала петелку шелковую:
«А в третью он да повеситца».
Говорит Соломан царь Давыдьевич:
210 «Ай же ты, прекрасной царь Василий Окуловиц!
Я охотник смолода был коров пасти
И стрелять да гусей-лебедей,
И дай ты мне при скорыя смерётушки
Во турий рог потешитьца».
215 Как первый раз он затрубил во турий рог —
У моря пошел шум велик.
Говорит прекрасный царь Василий Окульевич:
«Что это у моря шум велик?».
— «Вси птицы-звери срадовалися
220 И вси летя на царскую смерётушку,
А я охотник был стреляти да гусей-лебедей».
Как во другой раз он затрубил во турий рог —
Аще больше пошел у моря шум велик,
А как третий раз он затрубил во турий рог —
225 Налетела силушка великая.
В первую петелку клали прекрасново царя Василия
Окуловица,
А в другую петелку Ивашку Поваринова.
Тут царица и заплакала:
«Ахти мне да я погинула!
230 Ты прости, Соломан-то, меня во той вины».
Говорит Соломан царь Давыдовиц:
«Во первой вины тебя бох простит,
Что пошла ты на суды цервленья.
И в другой тебя вины бох простит,
235 Что вышла замуж ты за другого.
А в третьей вины не могу простить,
Что отпоясала от себя шелков поёс

И наладила петелку шелковую».

И в третью петелку повѣсили царицу Соломанову.

240 Тут Соломан царь Давидъевич

Сберал свою силушку великую

И полетел за славно за синѣ морѣ.

Тут всё прикончили — и царя и царицу. Ну и всё.

КУЗЬМА ДМИТРИЕВИЧ АНДРИАНОВ

Былины от К. Д. Андрианова (в томе I он именуется по местному произношению — Андрейнов) записаны в 1931 и 1932 гг. Он был в то время членом колхоза и школьным сторожем в д. Конда Сenniогубского сельсовета Заонежского района. Было ему 57 лет.

В свое время Андрианов побывал в разных городах: в Петербурге, Петрозаводске, Новгороде. Служил на действительной военной службе и участвовал в войнах японской и первой мировой.

В 1932 г. он имел средний достаток, занимался разными ремеслами: шил и чинил сапоги, портняжил, вязал сети, шил шапки и рукавицы. В обращении был приветлив, весел, любил побалагурить.

Сам Кузьма Дмитриевич считал себя более сказочником, чем «старинщиком». «Я вот что скажу, — заявил он после записи у него осенью 1931 г. былин о Кострюке и о Гришке-Расстрижке: — те былины, что помнил, сказал, а другие не буду, плохо помню, а оконфузиться передо всеми не хочу, потому знаю — потом с другими, досюльными, сличать будут. Вот сказки хорошо помню, их скажу непременно. Их много знаю». Тем не менее в январе 1932 г. от него удалось записать еще былины о Добрыне и о Чуриле и отрывок былины о Дунае. Записано от него было и несколько сказок: «Агало и подлыгало», «Догадлива старушка» и «Как из скотины люди бывают». Из своего сказочного репертуара он называл еще «Португя-прапорщика», «Ивана-царевича», «Старуху и лапотъ», «Перевозчика». Кроме того, он знал несколько духовных стихов (про Егоря и про Алексея-человека божия), ряд песен — солдатских и свадебных, а также пародии на церковные песнопения, сочиненные монахами Клименецкого и Соловецкого монастырей, где он временно работал. Знал он также и несколько заговоров. Записанные от него сказки обнаруживают явную тенденцию к реалистическому стилю и к сатире. Они направлены на обличение и осмеяние

чванных и глухих богачей: богатых попов, помещиков («Агало и подлыгало»), а также на обличение мошенников полицейских и судей (сказка «Как из скотины люди бывают»). Особенно большой социальной заостренностью отмечена упомянутая сказка «Как из скотины люди бывают», социальный смысл которой раскрывается в заключительных словах старика: «Скотина скотиной и останется, хоть и судья. Был бы от нас, от человека, так не то бы, а то как от скотины, так скотина и будет».

В этих сказках ярко отразилась идеология крестьянина, которому с малолетства пришлось испытать тяжелую нужду, жизнь впроголодь и колотушки в «ученье» у «хозяев».

Под диктовку К. Д. Андрианова Н. Котляровой была записана его автобиография, содержащая яркие штрихи дореволюционного быта.

Отмеченные художественные тенденции сказались и на его былинном знании. И здесь мы видим тяготение к реалистическим образам. Но былины никогда не стояли в центре его интереса и внимания. Научился он им вследствие особой обстановки своего детства.

«Былины узнал я от бабушки своей, Андриановой Степаниды Егоровны; 85 лет она жила, последние восемь лет была слепой. А я сиднем сидел, английская болезнь была. Так мы и сидели, двое калекушек (я ведь до семи лет не ходил), ну вот она мне и рассказывала да пела, а я слушал да подпевал». Впоследствии, в годы «ученья», ему приходилось петь и на людях: «Потом уж, когда молодым человеком был, так запоешь бывало былины старинную какую, всей семьей хозяин слушать приходил. Гостей приглашал меня слушать».

В годы записи Андрианов былины только помнил. Ни для других, ни для себя он их уже не исполнял. Его дети, знавшие сказки и песни, былины не пели. Об Андрианове, как исполнителе былин, вообще в деревне знали мало. Этим, очевидно, и объясняется, что экспедицией ГАХН в 1926 г. от него записей произведено не было. Кроме своей бабушки, в качестве источников былинного знания, он называл Домну Васильевну Сурикову (сказительница, от которой записывал Гильфердинг: «Онежские былины», №№ 138—143), Татьяну Васильевну Ермолину и Дарью Филипповну Дутикову, певших былины на «беседах».

Былины его отличаются краткостью, совершенно лишены характерных украшающих приемов эпического стиля и включают чисто прозаические сказочные обороты речи. Напр.: «Не долго молодцу пришлось в поле ратовать и не долго пришлось ему козаковать, заболела его родитель-матушка»; или: «Горит у ево кровь молодецкая, да играет сила богатырская, опять стал класть поклоны родителю-матушке». Несмотря на то, что Андрианов свои былины частично пел, он является типичным для современности былинщиком-«рассказчиком», который лишь сохраняет при помощи дактилических окончаний стихов некоторое подобие былинного ритма, удерживая этим былинку от окончательного превращения в прозаический рассказ-сказку. Особенно характерна в этом отношении былина о Добрыне Никитиче.

В соответствии с этим усилены реально-бытовые и психологические моменты. В былине о Добрыне мать советует сыну жениться «на скромной девушке». Отъезд Добрыни мотивируется тем, что «надоело добру молодцу в углу сидеть, любоваться со своей молодой женой». Настасья Микулична на свадебном пиру «сидит она прикручинившись и сидит она пригорюнившись, вспоминает о Добрыне о Никитиче, о своем милом о возлюбленном». В былине о Чуриле неверная жена Ермака Васильевича обращается к мужу с укором: «Где ходил ты шаялся да путался со чужима любимима женами?». Следует отметить, что элементы социальной сатиры, характерные для олонечкой традиции, Андриановым сохраняются несмотря на все сокращения текста. Так, роль Владимира, интригана и насильника, в былине о Добрыне достаточно выпукла. Развязки былинного действия своеобразны: Чурилу обманутый муж «стащил его да в быстру реченьку». В былине о Добрыне бояре, решив, что Настасья Микулична должна остаться женой Добрыни, «посмеялись да разъехались». Расправа с Адешей исключена.

Самоучкой овладев грамотой, К. Д. Андрианов не только знал былины и сказки из устной традиции, но и читал их в книгах. Происхождение былин он относит ко времени киевского князя Владимира и любит порассказать об исторических основах их. «Во княжестве, во Киевском это, при князе Владимире, много былинщиков да песенников было. От киевского княжества и пошли эти самые былины все. А ведь многое, что в былинах написано, верно было. Уж так, зря, вряд ли бы врать стали. Верно, и Илья Муромец удалый был, и Добрыня Никитьевич, и Адеша Попович. Да, вот богатыри так богатыри были!».

ДОБРЫНЮШКА НИКИТИЧ

- Что не белая берёза к земли клонитце,
 Приклоняетца Добрынюшка Микитен сын
 Ко своей ли ко родители ко матушке,
 Ко чесной вдове Афимьи Александровне:
 5 «Ой ты гой еси, родитель моя матушка,
 Ты чесна вдова Афимья Александровна!
 Ты пусти-ка меня молодца поратовать,
 Во зелёный луг да показаковать,
 Поискать себе поперщика,
 10 Научитьца защищать стольно-Киев-град».
- Оседлал Добрынюшка добра коня.
 Надел на ево сидёлышко черкасское,
 И надел на ево уздечку набранную.
 Уселся на коня и был таков,
 15 Только ископоть летит в чистом поле
 От ево от копыт от лошадинаех.
 Не долго молодцу пришлось в поле ратовать.
 И не долго пришлось ему козаковать,
 Заболела ево родитель матушка,
 20 Стала приказывать она свою сына милово:
- «Поезжай-ка ты, Добрынюшка Никитич сын,
 Поезжай-ка ты ко родитель ко матушке,
 Да время тебе молодцу жениться».
 — «А на ком я буду, матушка, жениться?»

- 25 «Ты женись-ка на Настасьи на Микуличной,
На той на скромной на девушке».
И пошли они к князю Владимиру
Просить прощенья-разрешения
На пир на весёлую свадьбу.
- 30 Вот и дал разрешение стольний князь:
Пусть женится Добрынюшка Никитин сын
На той на Настасьи на Микуличне.
Надоело добру молодцу в углу сидеть,
Любоватьца со своей молодой женой,
- 35 Горит у ево кров молодецкая,
Да играет сила богатырская.
Опять стал класть поклоны родителю-матушке
Да сказывать всё молодой жены:
«Ты прости меня, родитель-матушка,
- 40 Да пусти меня в поле поратовать,
Во зелёный луг показывать».
Стал наказывать он молодой жены,
Молодой жены Настасьи Микуличне:
«Ты прости меня, молода жена,
- 45 Я уеду на долгое времечко,
Не на год, не на два, а на много лет
Защищать стольно-Киев-град.
Ты не жди меня прежде шести лет,
А потом не жди еще пять лет,
- 50 А потом не жди еще три года,
А на тринадцатый год и домой приду».
Тут заплакала Настасья Микулична:
«Как теперя я остануся —
Не девица, не вдова и не мужня жена».
- 55 В это время у князя Владимира
Служил млад богатырь Алёша Попович сын.
Пора настала молодцу жениться,
Пора ему стало ехать свататьца,
А на ком это жениться — он не знает сам.
- 60 Пондравилась ему Настасья Микулична,
Стал просить он князя Владимира,

Чтоб разрешил взять Настасью Микуличну.
А любил же его Владимир-князь
И сказал Алёше, что это будет так:
65 «Коли так нейдёт, то мы силѡм возьмём,
Будет она у тебя жить да веселиться
И не будет вспоминать Добрыню Никитича,
А Добрыни Никитича уже жива нет».
И началось у них тут пиროваньице
70 В теремах у князя у Владимира,
Все пьют да едят да веселятца всё,
Одна только Настасья Микулична
Сидит она прикручинившись,
И сидит она да пригорюнившись,
75 Вспоминает о Добрыне о Никитиче,
О своем о милом о возлюбленном.
Во время пира весёлого
Приезжает ко двору скоморошена.
Скоморошена был этот с гуслими,
80 С яровчатома гуслими веселома,
И проситца у слуг на почесный пер,
На почесный пир на пиrowаньице,
На свадьбу Алёши Поповича
И молодой ево жены Настасьи Микуличны.
85 Доложили князю Владимиру
О приходе гусяра веселого.
— «Ну да и пусь посидит он за печкою,
Поиграет он, а мы послушаем».
Играет гусяр да всё с напевами,
90 Припевает к Настасьи Микуличне.
Услышила Настасья Микулична
Голос любимово свою Добрынюшки Никитича
И говорит она тихим голосом:
«Нельзя ли будет мне гусяра попотчивать
95 Чарою зеленá вина?».
Князь Владимир даёт разрешение
Угостить гусяра весёлого.
Тут сошел с печи Добрынюшка Никитен сын

И пьёт от молодой бокал зелёного,
 100 Запивает другой мёду сладкого,
 Потом просит у князя разрешения
 Попотчевать молоду жену Алёши Поповича
 Чарою хмельного,
 А сам спустил на дно золото кольцо,
 105 Золото кольцо обручальное,
 Которым обручались с Настасьей Микуличной.
 Выпила Настасья Микулична
 До дна чару горького,
 Увидала на дне своё кольцо,
 110 И радостью она возрадовалась,
 Глядя на Добрыню Микитивича:
 «Ох ты гой еси, мой дорогой супруг,
 Дорогой супруг, Добрыня Никитич сын!
 Ты прости меня бабу неумную,
 115 Неумную бабу, неразумную,
 Что покинула тебя добра молодца,
 Не выдержала твоего слова заветново».
 — «Прощаю тебе за бабий ум,
 Дивлюсь только на князя Владимира,
 120 Что у чужого мужа жену сватает».
 Изумился тут Владимир-князь,
 Глядя на сцену великую,
 Зашумели тут вси князья-бюеры,
 Зашумели могучие богатыри:
 125 «Это что за пир, когда два мужа
 У той у Настасьи Микуличне?».
 Что судили-решили, придумали,
 Что Настасья-то есть Микулична
 Молода жена Добрыни Никитича
 130 И должно быть, как и бог велел,
 Что принят закон во божьей церкви
 С тем с Добрыней с Никитичем.
 Посмеялись все бояре да разъехались
 С того со пира великого,
 135 И не хвалили они князя Владимира

За такие поступки неважныи.
А богатырь Добрыня Микитен сын
Взял тут свою молодую жену
И поехал ко своей родитель-матушке.

ЧУРИЛУШКА ПЛЕНКОВИЧ

- Кто, кто у сенцей колотитца?
А колотитца Чурилушка Плёнкович,
Плёнкович Шеголёнкович.
Выходила Катерина Николаевна
В одной тонкой сорочичке в поясе,
В тонких белых чулочках с чёботами.
У ней женские волосы приубранные,
Приубранные да призачёсанные:
«Что же ты, Чурилушка, вчера не бывал?»
10 Медовые пѣтъица не питы стоят,
А сахарные яства да не ёдиныя».
Проведала девушка чернавушка
О злом о госте Чурилушке о Плёнковиче.
«Я скажу Ермаку сударь Васильевичу!».
15 — «А как не скажешь ты, девка, — сарафан куплю,
Да не скажешь ты, девка, — бошмачки куплю,
А если скажешь ты, девка, — тебе голову срублю».
Кто, кто у сенцей колотитца?
А колотитца Ермак сударь Васильевич.
20 Выходила Катерина Николаевна
В одной тоненькой сорочичке без пояса,
В тонких белых чулочках без чёботов,
У ней женские волосы неубранные,
Неубранные да порастрёпанные:
25 «Где же ты, Ермак сударь Васильевич,
Где ходил ты шлялся да путался,
С чужима любимима жонамы?».
Проведал Ермак сударь Васильевич

- Об том об Чуриле об Плѣнковиче,
30 Что Чурила-то Плѣнкович на дому
у него есть.
Рассказала ему девушка чернавушка,
Разыскал он Чурилу Пленковича,
Да сохватил его за желты кудри,
Да стащил его да в быстру реченьку.
35 Тем и кончилась у них вся любовь.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ

- Как во стольном было городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира,
Почѣсный был пир-пированье.
Уж как все-то на пиру пьяны-веселы,
5 Уж как все-то на веселье поросхвастались.
Один-то из них хвастал боярами,
А другой из них кресьянами,
А умной-то хвастал отцом-матушкой,
А безумной-то хвастал молодой женой.
10 Олѣша-то Попович своей смелосью,
А Дунаюшка Иванович тот силой богатырскою.
Тут ведь он просил князя Владимира
На заморской царевне свататьца,
На Настасье королевичне.

(Забыл, какого царства-го),

Ну а сам Владимир на Апраксии королевичне сватался, ну и как будто они пировали вместе с князем Владимиром. «Ну уж как оны не дают, так мы силою возъмём», — повыше себя-то захвали. Против их пошли еще войной.

Потом оны усмирились и сосватали за князя Владимира и за Дуная Ивановича.

(Дальше не помню, что еще было, как у них тут).

БЫЛИНА О КОСТРЮКЕ ЦЕРКАШЕНИНЕ

- Кострюк Церкашенин
 Он тридцать лет воевал,
 Пятьдесят борцов поборол,
 Не мог силы отведати
 5 Он плеча богатырского.
 Вот царица крымская,
 Она дочь царя турецкого,
 Выходила на красно крылечико
 Да кричала во всю голову:
 10 «У вас есь ли борцов да удалых молодцов
 С Кострюком поборотися,
 Ево силы отведати?».
 Тут возвались два воина:
 Михайла Иванович
 15 Да Василий Степанович.
 Богатыри вдруг схватилися
 И с победой очутились.
 Кострюк Церкашенин
 Взял Михайлу он за бороду.
 20 Тут Михайла расходитце,
 Да Михайла рассердится,
 Схватил Кострюка да Церкашенина,
 Схватил ево за волосы.
 Через яства сахарныя,
 25 Через питья медовыя,
 Кострюк через стол скочил,
 Кострюк глаза вытаращил.
 Тут греху сочинилося —
 За скамью зацапилося
 30 И скамью он к порогу сволок,
 Тут тридцать татар задавил,
 Пятьдесят голов покатыл.
 Тут схватили Кострюка да Церкашенина
 И руки яму выламали,

35 И ноги яму выламали,
Да глаза яму повыкололи,
Да и с платьев ево вытряхнули.
Оказался Кострюк Церкашенин,
Оказался он девушкой.
*(Ну верно и всё, уж оказался девушкой.
так и концец.)*

108

ГРИШКА-РАССТРИЖКА
ИЛИ СМУТНОЕ МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

Заместо царевича Дмитрия
Приехал в Москву самозванный царь,
Самозванный царь Гришка Отрепьевич,
Расстриженец монах стольно-киевский.
5 Назвался собака прямым царём,
Прямым царём, царём Митрием,
Царём Митрием да Московским.
Не успел вор-собака воцариться,
Как захотел вор-собака жениться
10 У Юрья пана Сердобольского
На самой на меньшей на дочери,
На душе на Марине на Юрьевне.
Пир-свадьбу играли в Филиппов пост,
А венец принимали в Николин день.
15 Дотянулось это дело до велика дни,
До велика дня до христова дня.
У того у Ивана Великово
Ударили в большой во колокол,
Все князья да бояре во церьков пошли
20 Ко той ко христовской заутреней,
Вор Гришка-расстрижка во мыльну пошел
Со душой со Мариной со Юрьевной,
На Гришке кафтан восемьсот рублей,
На Марины кунья шуба в целу тысячу.

- 25 Все князья да бояры богу молятца,
А вор Гришка-расстрижка в мыльне моетца.
Все князья да бояре от обедни идут,
От той от христовской заутреней,
А вор Гришка-расстрижка из мыльной идёт
30 Со душой со Мариной да Юрьевой.
Рассердились бояре московския
На тово на царя на фальшивого,
Говорят бояре один с другим:
«Не Димитрий это есть, а болтун какой,
35 Скорее, что Гришка Отрепьевич.
Дмитрий убит был во Угличе,
Ево мощи схоронены под божью церкву».
А Гришку убили в храброй Литвы
У тово у паня Сердобольского,
40 А поганое мясо собакам бросили

Настасья Степановна Богданова

НАСТАСЬЯ СТЕПАНОВНА БОГДАНОВА

Настасья Степановна Богданова — одна из выдающихся носительниц фольклора в XX в., настоящая большая артистка, с широким и разнообразным репертуаром. Ее богатые природные данные и большое мастерство как вопленицы и исполнительницы «досюльных» песен были отмечены в печати еще в 1900-е годы. В 1902 г. С. А. Лосев писал о ней в «Олонецких губернских ведомостях» (№ 81): «Тяжелая крестьянская жизнь наложила на ее лицо свою печать, тем не менее голос вопленицы и в настоящее время блестит остатками того, что называется колоратурным сопрано, регистр голоса ее, можно сказать, очень коротенький, но и эти остатки голоса заставили нас предположить, что в годы молодости Степановна обладала сильным и богатым колоратурным сопрано... Мелодия, исполненная Степановной, полна неподдельного чувства, глубокой думы, думы исторической, а когда две первые строки соединяются в одну сложную, получается такая художественная композиция, что положительно заполняет сердце». Тогда же были произведены первые записи от Н. С. Богдановой — былины и причитаний, опубликованные: первые — в книге Шайжина «Олонецкий фольклор» (Петрозаводск, 1906, стр. 118—163), вторые — в «Памятной книжке Олонецкой губернии» за 1910 и 1911 гг. и в книге «Олонецкие водопады Кивач, Гирвас и Пор-Порог в описаниях туристов» (Петрозаводск, 1907).

В «Памятной книжке» помещена и автобиография Настасьи Степановны. Шайжиным были записаны следующие три былины: «Сильный Дунай Иванович», «Добрыня Никитич и Алеша Попович» и «Цурилушка Щипленкович». Все три были перепечатаны в сборнике Вс. Миллера «Былины новой и недавней записи» (М., 1908, №№ 28, 61, 84). В это время Н. С. Богданова была уже известной сказительницей и вопленицей полупрофессионального типа, ездила по приглашению на свадьбы и праздники специально для сказывания былин и исполнения причитаний. Выступала

также в Петрозаводске в школах и других учреждениях, а в 1911 г. ездила по вызову в Петербург. В 1926 г. от нее снова были произведены записи былин, духовных стихов, сказок и песен обеими работавшими в Заонежье экспедициями — Государственной академии художественных наук и Государственного института истории искусств. В 1927 и 1929 гг. во время двух приездов Богдановой в Москву и Ленинград производились повторные записи. Наконец, в 1931—1932 гг. по поручению Карельского научно-исследовательского института и Фольклорной секции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (теперь Сектор фольклора Института русской литературы) — Н. Котляровой, М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной снова записан ряд былин и духовных стихов и автобиографии сказительницы. Таким образом, мы располагаем большим материалом записей, произведенных в разные годы и с большими промежутками во времени. Этот материал позволяет нам очертить образ замечательной исполнительницы.

Настасья Степановна Богданова прожила до революции полную горя и тяжелого труда жизнь.

В 1932 г., в год последних от нее записей, ей исполнилось 71 год. В своей автобиографии она рассказывает, как она маленьким ребенком терпела голод и колотушки в большой семье своего деда. Но девочка росла бойкая и жизнеспособная: «Хоть бьют, хоть ись не дают, а я все пляшу да песни пою». После раздела семьи, а вскоре и смерти отца, Настасья Степановне пришлось, кроме выполнения своей крестьянской работы, ходить «на чужу работу» — в Клименецкий монастырь на лесозаготовки и на погрузку судов. Учиться было некогда, и Настасья Степановна осталась неграмотной. Но любовь к песне не угасала: «Куда на работу поеду, всё с песнями». В свободные минуты бегала к «бабушке» — старухе Гавриловне («Шапше») — «сироте», знавшей и певшей былины, которые она переняла от известного певца Конона из Зяблых Нив. От Гавриловны Настасья Степановна главным образом и усвоила свой репертуар. Кроме Гавриловны. Богданова называет еще в качестве своего непосредственного учителя и Домну Васильевну Сурикову. За страсть к былинам, за частые уходы из дому к Гавриловне Настасья Степановна не раз была матерью бита. Впоследствии искусство Настасьи Степановны сделалось одним из побочных средств к существованию, особенно когда семью постигла неожиданная беда: лесничий, враждебно относившийся к сказыванию былин, рассчитал ее мужа после одного из ее выступлений в Петрозаводске. После ухода из лесничества Настасья Степановна поселяется с мужем в Петрозаводске, где работает по стиркам, ходит молотить и т. п. Жизнь в замужестве оказалась также не сладкой: муж пил, семеро детей погибли один за другим от недосмотра.

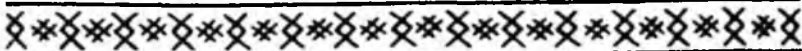
Последние годы Настасья Степановна жила на пенсию, назначенную ей правительством. Похоронив всех близких, она осталась одинокой. Но жизнь на людях выработала в ней общительность. Это была очень живая,

быстрая в движениях и разговоре, маленького роста старушка с живыми молодыми глазами, пересыпающая свою речь пословицами и поговорками. Она держалась с чувством собственного достоинства, в начале знакомства даже несколько сурово. «Степановна — баба гордая», так отзывались о ней в деревне. Она была очень самолюбива и знала себе цену. Критически относилась к другим сказителям, например к П. И. Рябинину, с которым ездила вместе в Ленинград и Москву. Умерла Настасья Степановна в 1937 г.

Из всех видов фольклора, которыми Н. С. владела, она больше всего любила былины, к содержанию которых относилась с глубокой верой. Тексты былин, так же как и песен, знала твердо и могла сказать их «слоvesно». Владела несколькими напевами и исполняла былины артистически. Пела она всегда в определенной позе, подперев щеку правой рукой, а правый локоть — левой рукой и слегка покачиваясь. Отдельные места комментировала. Развернутая характеристика Настасьи Степановны как исполнительницы былин дана нами во вступительной главе тома I (стр. 76). Здесь же отметим, что Настасья Степановна, несомненно, принадлежит к лучшим хранителям эпической традиции и к классическому типу исполнителя, овладевшего приемами высокого эпического мастерства и творчески развивающего усвоенное им наследие. Однако в последнее время Настасья Степановна уже забывала и порой смешивала сюжеты и имена былинных героев (см. былинку «Маринка догадлива» и былинку о Василии Буслаевиче).

О Н. С. Богдановой существует довольно значительная литература. Характеристика ее как сказочницы дана в сборнике: И. В. Карнаухова. Сказки Северного края. Academia, 1934, стр. 397—398; как исполнительницы причитаний — в книге: Г. С. Виноградов. Русские плачи. Изд. «Сов. писатель», 1937, стр. XXVI—XXVIII. Полная библиография всех статей и заметок о Богдановой, а также публикаций произведенных от нее записей см. в заметке, посвященной ее памяти, в сборнике «Советский фольклор», № 7.

БЫЛИНА О ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ

- Ах как во славном во городе во Кееве
Да и у ласкова у князя у Владимира
Ах да ласковой да стольный князь киевской
В одну пору в одно времечко
Он завёл себе да славный честный пир.
Открывал сibi честное пируваньиѣ.
Он зазвал к сibi князей да всех бояринов,
Уж он руських и могучих богатырей,
Поленичъ зазвал сibi удалых.
10 Ах и вси тогда на пер да прибиралися,
Вси-то на пиру-ту разгулялися,
Вси-ты на пиру наугощалися,
Вси-ты на пиру да напивалися,
Вси потом да принапилися,
15 Сделалися все да в хмельном разуме.
Ах и умный-то хвастал всё житьём своим,
А безумный хвастал богатством,
А иной похвастал тут златой казной,
А иной цветным платьицем,
20 А который похвастал добрым конём,
А и Дюк Степанович своей удачю,
Да Чурилушка Щеплёнкович наречией,
А Олешенька Попович своей смелочюю.

- Говорил тогда Василий свет Буслаевич: ¹
- 25 «У меня теперь у добра молодца
Добры комони стоят не езжаны,
Куньи шубоньки висят у нас не ношены,
Золотой казны у нас да сметы нет».
- А один Добрынюшка ничем не хвастовал,
- 30 Говорил тут князь да стольне-кеевский,
Говорил он таковы слова:
«А и что же ты, Добрынюшка Никитинич,
Один ты, Добрынюшка, ничем не хвастаешь?»
- Отвечал в ответ Добрыня свет Никитинич,
- 35 Говорил да таковы слова
Он и князю говорил Владимиру:
«А что ласковый князь да красно солнышко,
Я осмелюсь тебе да слово вымолвить.
Вот и нечем-то мне теперь выхвастывать,
- 40 А и нету ни имения ни богатства,
Нету без счёта золотой казны,
Только есь одна по ндраву молода жена,
Молода жена да любимя семья,
Любимя семья Настасья свет Микулишна».
- 45 Вот в ту пору, в тое времячко
Разгневѣлись русские богатыри
На тою ли на Добрынюшку Никитича.
Насказали оны князю да Владимиру,
Говорили, что и есть в чистом поле наездники,
- 50 А ищут тут себе да поединщиков:
«Нам бы некого теперь туда отправить
Окромя Добрынюшки Никитича.²
У Добрынюшки есть силушка великая,
У Добрынюшки лошадушка звериная».
- 55 Они думали тогда подумали,
Скорёшенько тут напридумали,

¹ Вариант:

Выхвастывал Васильюшка Буслаевич.

² Вариант:

«Окромя-то нам Добрыни свет Никитича.

- Вот назначили Добрыню тут на заставу,
Ни надолго ни на коротко — на двенадцать лет:
«Отправляйся ты на заставу,
60 Не надолго поезжай — на двенадцать лет,
Очищай-ка ты широкие дороженьки,
Чтобы смело нам везде выезжать было».¹
Тут становился Добрыня на резвы ноги,²
Задрожали у него ножки резвые,
65 Сменилося у него личько белое,³
Становился он на грёдень на столовую,
Стоял прямёшенько, поклонился низёшенько
Князю Владимиру, на все четыре сторонушки,
На вси на три, на четыре на сторонушки.⁴
70 Они и думали тогда и придумали,
Говорили-то они Добрыне свет Никитичу:
«А и ай же, Добрыня свет Никитинич,
Поезжай-ко, отправляйся ты немедленно,
Не надолго ли поезжай, да на двенадцать лет,
75 Очищай-ко ты широкие дороженьки».
В тую пору, в тое времячко
А поблекло у него да личько белое,
Задрожали у него да и ножки резвые,
Он кресты тут положил да по писаному,
80 Вси поклоны тут провёл да по учёному

¹ Вариант стихов 59—62:

Говорил тут князь да стольне-кеевский:
«Поезжай-ка ты на заставу,
Не надолго выезжай — на двенадцать лет,
Очищай-ка ты широкие дороженьки,
Чтобы смело нам было да выезжать.
Поезжай-ка тут, брат, ты немедленно!».

² Вариант:

Как стоял тогда Добрыня на резвых ногах.

³ Вариант:

Тут сменилося у него личько белое,
Помуцились у него да очи ясные.

⁴ Вариант стихов 68—69:

На вси на три, на четыре на сторонушки,
А и князю со княгиней в особину.

На все три, на цетыре на сторонушки,
 А и да князю тут Владимиру в особину.
 В тую порушку тогда да в тое времячко
 Выходил тотчас со терема высокого,
 85 Со палаты белокаменной,
 Он по лестнициям и шол да слёзно плачитця.
 Проходил он со тово двора широкова,
 Подходил-то ко палаты своей каменной,
 Не входил да во палатушку,
 90 Не являлся он совсем во высок терём,
 Заходил да во стойлы лошадиныи,
 Уж он и брал коня да доброва.
 В тую порушку тогда да в тое времячко
 Как сидела-то родитель яго маминька
 95 А честна-то вдова Афимья Александровна
 Под косивчатым окошечком,
 Под хрустальным стеколушком.
 Она и видела Добрынюшку,¹
 Говорила тут Настасье свет Микулишной:
 100 «Как идёт-то наш удалый добрый молодец
 Уж он с пера да невесёл прошол,
 Приклонивши его младая головушка,
 Утопивши у него да очи ясные
 А во матушку да во сыру землю,
 105 Изменивши у него да личько белое,
 Не приходит он что-то во палатушку,
 Да не входит он во высок терем».²
 Говорила тут Настасья свет Микулишна:

---

¹ Вариант стихов 97—100:

Пожита вдова Афимья Александровна
 Тут видела своего да чада милого.

² Вариант стихов 100—107:

«Как идёт-то наш удалый добрый молодец,
 Он прошол к себе да на широкай двор,
 Ай не весел-то, не радостен,
 Утопивши у него да очи ясные
 Да во матушку да во сыру землю,
 Он и к нам во терем не является».

- «Вот бежи-ка ты скорее на широкай двор,
110 И он где-то там да продолжаетца,
Уж он к нам во терем не являетца».
Как бежала-та Афимья Александровна
Да и скорёшенько бежала на широкой двор,
Увидала своего да чадо милое:
115 Он уздает, седлает коня доброва,
Полагая-то он войлуки мягкие,
Да й на войлуки сидёлушко зеркальское,
Да и затыга затыженька шелковые,
Застегая-то он пряжечки злачёные,
120 А и застяжечки да тянутся, не сорвутся,
У их пряжечки от дождичков не ржавятся.
Подходила тут родитель к ёму маминька
Да и честна вдова Афимья Александровна,
Подбегала ко свому да чаду милому,
125 Говорила тут она да й таковы слова:
«Ах тай же ты моё да чадо милое,¹
А та что же ты с пиру да невесёл пришол,
Невесёл пришол, нерадостен,
А нерадостен пришол да закручинивши?»
130 А и место там тебе было не по чину,
Или чарой-то тебе приносили там,
Или какая там собака приоблаяла?²
И наконець куды теперь да отправляешься,
Ты и далече ли от меня да отдаляешься?»
135 К нам и сигодни в терем не являешься,
Нам когда тебя дождать, в окошечко посматривать?»
Тут Добрынюшка-та с маменькой говаривал,
Он и своей тогда родители высказывал:

¹ Вариант:

Ах тай же ты моё да чадо милоё,
Чадо милоё, дитё любимое.

² Вариант стихов 130—132:

«Либо место там тебе было не по чину,
Или чарой-то тебя приносили там,
Ли какая ни собака приоблаяла?».

- «Ох вот не спрашивай, родитель моя маменька,
140 Не давай-ко ты великою назолушки
Ах и моему ретивому сердечушку.
Уж как ты меня несчастного спородила,¹
Зародила ты на свет меня несчастново,
Зародила неталанново,
145 Зародила ты на свет меня несмелово,
Зародила неудалова.
Зародила бы, родитель моя маменька,
Уж ты удачью в Дюка бы Степанова,
Уж ты смелочью бы и в Алёшу да в Поповича,
150 По наречию в Чурилушку Щеплёнкову,
Уж ты лучше бы меня да не родила бы,
Уж ты лучше на свет не спустила бы.²
Ты в сырём дубу меня да заморила бы,
На синём морй меня бы затопила бы,
155 Уж я лучше-то бы молодец не рожен был.
Было б место-то мне место не по чину,
Всего лучше на пир неприглашон бы был.
Уж как был-то и на пиру типерь на чёстныём
Хоть и место мне было мне по чину,
160 Ай да чарой меня не обноsíли-та,
Никакая-то собака ни облаяла.
Вот и вси мы напилися,
Ай и все богатыри да прирасхвастались
У меня-то как у добрава у молодца
165 Ни хватило ума-разума в головушке
Да и на малый на единый час.
Вот и я-та с глупа разума повыхвастал
И похвастал-то да молодой женой,
Молодой женой да любимой семьёй,
170 Любимой семьёй Настасьей свет Микуличной.

¹ Вариант стихов 140—142.

Про мою теперь несчастную победушку,
Как ты родила меня несчастного.

² Вариант:

Уж ты лучше бы во чреви задавила бы.

- Рассердились те́перь русские бога́тыри ¹
На меня-то вот на доброво на молодца,
Насказали оны князю да Владимиру,
Вот назначили меня на за́ставу.
- 175 Ни надолго уезжаю — на двенадцать лет.
Вот поди, скажи Настасье свет Микуличной,
Если хочет увидеть, пускай сейчас придёт,
А не хочет увидеть, пускай к окну нейдёт».
- Ах и тут оны со маменькой прощались,
180 Оны го́рюньким слезамы обливались,
Тут бежала-то Афимья Александровна
Да и скоренько во высо́к терем,²
Прибежала-то ана-то во высо́к терем,
Говорила тут Настасье свет Никулишной:
- 185 «Ах и эй же ты, Настасья свет Микулична,
Ты сидишь в злачёном тереме,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Уезжает наш удалый добрый молодец,
Отправляется во чисто́ поле.³
- 190 Ты бежи к ему скорее на широкий двор.
Ды и выспрашивай, выведывай,
Нам когда домой-то ждать, в окошечко посматривать».
- Тут бежала-та Настасья свет Микулична,
А скорёшенько бежала на широкой двор,
195 Увидала тут Добрыню свет Никитича.
В тую пору, в тое времячко
Как сидел тот Добрыня на добром коне,
Как дохóдила она до боку правого.
А ко той ко правой ко стремяночке,

¹ Вариант:

Разтневались вот русские бога́тыри.

² Вариант:

Тут скорёшенько бежала во высо́к терем

³ Вариант:

Он уздант-седдает коня добраво

- 200 Да и смотрела на Добрынюшку прямёшенько,¹
 Говорила-то на́кратко тихошенько,
 Говорила таковы слова:
 «Ах и ай же ты, Добрыня свет Никитинич,
 Ты далеке ли теперь да й отдаляешься,
 205 Ты и куды же отправляешься,²
 Нам когда домой-то ждать, когда в окошечко
 посматривать?»
 А и сидел тогда Добрыня на добром коне,
 Он держал во правой ручке плётку шёлкову.
 Шелковой плеткой частёшенько помахивал,
 210 С молодой женой Добрыня разговаривал:
 «Ну и моя мила ты молодá жена,
 Молодá жена да любимá семья,
 Любимá семья Настасья свет Никулишна,
 Когда про то стала выпрашивать —
 215 Я про то же тебе буду да высказывать:
 Уезжаю я во чисто поле,
 Во чисто поле я еду да на заставу,³
 Уж и я буду там должать на заставы,
 Уж ты год не жди меня, другой не жди меня.
 220 Ты на третий год не взглядывай,
 Не приеду как домой да из чиста поля,
 А и буду я там ждать да на заставе,
 А частёхонько к тебе будут приезживать,
 Приезжать-то будут к вам гости да немилые,
 225 Привозить-то будут вести нехорошие,
 Что видь нет жива Добрыни свет Никитича,
 Да и отрублена была да буйная головушка.

¹ Вариант стихов 198—200:

Подбегала тут она к нему скорёшенько,
 Смотрела на него прямёшенько.

² Вариант:

К нам во терем не являешься.

³ Вариант стихов 216—217:

Уезжаю я типерича на заставу,
 Ни надолго — на двенадцать лет.

Тут частёшенько опять будут приезживать,
 Да и близёхонько-та й будут к вам подхаживать,
 230 На словах-то будут вас да обманывать,¹
 Ай да замуж тебя будут подсватывать.
 Ты не верь, не верь, Настасья свет Никулишна,
 Ни князьям да ни бояриным,
 Ни ты русским могучим богатырым,
 235 На исходи будит времени двенадцать лет,
 Не приеду как домой из чиста поля,
 Ты частёшенько в зелёный сад похаживай,
 На кудрявы диревиночки посматривай,
 Как на эти кудрявые рябиночки.
 240 Как прилётит голубь со голубкою,
 С куста на куст будут перелётывать,
 Промежду собою возгуркивать,
 Что ведь нет жива Добрынюшки Никитича,
 Да и отрублена да буйная головушка,
 245 А головушкой лежит да под ракитов куст.
 И он и резвыма ногамы ко Пушай-реке,
 Да сквозь жёлтые кудёрушки трава растёт,
 Ты потом, моя Настасья свет Никулишна,
 Хоть вдовой живи, хоть замуж иди,
 250 Хоть за князей пойди, хоть за бояр пойди,
 Хоть за русских могучих богатырей.
 Только не ходи, Настасья свет Микулична,
 Ты за й за смелого Алёшу за Поповича,
 Ты и за женьского насмешника».
 255 А и тут у Настасьи свет Микуличны²
 А подрезало у ей да ножки резвые,
 Да и сменилось у ей личько белое,
 Помутились да у ней очи ясныи,
 Не могла стоять на резвых на ноженьках,
 260 Ай упала тут она да о сыру землю.

¹ Вариант:

Да в очах-то будут вас обманывать.

² Вариант:

Вот и тут у Настасьи свет Микулишны.

Приклонился тут Добрыня свет Никитинич,
Тут прощался со своёй да молодой женой;
Она видела Добрынюшку сядучи,
Не и видать [с] широка двора поедучи.
265 Не воротамы поехал он широкима,
Да и скачил-то цѣрез стену городовую.
От ёго пошли поездки богатырские,
От коня пошли поступки лошадиныи,
Во чистом полѣ пыль тогда столбом стоит.
270 Вот отправился Добрыня-свет на заставу.
Как отправился Добрынюшка в чистѣ поле,
Приходила тут родитель его маменька,
Пожита вдова Афимья Александровна.
Она к князю приходила ко Владимиру,
275 Горько-тошно она ему покорялася.
Тут не белая берѣзка к земли клонется,
Не сучочки ко земли да преклоняются,
Не листьцѣйки по земли да росстѣлаются,
Поклоняется Добрынюшкина маменька,
280 Она князю поклоняется Владимиру:
«Вы ласковый наш князь да краснѣ солнышко,
Пожалей-ка нас несчастных,
Пожалей да побѣдных.
Ты за что отправил моего-то чада милого,
285 Ты отправил его теперѣ на заставу
Ты безвинного его да беспричинного?
С первой винушки прости его,
А пожалуйста со заставы вороти его».
А отвѣчал ей князь да стольно-киевскій:
290 «Приказанное им да исполнять надо».
Вот и время-то идѣт, быдто дождѣ дождыт.
Месяцы идут, как ручей бежит,
А и годики идут, быдто река бежит,
Вот прошло-то тому времечки да три годы,
295 Ай не видно-то Добрынюшки с чистѣ поля.
Вот послал туда да князь стольно-киевской,
Он послал туды Олѣшеньку Поповича.

- Как и съездил-то Олёшенька Попович тут
Он узнать того Добрынюшку Никитича:
- 300 Ай да есть ли жив Добрыня свет Никитинич,
Да отрублена-то буйная головушка?
Говорил-то он да князю да Владимиру:
«Что ведь нет жива Добрыни свет Никитича,
Он и головушкой-то лежит да под ракуток куст,
- 305 Уж он резвыми ногами ко Пуцдай-реке,
А сквозь жёлтые кудёрышки трава растёт». *Да и послал тут да князь стольно-киевский
Он Олёшеньку Поповича
Он к Настасье известить да Николаевной.*
- 310 Как приехал свет Алёшенька Попович,
Он слезал да со добра коня,
Привязал коня ко тому столбу,
Ко тому-то столбу ко точёному,
Ко тому кольцу да золочёному
(Ведь без столба кольца-то нету).
- 315 Он и приехал ко Афимье Александровне
Без доклада на широкой двор,
Да без спросу-то й зашёл да во палатушку,
Без дологи он явился да в высок терем,
Становился он на гредень на столовую,
- 320 Он кресты-та положил да по писаному,
Вси поклоны тут провёл да по учёному,
А Афимье Александровне в особину:
Уж вы здравствуйте, Добрынюшкина маменька,
Ты, Настасья молода жена Добрынина,
- 325 Ты, Настасья свет Никулишна.
Я приехал-то вчирась да из чиста поля,
А ведь нет жива Добрынюшки Никитича». *Они горько тут и тошно вси проплакали.
Опять времячко идёт, будто ручей бежит,*
- 330 Да неделя за неделей, быдто дождь дождыт,
Месяца идут, быдто река шумит,
Как прошло-то тому времячко да шесть годов,
Да и не видно тут Добрыни из чиста поля.

Стал частёшенько Олёшенька поезживать,
 335 Стал близёшенько к Настасьюшке подхаживать,
 Стал милёшенько он тут разговаривать,
 Ай да замуж стал подсватывать.
 Как прошло-то тому времени да девять лет,
 Да и не видно-то Добрыни из чиста поля.
 340 Тут приехал вот и князь да стольно-киевский
 Со Опраксией Никуличной,
 Да с Алёшенькой Поповичем,
 Оны сватать-то Настасью Николаевну.
 Да й встречали тут таких-то дорогих гостей,
 345 Угощали тут таких да милых гостей,
 А и князю подарила полотёнышком,
 Да и княгину подарила тут косиночкой,
 А Олёшу угостила калёной стрелой:
 «Уходи-ко ты, кабацкая подпорина,
 350 Да и табашная заморина,
 Уходи с добра со терема с высокого,
 Уезжай в тот час с двора от нас широкого,
 Штобы век ко мне да не подхаживать,
 На палату нашу не заглядывать!».

109a

БЫЛИНА О ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ И О НАСТАСЬЕ НИКУЛИЧНЕ

Как во славном во городе во Кееве,
 У ласкового князя Владимира,
 Ласковой князь стольне-киевской
 В одну пору в одно времячко
 5 Завёу он славный, честный пир,
 Пригласиу князей и бояринов,
 Руських могучиих богатырей,
 Пригласиу к сибѣ поленичъ удалых,
 Пригласиу к сибѣ он на славный пер.
 10 Все ко перу съезжались,

- Вси на пер прибиралися,
Вси на перу разгулялися,
Вси на перу принапилися,
Сделалися вси в хмѣльномъ разуме.
- 15 Вси то҃гда порасхвастались.
Умнай хвастаѹ житѣмъ своимъ,
Безумнай богачествомъ,
Иной чвѣтнымъ плачьичемъ,
Котораѹ добрымъ конѣмъ.
- 20 Юк-то Степановичъ своеѹ удачѹю,
Олѣшенька Поповичъ своеѹ смелостѹю,
Щурилушко Щаплѣнковичъ наречіею.
Выхвастаѹ Василий светъ Буслаевичъ:
«У меня теперѣ у добраго у молодца
- 25 Куньи шубоньки висятъ не ношены,
Добры комани стоятъ не езжены,
Золотой казны теперѣ у насъ сметы нѣтъ».
А одинъ только светъ Добрыня Никитѣевичъ
Только одинъ ничимъ неыхвастаѹ.
- 30 Говориѹ то҃гда князь стольней киевской,
Говориѹ таковыя слова:
«Вотъ вси у меня теперѣ расхвасталися,
А одинъ Добрыня светъ Никитѣевичъ
Ничимъ не хвастаетъ.
- 35 А што же ты ничимъ ниыхвастаешь?».
Отвѣчаѹ в отвѣтъ Добрыня таковыя слова:
«Ай же ты, ласковый князь красно солнышко!
Я осмѣлюсь слово вымолвить.
Мни вотъ ничимъ типирьыхвастывагы,
- 40 Нѣту ни имения ни богачества,
Ни безъ счѣту золотой казны,
Только есть одна по ндраву молодца жена,
Молодца жена, любимца семья,
Любимца семья — Настасья светъ Никулична».
- 45 В твою пору в тоѣ времячко,
В тотъ даже чесный перъ
Они думали промежъ себя, придумали,

- И скорѣшенько они то҃гда раздумали,
говорили князю Владимиру:
- 50 «У нас есть в чистѣм поли теперь наезники,
Ищут сибѣ поединщиков,
Нам неко҃го теперь туда отправить,
Окромя Добрыни свет Никитѣевича:
У Добрынюшки есть силушка великая,
- 55 У Добрынюшки лошадушка звериная,
Может очищити широкия дороженьки,
Щобы смело нам везди выезжать будѣт».
- Тут скорѣшенько придумали
Да назначили Добрыню тут на заство.
- 60 Говорит тут князь стольне-киевской,
Говорит Добрыне свет Никитѣичу:
«Ай же ты, Добрыня свет Никитѣевич!
Отправляйся ты теперь на заставу,
Очищай-ка вси широкия дороженьки,
- 65 Щоб смело нам везди выезжать было,
Отправляйся, брат, немедленно,
Ни надолго поезжай, на двенадцать лет».
- Становиуся Добрыня свет Никитѣевич,
Становиуся на грядѣнь на столовую,
- 70 Содражали у ево да белы рученьки,
Подрезало ево да ножки резвья,
Поблѣкло у ево да личко белоя,
Кресты пола҃наѹ по писаному,
Поклоны провѣѹ по учѣному
- 75 На вси четыре сторонушки,
Князю Владимиру в осѣбину.
Отправиуся со перу со чѣснава,
Выходиѹ со терема високава,
Со той со палаты белокаменной.
- 80 По лесницам идѣт, слѣзно плачится,
По дверям, сам крестится,
Приходиѹ ко томѹ двору широкому,
Подходиѹ ко своему уж двору широкому,
Ко своей палаты белокаменной.

- 85 Ни зашоу в палату в свою каменну,
Ни являлся во высок терём,
А зашоу прямо во стойла лошадиная.
Золоту сбрую брал со стопочки,
Шелкову плётку брал со гвоздика,
90 Коня доброго со стойлов лошадиных.
В тую пору, в тоё времьячко
Когда шоу Добрынюшко Никитьевич
Со перу со чёсного,
Тут сидела [его маменька] под косищатым окошечком
95 И смотрела сквозь хрустальное стеклоушко,
Тут видала Добрынюшко из перу проходиться,
Говорила Настасье Никуличной:
«Как пошоу-то наш добрый молодец,
Он из перу прошоу видать из чёсного,
100 Шо-то из перу не весёу прошоу,
Не весёу видать, не радостен,
Приклонивши ево млада холовушка,
Утопивши очи ясныя во матушку сыру землю,
Изменивши у ево личко белое».
105 Говорит Настасья Никулична:
«А где же он провождается,
К нам што-то во терём не является,
Бежи-ко скорее на широкий двор,
Уж он иди там продолжается?».
110 Тут бежала Афимья Александровна
Скорёшенько бежала на широкий двор,
Увидала своего чада милово,
Чада милово, дича любимово.
Он уздает, седлаё коня доброво,
115 Пологает войлуки мягкия,
Да на войлуки сидёлушко циркаское,
Он затягивау затяженьки шелковыя,
Застегает тяжёчки злачёныя,
Затёженьки-то тянутче — не сорвутче,
120 А пряжечки от дожджика ни ржавиют.
Подходит тут родитель к ему маминька,

- Говорила ему таковы слова:
«Ай же ты, моё чадо милое,
Чадо милое, дитё любимое!
- 125 Што ты из перу не весёл пришёу?
Или место тибѣ было ни по чину,
Или чарой-то тебя приобносили там,
Ли какая ни собака приоблаяла?
- 130 А наконець куды теперь отправляешься,
К нам во терём сегодне ни евялешься?
Там скучаёт-ждёт Настасья свет Никулична».
Тут Добрынюшка-то с маминькой говаривау,
А свет тогда родители высказывал:
- 135 «Ты ни спрашивай, родитель моя маминька,
Ты не спрашивай меня теперь, не выведывай,
Не давай мни великой надзолушки,
Моему теперь ретивому сердечушке.
Уж как ты меня несчастного спородила,
- 140 Зародила ты на свет меня несчастного,
Спородила неталанного,
Зародила-то несмелого.
А зародила бы родитель меня маминька
Уж удачью во Юкова Степанова,
- 145 Уж смелостью в Олёшу бы Поповича,
А по наречию в Щурилу бы Щаплёнкова.
Уж ты лучши бы меня де не родила бы,
Ты в сыром дубу меня бы заморила бы,
На синём морі меня бы затопила бы,
- 150 Уж я лучше бы и не рожен был,
Уж я лучше бы и не роцан был,
Уж я лучше бы молодец и не жёнян был,
А всего лучча бы на пер не приглашёнай был,
Вот был я на пиру теперь на чёсномъ,
- 155 Места хоть было мне по чину
Чарой меня не обносили там,
И никакая собака не облаяла,
Вот вси на пиру стали хмельни-веселы,
Вси на перу расхвастались,

- 160 У меня-то у добра молодца
Не хватило ума-разума в головушке
На малый на единый час.
Я-то с глупа разума повыхвастау,
Я похвастау только своей молодой женой,
165 Молодой женой, любимой семьёй,
Любимой семьёй Настасьей свет Никуличной.
Рассердились русские богатыри
На меня-то на доброго на молодца,
Насказали они князю да Владимиру
170 И назначили меня теперь на заставу».
Тут с маминькой они пораспрошались,
Горькима слезами обливались.
— «Поди скажи Настасье Никуличной,
Если хочет увидеть, пускай сейчас идёт,
175 А не хочет увидеть, пускай к окну нейдёт».
Тут бежала Афимья Александровна
Скорёшенько в высок терём,
Говорила Настасья Никуличной:
«Ах же ты, Настасья свет Никулична,
180 Сидишь в высоком в злочном во тереме,
Над собой незгодушку не ведаешь,
Уезжат от нас добрый молодец,
Уж он седлает коня доброго.
Поди выпрашивай ево, выведывай,
185 Нам когда ево ждать, когда в окошечко поглядывать».
Бежала Настасья свет Никулична,
Скорёшенько бежала на широкий двор,
Увидала там Добрыню Никитыча,
Он сидит на добром коне.
190 Подбегала она к нему скорёшенько,
Забегала с лица да боку правого,
От той ли от правой стремяночки,
Смотрела на него прямёшенько,
Говорила она ему милёшенько:
195 «Ай же ты, Добрыня Никиченич,
Што же к нам во терём сегодня не являешься,

- Наконець куда теперь отправляешься,
 Нам когда ждать тебя домой,
 Когда в окошечко посматривать?».
- 200 Тут сидеѹ в тую пору в тоѣ времячко,
 Сидеѹ Добрыня на добром коне,
 Шолковой плеткой частёшенько помахиваѹ,
 С молодой женой тогда да разговариваѹ:
 «Ай же ты, моя молодѧ жена, любимѧ семья
- 205 А Настасья свет Никулична.
 Когда про то же стала выпрашивать,
 Так я про то буду высказывать:
 Уезжаю я на заставу,
 Ни надолго уезжаю, на двенадцать лет,
- 210 Буду я довжать там на заставы.
 Уж ты ход не жди, да и другой не жди,
 На третьей ход в окошечко не взглядывай.
 Как буду я довжать там на заставы,
 Приезжать будут гости к вам немилые,
- 215 Привозить будут вести нехорошие,
 Частёшенько будут к вам поѣзживать,
 Близёшенько будут к вам подхаживать,
 В очах будут обманывать,
 Замуж тебя будут подсватывать.
- 220 Ты не верь, Настасья Никулична,
 Ни князям, ни бояринам,
 Ни могучим богатырям.
 А как не приеду если я из чистѧ поля,
 На исходе буде времени двенадцать лет,
- 225 Ты частёшенько в зелёный сад похаживай,
 На кудрявы деревиночки посматривай.
 Как прилётит голуб со голубкою,
 С куста на куст будут перелётывать,
 Промеж собой будут возгуркивать,
- 230 Що нет живѧ Добрыни Никитыча,
 Отрублена буйная головушка,
 Он головушкой лежит под ракитов куст,
 Резвыма ногама ко Пуцѧй-реки,

- Сквозь жёлтые кудёрышки трава растёт,
235 Ты потом, моя Настасья свет Никулична
Хоть вдовой живи, хоть замуж поди,
Хоть за князей поди, хоть за бояринов,
Хоть за могучиих богатырей,
Столько не ходи за смелого Олёшу Поповича,
240 За женского надсмешника».
Тут у Настасьи Никуличной
Подрезали у ней ножки резвья,
Задрожали ручки белья,
Изменился у ей личко белое,
245 Помутился свет во ясных оченьках,
Не могла стоять на резвях на ноженьках.
Тут упала о матушку сыру землю.
Приклонился тут Добрыня свет Никитьевич,
Тут прощались они да с молодой женой
250 Горькима слезами обливались.
Она видела Добрынюшка сядучи,
Ни видала с широка двора поедучи.
Ни воротыма поехау он широкима,
Он скочил через стену городовую,
255 Отправляюся Добрыня в чисто поле,
По широкой поехау по дороженьке.
От ево пошли поезки богатырския,
От коня пошли поступки лошадиныя,
В чистом поле только пыль столбом стоит,
260 Тут ухау Добрынюшка на заставу.
А неделя за неделю, быдто дождь дождит,
Месечи идут, как ручей бежит,
А годики идут, как река шумит,
Прошло тому времячки три года,
265 Не видно Добрыни из чиста поля.
Приходила тут родитель ево маменька,
Приходила ко князю ко Владимиру.
Тут ни белая березка к земли клонится,
Ни сучёчки ко земли да приклоняются,

- 270 Ни листочки по земли расстилаются,
Поклоняется родитель ево маменька,
Низко, низко поклоняетца,
Горько-тошно она покоряетца,
Покоряетца князю Владимиру:
- 275 «Ай же ты, князь наш красно солнышко,
Зачим вы отправили моего сына любимого,
Зачим вы справили надолго туда на заставу,
Одново невинново ево и беспричинново?
В этой горькой-то вины вы простите-ко,
- 280 Со заставы воротите-ко».
- Отвечау князь стольне-кеевской:
«Приказанное им исполнять надо».
- И пошла от князя, горько-тошно заплакала.
Уж прошло тому времячки шесть годов,
- 285 Не видно Добрыни из чиста поля.
Говорит князь стольне-кеевской
Могучим богатырям:
«Хто желает съездить в чисто полё,
Хто желает о Добрыне Никитыче узнать,
- 290 Есть ли, жив ли Добрыня Никитыч или нет?».
- Пожелау-то да Олёша свет Попович
Съездить в чисто полё.
Видел не видел Добрынюшку,
Говорит князю Владимиру:
- 295 «Що нет жива Добрыни Никитыча,
Отрублена ево буйна головушка,
Он головушкой лежит под ракивов куст,
Резвыма ногами ко Пуцай-реки,
Сквозь жёлтыя кудёрышки трава растёт».
- 300 Говорит князь стольне-киевской:
«Поди съезди к Афимье Александровне
И к Настасье Никуличне,
Скажи, що нет жива Добрыни Никитыча,
Пусть не ждут и в окошечко не поглядывают».
- 305 Без доклада заезжау Олёша на широкий двор,

Ни воротамы проехал широкима,
 Вскочил через стену городовую,
 Слезал со добра коня,
 Привязау коня ко тому столбу ко точёному,
 310 Ко тому кольцу к золочёному,
 Без дологи явился во высок терём,
 Становился на гредень на столовую,
 Кресты положиу по писаному,
 Поклоны провёу по учёному.
 315 Настасья тут Никулична дома не случилось,
 Одна ево случилось родима матушка,
 Пожита вдова Афимья Александровна.
 Говориу Алёша таковы слова:
 «А нет жива Добрыни Никитыча,
 320 Отрублена ево буйна головушка,
 Он головушкой лежит под ракутов куст,
 Резвыма но҃нама ко Пушай-реки,
 Сквозь жёлтыя кудёрышки трава растёт».

Тут ево родитель матушка
 325 Горько-тошно порастужилась.
 Неделя за неделю, как дождь дождит,
 Месяцы идут, как ручей бежит,
 А ход за ход, как река шумит,
 Прошло уж тому времячки девять лет, —
 330 Не видно Добрыни из чиста поля,
 Тут стал частёшенько Олёша поезживать,
 Стал близёшенько к Настасье подхаживать,
 Стал милёшенько с ей разговаривать
 И в очах да стау омманывать,
 335 Замуж стау ёю посватывать.
 Как прошло тому времячки девять лет,
 Не видно Добрыни из чиста поля.
 Тут приехали князь со княгинёю
 Со Опраксией Никуличной,
 340 Приехау с има Олёша свет Попович,
 Приехали сватать Настасью свет Никитичну.

С докладом заезжали, привязали коней
 Ко тым кольцам к золочёным,
 Зашли они в палату белокаменну,
 345 Явились во высок терём,
 Роскланялись Афимье Александровне
 И Настасье Никуличной.
 Стречала она таких гостей
 И угощала таких дорогих гостей,
 350 И подарила гостей милаих:
 Княгиню подарила косыначкай,
 Князя подарила полотенчиком,
 А Олёшу угостила колянóй стрелой,
 Говорила при том таковы́ слова:
 355 «Уходи прочь, кабацкая подпóрина,
 Отходи от меня, табашная замóрина,
 Щобы век больши ко мне не подхаживать,
 И на нашу палату щобы не взглядывать».
 Ну уехали гости у ей
 360 С палаты белокаменной, с широка́ двора́.
 Приближается времени двенадцать лет,
 Не видно Добрыни из чиста́ поля.
 Опять приехау князь,
 Опять снова со княгинею
 365 И с Олёшей опять Поповичем,
 Опять сватать Настасью Никуличну.
 Не жалает Настасья Никулична
 Итти совсем за ево во замужество,
 Не идёт охотою, берут теперь неволею.
 370 Просватали Настасью свет Никуличну,
 Наладили пир на двенадцать дён,
 Обручили Настасью Никуличну с Олёшей Поповичем
 И ведут пир двенадцать дён.
 В одну пору в одно времячко,
 375 В один единый час
 Сидит Добрынюшко Никитьевич
 Под кустушком ракитовым в чистом полё,

- Прилетели тут голуб со голубкою
380 Близко к Добрыне Никитичу,
С куста на куст стали перелётывать,
Промежду собой стали вознуркивать:
«Сидишь ты, Добрынюшко Никитевич,
Под кустышком ракизовым,
385 Над собой ты невзгодушку не ведаешь
Твоя молода жена замуж идёт
За Олёшу за Поповича,
Развели пер на двенадцать дён.
Конешно не охотой идёт, а взяли её неволею,
390 Обручили её с Олёшой уж Поповичем.
Разгорелось у Добрынюшки сердеченько,
Расходилась тут сила богатырская,
Скочил скорёнько на резвы ноги,
Садился в тот час на добра коня

*(Видишь, сразу садился на коня, не говорится, чтоб
седлал, значит как на заставы он был, так у границы это,
ну и не распрягау его, было по-форменну. А то пелось
бы, что седлал коня),*

- 395 Брау во ручку плётку шёлкову,
Отправився в тот час со заставы,
Удалился из чиста поля,
Подъезжау ко Кееву ко хорodu.
В тую пору, в тое времячко
400 Сидела родитель ево маменька
В высоком во злачёнаем во тереме,
Сидела под косивчатым окошечком,
Смотрела сквозь хрустальное стеколышко,
Смотрела далёко во чисто поле,
405 Уронила она слёзы горькия,
Вспоминала своего сына рoдного.
Наглядела она во чистом поли, —
Ни черной ворон с поля пурхая,
А едет из чиста поля наезничек.
410 Бела одёженька на ём грязнёшенька,

Бело личенько чернёшенько,
 На лошадушке сидит, будто лесовой зверь.
 Подъезжаѹ к своему двору широкому,
 Без доклада заезжал на широкой двор,
 415 Не воротама заехаѹ широкима,
 Скочил через стену городовья,
 Слезает скоренько со добра коня,
 Спустил коня вольня на широкай двор,
 Ни расседываѹ коня, ни привязываѹ,
 420 Без дологи вошѹ во палатушку,
 Без просу явился в высок терѹм,
 Становился на грядень на столовую,
 Кресты положил по писаному,
 Поклоны провѹл по учёному:
 425 «[Э]драствуйте, Добрынюшкина маменька,
 Пожита вдова Афимья Александровна,
 Я приехаѹ сейчас из чиста поля,
 Из чиста поля приехаѹ сейчас со заставы.
 Я вам от Добрынюшки поклон привѹз,
 130 А Добрыня в скором времени прибудит к вам».
 Тут заплакала Афимья Александровна:
 «Ни говори ты, незнаем добрый мѹлодец,
 Ни давай мни великой надзолушки,
 Шесть лет как Добрынюшка живого нет,
 435 А Добрынина молодѹ жена замѹж идѹт,
 За руського богатыря за Олѹшу Поповича.
 Не охотою идѹт конешно, взяли неволею,
 Обручили уж с Олѹшей его Поповичем,
 Назначили пер на двенадцать дѹн,
 440 Только я не пошла туда на славный пир».
 Говорит он: «Ай же ты, Добрынюшкина мать,
 Дай же мне одѹженьку Добрынину,
 Дай же мне гусѹлышки Добрынины,
 Посмотрю пира чѹсного,
 445 Полюбуюсь перу славного».
 Говорит Афимья Александровна:
 «Не проси ты, удалый добрый мѹлодец,

- Пусть хоть мне гусёлышки на погляденьице,
Пусть одёжа хоть сына на посмотреньице.
- 450 Туды не пропустят тебя незваного,
Везде там каравул стоит.
Увезёшь ты только моего сына любимого одёженьку,
Увезёшь ты только гусёлышки.
- «Дашь одёжу — возьму, и не дашь — возьму,
- 455 Дашь гусёлушки — возьму, и не дашь — возьму,
Спустят — на пер пройду, и не спустят — пройду».
- Заплакала она горячемы слезамы,
Принесла ему одёженьку Добрынину,
Принесла гусёлышки Добрынины,
- 460 Снарядился уда́лый добрый молодец
Во одёженьку Добрынину,
Взял гусёлышки Добрынины,
Отправился ко перу ко чесному,
Подошоу к воротам к широким,
- 465 Там везди да каравул стоит,
Говорит ему таковы слова:
«Вси гости приглашоные,
Ты один незван идёшь,
Нельзя итти незваному,
- 470 Нам такое есть приказание».
- Разгорелось то́гда у Добрыни сердечушко,
Расходилась сила богатырская,
Как начал каравул поширкивать,
Куды ма́хнет — паде́т уличка,
- 475 Перемахне́т — паде́т переулочек,
Которого пома́хне — рука долой,
Какого переве́рня — голова и но́ги долой.
- Пробрался наконецъ во палатушку
И биз просу является во высок терём,
- 480 Гди ведётся славный чесный пер.
Становился тут на грядень на столовую,
Кресты положил по писа́ному,
А поклоны прове́у по учёному
На вси на три, на четыре сторонушки.

- 485 Говорит тут князь стольне-кеевской:
«Вот вси у нас теперь гости званые,
Вот вси у нас гости приглашенные,
А один-то к нам гость теѣперь незван пришѣу,
Куды нам этого гостя посадить теѣперь?».
- 490 — «Куды посадитя, я и там сижу,
Что достанется, я и ем и пью».
Говорит князь стольне-киевской:
«Твое место за печку за муравую».
Стау за печенькой Добрынюшко постаивать,
- 495 Стау частѣшенько Добрынюшко посматривать,
Говорит Добрыня свет Никитенич:
«Позвольте-ка сыграть мне хоть раз в еровчата
гусѣлушка»
Стау за печенькой Добрынюшка постаивать,
Веселѣшенько в гусѣлышки наигрывать.
- 500 На перу игра всим пондравилась,
Состоят ества сахарнии неѣдьяные,
Состоят чары зеленѣ вина налитыя, непитыя.
Говорит княгиня обручѣная:
«А во едаки во гусельки прежней муж мой играу».
- 505 Пригласите-ка незнаемого мблодца
Ко столу его ко чѣсному,
Пусть садится, гди ему место ндравится,
Угощати ево как и всих гостей».
Говориу князь стольне-киевской:
- 510 «Выходи, незнаем добрый молодец,
З-за печькой, з-за муравоей,
Садись к столу ко чѣсному,
Гди тиби место ндравится».
— «Я желаю сесть насупротив
- 515 Княгини обручѣнаей».
Садисуя насупротив княгини обручѣнаей.
Наливали ему чару зеленѣ вина,
Подносили Добрыни Никитьичу,
Он стояу да на резвѣх ногах,
- 520 Не большая была чар' — полтора ведра.

Брау чару во праву руку,
Спускаю туда с руки золочён перстень,
Спустиу в это зелёно вино.

— «Я желаю не пить эту чару зелёна вина,

525 А поднести княгини обручённой.

Ну вот пей же, княгиня обручёная,

Пей же чару зелёна вина.

Если пьёшь до дна, так жалаешь добра,

А не пьёшь до дна — не видать тебе стара добра».

530 Взяла княгиня обручёная чару во белы руки,

Выпивала эту чарушку до донушка,

Увидала там злачён перстень,

Которым перснём с Добрыней обручались.

И говорила тогда таковы слова:

535 «Не тот мой муж, котор со мной сидит,

А тот мой муж, котор на меня глядит,

А которы буйны ветрушки завяели,

Откуль красно солнышко засьяло

На мою на младую головушку,

540 Чево совсим я теперь не надеялась,

Што мой-то муж на сём свети объявится».

Вскочила через столики дубовыя,

Через есвушки сахарния,

И через питья скочила медвяная,

545 И через чарочки налитыя, непитыя,

Брала Добрыню за белу руку,

Целовала во уста ево сахарния,

Горько-тошно тут она заплакала:

«Ай же ты, Добрынюшка Никитинич,

550 Уж ты в этой вины не прощай меня,

Уж ты в этой вины не прощай теперь,

Бери, бери да шелковую плеть,

Уж ты бей меня до смертельных ран».

Говориу Добрыня таковы слова:

555 «Я в этой-то вины прошу тебя,

Шо не охотою идёшь, берут неволею,

А Олёшу-то я так не прошу таперь».

- Как хватау Олёшу за желты кудры,
Выдергау со стола ево со чёсного,
560 Как стау по терему Олёшеньку потаскивать,
Стау гусёлкамы Олёшу поколачивать, —
У Олёшеньки уж кости заряжайдали.
Говорит князь стольне-киевской:
«Оставь ещё хоть ево во живности».
- 565 Спустиу Добрыня со белых рук Алёшу Поповича.
Хоть и битай Олёша, только смелой был,
Садился ко столу ко чёсному,
Приклониу свою буйну голову,
Говорит: «Всякой-то на свити поженется,
570 Да не всякому женитьба удаается,
А хуже нету Олёши Поповичу,
Верно столько-то Олёшенька женат бывау,
Верно столько-то Олёшенька и с женой живау».
Говорит Добрыня свет Никичениць:
- 575 «Я двенадцать лет выстояу на заставы,
А [он] што подняу только с омману?
У жива мужа жену отняу!».
Тут не кланялся Добрыня Никитич ни князьям,
Ни бояринам, ни могучим богатырям,
580 Нарушился ихний тут славный пир.
Выходиу он тут со палаты белокаменной
Со своей-то женою с Настасьей Никуличной.
Увидала родитель ево матушка,
- 585 Що идёт уж он со своей прежней молодой женой,
Бежала скорее навстрету на широк двор
Встречать своих дорогих гостей.
Взяу свою родитель-маменьку,
Хватау он под правую под мышечку,
590 Занёс во свой во высок терем.
Стали жить да быть с Настасьей Никуличной,
Лучше старого стали жить, лучше прежняго,
Стали жить да быть, да век коротати.
(Эту былину на всех концертах пела, самая она
любимая была).

ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА И ДУНАЯ ИВАНОВИЧА

- Как во славном во городе во Кееви,
 Да у ласкового князя у Владимира,
 Ах ласковой-то князь да стольно-кеевской
 Задумал он пожениться,
- 5 Завёл он славной чёсной пер,
 Зазваў-пригласиў к сибѣ князей и бояров
 И руських могучих богатырей,
 Поленич зазваў удалых
*(Поленичи удалы это были воины-женщины,
 богатырского роду, воинсву учёные).*
- Собиралися вси да на славной пер,
- 10 Вси на пиру разгулялися,
 Вси на пиру угощалися,
 Красно солнышко на вечери,
 А почестей пир идёт на весели,
 Говорит князь стольне-кеевской:
- 15 «Ай же вы, удалы добры молодчи,
 Сильныи вы могучи богатыри!
 Вси вы тепереча поженены,
 Княгини за вас вси повыданы,
 Один я молодец да холост стал.
- 20 Вы ездите, удалы добры молодчи,
 Вы по всим странам,
 И вы по всим ордам,
 Не знаете ли вы мне супротивной?
 Штобы росту она была высокая,
- 25 Станом была бы становитая,
 Лицом была бы белёшенька,
 Собою была бы смиренная,
 Очи были бы ясно сокола,
 А бровы были б черна соболя,
- 30 Умом бы сверста и волосом желта,
 Волосом желта и голосом жалка».

- Вси молчали князя-бояровы,
Вси молчали поляничы удалыи,
Вси молчали могучии богатыри.
- 35 В тую пору в тот единый час
Стовал сильней свет Дунай Иванович,
Стовал на свои на ноги на резвые,
Становился на грёдень столовую.
Стоял Дунай Иванович прямёшенько,
- 40 Поклонился низёшенько:
«Ай же ты, князь наш красно солнышко!
Я осмелюсь тебе слово вымолвить.
Уж я знал бы тебе супротивную,
Только далече-далеко за синим морём,
- 45 Во том ли во царсви Лихоимском,
У тово ли короля лихоимьского
Есть-то дочь Опраксия Никулична.
Она росту есть высокая,
Станом она становитая,
- 50 Личеком белёшенька,
Бровы у ей черна соболя,
Очи ясно сокола,
Умом сверста и волосом желта,
Волосом желта и голосом жалка,
- 55 А собой смиренная.
Одним словом вся совсим есть находитче».
Говорит в ответ князь стольно-кеевской:
«Ай же ты, сильней Дунай Иванович,
Славной наш похвальный добр молодец!
- 60 Садись к столу пожалуста,
Не стой перед князем кеевским».
Скоро сажался Дунай Иванович к столу ко чёсному,
Скоро князь поворот держал,
Наливал особого вина чару,
- 65 Разводил медамы стоялома,
Наливал сам чару зелена вина,
Разводил медамы сладкома:
«Пей, Дунай Иванович, эту чару зелена вина».

- Брал сильной Дунай Иванович,
70 Выпивал он эту чару,
Не большая была чара — полтора ведра.
— «Ты послушай, Дунай Иванович!
Бери теперь силушки по надобью,
Без счету бери золотой казны
75 И поезжай за славно за синё морё
Ко тому к королю лихоимьському,
Не можешь ли сосватать мни супротивную».
Стал опять на резвы ноги,
Стоит Дунай не пошатнитца,
80 Стоит не ворохнитца,
Говорит со князем Владимиром:
«А осмелюсь тебе еще слово вымолвить.
Мне не надо твоей силушки по надобью,
Мне не надо без счету золотой казны,
85 Только дай мни единого попарщика,
Только дай мни супротив себе могучево богатыря,
Дай мне Добрыню свет Никитича
(Опять Добрыня, в каждую петлю Добрыня!).
У Добрынюшки есь силушка великая,
У Добрынюшки лошадушка звериная,
90 У нас силушка с Добрыней одинакая».
Говорит князь стольно-кеевской —
Наливал опять чару зеленá вина,
Разводил медамы стоялома:
«Пей, Добрыня Никитич,
95 Пей эту чарочку до донушка
И съезди-ка с Дунаем за синё морё
Ко тому ли к королю лихоимьському,
Не можете ли сосватать мне супротивной».
Добрыня Никитенец стоял на резвых ногах.
100 Выпивал чару зеленá вина,
Ответа не держал никакова.
«Князь наш красно солнышко,
Рады старатьца перед князем своим,
Рады старатьца, если сила наша возможен».

- 105 Садился князь стольно-кеевской
Ко столу ко чёсному.
Написал письмо и грамоту рукой своей,
Написал письмо и запечатывал,
Подовал Дунаюшку Иванову и говорит:
110 «Ай же ты, свет сильной Дунай Иванович!
Как приедите во царсво во неверное,
Ко тому королю на широкой двор,
Как вы зайдите во полатушку,
Как вы явитесь к нему да во высок терем,
115 И подай письмо королю в самы руки,
И вели в тот час распечатывать,
И вели читать-прочитывать.
Справляйте дела живёшенько,
Поезжайте, брат молодчики, скорёшенько».
- 120 Становились удалы добры молодчи
На гредени столовые,
Кресты полагали по писаному,
Поклоны проводили по ученому
На вси на три, на четыре на сторонушки,
125 Князю Владимиру в особину.
Отправились с перу со чёсного,
Со того ли со терема высокого,
С той полаты белокаменной.
Выходили со двора того широкого,
130 Заходили во свои дворы широкия,
Не заходили в полаты свои каменные,
Ни являлися во терема высокия,
Заходили прямо в стойла лошадинные.
Там брали да коней добрых,
135 Золоту узду брали на стопочках,
Шелкову плётку на гвоздике,
Сидёлышки черкальские на своих местах.
Тут уздали да седлали коней добрых,
Пологали оны войлука мягкие,
140 На войлуки сидёлушки чиркальские,
Затягали затяженьки шелкóвые,

- Застягали пряжечки злочёныя,
Затяжечки-то тянут — всё не сорвутца,
У них пряжечки от дожжиков не ржавеют.
145 Содились-то молодчики на добрых коней,
Оны брали во руки плётки шелковые.
Тут поехали со своих дворов широких.
Ни воротом проехали широкого,
А скакали через стены городовые.
150 От них пошли поездки богатырския,
От коней пошли поступки лошадиныя,
В чистом поле только пыль столбом стоит.
Продолжали порядочно времени в дороженьки
Оны ехали за славно за синё море.
155 Во тое во царство приехали во неверное
Ко тому ли х королю на широкой двор,
Биз докладу заезжали на широкой двор,
Ни воротамы приехали широкого,
А скочили через стены городовые.
160 Слезали молодчики с добрых коней.
Говорит Дунай Иванович:
«Ты ли пойдёшь, Добрыня Никитич, в полатушку,
Али мне итти без докладу на широкой двор?».
Говорит Добрыня Никитич:
165 «А ты сам пойдь на широкий двор,
А я буду по дворику похаживать,
Да добрых коней поваживать».
Тут оны прошшались, слезамы обливались.
Осталси Добрыня на широком дворе.
170 Стал по дворику похаживать,
Коней добрых поваживать.
А пошел Дунай во полатушку.
Без докладу заезжал на широкой двор,
Без дологи идёт во полатушку,
175 И без просу явился во высок терём
На личо к королю лихоимьскому.
Становился на гридень на столовую.
Кресты положил по писаному,

- Поклон по своему по учёному,
180 И поклонился в особину королю лихоимьському:
«Здрастуйте, ваше королевское величество!».
Говорит король лихоимьскойей:
«Ты какой земли, ты какой орды?».
Отвечал сильней Дунай Иванович:
185 «Уж я есь со города со Кеева,
Приехал от князя от Владимира,
Извольте принять письмо и грамотку,
Читать, распечатовать и прочитывать
И ответ пожалуйста мне немедленно».
190 Садился король к столу ко чёсному,
Распечатал письмо, прочитывал,
Говорит своим слугам верным:
«Ай же вы, слуги верныи!
Берите ключи злочёные,
195 Отмыкайте погреба глубокие,
Отмыкайте ледники холодные,
Посадите Дуная Ивановича
Не надолго посадите — на тридцать лет.
Пускай там Дунай нагуляетча
200 И уму-разуму в головку сибя набираетча,
Дак без доклада не приедит к королю на двор,
Без дологи и без спросу не явитча
Во полаты и высок терем».
В тую пору в тот единый час
205 Не успели ещё взять слуги ключей,
Разгорелось у Дунаюшка сердеченько,
Расходилась сила богатырская.
Здынул как свои ручки белыя
Выше своей млядой головушки,
210 Уж он хряснул во столики дубовые,
Дубовы столы вси в щепки приломались,
А окошечки в стенах вси покосились,
Хрустальни стеколошки полопались,
Дубовы двери вси заряжайдались.
215 Король за печку обряжаетча,

- Куньей шубонькой король закрываетча,
Говорит своим слугам верным:
«Ай же вы, мои слуги верныи!
Берите ключи злочёные,
220 Отмыкайте ларчи окованые,
Берите там цветные платыча,
Одевайте Опраксию Никуличну,
Уздайте, седлайте коня доброго
И отправляйте ю во Кеев-град
225 Ко князю Владимиру в замужесво».
Поскорёшенько поспели слуги верные,
Отмыкали ларчи кованые,
Снорежали Опраксию Никуличну,
Уздали коня доброго,
230 Пологали войлуки мягкие
И на войлуки сидёлушки черкальские.
Застегали затяжечки шелковья,
Застегали пряжечки злочёныя,
Затяженьки тянутча — не сорвутча,
235 А пряжки-то от дождика не ржавиют.
Посадили княгину посажёную,
И сели удалы добры молодчи
На своих да на добрых коней,
Брали во ручки плёточки шелковья
240 И отправились с тово двора широково,
Выходили со полат белокаменных,
И отправили княгину посажёную,
Провожали на широкий двор.
Тут воротамы проехали широкима,
245 Оны горько-тошно вси тут плакали.
Поехали удалы добры молодчи,
А не скакали через стену городовую,
Выезжали на широкую дороженьку,
Повезли княгиню посажёную.
250 Оны ехали широкой дороженькой,
Отправились с княгиной посажёной.
Тут со всех сторон затемнило,

- Состигла их тёмная ноченька,
Слезали оны с добрых коней,
255 Заезжали оны в сторону на зелёный луг,
Затянули тут флаки полотняные,
И опускали княгиню посажёную со добра коня.
Накормили добрых коней,
Дали коням да пшена белоярово,
260 Продолжали тут ноченьку до светушки до белого.
Ставали поутрушку молодчики,
Содились на добра коня,
Содили княгиню посажёную,
И самы выезжали со тово луга зелёного,
265 Дали ей в ручку плёточку шелковую,
Выехали на широкую дороженьку,
Поехали по широкой дороженьки.
Видят по дорожке у воина проехано,
Смотрят обои на широкую дороженьку,
270 Говорит сильной Дунай Иванович:
«У лошадки по щётке в землю ступано,
Я знаю — е в чистом поле наезничок.
Ай же ты, Добрынюшка Никитенец,
А я поеду во чисто поле,
275 Так ты вези княгину во Кеев-град,
Может воина убью, либо сам паду».
Тут оны прощалися, слезами обливались.
Поехал Добрыня во Кеев-град,
Повёз один княгину посажёную.
280 А отправился Дунай во чисто поле.
Подъезжает ко тому ко чисту ко полюшку,
Ко тому ли ко широкому раздольицу,
Увидал в поли наезника.
Ездит по чисту полю наезничек,
285 На добром кони по полю поскакивал,
Булатнею паличей помахивал,
Правой рукой помахивал,
За облака паличей захватывал,
А левой рукой палечу подхватывал,

- 290 А в руках палича была девяносто пуд.
Увидал как наезник Дунаешка,
Тут разъехались они по чистому по полюшку,
Друг другу настрету стретались,
У них пальцы до рук преломались,
295 Не который ни которого смоцы не мог.
Опять разгорелось их сердечушко,
Опять расходилась вся сила богатырская.
Опять разъехались по полюшку по чистому,
По тому ли по широкому раздольчу,
300 Опять дудругу настрету стретались.
Тут они на штыки пошли,
Штыки у них у рук да преломались,
Не который ни которого смоцы не мог.
Опять разгорелось их сердечушко,
305 Расходилась опять сила богатырская,
Опять разъехались по чистому по полюшку,
По тому ли по широкому раздольчу,
Опять дудругу настрету стретались.
Тут оны пошли уж на кулацной бой.
310 Сшиб Дунай Иванович наезника,
Сшиб-пересилил с добра коня,
Спустил наезника в сыру землю,
Скочил со своего коня доброго,
Скакал наезнику ногами на белу грудь,
315 Выдергал со ножен острейный нож,
Занёс нож с плеча руки правой,
Хочет плосать груди белыи,
Хочет вынимать сердце с печенью.
Во плечи рука застоялоси,
320 Не может плосать груди белой,
Не можот вынимать сердце с печенью.
Говорит Дунаюшка наезднику:
«Ты скажи мне, ты какой земли, ты какой орды?»
Отвечал в ответ наездничек:
325 «Как бы был я у тебя на белых грудях,
Плостал бы прямо грудь белую,

- Вынимал бы прямо сердце с печенью».
Разгорелось опять у Дунаюшки сердце богатырьское,
Расходилась опять сила богатырская,
330 Опять хочет плостать груди белые,
Опять хочет вынимать сердце с печенью.
Во плечи опять рука застоялоси,
Никак не можот плостать груди белыи,
Не может вынуть сердце с печенью.
- 335 Опять стал выпрашивать:
«Ты скажи мни, ты какой земли, какой орды?».
Отвечал наезник Дунаюшку:
«Плостай грудь белую,
Ничего у меня не спрашивай,
- 340 Кончай мою жись во чистом поли,
Я бы был у тебя на твоих грудях,
Ничего бы я у тебя не спрашивал».
Разгорелось опять у Дунаюшки сердеченько,
Расходилася сила богатырская,
- 345 Опять хочет плостать груди белыя,
Опять хочет вынимать сердце с печенью.
Третий раз занёс нож в руки правой.
Опять во плечи рука застоялоси,
И стал опять спрашивать:
- 350 «Почему я не могу плостать груди твоей?
Какой ты земли, какой орды,
И какого ты есть роду-племени?».
Говорит Дунаюшку наезничек:
«Когда уж стал ты много выпрашивать,
- 355 Да я же буду тебе высказывать,
Уж я есь со царсва со неверново,
И я есь короля дочь лихонимського,
И я есь Лизавета Никулична.
Как вы не знаете моей великой победушки
- 360 И несчастной низгодушки,
Что у нас вчерашний день случилось.
Как вчерашним денечком
Приехали руськии богатыри,

- Увезли мою сестрицу родимую.
- 365 Замуж ли взяли,
Иль во полѣн взяли, обесчестили.
И меня-то дома совсим не случилось.
Если бы я дома случилось,
Не увезли б её русьские богатыри.
- 370 То увезли мою сестрицу родимую
Апраксию Никуличну,
И я поехала в догоиу,
Догнать не могла богатырей.
Я с того горя поехала во чисто поле».
- 375 Как стала она разговаривать,
Выпал Дунай Иванович со белых груди
(То не мог задавить ю),
Говорит: «Ну дак ты когда Елизавета Никулична,
Да идёшь ли за меня во замужесьво?».
Она отвечает: «Разве ты холос есь?»
- 380 А ты какой земли, какой орды?».
— «Я уже тоже со города со Кеева,
Куда и увезли твою сестру».
Брал за белу руку,
Поцеловал в уста сахарнии,
- 385 Посадил её на коня богатырьского.
Она говорила: «Что же мне делать?»
Горем и неволей приходится итти замуж за тебя».
Приехали во славный во Кеев-град.
Кончатца пер князя Владимира,
- 390 А началсѣ пир Дуная Ивановича.
Провели пер Дуная Ивановича
С Лизаветой Никуличной,
Стали жить-поживать с Лизаветой Никуличной,
А князь Владимир с Опраксей Никуличной.
- 395 Потом говорит Лизавета Никулична:
«Ай же ты, сильной Дунай Иванович!
Пойди-ка ты во чисто поле,
Клади на головушку острейной нож,
А на ножик клади колечки злачённые.

- 400 Я повыду на волхон на высокое,
Я повыстрелю со стрелочки калёной,
Попаду ль к тебе в колечко золочёное?».
Он вышел во чисто поле,
Положил колечки на острейный нож.
- 405 Она вышла на волхоны на высокия,
Повыстрелила со стрелочки колёной
И попала во колечки во злочёныя.
Потом он пришол домой,
Спрашивает: «Попала ли я в колечки?».
- 410 Говорит: «Попала». Стало ему в унижение
И говорит Дунай Иванович:
«Пойди же ты, Лизавета Никулична,
Пойди же ты топерь во чисто поле,
Положи на головку острейный нож,
- 415 А на нож колечки золочёные,
А я повыйду на волхоны на высокия
И повыстрелю со стрелочки колёной,
Попаду ль тебе в колечки во злочёныя».
Говорит Лизавета Никулична:
- 420 «Не ходи, Дунай Иванович, ни попасть тебе,
Не учён ты к этому,
Ты только убьёшь меня.
У меня ведь во чреви два व्यюноши,
По колен ножки в серебри,
- 425 По локоткам ручки в золоти,
А во лбе красно солнышко,
В темени светёл месёц,
По косицам часты звёздочки,
На каждой у их будет волосиночки
- 430 По чистой жемчужинки.
Будут ростеть ни по часам — по минутам».
Ну он поупрямился, не послушал,
Посылает ю и только.
Ну пошла и положила на головушку острейной нож,
- 435 На ножички колечики.
Он вышел на волхон высокией,

- Повыстрелил со стрелочки колёной
И не мог попасть в колечки во злочёные,
Только попал ей прямо в белую грудь,
440 И убил свою молоду жену
Лизавету да Никуличну.
Ждал-пождал медленно —
Не видать ей с чиста поля,
Не приходит домой со чиста поля.
445 Он сам пошел во чисто поле.
Пришел во чисто поле,
Лежит Лизавета Никулична застреляна,
Лежит мертвёшенька.
Он взял выдергал с ножней острейный нож,
450 А разрезал у ей чрево человечье.
Там действительно на самой точке здрения
Два действительно выюноша прекрасные.
Тут горько-тошно он порасплакался.
Разгорелось опять у ево сердеченько,
455 Расходилось опять у его сила богатырская.
Опять взял во праву руку острейный нож,
Он положил тупым концом в сыру землю,
Вострым концом направил сибѣ во белу грудь.
И говорил тогда таковы слова:
460 «Куды падѣт голова Дунаева,
Протеки тут Дунай-река.
Куда пала голова Лизаветина,
Протеки тут речка Чѣрная,
Поперѣк пробежи по Дунай-речке,
465 И водушка с водой чтоб не мешалосе».
И протекла речка Дунай-река,
И в поперѣк протекла в тот час речка Чѣрная,
Водушка с водой не мешаетца.
Тут кончали жись Дунай Иванович и Лизавета
Никулична,
470 Нихто не зная, нихто не ведая
(Да уж узнали потом, быдто нет?).
Тым былина покончилась.

О ЩУРИЛЕ ЩАПЛЕНКОВИЧЕ

- Ище кто-то у сенцѣй,
 Кто у ворот теперь колотится?
 Колотится Чурило свет Щаплѣнкович,
 Щаплѣнкович, Щеголѣнкович.
- 6 Выходила Катерина Николаевна
 В одной тонкой рубашечке без пояса,
 В одних белых чулочках без чоботов.
 У ей женские волосы приубранные,
 Приубранные, приучѣсанные.
- 10 Отпирала воротца раскатястые,
 Запускала Щурилу свет Щаплѣнковича.
 У Щурилушки шапка пушистая,
 Пушиста, ушиста, надвиниста.
 Спереду спод шапки очей не видать,
 Позади спод шапки белой шейки.
- 15 Она брала ево за белу руку,
 Человала во уста его сахарния,
 Говорила при том таковы слова:
 «Ах щѣ же ты, Щурилушко, вчерась не бывал?»
- 20 Сахарнии ества не едины стоят,
 Медвяныи пива не питые».
- Ворона коня взяла, сама во стойло провела,
 Золоту сбрую взяла, на стопочку клала,
 Кунью шубоньку сняла, на стопочку клала,
- 25 Пухову шляпу взяла, на полочку клала,
 Сапожки разула — на место клала,
 Щурилушку за ручку в нову спальну провела,
 Сама молода со Щурилой спать легла.
 Прибегала тут девушка чернавушка,
- 30 Говорила при том таковы слова:
 «Ты не к месту, Щурила, приехал сюда,
 Уезжай-ко от нас,
 Уезжай сейчас совсем от нас,
 То пойду скажу Ермы судар Васильевичу».

- 35 Говорил-то Щурило свет Щаплёнкович,
Говорил Щурило таковы́ слова:
«Не сказывай, девка, башмаки куплю,
Не сказывай, девка, сарафан куплю,
Не рассказывай, девушка, даже замуж возьму».
- 40 Осердилась Катерина Николаевна
На ту́ю на девушку чернавушку,
Ударила её на право́й ще́кѣ,
Переправила потом по друго́й стороны,
Говорила то́гда таковы́ слова:
- 45 «Ай ты, мержа неучоная,
Уходи с добра со спальни долой,
Тибѣ мой Щурило не достанется.
Сама я Катерина башмаки стопчу,
Сама я Катерина сарафан сношу,
- 50 Сама я и замуж пойду
За Щурилу за Щаплёковича».
Заплакала девушка чернавушка,
Скорёшенько бежала ко божьѣм церквам,
Забегала она скорёхонько в церковь божью,
- 55 Крестила глаза на светителя,
Подходила ко Ермы судар Васильевичу,
Смотрела на нево прямёшенько,
Говорила тайно-тихошенько:
«Ай же, Ермак сударь Васильевич!
- 60 У вас в доме гости не́милые,
Неми́лый гость Щурило свет Щаплёнкович».
Говорил в ответ Ерма свет Васильевич:
«Ну во тай же ты, девушка чернавушка,
Буде правду говоришь, так башмаки куплю,
- 65 Буде правду говоришь — сарафан куплю,
Буде правду говоришь — даже замуж возьму,
А неправду говоришь — тебе голову срублю».
Разгорелась в ту́ю пору в то́е времечко
Разгорелось у Ермолушка сердеченько,
- 70 Расходилась тут сила богатырская.
Выходил скоренько со божьѣй церкви́,

- Садился скоренько на добра коня,
Брал во ручку плётку шёлковую,
Подъезжал скоро ко своему широку двору,
75 Ко своей к палаты белокаменной,
Не воротимья въехал широкимья,
Скочил через стену городовую,
Слезал скоренько со добра коня,
Спустил коня вольня на широкий двор,
80 Подходил к воротам раскатистым.
Постучался свет Ерма Васильевич.
Кто у ворот теперь колотится?
Колотится Ерма свет Васильевич.
Выходила Катерина Николаевна
85 В одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тононьких чулочечках без чаботов,
У ей жењьския волосы растрёпанья,
Прирастрёпанья, прираспудрянья,
Открывала воротья раскатисты,
90 Запускала Ерма свет Васильевича.
Говорит Ерма свет Васильевич:
«Катерина, ты што? А Николаевна, на што?»
Отвечала Катерина Николаевна:
«Мне теперь что-то худо можится,
95 Совсим нездоровится».
На сараец пришол, сани увидал:
«Я такй сани у Щурилы видал,
Катерина, это што? Николаевна, шго?»
Отвечала Катерина Николаевна:
100 «Вчерась ездил мой братец во чисто поле,
Со Щурилушкой санками сменялися».
На стопочку взглянул, сбрую нашол:
«Я таку сбрую у Щурилы видал,
Катерина, это што? Николаевна, это на што?»
105 Во стойло пришол, ворона коня нашол:
«Таково коня у Щурилы видал,
Катерина, это што? Николаевна, на што?»
— «Ездил братец во чисто полѣ,

- Со Щурилушкой конём сменялися».
- 110 Он на стопочку взглянул, кунью шубоньку
нашол.
- «Этаку я шубу у Щурилы видал,
Катерина, это што? Николаевна, на што?».
- Отвечала Катерина Николаевна:
«Вчерась ездил братец во чисто поле,
115 Одним словом всим со Щурилой поменялися».
- Он во спальную пришол, там Щурилушку
нашол.
- «Катерина, это што? Николавна, это хто?».
- Тут молчала Катерина Николаевна.
- Расходилося ретивое сердеченко,
120 Расходилася тут сила богатырьская,
Выдергал со ножней саблю вострую,
Срубил он у Щурила буйну голову.
Не скачѣная тут жемчужина скатилася,
А у Щурилушки головка покатилася,
125 Покатилась головушка Щурилушкина,
Туда же вослед Катеринушкина.
- Прошло тут немножко поры-времячки,
Завѣл Ермак свет Васильевич,
Он развѣл тут славный Chesный пир,
130 Взял замуж эту девушку чернавушку.

112

БЫЛИНА О ЦАРЕ СОЛОМАНЕ

(Давно это было, ещё до государства, царь Соломан жил).

- Во славномъ было да Новем городе
Был славный царь да Иван свет Окулевич.
В одну пору в одно времячко
Похотел тут он поженитися,
5 Завѣу он славный и Chesной пир,
Зазвал к сибѣ князей всих бояринов,
Полениц зазвал к сибѣ удалых,

- Могучих зазвау себе богатырей.
Вси на пир прибиралися,
10 Вси на пиру разгулялися,
А вси на пиру да угощалися.
А сделалися вси в хмельном разуме,
А и вси тогда порасхвасталися:
Умнай хвастау всё житьём своим,
15 А безумный хвастау богатством,
А который цвѣтным плачьицем,
Иной да добрым конём,
Да который золотый казной.
Говорил тут Иван свет Окульевич:
20 «Ай же вы, удалы добры молодцы,
Вси вы таперечу поженены,
А книгини за вас да вси повиданы,
Один я, молодец, да холост стау.
Вы ездите, удалы добры молодцы,
25 Вы по всим странам, вы по всим ордам,
Не знаете ли мне да супротивной:
Цюбы росту была она високова,
Станом была да востановитая,
Да лицом была да белёшенька,
30 У ей очи были бы ясна сокола,
А бровы были бы чёрна соболя,
Собой была бы смирённая,
Умом сверста да волосом жеута,
Волосом жеута и волосом жаука».
35 Вси мовчали князи-боярины,
Вси мовчали поленицы удалые.
Выскакау Ивашка Поваренин,
Ставиуся на грёдянь столовую,
Стаяу Ивашко прямёшенько,
40 Поклонился Ивашко низёшенько,
Говориу Ивашко таковы слова:
«Ай же ты, царь Иван свет Окульевич,
Я осмелюсь тиби слово вымолвить,
Уж я знаю тиби супротивную,

- 45 Только далече-далёко за синим морем,
За синим морём Балтыньским.
У то́го ца́ря да Солба́мана
Есть прекра́сная ца́рица Салама́ния,
Росту́ она́ высо́кава.
- 50 Станом она́ да становита́я,
Да́ лицом-то́ она́ белёшенка́,
У́ ёй очи́ ясна́ со́кола,
А́ бровы́ чё́рна со́боля,
Собой она́ смире́нная,
- 55 Умом сверста́ да волосо́м желта́,
Волосо́м желта́ и́ холосом́ жалка́».
Осердился́ Ива́н свет Оку́льевич
На то́го Ива́шку Пова́рина,
Удари́у Ива́шку по пра́вой ще́ки,
- 60 Пере́прави́у Ива́шку по дру́гой ще́ки,
говори́у то́гда таковы́ слова́:
«А́й же ты́, ме́ржь неучё́ная,
Разве́ можно́ де́лать та́к —
У́ жива́́ мужа́́ да́́ жену́́ отня́ть?».
- 65 Хо́ть оби́тай Ива́шка, то́лько сме́лой бы́л.
Говори́т Ива́шка таковы́ слова́:
«Не́ сержу́сь на те́бя и́ не́ гневаю́сь,
Хо́ть уди́ри́у ме́ня по пра́во́й ще́ки,
И́ пере́прави́у ме́ня по дру́гой ще́ки,
- 70 Если́ хо́чешь получи́ть прекра́сну Салама́нию,
Послу́шай ме́ня безу́мнаго́
И́ послу́шай ме́ня неразу́мнаго́,
И́ испо́лни моё́ при́казание́:
Состо́рой кора́блик нове́нькой,
- 75 А́ новы́й кора́блик состо́рой модне́нькой.
На́ кора́блик на́грузи́ това́ру разна́го,
Разна́го на́грузи́ за́гранично́го,
За́гранично́го, разли́чнаго́.
На́ кора́блик рассади́ сади́к зеле́ненькой,
- 80 Посади́ туда́ дере́вья разны́я,
Кипари́чныя и́ виногра́дные,

Разноличныя и заграничныя.
 Спусти туда птичек разных,
 Штобы пели они песни разные,
 85 Воспевали бы голоса чудныя.
 И во садик клади кроватьку тесовую,
 На кроватьку перинку пуховую,
 Одеальце клади соболиное,
 Сголовие клади крутоскладное,
 90 Занавесточки повесь шелковые.
 Клади во садик столик дубовую,
 Застели скатерти забраныя,
 Наклади кушаньев разных,
 Закусок всяких
 95 И наклади питьёцев разных,
 Междо разныма питьям положи забудущия,
 И дай без счёту золотой казны.
 Отправь-ка корабельщиков по надобью,
 Сострой, сострой царю Соломону подарочек,
 100 Сострой, сострой царю Соломону шубку соболиную,
 Положи сорок соболей да со куниками,
 Царицы Саламани кладь золотой подарочек.
 Кладь царицы кованой ларечь,
 Кованой ларечь со кручёным шолком,
 105 С дорогой парчей не сочёмнаей,
 Положи камней туды разных,
 Которые неоцённые.
 Этот подарочек царицы Саламани.
 Отправь силы по надобью
 110 И без счёту золотой казны,
 Штобы приняу царь Соломан.
 Отправь меня туда безумнаго,
 Отправь торговать неразумнаго».
 Исполниу царь Ивашка приказание,
 115 Отправиу Ивашка за морё за Балтынское.
 Приехали во тот во славный град,
 где живёт царь Соломан сам.
 Поставили якоря,

- Выезжаѹ Ивашка на ялики,
120 Приехаѹ к крутому бережку,
Выходиѹ, пошоѹ ко граду,
Подходиѹ к полаты царьскойей,
На тот заходиѹ на широкий двор.
Подошоѹ к окну к растворённому.
- 125 В эту пору дома царя Солóмана не случилось,
Одна была царица дома Саламания,
Подаѹ звук Ивашка кротким тихим голосом,
Говориѹ Ивашка таковы слова:
«Ес ли здесь ково благодителяй,
- 130 Подайтя-ко мни милостиньку,
Страннику проезжему и прохожему,
Страннику иностранному».
Подошла царица к окну растворёному
И увидела Поварёна, говорит:
- 135 «Проходи, странник нищенъской,
Проходи во комнату».
Приказала слугам пропустить Ивашку во комнату.
Пришоѹ Ивашка Поварянин к царицы во комнату,
Стояѹ Ивашка прямёшенько,
- 140 Поклонился Ивашка царицы низёшенько:
«Здравствуйте, прекрасна царица Саламания,
Я приехаѹ сюда со Нового со города».
Угощала Ивашка Поварена.
- 145 Говорит Ивашка:
«Дозвольте мни, прекрасная царица Саламания,
Подъехать к вашей пристани,
Ко прекрасну хороду.
Я приехаѹ с товаром заграничным,
- 150 Сколько мне означить оплатить дани-пошлины?
Подарочек ещё не посмеѹ принести,
Не надеялся щё я попаду к вам в комнату.
Пожалуйте ко мни на корабличек,
Оченити товар заграничной мой,
- 155 Сколько мне означить-оплатить дани-пошлины,
И получитьи там сибѣ подарочек посланный».

- Пошла царица Саламания
С Ивашкой Поваринием
На корабличек посмотреть
- 160 Ивашка товару разного,
Приехали на кораблик на янике,
Ходила по кораблику модному,
Смотрела товары разные,
Говорила Ивашку таковы слова:
- 165 «Торгуй, Ивашко, без дани,
И торгуй, Ивашко, без пошлины».
Говорит Ивашко: «Пожалуйте
Во садик зелёной, полюбуйтесь,
Там птичьи всякие поют,
- 170 Песни распевают разные».
Зашла царица Саламания во садик зелёной.
— «Пожалуйте садиться к столу ко чётному».
Садилась к столу ко дубовому.
— «Кушайте кушанья разные,
- 175 Выпивайти питья разные».
Садилась прекрасна Саламания к столу к дубовому.
Сказала: «Я сама налью, каких мне надобно».
Налила питья забудного,
Выпивала, выпивала, маленько дала ошибочку,
- 180 Очень интересно было сидеть прекрасной Саламании
И как слышать птичек, как поют песни разные,
Интересно было сидеть у чётного стола дубового.
И выпила питья забудного,
Уснула у стола, трудненько ей стало
- 185 И тяжёленько.
Говорит Ивашка Поваренен:
«Пожалуйте, прилягте на кроваточку».
Положила прекрасну Саламанию на кроватку тесовую.
Прилегла прекрасна Саламания на кроватку тесовую,
- 190 Открыла одеяльце соболье,
Заснула она тут крепким сном.
Тут заторопился Ивашка Поваренин,
Приказау матросам корабельным

- Поднимать скорее якоря на палубу.
195 И распускали паруса скорее белая,
Отправлялись по морю Болтыньскому
Завяю ветер повечорый йим.
И так увёз Ивашко княгиню прекрасну Саламанию,
Увёз Ивашко хмельнёшеньку,
200 Увёз Ивашко пьянёшеньку,
Уснувши крепким сном лежала во кровати тесовая,
Привозили к царю Ивану свет Окульевичу.
Привёу Изашко повар, представиу царю прекрасную
Саламанию,
Приняу царь Иван свет Окульевич,
205 Очень был благодарен Ивашке,
Што приставил ему царицу Саламанию,
Наградиу Ивашка дорогим подарочком,
Наделиу Ивашка золотой казной:
«Привёз Ивашко товар не делёнай, не шевелёный,
210 Весь сохраниу моё добро».
Стала жить прекрасна Саламания
У царя Ивана Окульевича,
Живут с ёй, как муж с женой,
Живут, продолжают жить.
215 Прошло времени ровно уж три хода.
Приехау царь Солóман домой,
Явился во свою полатушку.
Доложили: «Нету дома царицы Саламании,
И не знаем, куда ушла, куды уехала».
220 Три хода царь Солóман разыскивал царицу Саламанию
По всим ордам, по всим странам,
Наконецъ узнау, што она
У Ивана свет Окульевича находится-живёт.
Справиуся царь Солóман за морё ехать,
225 За Болтыньское на нескольких кораблях,
И взяу с собой силу коннычью,
Поставиу корабли за хород, за валы,
Оставиу на бережку их.
Войску наказау: «Если я буду живой,

- 230 Если меня не казнят с ряду,
Да если услышится я в рожок сыграю,
Если первый раз услышится,
То седлайте коней моментальнѣ,
А если в другой раз услышите голос рожка,
235 То на кони форменно садитесь,
А третий раз буде услышится где мой сигнал рожка,
Туда моментальнѣ окружить,
Во весь ход штобы спустить лошадей».
Сам пошоу, обученки худы, одѣженька худа,
240 Пошоу нищим старичком.
Только взяу подмышку тюрий рог.
Подошоу к окну к растворѣнному.
Царя-то Ивана Окульевича дома не случилось,
Только одна дома прекрасна Саламания.
245 Подошоу к окну к растворѣнному,
Закричау кротким, гиблым холосом:
«Ес ли тут добрых благодителяй?»
Подайти-ка мни пожалуста милостиньку,
Отведите душу мою от холоду».
250 Подошла царица к окну к растворѣнному:
«Ох ты нищенький,
Ох ты бедненькой,
Пройди ты во комнатку,
Мы любим нищих, принимаим странных».
255 Приказала слугам впустить ево в комнату.
Приходиу царь, явился во комнату,
Говорит царицы Саламании:
«Ну што, царица Саламания:
«По рукам-ли бѣешь, аль почелуешься со мной?»».
260 Говорит прекрасна Саламания:
«Ни по рукам не бью и ни почелуй не воздам,
Чорт ли тебя сюда принѣс
Хитрово царя Солóмана.
Да хто тебя сюды звау?»
265 Тиби верно мешает холова на плечах,
Или жисть тебе надоела,

- Жисть ли тебе надоела аль голова тебе на
плечах помешала?
- Вот придёт царь скоро домой,
И получишь смерть ты скорую.
- 270 Садись скорее в сундук, я тебя замну от царя».
— «Уехала ты от меня, скрыласи,
И я всё разыскиваю,
И я после того не царём стаю, нищим,
Стаю пить я питию,
- 275 Меня уволили, стаю я нищим и странником».
То й замнула ево во большой сундук.
И сидит сама на нём.
Царь приехаю, она уж и не вышла ево встречать,
Сидит на сундуку.
- 280 Царь пришоу, говорит: «Що же ты не встретила?
Только-ль места ты нашла
На сундуку сидеть?».
Она говорит: «Ты не знаешь,
Щево сижу на сундуку — я сижу с большой радости.
- 285 Я сеюдня-то спугалась-то,
То спугалась, растерялась,
И не знаю, што сибѣ сделать».
— «Ну што же таково нова?»
— «Да которова хитреча мы с тобой
- 290 Боялися три года,
Так сидит он внизу в сундуку,
Ведь вот какой хитрый чорт,
Ведь нищим, просящим под окно милостыню
пришоу просить,
Приказала я ему в сундук сесть.
- 295 Испугалась, что может меня схватить».
Говорит царь: «Выпусти
С сундука ево, пока не затухнуу там».
Открыли сундук — уж чуть-чуть не затухнуу,
Только едва-едва в живности.
- 300 Говорит царь: «Садись, царь, обедать с нами».
— «Нет я не царь Соломан, я нищий,

- Такой мни паспорт дан,
Нинде меня более трѣх дѣн не держи,
Визди надо шататься по свету по белому.
- 305 Ни царь я, ни Солóман,
Это верно в личность вам показалось».
— «Не калякай ты с ним ничаво,
Казни ты ево скорей,
Не так он прибыл сюда, он хитѣр,
310 Ты ево не знаешь, а я знаю».
— «Да никуда он от нас теперь уж не уйдѣт».
— «Не уйдѣт, так узнаешь, как не уйдѣт».
— «Не имею права царя казнить своевласно,
Как он сам пожелает, таку смерть подадим.
315 Ничево он с нами ни поделает,
Пусть он хитрый хоть расхитрый.
Так ты, царь Солóман, желаешь сибѣ смерть какую?
Зарезать тебя, аль повесить тебя,
Аль голову отрубить?
320 Или в сундук желаешь сесть, штобы затухнуу тут?».
Он говорит:
«Ни зарежьте меня, ни тушите меня,
Да головы моей не рубить,
А в чистом поле наладьте про меня вешалицу,
325 Наладьте мни три петли,
Повесьте меня, в три петли зараз задѣрните,
Во перьву петлю кладите мою голову,
Во вторую петлю руки мои кладить,
А во третью ноги.
330 Тако меня и задѣрните в три петли зараз,
И таку смерть жалаю, когда я тоно да мошу».
Царь Иван Окульевич приказу
Быстро наладить петли во чистом поле
Про царя Солóмана казнѣ.
- 335 Говорит царица: «Напрасно ты приказал».
— «У нево войска и охраны нет,
Што с ним сделается?».
Царица ховорит: «Вспомнишь меня, погоди».

Пошли на вешалицу.

340 Вывели царя в чисто поле,

Царь на кони поехал Иван Окульевич,

Ивашка пошоу и царица пошла.

Говорит царице Саламанин царь:

«Теби бы совсем итти ни надо,

345 Ты-то чево идёшь любоватьця на смерть царёву?»

А царица сказала:

«Интересно мне поглядеть, как тебя повесят».

И пошли, отправились.

Царь говорит:

350 «Первую карёжку конь везёт,

Другая карёжка сама идёт,

А третью уж чорт несёт».

Приехали в чисто полё.

Встау царь по леснице на стремянку,

355 Стоят которые дожидают задёрнуть.

Встау на место и говорит Солóман царь:

«Позвольти мни перед смерётушкой,

Позвольте сыграю в рожок хоть разик».

Царица говорит: «Ишь как он хитёр,

360 Рожок и тот не сумели отобрать».

— «Нет вы не можете отобрать».

Царь говорит Иван-то Окульевич,

Дозволиу сыграть ему.

Воскликнуу царь в сигнала рожка,

365 Там как за валами шум пошоу,

Там за валами шум пошол, конница взыгралася

Царица говорит: «Вот дозволил заиграть!».

Царь Иван Окульевич сказау:

«Это што за шум, царь, за валами,

370 Знаешь ли?».

— «Ето птиченьки водяные трепещут,

Полетают на смерётушку царьскую.

Они знают царя Солóмана.

Позвольте еще раз сыграть».

375 — «Ну играй». А царица говорит:

«Вспомнишь, царь, это птиченьки не просто играют».
 — «Ничего ты не знаешь,
 Уж на стремянки стоит,
 Так куда ему уйтись?».
 380 И друной раз сыграю,
 Там еще гораже шум пошоу.
 Говорит царь Солóман:
 «Вы мои руки и головы не кладавайте,
 Вы нихто на лесенку не вставайте,
 385 Сам сделаю теперь».
 Говорит царь: «А теперь-то я
 Дозволите — сыграю да не позволите — сыграю».
 В третий раз-ко скрынуу в рожок,
 Как моментальнѣ накрыла конница кругом.
 390 — «Вот, мои дети, где ваш царь стоит — на вешалице!».
 Цоп! Стой!
 Приказау палачам этим:
 В первую петлю — царя Окульевича,
 В две петли — Ивашка Поваряного,
 395 В одну — голову, в други — руки.
 Затянули, кончили.
 Приказау царицы казнить тяжкими казнями
 (Это такие казни прежде были страшные, особенные,
 а теперь у нас нет. Может в других странах есть, я не
 знаю, а у нас нет, не слышала) —
 Отрезать сперва у ей язык:
 «Этого не надо, царица поһаноһо целовала».
 400 По локтям приказау отрубить руки у ей:
 «Этого не надо, царица поһаноһо она обнимала».
 Приказау по коленкам отрубить ноги:
 «Этого не надо, царица ими оплетала».
 И спустили ею в маленькой шляпочке.
 405 Кинуу на море.
 Стала колыбаться царица во шляпочке.
 От бережка она отшатила,ся,
 А к друному она не пришатила.ся.
 Сам отправился с своей конницей

410 Обратно за море Балтынское.

И сказау: «Што нет злея такой злобы,
Пусть вси ангелы писарямы,
Пусть вси моря чернилами,
Не выписать такой злобы».

113

МАРИШКА ДОГАДЛИВА

- В одно прекрасно времячко
Снарежаетча Добрынюшка Никитинеч,
Снарежаетча, умываетча,
Одевает рубашечки-манишечки,
5 Стоит против зерькала хрустального,
Причёсывает свои жолтые кудёрушки
Со своей с насмешочкой, с улыбочкой,
Говорит родная ему маменька,
Чесна вдова Афимья Александровна:
10 «Куда ты, мое дитятко рожено, снаряжаешься,
Далёче ли, дорогой, отправляешься?
Не назначен ведь опять на заставу».
Отвечал Добрынюшка Никитенич:
«Когда спрашивашь, родна матушка,
15 Отправляюсь я да на прогулочку
Йройти по славному своему граду».
Говорит родитель-маменька:
«Пойдешь ты, дитятко, на прогулочку,
Не зайди хоть в Маришкин переулочёк,
20 И не зайди хоть к Маришке всё ко ..... догадливой».
Говорит Добрынюшка Никитенеч:
«Што же ты, моя родитель-матушка,
Почему не зайти мне к Маришке догадливой?».
— «Если ты зайдешь к ..... догадливой,
25 Пропадёшь ты, драгой, за глинную платичину».
Говорит Добрынюшка Никитенич:
«Что же ты, маменька, меня расстраииваешь?

Как же я могу, такой богатырь могучий,
Пропасть у Маришки . . . . . догадливой?».

30 Снарядилсэ Добрынюшка Никитенеч,
Вышел со своей полаты белокаменной,
Выходил со своего двора широкого,
Со своо со терема высокого.
Стаў Добрынюшка, задумалсэ,

35 Приклонил свою буйну голову
Во матушку сыру землю.
«Вот какая маменька, мало-мало хожу на прогулочку,
И раз вышел на прогулочку,
И то оговорила меня родна маменька.

40 По ейному веленьицу ходи,
Не по ейному не ходи.
Как же это она говорит,
Верно с глупой со старости.
Как же я могу пропасть у Маришки догадливой?

45 Пойду схожу на счастье».

Пришел к Маришке . . . . . догадливой,
Ступил бодрёшенёк,
Явился к Маришке веселёшенёк.
Стречала Маришка . . . . . догадлива,

50 Стречала гостя дорогого:
«Ах явился, свет Добрынюшка Никитенец!
Кого не дождали и не надеялись,
Что он ко мни да явитча.
Ждать того гостя не выждати,

55 И звать того гостя не вызвати.
Пожалуйста, Добрынюшка Никитенеч,
Раздевайся, проходи и садись к столику дубовому».

Раздевалсэ Добрынюшка Никитенеч,
Присел к столичку дубовому.

60 Угощала его Маришочка.
Угощался Добрынюшка Никитенеч,
Принапился разного хмельного и зелена вина,
Сделалси немножко хмельнёшенек,
Говорит Маришка догадлива:

- 65 «Ну что, Добрынюшка Никитенеч,
Доволен ли моим угощеньцем?».
— «Очень доволен, спасибо за угощенье».
Говорит . . . . . догадлива:
«Ну вот, Добрынюшка Никитенеч,
70 Не угодно ль со мной на кроваточку
Лечь позабавитьча?».
Говорит Добрынюшка Никитенеч:
«Не худо и на кроваточки позабавитьча,
Я ведь еще холост — не женат».
- 75 И говорит . . . . . догадлива:
«Дак вот что, Добрынюшка Никитенеч,
Раздевайся-ка ты по ночному,
Разувай свои резвы ноженьки,
Рубашечки-манишечки,
80 Оставляйся только в одном белье ночном».
Он разделся на одну рубашечку,
На одно белье ночное,
Подошли к кровати и стали около кровати.
Говорит Маришка догадлива:
- 85 «Ложись же, Добрынюшка Никитенеч, о стеночку,
А я прилягу на крайчик».
Говорит Добрынюшка Никитенеч:
«Нет, ты сама ляг о стеночку,
Я гось приезжий есть,
90 И неравно к тебе придут гости незванные и неожиданные.
Чтобы я мог скоренько скочить с крайчика.
Да и ты раздевайся по ночному».
— «Нет, я не разденусь,
Неравно придут гости, а мне одеватьца долго будет.
- 95 Я найду им комнатов, найду кроваток».
Стоят у кровати да коряютца.
Говорит Добрынюшка Никитенеч:
«Долго у нас разговор повелсэ,
Что тут много мне с тобой разговаривать?».
- 100 Хватил Маришку по серёдке
И бросил Маришку в кроваточку о стеночку,

Нераздетую Маришку бросил,
А один момент видел только что бросил,
А не видел, как Маришка провалилась
сквозь кроваточку.

105 Стоит Добрынюшка да призадумалси:
«Куда она могла провалиться?».
Поглядел туда скрозь кроватку — дыра полая.
Вот полая оказалась эта кровать,
Она туда и провалилась.

110 Удивилсэ, стоит у кроваточки.
Зажгал огонь-свечку, подошел светить,
Не видно тут дыра скрозь темно,
Не видно тут и Маришки ни рук, ни ног, ни головы,
«Куды, думает, куды копейка провалилоси?».

115 Скоро сказка сказываетца, да не скоро дело деетца.
Там уж долго ли он стоял,
Стоял, постоял, подумал,
Надо искать, куды она провалилась.
Нашол ключей вязанки,

120 Эти от комодов, эти от буфетов, эти от шкафов.
Надо итти вниз искать ключи дверные.
Пошел искать-ходить.
Скоро ль, тихо ль искал ключи, нашол,
Зажгал огонь, темно, надо итти.

125 Ходиу, ходиу по дверям, отмыкал,
Всё ниже и ниже ступеньки,
Всё ниже и ниже двери,
Ледник, холодный лёд там,
И лежат там добры мѣлодчи.

130 Инны лежат мѣртвыи, инны живые.

Тут спомнил маменьку:
«Вот мне не велела итти,

А у меня-то ум-то молод,
Правду мне маменька сказала,

135 Вот моя какая умная маменька,
Вот я пошел, не послушался родную маменьку,
Да кажетца пропадаю совсем».

Ходиў, ходиў по дверям,
Нашол комнату, отомкнул ледник,
140 Потом ниже и ниже сошел:
Там лёд-холод,
Там молодцов, там Маришку нашол.
Как вверх глянул, напротив этой кровати высоко,
А не убыетча человек, падёт и не убыетча.
145 Инные уже закоченели,
Живые сидят на подпорах.

Оказываетца она молодцов-то, которых принимала, всё губила, пропадут без вести и нигде не могут найти. У ней вероятно такие люди были, которые отвозили мёртвых людей, потому что в одной комнате он и мёртвые тела нашол. Маришка там тоже сидит. Молодцы говорят, что нас теперь бог выведет. «Как ты сюда попал, Добрыня Никитич?». Он говорит: «Как вы попали, так и я». — «Нет, мы не так попали. Вот нас на кровать положила, мы и провалились. Она всё отобрала платье, и деньги, и часы». (*Мало ли! часы может быть были червлени*). — «Ну молодчи, не тужите теперь!»

Которых вывел, которых вынес носком, не оставили там. А Маришка сама вслед идет. Он спросил: «Как вы желаете с Маришкой поступить, оставить в леднике, али с собой вести туды, али куды?». Оны говорят: «Согрей нашу душу, оживи нас, нашей души не дай пропасть, да накорми». — «Подите согрею, накормлю вас досыта и напою допьяна». К столу приоделись. Добрынюшка одел инных, кто не может одетьца. Оны сели к столу ко чесному. Маришке не дают ись. Маришка не смеет гукнуть (*Какое смеет тут!*). Ели, выпивали водки, очень благодарили Добрыню Никитича: «Вечно будем за тебя богу молитьца». Говорит Добрыня Никитич: «Как же мы молодчи с Маришкой будем теперь поступать, даим ли на город знать, али своим судом накажем Маришку?». Один сказал: «Как она нас губила, не заявляя никуды, так и мы погубим, не скажем никуды». Оны её убили. Взяли эты кости, собрали, завернули в половик и бросили к покойникам: «Вот тебе, собака, собачья честь!». Ну тут долго ль, коротко ль гостили, заявились

начальству аль так. Добрыня и людеи вывел и сам вышел. Маменька плачет: «Верно зашел к Маришке . . . . догадливой». Он ничего не говорит матери, что он был у Маришки. Так и извели Маришку. Она изводила молодцов, они извели ю, Маришку ту, не сказали начальству.

(Я думаю, что надо было это дело подать в суд).

(Вся былина коротка да интересна. Только редки таки штуки получаютца, было досюль-то).

БЫЛИНА ОБ ИВАНЕ ГОДИНОВИЧЕ

[МОЛОДЕЦ И ХУДАЯ ЖЕНА]

- Всякой на сём свете поженится.
Да не всякому женитьба удавается.
Удавалась у Добрыни свет Никитичу,
Хужа у Алёши Поповича,
5 Неудачна Ивану Годиновичу.
Женила ево мамынька неволею,
По неволей отец, не охотою.
Не у голово, не у босово,
У татарина женили у богатою.
10 Приданово много, человек худой.
А приданому висеть да на грядочке,
А худой жены да на моей руки,
На моих руках лежать, да меня целовать.
А того мне молодцу не хочется,
15 А сердце моё совсем не воротятся.
Подумал своим умным разумом:
Со худой женой да не хочется,
Уж я лучше добрый молодец на гульбу пойду
От худой жены неудачной.
20 Скорёшенько молодец придумал тут.
С отчём ли маменькой не благославился тут,
С родом-племенем не прощался тут,

- Молодой жены не являлся тут.
Собрал свою малую сумочку,
25 Небольшую наладил котомочку,
Крестил глаза на светителей,
Выходил с палаты белокаменной,
Со своего двора он широкова.
Со своего двора широкова
30 Выходил на широкую дорожку,
Поклонился удадай добрый молодец
На все на три, на четыре на сторонушки.
А отправился да удал добрый молодец
По широкой пошел по дороженьки.
35 На дороги шол не постаивал,
Обратно молодец не посматривал,
Поспешал-те широкой дороженькой,
Продолжал много времени во дороженьки.
Сошел скоро, а нескоро сказка сказывается,
40 Да и скоро никогда не делается.
Продолжал много на дороженьке.
Сошел молодец из орды в орду,
Из орды в орду, из земли в землю,
Из земли в землю да к королю в Литву,
45 В землю большею к королю литовскому.
Доложили королю да литовскому,
Што явился незнаем молодец.
Вот призвал он Ивана свет Годиновича.
Стал выпрашивать, стал Иванушку высказывать:
50 «Ты какой земли-земли,
Ты какой орды, роду-словия?».
Рассказал Иван да Годинович.
Говорил тут король да литовский:
«А желаешь ли стать ко мне во конюхи?».
55 Положили тут меня во конюхи.
Три году проконюшал,
Там бои его милуя и король ево да крепко жалуя.
Положили потом ево во столеники.
А и три года он востоленичал,

- 60 Бог ево мѣлуя, король его крепко жалуя.
Положили его да тут во ключники,
А и три годѣ что он проключничал,
Да король да ево да крепко жалуя.
А у короля была дочь единая,
- 65 А прекрасна королевна Еленушка,
Говорила папашеньке родному:
«У меня-то нету ключника,
У меня-то нет лакейничка,
У меня-то нет постельника.
- 70 Я желала бы незнаямоho молодца».
Положили Ивана свет Гоудиновича,
Положили прекрасной королевичне.
Завсегда ево прездрила во ясных очах,
Постоянно занимала на чистых речах,
- 75 Сама про нево настольничала,
Сама про нево наключничала,
Сама про нево постельничала,
Сама про нево лакейничала.
А и живёт-то Иван свет Гоудинович
- 80 Скоро будет времени три году
Со прекрасной королевичной.
В одну порушку да в одно времячко
Живёт у прекрасной королевичны,
Скоро будет тому три году,
- 85 А и не бывал он на прогулочки.
А и говорит-то Иван Гоудинович:
«Я живу-то здесь во служении
Скоро будет ну-ко времени двенадцать лет,
Не бывал никогда на прогулочке.
- 90 А пустите меня на прогулочку
Посмотреть на ваш славный град,
Полюбоваться на ваш прекрасный сад».
Говорит прекрасна королевична:
«Не спущу тебя на прогулочку,
- 95 Зайдёшь ты, удалый, во царёв кабак,
Напѣешься зелена вина,

- Будешь в хмельном разуме,
А собою много перескажешься,
Выражать будешь речи похвальные».
- 100 Говорил тут Иван свет Годинovich:
«А спусти меня, спусти пожалуста,
А не зайду я во царёв кабак,
А не напьюсь я зелена вина,
И не буду в хмельном разуме».
- 105 Спустила прекрасна королевична,
Снарядила Ивана свет Годинovichа:
На ножки сапожки козловыя,
На головку шляпу пуховую,
Да пятьсот рублей шубку соболиную.
- 110 А без счёту дала золотой казны,
В ручку тросточку камышеву,
В карман золоты часы.
Отправился удалый добрый молодец,
А пошел-то он на прогулочку,
- 115 Не заглянул он в прекрасный сад,
Не прошол он на славный град,
Зашол прямо во царёв кабак.
Тут напился молодец зелена вина,
А да сделался тогда в хмельном разуме.
- 120 А стал-то Иванушко рассказывать,
А и начал-то Иванушко выхвастывать:
«Вот живу я у короля литовского
Скоро будет двенадцать годов.
А живу у прекрасной королевичны
- 125 Скоро будет три году.
А сама про меня да постельничает,
Постоянно занимает во чистых речах,
Постоянно прездрит меня,
А живём мы с ёй будто муж с женой».
- 130 Услыхали эти речи похвальные,
Донесли о том королю литовския,
Приказал король взять Ивана Годинovichа в
хмельном разуме,

- Раздеть Ивана Годиновича,
Положить ево буйну голову
135 На плаху дубовую.
Услыхала прекрасна королевична
Про казнь Ивана Годиновича:
«А папашенька родненький,
Не казните незнаема добра молодца.
А лучше справьте его в свою сторону,
140 Откуда он прибыл сюда,
Туда пускай убирается,
Оставьте ево вы во живности».
Наделила ево серебром и пошел в свою сторону.
Провожал много времени
145 К худой-то к жёнушке к неудачной.
Подходил-то ко своей деревеньке,
Ходят по улице два маленьких юноша.
Говорил-то Иван да Годинович:
«А есь ли у вас батюшко да матушка?».
150 Отвечали-то малы детушки:
«У нас матушка-то на работушке,
У нас батюшка уж двенадцать лет
Как в гульбу ушел,
И не знаем, есть ли жив али нет».
155 — «Подойдите ко мне, милы юноши!».
Принял к своим белым рукам.
Идёт ево худа жена, неудачная:
Во правой руки да востра коса,
Во левой руки да часты грабли,
160 На плечах бедна горюшеча дрова несёт.
Тут спросил-то Иван да Годинович:
«Ты вдова ли есть да безмужняя,
Ты жена ли да мужняя?».
— «Ни вдова-то я есть ни безмужняя,
165 А горюшеча на свете горегорькая.
Двенадцать лет как муж в гульбу ушел,
Ни письма, ни весточки.
А я рошу два малых юноша».

- «Ну пойдём же в твою малу хижину».
170 Говорит-то Иван Гоудинович:
«Запусти-ко руку во глубок карман».
А зашли тут во малу хижину.
Рассказалися да распозналися
Да и стали жить да быть,
175 Да век коротать.

115

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

- Жил Буслав девяносто лет,
Жил Буслав сто годов.
Но не старилсѧ — лучше ставилсѧ,
Хоть не старилсѧ вдруг представилсѧ,
5 Пришла смерть к нему
(В старину смерть приходила въявь по ветхому закону)
И говорит смерть таковы слова:
«Вот, Буслав, я топерь за тобой пришла».
Говорит Буслав смерти этѧей:
«А ты, смерть, ты ходишь не умная,
10 Ах ты смерть, ты ходишь не разумная
Голова ты ходишь не рассудная,
Смерть ты ходишь не посульная,
Раньше писем мне не писала,
Ведѧма от тебя не бывала.
15 Скольку дашь строку мни?
Дай ты мне, смерть, строку хоть на три годика.
Исповедатьче и причаститьче мни
И с родѧм-племенем проститьча мни,
Расточить своё имение всё по нищей по братни».
20 Говорит смерть таковы слова:
«Было дано строку тиби
На сто да на четыре да на три годѧ
Исповедатча тиби да и причаститча,
И с родѧм-племенью было тиби проститча».
25 — «Так дай же мне строку исповедатча».

- «Только дам тиби строку на три часика».
Прошло три часику, приставилсѧ Буслав.
Осталсѧ сын Васильюшка Буславович,
Осталсѧ с родной со своей да с матушкой.
- 30 Стал ростеть, вступать уж в силу богатырьскую,
И вси знают, что богатырь будет.
Стал ходить на улочку,
Стал с ребяткамы шуточки пошучивать:
Которого дерьнет — рука долой,
35 Которого захватит — нога долой,
Которого повёрнет — голова долой.
Такие были его тяжкие шуточки.
Стали к матушке с жалобой похаживать,
Приносить жалобу на Василия Буслаева:
- 40 «Много окончил людей да человечиков,
Надо унять строжее Василия Буславьева!»
Приходила матушка на широкий двор,
Взяла его подмышечку.
И унесла его в высок терем,
- 45 Больше не стала спускать на прогулочку.
- (Уж дальше я не помню. Не приходилось, давно было.
Богатырь он был да жил в Кееве, а может быть в Нове-
городе. Да ведь и в Кеев съедут на пер. Вот ведь).*

КОСТРЮК

- Ай же ты, Кострюль, Кострюль-Бострюль,
Молодой ли царь Черкашенин!
Твоя сила непомирная,
Тридцать лет воевал, ну не мог силушку отведати,
- 5 Плеча своего да богатырского.
В одну порушку, в одно времечко
На том на поли на Волховом
Назначена была битва татарская.
В то пору в тое времечко

- 10 Ну строго тогда было приказано
У князя Владимира,
Чтобы улицы распахивать,
Котлы навешивать,
Котлы навешивать, столы задвигивать,
- 15 Составлять ества сахарнии,
Разводить питья медвянии,
Кормить-поить борьчѣв да добрых молодцѣв.
Царица крымьская короля дочь турьсково
Выходила на красно крылечико,
- 20 Крычала во всю голову:
«Ес ли там борьчѣв да добрых молодцѣв
С нашим Кострюком поборотися,
А силушки его отведати,
Плеца его да богатырского?».
- 25 Наехали борци да добры молодцы,
А с разных дальних сторонущек,
На тую на битву татарьскую,
Наехали татары поганьи.
Сидели борцы добры молодцы
- 30 За столикама дубовыма,
За ествыми сахарнима,
За питьими медвяныма,
За чарами налітама, непітама.
Приехал Потанюшка маленькой, невеличенькой
- 35 Со стороны заморской,
Подходил к Кострюку Черкашенину,
Перекрестил своей дубинушкой
Вдоль спины его богатырской,
Угостил его тотчас дубинушкой.
- 40 Говорил Кострюк Черкашенин:
«Ах как заморские комарики больно покусывают!».
Ему честь воздал — к столу позвал.
Подбежали татары поганьи,
Подбежали к Кострюку Черкашенину.
- 45 Один пинул да другой легнул,
А третий его в бок толкнул.

Разгорелось у Кострюка сердеченько,
 Расходилась сила богатырская,
 Вскочил скоренько на резвы ноги,
 50 Хватал чару во праву руку,
 Выпивал чарочку на единой дух,
 Ни большая была чара — полтора ведра.
 Скочил через столики дубовый,
 Через есва скочил сахарный,
 55 Через чары налитые, непитые.
 По чуду Кострюку учудилось,
 За скамью нога зачипилась,
 Упал Кострюк на левый бок.
 Набегали татары поганыи,
 60 Хотели хватить Кострюка Черкашенина.
 Скакал Кострюк Кострюль-Бострюль молодой
 царь
 Скочил скоренько на резвы ноги,
 Развернулся Кострюк Черкашенин,
 Сорок татар побил, петьдесят голов задавил,
 65 Не мог силушку отведати,
 Плеча своего узнать богатырского.
 Закрычали мужики новгородския:
 «Остав, Кострюк, хоть на семена!».
 Закрычали татары поганыи:
 70 «Уж дать тебе бох живу на двор зайти,
 А не живу со двора сойти
 Руки бы ноги тебе повыломать,
 Глаза бы тебе повыкопать,
 С платьев бы тебя повытрехнуть!».

О ДЕВЯТИ БРАТЬЯХ РАЗБОЙНИКАХ И ОБ ИХ СЕСТРЕ

Как было у вдовки у распашенки
 Девять-то сынов, одинака дочь.

- Девять-то сынов да вси в разбой пошли,
Во разбой, в разбой да во разбойнички,
5 Во денные, в ночные подорожнички.
Одинаку дочь вдовка замуж выдала
А за славного купца заморского.
Уж я год там жила — не подумала,
Другой год — не стоснулася,
10 А на третий годик сына рѣдила,
На четвёртый годик стосковалася.
Я у свѣкрушка да подавалася,
У свекровушки доложилось,
Со своим со мужем сговорилася.
15 Собрались тогда, поехали
На малогрѣбной, малой лодочке
За сине море в свою сторону,
В свою сторону, на мою родину.
Гостинички клали серѣдь лодочки.
20 Муж сел во весѣлышко,
А сама-то села во правильщики,
Чада милого ко белым грудям.
Среди моря мы приехали,
Тучки тѣмные затѣмняли,
25 Буйны ветрушки как завеяли,
Как стащило нас тут победноих
К крутым бѣрежкам, ко желтым пескам,
Ко желтым пескам, к синим камешкам.
А напали на нас злы разбойники,
30 Ночные, денные подорожники,
Моего тут мужа они встрѣлили,
Чада миловое в воду бросили,
А меня младу во полон взяли.
Во полон взяли да обесчестили,
35 Завели во свой во разбойский стан.
Вси разбойники спать легли,
Да один разбойник да спать не лёг,
За свои грехи богу молится.
У меня младой стал выпрашивать:

- 40 «Ты скажи, скажи, поповедай мне:
Ты какой земли, ты какой орды?».
Уж как стал разбойник выпрашивать.
Стала млада ему высказывать.
Тут разбойник порасплакался,
45 Горько, тошно он да порастужился:
«Вставайте, братья родимые!
Уж мы што-то наделали,
Чуда чудного мы начудили,
Дива дивного мы надивили:
50 Своего мы зятя постреляли,
Любимѣ племѣ да в воду бросили.
Мы родну сестру ведь ко полонъ взели,
Во полонъ взели да обесчестили».

118

У ВДОВУШКИ ВДОВЫ

(Припевка)

- У вдовушки-вдовы да было девять дочерей,
Было девять дочерей да одинакой сын,
Одинакой сын был Васильюшка.
Ай да вси оны пошли да в церковь божию,
5 Ай да вси по крылосу расставилися,
Оны вси тогда пели «господи божѣ»,
Одна маленька Софеюшка промолвила:
Она думала сказать «господи божѣ»,
Там сказала: «Что, Васильюшка, братец мой,
10 Ай, Васильюшка, братец, подвинься ко мне».
Проведала Василия да маменька,
Поскорее бежала во Киев-град,
На гривенку купила зеленѣ вина,
На другую купила зелья лютого.
15 Ай Василью подливала зеленѣ вино,
Да Софеи подносила зелье лютое.
Говорила при этом таковыя слова:
«Софеюшка, пей, да Василью не давай,

- Васильюшка, пей, да Софеи не давай».
- 20 Василий пил да Софеи подносил,
А Софеюшка пила да Василью поднесла.
Василий скаже: «сердечко щемит»,
А Софеюшка скаже: «головушка болит».
Говорил тут Васильюшка Софеюшке:
- 25 «Ты умела, сестра, братѣ употчивать,
А умей же родимово упокоити.
Свёрне мене да в тонко полотно,
А снеси меня да во чисто полѣ,
И ты брось меня в синѣ морѣ».
- 30 Вдруг оны да тут преставилися,
А обоих вдрух хоронить несли.
Софеюшку несли да на белѣх руках,
А Василья несли на буйных главах.
Хоронили тут Василья по праву руку,
- 35 А Софею хоронили по леву руку,
По правую и по лѣвую церкви божия.
На Васильи выростала золотѣ верба,
На Софеи выростало кипарис-древѣ.
Они к друг дружку настрету сrostались,
- 40 Да в одно место вершинкам свивались.
Ай малыи шли да наигрались,
Молодые шли да насмеялись,
Пожилые шли — надивовались,
А старьи шли — наплакались.

НАТАЛЬЯ ТИМОФЕЕВНА ЗИНОВЬЕВА

Наталья Тимофеевна Зиновьева — крестьянка из д. Зиновьево Сенногубского сельсовета Заонежского района Карелии. В 1931 г. ей было 45 лет. Была она замужем, имела детей. Грамоты не знала.

В момент записи ей известны были исключительно былины-баллады, но и их исполняла не вполне твердо. Научилась от матери, когда та пела в семейном кругу за работой. Мать же переняла их от бабушки «Шапши», от которой научилась былинам и известная Настасья Степановна Богданова. По словам исполнительницы, «Шапша» знала очень много былин и пела их зимой во время прядения, летом на жнитве. Про себя Наталья Тимофеевна говорила, что в молодых годах она «много слышала и знала», но все перезабыла. Кроме помещаемых былин-баллад, от нее записаны следующие духовные стихи: «О Святополке, Борисе и Глебе», «Стих об Алексее человеке божием», «Про двух братьев Лазарей» и «Про змея лютого» («Егорий и Елисафия») и довольно скомканная и незаконченная сказка «Про Фифеллиста сокола» (Рукоп. хранил. Сектора фолькл. ИРЛИ, колл. XXVI). Называла еще в качестве известных ей сказки про Ивана царевича и про разбойников.

Таким образом, Наталья Тимофеевна принадлежит к числу тех сказительниц, эпический репертуар которых ограничен былинами балладного жанра.

О ДЕВЯТИ БРАТЬЯХ И ОДНОЙ СЕСТРЕ

- Жила да была удовка пашича,
У этой удовушки девять сыновей,
Девять сыновей да одинакая дочь.
Девять сыновей да во разбойники пошли,
5 Одинакую да дочярь замуж выдала
За грёмице, за грёмице да за Онегушко.
А щё годик я жила не думала,
На другой годик стосковаласи,
Стосковаласи да подаваласи,
10 А щё мужа своего да яго вызывала,
Ай гостинецки спекла да поехала.
Мужа-господина да на корму посади,
А щё сына своего да о серёдки да лодочки,
Ай сама-то молода во весёлышко села,
15 Как поехали они к родитель к матушки.
На ихно да на великое бесчаштьицо
Заваяли ветрушки буйныи,
Бросило лодцку на берег у их,
Как пришло, нашло на их девять разбойничков,
20 Мужа-то ейноho застрёлили,
Сына-то ейноho в воду бросили,
А що ею молоду во полон-то взяли,
Во полон-та взяли да обясчестили.
Восем разбойщиков спать тут лягли,

- 25 А девятый да разбойничек да стóражом.
Стал ету женщину выпрашивать:
«Ай каково ты роду, каково племени,
Ай каково отца ты естя, матери?».
Стала она всё рассказывать,
- 30 Каково роду я каково племени.
А що тут-та разбойничек вздагадался он,
Здагада он да признался он:
«Ай жа вы, братьѣца родныи мои,
Ставайте-ка, ставайте, наделали беды:
- 35 Ни купца-то мы заморскова застрѣлили,
Ни купецкого сына в воду бросили,
Ай ни купциху да мы-то во плен взяли —
Зятя своего мы застрѣлили,
Племянника своего в воду бросили,
- 40 А сестрищунку свою да во плен мы взяли,
Ай во плен-то взяли да обесчестили».
Выстали вси братьѣца родныи,
Порасплакались, пораскалякались:
«Эдаки беды да мы наделали!
- 45 Бросимтя этот мы промысал,
Поедемте к своей родитель-матушки.
Поехали оны в свою сторону,
Поехали к родитель-матери.
- (Вот и всё, на этом и конце).

БЫЛИНА ПРО УДОВУШКУ

- Жила-была удовушка-вдова,
Удовушка-вдова, да горька кругла сирота.
У етой удовушки восемь сыновей,
Восемь сыновей, аще девять дочерей.
- 5 Вси оны пошли по божьим церквам,
Вси оны запели да «господи божа прости».

- Ай Софеюшка тая промолвила:
«Братец Васильюшко, потронься-ко сюда,
Потронься, подвинься поближа ко мни,
10 Я теперь-то, братец, тебя буду любить».
Прознала Василиязая матушка.
Скорёшенько бежала в Царнигов-град,
Ай на гривянку купила зеляного вина,
На другую купила зелья лютово.
- 15 А Софеи подносила да зелья лютоho:
«Ай, Софеюшка, пей, да Василью не давай».
А Софеюшка да пила, Василью подносила,
А Василью подносила да зелёноho вина:
«Ай, Васильюшка, пей, ды Софеи не давай».
- 20 Ай Васильюшка скажет: «Головушка болит».
Ай Софеюшка скажет: «Сердечушко болит».
Обы оны да тут состарилися,
Обы они да пиряставилися.
Ай прознала Васильева матушка,
- 25 Скорёшенько бежала да во Цернигов-град,
Ай Софеи купила да шолковую ризу,
Ай Васильюшку купила парчевую ризу.
Ай Софеюшку несли на бёлых руках,
Ай Васильюшка несли на буйных головах.
- 30 Ай Софею харанили да по левую сторону,
Ай Василья харанили по правую сторону.
На Васильи вырастало да кипарисно деревцо,
На Софеи вырастала золотая верба.
Вершинки в местецко свивалися,
- 35 Молодыи идут да вси дивуются,
Повик¹ идут да вси любятся,
А старын идут, да богу молятца.
Скажут, вспомнят: «Верно праведна душа».
Прознала Васильева матушка,
- 40 Она скорёшенько бежала во Царнигов-град.
Ай срубила кипарично да ето дёревцо,

---

¹ Вместо «в полувеке».

Сорвала она золоту вербицю.
Ой на етом, на хорошем на кладбище,
Устроила церковь богомольню.
45 Про своего Василия Великого.

[НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ]

- Жила да была крестьянская жана,
У етой женщины однякая доцї.
Матери надо во монашеньки отдать,
Батюшку надо во замужество отдать.
5 Матушка пошла рѣдна за десять вѣрст.
За десять вѣрст за монахом она,
Батюшка пошоу ровно за двадцать вѣрст,
За двадцать вѣрст ещи за женихом.
Матушка пришла ды монаха привяла:
10 «Сади, садись, доцїнька, на золотый [стул],
Мы тибя дочушку во монашенки подстригнѣм».
— «Малцы, малцы, маминька, я к подружке схожу,
К подружки схожу аще с подружкой прощусь».
— «Сходишь ты к подружки во келье живуцї,
15 Ай во кельи живуцї да богу молицї».
— «Малцы, малцы, маминька, косыньку расцесу,
Косыньку расцесу да рѣсу косыньку заплету».
— «Заплетѣшь ты косыньку во колье живуцї».
— «Молцы да молцы, маминька, во баяньку схожу».
20 В баяньку пошла да папашу увидела,
С радости она да домой-то пошла.
Батюшка идѣт да за собой жениха ведѣт,
Ай жених-та идѣт да ѥ священника ведѣт,
А священник идѣт, золоты венцы несѣт.
25 А ща доченька да срадаваласи,
Са баяньки да к матушке бежала она.
Мать еше ѥйна рассердиласи,
Рассердилась да озилїласи,

А схватила ея да за русую косу,
30 Бросила она во сырую землю,
И молода да до смерти убита,
Князь-то молодой да по дорожке взад домой.
(Былина это называется, так как верно это было).

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АМОСОВ

В 1932 г. — крестьянин д. Обозеро Заонежского района, земледелец и рыболов, 72 лет, неженатый, неграмотный. Бывал во многих городах — в Петрозаводске, Ленинграде, Беломорске, Кеми. На военной службе не был. Жил в 1932 г. с внучатым племянником и его семьей.

Былинам, по его словам, научился от крестьянина д. Середка Кирика Гавриловича Рябинина во время рыбной ловли. Однако в зарегистрированном в 1926 г. репертуаре К. Г. Рябинина нет сюжетов былин, записанных от Амосова, кроме былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Тексты же этой былины у Амосова и Рябинина как раз не имеют никаких точек соприкосновения, кроме общей композиции былины, вообще типичной для Заонежья.

Былины Амосов не пел, а сказывал словесно, тексты знал нетвердо, исполнение сопровождал комментариями.

В его текстах четко проявилась тенденция к реалистическим подробностям.

Кроме записанных, знал, по его словам, еще несколько былин об Илье Муромце, слышал же много былин: про Добрыню, Алешу Поповича, Чурилу, Дюка и Святогора. В 1926 г. экспедицией ГАХН от него были записаны побывальщины «Святогор и Микула» и «Вольга и Микула» (см.: Сок.-Чич., стр. 628—629), печатаемые же в настоящем собрании былины записаны не были.

Еще в 1932 г. В. В. Амосов исполнял отдельные отрывки былин «для себя», во время работы и отдыха. Вообще былины всегда любил и верил в историческую правду их содержания.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

- Выезжал Илья со города со Муром,
С села Корочарова,
Поезжал служить во Кеев-град.
А завет был положен
- 5 Стоять заутреню в Нове-городе,
К обедне поспеть во Кеев-град.
А там подъезжает ко Новгороду,
Стоят трое витезя, трое царевича,
У всих силы поравну,
- 10 По сорок тысяч с половиною.
И вдруг подъехал к Нове-городу призадумался:
«А мни на то стала силушка
Защищать города, очищать дороги запуцённые».
- 15 Натянул тугой лук разрывчатой,
Кладовал стрёлу колёную,
Спустил в силу неприятельску.
Отправилась стрелочка со звизгом
Во ту силу неприятельску.
Звыгнула титивочка шелковая,
- 20 Попадали от звыгу от титивьего,
Оглушила в поле неприятеля,
И рассердил своо коня дюжево.
Поехал по этой по дороженьки,
Куда полетела стрела колёная,

- 25 И стал битьца во вси стороны,
Добиратьца до трёх царевичей,
И бился долго.
Ну добилсѧ до трёх царевичей,
И добралсѧ до трёх царевичей.
- 30 «Ну что, витязи-царевичи,
Голову рубить али в плен взять?
Ну неудобно убить как царевича,
Отправляйтесь взад к отцам и матерям,
И скажите там, что святая Русь
- 35 Никогда не живёт без богатырей».
Тут вдруг у нево дорожка замешкалась.
Воротился взад во Новгород,
Стал спрашивать: «Куда бы проехать мне во
Кеев-град?».
- «Есь, говорят, дороженька окольная,
40 А потому не можно проехать прямоезжией, —
Там сидит Сбловей-разбойник
На семи дубах,
Не пропускает ни конново, ни пешево».
Он коня поворачивал:
- 45 «Не чесь молодцу, что ехати дорогой окольною,
Поеду я дорогой прямоезжией».
Вдруг услышил топот коня богатырьского,
Подъехал, засвистал по змеинному,
Всё равно богатырь еде, не останавливаетца.
- 50 Ближе топот коня богатырьского,
Подъехал — затрубил по туриному,
Конь на коленко пал,
Тут он хлестал плёткой шёлковой:
«Ах ты волчья сыть, травяной мешок!»
- 55 Не слышал што ль, как змея шипит,
Не слышал што ль, как быки ревят».
Вдруг тугой лук натягивал,
Кладывал стрелочку калёную,
Стрелил прямо в Сбловья,
- 60 Отхватило правый глаз с литиною.

- Вдруг захватывал:
«Ох он легок, как овсяной сноп!».
К стремени булатному прикуивал,
Коня ударит раз, а Соловья два,
65 Што прискочит Соловей выше коня.
Приехал во Кеев-град на широкой двор,
Коня к столбу привязовал,
Отправилсѧ в полату княженецькую,
Приклонилсѧ князю Владимиру:
70 «Я служить приехал».
Князь и стал спрашивать:
«Ты како҃го роду-племени?»
— «Я роду бедно҃го, родители вроде как просят,
Со города со Муромья,
75 Со села Короцялова,
А зовут Илья Муромиць сын Ивановичь».
Стаѹ спрашивать Владимир-князь:
«Какой же ты ехал дорогою?»
— «А я ехал дорогой прямоезжей».
80 Ну вдруг наливал князь Владимир полтора ведра.
Выпиѹ за единый здох,
И потом князь Владимир говорит:
«Как же ты на ногах стоишь — не шатаешься,
На словах говоришь — не мешаешься,
85 А сам будто пьяный вид?
Дорога заколодила,
Тридцать лет с половиною сидит Соловей
Рахматовиць».
— «Ну вот, Владимир-князь,
У меня на широкой двор
90 В тороках да он привёзьяной».
Ну вси господа скочили,
Побивают дудруга в двѣрях,
Выбежали на широкой двор,
И Владимир-князь со княгинею.
95 Потом говорит Илья Муромец:
«Ну-ка, Соловей Рахматовиц,

Засвищи-ка только не в полный свис,
А в половиночку».

Он говорит, что кровью уста запечатались:

100 «Поднесите цюру в полтора ведра».

Выпил цюру за единый здох,

Ну и засвистал да во целой свис.

Вси господа на двори дак мертвы лежат,

А Владимир-князь со княиною,

105 Владимир-князь ещо выстоил,

А княину Илья Муромец под полой держал.

Потом велел зареветь по туриному,

Новы терема расшаталися,

Стары терема в перенос пошли.

110 Ну тут Илья Муромец говорит:

«Ты слова моево не выстоял,

Заревел во челой свис».

Потом Илья Муромец от стремени откуивал,

Вывел во чисто поле —

115 Поганить не стоит княженецкой двор.

Бросил ево о сыру землю,

Только Соловей и жил бывал.

Тут и кончилось.

(А Илья Муромец с тех пор во славу пошел. Во всех державах прославился. Как и ныне красное войско есь, так всех врагов побивало).

123

ТУРКАНИН СОБАКА ЦАРЬ КАЛИН

Как во славном во городе во Кееве

У ласкового у князя у Владимира

Было перованьице почестен пир.

Много на пиру было князей-бояров.

5 Русских могучиих богатырей.

Красно солнышко на вечери,

- А почестен пир на вёсели,
Услышали, что заходит в палаты неизвесной гость,
Поклон ведёт по учёному,
10 Крес кладёт по писаному,
А князю со княгинею в особину.
Стал его князь выпрашивать:
«Ты какого роду-племени,
Ты откуда, гость непосланой?».
- 15 — «Я Микитушка Шалталович.
— «А коли Микитушка Шалталович,
То садись-ко на задню, гось, на скамеечку».
Тут Никита князю сказывал:
«Сам сидишь со вóронами,
- 20 А миня садишь с воронятамы».
Такие слова царю не пондравились.
Говорит тут Владимир-князь:
«Выходите-ко, самолуччиих три богатыря,
Возьте Микитушку поталкивать».
- 25 А Микита на ногах стоит — не шелохнетце,
Колпак на головы не тряхнетце:
«Если хочешь, Владимир-князь, потешитьце,
Еще шли три самолучшиих богатыря!».
- Вышли три богатыря — стало шестеро.
- 30 Стали Микитушку поталкивать,
А Микитушка стоит — не шелохнетце,
Колпак на головы не тряхнетце:
«Если хочешь, князь, потешитьце,
Давай еще три могучиих богатыря!».
- 35 Выходил Добрынюшка з-за стола,
Стал Микитушку поталкивать,
Стал Микитушка на место попинывать,
Кого толкнёт, тот норкам подёт,
Кого пинёт, кувырком подёт.
- 40 Тут дубовые столы опругалися,
Есва сахарнии расплескалися,
Вси богатыри разбежалися,
А Владимир-князь взял шубу соболиную,

- Оби́рался под печку под кирпичную.
45 Но не спáсение под печкой под кирпичной,
Тут Илья Муромец столичник отдёргивал,
Снял золоты́ ключи:
«Завтра сам буду править княжеством!»
Пошел во глубок погреб,
50 Отмыкал погреба глубокие,
Взял бочку пива хмельного под пазуху,
Другу бочку взял под другую.
А третью бочку попинывать.
Тут стали обручя потрескивать,
55 Полилось пиво хмельное по улицы.
Поставил бочки на улицы:
«Собирайтесь, голь кабацкая,
Со всего со города со Кеева!».
Пошли другой раз во глубок погреб,
60 Отворил-то он глубок погреб.
Там пришол Добрыня Никитинец,
Захватил сзади за плечи за могучии,
Стал уговаривать:
«Ах ты, старший брат да Илья Муромец!»
65 Не ладно мы верно сделали,
Што огорчили тебя на почесном пиру,
Прости нас безгрешных».
Тут спустили за́кутки железныя,
Засыпали желтым песком,
70 И осудил Владимир князь сидеть там по три году,
На три года, на три месяца, на три дня.
У царя была дочка одинакая,
И сделала взяла ключи поддельныи,
И снесла туда постели пуховыи,
75 Подушки перовыи, одеялья тёплыи,
Снесла туды свечей воску ярово,
Поставила есва сахарныи, питья медвяныи.
(Тут узнала рать богатырская,
Што ихной Илья в погребу сидит)
80 Приставила книжи церковныи.

- Сидел Илья там по три году.
В то время турканина собака царь Калина
Обошел Кеев-град.
Владимир-князь собрал всю рать богатырскую,
85 Ты Владимиру кланялись по поясу:
«Не поедем на тыи удары тяжолыи,
Там естя могучи богатыри,
Там есть поляничы удалыи,
Промеж тыма есь дородны добры молодцы.
90 Не поедем на тыи удары тяжолыи!».
Тут сказала ему дочь любимая:
«Рассердил, брат, рать могучую —
Посадил Илью во глубок погреб,
З-за того рать не поехала».
95 Он хватил золоты ключи,
Отмыкал глубок погреб,
Видит там Илья в полону сидит.
— «Ну что, Илья Муромец, заступись за Кеев-град!».
Выходил Илья Муромец со глубок погребов,
100 И взял-бросил шубу соболиную на одно плечо,
Клал шапку черкаськую на одно ухо.
И пошел по городу погуливать,
По старым переулкам княженецким.
Проходил с утра до вечера,
105 Потом схватился за добра коня.
Был слуга у него верней:
Не в примен лучше прежнею
Добрый конь у него выкормлен,
Поглядел оспехи богатырскии —
110 Все учищены, сиючѣ блещят.
Приходил опять и коню доброму,
И взял коня по двору поваживать,
Среди двора коня останавливал —
«Могу ли конѣм владать?».
115 А дело приближаетце, к городу войско придвигаетце.
Седлал коня крепко накрепко,
Плотно наплотно, ешѣ плотней,

- Взял оспехи вси богатырский,
Брони одевал крепкий,
120 Поехал к рати к крёсному,
Зацял просить крёсною:
«Што поедем к князю Владимиру».
А крёсной отзывалсэ, кланялсэ в пояс дѡ зени:
«А вот не поедем на тыи удары тяжолыи».
- 125 — «Ну поедимте хоть во Кеев-град».
Ну садилась рать могучая
На борзых коней и поехали во Кеев-град.
Приехали на широкий двор княженецкий,
Стали князя выкликивать.
- 130 Князь выходит на широкий двор
И встречается рать-силу могучую.
Стал князю Илья Муромец выговаривать:
«Ты нас не кормишь, не поишь и не жалуешь,
Есь-то пить во Кееве е кому,
- 135 А заступить за Кеев-град некому,
Только буде заступить за вдов за сирот,
За бедных людей и за малых детей,
А ни за князя Владимира».
Тут Илья Муромец опять выговаривал:
- 140 «Поедете ли во бѡльшой бой?».
Не согласился Самсон Самойлович
И поехал со своей ратью во чисто поле.
Рассердился Илья Муромецъ,
Тут ко Кееву коня поворачивал,
- 145 Напустился на рать могучую,
Не столько бил, сколько конѣм валил,
И билсэ трои суточку без отдыху,
А силушки у него не ubyло.
Выпросил турканин собака царь Калин,
- 150 Выпросил отсрочки на три дня,
Он в три дня сделал три подкопища глубоких.
Конь сказал Илья Муромцу:
«Ай здря ты дал отсрочку на три дня,
Он выкопает три глубоких подкопища,

- 155 В первой подкоп паду — тебя, Илья Муромец, выздыну,
[В] другой подкоп паду —
Сам выскочу и тебя, Илью Муромца, выздыну.
В третий подкоп паду —
Сам выпрыгну, а тебя, Илья Муромец, не выздыну».
- 160 Тут-то Илья Муромец рассердился на добра коня:
«Я тебя пою-кормлю, а ты измену делаешь!».
Первой раз ударил в буйну голову,
Другой раз меж ляжки заднии,
Выдал два удара тяжолых.
- 165 Поехал еще злее по чисту полю.
Первой подкоп пал — конь выскочил,
Илью выздынул,
Второй подкоп пал — конь выскочил,
Илью выздынул,
- 170 В третий с ходу пал — сам выскочил,
Илья Муромец остался в подкопице.
Поймали Илью Муромца татарова,
Связали руки вербами шелко́выми.
А на ноги сковали пуда¹ железныя,
- 175 Повели к собаки царю Калину
Во шелко́в шатёр.
Выходил собака царь Калина со белѣ шатра,
Илью Муромца уговаривал:
«Ты постой за нас — я полцарства дам,
- 180 Еще дам дочь в замужесьво».
Тут Илья Муромец ответ держал:
«Была б сабля в руках вострая,
Постоял бы на твоей шеи толстой».
Тут приказал турканин-царь:
- 185 «Выводите Илью Муромца в чисто поле
И придайте смерти лютой».
Тут повели Ильюшу во чисто поле.
Тут случились великии свискі богатырскии.
«Дайте свиснуть мне в последний раз!».

¹ Вместо «путы», см. стих 201.

- 190 Потянулся Илья Муромец со свисками богатырскими
И засвистал свистом богатырским.
Тут вожаки приужахнулись.
И слышал богатырский конь,
Бежит не тропой, не дороженькой,
195 Прямо через силу-рать татарскую,
Свернулось седёлко черкасское на одном боку.
Прибегает к Илью Муромцу
И хватает зубами за белы руки.
Тут вербы шелковые лопнули,
200 Руки стали свободными.
Другой раз схватил за путы железныи,
Путы железныи лопнули.
Садилсэ Илья Муромец на добра коня
И поехал от рати-силы великой,
205 Выехал на горочку, тугой лук натягивал,
Клал стрелочку калёную,
Кладывал — приговаривал:
«Пади, стрелочка, не на воду, не на землю,
Прямо крёсному на грудь,
210 Не сделай никакой кровиночки,
Только сделай небольшую пробудочку».
Летела стрелочка калёная
И села крёсному батюшки на грудь.
У крёсного батюшки на груди был серебрян крес.
215 Да серебрян крес до полтора пуда,
Выхватил из креста ивину.
Тут пробуждалсэ Самсон Самойлович
И будит свою силу-рать могучую:
«Ставайте-ко, сила-рать могучая,
220 Прилетели от кресничка гостинчики,
Садитесь на добрых коней,
Берите оспехи богатырские,
Поедем-ка на Киев-град».
Поехали, а кресник крычит громким голосом:
225 «Поезжайте-ко вы боком левым,
А я поеду боком правым,

- Не оставим больше ни единово!».
Рассердились и поехали.
Поехал Самсон Самойлович боком левым,
230 Илья Муромец поехал боком правым,
И добивают силу турканскую.
Добились до собаки царя Кѧлина,
И захватил Илья Муромец собаку царя Кѧлина,
И взял как он плетью похаживать:
235 «Вот те сняты кресты с церквей богомольниих,
Вот те вымыты палаты княженецкии,
Вот те затянуты столы дубовии,
Вот тебе поставлены есва сахарнии,
Вот те приставлены бочки пива хмѣльного,
240 Поезжай в свою сторонушку и рассказывай,
Как угощали тебя в стольнем Кееве».
И поехал со стыдом да в свою сторону.

Тым и кончилось.

124

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, СЫН ИВАНОВИЧ

- И едит Илья Муромец выезжает во чисто полѣ.
И так кров по жилам разливаетца,
С ким бы силой померятьце,
С ким бы плечом богатырским?
5 Вдруг увидал сдалекѧ прохожаго.
Сумка на нем перемѣтная,
Копьѣ в руках долгомерное.
Приезжает вдруг добрый молодец,
Крычит громким голосом:
10 «Воротись с дороги,
А нет — конѣм стопчу!».
Вдруг прохожий в сторону остановилсѧ,
Прохожий увидал, что едит Илья Муромец.
Залился громким голосом,
15 Што конѣм стопчу.

- И вот он повороты дал:
«Стой, подожди, Илья Муромец!».
Стал с прохожим разговаривать:
«Почему ты едешь по чисту полю,
20 А невзгоды в Кееве не ведаешь?
А в Кееве приехал погано Одолище
В полаты княжевецкия,
Запивку подносят пива хмѣльново
По котлу по цельному,
25 А закуску ему подносят
По воловой по ноженьке,
А в обед ево целый вол.
„А если не даёшь Владимир-князь,
Если не даёшь ты мне поединщика,
30 То весь Киев-град щитом возьму“».
Илья Муромец сказал:
«Калека ты перехожая,
Сумка ты перемётная,
Силы у тебя с два меня,
35 А смелости с одново меня нет».
Вдруг Илья Муромец опустился с добра коня,
Ему приказывал: «Скидывай одежду калѣцкую!».
А у калеки были башмачки-скороходы,
А в сапожках были камушки самоцветныя.
40 Ну вот и снял.
Илья Муромец снимал свою одежду,
И переменились одежей своей оны,
И потом приказал ему:
«Что садись на мово на добра коня
45 И езжай по чисту полю».
И коню наказывал:
«Ты ездий не скоро, не тихо, тихонечко,
А поедишь в полный ход,
Дак выпадешь».
50 А калека Ильи Муромцу наказывал:
«Што возьми моё копьё непомерное,
Не велик костыль да девяносто пуд.

- И шляпа сорок пуд».
- Ну потом Илья Муромец пошел во Киев-град,
- 55 С горки на горку попрыгивает
(Лёгкой он был, костылём обопрётся, дак может
десять сажень),
- Приходит к князю на широкой двор.
- Зарычал громким голосом:
- «Что, Владимир-князь,
Дай калики перехожему милостыни».
- 60 Дак так крыкнул, что у Одолища сердце ужахнулось.
- Вдруг князь Владимир со княгиной
Выходит на широкий двор:
- «Накормил бы тебя, калека перехожая, дёсыти,
Напоил бы тебя дёпяна».
- 65 — «Ну што же у вас тут, князь Владимир, сделалось?».
- «Да залетел чужедальний Одолище».
- Ну вдруг Илья Муромец пришел в полаты,
Заметил и спрашивал,
Колпака с головы не скидывал.
- 70 Ну Илья Муромец стал по полатам похаживать,
Крашены мосты похибаютца,
Видит Одолище и стал спрашивать:
- «Что у вас каков ростом Илья Муромец?».
- «Ростом гляди на меня, словно как я».
- «Как он пищу ес[т], большу али малую?»
- «Как колач он съест да посередь сердцу,
А другой съес[т] во славу божию».
- «Если б он был тут, дак я бы на руку клал его
Дак и сделал как овсяный блин».
- 75 А он ево Илья Муромец стал спрашивать:
- «Ты сколько пищи сам требуешь?».
- «На закуску подносят по воловьей ноженъки,
На запивку подносят по котлу целому,
А на обед подносят целой вол».
- 80 Вот на ответ ему Илья Муромец:
- «Вот у мово батюшки была стара корова,
Много пила да с тою трёснула,

- Была стара кабыла,
Много ела и тоже лопнула,
90 Вот так ты много пьёшь,
Много ешь и так же треснешь».
И ето ёму не пондравилось,
Да как он хватит булатный нож
И хотел в калеку треснути,
95 А он отвернулся да попал в двери булатный нож.
Да вынес двери со стойкамы,
А в это время Илья Муромец рассердился
Да как треснул свою шляпу во сорок пуд,
Дак тот повалилсэ, захамкал,
100 Да как хватил Илья Муромец за волосы,
Да как дерьнул через дубовый стол
И говорит, что не чесь мне будет богатырю
Кровавить полаты царьскии.
И вывел на широкий двор,
105 И на двори проговорил:
«Не чесь мне будет богатырю
Што кровавить княженецкий двор,
Пойду выведу во чисто поле».
И бросил его о сырѹ землѹ,
110 И только Одолище жил бывал,
Тым и дело решилося.

СМЕЛЫЙ АЛЁША ПОПОВИЧ

- Что не буйные ветры по полю развивались,
Что не мелкие пески да рассыпались,
Что не облака по небу развивались,
То гулял по чисту полю
5 Смелый Алёша Попович сын.
Он гулял на добром коне,
На добром кони на ретивом,
Искал себе в поле поединщика.
Долго ль, коротко ль гулял — нам неведомо.
10 И завидел Алёша Попович сын
А й бел шатёр середь поля,
И подлѣ шатра лошадь борзую,
Лошадь борзую и великую.
Тут у Алёши сердце приужахнулося,
15 По белу лицу ала кровь пошла.
Ай нашол сибѣ поединщика,
Ай поединщика неизвесново.
Тут бел шатёр приближаетца,
Тут Алёшенька коня стал укарачивать
20 И поехал ровным шагом-поступью
Ко тому шатру ко белому,
Ко белому шелковому,
Ай шелковому да златоверхому.
У того шатра у шелкового
25 Стоит лошадь богатырская,
Златом-серебром окручена,

Ес[т] пшеницу белояровую.

И слышит Алёшенька Попович сын

Хрып шатра шелкового:

30 «Верно, богатырь там спит богатырским сном».

Ай от хрыпу богатырскому Алёша удивляетца.

Что й от хрыпа богатырского што от вздоха могучего

Бел шатёр надуваетца

Ай сидит Алёша на коне, сидит и изумляетца,

35 Изумляетца да ужасаетца,

А из шатра нико́во не виднёшенько.

— «Что тут делать мне разудалу добру молодцу?

Если ехать мне Алёшеньки в обратный путь,

Чтоб сноси себе буйну голову —

40 Может быть богатырь не спит, а претворяетца

Да надо мной-то насмехаетца:

„А и трус же ты, Алёша Попович сын,

Да и славися ты, Алешёнька, смелым,

А не смеешь силой богатырской померитьца“.

45 А если спит-то он богатырским сном,

То попробую-ка я ко шатру крадучи

И отрублю ему буйну голову,

Да никто про тое не ведаёт.

Тут Алёшенька с коня опускаетца

50 И к шелкову шатру подкрадетца,

Ай стоит конь у шатра и не думает,

И не думает и не ведаёт,

Что от этого наезника

Его хозяину смерть грозит,

55 А он не будит своего хозяина

Неодолище Иванище

На расправу с наезником.

Тут зашел Алёшенька в бел шатёр

И видит всамдели спит Неодолище,

60 Неодолище приогромнеший,

Спит не просыпаетца.

Тут Алёшенька берёт свою саблю острую:

«А и грех мне будет Поповичу,

- Что убью я его сонного».
- 65 И от удара Алёшина отвалилась голова Неодолища,
Тут не долго Алёша поворачивался,
Клал голову на копёе долгомерное
И содрал с шатра и с коня всё ценное,
Много злата, много ссребра.
- 70 Сел на коня и поехал в обратный путь,
В обратный путь во дороженьку.
Ко тому ко городу ко Кееву.
Подъезжаячи ко городу ко Кееву,
Увидали его со города со Кеева
- 75 Народ да люди добрыя.
Встречали Алёшу Поповича хлебом-солию
И молвили: «Гой ты еси, Алёшенька Попович сын,
У нас-то во I неве есть невзгодушка великая,
Есть незвань й гось Сокольникчк,
- 80 Он в гостях-то у князя у Владимира,
Ест, пьет да похваляетца,
Да над нами насмехаетца,
Просит себе поединщика:
„А если не дадите поединщика,
- 85 То Киев-град огнём-щитом покорю,
А князя со княгиней во полон возьму“.
И сидит князь Владимир призадумавши,
Призадумавши, пригорюнивши,
И не знает ответ держать:
- 90 Не случилось-то в городи во Киеви
Богатырей сильных,
Тово славново Ильи Муромца
Со своёй с ратью могучией,
Он показал [бы], как Киев брать».
- 95 Тут Алёшенька Попович ответ держал:
«Вы не бойтесь, православный народ Кеева,
Вы не бойтесь, не беспокойтесь,
Я попробую с ним потягаться».
И поехал Алёшенька ко городу ко Кееву,
- 100 Ко тому дворцу княженецкому,

- Во тот во двор чисто выметенный.
И сходит Алёша с коня со ретивого,
Привязал коня ко столбу ко дубовому,
Ко кольцу золочёному,
105 А голову Неодолища Иванища
Воткнул на острый кол приготовленный:
«Пусть народ-люди добрыя
Посмотрят на чудовище!».
А сам пошел в полаты княженецкия
110 По тым по лесенкам дубовым быстрой поступью.
Он заходит в полату белокаменную,
А и где сидит Сокольник.
Он крес кладёт по писаному,
А поклон ведёт по учёному,
115 На все четыре стороны,
А князю с княгиней в особину,
А Сокольнику разбойнику и не думает.
Это Сокольничку не понравилось:
«Чей ты откуда есть, детище неучёное?».
120 — «Я есть Алёшенька Попович сын».
— «А и жаль мне твоей молодости,
То б сейчас побил!».
— «А не пытаючи, что ты хвастаешь?».
Тут Сокольник ответ держал:
125 «Ты видишь, кто за столом сидит?
За столом сидит сам Сокольник.
Я с Каменной земли, с Золотой Литвы
И мне нет нигде поединщика.
Со мной мог тягаться только той Неодолище,
130 Что находитца счас во чистом полі».
Тут Алёшенька Попович сын
Насмехаючи речь вымолвил:
«Я сейчас приехал из чиста поля,
Где съезжался с Неодолищем,
135 Я побил Неодолище и отвернул ему буйну голову
И привёз сюда на копье долгомерное,
Если не веришь мне, пойдём на чистый двор.

- Ай на чистом дворе полюбуйся сам».
Тут у Сокольника глаза кровью запечатались,
140 Увидев голову Неодолища.
Тут Алёшенька речь ведёт:
«Если хочешь, Сокольник, потешитьца,
Силою богатырскою померитьца,
То поѣдим во чисто поле и схватимся,
145 Только уговор — двое на двое».
Сели на коней и поехали.
Аще выехавши Алёшенька Попович сын
Путь держал попереди,
А Сокольник ехал позади.
150 Тут поглядел назад Алёшенька,
Поглядел назад, слово вымолвил:
«У нас уговор был сражаться двое на двое,
Посмотри-ка назад, Сокольник,
У тебя вслед рать-сила великая,
155 Ты зачем меня да оммановал?»
Тут Сокольник взад повёртывался,
Поглядеть силу неизвесную,
А Алёшенька Попович сам
Во ту пору во самую
160 Ударил ташкой острой
По шее Сокольника
И омманом отрубил ему буйну голову.
Тем и кончились два врага киевских
Благодаря смелости Алёшеньки Поповича.
165 А Алёша Попович клал копьё на копьё долгомерное
А поехал ко городу ко Киеву,
Чтоб порадовать князя со княгиней
И весь народ киевский.
Тут было пированьице — почестен пир,
170 Тут было столованьице — почестен стол.
Много на пиру было бояр-купцов,
Бояр-купцов, прочей публики,
И все дарили Алёшу Поповича дорогими подарками,
А князь с княгиней в особину.

МАТРЕНА КУЗЬМИНИЧНА ПАШОВА

От Матрены Кузьминичны Пашовой, крестьянки д. Обозеро Сенногубского сельсовета, впервые была произведена запись экспедицией ГАХН в 1926 г. (Сок.-Чич., стр. 629—633, 905, 909). Публикуемые тексты — записи 1932 г. Записаны те же сюжеты, что и в 1926 г., за исключением былины о Добрыне и Алеше Поповиче, про нее исполнительница и не вспоминала и не назвала ее среди другого известного ей материала, зарегистрированного собирательницами. В 1932 г. Матрене Кузьминичне было 54 г. Она вдовела уже несколько лет. Дети ее были все взрослые. Жила чисто, с достатком. На собирательниц произвела впечатление веселой, приветливой и сердечной женщины, любящей побалагурить. Пашова — неграмотная, бывала в Петрозаводске.

Былины она переняла от свекрови, неграмотной крестьянки. М. К. Пашова очень любила былины, верила в действительность изображенного в них и частенько пела их за работой. Но исполняла уже не вполне уверенно. Употребляла термин «былина». Тексты Пашовой отличаются разработанностью отдельных эпизодов, полнотой и своеобразием. Заметна тенденция к усилению трагических моментов и к включению реально-бытовых деталей вплоть до отражения нового быта и современной лексики: так, в балладе о насильственном пострижении отец хочет «подавать тилиграмму», чтобы вызвать жениха-князя.

Кроме былин, Пашова знала духовные стихи (Экспедицией ГАХН в 1926 г. записаны стихи про Егория — «Егорий и Елисафия» — и стих об иноке), свадебные и другие старинные песни, несколько сказок.

В семье Пашовой в 1932 г. никто, кроме нее, былин не знал.

ДЕВЯТЬ СЫНОВЕЙ И ОДИНАКАЯ ДОЧЬ

- Жила была удовушка-вдова.
У этой удовушки было девять сыновей,
Девять сыновей, одинакая дочь.
Одинакую дочёрь замуж выдали
5 За шумяце за гремяце за Онегушко,
А девять сыновей да во разбой пошли.
Годик-то я жила, не стоскнуласи,
Другой стала жить да стосковаласи
По своей по родимой по сторонушки,
10 По своей по родитель по матушки.
На третьей-то годоцек я сына родила,
Сына родила да приотростила,
Год мужа звала да ни вызвала,
На пятой-то годоцек ево вызвала.
15 Уж мы сели в малогрёбное судёнышко
И поехали на родиму на сторонушку.
Мужа господина на корму я посадила,
Сына малолетнего середь лодки клалъ,
Сама молода во веселушки села.
20 Уж мы выехали [с] середины Онегушки
Шумяцего, гремяцего,
Заваяли как ветрушки буйныи,
Ударили ураганы крутыи,
Прибило нас ко крутому ко бережку.

- 25 Набежало тут девять разбойнищков.
Оны сына моего да в воду бросили,
Мужа моего да во полон брали,
Меня молоду да во полоншищи,
Во полон брали да обесчестовали.
- 30 Восем разбойнищков спать легли,
Девятой разбойник богу молитце,
Богу молитце, сам спасаетце,
Он спасаетце да добераетце:
«Скажи, скажи, полоншищка молоденькая,
- 35 Какоho ты есь да роду-племени,
Какоho ты есь да отца-матери?».
— «Роду-племяцки я есь кресьяньскоho,
А отца-то не упомню я,
А я доць была сама молодцья,
- 40 А мать моя удова была,
А девять братьев ё старше миня,
Молодую миня замуж выдали.
— «А чем твои братья занимались?».
— «Пять лет как я замуж ушла,
- 45 Своей маменьки я не видела,
Про братьев мне слыху не было».
Тогда старший брат да порасплакался,
Тут будил братьев со крепково сна:
«Вы ставайте-ко, братья родимые,
- 50 Большое дело мы здесь сделали:
Зятя своего мы в воду бросили,
А сестру свою во полон взяли,
Во полон взяли да обесчестили».
Тогда вси ёны да домой пошли
- 55 Ко своей удовки к родной матери.
Когда стретила родна матушка
Всех своих детей,
Она стретила на перёном на крылещюшке,
Не узнала ёна родной дощюшки:
- 60 Пристарела-то у ей дощюка белая,
Поседатели русы волосы,

- Двадцять пять лет доци состарилась,
Не могла она промолвить ни единово словцюшка
Родители своей матушки.
- 65 Происхожденнїцѣ рассказал тут старшой брат.
Серцѣ матерно да не вынесло,
На ступенях мать тут и помѣрла.

[ВАСИЛИЙ И СОФЕЯ]

- Жила да была вдовушка,
Осталось у вдовки от мужа девять дочерей,
Одинакой был сын,
Вси ёны пошли по божьим церьквам,
5 Разбежались доченьки по разным сторонам,
А одна-то доць да сын остались при ней.
И Софьюшка Васильюшка любила,
Пищи-то она не обходила,
Одежу-то ему всю шила и мыла,
10 И в церьков вместе всё ходили.
Замицяла тут родитель ейна матушка,
Рассердилась на Софеюшку
И бежала тут скорѣшенько во Кеев-град.
На гривенку купила зелёново вина,
15 А на другую купила зелья лютоho,
Василию подносила зелёноho вина,
А Софеи подносила зелья лютоho,
Не знала тоho, што любов ихна циста.
А Васильюшка пил да Софеи подносил,
20 А Софеюшка пила да Василью поднесла,
Вдруг оны обои тут и померли.
Скорѣшенько матерь бежала во Кеев-град,
Обоим заказала им по гробику,
Василью заказала позоложенной гроб,
25 А Софеи изукрашоной.
Василья хоронила по правую руку,

- А Софеюшку по левую.
На Васильи выростала золотая верба,
А на Софеи выростало кипарицѣно деревцѣ.
30 Сказали тут родители-матушки,
Горело тут сердечюшко матерно,
Бежала тут скорѣшенько во Кеев-град,
Хватала топорѣноцѣко немудрѣное,
Срубила тут на Василье золоту вербу,
35 И с Софеи срубила кипарицѣно деревцѣ.
Маленьки шли — красовалиси,
Среднии шли — дивовалиси.
А старьи шли — слѣзно плакали.
Схватилась тут родитель ихна матушка:
10 «Што ни ладно это я, видно, сделала —
Безвинных детей извѣла».

[НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ]

- Татарин у вдовки доцѣку взял.
Привезли домой, осмотрели кругом,
Красавицѣу доцѣкой назвали своей.
Круживом было дитѣ окружено,
5 Белотѣ была взята от снегу белого,
Красота была взята от сонця красного,
Оцѣньки горят, быдто звѣздоцѣки,
Волоса у ей были белорусыи.
Ростили доцѣньку до семнадцати лет,
10 Клали ю в терем высокойей.
Сидела в тереми красавицѣя.
Князь Гвидон помимо 'кошецѣка похаживал,
На красавицѣу в хрустальнии стеколышка поглядывал,
А злому татарину доложить не смел,
15 Штоб посвататьцѣ на татарина воспитальницѣу.
Выдумливал месецѣ, ноцѣй не спал,
Как бы красавицѣу из терема выманить.

- Осмелилсѧ князь с татаринѧ посовѣтоватьце,
Согласилсѧ татарин на первы слова,
20 Воспѣтальницу продать да не мало денѣг взять.
И не мог татарин придумать красавици цѣны,
Просил тут строку у князя на три дни.
Стал отецъ с матерью совѣтоватьце.
Татарин говорит, што надо доць замуж отдать
25 За князя за богатого заморьского:
«За красавицей не надо нам приданова,
Дас ѣн нам цѣну не маленькую».
Матери надоть в монашеньки отдать.
Батюшко с матушкой споровали.
30 Отець говорит, что я буду тилиграмму подавать
Да князя доставать,
А матушка скажо: «Я пойду монахов доставать,
Буду доценьку в монахини постригать».
Батюшко пошел за сорок вѣрс,
35 Матушка пошла ровно за тридцать вѣрс.
Собиралиси вси сродци вси сродницьки,
Дивилиси слѣз красавици.
В терем зайти нельзя,
В терем красавици заключѣнной,
40 Ключи-то с собой унесѣнныи.
Зглянула как в окошецько — маминька идѣт,
Маминька идѣт да за собой старця ведѣт,
Старця-то ведѣт, высокой терем отомнѣт,
А старецъ-то идѣт да в руках ножницъки несѣт.
45 — «Садись-ка, садись, доценька, на золотой стул!».
— «Моўці, моўці, маменька, в окошецько згляну»
Зглянула в окошецько — батюшко идѣт,
Батюшко идѣт да за собой князя ведѣт.
— «Садись, садись, доценька, на золотой стул!».
50 — «Моўці, моўці, маменька, на крылецько я схожу.
На крылецько я схожу да свою волю отпушшу».
Здогадаласи злая татарка, зглянула тут в окно,
Схватила доценьку за русу косу,
Бросила доценьку о сыру землю.

- 55 Вдруг тут красавиця приставиласи,
Батюшко идёт, цѣну¹ жалует.
«Цѣя это, цѣя это косынька лежит,
Цѣя это, цѣя это дощенька лежит?».
Скоро наскоро во терем заходил,
60 В рукопашной бой он жонушку убил:
«Што малолетнюю дощъ воспѣтальницу
Жонка извела,
И сама с моих рук в могилушку ушла,
Судите, князь, как знаете меня».

---

¹ Чину

АЛЕКСАНДРА КИРИЛЛОВНА ЯСТРЕБОВА

А. К. Ястребова, 77 лет, до революции крестьянка-батрачка. В 1932 г. жила в Инвалидном доме в д. Клименцах Заонежского района. Одинокaя, слепая, неграмотная. Знала только былинну о Добрыне и Алеше, которую усвоила от старух своей деревни (на Повенецком побережье). Текст знала твердо, но не пела, сказывала словами без всяких комментариев.

Записанную от нее былинну называла «стáриной», однако сомневалась в действительности изображенного в ней и относилась к ней, как к сказке. Былинну эту рассказывала, по собственным словам, своим сожительницам «от безделья». Знала и сказки.

ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА

- Отправлялся Добрыня Никитич
Воевать во чисто поле.
И молодой жене наказывал:
«Пройдёт шесть лет — ты меня домой сожидай,
5 А пройдёт ещё друго шесть лет,
Исполнитце двенадцать лет,
Дак тоды ты хоть [в]довой живи,
Хоть заму́ж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
10 Хоть за сильного могучего богатыря,
Только не ходи за Чурилу за Пленковича,
А в други́ не ходи за Алёшу Поповича,
За этово за плу́та за мошенника,
За этово за пса за подорожника!
15 Он молодым женам похабничек,
А красным девушкам насмешничек».
И прошло двенадцать лет —
Нет Добрынюшки с чиста поля.
Идёт Алёша Попович с чиста поля.
20 И спрашиват [Добрынина жена]:
«Давно ли ты, Алёшенька, с чиста поля,
Не видал ли ты Добрыню Никитича?».
А Алёша говорит:
«Твой Добрыня убитой лежит.

- 25 Головой-то он лежит в раки^тов куст],
 А ногами лежит ко синю морю,
 Скрозь белую грудь уж травки выросли,
 А в желтых кудрях птички гнёзда навили».
 Стал Алёшенька Попович сватать за себя.
- 30 Сначала не подёт, а потом стал
 Князь Владимир со своей Опраксеей королевичной
 потакать:
 «Долго тебе будет провожать молодость?
 Ты исполнила замужнюю заповедь,
 Прожила двенадцать лет,
 35 Ну теперь можно замуж итти».
 И согласилась княгиня итти за Алёшу Поповича
 И они уже пируют у князя у Владимира,
 Только ещё не венчаны.
 Мать-то Добрынина
- 40 Заключилась в тёмны комнаты,
 Не выходит в чисты светлицы,
 И вдруг поехал Добрынюшка Никитич.
 Поставлены к дверям предверники,
 К воротам приворотники,
- 45 А он никого не спрашивает,
 Ни у дверей предверников,
 Ни у ворот приворотников,
 Прямо едит на широкий двор:
 «Здрастуй, матушка!».
- 50 Она и говорит: «Какой приехал тут бродяга?
 Мой Добрыня Никитич давно убит лежит,
 Што ты, невежа, ижжеваешься,¹
 Надо мной бедной вдовой насмежаешься.
 Был бы у меня Добрыня Никитич,
- 55 Так не дошло бы тебе вкруг мене насмехатьця
 И вкруг мене ижжеватьце».
 — «Што ты, матушка, я ведь твой сын».
 — «Нет, у мово Добрыни Никитича

¹ Издевается

- Волосы были жолтыи, лицо было бело,
60 А ты какой-то бродяга».
А он и говорит:
«Я ведь билсэ двенадцать лет во бою,
Оттово у меня лицо загорело,
Оттово у меня волосы от земли запылились».
- 65 — «У моего Добрыни Никитича
Под правую пазушкой было родимое пятнышко».
Он и снял с руки рукав,
И увидела она родимое пятнышко,
Тут и поверила, што он есь родимый сын.
- 70 «Дай-ко ты мне, матушка,
Платье светлое скоморошное
И звонки гусёлушки,
Я пойду ко князю ко Владимиру на почестен пир».
Он умылся, причесался
- 75 И оделся в платье скоморошное.
Алёша Попович догадываетцы,
Кланитца Добрыня во вси стороны,
А князю Владимиру с княгиней в собину,
И говорит князю Владимиру:
- 80 «Где бы мне место — сесть?
А и нельзя ль мне поиграть в гусёлушки
На вашем почесном пиру?».
Князь Владимир говорит:
«За печкою твоё место, скоморошина».
- 85 И стал играть Добрыня Никитич
В золотыя гусёлушки,
И многия гостя поприслушались:
«Прежде эдак де Добрынюшка Никитич играл».
А Олëshенька Попович за столом стоит ни жив ни
мёртв,
- 90 А молодая княгиня в поток слёзы льёт,
И говорит князь Владимир стольно-киевской:
«Выходи з-за печки, скоморошына,
Выбирай одно из трёх местов:
Одно место подле меня,

- 95 Друго — напротив меня,
А третье — куды сам пожелать».
Он не сел не подле князя Владимира,
Не напротив князя Владимира,
А сел против княгини молодой.
- 100 И наливают этому гуселшику
Чашу зелена вина в полтора пуда,
И поднимает он чару одной рукой,
И выпивает он чару на один дух.
А спустил он обручальной перстень
- 105 В чашу зелена вина
(Немного не допил)
И говорит княгини:
«Допьёшь до дна, увидишь добра,
А не допьёшь до дна, так не видать добра».
Она как допила до дна
- 110 И получила персень, которым оны венчались.
И не спросила она ни столов дубовых,
Ни скатертей шелковых,
Прямо выскочила да к Добрыне в ноги,
И кинулась ему на шею:
- 115 «Прости меня, Добрыня Никитич,
Во всей женской глупости.
А не тот мой муж, што у стола сидит,
А той мой муж, что у стола стоит».
И взял Добрыня Никитич Алёшу за желты кудри,
- 120 И стал он по горенки похаживать,
Да звонкима гусёлкамы похлопывать.
И только наш Алёшенька женат бывал,
И только наш Алёшенька с женой живал.
Кланяетце Добрыня князю Владимиру:
- 125 «Благодарю тебя, князь Владимир стольно-киевской,
Что ты посоветовал моей жены замуж итти
За то, что я двенадцать лет билсэ и день и ночь
И охранял твой Кеев-град!».
Взял Добрыня Никитич молоду жену
- 130 И пошел к матери домой.

ПЕТР ИВАНОВИЧ РЯБЕНИН-АНДРЕЕВ

Петр Иванович Рябинин-Андреев представляет в истории русского эпоса исключительный интерес. Он — наследник по прямой линии в четвертом поколении былинной традиции самого выдающегося сказителя 60—80-х годов XIX в., классика былинного сказительства — Трофима Григорьевича Рябинина (Рыбн., I, стр. LXXVI—LXXIX и 3—141; Гильф., изд. 3-е, т. II, 1938, стр. 7—146). Былины Петр Иванович начал усваивать еще в раннем детстве. Так, еще ребенком перенял от деда своего Ивана Трофимовича Рябинина, имевшего широкую известность в 1890-е и 1900-е годы благодаря своим поездкам по России и к южным славянам (Этнографическое обозрение, 1894, № 4, стр. 105—153), былинку «Вольга Святославович и Микула Селянинович». Семь былин он знает от отца, пасынка Ивана Трофимовича, Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина (о нем см. Б. С., I, стр. 72), а две — «Чурила Пленкович и Катерина Николаевна» и «Как было у вдовки у распахенки» («Братья разбойники и сестра») — от Настасьи Степановны Богдановой, усвоив их во время совместной их поездки в Москву в 1927 г. Таким образом Петр Иванович не только сохранил унаследованное им знание былин, но он его и продолжает развивать.

В годы первых встреч с собирателями (середина 1920 г.) Петр Иванович Рябинин был еще совсем молодым человеком. Он родился в 1905 г., получил начальное образование. По случаю тяжелого ранения на охоте был освобожден от военной службы и до Великой Отечественной войны жил в своей родной деревне Гарницы, состоя членом колхоза. Некоторое время служил также в водном транспорте сторожем маяков по повенецкой линии. В Великую Отечественную войну П. И. Рябинин-Андреев сражался на Карело-финском фронте и был ранен. В настоящее время живет и работает в Петрозаводске. Женат, имеет детей.

Первые записи былин от Петра Ивановича были произведены в 1926 г. сотрудниками двух экспедиций: Государственного института истории искусств и Государственной академии художественных наук. В 1931—1932 гг. от него снова произведены записи М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпониной; эти последние записи и публикуются в настоящей книге. В 1927 г. Петр Иванович был вызван в Ленинград и Москву для публичных выступлений; с этих пор он неоднократно выступает и в Петрозаводске и перед ленинградцами и москвичами. Постоянные выступления выработали в нем известное профессиональное отношение к своему мастерству. Уже после первых записей он постарался вспомнить еще 2 былины, которые усвоил от отца, но не мог возобновить в памяти в момент записи. В 1927 г., как сказано ранее, он использует совместную поездку с Н. С. Богдановой и перенимает от нее еще 2 былины. Петр Иванович ценит и бережно хранит старое художественное наследие. Любит исполнять былины в больших аудиториях — клубах, школах, театрах, у себя на родине пел на мельницах и лесозаготовках, выступал в колхозном клубе, а в годы войны исполнял былины в кругу бойцов, в блиндажах и землянках.

Петр Иванович Рябинин-Андреев — один из первых среди исполнителей былин, который стал слагать новые эпические произведения на темы нашей героической современности, используя при этом поэтические средства традиционного народного творчества. Еще в 1935 г. в своей заметке о былинах, напечатанной в одном из номеров газеты «Красная Карелия», Петр Иванович высказал горячее желание спеть когда-нибудь былины о Чапаеве и Буденном. В ближайшие после этого годы им сложен был целый ряд былин — о Ленине и Сталине, о Чапаеве (первый творческий опыт в области нового эпоса), о Ворошилове, о Тойво Антикайнене. Но, как правильно отмечалось исследователями его нового творчества, П. И. Рябинину-Андрееву на его новом пути не удалось преодолеть прочно усвоенной им формы старого эпоса, и в его произведениях на современные темы наблюдается постоянное обращение к традиционным сюжетным схемам и «общим местам», что придает этим произведениям характер искусственной стилизации. Все публикации новых произведений сказителя, созданных им до войны с фашистами, указаны в книге В. Г. Базанова «Былины П. И. Рябинина-Андреева» (Петрозаводск, 1940). Во время войны им сложен еще ряд новых эпических произведений, отмеченных в основном теми же недостатками.

В области старинного эпоса Петр Иванович Рябинин-Андреев принадлежит к той категории сказителей, которые усваивают почти точно не только общую композиционную структуру былины, но дословно или почти дословно всю словесную форму. В дальнейшем, при исполнении, они варьируют лишь самые незначительные детали, переставляя изредка отдельные стихи или эпизоды, несколько меняя фразировку. К такому типу сказителей принадлежали отец и дед Петра Ивановича, вот почему некоторые его былины очень близко совпадают еще с текстами прадеда — Трофима Григорьевича (см. характеристику Петра Ивановича в вводной статье тома I «Былин

Петр Иванович Рябинин-Андреев

Севера», стр. 73, а также примечания к отдельным вариантам, где дается сопоставление его былин с текстами его предков). Петр Иванович сохранил оба знаменитых рябининских напева. На один поет «Вольгу и Микулу», на другой — отцовские былины. В мастерстве Петра Ивановича наблюдаются уже некоторый отход от классики, например, в несколько механичном и утрированном употреблении приема повторения. Кое-какие изменения напева отмечались и музыкантами. Характерно, что напевами Н. С. Богдановой ему не удалось овладеть по-настоящему: так, из одного из них получился мотив, близкий к известной песне — «Проводы». Недаром самолюбивая и ревнивая к своему искусству Настасья Степановна неодобрительно отзывалась об исполнении Петром Ивановичем ее былины о Чуриле и Катерине.

Кроме былин, П. И. Рябинин знает и поет много песен различного типа — и старинных и новых. Знает также в большом количестве сказки, преимущественно бытовые и сатирические. В семье его мать знала старинные свадебные и колыбельные песни, много присказок и поговорок, жена поет свадебные и хороводные песни. Таким образом, народно-поэтическое творчество в его различных видах нашло благоприятную почву в талантливой семье четвертого Рябинина.

За свои заслуги в деле сохранения и культивирования эпического наследия П. И. Рябинин-Андреев был награжден в 1937 г. орденом Знак Почета. В 1938 г. он был избран в члены Союза советских писателей. П. И. Рябинин-Андреев имеет правительственные награды и за участие в Отечественной войне с фашистской Германией.

Отдельные былины П. И. печатались в разных сборниках (указаны в примечаниях). В 1940 г. вышло отдельным изданием собрание всех его былин, старых и новых. В основу положены собственноручные записи сказителя, которые затем были проверены и выправлены по живому исполнению В. Г. Базановым в 1939 г.

Таким образом, это — публикация позднейших редакций. В настоящем сборнике печатаются записи 1931—1932 гг., а в приложении даны расшифровки фонографических записей текстов 1926 г. При том большом научном значении, которое имеет творчество П. И. Рябинина-Андреева как наследника традиции, известной нам в редакциях, восходящих к XVIII в., эти ранние записи представляют интереснейший материал для освещения эволюции русского эпоса и, в частности, знаменитой рябининской традиции.

Заметки, очерки и упоминания о П. И. Рябине указаны в названной книге В. Г. Базанова. Оригиналы записей от П. И. былин и других фольклорных произведений хранятся кроме Рукоп. хранил. и Фонограмм-архива Сект. фольк. ИРЛИ (коллекция XXVI и XXVII, фоновалики №№ 713—715, 718—720) — в Архиве Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Карело-Финского филиала Акад. Наук СССР в Петрозаводске и в Фольклорном отделе Литературного музея в Москве.

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВОВИЧ И МИКУЛА
СЕЛЯНИНОВИЧ

- Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да приостарился,
Оставалось у него да й чадо й любимое,
Милое чадочко любимое,
5 Молодой Вольга Святославович.
Стал Вольга ростеть-матереть,
Захотелось Вольге много мудрости,
Щукою нырять в глубоких морях,
Серым волком рыскать в чистых полях,
10 Птицей-соколом летать под синим облачком
Уходили все рыбы в глубокия моря,
Улетали все птицы под облачко,
Уходили все звери в дремучи леса.
Был Вольге да родной дядюшка
15 Ласков князь Владимир стольно-киевский
Дарил ему три города крестьянских:
Первый город — Ореховец,
Другой город — Гурцовец,
Третий город — Крестьяновец.
20 Стал Вольга ростеть-матереть,
Подбирать себе дружинишку хоробрую.
Подобрал себе дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцов да без единого,

- Сам Вольга да во тридцатых.
25 Сели на добрых коней, поехали,
Выезжали во раздольица чисто поле.
Услыхали во чистом поле орatoria,
Орёт в поле ратая, понукивает,
Сошка у орatoria поскрипывает,
30 Омешики по камешкам почиркивают.
Молодой Вольга Святославьевич
Со своей дружиной хоробрюю
Едет цельный день и ночь,
Не мог нагнать и в чистом поле орatoria.
35 Едет Вольга по другой день,
По другой день с утра до вечера,
Не мог нагнать и в чистом поле орatoria.
Едит Вольга по третий день,
Третий день с утра до пабедья,
40 Нагоняли в чистом поли орatoria.
Орёт в поле ораторой, понукивает,
Сошка у орatoria поскрипывает,
Омешки по камешкам почиркивают,
Пенья-коренья вывёртывает,
45 Маленькие камешки все в сторону валит.
Из края в край уедит — другого не видать.
Кобылка у орatoria соловая,
Сошка у орatoria кленовая
Гужики у орatoria шелковые,
50 Омешки у него да чисто серебра,
Присошек у него да чисто золота,
Только кудри у орatoria шатаютца,
Красным жемчугом по плечам развешаютца.
Говорит Вольга Святославович:
55 «Божья помощь те, ораторушка,
Орать да пахать да крестьянствовать,
Из края в край бороздки помётывати,
Пенья-коренья вывёртывати,
Мелкие все камешки всё в борозду валить».
60 Говорит ораторой-ораторушка:

«Надоб мне в крестьянстве божья помочь.
Куда, Вольга, ты едешь, куда путь держишь
Со своей дружиною хоробрюю?».

Говорит Вольга Святославьевич:

65 «Еду в города я за получкою.

В первый город — Ореховец,

В другой город — Гурцовец,

В третий город — Крестьяновец».

Говорит оратой-оратушка:

70 «Ай же ты, Вольга да Святославович,

А недавно в этих городах я был,

Как в Гурцевце, так и в Крестьяновце,

Вывез я оттуда соли три меха,

Три меха я соли, ровно сорок пуд

75 На своей ли на кобылки на соловой.

А живут там мужички да подорожнички,

Собирают гроши да подорожные,

Был я со своим да со тозарищем,

Со своим шалыгой подорожною,

80 Угощал я мужичков да подорожничков,

Платил я им гроши да подорожные:

Который стоя стоит, тот сидя сидит,

А как сидя сидит, тот лёжа лежит».

Говорит Вольга Святославьевич:

85 «Ай же ты, оратый-оратушка.

Ну едем-ка со мной во товарищи,

В этой да города да за получкою».

Этот ли оратуя-оратушка

Кобылку из гужиков повывернул,

90 Сели на добрых коней, поехали.

Отъехали в раздольице чисто поле.

Говорит оратоя-оратушка:

«Ай же ты, Вольга Святославьевич,

Оставил я сошку й во бороздки

95 Не для я прохожего-проезжего.

А для ради мужика й деревенщины».

Говорит Вольга Святославьевич:

- «Ай же вы, дружинушка хоробая,
Надо бы у оратуя-оратуешка
100 Сошку из земельки повыдернуть,
Из сошки земельку повытряхнуть,
Бросить эту сошку за ракивов куст».
Посылал Вольга дородня добра молодца
Из своей дружины что ль наилучшего.
105 Едит дородный добрый молодец,
Подъехал он к сошке близёхонько,
Он ли сошку вокрѹг вертит,
Сошки от земельки поднять нельзя,
Из сошки земельку повытряхнуть,
110 Бросить эту сошку за ракивов куст.
Едит обратно во чисто поле,
Говорит оратую-оратушку:
«Ай же ты, оратоя-оратуешка,
Осталась твоя сошка во бороздочке,
115 Которую я от земли поднять не мог».
Говорит Вольга Святославьевич:
«Поезжайте два дородных добрых молодца,
Сошку из земельки повыдерните,
Из сошки земельку повытрехните,
120 Бросьте-ка сошку за ракивов куст».
Едут два дородных добрых молодца,
Подъезжают к сошке близёшенько,
Они ли сошку вокрѹг вертят,
Сошки из земельки поднять нельзя.
125 Едут обратно ѥ во чисто полѣ.
Говорят оратую-оратуюшку:
«Ай же ты, оратоя-оратуешка,
Осталась твоя сошка ѥ во бороздочки».
Говорит Вольга Святославьевич:
130 «Поезжайте, пять дородных добрых молодцов,
Сошку из земельки повыдерните,
Из сошки земельку повытряхните,
Бросьти-ка сошку за ракивов куст».
Едут пять дородных добрых молодцев,

- 135 Подъезжают к сошке близёшенько,
Они ли сошку вокруг вертят,
Сошку от земли поднять нельзя.
Едут обратно во чисто полё,
Говорят оратою-оратуюшку:
140 «Ай же ты, оратуя-оратуюшка,
Осталась твоя сошка во бороздочке».
Говорит Вольга Святославьевич:
«Поезжайте-ка, да десять дородных добрых
молодцов,
Сошку из земельки повыдерните,
145 Из сошки земельку повытряхните,
Бросьте-ка сошку за ракиов куст».
Едет десять дородных добрых молодцов,
Подъезжают к сошке близёшенько,
Они ли сошку вокруг вертят,
150 Сошку от земельки поднять нельзя.
Едут обратно во чисто полё,
Говорят оратою-оратуюшку:
«Ай же ты, оратоя-оратуюшка,
Осталась твоя сошка й во бороздочке».
155 Говорит Вольга Святославьевич:
«Поезжайте, тридцать человек без единого,
А сам я Вольга во тридцатой,
Сошку из земельки повыдерните,
Из сошки земельку повытряхните,
160 Бросьте-ка сошку за ракиов куст».
Едут тридцать дородных добрых молодца.
Подъезжают к сошке близёшенько,
Они ли сошку вокруг вертят,
Сошки из земли поднять нельзя.
165 Едут обратно й во чисто полё.
Подъезжают к оратую-оратуюшку,
Говорит Вольга Святославьевич:
«Ай же ты, оратуя-оратуюшка,
Мы ли сошку вокруг вертеть,
170 Сошку от земельки поднять нельзя,

- Осталась твоя сошка во бороздочке.
Сошки из земельки не выдернуть,
Из сошки земельки не вытряхнуть».
Едит оратуя-оратуешка
- 175 К своей сошке кленовоей.
На своей кобылке на соловыей.
Подъезжает он к сошке близёшенько,
Захватил он сошку одной ручкой,
Сошку из земельки повыдернул,
- 180 Из сошки земельку повытряхнул,
Бросил свою сошку за ракитов куст.
Они сели на добрых коней да поехали,
У оратора кабылочка рысью пошла,
А Вольгин-то конь стал поскакивать.
- 185 Стал Вольга кричать-понукивать,
Калпачком своим стал помахивать:
«Ай же ты, оратуя-оратуешка,
Как же тебя именем зовут,
Удалого звеличают по отчеству?».
- 190 Этот ли оратуя-оратуешка
Становил свою кобылку соловьею.
Тут ли Вольга Святославьевич
Нагонял оратуя-оратуешку.
Говорит Вольга да таковы слова:
- 195 «У тебя ли кабылка соловая,
Эта бы кабылка коньком была,
За эту бы кабылку пятьсот дали».
Говорит оратор оратуешка:
«Ай же ты, Вольга да Святославьевич,
- 200 Эта бы кабылка коньком была,
За эту бы кабылку и сметы нет.
Брал я кабылку спод матушки,
Заплатил я за кабылку пятьсот рублей.
А я ржи напашу да я скирды сложу,
- 205 В скирды сложу да домой выволоку,
Домой выволоку, дома вымолочу,
Драни надеру да пива наварю,

Пива наварю да мужиков напою,
Станут меня мужики похваливать,
210 Что хорош был Микулушка й Селянинович».

130a

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВОВИЧ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

- Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да приостарился.
Оставалось у него да й чадо й милоё,
Милое чадочко любимое,
5 Молодой Вольга Святославьевич.
Стал Вольга растеть-матереть,
Захотелось Вольге да й много мудрости,
Щукою нырять да в глубоких морях,
Серым волком рыскать в чистых полях,
10 Птицей-соколом летать под синим облачком.
Уходили все рыбы в глубокие моря,
Уходили все звери во тёмные леса,
Улетели все птицы под облачко.
Был у Вольги да родной дядюшка,
15 Ласков князь Владимир стольни-киевский,
А дарил он ямѹ да три города,
Три города да всё крестьяновцы:
Первый город — Ореховец,
Другой город — Крестьяновец,
20 Третий город — Гурцовец.
Стал тут Вольга да ростеть-матереть,
Подбирать себе и дружинушку хоробрую,
Подобрал себе дружинушку ль хоробрую,
Тридцать молодцов да без единого,
25 Сам Вольга да во тридцатых был.
Оны сели на добрых коней паехали
В те ль города да за получкою.
Выезжали во раздольице чисто полѣ,

- Услыхали во чистом поле оратую.
- 30 Орёт в поле ратай, понукивает,
Сошка у оратора поскрыпывает,
Омёшики по камешкам почиркивают.
Едет Вольга с утра до вечера,
Не мог нагнать в чистом поле оратора.
- 35 Едит Вольга по другой день,
По другой день с утра до вечера,
Не мог нагнать в чистом поле оратора.
Едит Вольга по третий день,
По третий день с утра до пабедья,
- 40 Нагоняли в чистом поле оратуюшка.
Орёт в поле ораторой, понукивает,
Сошка у оратора поскрыпывает,
Омёшики по камешкам почиркивают,
Пенья-коренья вывёртывает,
- 45 Мелкие камешки все в борозду валит,
А из края в край уедит — другого не видать
Кобылка у оратора й соловая,
Гужиики у оратора шелковые,
Сошка у оратора кленовая,
- 50 Омёшики на сошки да чисто й сёребра,
Присошек на сошки да чисто золота,
Говорит Вольга Святославьевич:
«Ай же ты, оратай-оратаюшка,
Божья помощь те орать да пахать,
- 55 Орать да пахать да крестьянствовать,
Из края в край борозки помётывати,
Пенья-коренья вывёртывати,
Мелкие все камешки да всё в борозду валить».
Говорит ему й ораторой-оратуюшка:
- 60 «Надоб мне в крестьянстве божья помочь,
Куда, Вольга, ты едешь, куда путь держишь
С своей дружинушкой хоробрую?».
Гаварит Вольга да й Святославьевич:
«Ай же ты, ораторой да оратуешка,
- 65 Еду в города я за получкою,

- В первый город — Ореховец,
В другой город — Крестьяновец.
В третий город — Гурцовец».
- Говорит оратор-оратаюшка:
- 70 «Ай же ты, Вольга да Святославьевич,
Третьево дни в городах я был
На своей ли на кабылки на соловой,
Вывез я оттуда соли три меха,
Соли три меха, ровно сорок пуд.
- 75 А живут там мужечки да подорожнички.
Собирают гроши да й подорожные.
Был я со своей шалыгой подорожною,
Угощал я мужичков да подорожничков,
Платил я им гроши да подорожные:
- 80 А кто стоя стоит, тот сидя сидит,
А кто сидя сидит, тот лёжа лежит».
Говорит Вольга Святославьевич:
«Ай же ты, оратай-оратуешка,
Ну поедем-ка со мной во товарищи
- 85 А во эти города да за получкою».
Этот ли оратуя-оратушка
Гужики из сошечки повыстегнул,
Кабылку из сошки повывернул,
Сели на добрых коней поехали.
- 90 Отъехали от сошки от кленовой,
Говорит оратор-оратаюшка:
«Ай же ты, Вольга да Святославьевич,
А оставил я сошку й во бороздочки,
Не для я прохожево-проезжево,
- 95 А для ради мужика й деревенщины».
Так ведь этот ли Вольга Святославьевич
Посылает дородня добра молодца
Из своей дружины что ль наилучшего.
Этот ли дородный добрый молодец
- 100 Подъехал он к сошке близёхонько,
Он ли сошку вокруг вертит,
Сошки от земельки поднять нельзя.

- Едит обратно во чисто поле,
Говорит он оратую-оратаюшку:
- 105 «Ай же ты, оратой-оратаюшка,
Осталась твоя сошка й во бороздочки.
А не мог я сошки повыдернуть,
Из сошки земельку повытряхнуть».
Этот ли Вольга Святославьевич
- 110 Посылает пять дородных добрых молодцев.
Эти пять дородных добрых молодцев
Оны ли сошку вокруг вертят,
Сошку от земли поднять нельзя.
Едут обратно й во чисто полё,
115 Говорят они оратую й оратаюшку:
«Ай же ты, оратой-оратаюшка,
Осталась твоя сошка й во бороздочки».
Этот ли Вольга Святославьевич
Посылает десять дородных добрых молодцов.
- 120 Эти ли десять дородных добрых молодцов
Подъезжают к сошке близёшенько,
Они ли сошку вокруг вертят,
Сошку от земельки поднять нельзя.
Едут обратно во чисто полё,
125 Говорят оратую-оратаюшку:
«Ай же ты, оратоя-оратаюшка,
Осталась твоя сошка й во бороздочки».
Этот ли Вольга Святославьевич
Едит со всей дружиной хороброю,
- 130 Тридцать человек без единого.
Сам Вольга во тридцатых был.
Подъехали к сошке близёшенько,
Они ли сошку вокруг вертят,
Сошки из земли поднять нельзя.
- 135 Едут обратно й во чисто полё,
Говорят оны оратую-оратуюшку:
«Ай же ты, оратуя-оратуюшка,
А осталась твоя сошка во бороздочки,
Сошки из земельки не выдернуть,

- 140 Из сошки земельки не вытряхнуть».
Едит оратуя-оратуюшка
К своей сошке кленовой
На своей кабылке на соловоей.
Подъезжает он к сошке близёшенько,
145 Захватил он сошку одной ручкой,
Сошку из земельки повыдернул,
Из сошки земельку повытряхнул,
Бросил свою сошку за ракитов куст.
Сели они на добрых коней да поехали,
150 У оратора кабылка да рысью пошла,
А Вольгин-то й конь оставляетца.
У оратая кабылка грудью пошла,
А Вольгин-то конь стал поскакивать.
Стал Вольга кричать-понукивати,
155 Калпачком своим стал помахивати:
«Ай же ты, оратай-оратаюшка,
Как же тебя именем завут,
Удалого звеличают по отечеству?».
Становился тут оратай-оратаюшка,
160 Подъехал Вольга Святославьевич.
Говорит Вольга да таковы слова:
«Эта бы кабылка коньком была,
За эту бы кобылку петъсот дали».
Говорит оратой оратуюшка:
165 «Ай же ты, Вольга да Святославьевич,
Брал я кобылку спод матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей.
Эта бы кобылка коньком была,
За эту бы кобылку и сметы нет,
170 А я ржи напашу да в скирды сложу,
В скирды сложу да домой выволоку,
Выволоку да дома вымолочу,
Драни надеру да пива наварю,
Пива наварю да мужиков напою.
175 Станут меня мужики похваливать,
Что хорош был Микулушка й Селянинович».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

- Из тово ли города из Муромля,
 Из тово ль села да Карочірова
 Выезжал дуродний добрый молодец,
 А ведь старый казак Илья Муромец.
- 5 Он заутриню тую христовскую
 А стоял во граде во Муромле
 И хотел попасть к обедне в стольно Киев-град.
 Брал у батюшки, у матушки прощеньице,
 А прощеньице-благословленьице.
- 10 Кладовал он заповедь великую:
 Не съезжаться, не слетаться во чистом полі
 И не делать бою-драки-кроволития.
 Так тут старый казак Илья Муромец
 Заседдал тут своего добра коня,
- 15 А он мало во бурушку косматого.
 Выезжал в раздольице чисто поле.
 Его путь-дорожка призамешкала,
 Он не мог попасть ко городу ко Киеву,
 А попал ко городу Черньнигову.
- 20 Усмотрел под городом Черньниговым
 Нагнан там силушки черным чернѡ,
 А черным чернѡ как чернѡ воронѡ.
 Хотут чѣрных мужичков да всех повырубить,
 Хотут церкви божии на дым спустить.
- 25 Разгорелось сердце у богатыря,
 А у старого казака Ильи Муромца.
 Нарушил он заповедь великую,
 Просил себе да бога на помощь
 Да пречісту пресвятую богородицу.
- 30 Припускал коня на рать-силу великую,
 Стал он силу с крайчика потаптывать,
 Конѣм топтать да из лука стрелять,
 Стал рубать их саблей вострою,
 Своим копѣем да муржемецкиим,

- 35 Претоптал он силу-рать великую.
Подъезжал ко городу Черньнигову,
Отворялися ворота во Черньнигов-град,
Выходят мужички черньниговски
Да низко ему покланяются:
- 40 «Ай же ты, дородный добрый молодец,
А иди-ко ты ко мне да воеводою,
Воеводою да во Черньнигов-град».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же вы, мужички черньниговцы,
- 45 Не пойду я к вам да воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в Киев-град».
Говорят ему мужечки черньниговцы:
«Прямоезжая дорожка заколодила,
- 50 Заколодила дорожка, замуравила,
Замуравила дорожка ровно тридцать лет,
Как у той ли реченьки Смородинки,
Как у той ли грязи, грязи чёрные,
Как у той ли берёзыньки поклапоей,
- 55 У тово кряста Леонидова
Сидит Соловей-разбойничек Дихманьтьев сын
На семи дубах в девяти суках,
Как засвищит Соловей по соловьиному,
Закречит, собака, по звериному,
- 60 Зашипит, проклятый, по змеиному,
Так все травушки-муравы улетаютцы,
Все лазоремы цветочки отсыпаютцы,
А что есть людей вблизи — все мертвы лежат.
Прямоезжией дорожкой есть пятьсот всех вёрст,
- 65 А окольную дорожкой-то всех тысяча».
Так тут старый казак Илья Муромец
Повернул коня богатырского
И поехал по раздольицу чисту полю
По той ли дорожке прямоезжией.
- 70 Подъезжал ко реченьки Смородинке,
Ко той ли грязи, грязи чёрнейей,

- Ко той ли берёзыньке покаяпоей,
Ко тому ли кресту Леонидову.
Как завидел его Соловей-разбойничек,
75 Засвистал Соловей по соловьиному,
Закричал собака по звериному,
Зашипел проклятый по змеиному.
Как все травушки-муравы уплетались,
Все лазоревы цветочки осыпались,
80 Мелки лесушки к земле да приклонялись,
А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат.
А у старого казака Илья Муромца
А конь на корзнь спотыкается.
Так тут старый казак Илья Муромец
85 Говорит коню да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Ты везти не мошь и итти не хошь.
Не слыхал что ль по́свисту соловьево,
Не слыхал что ль по́крику звериново,
90 Не слыхал что ль по́шипу змеиного?».
Сам берёт он в руки плёточку шелковую,
А он бил коня по тучным бедрам,
Другой раз он бил меж ноги задняя,
Третий раз он бил коня между ушей,
95 А удары давал да всё тяжолые.
Отстегнул свой тугий лук разрывчатый,
Натянул тетивочку шелковую,
Наложил стрелочку колёную,
А он сам стрелки приговаривал:
100 «Ты просвисни, моя стрелочка колёная,
Попади ты в Соловья-разбойнника».
Сам спустил тетивочку шелковую
Во тую ль стрелочку колёную,
Тут просвиснула стрелочка колёная,
105 Попала в Соловья-разбойника,
Попала в Соловья да во левой весок.¹

¹ Висок.

- Сбила Соловья да на сыру землю,
На сыру землю да во ковыль-траву.
Как тут старый казак да Илья Муромец
- 110 Подъезжал он к Соловью близёшенько,
Захватил он Соловья да за желты кудри,
Сковал он Соловью да ручки белые,
Сковал он Соловью да ножки резвые,
Привезал ко стремечку булатному,
- 115 Сам поехал дорожкой прямоезжией,
Прямоезжией в стольно Киев-град.
Тут случилось старому казаку Ильи Муромцу
Ехать мимо соловьиного гнёздушка.
У того Соловья-разбойничка
- 120 А было три дочери любимые.
Посмотрела в окошечко тут старша дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит да на добром жони,
А везёт да мужика да деревенщину
- 125 У правого у стремечка приковано».
Посмотрела в окошечко тут средня дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит да на добром кони,
А везёт да мужика да деревенщину
- 130 У правого у стремечка приковано».
Посмотрела тут в окошечко младша дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Ай сестрёнушки мои родимыя,
А ведь окушком вы есть тупёшеньки,
- 135 Умом-разумом вы есть глупёшеньки,
А сидит мужик да деревенщина,
А сидит мужик да на добром коне,
Наш-то батюшка на стремени приковано».
-- «Ай же, мужевья наши любимые,
- 140 А берите-ка рогатины зверинные,
А бегите-тка в раздольице чисто поле
И убейте-тка мужика да деревенщину».
Эти мужевья любимые

- Берут рогатенки зверинные,
145 Скоро-наскоро бежат да во чисто полѣ,
Чтоб убить им мужика да деревенщину.
Как завидел их да Соловей-разбойничек,
Скричал да Соловей да громким голосом:
«Ай же, зетевья мои любимые,
150 А бросайте-ка рогатенки зверинные,
Подбегайте к добру молодцу близёшенько,
Берите-тка за рученьки за белые,
За ево за персни золочёные,
Видите-тка в Соловье гнёздышко,
155 Кормите его есвушкой сахарнией,
Понте его питьицем медвяным
И дарите ему дары драгоценные».
Эти зетевья ль любимые
Побросали рогатенки зверинные,
160 Подбегают к добру молодцу близёшенько,
Хочут брать его за рученьки за белые,
За его за персни за злочёные
Как тут старый казак Илья Муромец
А он выдернул свою саблю острую,
165 Отрубил он им да буйны головы,
Половину он роет серым волкам,
А в другую половину чёрным воронам,
Сам поехал дорожкой прямоезжией,
Прямоезжией во стольно Киев-град.
170 Приезжал ко князю на широкий двор,
Сходил с коня на матушку сыру землю,
Сам идёт в полаты белокаменны.
На пятау он дверь да поразмахивал,
А он крест кладёт да по писанному,
175 А поклон кладёт да по учёному,
На четыре на сторонушки поклоняется,
А князю Владимиру в особену,
А его всем князьям да подколённым:
«Здравствуй, князь Владимир стольно-киевский!»
180 Я приехал из города из Муромля

- Послужить тебе верой-правдою,
 Защищать я буду церкви божии,
 Защищать я веру христианскую,
 Защищать буду тебя князя Владимира
 185 Со своей Апраксей королевичной».
- Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
 «Ты откудашний дородный добрый молодец,
 Ты с какой земли да из какой орды,
 Ты какого отца да есть матери?»
- 190 По имечки тебе можно место дать,
 По отчеству тебя пожаловать».
- А ведь князь Владимир стольно-киевский
 Только что пришол из церкви божией,
 От той ли от поздней обеденки.
- 195 Сидят за столиком дубовым
 На тех ли скамеечках окольных,
 Едят есвушки сахарни,
 Пьют пѣтыца медвяные.
- Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
 200 «Ай же ты, дородный добрый молодец,
 Старый ты казак да Илья Муромец,
 Ты какой дорожкой ехал в стольно Киев-град.
 Прямоезжией али окольной?»
- Говорит старый казак Илья Муромец:
 205 «Ехал я дорожкой прямоезжией,
 Прямоезжией во стольно Киев-град».
- Говорит князь Владимир стольно-киевский:
 «Во глазах, мужик, ты надсмеаешься,
 Хочешь ты пустым похвастаться,
- 210 Где тебе проехать дорожкой прямоезжией,
 Прямоезжией во стольно Киев-град?
 Прямоезжая дорожка заколодила,
 Заколодило да замуравило,
 Замуравило да ровно тридцать лет.
- 215 Как у той ли реченьки Смородинки,
 Как у той ли грязи, грязи чёрной,
 Как у той ли берёзыньки покаяновой,

- У тово креста Леонидова
 Сидит Соловей-разбойничек Дихманьтєв сын.
 220 Как засвищит Соловей по соловьиному,
 Закричит проклятый по звериному,
 Зашипит проклятый по змеинному.
 Так все травушки-муравушки уплетаются,
 Все лазуревы цветочки осыпаютца,
 225 Мелки лесушки к земле да преклоняютца,
 А что есть людей — так все мертвы лежат».
 Говорит старый казак Илья Муромец:
 «Ай же, князь Владимир стольно-киевский,
 А теперь Соловей-разбойничек на твоём дворе,
 230 На твоём дворе да на моём коне,
 У правово стремечка приковано».
 Так тут князь Владимир стольно-киевский
 Со всеми князьями подколенными
 Пошли на широкий двор
 235 Посмотреть на Соловья-разбойничка.
 Так гут князь Владимир стольно-киевский
 Одел шубку на одно плечо,
 Одел шапочку соболью на одно ушко,
 Поскорёшеньку выходит на широкий двор
 240 Посмотреть на Соловья-разбойничка.
 Увидали Соловья-разбойничка,
 Ужახнулись ихнии сердечушка.
 Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
 «Ай же, Соловей-разбойничек Дихманьтєв сын,
 245 Засвищи-тка, Соловей, да по соловьиному,
 Закричи, собака, по звериному,
 Зашипи, проклятый, по змеинному!»
 Говорит тут Соловей-разбойничек:
 «Ай же, князь Владимир стольно-киевский,
 250 Не у тя сегодня ел и пил,
 Не тя сегодня я хочу послушатьцы,
 Ел и пил я у казѧка Илья Муромца,
 Ево буду я и слушати».
 Говорит старый казак Илья Муромец:

- 255 «Ай же, Соловей-разбойничек Дихманьтьев сын,
 Засвищи-тка, Соловей, на полсвиста,
 Засвищи-тка, Соловей, на полкрика,
 Зашипипи-тка, Соловей, на полшипа».
 Говорит тут Соловей-разбойничек:
- 260 «Ай же ты, старый казак Илья Муромец,
 Запечатались мои кровавы ранушки
 От того-то удара от тяжолого,
 Ты налей-ка мне чару зелена вина,
 Не малую стопу — в полтора ведра.
- 265 Разведи медами всё стоялыми,
 Поднеси-тка мне да Соловью-разбойничку».
 Так тут старый казак Илья Муромец
 Налил ему чару зелена вина,
 Не малую стопу — в полтора ведра,
- 270 Поднёс он Соловью-разбойничку.
 Как тут выпил Соловей-разбойничек
 Эту ль чару зелена вина,
 Почуял скорую кончинушку.
 Засвистел Соловей во полный свист,
- 275 Закричал собака во полный крик,
 Зашипел проклятый во полный шип.
 Так тут все травушки-муравушки улетаютьца,
 Все лазоревы цветочки отсыпаютьца,
 Малы лесушки к земле да преклоняютьца.
- 280 А что есть людей вблизи — все мертвы лежат.
 А из тех ли теремов высокних
 Все хрустальные стекóлышки посыпались,
 А Владимир-князь да стольно-киевский
 А он по двору да в кружки бегаёт,
- 285 Куньей шубкой да укрываетца.
 Говорит старый казак Илья Муромец:
 «Ай же, Соловей-разбойничек Дихманьтьев сын,
 Что ж ты мóево наказа не послушался?
 Я тебе велел свистеть во полсвиста,
 290 Закричать во полкрика,
 Зашипеть во полшипа».

Говорит тут Соловей-разбойничек:
 «Ай же, старый казак Илья Муромец,
 Чую я свою скорую кончинушку.
 295 От того кричал я во полный крик,
 От того я шипел во полный шип».
 Как тут старый казак Илья Муромец
 Расковал он Соловья да ножки резвые,
 Ножки резвые да ручки белые.
 300 Захватил его за рученьки за белые,
 Захватил его за персни золочёные,
 И повёл его на поле на Куликово,
 Приводил на поле на Куликово,
 Положил на плаху на дубовую,
 305 Отрубил он Соловью да буйну голову,
 Половину роет от серым волкам,
 А вторую половину чёрным воронам.
 С той поры ли стало времечко —
 Не стало Соловья-разбойничка
 310 На матушке святой Руси.
 Да тем былиночка покончена.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Как Владимир-князь да стольно-киевской
 А завёл он пированьице почестен пир
 На многих князей, на многих бояров,
 Да на сильных могучих богатырей,
 5 Да на славных да поляниц да разудалых.
 Только не было да на честном пиру
 Ещё старого казака Ильи Муромца:
 Был он на заставушки Московской.
 Как приехал Илья Муромец
 10 Со заставушки да со Московскии,
 У тово ли князя у Владимира

- В поапира сидят, все наедались,
В полпьяна все напивались.
Как пришел старѣй казак да Илья Муромец.
- 15 А пришел казак ко князю на почестен пир,
Не зван был казак, не приглашонный.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, колека перехожая,
Как тебя да именѣм зовут,
20 Удалого звеличают по отчеству?
По имечку да можно место дать,
По отчеству тебя пожаловать».
Говорит старѣй казак да Илья Муромец:
«Ай же, князь Владимир стольно-киевский!
25 А зовут меня Никита Заолешенин».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Никита Заолешенин,
А садись-ка с нами за единый стол
Хлеба-соли кушати,
30 Белой лебеди порушати,
Поесть ествушек сахарних,
Попить питьецев медвяных».
Садился тут Никита Заолешенин
По край столичка дубового,
35 По край да скамеечки окольной.
Не узнал Владимир красно солнышко
Да старѣго казака да Илью Муромца.
Так тут князь Владимир стольно-киевский
Подносил он чару зеленá винá,
40 Что не малую стопу да полтора ведра,
Подносил Никиты Заолешену.
Как вставал Никита Заолешенин
Из-за то́ва из-за столичка дубового,
Из-за тых скамеечек окольных,
45 На свои на ноженьки на резвые,
Принимает чарочку одной ручкѣй,
Выпивает чарочку одним душкѣм,
На ногах стоит Никита — не шатается,

- А он с князем говорит да не мешается:
- 50 «Благодарствуй, князь Владимир стольно-киевский,
За твоё за сладко винцо-водочку,
За твои за сладкие напитокочки».
Так тут князь Владимир стольно-киевский
Подносил он другу чару зелена вина,
60 Что не малую стопу да полтора ведра.
Подносил Никиты Заолешену.
Как вставал Никита Заолешенин
Из-за тово из-за столличка дубового,
Из-за тых скамеечек окольных
70 На свои на ноженьки на резвые.
Принимает чарочку одной ручкѡй,
Выпивает чарочку одним душкѡм,
На ногах стоит Никита — не шатается,
А он с князем говорит да не мешается:
- 65 «Благодарствуй, князь Владимир стольно-киевский.
За твоё за сладко винцо-водочку,
За твои за сладкие напитокочки».
Так тут князь Владимир стольно-киевский
Подносил он третью чару зелена вина,
70 Что не малую стопу да полтора ведра.
Подносил Никиты Заолешену.
Как вставал Никита Заолешенин
Из-за того из-за столличка дубового,
Из-за тых скамеечек окольных,
75 На свои на ноженьки на резвые,
Принимает чарочку одной ручкѡй,
Выпивает чарочку одним душкѡм,
На ногах стоит Никита — не шатается,
А он с князем говорит, да не мешается:
- 80 «Благодарствуй, князь Владимир стольно-киевской,
За твоё за сладко винцо-водочку,
За твои за сладкие напитокочки».
Как подвыпил тут Никита Заолешанин,
Схудоумился Никита, раскуражился.
85 Как тут князь Владимир стольно-киевский

- Посадил его на место на почётное.
Как подна́жал тут Никита Заолешанин
А своими плечами да могучими,
Растянул свои он ножки резвые
- 90 Вдоль скамеечки окольной.
Как поехали богатыри на дудруги
Вдоль скамеечки да до большого угла.
Как тому ли князю солнышку
Это дело на пиру да не слюбилось,
95 Не слюбилось да не в любив пришло.
Говорит тут князь Никитушке:
«Ай же ты, Никита Заолешенин,
Уходи-ка ты отсюда со честна пи́ра,
Со честна пи́ра да гость незванный».
- 100 Уходил Никита Заолешанин
От тово ли князя солнышка,
Выходил да на широкий двор,
Отстягнул свой ту́гой лук разрывчатой
От тово ли своево добра́ коня.
- 105 От правбво стремени булатнево,
И пошел по городу по Киеву
Из туга́ лука́ постреливать,
По тем ли колокольным по высоким,
По тем ли теремам высоким.
- 110 Повалилися тут главушки церковные,
Посыпались хрустальные стеколошки.
Приходил ко князю на широкий двор.
Заходил во погреба глубокия,
Берёт он бочку зелена вина,
- 115 А одну он бочечку под пазушку,
А другую бочечку под дру́гую,
Третью бочечку ногой катит.
Выносил Ильюша на широкий двор,
Крикнул Илья да громким голосом,
120 Громким голосом да во всю голову:
«Ай же вы, голюшки кабацкия!
Подходите вы пить да зелена вина».

Приходили тут голюшки кабацкия,
Приходили ко князю на широкий двор
125 Пить ли дормовово зелена вина.

(А уж вот тут я не знаю, долго ли, коротко тут гуляли. Во хмелю ли пришел ко князю Илья. Дальше — как князь посадил его во погреба глубокия.)

За тее ли за решёточки железныя.
Засыпали песочками да жёлтыми
Не на мало поры-времечка —
На три года на три месяца,
130 На три месяца да на три дня,
На один овёс да на воду.

Как князь посадил Илью во погреба глубокия, так все остальные богатыри уехали и не стали служить князю верой-правдою.

А у князя у Владимира была любимая плюмянница молода Забава дочь Путятична.

Подделала она ключи поддельные
Ко тем ли погребам глубоким,
Нанимала нянюшок да мамушок,
135 Носила ему есвушко сахарнее,
Да носила ему питье медвяное
• Во те ли погреба глубокия.
Снесла одеяльцо тёплое,
Снесла ему подушечки пуховые.
140 Сидит старый казак да Илья Муромец
У князя в погребях глубоких.

(Вот не знаю, много ли, мало ли он лет сидел, все ли три года аль не все).

Под тот ли под славный под Киев-град
Подъехал собака царь Калина.
Посылает царь Калина посланничка
145 Ко тому ли князю ко Владимиру.
Как приехал тут грозен посёл
От того собаки царя Калина,

- Приеждает он ко князю на широкий двор,
Заходил в палаты белокаменны.
- 150 На пятау он двери поразмахивал,
Не молитвита, не крестита,
Кладывает грамотку посыльную
На тот ли князев да на золот стол,
Пословесно князю солнышку высказывал:
- 165 «Ай же, князь Владимир стольно-киевской,
Я грозен посол собаки царя Калина,
Я приехал к тебе с весточкой нерадостной:
А очисти-тко ты улицы широкия,
Постав-ка ты бочечки дубовые,
160 Бочечки дубовы с зеленым вином,
Чтобы было чем татарам позабавиться.
Да очисти, князь Владимир, церкви божие,
Чтобы можно собаки царю Калину
Сделать стойла лошадиные.
- 165 Да очисти, князь Владимир, в трое суток».
Порасплакался тут князь да красно солнышко,
Порасплакался да закручинился.
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
«Если б был казак да Илья Муромец,
170 Постоял бы он за церкви божия,
Постоял бы он за веру православную,
Защищал бы он меня князя Владимира
Со своей Апраксей королевичной».
Говорит Забава дочь Путятична:
- 175 «Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный,
Ласков князь Владимир стольно-киевской!
А ведь старый казак да Илья Муромец
Он сидит во погребах глубоких,
Он не старита да лучше ставита.
- 180 Как посадил ты его во погреба глубокия
За тея за решоточки железные,
Я подделала ходы да подземельные,
Я подделала ключи поддельныя,
Я снесла ему подушечки пуховыя,

- 185 Снесла да одеяльце ему тёплое.
Каждой день носила естwuшки сахарные,
Каждой день носила питьица медвяные».
Как скочил тут князь Владимир на резвы ноги,
Низко он Забавы поклоняется,
190 Сам бежит на погреба глубокии.
На пята он двери поразмахивал
Во тее ли во погреба глубокии,
Все решоточки железные отдёргивал,
Все песочки жёлтые отваливал.
195 Увидал казака Илью Муромца,
Брал его за рученьки за белые,
За ево за персни за злочёные,
Целовал его в уста сахарния,
Выводил из погреба глубокого,
200 Низко Илье поклоняется:
«Ты прости, казак да Илья Муромец.
Ты прости меня за то что порассорился
Я на старого казака Илью Муромца,
Посадил тебя во погреба глубокия,
205 За теи за решоточки железные.
А теперь-ка ты, Илья, меня подвыручи.
Как под наш под славный стольной Киев-град
Поднаехал собака царь Калина,
Поднагнал он силушки татарской.
210 Что от пару ли от лошадиного
Под нашим ли городом под Киевом
Потерялося красно солнышко».

Как стал князь просить Ильюшу, просить, чтобы он пошел
биться с той силушкой татарской, так Илья сразу не пошел,
а три дня гулял по городу по Киеву.

- На четвёртый день по утру ранешенько
Приходил во стойло лошадиное
215 Ко своему ли паромку любимому,
Поглядеть на бурушку косматого.
Посмотрел на бурушку косматого:

Что не старитца, да лучше ставитца.
Говорит старый казак да Илья Муромец:

220 «Благодарствую вас, паромок любимой,
За хорош уход да бурушка косматого.

Он не захотел ни к князю ни к кому, а коня заседал и по-
ехал в чисто поле

Посмотреть на силушку татарскую.

У тово ли казака Ильи Муромца

Ужаснулося сердце богатырское:

225 «Вот собака, с какой ратью поднаехавшись!».

Тут просил он себе бога на помощь,

Да пречисту пресвятую богородицу.

Припускал коня тут богатырского,

Стал он силу с крайчика потаптывать,

230 Стал конём топтать да из лука стрелять,

А копьём колоть, рубить саблей вострою,

Говорит тут конь казаку Ильи Муромцу:

«Ай же, старый ты казак Илья Муромец!

Как у тех ли у татаровеи поганиих

235 Есть три погреба глубоких ископанных.

В первый погреб я скочу — повыскочу

И тебя, дуродный добрый молодец, повыздыну.

В другой погреб я скочу — повыскочу

И тебя, добрый молодец, повыздыну,

240 В третий погреб я скочу — повыскочу

И тебя я добра молодца не выздыну.

Нападут тут татарова поганые,

Скуют тебе да ручки белые,

Скуют тебе да ножки резвые».

245 Говорит тут старый казак Илья Муромец:

«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок!

Ты ходить не хошь, ни возить не можь

Старого казака Илью Муромца».

Сам берёт тут в руки плёточку шелковую,

250 Первый раз он бил коня да по тучным бедрам,

Другой раз он бил между ушей,

- Третий раз он бил коня меж ноги заднии,
А удары всё довал тяжолые.
Его добрый конь да стал поскакивать.
255 В первый погреб он скочил — повыскочил,
Старого казака Илью Муромца
Из того ли погребца повыздынул.
С другою погребца повыскочил,
Старого казака Илью Муромца
260 Он из другого погребца повыздынул.
Из третьего погребца повыскочил —
Илью Муромца из погребца не вызданул.
Нападали тут татарова поганые
На старого казака Илью Муромца,
265 Завезали ему руки белые,
Заковали ему ножки резвые,
Понесли его к собаки царю Калину,
Понесли его да во белой шатёр.
Говорит собака царь Калина:
270 «Ай же, старый казак ты Илья Муромец,
А иди-ка ты к нам воеводою».
Говорит тут казак Илья Муромец:
«Ай же ты, собака царь Калина,
Не пойду я к вам воеводою».
275 Тут кричат татарова поганые:
«Отрубить ему буйную головушку!».
Говорит собака царь Калина:
«Развежите-ка казаку ручки белые,
Раскуйте-ка казаку ножки резвые,
280 Пусть-ко старый казак на волюшке подумает».
Развязали тут казаку ручки белые,
Расковали тут казаку ножки резвые,
Говорит старый казак да Илья Муромец,
А пошел он из шатра собаки царя Калина:
285 «А не буду я служить собаки царю Калину».
Говорит собака царь Калина:
Завяжите-ка вы Илье ручки белые,
Вы закуйте-ка Илье ножки резвые!».

Нападали тут татарова поганые
 290 К Илью Муромцу на плечи да на могучие.
 Как тут старый казак да Илья Муромец
 Стряхнул плечами могучими,
 Сам схватил татарина как за ноги,
 Да как начал он татаринoм помахать,
 295 Да как начал он татар да поколачивать.
 А куда ударит — падёт улицей,
 Перевернит — переулочкам.
 Говорит старый казак Илья Муромец:
 «А и крепок же татарин — не изломитца,
 300 А и жило-то у него не изорвитца».
 Только это он словечко вымолвил,
 Оторвалася головушка татарская.
 А куда летела головушка татарская,
 Так тут улицей народ валяетца.
 305 Выходил Илья да во чисто поле,
 Стал свистать в свисток да богатырской.
 На его на свист на богатырской
 Прибежал тут конь да из чиста поля.
 Садился старый казак Илья Муромец
 310 Он на свою бурушку косматую,
 Скочил на гору на высокую,
 Посмотрел в кулак богатырской
 По тому ли раздольицу чисту полю,
 Насмотрел он в чистом поле семь шатров,
 315 У шатров стоят да кони богатырских.
 Старый казак Илья Муромец
 Отстягнул свой тугий лук разрывчатый,
 Натянул тетивочку шелковую,
 Наложил стрелочку колёную,
 320 А сам ли стрелки приговаривал:
 «Ты просвисни, моя стрелочка колёная,
 А сорви-ка крышку со бела шатра,
 А пойди-ка ко моему ко крёсному ко батюшку.
 Ко тому ли Самсону да Самойлову,
 325 А пади-ка ты на белу грудь,

Дай не большую, не малую царапинку.
 Пусть проснётся он из крепка сна».

Как просвиснула тут стрелочка колёная,
 Сорвала крышку со белё шатра,

330 Пала крёсну батюшку на бёлу грудь.
 У тово ль Самсона да Самойлова
 Был широкий крест да по всей груди,
 От тово ли удару от стрельново,
 От тово ли звона да крестового

335 Пробуждался Самсон Самойлович
 От сна да от крепкого.
 Говорит Самсон Самойлович:
 «Пробуждайтесь-ка от сна от богатырского,
 Прилетел ко мне от крестничка подарочик».

340 Заседлали коней богатырских
 Все двенадцать да богатырей,
 Поехали да по раздольицу чисто полю.
 Старый казак Илья Муромец
 Он спускался с той горы да со высокоей

345 Во тое ли раздольице чисто полё,
 Подъезжал да во тринадцатых,
 Они съехались да поздаровались.
 Говорит старый казак Илья Муромец:
 «Ай же, братица мои крестовые,

350 Постоимте-ка за веру православную,
 Постоимте-ка за церкви божия,
 За тово князя Владимира!».

ПЕРВЫЙ БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ

Как спородила Добрыню родна й матушка,
 Да й возростила й до полного й до возраста й.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Он охоч был ездить в поле й за охотаю,

5 А стрелять там в поле гусей-лёбедей,

- Серых малых перелётных утёнышей.
Говорила Добрыне родна й матушка:
«Ай же, чадочко моё любимое,
Молодой Добрынюшка Микитинец!
- 10 А ты ездишь в поле й за охотаю,
А стреляешь ли ты в поле гусей-лёбедей,
Серых малых перелётных утёнышей.
Да не езде-тка на горы Сорочинския,
Не топчи-тка малых лютых змеёнышей,
- 15 Да й не ездит-тка в Пучай-реку й купатися:
А Пучай-река есть очень быстрая,
Перьва струечка идёт она й быстрым быстро,
А вторая струйка й быстрее эйтого.
Третья струечка идёт так как огнём сечёт.
- 20 Не бесчести-тко, Добрынюшка й, замужних жон,
Не бесчести-тко-сь, Добрыня, красных девушек».
Молодой Добрынюшка Микитинец
Родной матушке своей не слушался,
Одявается Добрыня, снаряжается,
- 25 Одявает рубашечки-манишечки,
Одявает он одёжицу опальную,
А опальную одёжу всё й военную
Да й берёт с собой он саблю й острую,
Своё длинную копьё да й муржемецкое,
- 30 Да берёт свой тугой лук разрывчатый,
Да й набрал он много стрелочек калёных,
А берёт он свою палецу тяжолую,
Которая весом девяносто пуд.
Выходил Добрыня на широкий двор,
- 35 Заходил в конюшню во стоялую,
Брал коня за повода шелковья,
Выводил коня он посреди двора.
Стал засёдлывать коня он, закольчуживать:
На коня покладывает войлучок,
- 40 А на войлучок подкладывал подпотничок,
На подпотничок седёлышко черкальской.
Да й которое седёлко изукрашено,

- Разноцветным каменем усажено,
Драгоценными шелками изушивано,
45 Да й червонным золотом обвивано.
А подтяжечки в седле шелковые,
Они тянутся таки еще й не порвутся.
А ведь пряжечки есть красна й золота,
А оне ли мокнут — так не ржавеют,
50 А шпилечки чиста серебра,
А оно ли гнётся да не ломится.
Стремена железа есть булатные,
А оно ли гнётся да не ломится.
Заседлал тут молодец добра коня
65 И поехал молодец из широка двора,
С широка двора в раздольецо чисто поле.
Да проездил молодец по день поры,
Да й проездил молодец по другой день.
Да й проездил молодец по третий день.
60 Не наехал он на гуся да й на лебедя,
Да й на серого перелётного й утёнышка.
Тут вскочил на горы Сорочинские,
Стал топтать он малых лютых змеёнышей.
Эти ли лютые змеёныши
65 Подточили Добрынину добру коню
Ево й резвы ноженьки по щёточкам.
Как тут вспомнил Добрыня родну й матушку:
«Не велела мне ведь родна й матушка
Она ездить на горы Сорочинские
70 Топтать лютых малых змеёнышей».
Так берёт он в руки плёточку шелковую,
А он бил коня да по тучным бедрам,
Другий раз он бил коня между ушей,
Третий раз он бил коня меж ноги задния
75 А удары давал да всё тяжолые,
Его добрый конь да богатырский
По чисту полю да стал поскакивать,
Стал от ног змеёнышей отряхивать.
Молодой Добрыня Микитенец

- 80 А спускался с той горы й высокоей,
Въезжал в раздольице чисто поле,
Подъезжал ко матушке Пучай-реке.
Становил коня на крутом бѣрежке,
Сам сходил на матушку сыру землю,
85 Раздевал свою одѣжицу й опальную,
А опальную одѣжу всё й военную.
А снимал рубашечки-манишечки,
Да й хотѣт скачить во матушку Пучай-реку.
Тут случилось быть на крутом бѣрежке,
90 На том бережке да красным девушкам,
Они мыли платьёца всё белые.
Говорят дуродну добру молодцу:
«Ай же ты, дуродный добрый молодец,
Молодой Добрынюшка Микитинец,
95 А ведь в нашей матушке Пучай-реке
А ведь наги добры молодцы не куплются,
Они куплются в полотняных рубашечках».
Говорит Добрынюшка Микитенец:
«Ай же вы да беломойницы,
100 Беломойницы да портамойницы,
Портамойницы вы красны девушки,
А вы знайте-тко да сами про себя,
Про Добрынюшку да й вы не ведайте».
Сам вскочил во матушку Пучай-реку,
105 Стал нырять от бережка ко другому
Заплывал Добрыня в перву струечку.
Стал нырять от бѣрежка ко другому,
Захотелоя Добрыни в другу струечку.
Заплывал Добрыня в другу струечку,
110 Стал нырять от бережка ко другому,
Захотелоя Добрыне в третью струечку.
Заплывал Добрыня в третью струечку,
Он ныряет от бережка й ко другому.
Как спод той ли из-под западной сторонушки
115 А не шум шумит, то и не дождь дождит,
Налетело Змеинище Горынище.

В четырёх главах двенадцать хоботов,
 Влепетала языком человеческим:
 «А ведь многи стары люди мне пророчили,
 120 Что побьёт Змеинище Добрынюшка.
 А теперь Добрынюшка в моих руках,
 Что я знаю, над Добрыней то и сделаю:
 Хоть сейчас Добрынюшку в полон возьму,
 А в полон возьму да голову срублю,
 125 Нет — сейчас Добрынюшку в себя пожру».
 Она жгёт Добрыни тело белое,
 Она сыплет его искрой безутычней,
 Молодой Добрынюшка Микитенец
 Видит, дело есть тут нехорошее,
 130 Что ль пожрёт его Змеинище проклятое,
 Так тут вспомнил Добрыня родну матушку:
 «Не велела ведь мне родна й матушка
 Она ездить во Пучай-реку купатися».
 Сам нырнул от бережка ко другому,
 135 Поскорёшеньку вскочил на крутой бережек.
 Ему не с чем да со Змеём да преоправиться.
 Ничего вблизи тут не случилось.
 Усмотрел колпачик земли греческой,
 Он схватил колпак да й яму мал попал,
 140 Ему й мал попал да ровно три пуда.
 Он ударил Змеинище й по хоботам,
 А он сбил змею да й на сыру землю,
 На сыру землю да й во ковыль траву.
 Поскорёшеньку вскочил на грудь змеиную,
 145 Во руках он дёржит свой булатный нож,
 Хочет он срубить ей головы змеинные,
 Так ведь этое Змеинище проклятое
 Влепетало языком человеческим:
 «Молодой Добрынюшка Микитинец,
 150 Не руби-ка мне голов змеинных,
 Не оставь моих змеёношей сиротками,
 А мы сделаем-ка записи великие —
 Не съезжаться, не слетаться нам в чистом поле,

- А не делать бою-драки-кроволития».
- 155 Молодой Добрынюшка Микитенец
Поскорёшенько вскочил с груди змеиной.
Они делали записи великия:
«Не съезжаться й, не слетаться нам в чистом полѣ,
А й не делать бою-драки-кроволития».
- 160 Полетела Змея да запокрякала:
«Как же сыто я севодни пообедала.
Тут летела Змея да через Киев-град,
Припадала ко князю на широкий двор,
Унесла его любимую плюмяницу,
165 Молодую Забаву дочь Путятичну,
Унесла её на горы Сорочинския,
Да во теи погреба змеиные.
Молодой Добрынюшка Микитенец
Подходил он к своему добру коню,
170 Одевал рубашечки-манишечки,
Одевает одѣжицу опальную,
А опальную одѣжицу военную,
Да й садится Добрыня й на добра коня,
Да й поехал по раздольному чисту полю,
175 Ко тому ли городу ко Киеву.
Заезжал к себе он на широкий двор,
Сам сходил на матушку сыру землю.
А коня дал парубкам любимым,
Сам прошол в палаты белокаменны.
- 180 А он крест кладѣт да по писанному,
Поклоны кладѣт да по учёному
На две, на три, на четыре сторонки поклоняется,
Родной матушке своей в особенну.
Проходил за стольчики дубовые.
- 185 Садился на скамеечки окольные,
Да й поел он ёсвушки сахарные,
Да й попил он питьецев медвяных,
Спать ложится на кроватушку й тесовую,
Да й на тую ли пиринушку ль пуховую.
- 190 Закрывался одеяльцами всё тёплыми,

Апосля вѣдь он пути-дороженьки
Родной матушке ничем не хвастаит,
А вѣдь тем былиночка покончилась.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ В ОТЪЕЗДЕ

- Как во стольном было в городе во Киеве,
А у ласкового князя й у Владимира
Был хорош почестен пир да пиrowаньице
На многих князей, на многих бояров,
5 Да на многих могучних богатырей,
Да на славных полениц да разудалых.
А вѣдь красно солнышко на вѣчере,
А идѣт хорош почестен пир на вѣселе,
А Владимир-князь да стольно-киевской,
10 Он по горенке столовоей похаживал,
Между столики дубовые погуливал,
Меж скамеечки окольные похаживал,
Да в косящето окошечко поглядывал.
Пословесно князь Владимир выговаривал:
15 «Ой же вы, дородны добры молодцы,
Еще вы, молодцы, на почестном пиру,
На честном пиру да пьяны-веселы,
Над собой невзгодушки не знаете.
А кого бы мне послать повыхать
20 Да во тую ли во землю да во дальнюю,
Да во тую ль во орду во тѣмную,
Во тѣмную орду да в хоробру Литву,
Ко тому ли к королю литовскому,
Ко тому ли к Ботияну к Ботиянову.
25 А свезти-то й дани ему выходы,
А вѣдь царски стары да невыплаты
За все стары годы да за нынешни,
За все времена за досюлежны,
За немало поры-временьки — двенадцать лет,
30 За двенадцать лет да с половиною.
Так тут все на пиру да призамолкнули,

- Призамолкнули, призатумелились.
А ведь старшая туличка за среднюю,
А ведь средняя туличка за младшую,
35 А от младшей тулички ответу нет,
Таковых людей во граде не находится.
Из-за тех тут из-за столичков дубовых,
Из-за тех из-за скамеечек окольных
А вставал старый Спарынеч да сын Иванович.
40 А ведь старый казак да Илья Муромец.
Говорит Илья да таковы слова:
«А ведь князь Владимир стольно-киевский,
Не вели казнить, позволь мне вымолвить.
А ведь был я на заставушке московской,
45 А ведь был я на заставушке двенадцать лет,
А двенадцать лет да с половиною.
Так никто тут мимо не проезживал,
Да пехотою никто тут не прохаживал,
Да й не пёстрый зверь тут не прорыскивал,
50 И не птица чёрный ворон не пролётывал
Мимо заставы казака Ильи Муромца.
Я скажу тебе, кого послать повыехать
А во тую ль землю да во дальнюю,
А во тую ль орду да во тёмную,
55 Во темну орду да в хоробру Литву,
Ко тому ли королю литовскому,
Ко тому ли Ботияну Ботиянову.
А пошлём-ка мы Васильюшка Казими́рова».
Так тут князь Владимир стольно-киевский
60 А берёт он свою чару во белы руки,
Наливал он полную чару зеленá вина,
Да не малую стопу да полтора ведра,
Разводил медами всё стоялыми,
Подносил к молодому Васильюшке.
65 Молодой Васильюшка Казими́ров
Поскорёшеньку соскочит на резвы ноги,
Принимает он чарочку одной рукой,
Испивает чарочку одним душком.

- На ногах стоит Василий — не шатается,
70 А он с князем говорит, так не мешается:
«Благодарствуй, князь Владимир стольно-киевский,
За твоё за сладко вино да водочку,
За твоё ль за сладкие напитки.
А ведь еду я й во землю дальнюю.
75 Во тую ль во орду да во тёмную,
Во темну орду да во хóробру Литву,
Ко тому ли к кóролю литовскому,
Ко тому ли к Ботияну к Ботиянову.
А свезти ему да дани-выходы,
80 Ещё стары царски да невыплаты
За все времена за досюлежны,
За немало поры-временьки — двенадцать лет,
За двенадцать лет да с половиною».
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
85 Поскорешеньку он поворот держал.
А берёт он свою чару да во белы руки,
Наливал он полную чару зелёна вина,
Да не малую стопу он в полтора ведра.
Разводил медами всё стоялыми,
90 Подносил к молодому Добрынюшке.
Молодой Добрынюшка Микитенец
Поскорёшеньку соскочит на резвы ноги,
Принимает чарочку одной ручкóй,
Испивает чарочку одним душкóм,
95 На ногах стоит он — не шатается,
А он с князем говорит да не мешается:
«Благодарствуй, князь Владимир стольно-киевский,
За твоё за сладко вино-водочку,
За твои за сладкое й напитки.
100 А ведь еду я во землю дальнюю,
Да во тую ли во орду да й во тёмную,
Во темну орду да в хоробру Литву,
Ко тому ли к кóролю литовскому,
Ко тому ли к Ботияну к Ботиянову,
105 А свезти ему да дани-выходы,

- Еще стары царски да невыкупы.
За все времена за досюлежны
Незамаль поры-времечка — двенадцать лет,
За двенадцать лет да с половиною.
110 Чтоб тому Иванушку коней седлать,
Чтоб тому Иванушку рассёдловать,
Ему плети принимать, нам плеть подавать».¹
Тут Владимир князь да стольно-киевский
Поскорёшеньку он поворот держал,
115 А берёт он свою чару во белы руки,
Наливал он полную чару зелена вина,
Да не малую стопу он в полтора ведра,
Разводил медами всё стоялыми,
Подносил к молбоду Иванушку.
120 Молодой Иванушка Дубрович-то
Поскорёшеньку соскочит на резвы ноги.
Принимает чарочку одной ручкѡй,
Испивает чарочку одним душкѡм,
На ногах стоит Ванюша — не шатается,
125 А он с князем говорит да не мешается:
«Благодарствуй, князь Владимир стольно-киевский,
За твоё за сладко вино-водочку,
За твои за сладкое й напитки.
А ведь еду я во землю дальнюю,
130 Да во тую ли орду да й во тёмную,
Во темну орду да во хоробру Литву,
Ко тому ли к кѡролю литовскому,
Ко тому ли к Ботияну к Ботиянову,
А свезти ему да дани-выходы,
135 Еще стары царски да невыкупы,
За все времена за досюлежны,
Незамаль поры-времечка — двенадцать лет,
За двенадцать лет да с половиною».

¹ Стихи 110—112 имеются в рукописи Рябинина, но при пении были выпущены. В рукописи, а также в исполнении была опущена просьба Василия Казимиrowa дать в товарищи Добрыню и просьба Добрыни дать товарищем Иванушку.

- Из-за тех тут из-за столиков дубовых,
140 Из-за тех из-за скамеечек окольных
А встает Васильюшка Казимиров.
Стал Василий по горенке похаживать,
Между столички дубовые погуливать,
Пословестно князю выговаривать:
145 Ай же, князь Владимир стольно-киевский,
А садись-ка, князь Владимир, на ременчат стул,
Да пиши-тка грамоту посыльную,
Да бери-тка скорее золоты ключи,
Да иди на погреба глубокии,
150 Подавай нам дани во белы руки».
Так тут князь Владимир стольно-киевский,
Да садится князь Владимир на ременчат стул,
Да й писал он грамоту посыльную,
Скоро наскоро писал да запечатывал.
155 Да й берёт скоренько золоты ключи,
Сам бежит на погреба глубокие,
Насыпал он первы мисы красно золота.
А вторые мисы чисто сѣребра.
А он третие мисы скатно жемчугу,
160 Брал двенадцать либедей, двенадцать кречиней,
Подовает дани во белы руки.
Так ведь этие дородны добры молодцы,
А брали дани они под пазушку,
На пиру со всеми распростилися,
165 На четыре сторонки поклонилися,
Выходили от князя со честнѣ пира.
Со честнѣ пира да на широкий двор,
Оны делали сговѣр между собой,
Где им съехаться в раздольицы чистѣм поли,
170 Надо съехаться у камня у Латыря,¹

¹ При пении были пропущены стихи, имевшиеся в рукописи П. И. Рябнина. После стиха 170:

У того дуба, дуба у Невина
После стиха 171:

Они друг с другом распростилися,
Разошлись по полатам белокаменным.

- Да на тех ли на дорожках на крестовых.
Молодой Добрынюшка Микитенец
Проходил в свою палату белокаменну,
Да сядился Добрыня на ременчат стул,
175 Очи ясные впустил он во кирпичный пол,
Увидала тут Добрыню родна матушка,
Она стала тут Добрынюшку й выспрашивать
«Ай же, чадочко мое любимое,
Молодой Добрынюшка Микитенец!
180 Что ж не весел пришел ты со честна пира?
Али место было тебе не по чину,
Али пьяница дурак ти приобгалился,
Али чарочкой Добрынюшку преобнесли?».
Говорит Добрынюшка Микитенец:
185 «Ай же, свет моя ты государыня,
Ой же, свет моя ты родна матушка!
А ведь место на пиру мне было по чину.
А ведь пьяница дурак не приобгалился,
А ведь чарочкой Добрыню не преобнесли,
190 А ты почто меня несчастного спородила?
Лучше б ты меня, несчастного, спородила
Ты горючим белым камешком,
Завертела б этот белый камешок
В тонкий беленький полотняный рукавничок,
195 Да й бросала б этот белый камешок
А во тот в окян-море глубокое.
И лежал бы этот белый камешок
Веки по веку без шевелимости.
Буйны ветрушки бы не веяли,
200 Добры люди об Добрынюшке не баели,
Нет, так ты б меня, матушка, спородила
Во Пучай-реку гагалиночкой,
И стояла б эта мала гагалиночка
Веки по веку без шевелимости,
205 Буйны ветрушки б не веели,
Добры люди об Добрынюшке не баяли.
Нет, так ты б меня, матушка, спородила.

На Искат-гору деревиночкой,
 И стояла б эта мала деревиночка
 210 Веки по веку без шевелимости.
 Тут съезжались богатыри могучие,
 Да привязывали коней богатырских».

Так тут свет чесна вдова заплакала,
 Женским голосом да й во всю голову:
 215 «Ай же, чадочко моё любимое,
 Молодой Добрынюшка Микитенец!
 Если б знала над тобой эту невзгодушку.
 Я б не так тебя несчастного й спородила.
 Я бы силушкой тебя й спородила
 220 Во тово бы в Святогора во й богатыря,
 Я бы возрастом тебя й спородила
 А во старого казака Илью Муромца,
 Красотой бы я тебя й спородила
 Во ласкового князя й во Владимира,
 225 Я бы смелостью тебя спородила
 Во тово бы во Алёшеньку Поповича,
 Я б походочкой тебя спородила
 Во тово бы Ваську Долгополого.¹
 Я б поездочкой тебя спородила
 230 Во тово бы во Михайлу да во Пóтыка,
 Я б богатством тебя спородила
 Во тово бы во Дюка во Степанова.
 Я б прилестием тебя спородила
 Во тово ль в Чурилушку да во Пленковича».²
 235 Молодой Добрынюшка Микитенец,
 Одевается Добрыня, снаряжается,
 Одевает одежицу военную,
 Военную одежицу, всё опальную,
 Да берёт он свою саблю острую,
 240 Своё длинное копьё да муржемецкое,

¹ Так спето. В рукописи Рябинина было: «Во Чурилу да во Пленкова».

² Вставлено при пении.

- Да берёт он свою палицу тяжолую,
Да й берёт он свой тугой лук разрывчатый
Да побрал он много стрелочек колённых,
Брал с собою шельгу подорожную.
- 245 Выходил Добрыня на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Брал коня за повода шелковые,
Выводил коня Добрыня на широкий двор.
Становил коня он посреди двора,
- 250 Стал засёдлывать коня он, закольчуживать,
На коня подкладывает войлучек,
А на войлучек подкладывал подпотничек.
На подпотничек сидёлишко черкальское,
Да котороё седёлко изукрашено,
- 255 Разноцветным камнем изусажено,
Драгоценными шелками изушивано,
Да червонным золотом оббивано,
А подтяжечки в седле шелко́вые,
Они тянутся дак не рвутся,
- 260 А ведь пряжечки есть красна золота,
А оне ли мокнут, так не ржавеют,
А шпилёчики есть чисто серебра,
А оне ли гнутся, так не ломаются,
Стремена железа есть булатные,
- 265 А оно ли гнётся, так не ломется.
Молодой Добрынюшка Микитенец
Заседлал он своево добра коня,
Да й хочет скочить он на добра коня,
Да й хочет поехать с широка двора,
- 270 С широка двора в раздольице чисто поле.
Как тут свет честна вдова заплакала,
Женским голосом да й во всю голову:
«Ой же ты, моя любимая семеюшка,
Молодая Настасьюшка Микулишна,
- 275 А ты спишь во тереме златом верху,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Закатаетца ведь наше красно солнышко

- А за тее ли за лесушки за тёмные.
А за тее ли за горушки высокия,
280 Уезжает твой Добрыня с широка двора,
С широка двора в раздольице чистое поле.
Так беги-тко поскореньку на широкий двор.
Подбегай к Добрынину и добру коню.
Ко правому стремени к булатному,
285 Говори Добрыне не с упадкою,
А спроси, куда он едет, куда путь держит.
Когда ждать велит да когда поджидать,
Да когда велит в окошечко посматривать». Услыхала тут Настасьюшка Микулична,
290 Поскореньку выбегала на широкий двор
Из того ли терема высокого,
А в одних чулочиках без чоботов,
Да в одной рубашечки без пояса,
У ней женские волосы не убраны.
295 Поскореньку выбегала на широкий двор,
Подбегала к Добрынину добру коню,
А ко правому ко стремени булатному,
Говорила Добрыне не с упадкою:
«Ай же ты, моя великая державушка,
300 Молодой Добрынюшка Микитенец!
А куда ты едешь, куда путь держишь,
Когда ждать велишь ты, когда поджидать,
Да велишь в окошечко и посматривать?». Говорит Добрынюшка Микитенец:
305 «Молодая ты Настасьюшка Микулишна,
Когда стала у меня про то выспрашивать,
Так ведь стану я тебе про то высказывать.
Первы шесть годов ты прожди за меня.
Други шесть годов ты прожди за себя.
310 Так ведь пройдет поры-времечки двенадцать лет.
Так ходи-тко во мой во зелёный сад,
Да поглядывай на сахарное деревцо.
Тут прилетит голуб с голубиночкой.
А ведь станет голубок прогуркивать.

- 315 Что побит Добрыня во чистом поли,
Во чистом поли да на добром кони,
Порасплёстаны Добрыне груди белые,
А сам брошен молодец я за ракитов куст,
Прибежит мой конь из чиста поля
- 320 Из чиста поля да без наездничка,
Так тогда, Настасьюшка Микулична,
Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
За боярина тогда, хоть за крестьянина,
Нет, — за сильного й могучего й богатыря,
- 325 Не ходи-тко только замуж за Алёшеньку,
За тово за бабьево насмешника.
А Алёшенька Попович мне названный брат».
Только видели Добрыню сядучи,
А не видели ево й поедучи,
- 330 Со двора он ехал не воротами,
А и из города ехал не дорожкой.
Ево добрый конь да й богатырский,
А ведь маленькой бурушка косматенькой
Проскакал все стены городовые,
- 335 Проскакал все башни трехугольные,
А он мелкие озёра между ног пускал.
Что не молния в чистом поли просвиснула,
Так проехал Добрынюшка Микитенец,
Нагонял он своих братиков крестовых,
- 340 Они съехались так поздоровались,
А сходили на матушку сыру землю,
Они делали сговор между собой,
А куда им ехать во темну орду.
Они сели на добрых коней поехали.
- 345 Оны день едут по красному й по солнышку,
Оны в ночь едут по светлому по месяцу.
А ведь день за днём, как будто дождь дождит,
А неделька за неделкой, как река бежит,
Да проходит поры-времечки по год поры,
- 350 Да проходит поры-времечки по два году,
Да проходит поры-времечки по три году,

- Приезжают молодцы да во темну орду,
Заезжают к королю да й на широкий двор,
Становили коней посреди двора.
- 355 Молодой Васильюшка Казимиров
Поскорёшеньку соскочит со добра коня,
А здынул копьё он выше головы,
Да спустил копьё он ниже поеса,
Ниже поеса во матушку сырѹ землю.
- 360 Тут привязывали коней богатырских,
Они делали сговор между собой:
«Какова пора, какое времечко,
Постоимте-тко, братица, за друг друга».
И пошли в полаты белокаменны.
- 365 Они дверь на пятау поразма́хнули,
Оны крест кладут да й по писа́ному,
Да поклоны ведут да й по учёному,
На две, на три, на четыре на сторонки поклоняются,
А оне ли королю й в особину,
- 370 Ево всем князьям да й подколенным:
«Здравствуй, король Ботиян да й Ботиянович!».
Говорит тут король Ботиян да й Ботиянович:
«Вы откудошни й дуродны й добры й молодцы,
Вы с какой земли да из какой орды,
- 375 Вы какого есть отца да й матери,
Да какого вы роду-племени,
Еще как вас уда́лых именѣм зовут,
Уда́лых величают по отчеству?».
Говорит Василий Казимиров:
- 180 «А ведь есть мы со матушки святой Руси,
А ведь мы со стольного из города из Киева,
А от ласкового князя от Владимира,
Привезли тебе мы дани-выходы,
Еще царски стары все невыплаты,
- 185 За все стары годы да за нынежни,
За все времена да досюлежны,
За немалы времена — за двенадцать лет,
За двенадцать лет да с половиною».

- Говорит тут король Ботиян Ботиянович.
390 «А ведь где у вас бесчѣтна золота казна?».
Говорит Василий Казимиров:
«Ай же, король Ботиян ты Ботиянович,
Как поехали мы с матушки святой Руси,
Мы поехали из города из Киева,
395 Мы от ласкового князя от Владимира,
А ведь князь Владимир стольно-киевский
Он монеты покладывал все медные,
На телеги он наваливал на ветхие,
А телеги наши поломались,
400 Да монеты во чистом поле остались,
И не будут вам монеты веки по веку,
Веки по веку, пока Владимир жив».
Королю-то это дело и не слюбилося,
Не слюбилося да не в любив пришло.
405 Говорит тут король Ботиян да и Ботиянович:
«Ай же вы, дуродны добры и молодцы,
Ай приехали со матушки святой Руси,
Вы приехали из города из Киева,
Вы от ласкового князя от Владимира,
410 У вас есть ли в стольном городе во Киеве,
У вас есть ли игра да еще ль шашечки,
Играют ли у вас во шашки шахматны,
Да во тее ли во илеи во немецкия?».
Говорит Василий Казимиров:
415 «Ай же, король Ботиян ты Ботиянович,
А не знали мы утех королевской,
Да не знали мы ухватки молодецкой,
У нас все игроки дома остались,
Только есть у нас еще надеюшка
420 А на спаса, на пречисту богородицу,
На своево братца крестового,
На молодого Добрынюшку Микитинца».
Проходили тут за столички дубовые,
За тее ли скамеечки окольные,
425 Начинают играть во шашки-шахматы,

- Во тее ли во игры во немецкие.
Так тут кóроль Ботиян Ботиянович
Залагал свою бесчѣтну золоту казну.
Молодой Добрынюшка Микитенец
- 430 Залагал он своево добра коня.
Тут сыграли они игру первую,
Так король Добрынюшку поббыграл,
А он выиграл Добрынюшкина добра коня,
Молодой Добрынюшка Микитенец
- 435 Опосле ведь он пути-дороженьки
Просмотрел ступень да й доски шашечной,
Проиграл он своего добра коня.
Тут создали играть игру дру́гую.
Король Ботиян Ботиянович
- 440 Залагал Добрынина добра коня,
Молодой Добрынюшка Микитенец
Залагал свою головку молодецкую.
Тут сыграли они ведь игру дру́гую,
Так Добрынюшка короля поббыграл,
- 445 А он выиграл своево й добра коня.
Королю-то это дело не слюбилося,
Не слюбилося да не в любив пришло.
Тут сажались играть игру третьюю.
Король Ботиян Ботиянович
- 450 Залагал свою бесчѣтну золоту казну.
Молодой Добрынюшка Микитенец
Залагает он своево добра коня.
Тут сыграли они да игру третьюю,
Так Добрынюшка и короля поббыграл,
- 455 А он выйграл бесчѣтну золоту казну.
Королю-то это дело не слюбилося,
Не слюбилося да не в любив пришло.
Говорит тут король Ботиян да й Ботиянович:
«Ай же вы, дуродны добры молодцы,
460 Вы приехали из матушки святой Руси,
Из тово ли города из Киева,
От ласкового князя от Владимира,

У вас есть ли в стольном граде во Киеве,
 У вас есть ли стрельба да оружейная,
 465 А стреляют ли со луков со колённых,
 Пропускают ли стрелочку калёную
 По тому острёю по ножовому,
 Попадают ли в колечечко серебрянно?».

Говорит Васильюшко Казимиров:
 470 «У нас все стрельцы дома остались,
 Да не знали мы ухватки молодецкой.
 Только есть у нас еще надеюшка
 А на спаса, на пречисту богородицу,
 А на своево на братца крестового,
 475 На молбодово Добрынюшку Микитенца».

Говорит король Ботиян Ботиянович:
 «Ай же вы, мои слуги верные,
 Вы идите-ка на погребя глубокия,
 Принесите-ка вы мой тугий лук,
 480 Тугий лук да что ль нелучший,
 Чтобы было с чево молодцу повыстрелеть,
 Пропустить ведь стрелочку колёную
 По тому острёю по ножовому
 Пропустить по колечку серебряну».

485 Тут идут татаровы поганья,
 На носилочках они несут тут тугий лук,
 Подовают добру молодцу в белы руки.
 Молодой Добрынюшка Микитенец
 Стал тетивочку шелковую натегивать,
 490 У Добрынюшки тугой лук стал полапывать,
 А полапывал, полапывал, взял рёзорвал.
 Говорит Добрынюшка Микитенец:
 «А завозная лученышка помётная,
 А поношено да было брошено,
 495 А мне не сы с чеву молодцу повыстрелить,
 Пропустить ведь стрелочку калёную
 По тому острёю по ножовому,
 Попасть в колечешко сиребрено».

Говорит тут король Ботиян да Ботиянович:

- 500 «Ай же вы, мои слуги верные,
Вы идите-ка на погреба глубокия,
Принесите вы мой тугий лук,
Тугий лук да что ль наилучший,
Чтобы было с чево молодцу повыстрелить,
505 Пропустить бы стрелочку калёную
По тому острёу по ножовому,
Да попасть в колечешко сребрено».
Тут идут татарова поганья,
На носилочках они несут тут тугий лук,
510 А ведь тугий лук да что нелучший,
Подовают добру молодцу в белы руки.
Молодой Добрынюшка Микитенец
Стал тетивочку шелковую натегивать,
У Добрыни тугий лук да стал полапывать,
515 А полапывал, полапывал, взял рёзорвал.
Говорит Добрынюшка Микитенец:
«А завозная лученочка пометная,
А поношено да было брошено,
А мне не сы с чево молодцу повыстрелить,
520 Пропустить ведь стрелочку колёную
По тому острёу по ножовому
Да попасть в колечечко сребряно».¹
Говорит Добрынюшка Микитенец:
«Ай же, братец мой ведь ты крестовый,
525 Молодой Иванушка й Дубрович-то,
А беги-тко поскореньку на широкий двор,
А возми-тка ты у маево добра коня
У правого стремени булатного
Отстегни мой тугий лук
530 От того ли стремени булатного,
Да возьми с собою стрелочку калёную».
Тут бежит Ванюша на широкий двор,

---

¹ В рукописи М. Каминской после этого стиха знак пропуска и слова: «Говорит тут король» и т. д. Очевидно, исполнитель полностью в третий раз повторил эпизод стрельбы Добрыни из негодного лука. См. стихи 489—512.

Подбегал к Добрынину добру коню,
 Ко правому ко стремени к булатному,
 535 Отстегнул ево он тугий лук,
 Взял с собою стрелочку калёную.
 У молодого Добрынюшки Микитенца
 А в тупой конец были вплетены
 Гуселушки яровчаты,
 540 А не для красы, не для уборества,
 А для ради утехы молодецкой,
 Когда ездить во поле за охотою.
 Молодой Добрынюшка Микитенец
 Заиграл во гусельки звончатые,
 545 Он наигрыши наигрывал хорошие,
 Так тут все кругом приослушались,
 Молодые татары придумались:
 «А ведь жили мы, братцы, веки по веку,
 А такой игры ведь на свете не видано,
 550 Да на белом свете еще не слыхано».
 Молодой Добрынюшка Микитенец
 Натенул тетивочку й шелковую,
 Положил он стрелочку калёную,
 Отошел сам от колечка за пятьсот шагов,
 555 Да спустил тетивочку шелковую
 Да во тую ль стрелочку калёную.
 Как просвистела стрелочка калёная
 По тому ль острёю по ножовому
 Да попала в колечичко сребренно,
 560 Разлителось колечичко сребренно
 На две равных весом половиночки.
 Так тут король Ботиян да Ботиянович
 Первый раз он стрелил — не дострелил,
 Другой раз он стрелил — перестрелил,
 565 Третий раз он стрелил да й попасть не мог.
 Королю-то это дело не слюбилось,
 Не слюбилось да не в любив пришло.
 Говорит король Ботиян Ботиянович:
 «Ай же вы, дуродны добры молодцы,

- 570 Ай приехали со матушки святой Руси.
Из того ли города из Киева
От ласкового князя от Владимира,
У вас есть ли в стольном во граде во Киеве
У вас есть ли борьба да рукопашечна?».
- 575 Говорит Васильюшка Казимиров:
«Ай же, король Ботиян ты Ботиянович,
А не знали мы утехы королевской,
Да не знали мы ухватки молодецкой,
У нас все борцы дома остались.
- 580 Только есть у нас еще надеюшка
А на спаса, на пречисту богородицу
Да на сваво братца крестового,
На молодого Добрынюшку Микитенца».
- Как тут король Ботиян Ботиянович
- 585 Да двоих разудалых добрых молодцев
Пошли на балхоны на королевские
Посмотреть на борьбу рукопашную.
Молодой Добрынюшка Микитенец
Выходил Добрыня на широкий двор,
- 590 Видит — страшные татары приужасные:
А между плечами широко сажень,
Между глазами широко пядень,
Голова на плечах как пивной котёл.
Ужаснулось его сердце богатырское,
- 595 Стал Добрынюшка по двору й похаживать,
Стал Добрынюшка татар попытывать,
Так ведь стали татары по двору валяться.
Так пошло к Добрынюшке тут по двору,
Так пошло к Добрынюшке тут по трою,
- 600 Так пошло к Добрынюшке десяточком,
Отворялися ворота на широкий двор,
Повалила силушка черным чернó,
А черным чернó, как черны ворона.
Молодой Добрынюшка Микитенец
- 605 Видит — дело есть тут нехоршее,
Что побьют его татарова поганные,

- Да й вскричал Добрыня громким голосом:
«Ай же, братица мои крестовыя,
Потеряем здесь головки молодецкия,
610 Поспевайте-ка, братица, на выручку!».
Сам схватил татарина как за ноги,
Да как начал он татаринoм помахивать,
Да как начал он татар поколачивать,
А куды ударит — падёт улицей,
615 Перевернитца — так переулочком.
А он силу бьёт так, как траву косит,
А ведь сила в нём не уменьшилась.
Молодой Василий Казимиров
Поскорёшеньку вскочил с балхона царского,
620 Да схватил Василий ось тележную,
Да как начал осью той помахивать,
Да как начал он татар да поколачивать,
А куда ударит — падёт улицей
Перевернитца — да переулочком.
625 Выходил он за ворота на темну орду,
Оне силу бьют так, как траву косят,
А ведь сила в них не уменьшилась,
Так ведь бились молодцы да трое суточки,
Не едаючи да не пиваючи, себе отдыха не даваючи.
630 Видит король Ботиян Ботиянович
Стало мало ево силы ставлена,
Говорит король Ботиян Ботиянович:
«Ай же ты, богатырь светорусскией,
Поезжай-ка же на матушку темну орду,
635 Уговори-тка своих братицев крестовых,
Пусть оставят мне силы хоть на сёмена,
Буду вам платить дани-выходы,
Дани-выходы, пока Владимир жив».
Молодой Иванушка Дубрович
640 Поскорёшеньку бежит он на широкий двор,
Поскорёшеньку соскочет на добра коня
И поехал по матушке темной орде,
Нагонял он своих братицев крестовых.

Они силу бьют да как траву косят,
 645 А ведь сила в них да не уменьшалась.
 Он не смел заехать с личка с белого,
 А заехал он да с плеч могучиих,
 Принакинул храпы да очень крепкия,
 Становил он сильна русского богатыря,
 650 Он молодово Васильюшку Казимирова,
 Говорил он ему да таковы слова:
 «Неужели, братец, ты не наобедался,
 Ты оставь мне силы хоть позавтракать,
 Вы оставьте силы королю на семена,
 655 Будет он платить нам дани-выходы,
 Дани-выходы, пока Владимир жив».
 И поехали по матушки темной орды,
 Нагонял он своего братца родного,
 Молодова Добрынюшку Микитенца,
 660 Принакинул храпы очень крепкия,
 Не мог становить сильново богатыря
 Молодого Добрынюшку Микитенца,
 Молодой Добрынюшка Микитенец,
 А он первые храпы приборвал.
 665 Молодой Иванушка Дубрович-та
 Принакинул храпы он очень крепкия,
 Становил он сильно руссково богатыря
 А молодово Добрынюшку Микитенца,
 Говорил ему да таковы слова:
 670 «Неужели, братец, ты не наобедался,
 Ты оставь мне силы хоть позавтракать,
 Вы оставьте королю силы хоть на семена,
 Будет король платить нам дани-выходы,
 Дани-выходы, пока Владимир жив».
 675 Как тут сильные могучие богатыри
 А брали друг друга за белы руки
 И пошли по матушке темной орды.
 Проходили к королю да на широкий двор.
 Говорит король тут Ботиян да Ботиянович.
 680 Говорит король да таковы слова:

- «Ай же вы, дуродны добры молодцы,
Проходите-ка в полаты белокаменны,
Садитесь-ка за столики дубовые,
А поешьте-ка вы есвушки сахарныя,
685 Да попейте-ка вы питьецев медвяныхх».
Говорят ему дуродни добры молодцы:
«А ведь глупый же король литовский!
Не участвовал нас молодцев приедучи».
Они сели на добрых коней, поехали
690 На свою на матушку святую Русь.
Они день едут по красному по солнышку,
Они в ночь едут по светлому по месяцу,
А ведь день за днём, как будто дождь дождит,
А неделька за неделкой, как река бежит.
695 Да проходит поры-времечки по год поры.
Да проходит поры-времечки по два году,
Да проходит поры-времечки по три году.
Приезжали на матушку святую Русь,
Не тее ли дорожки на крестовые,
700 Ко тому ко каменю ко Латырю,
Ко тому к дубу ко Невину.
Еще два дуродных добрых молодца
Молодой Васильюшка Казимиров,
Молодой Иванушка Дубрович-то
705 А поехали ко городу Чернигову.
Молодой Добрынюшка Микитенец
Он поехал ко городу ко Киеву.
Подъехал под славный Невин дуб,
Становил коня богатырского,
710 Сам сходил на матушку сыру землю.
Раздёрнул свой бел шатёр,
Насыпал коню пшено да белоярово,
Сам ложился спать да во белом шатре.
Не успел еще заснуть Добрыня крепким сном,
715 Как на тот на славный на Невин дуб
Прилетает голубь с голубинкою,
Еще начал голубок прогуркивать:

«Ай же ты, молоденькой Добрынюшка,
 А ты спишь во шатре да прохлождаешься,
 720 Над собой невзгодушки не ведаешь,
 А твоя жена Настасьюшка Микулична
 Выходит замуж за Алёшу за Поповича.
 Есть идёт хорош почестен пир да пированьице
 На многих князей, на многих бояров,
 725 Да на сильных могучих богатырей».

Молодой Добрынюшка Микитенец
 Размахнул свои он очи ясные,
 Сам скочил на ножки резвые,
 Да тут здёрнул свой Добрыня бел шатёр.
 730 Поскорёшеньку соскочит на добра коня
 И поехал ко городу ко Киеву.
 Подъезжал ко городу ко Киеву.
 Заезжал Добрыня на свой на широкий двор,
 Становил коня посреди двора,
 735 Сам идёт в палаты белокаменны.
 А он крест кладёт да по писанному,
 А поклоны ведёт да по учёному,
 На две, на три, на четыре сторонушки поклоняется,
 А своей матушке в особину:

740 «Здравствуй, свет Мамерфа Темофеевна,
 А я был сегодня в раздольице чистом поли,
 А я видел твоего сынка й любимого,
 Молодово Добрынюшку Микитенца,
 Он поехал ко городу й Чернигову,
 745 А меня послал ко городу ко Киеву.
 И велел тебе да поклон свезти,
 И велел сходить на погребя глубокия,
 Принести его одежду скоморовчету
 Да его гуселушки еровчаты,
 750 На ноженьки сапоженьки сафьяновы,
 Одеть кунью шубку на одно плечо».

Как тут свет чесна вдова заплакала
 Женским голосом во всю голову:
 «Ай же ты, мужик да деревенщина!

- 755 Тебе просто надо мною надсмехаться:
Если б была тая слава на святой Руси,
Что ездит мой Добрыня на добром коне,
Не пришлось бы вам сюда съезжаться,
Над моим двором да надсмехаться».
- 760 Молодой Добрынюшка Микитенец
А он бьёт челом еще по другой раз,
А он желтыми кудрями до кирпичных пол:
«Здравствуй, свет чесна вдова Мамерфа Тимофеевна,
А сегодня был в раздольице чистом поли,
765 Я видел твоего сынка любимого,
А молодого Добрынюшку Микитинца,
А он поехал ко городу Чернигову,
А меня послал ко городу ко Киеву,
Да й велел тебе, сударыня, поклон свезти,
770 Да й велел тебе свести на погреба глубокие,
Принести ево одежду скоморовчету,
Да его гуселушки еровчаты,
Да на ноженьки сапоженьки сафьяные,
Одеть кунью шубку на одно плечко,
775 Одеть шапочку соболью на одно ушко».
- Так тут свет чесна вдова заплакала
Женским голосом да во всю голову:
«Ай же ты, мужик да деревенщина!
Тебе просто надо мной надсмехаться:
- 780 Если б была тая слава на святой Руси,
Ай что ездит мой Добрыня на добром кони,
Не пришлось бы вам сюда съезжаться,
Над моим бы двором да надсмехаться».
- Молодой Добрынюшка Микитенец
785 А он бьёт целом еще й по третий раз,
А он желтыми кудрями до кирпичных пол:
«Здравствуй, свет чесна вдова Мамерфа Тимофеевна,
Я сегодня был в раздольице чистом поли,
Я видел твоего сынка любимого,
790 Молодого Добрынюшку Микитинца.
Он поехал ко городу Чернигову,

- А меня послал ко городу ко Киеву,
Да й велел тебе, сударыня, поклон послать,
Да й велел сходить на погреба глубокие,
795 Принести его одежду скоморовчету,
Да й ево гуселушки еровчаты,
А на ноженьки сапоженьки сафьяныя,
Одеть кунью шубку на одно плечько,
Одеть шапочку соболью на одно ушко».
- 800 Так стоит честна вдова да пораздумалась:
«Верно близкий друг Добрынюшки Микитенца,
Что не мой ли Добрынюшка Микитенец
Или есть ево товарищ близок-поблизку?».
- Брала скоренько золоты ключи
- 805 И пошла на погреба глубокие,
Принесла гуселушки еровчаты,
Да ево одежду скоморовчету.
Етот ли дуродный добрый молодец
Одевал рубашечки-манишечки,
- 810 Сапоженьки на ноженьки сафьяновы,
На сапоженьки лапотки шелковыя.
Одел кунью шубку на одно плечько,
Одел шапочку соболью на одно ушко,
Взял с собой гуселушки еровчаты,
- 815 Говорит Добрыня таковы слова:
«А ведь жили мы с Добрыней близко-поблизку,
Вместе грамоте училися,
Играли мы с Добрыней в шашки-шахматы,
Так что мне ево одёжа ладитца».
- 820 Сам оделся малой скоморошенкой
И пошел ко князю на почестен пир,
Приходил ко князю на широкий двор,
У ворот стоят приворотнички,
У дверей стоят придвёрнички,
- 825 Не пускают добра молодца в почестен пир.
Этот молодой скоморошенька
От ворот приворотничков отталкивал,
От дверей придверничков отдергивал,

- А железные замочки в руках порвал,
820 Сам зашел ко князю на почестен пир.
Тут докладывают ко князю ко Владимиру,
Что этот молодой скоморошенка
У ворот привратников не спрашивал,
У дверей придверников отталкивал,
835 А железные замочки в руках порвал.
Говорит молодой скоморошинька:
«Укажите мне, да люди добрые,
А моё ли место скоморовное.
Указали ему место скоморовное.
840 Заиграл в гуселюшки еровчаты,
Он наигрыши выигрывал хорошия.
Как тут все да на пиру да призадумались,
Молодые вскоморохи приослушались:
«А ведь жили мы, братцы, веки по веку,
845 А такой игры на свете не видано,
Да на белом еще не слыхано».
Говорит тут малой вскоморошенка:
«Ай же, князь Владимир, стольно-киевский,
А ты позволь сыграть мне игру первую,
850 А спотешить тебя князя Владимира».
Князь позволил сыграть игру первую.
Етот малый скоморошинка
Заиграл в гуселышки еровчаты,
Он наигрыши выигрывал хорошие.
855 Так тут все на пиру приослушались,
Молодые скоморохи приодумались.
«А ведь жили мы, братцы, веки по веку,
Такие игры на свете не слыхано,
Да й на белом еще не видано».
860 А сидит Настасьюшка Мижулична,
А сидит про себя раздумалась:
«А игра-то есть очень знакомая,
Хоть не мой ли Добрынюшка Микитенец?».
Так тут князь Владимир стольно-киевский
865 Берёт свою чару во белы руки,

- Наливал он полную чару зелена вина,
Да не малую стопу да полтора ведра,
Разводил медами всё стоялыми,
Подносил малой вскоморошинке.
- 870 Этот молодой вскоморошенька
Поскорёшеньку соскочит на резвы ноги,
Принимает чарочку одной рукой,
Испивает чарочку одним душком,
На ногах стоит он — не шатается,
- 875 А он с князем говорит да не мешается:
«Благодарствуй, князь Владимир стольно-киевский,
За твоё за сладкое вино-водочку,
За твои за сладкие напитки.
- А когда сыграл я игру первую,
880 Спотешил тебя, князя Владимира,
Так позволь сыграть мне игру другую:
Спотешить князя Алёшеньку й Поповича».
Князь позволил сыграть игру другую,
Спотешить князя Алёшеньку Поповича.
- 885 Заиграл тут малый скоморошенька,
Заиграл в гуселушки еровчаты,
Как тут все на пиру приослушались,
Молодые скоморохи придумались:
- 890 «А ведь жили мы, братица, веки по веку,
А такой игры на свете не видано,
Да й на белом ещё й не слыхано».
Так тут князь Владимир стольно-киевский
А берёт он свою чару во белы руки,
- 895 Наливает он полную чару зелена вина,
Да не малую стопу й он полтора ведра,
Разводил медами всё стоялыми,
Подносил он малой скоморошинке.
Этот молодой скоморошенька
- 900 Поскорешеньку соскочет на резвы ноги,
Принимает чарочку одной рукой,
Испивает чарочку одним душком,
На ногах стоит он — не шатается,

- А он с князем говорит так не мешаетца:
905 «Благодарствуй, князь Владимир стольно-киевский,
За твоё за славное винцо й водочку,
За твои ль за сладкие напитокчики».
Говорит молодой вскоморошенька:
«Ай же, князь Владимир стольно-киевский,
910 Когда сыграл я игру первую —
Спотешил я тебя, князя Владимира,
Когда сыграл я игру другую —
Спотешил я князя Алёшеньку Поповича,
Так позволь сыграть мне игру третью —
915 Спотешить княгиню обручную,
Молодую Настасьюшку Микуличну».
Князь позволил сыграть игру третью,
Спотешить Настасьюшку Микуличну.
Етот молодой вскоморошинка
920 Заиграл в гуселюшки яровчаты,
Он наигрыши выигрывал хорошие.
Так тут все на пиру прислушались
Молодые скоморохи придумались:
«А ведь жили мы, братцы, веки по веку,
925 А такой игры ведь на свете не слыхано,
Да й на белом еще не видано».
Так тут князь Владимир стольно-киевский
А берёт он свою чару во белы руки,
Наливал он полную й чару зелена вина,
930 Да не малую стопу он — полтора ведра,
Разводил медами всё стоялыми,
Подносил и малой скоморошиньке.
Так ведь этот малый скоморошенька
Поскорёшеньку соскочит на резвы ноги,
935 Принимает чарочку одной рукой,
Испивает чарочку одним душком,
На ногах стоит он — не шатается,
А он с князем говорит, так не мешаетца:
«Благодарствуй, князь Владимир стольно-киевский,
940 За твоё за славное винцо-водочку,

- За твои за сладкия напитокчи».
- Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«За твои за игры за весёлые
Садись-ка с нами за единый стол,
945 Поестъ с нами есвушки сахарной,
Попить питьицев медвяных,
Перво место супротив князя Владимира,
Друго место супротив князя Алёши Поповича,
А третье место — где те хочется».
- 950 Говорит тут молодой скоморошенька:
«А мне любо место против княжны обручиной».
- Проходил за столички дубовые,
Садился на скамеечки окольные.
- Говорит тут малой скоморошенька:
955 «Ай же, князь Владимир стольно-киевский!
А когда сыграл я игру первую,
А спотешил тебя, князя Владимира,
Так налил ты мне чару зелена вина,
Да не малую стопу — полтора ведра.
- 960 Так позволь налить мне чару зелена вина,
Поднести тебе, князю Владимиру».
- Князь позволил налить чашу й зелена вина,
Тот ведь этот малой скоморошенька
А берёт князя чару во белы руки,
- 965 Наливает полну чару зелена вина,
А не малую стопу — на полтора ведра,
Разводил медами ведь стоялыми,
Подносил он князю Владимиру,
Так тут князь Владимир стольно-киевский
- 970 Поскорёшеньку соскочит на резвы ноги,
Принимает он чарочку одной рукой,
Испивает чарочку одним душкѣм,
На ногах стоит он — не шатаецца,
Со скоморохом говорит да не мешаетца:
- 975 «Благодарствуй тебе, мала скоморошенька,
За твоё за сладко винцо-водочку,
За твои за сладкие напитокчи».

- Говорит тут малый скоморошенька:
«Ай же, князь Владимир стольно-киевский,
980 А когда сыграл я игру другую —
Спотешал князя Алёшу Поповича,
Ты мне налил чару зелена вина,
Да не малую стопу да полтора ведра,
Разводил медами всё стоялыми,
985 Так позволь налить мне чару зелена вина,
Поднести князю Алёше Поповичу».
Князь позволил налить чару зелена вина,
Так етот малый скоморошенька
Наливает чару зелена вина.
990 Берёт он князя чару во белы руки,
Наливал он полну чару зелена вина,
Да не малую стопу да полтора ведра,
Разводил медами всё стоялыми,
Подносил Алёшеньке Поповичу.
995 Молодой Алёшенька Попович млад
Поскорёшеньку соскочит на резвы ноги,
Принимает чарочку одной рукой,
Испивает чарочку одним душкѡм.
На ногах стоит Алёша — не шатается,
1000 А он со скоморохом говорит, так не мешаетца:
«Благодарствуй тебе, мало-скоморошенька,
За твоё за сладко винцо-водочку,
За твои за сладкие й напитки».
Говорит тут малый скоморошенька:
1005 «Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
А когда сыграл я игру третьюю —
Я спотешил княгинюшку обручную,
Молоду Настасьюшку Микуличну,
Так ты мне налил чару зелена вина,
1010 Да не малую стопу да полтора ведра,
Разводил медами всё стоялыми.
Так позволь налить мне чару зелена вина,
Поднести княгине обручной,
Молодой Настасьюшке Микуличной».

1015 Князь позволил налить чару зелена вина
 Так ведь етот малый скоморошинка
 Берёт он князя чару во белы руки,
 Наливал он полну чару зелена вина,
 Да не малую стопу да полтора ведра,
 1020 Разводил медами всё стоялыми,
 И спустил туда в чарочку золотой перстень.
 С которым вместе с Настасьюшкой
 В церкви божией обручались,
 Подносил Настасьюшке Микуличной,
 1025 Подносил он чарочку близёшенько,
 Говорит ей да таковы слова:
 «Ай же ты, княгинюшка обручная,
 Ай же ты, Настасьюшка Микулична,
 Если хош добра — так пей до дна,
 1030 А не хош добра — так и не пей до дна».
 Молода Настасьюшка Микулична
 Она женщина была й не глупая,
 Выпивала чарочку до донушка,
 Прикатился к ней к устам сахарным
 1035 Прикатился ей тот золотой перстень,
 С которым в церкви божьей обручалася
 С молодым Добрынюшкой Микитенцем.
 Она топнула чарочку о золот стол,
 Захватилась за плечи за Добрынины,
 1040 Она прыгнула через зóлот стол,
 Говорила Добрынюшке слезно плакавши:
 «Ты прости, моя любимая семеюшка,
 Ты прости, прости меня,
 Ты прости меня во женской глупости,
 1045 Что я твоего наказа не послушалась,
 За Алёшу за Поповича замуж пошла.
 А у бабы волос долог — ум короток есть.
 Не охотою пошла я за Алёшеньку:
 Как уехал ты в поле битыца-ратитыца,
 1050 Тут приехал Алёша из чиста поля,
 А он привёз мне весточку нерадосну,

- Что побит Добрыня во чистом поли,
Во чистом поли да на добром кони,
Пораспластаны Добрыни груди белые.
- 1655 Так тут князь Владимир стольно-киевский
Со своей Апраксией королевичной
Стал ко мне на биседушку похаживать,
За Алёшу замуж подговаривать,
Подговаривать, а сам уграживать:
- 1660 Не пойдёшь как замуж за Алёшеньку,
Так не будет тебе места в нашем Киеве,
Да не будет тебе места и за Киевом.
Не охотой пошла я тут, а под неволею».
- Говорит Добрынюшка Микитенец:
- 1665 «Ай же ты, Настасьюшка Микулична,
Я прощу тебя во женской глупости,
Что ты моезо наказа не послушалась,
За Алёшу за Поповича замуж пошла».
- Сам схватил Алёшу за желты кудри,
- 1670 Дернул он Алёшу через золот стол,
Топнул он Алёшу о кирпичный пол,
Распахнул одёжу скоморовчету,
Взял шалыгу подорожную,
Да как начал он шалыгою ухаживать,
- 1675 Да как начал он Алёши приговаривать:
«Ай же ты, Алёшенька Попович,
Ты за что скорбил родну матушку,
Ты за что скорбил молоду жену?».
- А Владимир князь стольно-киевский,
- 1680 Он по горенке в круги бегаёт,
Куньей шубкой укрываетца,
Говорит молодому Добрынюшке:
«Молодой Добрынюшка Микитенец,
На пиру есть дратыца дело нехорощее».
- 1685 Тут случилось быть да на чесном пиру
Старому казаку Ильи Муромцу.
Говорит старый казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, молоденькой Добрынюшка,

Не убей ты из-за женщины богатыря,
 1090 А он силою не силен, так напуском смел».
 Говорит Добрынюшка Микитенец:
 «Глупый князь Владимир стольно-киевский,
 Свою-то жену так сам спать ведёшь,
 А чужую-то жену так замуж отдаёшь».
 1095 Говорит Алёшенька Попович:
 «А ведь всем женитьба удаётся,
 А только я, Алёшенька, женат бывал,
 А только я, Алёшенька, с женой сыпал».
 Молодой Добрынюшка Микитенец
 1100 Захватил Настасью за белы руки,
 За тее ли за персни за злочёные,
 Они с друг другом тут познавались,
 Спознавались, в кресты расцеловались,
 И пошли от князя со честна пира,
 1105 Со честна пира да на широкий двор,
 И пошли в свои полаты белокаменны.
 Увидала тут Мамерфа Тимофеевна,
 Что её Добрынюшка с Настасьёшкой,
 Поскореньку выбегала на широкий двор,
 1110 Она женским голосом заплакала,
 Говорила таковы слова:
 «Воссияло наше красно солнышко,
 Из-за тех ли за горушек высокиих,
 Из-за тех ли лесушек тёмных,
 1115 Что приехал наш Добрыня из чиста поля».
 Брала их за рученьки за белые
 За тей ли за персни за злочёные,
 Проводила в палаты белокаменны,
 Да садила их за столики дубовые,
 1120 Да за тее ли скамеечки окольные,
 А кормила их есвушкой сахарнией,
 Поила их питьецем медвяным,
 Спать ложила на кроваточку тесовую,
 А на тую ль на пиринушку пуховую,

1125 Закрывала одеяльцами тёплыми.

Стали жить да быть да век корётати.

Да и тем былиночка покончилась.

135

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Из тово ли города из Крякова,

Из того ли села да из Берёзова,

Из того ль подворья королевского,

Да из той ли улицы Рагатицы

5 Выезжал дуродний добрый молодец,

Молодой Петры й Петрович королевский сын.

Выезжал он в поле за охотою,

Пострелять там в поле гусей-лёбедей,

Серых малых перелётных утёнышей.

10 Да й проездил молодец по день поры,

Да проездил молодец по другой день,

Да й проездил молодец по третий день —

Не наехал он не гуся да не лебедя,

А не серого перелётного утёнышка.

15 Припускал коня да богатырского

По славному раздольицу чисту полю.

Подъезжал ко славному синю морю,

Усмотрел на тихое на завубьн,

На том ли на зелёном на затресье

20 Плавало там две лебёдушки.

Молодой Петры Петрович королевский сын

Скоро наскоро свой тугий лук разрывчатый

отстегибал,

Натянул тетивочку шелковую,

Наложил он стрелочку й калёную,

25 А хотит спустить тетивочку шелковую

Да ль во тую ль стрелочку колёную,

Хочет подстрелить двух белых лебёдушек.

Эти ли две белые лебёдушки

Взалепетали языком человеческим:
 20 «Ай же ты, дуродный добрый молодец!
 Хоть подстрель ты нас двух белых лебёдушек,
 Не укрятаешь себе плеча могучего,
 Не утешить тебе сердца богатырского.
 А ведь мы-то есть не две лебёдушки,
 35 А ведь мы-то есть две красных девушки,
 Две прекрасных Настасей Митриевичны,
 Митриевичны да обе-то царевичны.
 А летаем мы от пана ль от поганого,
 От того ли Фёдора Иванова,
 40 А летаем поры-времечку по три году,
 За таё за славное синё морё,
 На тую ли матушку светую Русь.
 Хоть подстрелишь нас двух белых лебёдушек,
 Нашу кровь прольёшь ты во сыру землю,
 45 Нашу тушицу ты спустишь в глубокую воду,
 Наши перья разнесёт да по синю морю,
 Не укрятаешь плеча могучего,
 Не утешить тебе сердца богатырского.
 Поезжай-ко ты в раздольице чисто поле,
 50 Под тот под славной под крекневиц дуб.
 Как на том на славном на большом дубу
 А сидит там птица-ворон чёрная.
 А такой ведь птицы на свете не слыхано,
 А на белом еще не видано.
 55 Крыльица у ворона черным черны,
 Перьяца у ворона белым белы,
 Пораспущенные крыльица до матушки сырой земли».
 Так стоит тут молодец да пораздумался:
 «Хоть подстрелю я двух белых лебёдушек,
 60 Не укратаю плеча могучего,
 Не утешеть-ка мне сердца богатырского.
 Ихну кровь пролью я во сыру воду,
 Ихну тушецу спущу я в глубокую воду,
 Ихни перья разнесёт да по синю морю».
 65 Тут снимает он стрелочку колёную,

- Спускает тетивочку шелковую,
 Скоро тугой лук разрывчатый престёгивал
 Ко правому ко стремени булатному,
 Повернул коня богатырского,
- 70 Да й поехал по раздольицу чисту полю.
 И поехал во раздольице чисто полё
 Под тот славный под кряковец дуб.
 Подъезжал под славный под кряковец дуб,
 Становил коня богатырского,
- 75 Усмотрел он птицу-ворон чёрную.
 Так сидит ведь птица-ворон чёрная,
 А ведь крыльица у ворона чёрным чёрны,
 Перьяца у ворона белым белы,
 Пораспущеннии крыльица до матушки сырѡй земли.
- 80 А такой ведь птицы на свете не слыхано,
 Да й на белоём ещё не видано.
 Молодой Петры й Петрович королевский сын
 Скоро тугий лук разрывчатый отстегивал,
 Натянул тетивочку шелковую,
- 85 Налагает он стрелочку колёную,
 Хочет подстрелить он птицу-ворон чёрную.
 Так ведь эта птица-ворон чёрная
 Влепетала языком человеческим:
 «Ай же ты, дуродный добрый молодец,
- 90 Молодой Петры Петрович королевский сын!
 Хоть подстрѣли меня птицу-ворон чёрную,
 Не укрятаешь плеча могучего,
 Не утешить тебе сердце богатырское,
 Мою кровь прольёшь ты по сырѹ дубу,
- 95 Мою тушицу ты спустишь на сырѹ землю,
 Мои перья разнесёт да по чистѹ полю,
 Не укрятаешь плеча могучего,
 Не утешить тебе сердца богатырского.
 А слыхал ли поговору на святой Руси:
- 100 В кельи старца убьёшь — есть не спасенье,
 Чёрна ворона подстрѣлить — [не] корысть получить
 Поезжай-ка ты во славный стольный Киев-град».

- Тут стоит молодец да пораздумался:
«Хоть подстрелю я птицу-ворон чёрную,
105 Не укрятаю плеча могучего,
Не утешить мне сердца богатырского.
Яво кровь пролью да по сыру дубу,
Яво тушицу спущу да на сыру землю,
Яво перья разнесёт да по чисту полю.
110 А слышал я поговору на святой Руси:
В кельи старца убьёшь — есть не спасенье,
Чёрна ворона подстрелить — [не] корысть получить».
Говорит ведь птица-ворон черная:
«Как у ласкового князя у Владимира
115 Есть хорош почесный пир да пированье
На многих князей, на многих бояров,
Да на сильных на могучих богатырей,
Да на славных полениц да разудалых».
Тут снимает он стрелочку колёную
120 И спускает титивочку шелковую.
Скоро наскоро он тугий лук престёгивал
Ко правому ко стремени булатному.
Как тут в тую ль пору, в тое ль времечко
А кричит татарин во чистом поле,
125 Во чистом поли на добром кони.
А он кличет-выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника,
Из чиста поля да себе й наездника:
«Ай ты, князь Владимир стольно-киевский!
130 Как не дашь ты мне в поле поединщика,
Супротив меня ты супротивника,
Из чиста поля ты мне наездника, —
Твоих чёрных мужичков я всех повырублю,
Твои церкви божьи все й на дым спущу,
135 А тебя князя Владимира й в полон возьму,
А в полон возьму да галаву срублю
Со своей Апраксей королевичной».
Как стоит тут дуродный добрый молодец,
Так стоит тут молодец да призадумался:

- 140 «Если ехать мне дорожкой прямоезжией,
Прямоезжией дорожкой да во Киев-град,
То побьёт меня татарин во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ да на добромъ конѣ.
Если ехать мне дорожкой окольной,
145 А окольной дорожкой в стольно Киев-град,
То не честь-хвала мне будет от богатырей,
Да не выслуга от князя от Владимира».
Как стоит тут молодец да призадумался,
Тут просил себе он бога в напомочь,
150 Как причисту пресвятую богородицу.
Припускал коня он богатырского
И поехал по славному чисту полю,
По той ли дорожки прямоезжией.
Нагонял в чистомъ поли татарина,
155 Он заехал к нему с личка с белово,
Они съехались, поздоровались,
Они делали сговор между собой,
Как им силушки друг друга поотведати,
Надо дратьца боем-рукопашною.
160 Разгоняют коней по чисту полю,
Приударили на копья муржемецкие, —
Ихни копья во руках да погибалися,
А по маковкам да отломилися —
Не могли сбить друг друга с добрых коней,
165 Не которого местечка не кровавили.
Они делали сговор между собою,
Как же силушки друг у друга отведати,
Разгоняли коней по чисту полю,
Приударились во палицы булатни —
170 Ихни палицы в руках да погибалися,
А по маковкам да отломилися —
Не могли сбить друг друга с добрых коней,
Не которого местечка не кровавити.
Они делают сговор третий раз,
175 Как им силушки друг у друга отведати.
Разгоняют коней по чисту полю.

- Приударились во сабли острые —
Ихни сабли да в руках да погибалися,
А по маковкам да отломилися —
- 180 Не могли сбить друг друга с добрых коней,
Не которого местечка не кровавили.
Тут спустились с добрых коней
На ту ли матушку сыру землю,
Стали драться боем-рукопашною.
- 185 Молодой Петры й Петрович королевский сын
Приучён весьма бороться об одной ручке
С малолетства маленьким ещё ребёночком.
Подходил он к добру молодцу близёхонько,
Схватил он татарина одной ручкой,
- 190 Поднял его на косу бодрю,
На косу бодрю да выше головы,
И спустил его он ниже пояса,
Ниже пояса на матушку сыру землю,
На сыру землю да на конинный ступ.
- 195 Поскорешеньку вскочил на груди татарина.
Во руках он держит свой булатный нож,
Хочет он срубить да буйную й головушку.
Ево правая рука в плече да застоялася,
Во очах у него свет да помучается.
- 200 Как тут начал он татарина да повыспрашивать
«Ай же ты, дородный добрый молодец!
Ты с какой земли да из какой орды,
А какого отца да ты есть матери,
Да какого будешь роду й племени,
- 205 А как тебя да именем зовут,
Удалого звеличают по отчеству?»
Так тут ведь татарин порасплакался:
«Ай же ты, мужик да деревенщина,
Тебе просто надо мною насмехатися.
- 210 Как стоишь ты на моих на грудях бѣлых,
Во руках ты держишь свой булатный нож,
Хочешь ты срубить мне буйную й головушку.
Если был бы я да на твоей груди,

- Не спросил бы я ни батюшке, ни матушке,
215 Отрубил бы я тебе буйну головушку».
Разгорелось сердце у богатыря,
У молодого Петра Петровича.
А вздынул он ручку праву й выше головы
Да хотѣт спустить её ниже пояса.
220 Во руках он держит свой булатный нож,
Хочет он срубить буйную головушку.
Его правая рука в плече да застоялася,
Во очах у него свет да помущается.
Как тут начал он татарина да повыспрашивать:
225 «Ай же ты, дородный добрый молодец,
Ты с какой земли да из какой орды,
А какого отца да ты есть матери,
Да какого будешь роду-племени,
А как тебя да именем зовут,
230 Удалого величают по отчеству?».
Говорит татарин слёзно плакавши:
«Ай же ты, мужик да деревенщина!
Тебе просто надо мною насмехаться.
Как стоишь ты на моих на грудях бѣлых,
235 Во руках ты держишь свой булатный нож,
Хочешь ты срубить мне буйную головушку,
Если был бы я да на твоей груди,
Не спросил бы я не батюшки, не матушки,
А отрубил бы я тебе буйну головушку».
240 Разгорелось сердце у богатыря
У молодого Петра Петровича,
А вздынул он ручку праву выше головы
И хотѣт спустить её ниже пояса,
Во руках он держит свой булатный нож,
245 Хочет он срубить да буйную головушку.
Его правая рука в плече да застоялася,
Во очах у него свет да помущается,
Как тут начал он татарина да повыспрашивать:
«Ай же ты, дородный добрый молодец!
250 Ты с какой земли да из какой орды,

- А какого есть отца ты матери,
А какого будешь роду-племени,
Как тебя да именем зовут,
Удалого звеличают по отчеству?».
- 255 Говорит татарин слёзно плакавши:
«Ай же ты, мужик да деревенщина!
Тебе просто надо мною насмехаться,
Как стоишь ты на моих на грудях бѣлых,
Во руках ты дѣржишь свой булатный нож,
260 Хочешь ты срубить мне буйную й головушку.
Если б был бы я да на твоей груди,
Не спросил бы я не батюшки, не матушки,
А отрубил бы я тебе буйну головушку».
- 265 У молодого Петры Петровича.
Вздынул он ручку правую выше головы,
И хотѣт спустить он ниже пояса.
Его правая рука в плече ды застоялася,
Во очах у него свет да помущается.
- 270 Как тут начал он татарина да повыспрашивать:
«Ай скажи-тка мне, дородный добрый молодец!
Из какой земли да из какой орды,
А какого отца да ты есть матери,
Да какого будешь роду-племени,
275 А ведь как тебя да именем зовут,
Удалого звеличают по отчеству?».
- Говорит татарин слезно плачутись:
«Как ведь стал про то у меня выпрашивать,
Так ведь стану я тебе про то высказывать.
- 280 Есть я из матушки святой Руси,
Из славного из города из Крякова,
Из того из села из Берёзова,
Из той из улицы из Рагатицы,
Из того подворья королевского,
- 285 Молодой Лука Петрович королевский сын.
Увезли меня татарова поганые,
Увезли меня да с широка двора,

- Увезли в свою орду татарскую.
Когда возрос я до полного до возраста,
290 Стал иметь силу велику в могучих плечах,
Подберать себе коня я богатырского,
И поехал на матушку святую Русь,
Поискать себе я рода-племени,
Роду-племени да й отца й матери».
- 295 Молодой Петры Петрович королевский сын
Поскорешеньку соскочил со белых грудей,
Брал его за рученьки за белые,
За его за перстни за золочёные,
Поднимал его на ноженьки на резвые,
- 300 Целовал его в уста сахарные,
Называл его да братцем рѳдным,
Молодым Лукой Петровичем.
Он кормил его есвушкой сахарней,
Он поил его питьцем медвяным,
- 305 И дарил ему дары драгоценные.
Ещо раз в кресты поцеловались,
Они с друг другом тут познавались,
Сели на добрых коней поехали
Ко тому ко городу ко Крякову.
- 310 Они едут по улице Рагатицы,
Заезжают без доклада на широкий двор,
Приезжают к себе да на широкий двор,
Становили коней да посреди двора.
Молодой Петры Петрович королевский сын
- 315 Поскорешеньку соскочит со добра коня.
Сам бежит в палаты белокаменны,
На пути он дверь размахивал,
Крест кладёт да он по писанному,
А поклон ведёт да по учёному,
- 320 На четыре на сторонки поклоняется,
А своей ли матушке в особену:
«Здравствуй, свет моя ты государыня,
Государыня да родна матушка!
Я сегодня был в раздольице чистом полѳ,

325 Наехал я в чистом полѣ татарина,
 Кормил я его есвушкой сахѣрней,
 А поил его питьцем медвяным,
 А дарил ему дары драгоценные.
 Как тут свет честна вдова заплакала
 330 Женским голосом во всю голову:
 «Ай же, чадочко моѣ любимое,
 Молодой Петры Петрович королевский сын!
 Как наехал ты в чистом поли татарина,
 Не кормил его ты есвушкой сахѣрней,
 335 Не поил бы его питьцем медвяным,
 Не дарил ему б ты дары драгоценные.
 А колол его рогатиной звериною.
 А ведь ети-то татары да поганые
 Увезли у тебѣя братца рѣдного,
 340 Увезли его с широка двора,
 Увезли его да маленьким ребѣночком,
 Молодого Лука Петровича».
 Молодой Петры Петрович королевский сын
 Говорит он таковы слова:
 345 «Ай же, свет ты мой да государыня!
 Я наехал в раздольице чистом полѣ
 А наехал я да не татарина,
 А наехал я да братца рѣдного,
 Молодого Луку Петровича.
 350 А теперя он у нас на широком дворе,
 По широкому двору похаживает,
 Да добрых коней за поводы поваживает».
 Так тут свет честна вдова заплакала,
 Поскорешеньку выбегает на широкий двор,
 355 Увидала сыночка любимого,
 Называла его Лукой Петровичем,
 Своим сынком любимым.
 Брала его за ручки за белые,
 Брала его за перстни золочѣнные,
 360 Целовала в уста его сахѣрные,
 Проводила ѣ их в полаты белокаменны,

Проводила их за столики дубовые,
 Да за теи за скаменчки окольные,
 А кормила их есвушкой сахарнией,
 365 Да поила их питьицем медвянымим,
 Да й дарила им дāры драгоценные,
 Спать ложила на кроваточку тесовую,
 На тую ль на пиринушку ль пуховую,
 Закрывала одеяльцами их тёплыми.
 370 Стали жить да быть да век корѳтати.
 Да тем былиночка й покончилась.

СТАВЕР ГОДИНОВИЧ И ВАСИЛИСА МИКУЛИЧНА

Как во стольном было городе во Кieve,
 А у ласкового князя у Владимира,
 А ведь было пированьице почестен пир
 На многих князей на многих бѳаров,
 5 Да на сильных могучиих богатырей,
 Да на славных полениц да разудалых,
 В полсытā тут все да наедались,
 В полпьянā все тут да напивались,
 Напивались, наедались, порасхвастались.
 10 Умный хвастает отцом да матерью,
 Неразумный хвастает молодой женой,
 А иной ведь хвастает да добрым конѳм,
 Инной хвастает именем-богачеством,
 Инный хвастает поездкой богатырской.
 15 А Владимир-князь да стольно-киевской,
 Он по горенке столовой похаживал,
 Между столички дубовые погуливал,
 А он желтыми кудрями да потряхивал,
 Пословестно князь Владимир выговаривал:
 20 «А ведь все вы, молодцы, да на честном пиру
 На честном пиру вы пьяны-веселы,
 Пьяны-веселы, все порасхвастались.

- А один сидит ведь гость черниговский,
 А сидит Ставѣр да он Годиневич,
 25 Он сидит не ест, не пьѣт, не кушает,
 Белоѣ лебеди моеѣ не рушает,
 А сидит Ставѣр ничем не хвастает».
 Говорил в ответ Ставѣр Годиневич:
 «Ай же, князь Владимир стольний киевской!
 30 Не вели казнить, позволь мне вымолвить.
 А ведь нечем мне Ставру ѣ похвастаться:
 Мне похвастать не похвастать молодой женоѣ
 Василисой дочерью Микуличной.
 Как во лбу-то у ней да светел месѣц,
 35 По косичкам у ней да звѣзды частыя,
 Она ѣ личиком естѣ очень белая,
 Ясны очушки у ней, как ясна сокола,
 Чѣрны бровушки у ней, как чѣрна соболя.
 Она всех князей твоих продаст да ѣ выкупит,
 40 А тебя князя Владимира с ума сведѣт
 Со твоеѣ Апраксѣ королевичной».
 Так ведь князю это дело не слюбилосѣ,
 Не слюбилосѣ князю, не в любив пришло.
 Так вскричал тут князь Владимир громким голосом:
 45 «Ай же, слуги мои, вы слуги верныѣ!
 А берите-тка Ставра да за белыѣ руки,
 За его за рученьки за белыѣ,
 За его за персни за злочѣныѣ,
 А ведите-тко на погреба ѣ глубокия,
 50 А за теѣ за решоточки железныѣ.
 Посадите-ко Ставра да ѣво ѣ на воду,
 На овѣс поставте ѣва, на воду.
 А посмотрим, как Ставрова молода жена,
 Молодая Василиса дочь Микулична,
 55 А посмотрим пус[т]ѣ-ка мѣженька повыкупит,
 Пус[т]ѣ-ка всех князей продаст да выкупит,
 А меня князя Владимира с ума сведѣт
 Со своеѣ Апраксѣ королевичной».
 Подходили тут да слуги верныѣ,

- 60 А бярут Ставра за рученьки за белыя,
За его за персни за злочёныя.
Выводили из-за столичков дубовых,
Поднимали со скамеечек окольных,
Повели Ставра на погребѣ глубокия,
65 А за тее ль за решоточки железныя,
Посадили Ставра ёва на воду,
На овёс Ставра да ёще й на воду,
На не мала поры-времечки по три году,
На три годѣку да й на три месяца,
70 На три месяца ёще на три дня.
Может там Ставёр приобумееся,
А посмотрим-ка Ставрову молоду жену,
Как ведь муженька из погребов повыкупит.¹
Как пришла тут весточка нерадосна,
75 А нерадосна да вестъ да во Чернигов-град
Василисе дочери Микуличной,
Что посаженный Ставёр Гоудинович
А во тее ли во погребѣ глубокия,
А за тее ль за решоточки железныя
80 Не на мала — на три года на три месяца,
На три месяца да ёще й на три дня.
Позадумала тут Василиса дочь Микулична,
Как ей муженька из погребов повыкупить
Скоро наскоро догадочкою женской,
85 Она здумала ёще скорешенько,
Выстригала да волосы да женскія,
Она сделалась Васильюшкой Окуличом,
Называла себя грознымъ посломъ Васильюшкой
От того ль собаки царя Калина,
90 Подбярала дружинишку хоробрую
Она сорок молодцов да без единого,
А сам Василий был сороковой из них.
Брал с собой Василий саблю вострую,

---

¹ Пауза. Так как эту былинѹ П. И. Рябининъ никогда не пелъ, то на этомъ мѣстѣ остановился и долго вспоминалъ, какъ будетъ дальше.

- Своё длинное копье да муржемецкое,
95 А берёт свой тугой лук разрывчатый,
Да й набрал он много стрелочек калёных.
Заседлали коней богатырьских
И поехали из города Чернигова,
Из Чернигова ко городу ко Киеву.
Подъезжали под славный стольный Киев-град.
Молодой Василий да й Окулович
Он раздёрнул шатры да полотняные,
Насыпал он коням пшена да белоярого,
А оставил свою дружинушку хоробрую,
105 Сам поехал один да в стольный Киев-град.
Приезжал ко князю на широкий двор,
Поскорешеньку соскочит со добра коня,
Сам идёт в полаты белокаменны,
На пята он дверь да й поразмахивал,
110 Никому Васильюшка челом не бил,
Подходил ко князю ко Владимиру,
Доставал он грамотку-посылочку,
А он бросил пакет князю о злот стол,
Пословесно князю й выговаривал:
115 «Ай же, князь Владимир стольно-киевской!
Я грозен посёл собаки царя Калина
Молодой Васильюшка Окулович,
А привёз к тебе я грамотку посыльную.
Так ведь пишет собака царя Калина,
120 Чтобы князь Владимир стольно-киевской
А очистил бы улицы широкие,
Да поставил бы бочечки дубовые,
Бочечки дубовые с зелёным вином.
Да повесил бы черпала медные,
125 Чтобы было чем татарам позабавиться.
А очистил бы князь Владимир церкви божия,
А бы сделать стойла лошадиные.
А очистил бы князь Владимир в трое суток».
Распрогневался князь Владимир стольно-киевской,
130 Распрогневался да пораздумался:

- Если б был старой козак да Илья Муромец,
Он очистил бы все эти церкви божия,
Постоял бы он за церкви божия,
Постоял бы он за веру православную,
135 Защищал бы он меня, князя Владимира,
Со своей Апраксей королевичной».
А молоденькой Васильюшка Окулович
Он по князевой горенке похаживал
Да плюмянницу он замуж подговаривал.
140 Говорит Васильюшка Окулович:
«Ай же, князь Владимир стольно-киевской!
А отдай-ка за меня замуж плюмянницу,
Молоду Забаву и дочь Путятичну».
На великих радостях Владимир-князь:
145 «Я сейчас пойду с плюмянницей поведаю».
Уходили в полаты белокаменные.
Говорила Забава дочь Путятична:
«Ай же, дядюшка ты князь Владимир стольно-
киевской!
- Не отдай-ка плюмянницы за женщину.
150 Не богатырь есть тут, а есть женщина:
Как по улочкам идёт, будто уточка плывёт,
По ступенечкам ступает потихонечку.
А ведь голос у нея как будто с продвигом,
С поволокою глаза поваживает,
155 А на тех на рученьках на белых
Даже дужки от колечичек на пальцах знать,
Даже дужки от колечичек не вышли вон».
Говорит Владимир стольно-киевской:
«Я сейчас пойду посланничка попробую».
160 Говорит Васильюшку Окуличу:
«Молодой Васильюшка Окулович,
Не угодно ль со борцами поборотися,
А во время этой нашей свадьбы,
Пусть плюмянница моя ещё подумает».
165 Говорит Васильюшка Окулович:
«Ай же, князь Владимир стольно-киевской!

- Выйду я на двор да позабавиться».
Выходил на двор Васильюшка Окулович,
Стал Васильюшка по двору похаживать,
170 Стал Васильюшка богатырей поталкивать,
А поталкивать стал, попинывать,
В одну кучу он да роет по трое,
А в другую кучу целым полдесяточком.
Так тут плюнул князь Владимир да и прочь пошел:
175 «Неразумная Забава дочь Путятична —
Называет женщиной богатыря».
Говорит Забава дочь Путятична:
«Не отдай-ка ты, мой родный дядюшка,
Не отдай-ка девицы за женщину,
180 Не наделай смеху по святой Руси».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевской:
«Я пойду посланничка попробую,
А попробоём стрелять мы из туга лука».
Говорит Васильюшку Окуличу:
185 «Молодой Васильюшка Окулович,
Ты грозён посёл собаки царя Калина!
Не угодно ль будет позабавиться,
Пострелять с тобой нам из туга лука,
Из туга лука да й во чистом поли».
190 Говорит Васильюшка Окулович:
«Ай же, князь Владимир стольно-киевской!
А давай пойдем-ка мы попробуем».
Выходил Василий во чисто поле,
Отстягнул свой тугой лук разрывчатый,
195 Натянул титивочку шелковую,
Налогает стрелочку калёную,
Да й спустил титивочку шелковую
А во тую ль стрелочку калёную,
Как просвиснула тут стрелочка калёная,
200 А попала стрелка по сыру дубу,
Разлетелся дуб на черни на ножовые.
Так тут плюнул князь Владимир да и прочь пошел:
«Ай же глупая Забава, неразумная —

Называет женщиной богатыря».

205 Говорит опять Забава дочь Путятична:

«Ай же, дядюшка ты мой любимыи,
А ты ласков князь Владимир стольно-киевской!
А не посланничёк, а есть тут женщина».

Говорит тут князь Владимир стольно-киевской:

210 «Я пойду посланничко отведаю».

Подходил к Васильюшку Окулычу,

Говорит Васильюшку Окулычу:

«Ай же ты, Васильюшка Окулович,
Ты грозен посёл собаки царя Калина!

215 Не угодно ль опосля пути-дороженьки

А сходить да в нашу парну баенку?»

Говорит Васильюшка Окулович:

«А ведь можно сходить да в парну баенку».

Скоро наскоро топили да готовили

220 Посмотреть Васильюшку Окулича

А во той ли парной тёплой баенки.

Как стопили тёплу парну эту баенку,

Молодой Васильюшка Окулович

Заходил он в тёплу парну баенку,

225 Вымыл он себе одну головушку,

Поскорёшенку выходит с парной баенки.

Говорит тут князь Владимир стольно-киевской:

«Мало мылись вы, Васильюшка Окулович,
В нашем Киеве во тёплой парной баенке».

230 Говорит Васильюшка Окулович:

«Ай же, князь Владимир стольно-киевской!

А ведь мылся я да по-дорожному,

Так что хватит мне Васильюшку Окуличу».

Говорит Забава дочь Путятична:

235 «Ай же ты, мой дядюшка любимоей,

А ты ласков князь Владимир стольно-киевской!

Не отдай-ка девицу за женщину —

Как по улочке идёт, как быдто уточка плавёт,

По ступенечкам ступает потихоничку.

240 А ведь голос у нея как будто с продвизгом,

- А глаза-то с поволокою поваживает,
Даже дужки от колечечек не вышли вон,
А на тех ли ручечках на белых».
- Говорит тут князь Владимир стольно-киевской:
245 «Я пойду посланничка попробую».
- Говорит Васильюшку Окуличу:
«Молодой Васильюшка Окулович,
А оставим-ка-сь мы свадебку до завгрия.
Отдохни-тко-сь на перинушки пуховой
250 А на той ли кроваточки тесовой».
- Спать ложили на кроваточку тесовую,
А на тую ль на перинушку пуховую,
Закрывали ключами во отдельну комнату:
Ежеле мужик, так на перинушке,
255 А на той ли на перинушке пуховой
- Под плечами у него да будет ямочка.
А ведь не богатырь — женщина,
Так на той ли на перинке на пуховой
А тогда под . . . . будет ямочка.
- 260 Как встаёт поутрушку ранёшенько
Молодой Васильюшка Окулович,
В другу сторону перинку поворачивал,
Что была бы под плечами ямочка.
- Как приходит князь Владимир стольно-киевской,
265 Утром рано он будить пришол посланничка.
- Подходил к кроваточке тесовой,
А ко той ли перинушке пуховой,
Говорит Васильюшку Окуличу:
«А вставай-ка ты, Васильюшка Окулович,
270 Что ты крепко спишь да прохлождаешься
А в моих ты теремах высоких?».
- Как вставал Васильюшко Окулович,
А вставал с перинушки пуховой,
Выходил с кроваточки тесовой,
275 Да й содился Василий на ременчат стул,
Обувает сидит да ножки резвые.
Так тут плюнул князь да й и прочь пошол:

- «Ай же глупая Забава, неразумная,
Признавает богатыря за женщину».
- 280 Так тут князь Владимир стольно-киевской
Открывал тут князь Владимир пированьице,
Пированьице да й столованьице,
Созывал он всех князей да бояров,
А он сильных могучих богатырей,
- 285 Да он славных полениц да разудалых.
Начинают играть да й оны свадебку.
Собиралися да все князья да бояра,
Собралися сильные могучие богатыри,
Так съезжались поленицы разудалые
- 290 А к тому ли князю ко Владимиру,
А ко той ли Забавушке на свадебку.
А ведь пир идёт да й пированьице,
А широкое да й столованьице,
А ведь все сидят да пьют да прохлаждаютца.
- 295 Молодой Васильюшка Окулович,
Он сидит не ест, не пьёт, не кушает,
Белой лебеди он князевой не рушает.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевской:
«Что-та думает-то молодой Васильюшка Окулович,
- 300 Что-та думает возлюбленный плуменничок?
А сидит не ест, не пьёт, не кушает,
Белой лебеди моей сидит не рушает».
Говорит Васильюшка Окулович:
«Ай же, князь Владимир стольно-киевской!
- 305 У тя нет ли в засаде загусельщиков,
Загусельщиков в засаде, затюремщиков?».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевской:
«У меня ведь есть да загусельщики».
Выпускает он тут всех загусельщиков.
- 310 Все сидят играют на гусельках яровчатых.
Это всё для Васильюшка не весело.
Говорит Васильюшко й Окулович:
«Ай же, ласков князь Владимир стольно-киевской!
У тя нет ли в засаде загусельщика,

- 315 У ты нет ли в стольном городе во Киеве,
Где-то есть сидит ведь гость черниговский,
Молодой Ставѣр сидит Годинович».
Так стоит тут князь да пораздумался:
«Если дать Ставра, так не видать Ставра,
320 А не дать Ставра, так разгневить посла».
«Ай же, слуги мои вы, слуги верные!
Открывайте-тка вы погреба глубокия,
Вынимайте-тка решоточки железные,
Выпускайте-тка Ставра Годинова».
- 325 Тут идут посланнички по погребам,
А ведут Ставра да за белы руки.
Так берѣт Ставѣр да он Годинович,
Взял он в руки гуселышки яровчаты,
Стал он струночки по струночкам поваживать,
330 Он найгрышки выигрывал хорошие.
Так тут все на пиру приослушались,
Приослушались да призадумались:
«А ведь жили мы, братцы, веки по веку,
А такой ведь игры на свете не видано,
335 Да й на белаем ещо не слыхано».
Говорит Васильюшка Окулович:
«Ай же, князь Владимир стольно-киевской!
А поеду со Ставром до во чисто полѣ,
Покажу ему дружинишку хоробрую.
- 340 А росли ведь со Ставром мы близко поблизку,
Вместе грамоте мы со Ставром училися,
Так что мне-ка этот ведь Ставѣр Годинович
Хорошо мы с ним да ведь позналися».
Выходили из-за столичков дубовых,
345 Из-за тех из-за скамеечек окольных.
Молодой Васильюшка Окулович,
Молодой купец да гость черниговский,
Гость черниговский Ставѣр Годинович
Выходили ко князю на широкий двор.
- 350 Они сели на добрых коней поехали,
Приеждяли в раздольице чисто полѣ,

- Приеждяли ко тем ли ко белым шатрам,
Где оставлена дружинushка хоробрая.
Молодая Василиса дочь Микулична
355 Поскорешеньку сошла да во белой шатёр,
Раздевала платица мужичьиe,
Одевала платье на себя тут женское,
Выходила поскорешеньку из белá шатра,
Говорит она Ставру Годиночу:
360 «А теперича, Ставёр Годинович,
Может ты меня да не узнаешь ли?». Оне с друг с другом тут спознавалися,
Спознавалися, в кресты расцеловалися.
Говорит ведь тут Ставёр Годинович:
365 «Молода жена ты, Василиса дочь Микулична!
А теперь поёдим-ко в Чернигов-град,
Я дарю за то вам дары драгоценные,
Что меня из погреба повывела». Говорит тут Василиса дочь Микулична:
370 «Ай же глупый ты, Ставёр Годинович!
А мы крадучись из Киева уехали,
Так ни честь-хвола нам будет от богатырей,
Надо ехать свадебкой доигрывать». Оны сели на добрых коней поехали
375 А во тот во славный стольный Киев-град.
Приеждяют ко князю на широкий двор,
Скоро наскоро идут в палаты белокаменны,
На пята тут дверь да поразмахнули,
Говорит тут Василиса дочь Микулична:
380 «Ай же, ласков князь Владимир стольно-киевской!
Не грозен я посел собаки царя Калина,
Молода жена я Василиса дочь Микулична
А тово ли молода Ставра Годинова.
Как посадил Ставра ты в погребá глубокия,
385 А за тее ли за решоточки железные,
Я тут крепко думушкой подумала,
Как мне муженька из погреба повыкупить,
А повыкупить ево й повыручить.

Так приехала к тебе грозным послом
 390 От тово ли собаки царя Калина».
 Говорит тут князь Владимир стольно-киевской:
 «Говорила мне Забава дочь Путятична,
 Что не выдай-ка за женщину ты девицы».
 — «Ласков князь Владимир стольно-киевской,
 395 Ай же дядюшка ты мой любимой!
 Чуть не выдал девушки за женщину,
 А наделал ты смеху по святой Руси».
 — «Молодой ведь ты Ставёр Гоудинович,
 (Говорит тут князь Владимир стольно-киевской)
 400 Василисой дочерью Микуличной
 Знал своей похвастать молодой женой.
 А торгуй, Ставёр, ты веки по веку
 Ты за эти речи за умелые,
 Веки по веку торгуй, Ставёр, в Чернигове,
 405 А в Чернигове торгуй, во Киеве,
 Веки по веку торгуй, Ставёр, без пошлыны».
 Так ведь тем-то былиночка окончилась.
 (Не помню, поехал ли Ставёр с Василисой домой. В уме за
 каким-то ухом было, да может половина пропушсна.)

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА

А ще кто у ворот теперь колотитца?
 А колотитца Чурилушка Щеплёнкович,
 А Щеплёнкович да Щеголёнкович.
 Выходила Катерина Николаевна
 5 В одной тонкой рубашечки бёз пояса,
 В одних тонких чулочичках бёз чоботов.
 Отворяла воротца раскатестые,
 Запускала Чурилушку Щеплёнковича,
 А Щеплёнковича да Щеголёнковича.
 10 Ворона коня взяла да во стойло провела,
 Скатны саночки взяла да на сарай сволокла,

- Золоту сбрую да на гвоздочек поклала,
Кунью шубочку сняла да на стопочку кала,
А ведь шапочку соболью на полочку кала,
15 А сапоженьки софьянины на лавочку кала,
Шелкову плёточку взяла да за гвоздичек кала,
А Чурилушку за ручку в нову спальню провела,
В нову спальню провела да со Чурилой спать легла
Тут приходит девушка чернавушка,
20 Говорила девушка чернавушка,
Говорила Катерине Николаевны:
«А не дело, Катеринушка, ты в спальню завела,
А не дело, Катеринушка, ты со Чурилой спать легла,
Я пойду скажу Ерма Васильевичу,
25 Что в его е спальне гостя нелюбимая,
Нелюбимый гость Чурилушка Щеплёнкович.
Щеплёнкович да Щеголёнкович».
Ударила её по левой щеке,
Переправила её да по другой стороне:
30 «А тебе да мой Чурила не достанитца».
Тут заплакала девушка чернавушка,
Поскорёшеньку побежала ко божьей церкви
Тая ли девушка чернавушка,
Скоро наскоро бежала в паперть божию,
35 Поскорёшеньку идёт по паперти божией,
Поскорёшеньку заходила в церковь божию.
Поскорёшеньку побежала по церкви божией,
Подходила к Ерма Васильевичу:
«Ай ты, сударь Ерма Васильевич!
40 А ты в церкви стоишь да богу молишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь,
У тебя есть в спальне гостя нелюбимая,
Нелюбимая Чурилушка Щеплёнкович».
Говорит тут сударь Ерма Васильевич:
45 «Ай же ты, девушка чернавушка,
Если правду говоришь, так тебя замуж возьму.
Тебе замуж возьму да сарафан сошью,
Сарафан сошью да бошлычек куплю.

- А неправду говоришь — так тебе голову срублю»
- 50 Повернулся сударь Ерма Васильевич,
Поскорёшеньку идёт по церкви божией,
Скоро-наскоро выходит на широкий двор,
Поскорёшеньку садится на добра коня,
Поскорёшеньку едит на широкий двор,
- 55 Подъезжает к воротам раскатестым,
Он стучитца в ворота раскатесты,
Выходила Катерина Николаевна,
Пословестно сквозь ворота высказывала:
«А ще хто у ворот теперь колотитца?».
- 60 — «А колотитца да сударь Ерма Васильевич».
Открывала Катерина Николаевна
Тее ли воротца раскатесты,
Запускала Ерма сударь Васильевича.
Дак тут сударь Ерма Васильевич,
65 Говорит ен Катерине Николаевне:
«Еще едаку лошадку я у Чурила видал,
Катерина, ето што, да Николаевна, ето што?».
- Отвечала Катерина Николаевна:
«Вчера ездил мой братец во чисто поле,
70 Со Чурилушкой конями сменялися».
Он в сараец зашел, скатны санушки нашол:
«Еще едакие санушки я у Чурилушки видал».
Говорит Катерина Николаевна:
«Вчера ездил мой братец во чисто полё,
75 Со Чурилушкой санками сменялися».
Он на стопочку взглянул, золоту сбрую нашол:
«Еще едакую сбруйку я у Чурилушки видал,
Катерина, ето што, Николаевна, это што?».
- Отвечала Катерина Николаевна:
80 «Вчера ездил мой братец во чисто полё,
Со Чурилушкой сбруечками сменилися».
Он на гвоздик взглянул, кунью шубу нашол:
«Еще едакую шубку я у Чурилушки видал,
Катерина, ето што, Николаевна, это что?».
- 85 Отвечала Катерина Николаевна:

«Вчера ездил мой братец во чисто поле,
Со Чурилушкой шубками сменялися».
Он на полочку взглянул, соболью шапочку нашол:
«Еще едакую шапочку я у Чурилушки видал,
90 Катерина, это што, Николаевна, это што?».
Отвечала Катерина Николаевна:
«Вчера ездил мой братец во чисто полё,
Со Чурилушкой шапочками сменялися».
Он на гвоздичек взглянул, шелкову плёточку нашол.
95 «Еще и эдакую плёточку я у Чурилушки видал,
Катерина, это што, Николаевна, это што?».
Отвечала Катерина Николаевна:
«Вчера ездил мой братец во чисто полё,
Со Чурилушкой плёточками сменялися».
100 Он во спальеньку зашел, там Чурилушку нашол:
«Катерина, это што, Николаевна, это што?».
Тут он выдернул свою саблю острую,
Отрубил он у Чурилы буйну голову,
Покатилась голова Чурилушкина,
105 А туда ж вслед и Катеринушкина.
Тут прошло еще немножко времечка,
Задёрнул он почестен пир,
Женился он на девушке чернавушке.
Песня вся, сказать больше нельзя.

ХУДАЯ ЖЕНА, ЖЕНА УМНАЯ

Жил у батюшки да й у матушки
Во ободрокушке да й одинокий сын.
А он ел сладко да работал легко,
Работал легко да й носил красно.
5 Захотели тут да й отец с матерью
Поженить дуродна й добра й молодца,
А женили его в своей деревенки,
А брали заму́ж очень богатую,

- А приданого-то много, человек худой,
10 А приданое висит на грядочки,
Молодая жена она й на ручки спит,
Еще й не с кем молодцу да й позабавиться.
И с тово ль тут молодец да во гульбу пошел,
Из орды в орду да из земли в землю.
- 15 Заходил он к королю да во хоробру Литву,
Поступил к нему он во служение,
Не на мало поры-времячка — двенадцать лет,
На двенадцать лет да й с половиною.
А й служил ему да верой-правдою,
20 Верой-правдою служил да не изменою.
А у этого у короля литовского
Была дочь одна да й одинёшенька,
Она возрастом была высошенька,
Умом-разумом да не глупёшенька,
- 25 Она личушком была да снегом белая,
Ясны очушки у ней как у ясна сокола,
Чёрны бровушки у ней как у чёрна соболя,
Она личиком была как снега белого,
Распрекрасна была королевична.
- 30 Так ведь этот ли дородный добрый молодец
Вместе жили с ней в палатах белокаменных,
Вместе спали на кроваточке тесовой,
Да на той ли на перинушке пуховой,
А з иное время на белой груди.
- 35 Понеслась прекрасна королевична.
Так ведь этот ли дуродный добрый молодец
Видит, дело есть тут нехоршее —
Понеслась прекрасна королевична.
Тут докладывает он слугам меньшим:
- 40 «Ай же вы, мои слуги меньшии,
Доложите вы да королю литовскому,
Что сгрустнулось мое сердечушко
Да по своей по родимой по сторонущке
За немало поры-времячка — двенадцать лет,
45 Посмотреть бы на отцовское поместьеце.

Где там выросла зелена травушка».

Тут докладывают королю й литовскому:
 «Уезжает твой слуга да с широка двора,
 С широка двора в раздольице чисто поле,
 50 На свою ли матушку святую Русь
 Посмотреть он на отцовское поместьеце,
 Где там выросла зеленая крапивушка».

Так ведь этот ли король литовский
 Призывал к себе дородна добра молодца,
 55 Говорил ему да таковы слова:
 «Ай же верный мой слуга да неизменный,
 А служил ты мне верой-правдою,
 Верой-правдой отслужил ты мне двенадцать лет.
 Так бери-тка ты, добрый молодец, добра коня,
 60 Поезжай на матушку святую Русь,
 Посмотри-тка на отцовское й поместьеце,
 Где там выросла зеленая крапивушка».

Так ведь этот ли дуродный добрый молодец
 Поскорешеньку он поворот держал.
 65 Скоро-скоро шол он в конюшни во стоялые,
 Брал коня за повода шелковые,
 Выбирает жеребчика неезжена,
 Выводил коня на широкий двор,
 Стал засёдлывать коня он закольчуживать.

70 На коня покладывает войлучок,
 А на войлучек покладывал подпотничек,
 На подпотничек седёлышек черкасской.
 Заседлал тут молодец добра коня
 Хотит скочить он на добра коня

75 И хотит поехать с широка двора,
 С широка двора в раздольице чисто поле.
 Увидала тут прекрасна королевична
 Из того ли терема высокого
 В тое ли в хрустальное стеколышко —

80 Уезжает молодец с широка двора.
 Поскорёшеньку выбегала на широкий двор,
 Подбегала к добру молодцу близёшенько,

- А брала его за рученьки за белые,
За его за перстни за золочёные,
85 Подвела ко терему высокому,
В тее ли полаты белокаменны.
Привела в полаты белокаменны,
Подводила к комодику хрущатому,
Брала скоренько золоты ключи,
90 Отперла комодичек хрущатый,
Поднела свою бесщётну золоту казну
И спустила добру молодцу в карман.
Они с друг другом тут распрощались,
Распрощались, в кресты расцеловались.
95 Так ведь этот ли дородный добрый молодец
Скоро наскоро бежит он на широкий двор,
На ходу бежал он не поглядывал,
А кто всрѣту попадал — не разговаривал.
Скоро наскоро садился на добра коня
100 И скорѣшенько поехал с широка двора,
С широка двора в раздольице чистѣ полѣ,
А он день едит по красну солнышку,
А он в ночь едит по светлу месяцу,
А ведь день за днём, как будто й дождь дождит,
105 А неделька за неделкой, как река бежит,
Да проходит поры-временчки по год поры,
Да проходит поры-временчки по другий год,
Да й проходит поры-временчки по третий год.
Приезжает на матушку святую Русь,
110 Заезжал во родную во деревенку,
Увидал отцовское й поместье,
А стоит худая стара й мала й хиженка,
Одним боком к земле да приклонилася,
Обросла вся зелёной крапивушкой,
115 А вокруг ли этой старой, малой, худой хижинке
Обвиваются два малых глупых вьюнышка.
Говорит дуродный добрый молодец:
«Ай же малые два глупых вьюнышка,
Есть ли у вас да родный батюшка,

- 120 Есть ли у вас да родна матушка?».
Говорят два малых глупых व्यюнышка:
«Ай же, дядинька ты наш незнаемый,
А ведь есть у нас да родный батюшка».
— «А ведь где же у вас да родный батюшка?».
- 125 — «Наш-то й батюшка да й во гульбу ушол».
Говорит дородний добрый молодец:
«А ведь где же у вас родна матушка?».
— «Наша мать ведь на крестьянской на работушке».
Отвечают два глупых व्यюнышка.
- 130 Так ведь этот же дородний добрый молодец
Ждал он цельный день до поздня вечера
А худую жену, жену умную.
Дак идёт жена худая, жена умная,
Она вечером с крестьянской со работушки.
- 135 Во правой руке да коса острая,
А во левой руке да грабля частая,
На плечах бедна горящица дрова несёт.
Подходила к худой старой малой хижине.
Говорит дуродный добрый молодец:
- 140 «Ты вкока ль не есть вдова безмужняя,
Аль жена ты есть, жена замужняя?».
Говорила тут худая жена, да жена умная,
Говорила она, горько плакала:
Ай ты, дядинька ты мне незнаемый,
- 145 Не жена я есть жена замужняя,
Не вдова я есть вдова безмужняя,
Сирота я есть на свете горегорькая».
Говорит дородний добрый молодец:
«А ведь жили мы с тобой да близко поблизку,
- 150 Вместе грамоте с тобой училися,
А играли мы с тобою в шашки-шахматы,
Да во тее ли во илеи во немецкие.
Так ведь часто я с тебя ведь езды брал».
Говорит худая жена й умная:
- 155 «Не жили мы с тобою близко поблизку,
Вместе грамоте мы не училися.

- Не играли мы с тобой во шашки-шахматы,
Да во тее ли во елее во немецкие.
Не пришлось тебе с меня тогда ведь езды брать».
- 160 Говорит тогда дуродный добрый молодец:
«Подойди-тка к добру молодцу близёшенько,
А ко правому ко стремени к булатному,
Спусти-тка ручку правую во глубок корман».
Так худая ли жена, жена умная
- 165 Подходила ли к добру молодцу близёшенько,
Да ко правому ко стремени к булатному,
Спустила ручку правую во глубок карман,
Подняла бессчётну золоту казну.
Они с друг другом тут спознавались,
- 170 Спознавались, в кресты расцеловались
И пошли в худую стару малу хижину,
Стали жить да быть да век коротати.
Да тем былиночка й покончилась.

139

КАК БЫЛО У ВДОВУШКИ У РАСПАШЕНЬКИ

- Как было у вдовки у распашеньки
Девять сыновей да одинака дочь.
Девять сыновей да во разбой пошли,
Во разбой пошли да во разбойнички,
- 5 Во денные во ночные подорожнички,
Одинаку дочку замуж выдала
А за то ль за славно за синё море,
За тово ль купца, купца заморского.
Уж я год жила да не подумала,
- 10 А на дру́гий годок чадо роди́ла,
А на третий год да стосковалася,
А у свёкрушка да у свекровушки
На родимую сторонку подовалосся.
А ведь с мужем я да сговорилосся,
- 15 Так ведь сели мы во малу лодочку,

- И ещо муж да сел да во веселушко,
 А меня по́содил да за провильщичка,
 Вещи склались средь лодочки,
 Чадо милое клал ко белым грудям.
- 20 Тут поехали да за синё море.
 Мы проехали да среди моря,
 Как спод той ли западной сторонушки ¹
 Как встовала ли да тучка чёрная,²
 Буйны ветрушки заваяли,
- 25 Понесло тут нас да в другу сторону,
 Тут прибило нас на крутый бережок,
 Ко крутым пескам, ко мелким камешкам.
 Как напали тут на нас разбойнички,
 А денные, ночные ль подорожники.
- 30 А ведь мужа у меня пристрелили,³
 Чадо милое да в воду бросили,
 А меня младу да й во полон взяли,
 Во полон взяли да обесчестили.
 Как тут все ль разбойнички да спать легли,
- 35 А один разбойничек он спать не лёг,
 Он пред образом стоит да богу молитца,
 Богу молитца да во грехах прощается.⁴
 Как тут стал разбойничек выпрашивать,
 Да выпрашивать да выведывать,
- 40 Так ведь стала я ему рассказывать,
 Тут вскричал разбойник громким голосом: ⁵
 «Ай же, братцы вы мои родимые,

¹ В варианте 1934 г. (запись А. М. Астаховой во время исполнения в Ленинградском университете) после этого стиха следовало:

Ай не шум шумит да й не дождь дождит.

² После данного стиха в 1934 г. было спето:

Тучка чёрная да й бурливая,

³ Вариант 1934 г.:

Мужа моево они пристрелили.

⁴ В варианте 1934 г. после следовало:

А слезами сам уливаецца.

⁵ Вариант 1934 г.:

Как тут стал разбойничек братьёв будить.

Вы разбойнички да подорожнички,¹
Да вставайте, дак чево мы понаделали:
45 Зятя родного своего да призастрѣлили,
А племянничка, чадо милое,
Чадо милое да в воду бросили,
А родну сестру да во полон взяли,
Во полон взяли да обесчестили».
50 Как вставали тут братцы родимые,
Они пред сестрой стоят прощаютца,
Сами горькими слезами умываютца.

(А куды оны ию повели, куды сами пошли,
уж тово не знаю).

---

¹ Вариант 1934 г.:

А ночные, денные вы да подорожнички.

КИРИК ГАВРИЛОВИЧ РЯБЕНИН

Кирик Гаврилович, в 1926 г. крестьянин д. Середка Сенногубского сельсовета Заонежского района, — родной внук знаменитого Трофима Григорьевича Рябинина и племянник Ивана Трофимовича Рябинина, от которого и перенял свои былины.

В 1926 г., когда были произведены от него записи, ему был 71 год. К искусству былинного сказительства он относился с большим уважением, с радостью слушал наши рассказы о его знаменитых предках и очень сожалел, что им это искусство уже позабыто. Сказывать сперва отказался, мотивируя нежеланием уронить искусство исполнения. Он говорил: «Соврать-то каждый сможет, да всё это не то».

Былины сперва рассказывал словами, потом пел. Между текстами, записанными со сказа и с пения, разницы почти не было, вставлялись лишь частицы для ритма: «ай», «да й» и т. п. Концы былин знал уже слабо, вспоминая, говорил: «Постой, постой, не дай соврать!». Вспомнив во время сказывания былины о Соловье-разбойнике пропущенный им в начале отрывок, заботливо указал, куда именно его надо вставить. Изредка былину прерывал комментариями. Из них особенно интересно замечание его по поводу образа могучего пахаря в былине о Вольге и Микуле: «Вот какой человек мужественный был, кто наши заборы из камней из земли своротил!». В этом восклицании видна и глубокая вера в действительность событий, изображенных в былине, и воплощение в былинном образе представлений о предках — героях тяжелого земледельческого труда, и осмысление через былину типичного пейзажа родных полей (груды камней на полях и заборы из камней, когда-то при распашке вывороченных из земли).

Кроме былин, Кирик Гаврилович знал песни и сказки. Будучи хорошо грамотным, он сочинял и стихи на деревенские события. Так, сочинил

давшую повесть в стихах в ритме ершовского «Конька Горбунка», которого раньше знал наизусть и очень любил, но влияния которого на свои стихи сам не замечал. (См. отрывок этой повести в статье И. В. Карнаухова «Сказочники и сказка в Заонежье». Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Л., 1927, стр. 120).

Кирик Гаврилович был человек живой и общительный. По крестьянским делам ему много раз приходилось ездить в Петрозаводск. В обращении это был обаятельно-приветливый, радушный, несколько застенчивый человек.

В лице Кирика Гавриловича мы видим представителя той категории исполнителей былин, которые, обладая весьма ограниченным репертуаром, не возвышаясь и в лучшие годы своей сказительской деятельности над уровнем рядового исполнительства и постепенно утрачивая свое знание, отличались в то же время глубокой, преданной любовью к старинному народному творчеству.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

- Жил Святослав девяносто лет,
Прижил он сына любезного
Молода Вольгѹ Святославговича.
Оставалось у него чадо милое,
5 Молодой Вольга Святославгович.
Стал Вольга растеть-матереть,
Похотелось Вольгѣ много хитростей:
Щукой-рыбою ходить во синих морях,
Серым зверем рыскать во тѣмных лесах,
10 Птичкой-соколом летать да под оболочки.
Стал Вольга растеть-матереть,
Прибирал Вольга дружинишку хоробрую,
Тридцать человек без единого,
Сам Вольга во тридцатых.
15 Выехал Вольга во чисто полѣ
Со своей дружинкой хороброй.
Услыхал Вольга да в поле ратая.
Ай орѣт ратай, понукивает,
Да у оратая сошка поскрипливает,
20 И омешики по камешкам почѣркивают.
Ехал Вольга целый день с утра,
Первый день с утра и до вечера —
Нѣ наехал во поле ратая.
Ехал Вольга другоѣй день с утра.

- 25 Другой день с утра и до вечера
Да не наехал в поле ратая.
Ай орёт ратай, понукивает,
И у ратая сошка поскрипливает,
Да омешики по камешкам почёркивают.
- 30 Ехал Вбьлга третий день с утра до пабедья,
Наехал Вольга в поле ратая,
Орёт ратай в поле, понукивает,
У ратая сошка кленовая,
И кобылка у ратая соло́вая.
- 35 — «Бог тебе помочь, оратаюшка,
Орать да пахать да крестьянствовать¹
(Вот какой человек мужественный был, кто наши
заборы из камней из земли своротил).
Поедем-ка с намы в город»
(Я город забыл, в Кеев разве?).
Он согласился: «Поедемте».
Садился оратаюшка на свою кобылку соло-
венькую,
- 40 А сошки с бороздки не выдернул,
Из сошки земельки не вытряхнул:
«Молодой Вольга Святославгович!
Пошли-ка из своих служащих единого,
Пусть мою сошку с бороздки повыдернут,
- 45 Из сошки земельку повытряхнут
И бросят сошку за раки́тов куст».
Послал Вольга единого,
Послал Вольга и десяточек,
А сошки с бороздки не выдернуть,
- 50 А сошку кругом вертят,
И не могут бросить за раки́тов куст.²
Спустился Вольга сам
И сошку с бороздки повыдернул,

---

¹ До сих пор спел, дальше стал сказывать.

² «Господи, како тяжело!». — Замечание сестры исполнителя.

Из сошки земельку повытряхнул,
55 Бросил сошку за ракитов куст.

*(Потом они отправились в город. Не помню больше
ничего. Они купили несколько соли или чего-то).*

141

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Как [с]под славного [с]под города [с]под Муромля,
Из то́го подворья бо́хатырско́го,
Там был старый казак да Илья Муромец.
Он заутреню служил во Муромле,
5 А к обеденке хотел попасть в стольный Киев-град,
Путь-дороженька его призамешкалась.
Как во славном во городе Чернигове
Поприна́гнано силушки татарскойей,
Да й черным черна́, как черна вб́рона.
10 Подъезжает он ко городу Чернигову.
Тут удаленький дородный добрый молодец
Меж собою он да пораздумался,
А й раздумался да распечалился:
«Оставить мне город при погибели,
15 То не честь-хвала мне добру мб́лодцу.
А й пуститься в эту армию великую,
Там есть много князей, много б́ояров,
Много сильниих могучиих бо́хатырей,
А й побьют головушку невинную,
20 Да и бросят головушку под ракитов куст».
Он просил себи бо́ха на́ помочь
И матушку пречисту бо́хородицу,
Пустился в эту армию великую.
Он конём-то топтал и копьём колол,
25 Притоптал эту армию великую.
Подъезжает он ко городу Чернигову.
Выходили мужички да всё черниговцы,
Говорят ему да поклоняются:

- «Ты скажи-ка нам, удаленький добрый молодец,
30 Из коёй орды, из коёй Литвы.
А и как тебя молодца именём зовут,
Молодого величают по отчеству?».
— «Я из славнова из города из Муромля,
Из того подворья богатырскою,
35 Есть я старый козак Илья Муромец».
Говорят ему и поклоняются:
«Ты пойди-ка к нам во город воеводою!».
Говорит-то он таковы слова:
«Я нейдю же к вам во город воеводою,
40 Вы скажите мне дорожку в стольне Киев-град».
Говорят ему и поклоняются:
«Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Никто этою дорожкой не проезживал,
45 Конный-то туды не проезживал,
И пеший ей не прохаживал.
Туды чёрный ворон-птица не пролётывал:
Там есть Соловей-разбойник Идюхматьев сын.
Как засвищет Соловей да й по солóвьему,
50 Да й и залает собака по звериному —
Да й вси травушки-муравы улетаются,
Все лазуревы цветочки высыпаются,
Буйны лесушки к земли да приклоняются,
А и есть людей, то вси мертвы лежат».
55 Тут удаленький дородний добрый молодец
Меж собою он поразадумался:
«Как поехать мни дороженькой окольную —
То й не честь-хвала мне, добру молодцю,
И не услуга от князя от Владимира.
60 А поеду я дорожкой премоезжую».
Он просил сибѣ бога на́ помочь
И матушку пречисту богородицу,
И поехал ён дороженькой премоезжуёй.
Подъезжат он ко Соловьёу-разбойнику.
65 Сидит Соловей на сырѣм дубу,

- У то́го-то он у каменя у Латыря.
Как засвистал Соловей по соловьеву,
И залаяла собака по звериному,
Вси тра́вушки-муравки улетаются,
70 С них лазуревы цветочки высыпаются,
И ё́го-то конь на коленка пал.
Бьёт коня не желу́хоу:
«Ах ты, волчья сыть и травяной мешок!
Ты везти ль не хошь, или нести ль не можь?».
75 Подъезжает он к Со́ловью-розбойнику,
Ударил он па́лицей стопудо́вою
По той по косици по пра́вовой,
Выбил глаз с косицею,
И привязал Соловья к стремени булатному,
80 И поехал в стольне-Киев-град.
Выехал на чисто́ полё,
Увидала Со́ловья старша дочь:
«Едет наш батюшка на добром кони
И везёт-то он мужичища-деревенщину
85 У правава у стремени булатнева».
Посмотрела на Со́ловья сре́дня дочь,
Говорит она таковы́ слова:
«Едет наш батюшка на добром кони,
Везёт-то он мужичища-деревеньщину
90 У правова у стремички булатнева».
Посмотрела на Со́ловья и меньша дочь:
«Едет мужичища-деревеньщина,
Везёт-то нашего батюшку разбитаво
У правова у стремички булатнего.
95 Бежите-ка, зетевья любимыи,
И берете-ка рогатенья тяжолыи,
Выручите татеньку от мужичища-деревенщину!».
Побежали зятевя с рогатеньими
И приходят к казаку Ильи Муромцю.
100 Говорит-то Со́ловей таковы́ слова:
«Побросайте-ка рога́тинки тяжолыи
И просите старо́го козака Ильёу Муромця

- На почестен пир на пированьице».
Побросали рохатенья тяжолыи
105 И просили на почестен пир на пированьице.
Старый козак Илья Муромец
На это не согласен был,
Пустился вперёд дороженькой в стольне-Киев-град.
Приезжает ко князю ко Владимиру на широкий двор,
110 Становил коня он к стойлам,
Сам заходит в светлую в горенку.
Он крест кладёт по писаному.
А поклон ведёт по учёному,
И поклонился на вси на три, на четыре на сторонушки,
115 А князю Владимиру во особину.
Князь Владимир от обеденки пришол
И за столом сидит,
И славныи сильныи мохучии бохатыри.¹
Князь Владимир спросил его:
120 «Откуль ты едешь и куды путь держишь?»
— «Еду я из хорода из Муромля,
Есть я старый казак Илья Муромец».
— «Когда ты выехал из Муромля?»
— «Выехал я после утрени.
125 Путь-дорожка моя призамешкалась:
Во славном во городе в Чернигове
Было нахнано силушки татарской,
Которую я конём топтал и копьём колол,
И притоптал эту армию великую».
130 — «А кой же ты дороженькой сюды прибыл?»
— «Ехал я дорожкой прямоезжею».
— «Прохожая калека, надсмехаешси,
И во глазах, собака, подлыгаешси!
Прямоезжая дорожка заколодела,
135 Нихто этой дорожкой не проезживал,

---

¹ Здесь стал вспоминать. Вспомнил, что пропустил: «Он крест кладёт по писаному» и т. д., сказал, что нужно эти слова вставить раньше. Потом опять стал вспоминать, говоря: «Постой! Постой, не дай соврать».

- И никто ёй не прохаживал.
Там есть Сболовей-розбойник, Идихматьев сын». Говорит-то он таковы слова:
«Сболовей-розбойник на твоём дворѣ,
140 Пристѣгнут к правому ко стремички булатному». Все скочили [э]-за стола на ноги
И пошли на широкій двор
Посмотреть Сболовья-розбойника.
Говорит князь Владимир стольне-киевский:
145 «Велико свистать Сболовью по солбвьему,
И пусть залает собака по звериному». — «Засвищи-ка, Соловей, вполголоса
И залай, собака, вполпокрику!». Говорит Соловей таковы слова:
150 «Не могу я запеть по солбвьему,
И не может собака закричать по звериному:
От больших, тяжолых ударов
Уста мои все кровью запечатались». Говорит князь Владимир стольне-киевский:
155 «Поднесите ему чару зеленá вина,
Не малую стопу — полтора ведра!». Подносили ему чару зеленá вина,
Брал он чару одной рукой,
И выпил чарочку на один дух.
160 Засвистал как Сболовей по солбвьему,
Закричал собака по звериному,
Князь Владимир в кунью шубку укрывается,
Прочии все по улице валяются.
Тут старый козак Илья Муромец
165 Бил его не желухою,
И тут-то Соловью славу поют.

МАРИЯ КИРИКОВНА САРАФАНОВА

Мария Кириковна Сарафанова в год записи (1926) — 45-летняя крестьянка д. Середка Кижского сельсовета Заонежского района. Была замужем, имела детей.

Сарафанова — дочь Кирика Гавриловича Рябинина и внучатная племянница Ивана Трофимовича Рябинина. Могла припомнить только былинку о Дюке, совершенно почти ею позабытую. Начала петь ее очень уверенно, потом стала сбиваться. И только огромным напряжением памяти, эпизод за эпизодом воссоздала помещаемый здесь текст. См. об этом в моей статье «Былины в Заонежье» (Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Л., 1927, стр. 87) и в книге «Былины Севера (I, стр. 75). «Раньше изредка пела, а теперь редко пою и забыла», объяснила сама сказительница.

Былинку, по ее словам, усвоила от деда — Ивана Трофимовича, но сходство ее текста с обеими записями былины о Дюке от Трофима Григорьевича у Гильфердинга и Рыбникова и с текстом пасынка и преемника эпического искусства Ивана Трофимовича — Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина — не позволяет говорить о восхождении варианта Сарафановой к рябининской редакции. Близость к тексту Трухавой (№ 149) заставляет предполагать другой, нам не известный источник. В том же 1926 г. былина о Дюке была вторично записана экспедицией ГАХН (Сок.-Чнч., стр. 474—475).

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Ни что ли белая берёзка нагибается,
Сын со родной со маменькой прощается,
Со честной вдовой Олимфой Тимофеевной:
«Ой ты дай мне, родитель родна маменька,
5 Дай-ка прощеньице-благословеньице,
Мне-ка съездить на ту гору Сорочинскую
И ко этому ко князю стольне-киевскому.
Я везде-то, молодец, побывал,
Только в городе во Киеве вить не бывал,
10 Не видал-то я князя со княгиною,
Со княгиною да стольне-киевской».
— «Да какое вышло дитятко заносчиво,
Ты заносчиво да захвасливо.
Уж ты хвастаешь животишками сиротсками,
15 Сиротсками да вдовичными.
Поезжаешь ты в этот Киев-град,
Как до этого до Киева да города
Есть там заставы да всё великии,
Ой великие да страховитые.
20 Ай да там ведь да и не проехать».
И говорит тут Дюк Степанович:
«Хощь ты дашь мне прощеньице — поеду я,
Хощь не дашь прощеньица —
Я й поеду тут во этот в Киев-град,

- 25 Да ко этому ко князю стольне-киевскому».
Как говорила тут Олимфа Тимофеевна:
«Как до этого до города до Киева
Есть три заставы великии.
Одна й застава есть птицы поклевучии,
30 Друга й застава есть змеи поедучии».
Он по горенке да всё тут похаживал,
Выходил он да в широкий двор.
Он берёт тут узду золочёную,
Он ведь брал, седлал-то бурушку-кавурушку,
35 Выводил он всё со дворика широкого,
Привязал к столбу-то ко точёному
И к кольцу-то золочёному.
Шелковой плеткой тут ведь он-то помахивал,
Громким голосом он всё покрикивал:
40 «И уж ты, конь ли ты аль да лихой зверь!».
Только видли они молодца тут сядуци,
Яй не видели оны молодца поехавши.
Как ведь бурушка-кавурушка поскакивал,
Ай маленький-косматенький провёртывал,
45 С горы на гору да с холмы на холму,
Все реки-то ведь озёры межу нои спущал.
Первы й заставы пришли вить горы потолкучие.
Не успели горы стóлнутьця-растóлнутьця
(Он из дому тут проехал),
Как вить бурушка-кавурушка поскакивал,
50 А ще маленький-косматенький провёртывал,
С горы на гору, с холмы на холму,
Все реки да и озёры межу нои спускал.
Друга застава ведь змеи поедучии,
Не успели змеи хобутов расправити,
55 Ай ще маленький-косматенький провёртывал
С горы на гору да с холмы на холму,
Ай ли реки да и озёры межу нои пушал.
Третья застава тут птицы поклевучии,
Не успели птицы крылышков расправити,
60 Как ведь бурушка-кавурушка проскакивал,

А ще маленький-косматенький провёртывал,
 С горы на гору да с холмы на холму,
 Все реки-то тут озера межу нои спущал.
 Он из дому тут поехал от заутрени,
 65 Ай во Киев-град приехал он к обеденьки.
 — «Как во этоём в городе-то Кееве
 Всеи есть вить там да не по нашему,
 И как домищецки стоят-то будто баенки,
 Да й народ-то там живёт-та неучёный-та,
 70 И как столбы стоят-то там всё тёсаны,
 Да й колечком завернуты нестроганым».
 И привязал он всё тут бурушка-кавурушка
 Да й вить к этому кольцу да тут нестрогану.
 А как овсищецко дал-то всё тут зяблое.
 75 Он ко князю тут заходит ко Владимиру,
 Да й во эту й вить он да во квартиру-то,
 Как этого-то тут князя да Владимира:
 «Уж вы здравствуйте-ка тут вы, рукомойнишки!».
 Говорит тут жена князя Владимира:
 80 «Эта есть-ка тут не рукомойнишки».
 И говорит тут-то Дюк Степанович:
 «Как во нашем-то тут да городе
 Все вить этаки да есть да рукомойнички.
 А ще й где-то здесь Владимир князь?
 85 Как звать-то князя да Владимира,
 Да й Владимира да по отечеству?».
 — «А ще й есть-то здесь да Владимир Алексеевич,
 Он находится у нас во божьей церкви»,
 И он приходит тут во церковь богомольною,
 90 Да й ко этому ко князю ко Владимиру.
 Как стоит-то тут Владимир Алексеевич,
 Он стоит тут да удивляется.
 И он подходит-то ко Дюку Степановичу,
 Он поклон-то тут ведёт-то понизёшенько:
 95 «Уж вы здравствуйте, Дюк Степанович!
 Уж зачем-то тут вы приехали,
 По каким делам вить здесь да вы находитесь?».

Говорит-то тут-ко Дюк Степанович:
 «И вот везде-то всё молодец побывал,
 100 Только в городе во Кееве здесь не бывал,
 Не видал я всё да места тут загнуанного:
 И как во этом во городе во Кееве
 Как домисецки стоят-то быдто баенки».
 — «Это да пойдём-ка, Дюк Степанович,
 105 Всё й во этой во светлы наши горницы».
 И он заводит тут во светлую во светлицу,
 Да во этой во светлой-то светлицы
 Призадёрнуты есть тут столики дубовыи,
 Да й принасланы все скатерти шелковые,
 110 Тут кладены все кушанья сахарные,
 Да й поставлены все питьица медвяные,
 И все й сажены тут за столики дубовыи.
 Наливали эту чару зеленá вина,
 И он выпил эту чару зеленá вина,
 115 Зеленá вина да половиночку.
 Говорит тут Дюк Степанович:
 «Это что у вас вить есть да за наливочка,
 За наливочка да за невкусная?
 И как у нас-то есть да всё наливочки,
 120 Как ведь чарочку тут пьёшь — да другу хочется,
 Ай другой пьёшь — по третьей душа горит.
 Ай закусочки у нас есть да ведь вкусныи,
 Как одну вить съем — да другу хочется,
 Другу возмёшь — по третьей душа горит.
 125 И вы скажите тут, Владимир Алексеевич:
 Вы всё чем да как да тут готовите?
 И как стоят-то тут да бочечки дубовыи,
 Да обручики на бочечках сосновыи,
 Да и печеньки-то там да всё кирпичныи,
 130 Да помельчата есть там да всё сосновыи.
 Из-за этого у вас да всё невкусное.
 Как у нас да бочечки кленовыи,
 Еще у нас печеньки да изразцовыи,
 Да й помельчики у нас да тут шелковыи.

- 135 Да й во этoем у нас тут хлеб пекут,
А ще хлеб пекут да всё гoтoвитца.
Как у нас ведь ест да рукомoйнички,
Рукомoйницы у нас да всё гoтoвят-тo.
Ай гoтoвят-тo oны да хoдят-тo.
- 140 Ай мoя-ка тут рoдитель рoдна мaмeнька
Ест нaхoдится Олимфа Тимoфеевна,
Ай вдова-тo вить и ест да бeспризорная,
И oна гoтoвит эти питьица мeдвяные,
Да й сoи вить всё да кушaнья сaхарные.¹
- 145 Нашe мeстo-тo вить ест да нe былoвoе.
Кoгда пoкушал, стал угoщать Влaдимира:
Он ведь ставил всё питьица мeдвяные:
«Уж ты кушай-кo, Влaдимир Oлeксеевич,
Да зaкусочки у нас да все сaхaрные».

Влaдимир Oлeксеевич стесняeтся, чтo в Киeвe всё хужe, а тaм лyчшe. И идут oни кoня пoсмoтрeть. Дюк гoвoрит прo кoня, кaк oн eхaл, и чтo кoнь нeкoрмлeн. Князь Влaдимир вeлeл хoрoшo пoкoрмить кoня. Пoтoм oни eдут кaтaться. Дюк Стeпaнoвич пo-кpикивaeт нa кoня.

Он прoexaл тут пo гoрoду пo Киeву
И вceгo-тo пять минут.

Кoгда приeхaли, удaрили o вeлик зaкaд, o вeлик зaкaд нa тpи гoдикa, нe пoзжe тpex лeт приeхaть к Дюкy Влaдимирy Oлeксеевичу пoгoстить. Дюк oтпpaвилcя oбpaтнo в cвoй гoрoд. А тoт oстaлся c oбeщaниeм.

---

¹ Вapиaнт cтихoв 143—144:

Да й сoи вить всё да кушaнья сaхарные,
Этoй питьица у нас да всё мeдвяные.

АННА КУЗЬМИНИЧНА ЛУЧИНА

Анна Кузьминична Лучина, которой в год записи (1932) было 74 г., — в прошлом батрачка, жившая в няньках, крестьянка-вдова из д. Куреницы Кижского сельсовета Заонежского района. Из 10 детей в живых осталось четверо дочерей, вышедших замуж. Это была приветливая, тихая старушка с добрыми, грустными глазами.

Как и многие другие крестьянки, большая часть жизни которых относится к дооктябрьскому периоду, А. К. Лучина неграмотная. Научившись от старух на беседах былинам и духовным стихам, она пела их иногда для себя, утешая себя в своей грустной, одинокой жизни. Кроме публикуемой здесь исторической песни «Гришка-расстрижка», спела еще былины-баллады «Братья разбойники и сестра» и «Василий и Софья», которых мы не печатаем, так как никаких новых своеобразных моментов по сравнению с публикуемыми заонежскими вариантами они не заключают. Богатырских былин, которые она называет «старинами», А. К. Лучина слыхала много, но не запомнила. Знала еще «досюльные» песни, протяжные и свадебные.

Все три записанные от нее в 1932 г. песни были в первый раз записаны еще в 1926 г. экспедицией бр. Соколовых (Сок.-Чич., стр. 588—589, 904, 909).

ГРИШКА-РАССТРИЖКА

- Вор Гришка-расстрижка Отрепьев сын
Похотел вор-собака жениться
На самой на меньшей на дочери,
На душечке на Марине на Юрьевной.
5 Свадебку играли в Филипов пос,¹
И венец принимали в великой пос,
Ай дело дотянулось до велика дня,
До великого дни, до христово дни.
Князи-боѣра к обедне пошли,
10 Ко той ли христовьской заутреней,
Вор Гришка-расстрижка во мыльню пошел
Со душечкой Маринушкой со Юрьевной.
Князи-боѣра богу молятце
У той ли христовьской заутренней,
15 Вор Гришка-расстрижка в мыльной моетце
Со своей княгиной великой,
Со душечкой с Мариной со Юрьевной.
Князи-боѣра от обедни пошли
От той ли христовьской заутренней,
20 Вор Гришка-расстрижка со мыльной пошел
Со своей княгиной великой,
Со душечкой Мариной со Юрьевной.

---

¹ Пост.

На Гришки кафтан восемьсот рублей,
На Марины кунья шуба в челу тысячу.
25 «Ай же, Маринушка Юрьевна,
Как придёшь-то ведь ты во высок терем,
Не кланяйся ты князем-боярам,
Не крести-тко ты глаз на крестителей.
Садись-ко, Маринушка Юрьевна,
30 Садись-ко ведь ты за дубовой стол,
Да кушай-рушай белу лебёдушку
Со своим со князем великим».
Не успела Марина Юрьевна
Занести-то она ручки правой
35 Над эту над белу лебёдушку,
Да тут-то она поразлопаласы,
Да тут-то она порастрескаласи
Со своим со князем великим,
Со Гришкой-расстрижкой Отрепьевым.

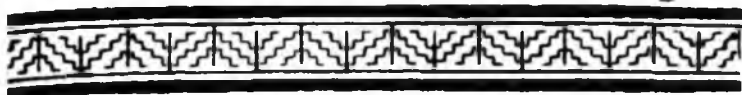
АННА ТИМОФЕЕВНА ТИХОНОВА

Анна Тимофеевна Тихонова — крестьянка д. Боярщина Кижского сельсовета Заонежского района. Записи от нее были произведены два раза: в 1926 г. (см. Сок.-Чич., стр. 531—534, 904, 909) и в 1932 г. Второй раз записаны были те же былины, кроме того баллада «Насильственное пострижение».

В 1932 г. А. Т. Тихоновой исполнилось 60 лет. Это была еще красивая, очень приветливая женщина. Жила она с мужем и своей незамужней дочерью 33 лет, Ольгой Васильевной, — единственной оставшейся в живых из 12 детей.

А. Т. Тихонова — неграмотная. Былинам, которые она называла «старинами», научилась, по ее словам, от старух на беседах в посту. Былины она очень любила и верила в действительность изображенных в них событий. Но пела мало, изредка лишь для себя. Тексты ее отянулись в устойчивую форму, и она легко могла их сказать.

А. Т. Тихонова слышала еще былинку о Чуриле, но могла припомнить лишь несколько первых стихов. Знала еще старинные песни, лирические и свадебные, сказки, духовные стихи.

ПРО СОЛОМАНА

- Собирались на пер сорѣк царѣв,
Сорѣк царѣв да сорѣк кѣролѣв.
Оны вси да на перу да напивалиси,
Оны вси да на перу да наедалиси,
5 Оны вси да на перу да порасхвасталиси.
Умной хвастал золотой казной,
А разумной хвастал отчом-матерью,
А безумной хвастал молодой женой.
Говорил речь прекрасный царь Василий Окулович:
10 «Ай же вы, вси цѣри-бѣяра!
Уж вы знаете супротѣв меня да супротѣвную?
Чтобы ростом она была высокѣшенька,
Чтобы станечком она была становитая,
Бровы чѣрныя были черна соболя,
15 Глаза ясныя были б как у ясна сокола».
А повыскачил Ивашка вор Поваренный:
«Уж я знаю супротѣв тебя да супротѣвную.
Она ростом есть высокѣшенька,
Она станечком есть складнѣшенька,
20 Бровы чѣрны у ней как у соболя,
Глаза ясны у ней как у сокола.
За славным за синим за морюшком,
У тово у цѣря у Соломана,
Есть цѣрица Соломанья».

- 25 Он ударил Ивашка по правой щеке,
Переправил Ивашка по другой стороны:
«Уж ты как увезёшь молоду жену от жива мужа?»
На тое Ивашка не сёрдился,
Уж он бьёт чарю челом да поклоняётца:
- 30 «Ты устрой-ка корабличок небольшенек,
Ты положи туда тонки белы паруса,
Ты клади-ка туда столички дубовыя,
Салфеточки ты положи туда шелковые,
И клади туда кушанья сахарнии,
- 35 Питья клади забудущии,
Ты устрой туда кроваточку тесовую,
Ты клади туда перинушки перовые,
Ты клади туда подушечки пуховые,
Наволóчки клади да крущатой камки,
- 40 Зановесочки клади туда шелковыи,
Столбички устрой да точёные,
Грядочки устрой да золочёнии,
А ты положи-ка туда птиченьки райскии,
Штобы пели они песенки царскии.
- 45 А царю с царицей подарочки,
Царю кунью шубку соболиную,
А царице комóчеку крущатую».
Всё устроил царь, наладил,
Садился Ивашка на корабличек на небольшенёк
- 50 И расправил он ты белые парусы,
И приезжал тут Ивашка за синё морё,
Пристовал он ко крутому ко бёрежку,
И заходил он тут во царской дом.
А царя в то время дома не случилось,
- 55 И подовал он царице подарочки:
Царю кунью шубу соболиную,
А царице камóчеку крущатую.
Подарочки царице в честь пришли.
Говорил тут Ивашка вор Поваренный:
- 60 «Ай же ты, царица Соломания,
Мошно ль мни у вас здесь потóрговать?».

- «Ты торгуй, Ивашка, у нас хоть по год поры,
Да хоть два годѹ, хоть три годѹ,
Пошлены с тебя не надобно».
- 65 Говорил тут Ивашка вор Поваренный:
«Ай же ты, царица Соломания,
Сходи-ка на корабличек небольшенек,
Посмотри-ка ты товару да на судах,
Будет ли чим мне здесь поторговать».
- 70 Скорѣшенько царица одевалася,
Кунью шубыньку одела на одно плечко,
Чѣрны чоботы одела на босу ногѹ.
Приходила на корабличек небольшенек,
Садилась за столичек дубовенькой,
- 75 Кушаньев да тут да принаелася,
Она питьецов да тут да принапилося,
На тесовую кроватку привалилося,
Ослушалася птиченьки райскойей,
Как поѣт она песенки царския.
- 80 Уснула тут царица Соломания.
Не зявал тут Ивашка вор Поваренный,
Он расправил тонки белые парусы,
Отправилси Ивашка в свою сторонушку.
Пробудилоси царица Соломания:
- 85 «Ай же ты, Ивашка, вор Поваренной!
Ты куда же повѣз молодѹ жену,
Молодѹ жену, да от жива́ мужа?».
И нацала царица слѣзно плакати:
«Я от бережка горюша отшатилоси,
- 90 К другому не пришотилоси.
Была бы я баба умная,
Не шла бы на суда червленые
И не пила бы питьев забудущинх».
Говорил тут Ивашка вор Поваренный:
- 95 «Ты не плачь-ка, царица Соломания,
Съѣдим мы да за синѣ морѣ.
Выдам я тебя за дру́гого,
За прекрасного царя Васи́лия Оку́льева».

Приезжал-то ён Ивашка в свою сторону,
 100 Приставал-то он ко крутому ко бѣрежку,
 Увидал прекрасный царь Василий Окулович,
 Выходил встрѣтить царицу Соломанию.
 Брал её за рученьки за белые,
 За персни за злочѣные.
 105 В божью черьков оны сходили,
 Златы венцы они приняли,
 Жили оны с ним три году
 И боялись Соломана на кажен день.
 И приходил тут Соломан
 110 Нищею колейкой волокидной,
 И царя в то время дома не случилось.
 И говорит царица Соломания:
 «Ай же ты, калека волокидная!
 Ты садись-ка иди во кован дарец,¹
 115 То как придет прекрасной царь Василий Окулович,
 Он снимет тебе буйну голову».

И посадила ево во кован дарец.
 Приходит домой прекрасный царь Василий Окулович.
 Говорит ему царица Соломания:
 120 «Которого мы три году боялись,
 Тот сидит под бабьей . . . . .,
 Ты иди-тка, прекрасный царь Василий Окулович, во
 чисто полѣ,
 Ты наметь-ко три петѣлки шелковыи:
 В одну петѣлку он пройде хитросью,
 125 А в другу петѣлку он пройде мудросью,
 А в третью петелку подавитце».

И наладили в чистом поли петелки шелковых.
 Привели Солóмана в чисто полѣ.
 Перву петелку он пройде хитросью,
 130 Другу пѣтелку да прóшел мудросью.
 Говорил тут Солóман царям-бóярам:
 «Ай же вы, вси цари-бóяра!

¹ Ларец.

- Дайте мни вольную волюшку.
Я со малово со ребячесьва
135 Ходил по пастушкам да по работничкам,
Я любил трубить во турий рог.
Дайте мни вольнюю волюшку
Затрубить-то мни во турий рог».
Говорила тут царица Соломания:
140 «Ай же ты, прекрасный царь Василий Окулович!
Не давай ему вольнёей волюшки
Трубить да во турей рог:
У ево есь сила сильняя, сила великая —
Кони и люди есь крылатыи».
145 Не послушал царь, дал волюшку
Затрубить ему во турей рог.
Как затрубил Соломан во турий рог,
Во морях вода да сколыхалоси,
А в озёрах вода да приудрогнула,
150 А во реках вода да приусохнула,
С дерев да лис[т] посыпалси,
Окбл морё да пошел шум велик.
Говорят вси царі-ббѣра:
«Это што же идёт шум велик?».
155 — «Это летят кони-люди крылатыи,
А летят смотреть на царьскую смерётушку».
Налетело тут коней-людей крылатыих,
В первую петелку повёсели Ивашку вора Поваренина,
А в другу петелку повёсели
160 Прекрасново царя Василия Окуловича.
Говорит тут Соломан царице Соломанией:
«В первой винушки тебя боѣ простит,
Што ты шла на насады цѣрвленныє.
В другой винушки тебя боѣ простит,
165 Что ты пила питья забудущи,
А в третьей винушки я не могу простить,
Што посадила ты меня во кован дарец
И велела ты наладить три петелки шелковых».
Ну так тут ю и повесили

ДЕВЯТЬ СЫНОВЕЙ И ОДИНАКАЯ ДОЧЬ

- Была да жила удовушка,
Было у удовушки девять сыновей
Да одинакая дочь.
Все сыновья во разбой пошли,
5 Одинакую дочь замуж выдала
За славной за синей за морюшко,
За шумячо за гремячо за Онегушко.
Она годик-то жила и не думала,
Другой жила — в умах не было,
10 На третий год стосковаласи
По своей по родимой по сторонущи,
По своей по родители по маменьки.
На четвёртой годушок собераласе,
На пятой годушок даваласи,
15 На шестой годушок гостинцики пёкла,
На сёмой годушок мужа звала,
На восьмой годушок поехали.
Сделалась на морюшке погодушка,
Прибило их ко крутому ко бережку,
20 Вышли на путь на дороженьку,
Попало им встречу девять разбойников,
Мужа убили, ю во полон к себе брали.
Тут все разбойнички спать улеглись,
Один разбойник богу молитце,
25 Богу молитце, у ей выпрашивают:
«Каково ты роду, каково племянки,
Поповського ты роду, аль дяковського,
Крестьяньського ты роду, аль боярьського?».
— «Ни поповського я роду ни дяковського,
30 Ни кресьяньського я роду ни боярьського:

Была да жила удовушка,
Было у удовушки девять сыновей
Да одинакая дочь,
Вси сыновья во разбой пошли,
35 Одинакую дочёрь замуж выдала
За славной за синей за морюшко,
За шумячо за гремячо за Онегушко.
Годик я жила — ни думала,
Другой жила — в умах не было,
40 На третий год стосковаласи
По своей по родимой по сторонущи,
По своей по родители по маменьки.
На четвёртой годик собераласи,
На пятой годушок даваласи,
45 На шестой годушок гостинцики пекла,
На сёмой годушок мужа звала,
На восьмой годушок поехали.
Сделалась на морюшке погодушка,
Прибило нас ко крутому ко бережку,
50 Вышли на путь на дороженьку,
Попали вы настречу нам».
Разбойник-то и расплакалсѧ:
«Ставайте вы, братцы родимыи мои, —
Мы мужа-то убили, сестру во полон взели».
55 Тут вси розбойнички расплакались.

146

ДЕВЯТЬ ДОЧЕРЕЙ И ОДИНАКОЙ СЫН

Было у удовушки девять дочерей,
Девять дочерей, одинакой был сын.
Вси оны ходили по божьим церквам,
Вси оны пели «господи божа».
5 Одна-то Софеюшка промолвиласи,
Думала сказать «господи божа»,
А сказала «братец Васенька, потронься-жо сюда».

Узнала Васильева маменька,
 На гривенку купила зелена ви́па,
 10 На другую купила зелья лютого,
 Василью подносила зелёнова вина,
 А Софеи подносила зелья лютого:
 «Васильюшко, пей да Софеи не давай,
 Софеюшка, пей да Василью не давай».
 15 Софеюшка пила да Василию поднесла,
 А Васильюшко пил да Софеи подносил.
 Тут оны оба преставилиси.
 Васильюшку гробок она повызолотила,
 А Софеюшке гробок она повыкрасила,
 20 Василья хоронили на правую руку,
 А Софею хоронили на левую руку.
 На Василье выросло кипарисно деревцо,
 А на Софеи выростала золотая верба.
 Они веточки с веточками свивалиси,
 25 А листочки с листочками смешалиси,
 Старой-то идёт да он наплачетце,
 Повеловеку ¹ идёт — тот надивуетце,
 А малой идёт — он натешитце.
 Прознала Васильева маминька,
 30 Хватила тупиченку неточёную,
 Кипарично деревцо она повырубилла,
 Золотую вербу она повыврала.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ

Татинька с маменькой спбровали,
 Меня бедную на горе спбродили.
 Татенька скажо — замуж дочь отдать,
 Маменька скажо — во старчи постричь.
 5 Татинька пошол ровно за двадцать вёрс,

¹ Вместо «полувеку»

Маменька пошла ровна за десять вёрс,
Зглянула я в окошечко — маменька идёт,
Маменька идёт, за собой старца ведёт,
Старец идёт, в руках ножницы несёт.

10 — «Садись-ко, мое дитятко, на золотой стул».

— «Погоди-тко, моя маменька, в баёнку схожу».

— «Сходишь, моё дитятко, в келью идущи,

В келью идущи, богу молючи,

«Садись-ко, моё дитятко, на золотой стул».

15 — «Подожди-тко, моя маменька, с подругой прош-
шусь».

— «Простишьсе, дитятко, в келью идучи,

В келью идучи, богу молючи.

Садись-ко, моё дитятко, на золотой стул».

— «Подожди-тко, моя маменька, в окошечко згляну»

20 Зглянула в окошечко — татенька идёт,

Татенька идёт, за собой князя ведёт,

Князь-то идёт, золотой венец несёт.

Схватила тут матушка ю за русу косу,

Бросила ю матушка о сыру землю:

25 «Тут тебе, дитятко, век вековать,

Век вековать, царьсьво царьсьвовать».

Татинька мой да русу косыньку нашол:

«Чья это, чья это косынька лежит?

Косынька лежит моей доченьки».

АГРИППИНА ФЕДОРОВНА ТРУХАВАЯ

В 1932 г. — колхозница 53 лет, из д. Липовицы Кижского сельсовета Заонежского района, где жила с мужем, его двумя сыновьями, невесткой и внуками. Приветливая, общительная, очень скромная. В городах, кроме Петрозаводска, А. Ф. Трухавая не бывала. Грамоты не знала.

Былинным текстам А. Ф. научилась, по ее словам, еще лет девятнадцати, слушая, как дядя читал их по книге. Сам же дядя былин не знал. Много слыхала былин и в исполнении стариков, от которых переняла напев. Таким образом, на былинах ее сказало и влияние живой устной традиции.

Тексты А. Ф. Трухавая помнила твердо, могла и спеть и сказать словами. Но пела былин только для себя, за работой. При других петь стеснялась и знание былин держала в большой тайне. Называла их и «былинами» и «старинами» и была убеждена в действительности изображенных событий. В семье никто, кроме нее, былин не знал.

Репертуар ее интересен тем, что содержит такие редкие в настоящее время былины, как «Михайло Потык», «Добрыня и Змей». Последняя, в исполнении А. Ф. Трухавой, так же как и былина о Дюке, отличается полнотой и стройностью композиции.

Кроме былин, А. Ф. Трухавой известны были старинные песни, протяжные и свадебные, сказки и духовный стих об Алексее, человеке божьем.

БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ

Как не белая ль берёза нагибаетца, —
 Сын со родной со матушкой прощаетца:
 «Дай прощеньице мне, благословеньице
 На Пучай-реку купатися

- 5 И окунуть-то мне тело богатырское во ручей.
 — «Но не дам тебе прощеньице-благословеньице:
 Как Пучай-река-то есть страховитая,
 Страхсвитая, сама угрюмая.
 Не послушался Добрыня родной матушки,
 10 А пошел-то он на широкой двор,
 Выбрал он себе самолучшего жеребчека.
 Как седлал-то он его усёдлывал,
 Кладывал он туда подпруги крепкии,
 Чтоб в чистом поли конь спод седлушка не выскочил,
 15 Добра молодца Добрыню не выронил.
 Как поехал тут Добрыня Микитен сын,
 Днем-то еде он по красному по солнышку,
 Ночью едет по светлomu по месяцу.
 А денечек за денечком, быдто дож дождит,
 20 А неделька за неделкой, что река бежит.
 Как приехал тут Добрыня ко Пучай-реки.
 Да скочил-то он со добра коня.
 Да уж стал он во Пучай-реки купатися,
 Как в краю ныркoм пойдёт, [к] другому вынырнет.

- 25 Уж как вспомнил тут Добрыня родну маменьку:
«Что сказала мне родна маменька,
Что Пучай-река есть страховитая,
А страховитая да угрюмая,
А Пучай-река не страховитая,
30 Не страховитая, не угрюмая». И вдруг ни тёмные ведь теми призатемели:
Как летит к нему змеинище,
Змеинище Горынище о шести хоботах.
Вдруг увидела она Добрыню во Пучай-реки
35 И схватила его со Пучай-реки.
Как вспомнил Добрыня родну маменьку:
«А теперь пришла мне кончинушка!». Поглядел-то он по крутому по бережку,
Как увидел шляпу подорожную,
40 Эту шляпоньку подхватывал,
Одной рукой он поганую захватывал,
Другой рукой он подмахивал.
И тут ему змея смолилося:
«Какой же ты, Добрыня брат,
45 И так будь, Добрыня, братом большим,
А я буду сестрой мёнъшею,
Чтобы не летать во святую Русь,
Не носить в полон народу христианского,
А тоби-то, Добрыня Микитен брат,
50 Не ездигь на гору Сорочинскую». Они тут с ею поразъехались,
Поднималоси змея высоко под облаки.
Да летела ведь она да на святую Русь,
А там пошла-то княжеецкая племянница,
55 Пошла с няньками да с мамками,
Да гулять она пошла во чисто полё.
Как увидела змея проклятая,
Да низко она к земелюшке припадала,
Ухватила княжевецкую племянницу
60 Да молоденьку Забавушку Путятичну.
Ну как приехал он к родитель-матушке:

- «Уж как дай-ка, дай, родитель моя матушка,
 Уж как дай мне прощеньице-благословеньице,
 Да сходить-то мне ко князю на почестен пир».
- 65 — «Ай же, мое чадочко любимое,
 Уж ты, дитятко Добрынюшка Никитенец!
 Уж как ешь-ка ты досьи,
 Уж как пей-ка ты досьяна,
 А держи бесчётной золотой казны по надобью,
 70 Не ходи ты ко князю на почестен пир».
- Как не послушался Добрыня родной маменьки.
 А пришол-то он ко князю на почестен пир.
 Как пришол-то он ко князю на почестен пир.
 Выходил-то он 'тую ль во гридню во светлую,
 75 Крес ведёт да по писаному,
 А поклон ведёт да по учёному,
 Сам клонитце на вси на три сторонушки,
 А князю солнышку он кланятце на особину.
 Проводили гостя в место б'ольшое,
 80 Да садили гостя за дубов за стол,
 Подносили гостю чару зелена вина.
 Уж как стал князь по горенке похаживать,
 Да стал он жолтыма кудёрками потряхивать:
 На кого мне наложить мне служебка не малая,
 85 Не малая мне служебка, великая?
 Кто ли съездит на тую гору Сорочинскую,
 Хто отыщет мне любимую племянницу
 И молоденьку Забаву дочь Путятичну?».
- Уж как старшини туляютьца за средних,
 90 А ведь среднини туляютьца за меньших,
 А от меньших-то князю и ответа нет.
 А Вольга сказал таковы слова:
 «Ай же, князь Владимир стольно-киевский!
 Я знаю, на кого тебе наложить служебку не малая,
 95 А не малая ведь служебка — великая,
 На тово ли на Добрыню Микитенца.
 Он вчерашний день билсэ со змеёю со великою,
 Называласи змея сестрой меньшей,

- Называла Добрыню братом старшим;
100 Он выпросит у змеи у великия,
Он без бою, без драки, без кроволития».
Князь говорил: «Ай же ты, Добрынюшка Никитенец!
Поезжай-ка ты во гору Сорочинскую,
Ты отыскивай молоденьку племянницу.
105 А не отыщешь ты молоденькой племянницы —
Прикажу тебе, Добрыня, голову рубить».
Закручинился Добрыня, запечалился,
Да пошел-то ко полатам белокаменным,
Он ко своей ко родители ко маменьки.
110 Как садилсѧ он да за дубовой стол,
Он склонил он свои очи ясныя
Низко понизку в кирпичной пол,
Дак сидит, не словечком не промолвитца.
Подходила к нему старая старушенька,
115 Стала молодца Добрынюшку выпрашивать,
Стала молодца Добрынюшку выведывать:
«Ай же, мое цadoцко любимое,
Уж ты дитятко, Добрынюшка Никитич млад!
Уж как место тебе в пиру было не почето,
120 Али чарочкой тебя поббнесли
Али пьяница-дурак тебя поббозвал?».
Говорил-то тут Добрынюшка Никитич млад:
«Уж как место-то в пиру мне было почето,
Уж как чарочкой меня не обнесли,
125 А наложил-то князь служебку не малую:
Надо съездить на ту гору Сорочинскую,
Да ко тым-то ко печерочкам змеиним,
Отыскать-то княжеецкую племянницу,
А молоденьку Забавушку Путячечну».
130 И говорила тут Добрыне родна матушка:
«Уж как богу-то молись да спать ложись.
А ведь утро мудро, а ведь день мудер пребыточне
Уж как есь-то ведь у нас да дедков конь,
Во назьму стоит да призарощенный».
135 Ну, Добрыня богу молилсѧ и спать ложилсѧ.

- Как поутрушку вставал он ранёшенько,
Умывалсэ он водою побелёшенько,
Утиралсэ полотенцем он посушенько,
Уж как шол-то он да на стоялой двор,
140 Уж как дверь-то он оттудова повыломал,
Уж как дедкова коня-то повиыташил;
Как сегдаал-то он его, усёдывал,
Кладывал еще подпруги крепкия,
Как не ради красы-босы да молодецкой —
145 Только ради он укрепы богатырской:
Чтобы добрый конь спод седёлушка не выскочил,
Добра молодца в чистом поли не выронил.
А подходила тут к Добрыне родна маменька,
На поезде дала ведь Добрыне плёточку,
150 Плёточку семи шелков,
Как семи шелков да всяких разных:
«Уж как станут змеёнуши ноженьки подтачивать,
А не станит твой добрый конь подскакивать, —
Ты хлещи промеж уши да промеж заднии ноги».
155 И отправляла тут Добрыню родна матушка
В дальнюю дорожку распечальную,
В распечальную она да в страховитую.
Как поехал тут Добрыня Микичий брат,
Днём-то еде он по красному по солнышку,
160 Ночью едет он по светлому по месяцу,
Уж как денечек за денечком, будто дож дождит,
А неделька за неделкой, что река бежит.
Как приехал тут Добрыня Микитен брат
На ту гору Сорочинскую,
165 Как тут стали змеёныши подтачивать,
Тут не стал-то его добрый конь подскакивать,
Уж как вспомнил тут Добрыня родну матушку,
И спомнил плёточку Добрыня эту шолкову.
Как уж стал хлестать промеж ушей, промеж заднии ноги,
170 Тут уж стал его добрый конь подскакивать,
Да стал-то он змеёнышей притаптывать,
Притоптал их всих до единого.

- Ну как потом скочил да со добра коня,
Уж как ладит итти ко печёрам ко змеинным,
175 И как вдруг летит Зменинице Горынище,
Как несёт-то в хоботах-то тело мёртвое.
Увидала вдруг Добрыню Микитенца,
Упустила с хоботов да тело мёртвое:
«Ай же ты, Добрыня Микитен брат!
- 180 Положили заповедь великую,
Что не ездить тебе на гору Сорочинскую,
А ты приехал на нашу гору Сорочинскую,
Притоптал тут всех моих детёнышей». —
«Ай же ты, сестричушка названая!
- 185 Я ли тут положил заповедь великую,
Аль сама-то ты, змея проклятая.
А с тых-то походушечек великих
Да ты литела да прямо на святую Русь,
Да унесла-то ты княжевецкую племянницу,
190 А молоденьку Забавушку Путятичну.
Дак ты отдай-ка мне Забавушку Путятичну,
Ты без бою-то без драки, без кроволития».
— «Ни отдам тебе княжевецкой племянницы.
Притоптал ты всих моих детёнышей».
- 195 Похватила она тут Добрынюшку,
И стали оны тут со змеёю бытыцэ-ратитьцэ.
Уж как вспомнил тут Добрыня родну матушку,
Вспомнил плёточку семи шелков,
Уж как левою рукою поганую захватывал,
200 Стал хвистать-то он змею проклятую,
Похлыстал-то он её на мелкие на часточки.
И он билсэ с нею, ратилсе
Не много-то не мало — трое суток,
А стоял в змеиной крови трое сутоки.
- 205 А потом-то говорил Добрынюшка Микитенец:
«Расступись-ка ты, мать сыра земля,
Не на много, не на мало — на три четверти,
Обери-тка ты всю кров поганую».
Потом пошел тут Добрынюшка Микитен брат

- 210 Да ко тым-то ко печёрам ко змеинным:
Там задёрнуто заслонама-то меднома,
Да подпёрто подпорама железнама.
Уж как железные подпоры он прочь отбрасывал,
Да уж медные заслоны он прочь отдёргивал.
- 215 Там уж несколько сидит царей-царевичей,
Там ведь несколько князей-князевичей,
Там ведь несколько могучих богатырей,
Прочеей-то силы так и сметы нет.
— «Уж как ай же вы вси цари-царевичи,
- 220 Уж как ай же вы вси князи-князевичи,
Да сильнии могучии богатыри!
Уж как подьте же вы вси на вольну волюшку,
По своим по сторонам, да по своим домам!».
Только нету тут Забавушки Путятичны.

Прошел туды дальше, она на стену прибита, не мертва,
а издевленность над ней.

- 225 «Уж какая же ты, Забавушка Путятечна,
Из-за тебя я ездил-странствовал,
Из-за тебя я со змеёй ратился,
Из-за тебя я пролил кров поганую».
Ну как садил-то он ю да на добра коня,
- 230 Да повёз ко городу ко Кееву,
Да ко тому ко князю ко Владимиру.
— «Ай же ты, Добрыня Микитенец брат!
За твою за служобку великую
Назвала бы я тебя желанным дядюшкой,
- 235 Мне назвать тебя так и не мочи.
Ай же ты, Добрынюшка Микитенец брат!
За твою за служобку великую
Назвала бы тебя братиком родимым —
Мне назвать тебя так и не мочи».
- 240 Как привёз-то он ко князю ко Владимиру:
А подъезжает к полатам белоканным,
Как стречее-то ево родитель-матушка.
Говорит Добрынюшка Микитенец:
«Уж какая ты, родитель родна матушка,

- 245 Дай прощеньице ты мне благословеньица
Сходить ко князю на почестен пир».
— «Уж какой моё чадушко родимое,
Уж как пей, Добрыня, ты дѡпяна,
Уж как ешь-ко ты, Добрыня, дѡсыта,
250 Не ходи-ка ты ко князю ко Владимиру!».
Не послушалсѧ Добрыня родной матушки,
А пошол-то он ко князю на почестен пир.
Как зашол-то он во тую гридню светлую,
Во столовую во новую во горничку,
255 Крес ведѣт да по писаному,
Поклон ведѣт да по учёному —
Сам клонитцѧ на вси на три сторонушки,
Князю-солнышку он клонитца в особицу.
Как проводили гостя в место бѡльшее,
260 Да садили гостя и за дубов за стол,
Подносили гостю чару зеленѧ вина.
Говорит-то князь Владимир стольно-киевской:
«Уж как ай же ты, Добрынюшка Микитенец!
За твою за служобку великую,
265 За твою за служобку не малую
Ты торгуй у нас во Кееве
Века пѡ веку и века дѡ веку».
Уж как про Добрыню старину поют
Морю тихому на утѣшение,
270 А добрым людям на послушание.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Как не белая берѣза нагибаетцѧ,
Сын со родной со маменькой прощаетцѧ,
А с чесной вдовой Омелфой Темофеевной:
«Уж как дай-ка дай, родитель родна маменька,
5 Дай прощеньица мне-ка благословеньица
Уж как съездить-ка мне-ка Дюкушку во Кеев-град

- Поглядеть-то мне-ка князя со княгиною.
Как везде-ка я Дюк побывал,
Не бывал только во Киеве,
10 Не видал-то я князя со княгиною».
— «Как не дам тебе прощеньица-благословеньица
Уж как ехать тебе Дюкушке во Кеев-град:
Как до Кеева три заставы великих,
Перва застова есть горы поталкучии,
15 Друга застова есть змеи поклевучии,
Третья застова есть птицы поедучии, —
Уж как тут-то тебе Дюку не проехать».
— «Уж как этим-то меня не уговаривай.
Дашь прощеньице — поеду я,
20 Ай не дашь прощеньице — поеду я».
— «Уродилось моё дитяtko заносливо,
Ты заносливое дитяtko, захвастливое.
Уж ты хвастаешь животнишкамы сироткима,
А во Кееви-то люди все слухавые,
25 Изведут тя Дюка ни за денежку».
Уж как шол-то он на стоялый двор,
Выберал-то он самолучшего жеребчека,
Как седлал-то он его усёдывал,
Кладывал-то он подпруги крепкии,
30 Как не ради красы-босы молодецкой,
Только гля-ради укрепы богатырской,
Чтобы добрый конь спод сёделушка не выскочил,
Добра молодца в чистом полі не выронил.
Выводил коня да со стоялого,
35 Привезал коня ко столбу да ко точёному,
Ко кольчу коня да к золочёному.
Отошол-то он ведь прочь, да всё дивуется:
«Ах ты, мой ли ты конь али лютый зверь?».
Только видли оны молодца вед сядучи,
40 А не видли оны молодца поедучи.
Как поехал ведь боярин Дюк Степанович,
Положил-то он заветы крепкии,
Что дома-то стоял заутрену,

- А во утро-то поспеть во Кеев-град, к обеденке.
- 15 Как приходит-то первая застава великая:
Пришли горушки да тут да поталкучии.
Только горушки растолнулись не столнулись,
Все ли горушки-то бурушка проскакивал,
Все ли маленький косматенький провёртывал.
- 50 Берега-то все озёра промеж ног спускал,
С горы на гору да с холма на холму.
Друга застава приходит да великая:
Пришли птиченьки да тут да поедучии.
Не успели птицы крылушков расправлять,
- 55 Все ли бурушка-кабурушка проскакивал,
Маленький косматенький провёртывал,
Берега-то вси озёра промеж ног спускал
С горы на гору, с холмы на холму.
Третья застава приходит-то великая:
- 60 Пришли змеи-то да поклевучии.
Не успели змеи хобутов расправлять,
Все ли бурушка-кабурушка проскакивал,
Маленький косматенький провёртывал,
Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
- 65 С горы на гору да с холмы на холму.
Тут приехал ведь боярен Дюк Степанович
Да уж еде прямо на княженецкой двор.
Привезал коня к столбу он ко точёному
Да к кольчу коня он к золочёному,
- 70 Проходил во тую гридню во светлую,
Во столовую во новую во горничку.
Крес ведёт да по писаному,
Поклон ведёт да по учёному,
Сам клонитце на две, на три на сторонушки,
- 75 Княгине-солнышку он клонитце в особичу:
«Ах ты здравствуешь ли ты да рукомойница!».
— «Ай же ты, захопина боярская,
Запитуниха ты деревенская!
Княженецкую жену да называешь рукомойницей!».
- 80 — «В этом ты на меня не прогневайся,

- Как во нашей во Индии да во богатой,
Во той во Галичи во проклятой,
Как у моей у родитель у маменьки
В этаких платьях ходят рукобойницы.
- 85 А гди же князь Владимир стольно-кеевской?».
— «А князь Владимир к обедне ушол».
Он тут назад и поворот держал,
Шол во черковь божию.
Как пришол во черковь божию,
- 90 Крес ведёт да по писаному,
Поклон ведёт да по учёному,
Сам клонитце на две, на три сторонушки.
Князь Владимир стоит на правом крылосё,
А Самсонушка Самойлович на левом крылосё.
- 95 Отошла-то ранняя обеденка,
Подходил к нему князь Владимир стольно-кеевской,
Подходил к нему Самсонушка Самойлович,
Стали молодца выпрашивать,
Стали молодца выведывать:
- 100 «Ты с какой земли да с какой орды,
Ты коёва отча да коёй матушки?».
— «Уж я есь со той со Индии богатой,
Да со той со Галичи проклятой,
Да чесной вдовы Омелфы Тимофеевны,
- 105 Я приехал поглядеть да князя со княгиною,
Ехал я дорожкой прямоезжей,
А домо-то стоял у заутренней,
А во Кеев-град поспел к обеденке».
Говорит Самсонушка Сомойлович:
- 110 «Во глазах собака насмехаетца:
Прямой дорожкой прямоезжей
Есь три за́ставы великих».
Так пошли оны по городу по Кееву.
Как идёт-то ведь боярин Дюк Степанович,
- 115 На сапоженьки он идёт да всё поглядыват,
С ноженьки на ноженьку выступыват,
С плечика на плечико посматриват.

- И говорит-то тут Самсонушка Самойлович:
«Во глазах собака насмехаетца —
- 120 Он убил каково-то боярина,
Уж как снял с него да цветна плачыча,
Да в тых платьях ходит здесь да выхваляетца».
И говорил-то тут боярин Дюк Степанович:
«Этым, князь, да ты на меня не прогневайся,
- 125 Говорили Киев-град в чести в добри,
А во Кееве да всё да не по нашему:
Как во нашей во Индии богатой,
Во той ли во Галичи проклятой,
Как у моей у родитель у маменьки
- 130 Принастланы мосточки дубовые,
Кладены наручники калиновы,
Принас[т]ланы суконочки бархатны,
Как идёшь-то — ведь сапожка не грязнятца,
А не грязнятца, а только чистятца».
- 135 Ну как пришли они на княженецкий двор,
Как пришол-то тут Дюк Степанович:
«Ай же мой ты бурушка-кабурушка,
Уж какой же ты мой богатырской конь,
Не хотел ты ись пшена да белояровой,
- 140 А тут насыпано овсишко зяблого».
Приводили гостя в гридню светлую,
Во столовую во новую во горенку
Да садили гостя за дубов за стол,
Уж как стал-то гостюшко колачики метать.
- 145 Уж как верхнюю-то корочку на стол кладёт,
А ведь нижнюю корочку под стол мечет,
А мякишко только скушает.
Подходил к нему Самсон Самойлович:
«Уж как што же ты, боярин Дюк Степанович,
- 150 Верхнюю корочку на стол кладёшь,
Нижнюю-то корочку под стол мечешь,
А мякешку только кушаешь?».
— «Этым, князь, ты на меня да не прогневайсе:
Говорили — Кеев-град во чести-добри,

- 155 А во Киеве да всё да не по нашему:
Как во нашей во Индии богатой,
Да во той во Галичи проклятой,
Да у моей родитель-маменьки
Уж как бочечки ести ведь дубовыи,
160 Обручики золочёныи.
Уж как там у нас и колачи месят,
А печеньки у нас изразцёвыи,
Помялышки у нас да ведь шелковыи,
А уж там у нас и колачи пякут,
165 Как калачик съешь — другово хочитце,
Другой съешь — по третьему душа горит,
А третий съешь — четвёртый вон с ума нейдёт.
А не так, как у вас во Кееви!
У вас здесь во Киеви
170 Бочечки-то есь сосновые,
Обручики-то есь еловые,
А уж там у вас калачики месят,
А печеньки кирпичныи,
А там у вас и колачи пякут».
175 Подносили гостю чару зелена вина.
Половину расплескал он по горенке,
А другую за окно вылил.
«Этим, князь, ты на меня не прогневайся.
Говорили Киев-град в чести в добри —
180 Как во той ли во Индии богатой,
Да во той ли во Галичи проклятой,
Как у моей родитель-маменьки
Да бочечки-то есте ведь дубовые,
Да обручики везде да золочёные.
185 Да уж там у нас и вино держитцэ.
Чару выпьешь, — губыньки слепаютцэ,
Другу выпьешь — по третьей ведь душа горит,
А третью выпьешь, — а четвёрта вон с ума нейдёт.
А не так, как у вас во Киеви.
190 А во Киеви у вас бочечки сосновыи,
А обручики еловыи,

- Там у вас и вина держатца».
- Подходил к нему Самсонушка Самойлович:
«Да какой же понаехал богатырь Дюк Степанович,
195 Что ничим ево не мочи уштрафити.
Уж как станем-ка битьцэ о велик заклад,
О велик заклад да на три годичку,
Ходить во черьков божию,
У которого лучше одёжа будет,
200 Которой которово перефарщивеет».
- Говорил-то тут боярен Дюк Степанович:
«А тиби просто, Самсон Самойлович,
Битьце о велик заклад.
Сам-то ты при доми, да и одёжа у тя при доми,
205 А у меня платьев что на сибя,
А хлеба что и в брюхе».
- Ну побился он с Самсоном о велик заклад,
О велик заклад да на три годичку.
И сел-то он ко столличку дубовому,
210 Да писал-то он скоропивчатую грамотку,
Он ко своей ко родитель ко маменьке:
«Ай же ты, родитель моя маменька,
Уж мы бьёмся со Самсоном о велик заклад,
О велик заклад на три годичку,
215 Чтоб ходить нам в черьков божию,
Штобы кажин день было бы платье сменное,
Платье сменное, платье цвётное,
Штобы лучше того цвету не было».
- И шол он на стоялой двор,
220 Заседал он бурушку-кавурушку:
«И ты бежи-тка, бурушка-кавурушка,
И мой ты богатырской конь,
Ты ко своим бежи любимым конюшенкам,
Да зарычи-ко там да ясным ясыком,
225 Ясным ясыком да ясным соколом».
- Как прибежал бурушка-кавурушка
Ко своим ко любимым конюшенкам,
Зарычал да ясным ясыком,

- Ясным ясыком да ясным соколом.
230 Как услышала Омелфа Тимофеевна
Да побежала ведь она да на стоялый двор:
«Ай же, мое чадушко любимое,
Боярин Дюк Степанович,
Решил-то он верно младую головушку —
235 Прибежал только бурушка-кавурушка».
Стала бурушка рассёдлывать,
Увидала скоропивчатую грамотку,
Скоро взяла распечатала:
«Уж как ай же вы, мои слуги верные,
240 Как кормите коня да скоро на́скоро,
Скоро на́скоро, да сыто на́сыто!».
А сама взяла да золоты ключи,
Да пошла одёжицы налаживать,
Одёжу всю на три года собрала,
245 Заседлала коня и отправила.
Прибежал-то конь на княженецкой двор,
Зарычал-то он да ясным ясыком,
Ясным ясыком да ясным соколом.
Выходил-то тут боярин Дюк Степанович,
250 Расседлал-то он бурушку-кавурушку,
Вынимал всю одёжу драгоценную.
Ну и стали тут они с Самсоном Самойловичем
Ходить во церьков божию.
Не может перефорсит Самсон Самойлович Дюка Сте-
пановича.
- 255 Уж по третий год и по последний день
Надо притти во церьков божию,
Уж как кто ково перёфорсит,
У которого одёжа будё лучше.
Стоит боярин Дюк Степанович на правом крылоси,
260 Самсон Самойлович на левом крылоси.
А как пришол князь Владимир стольно-киевской,
Поглядел-то он на Самсона Самойловича:
У Самсонушка Самойлова. . . .¹

¹ Описание одежды забыла. — *Примеч. собирателя.*

Как стоит боярин Дюк Степанович,
265 Да у него одёжа на сибѣ вся драгоценная
Во лби-то пекёт да красно солнышко,
По косицам у него часты звёздочки.
Как поглядел-то князь Владимир стольный-киевский.
«Уж как ай же ты, боярин Дюк Степанович,
270 Перефорсил-то ты Самсонушку Самойлово».
Походит опять Самсон Самойлович к Дюку
Степанову:

«Ай же ты, боярин Дюк Степанович,
Уж как станем битьце о велик заклад,
О велик заклад, да о буйных головах,
275 Што которой на Пучай-реки
С конём угодит, тому и голова рубить».
Говорит-то тут боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, Самсон Самойлович,
Тебе просто битьце о велик заклад,
280 Как ты сам-то естє при доми,
Да и конь-то при доми».
Но всё-таки побились о велик заклад,
О велик заклад да о буйных головах,
Што которой о Пучай-реки с конём упадёт,
285 Тому и голова рубить.
Уж как шол-то тут боярин Дюк Степанович,
Да шол-то он на княженецкой двор:
«Уж как ай же ты, мой бурушка-кавурушка,
Уж как билися мы с Самсоном о велик заклад,
290 О велик заклад да о буйных головах:
Который на Пучай-реки падёт с конём,
Тому и голова рубить».
Конь проговорил ему голосом человечиим:
«Што я не паду, а Самсонов конь падёт».
295 Стали собиратьце вси к Пучай-реки,
Вси князья, бояра,
Вси сильныи могучи богатыри,
Стали говорить: «Поезжай, боярин Дюк Степанович.

- Тебе наперёд ехать».
- 300 Он говорил, что Самсон наперёд побилсѧ,
Ему и ехать надобно.
Ну, поехал Самсон Самойлович
В чисто поле коня разганивать,
Разганивать, расхлыстывать.
- 305 А боярин Дюк Степанович
Прямо с крута да с бѣрежка.
А Самсон Самойлович осередь Пучай-реки
С конѣм и сѧ,
А боярин Дюк Степанович
- 310 Скорее он поворот держал.
Захватил он за волосы на берег и вытащил.
Говорил-то тут боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, князь Владимир стольно-киевский,
Нам которому с Самсоном голова рубить?».
- 315 Говорил-то князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, боярин Дюк Степанович,
Оставь-ка нам Самсона хоть на сѣмена.
Тиби, Самсон Самойлович,
Не с богатырем битьце о велик заклад,
- 320 А с киевскими бабами.
За какой же богатырь поехал Дюк Степанович?
А поедете-ка его животов описывать!».
Трѣх человек выбрали туды
Животов описывать.
- 325 А боярин Дюк Степанович осталсѧ в городе Кееви.
Бумаги взяли на три годѹ,
Ехали три месича.
Приехали, зашли они во гридню во светлую,
Во столовую во новую во горенку:
- 330 Крес ведут по писаному,
Поклон ведут по учѣному,
Кланятце Дюковой матушки в особичу.
— «Я не Дюкова есь матушка,
А Дюкова рукомойница».
- 335 Потом оны аще прошли:

- Крес кладут по писаному,
Поклон ведут по учёному,
А Дюковой матушки в особичу.
— «Я не Дюкова есь матушка,
340 А я Дюкова есте стольнича.
Ой еси, молодчики!
Понапрасно эде вы ходите-ка,
Понапрасно спин не ломайте-ка.
Много Дюковой прислуги есь,
345 А Дюкова матушка к обедни ушла,
Вы и подьте, молодчики:
Пойдут там лопатники,
За лопатниками пойдут метельники,
За метельниками постельники,
360 Пойдут потом красны девушки дорожку постилать,
А потом поведут Дюкову матушку».
Ну оны и пошли к черквы божьей, стали там.
Пошли тут лопатнички,
За лопатничками метельнички,
365 За метельничками постельники;
А потом пошли красны девушки дорожку
настилают,
А потом идёт Дюкова матушка:
Одёжа вся на сиби драгоценная.
Они ей поклонилися:
360 «Здраствуешь, ведь Дюкова ли матушка,
Тебе сын низко кланялсэ,
А мы приехали ваших животов описывать».
— «Ай же вы, молодчики прохожи,
Вам не долго наши сирочни животы описывать».
365 Приводила ведь она их во гридню во светлую,
Во столовую во новую во горничку,
Да садила она за дубов за стол.
Уж как стали оны калачки метать:
Как калачик-то съедят, то другого хочетце,
370 Другой съедят — по третьему душа горит,
А третий съедят — четвёртой вон с ума нейдёт.

- Подносила им по чары зелена вина:
 Как чарку выпьют — губоньки слипаютце,
 Другу выпьют — по третьей ведь душа горит,
 375 Третью выпьют — четвёрта вон с ума нейдёт.
 Взяла тут она да золоты ключи,
 Повела их животов описывать.
 Завела она их в конюшенки,
 Дак не могли оны не только жеребцов повыписать,
 380 Дак и глазами-то повысмекать;
 Завела в погреба глубокии,
 Опять не могли записать никак.
 Потом оны сказали ей:
 «Нам как здесь твои сирочки животы описывать,
 385 Дак надо свой век коротать.
 Нонь поѐдем во Кеев-град».
 И на поѐзде им сказала Дюкова матушка:
 «Што на бумагу-то кладите весь Киев-град,
 Весь Киев-град да весь Чернигов-град,
 390 А пошто приезжайте моих животов описывать».
 Приезжают послы во Кеев-град
 Да ко князю ко Владимиру:
 «Ай же ты, князь Владимир стольно-киевский!
 Коли нам Дюковы животы описывать,
 395 Дак там надо и век коротать.
 А нам на поѐзде сказала Дюкова матушка:
 «Што на бумагу-то кладите весь Кеев-град,
 Весь Кеев-град, да весь Чернигов-град,
 А пошто приезжайте животов моих сиротских
 описывать».
 400 Говорил-то князь Владимир стольно-киевский:
 «Уж какой же ты, боярин Дюк Степанович,
 За твою похвальбу великую
 Ты торгуй у нас век по веку,
 Да век и до веку».
 405 Уж как тут ли про Дюка старину поют
 Морю тихому на утишение,
 Добрым людям на послушание.

МИХАЙЛА ПОТЫК

- Жил Михайло Пóтык сын Иванович,
 Пил он горькое зелено вино,
 Гди полкружкою, а гди целой кружкою,
 Гди полуведром, гди целым ведром.
 5 Говорил ему князь Владимир стольно-киевской:
 «Уж как съезди, Михайло, ко синю морю,
 Настреляй-ко мни малых серых уток,
 Самоплавных белых лебёдушек».
- Садился Михайло Пóтык сын Иванович на добра коня
 10 Да поехал он ко синему ко морюшку,
 И настрелял-то малых серых уток,
 Самоплавных белых лебёдушек.
 Только ладит лишь Михайло на коня скочить,
 А как плывёт-то в золотой-то клеточке лебедь белая.
- 15 И ён только лишь хотел ю застрелить стать,
 А объявилась она красной девицей:
 «Не стреляй миня, Михайло Пóтык сын Иванович!
 А я лучше за тебя замуж пойду».
- И он сажал ю на добра коня
 20 Да и повёз ко городу ко Киеву,
 И начинает целовать в уста сахарнии,
 Говорила лебедь белая:
 «Не целуй меня, Михайло Пóтык сын Иванович!
 У меня сейчас уста поганыи.
- 25 И свези меня во Кеев-град,
 Окрести-ка, оомолитви-ка,
 И поцелуессе тогда в уста сахарнии».
- Как приехал он ко городу ко Кееву,
 Да ко князю ко Владимиру:
 30 «Ай же, князь Владимир стольно-киевский!
 Настрилял я тебе да малых серых уток,
 Самоплавных белых лебёдушек.
 Да ащё сибѣ я невесту нашол».
- Тут уж ю окрестили-оомолитвили,

- 35 Дали имя Мария Лебедь Белая,
Лебедь Белая Лиходеевна.
И положили оны заповедь великую:
Который наперёд умрёт,
Другому живому в гроб лечь на три месича,
40 Закопать и протянуть туда веревкамы.
Как три месича пройдёт да если живыи там,
Дак зазвенить.
Стал ходить Михайло Пóтык сын Иванович
Опять пить горько зелено вино,
45 Гди полкружкою, а гди целой кружкою,
Гди полуведром, а гди чelyм ведром.
Тут говорила Лебедь Белая:
«Потешу же Пóтыка Иванова!»
Уж как с вечера она да пораздúрилась,
50 Ко полуночи она порасхвóрилась,
А ко утрушку она преставилась,
Ну пошли искать Михаила Пóтыка Иванова,
Пришли во царев кабак,
Сидит он пьёт горько зелено вино.
55 — «Ай же ты, Михайло Пóтык сын Иванович!
Ты пьёшь да проклаждаессе,
А победушки над собой не ведаешь:
Как твоя-то Лебедь Белая
С вечера она да пораздúрилась,
60 Ко полуночи она порасхвóрилась,
А к утрушку она преставилась».
Как скочил Михайла на резвы ноги:
«Што ж-то это за ребята мне беда пришла!
Надо живу с мёртвой во гроб лечь.
65 Делайте мне гроб, штоб можно было
Там и сесь и лечь и стать».
А сам-то шол он во кузничу,
Ковал прутья железные,
Други ковал медныи,
70 А третьи ковал оловянныи.
И брал ён хлеба туда на три месяча,

Взял свечек ён туды на три месяча.
Похоронили тут ево,
Стал он сидеть, у стола писать.
75 Только дело во полночь пришло,
Как приплыла ко гробу змея подземельная,
И раз она лизнула и другой,
А третий она лизнула и сама в гроб зашла.
Как скочил Михайло на резвы ноги,
80 Брал ю в клещи проклятые
И стал хвистать прутьями железными,
И расхвыстал вси прутья железные.
Принимаетче за прутья медных,
Расхвыстал вси прутья медных.
85 И принимаетче за прутья оловянных.
И тут змея ему смолиласи:
«Ты спусти, Михайло Пóтык сын Иванович!
Я схожу ко синю морю,
Принесу тибѣ воды живой и мёртвоей.
90 Он не спускал ю, потом она дала
Своих детёнышей в клещи,
А сама пошла ко синю морю,
И принесла она ему живой воды и мёртвоей.

Тут я не знаю, как он оживил ю, и загромел в колокола —
веревку задёргал. И сбежались вси братчики его названны:
«Верно приходит Михаилу Пóтыку кончинушка! И стали оны
ево разрывать с земли. Разрыли, выходит Михаила Пóтык сын
Иванович

Со своею с Марьей Лебедь Белой.
95 И опять стал ходить Михайло Пóтык сын Иванович,
Стал опять пить горько зелено вино,
Гди полукружкою, а гди целой кружкою,
Гди полуведром, гди целым ведром.

Потом уж тут не знаю, долго ли оны жили. Потом он помер
сам, да как похоронили их вместе, прошло три месяча, оны ни
звонили, верно так и померли.

КОВЁР ЕДИНОВИЧ

- Как во том во городе во Киеви,
 Да у ласкового князя у Владимира
 Начинался пир да на двенадцать дней.
 Аще вси да на пиру да наедались,
 5 Аще вси да на пиру да напивались,
 Аще вси на пиру порасхвасталиси.
 Умной хвастал отчом-матушкой,
 А безумный хвастал молодой женой.
 Хто ли хвастает имением-богачеством,
 10 Хто ли хвастает бесчётной золотой казной,
 Хто ли хвастает своим добрым конём.
 А лишь Ковёр Единович
 Только тот сидит ничим не хвастает,
 — «Што же ты, Ковёр Единович!
 15 Ты сидишь только ничим не хвастаешь?».
 — «Ой мни нечем против вас похвастовать:
 Мни похвастать ни похвастать отчом-матушкой —
 Отча-матушки у меня в живу нет.
 Мни похвастать ни похвастать золотой казной —
 20 Золотой-то казны у миня зде нет.
 Мни похвастать ни похвастать имением-богачесвом —
 У меня тово зде нет.
 А похвастать ни похвастать молодой женой.
 Молодой женой Настасьей королевичной:
 25 «Она всих-то вас продас-выкупит,
 А тебя-то князя с ума сведёт».
 Уж как это слово не в любовь пришло.
 «Ах вы подьте-ко, мои слуги верные!
 Да тащите-ка Ковра Единова,
 30 Засадите ево в место крепкоё,
 Не на много не на мало — ровно на шесть лет».
 Как прознала тут Настасья королевична,
 Стала с горенки на горенку похаживать,
 Стала женским кудерками потряхивать:

- 35 «Мни денгамы-то ведь стать ево не выкупить,
Мни людямы стать ево не выпросить,
Будё выкупаю — не выкупаю,
Буде выпрошу — не выпрошу,
Уж я своей женской догадочкой.
- 40 Ну подите-ко, слуги верный,
Отсекайте жёлтыи кудёрушки,
Да несите-ко мужьи цвётны платьща,
А я поеду от собаки Калина
Сватать княженецкую племянницу».

Ну, она туды и поехала, где эта плимянница. Она там взяла
каких ни людей да там шатры раскинула, да князю послала лю-
дей, што примет ли гостей? И он туды приехал, стал сватать ю.
И невеста говорит:

- 45 «Ниразумной ты, дядюшка,
Что неумной ты, мой дядюшка,
Хочешь выдати дёвицу за женщину.
Как походочка ведь естя у ней женьская,
Пальчики-то естя у ней женьский».
- 50 Говорит Владимир стольно-киевской:
«Я пойду аще посла да попроведаю».
Дак вышли тут уж на широкий двор,
Дак борьбу подняли.
Возьмёт в одну руку троих, в другу троих,
- 55 Всих бросает в разны стороны.
А потом в поле пошли, кольцо наставили,
Стрелочку в кольцо пропускали,
Никто так не мог, она всё пускала.
Больше он не стал племяннику спрашивать,
- 60 А стал просватывать.
Тут уж пошел у них весёлый пир.
Надо итти во божью черьков,
Принимать да по злату венчу.
Как посёл-то тут невесел стал,
- 65 Стали ево тут выпрашивать.
— «Мни такие надо загусельщики,

[Как Ковёр Единович]».

— «Коль не дать Ковра — разгневить посла,

А дать Ковра — не видать Ковра».

Уж согласился он дать Ковра.

70 Привели на пир Ковра.

Гусёлышки он стал поваживать

Да развеселил уж всех.

Князь сказал: «Ай же ты, Ковёр Единович!

Знал же ты похвастать молодой женой.

75 Она всех-то продала и выкупила,

А меня-то князя ведь с ума свела».

(Так значит, как уж знала сделать, мужа уж и не посадили боле).

КУЗЬМА СЕМЕНОВИЧ КУДРОВ

В 1926 г. это был дряхлый старик-бобыль 83 лет из д. Сибово Великогубского сельсовета, Заонежского района, грамотный и бывалый.

В течение своей жизни он неоднократно ездил по промыслу к морю, бывал и в Петрозаводске и Петербурге. Много читал, причем особенно любил «исторические рассказы». Это отразилось и на его репертуаре. Кроме записанной И. В. Карнауховой и мною сказки о Петре Великом и солдате (Сказки и предания Северного края, 1934, стр. 115—119), К. С. Кудров пробовал рассказывать нам ряд исторических анекдотов, библейское предание о Самсоне и его борьбе с филистимлянами, легенду о Плакиде-воине.

В разговоре упоминал про Тараса Бульбу и Степана Разина. К сожалению, рассказы его были настолько путаны и сбивчивы, что записать, кроме упомянутой сказки о Петре и двух печатаемых в настоящем сборнике былин, ничего более не удалось.

Былинам Кузьма Семенович научился от «старых стариков с Киж». Из известных мастеров эпического творчества хорошо знал Ивана Трофимовича Рябинина.

Раньше былинное знание К. С. Кудрова было более обширно, но в старости все «из памяти вышло». По его словам, главные сказители были в Кижках. Здесь же, в Великой Губе, «не было людей опытных, некому рассказывать. Здесь место темное, как Литва».

Былину «Два брата, два ливака» пел с большим увлечением и темпераментом. Но в противоположность рассказыванию сказки, когда он вскакивал, иллюстрировал жестами и позой изображаемое, при исполнении былинны он сидел спокойно, смотрел сосредоточенно в сторону и лишь порой делал жест правой рукой сверху вниз, как бы подчеркивая ритм напева; изредка давал комментарий. Со стороны исполнения интересен момент

повторения некоторых концов стихов или даже отдельных стихов с некоторым повышением голоса, что совершенно необычно для классического исполнения былины.

Также с большим увлечением и чрезвычайно живо и колоритно передавая Кудров прозой песню об Иване Грозном. Имя Малюты Скуратова он вспомнил лишь после окончания рассказа, прибавив: «Вот он, этот окаянный-то!».

В общем К. С. Кудров несомненно в свое время, как исполнитель, обладал большим артистическим дарованием, и приходится пожалеть, что застали его уже в период угасания его памяти, знания и искусства.

ДВА БРАТА, ДВА ЛИВАКА

- На пѧнове было на уѧнове
Жили были два брата, два ливѧка,
Королевских два племянника,
Воспрогѧворят два брата,
5 Два королевских да племянника:
«Ах ты, наш дядюшка король Чимбал,
Король земли Литовския,
Дай-ка нам прощеньице и благословеньице,
Дай-ка нам силы сорок тысячей,
10 Силы сорок тысячей да казны сто тысячей,
Поедем мы на святую Русь,
Ко князю Роману Дмитричу,
Ко князю Роману Дмитривичу на почестен пир».
Да sproговориѧ Чимбал король,
15 Чимбал король земли Литовския:
«Не дам я вам прощеньице,
Не дам я вам благословеньице.
Не дам я вам силы сорок тысячей,
Не дам я вам казны сто тысячей
20 Ехать вам на святую Русь
Ко князю Роману Дмитричу,
Ко князю Роману Дмитричу на почестен пир,
А дам я вам прощеньице, дам вам благословеньице
Ехать-ка вам во тую землю,

25 Во тую землю во Ливонскую,
 Ко тому городу ко Красному,
 Ко тому селу ко Высокому,
 Там добры молодцы по спальням залежались,
 Цветно платице по вышкам залежалось,
 30 Добры конюшки по стойлам застоялись,
 Золота казна по погребам запасена».
 И тут-то два брата, два ливака,
 Королевская два племянника,
 Королевская два племянника разъезд делаали,
 35 И получили онé добрых молодцев
 По спальням засыпавшихся,
 Получили онé добрых конюшек
 По стойлам застоявшихся
 И получили онé цветно платье
 40 По вышкам залежалось.
 На той ли на великой на радости
 Выезжали онé во чисто полюшко,
 Раздёрнули они шатры полотняныи,
 И онé начали есть и пити и веселиться,
 45 Онé веселитесь и прохладжатыся.
 На той ли на великой на радости
 Выговаривали они таковы слова:
 «Чтобы съездить нам на святую Русь
 Ко князю Роману Дмитривичу,
 50 Ко князю Роману Дмитриевичу, на почестен пир».¹
 Взяли онé силушку хоробрую
 И ехали онé на святую Русь
 Ко князю Роману Дмитриевичу.
 Приехали они ко первому селу Переславьскому
 55 В том-те селе было три церкви, три соборных,
 Те онé церкви огнём сожгли,
 Чёрных мужичков повырубили,

¹ Вариант стихов 48—50:

«Съездить нам на почестен пир
 Ко князю Роману Дмитриевичу».
 И делают они скоро отъезд.

- И ехали они ко второму селу,
Ко второму селу Карачарову,
60 В том-то селе было шесть церквей,
Шесть церквей было соборных.
Те оне церкви огнём сожгли,
Чёрных мужичков повырубили.
И ехали они ко третьему селу,
65 Ко третьему селу ко Красному,
В том-то селе было девять церквей,
Те оне церкви огнём сожгли,
Чёрных мужичков они повырубили,
И полонили они полоняночку
70 Молодую Настасью да Дмитриевну
Со тым-то младенцым со двухмесячным.
Выезжали они во далёче-далечё во чистó поле,
Раздёрнули шатры полотняныи,
Они начали есть, пить и веселитесь,
75 Веселитесь и прохладжdatися.
А в то время во ту пору
Не было князя Романа Дмитриевича,
Дома не случилось, при доме не случилося,
Уезжал-то князь во далёче-далечё во чистое поле,
80 Был-то князь да за охотою,
Был-то князь да за утехою.
Опочивыл князь во белом шатре крепким сном,
В то время в ту пору прилетела птичка со шиста поля
Ко белу шатру князя Романа Дмитриевича,
85 Стала пещу петь, приговаривать:
«А ты, князь Роман да Дмитриевич,
Не ведаешь ты над собой невзгодушки,
Беды неминуемой: ¹
Приехали два брата, два ливака,
90 Разорили оне три церкви три соборных,
Чёрных мужичков повырубили,
Ехали ко второму селу Карачарову,

¹ Вариант стиха 88:

Спишь ты, князь, и не пробудишься.

- И было в том селе шесть церквей,
 Те оне церкви огнём сожгли,
 Чёрных мужичков повырубили.
- 95 И ехали оне ко третьему селу ко Красному
 И было в том селе девять церквей,
 Те оне церкви огнём сожгли,
 Чёрных мужичков повырубили».
- 100 Вставал он на развыи ноженьки,¹
 Выговарил ли таково слово дерзкие,
 Брал он ножище-кинжалище,
 Бросал он на кирпичный пол,²
 И выговаривал он таково слово:
- 105 «Ах ты тварь, ты тварь, ты поганая,
 Не должна ты, тварь, над мною смеяться,
 Я хочу с тобой, тварь, да управляться».
 Выходил-то князь во чисто полѣ,
 Оборотился он в серово вол(о)ка,
- 110 Прибегал он князь ко конюшенке,
 У лошадушек глодочки повыкусал,
 У добрых молодцев в ружьях замочки повывертел.
 Обернулся князь тонким белым горносталиком,
 Забегал он во белые шатры,
- 115 В тых-то белых шатрах
 Увидали его да белова горносталика,
 Стали шубой прикидывать,
 Он из шубы в тонкий рукав,
 Из шатра выбегал в чисто поле.
- 120 Оборотился в чернова ворона,
 Прилетел ко реке ко Смородине,
 Набирал он силу богатую,
 И кричал он своей силушке хороброей:
 «Приходите ко реке ко Смородине, силушка хоробрал,
- 125 Режьте жеребья вы липовы,

¹ Вариант стиха 100:

Тут-то князь Роман Дмитриевич ого сна он пробуждается.

² Вариант стихов 102—103:

Бросает он кинжалище о кирпичен пол, о дубовый стол.

И бросайте вы на реку Смородину
 (Бумаги тогда не было, липовы не тонут),
 Которые жёребья поводь воды плывут,
 Тая силушка здрава будеть,
 Которые жёребья вслед воды пловуть,
 130 Тае сила будет ранена,
 А которые жёребья ко дну пойдуть
 (Значит утонуть),
 Тая сила будет побитая».
 Выбрал тут из тех трёх сортов силушку великую.
 (Уж он обернулся вновь князем),
 И с той силушкою он пришол
 135 Ко шатрам да к полотняным
 И ко братьям, ко ливакам,
 Королевским двум племянникам.
 Он-то взял их князь Роман Дмитриевич,
 Двух братьев, двух ливаков,
 140 Королевских двух племянников,
 И приказал-то он одному глаза выкопать,
 А приказал-то он другому ноги повредить,
 И спустил он двух братьев, двух ливаков в чисто поле
 К своему королю ко литовскому.
 145 Два брата, два ливака шли по дороженьки,
 Слепой несет хромова,
 Рассказали онé свой проезд.
 — «Ах вы два брата, два ливака,
 Я сказал-то вам, не езжайте вы на святую Русь
 150 Ко князю Роману Дмитриевичу.
 Кто на Русь ни езживал,
 Тот с Руси счастлив не выезживал».
 (Потому всякий был покорен, получил победу).

ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Царь Иван Васильевич, в его царствование случились такие дела. Имел при себе единственного сына царевича, который дол-

жен обучившись принять престол от своего отца и своё царство. И потом у них во время их житья-царствования царь Иван собрал бал сделал и созвал всех вельможей, бояр на бал, и на том балу и сын был. И тут был любимец Ивану царю, который всегда при нем служил и увеселял государя. Потом государь Иван Грозный встал на ноги за столом и выговаривал таково слово: «Гой еси, я Иван-осударь, говорит, вывел изменушку из Казани и из Рязани и из Нова-города. Повыведу изменушку из каменной Москвы. Этот любимец говорит: «Не вывести, Иван-царь, тебе, хотя ты вывел измену из Казани и из Рязани и из Нова-города, но не вывести тебе изменушку из каменной белой Москвы. А изменушка, говорит, сидит против тебя и хочет против тебя супротивиться». Он своего единственного сына осудил на виселицу за это тут же на балу. Ну потом он своего сына отправил на Поганую лужу и на Житное болотище. Его туда и свезли.

А по ту пору и по то время князя Романа Дмитрича при доме не случилось, который был крёстный отец, восприемник, значит, царского сына. В ты часы и в ты минуты вдруг Роман Дмитрич князь со своей хороброёй силой является во дворец свой. Ему вестовой (*дежурный, значит*) предъявляет: «Твоего любимого крестника отправили на Поганую лужу, на Житное болотище». Ну и вдруг Роман Дмитрич приказал коня своего оседлать, и хоробрую свою дружину, сам сел на коня и хороброй дружине приказал ехать вслед на Поганую лужу и на Житное болотище. В момент они приехали, где крестник его на духу слушает (*последнее слово священник читает, сейчас его повесят*). Скоро приказал своего крестника от столба снять, на место любимца царского положить. И потом он оборотился со своей дружиной и со своим крестником во дворец.

В утри рано пошел звон по всем церквам Москвы. Иван-царь приказал служить по любимом сыне панихиду и потом к этому колокольному звону по приказу великии и малыи люди собирались в соборную церковь для поминовения сына Ивана Грозного, по траурному правилу в чёрных платьях. А князь Роман Дмитрич что ни лучшие цветные платья надевал на себе и дружине своей приказал так. И пришел в святую соборную

церковь для поминовенья царского сына. Царь, осмотрев князя в цвѣтном платьѣ и дружину его, опечалился и высказал слово: «Ох ты гой еси, князи Роман Дмитриевич! Что ты надо мной смеешься? Сегодня оделся ты в цвѣтное платьѣ и не хочешь принять траур». Микита Романыч князь: «Гой еси, царь Иван, не печалуйся. Хочешь ли ты сына своего видеть в живых?». Он говорит: «Как не хочу я сына своего видеть в живых? Если бы кто моего сына представил сейчас в живых, я много того бы наградил, дал бы полцарства, золота и серебра и скачного жемчугу». Микита Романыч: «Гой еси, царь Иван Васильевич Грозный! Не надо мне не чинов, не дворянства, ни золота, ни серебра, ни скачного жемчугу и не полцарства твоего. Прошу тебя только, сделай Микитину вотчину кругом на шестьдесят вѣрст. Если который человек будет под суд или который какие проказы сделал, тот человек должен за эту цепь пасть в Микитину отчину, тот прощон во всех его проступках».

Ну вот значит эта история тем кончилась, что название было у Москвы Микитина отчина — спасение от наказаний.

ИВАН ИВАНОВИЧ КАСЬЯНОВ

Иван Иванович Касьянов — сын известного сказителя былин Ивана Аникиевича Касьянова, былины которого были записаны в 70-х годах Гильфердингом (Онежские былины, 156—162) и в 1886 г. Истоминым и Дютшем (Песни русского народа, СПб., 1894, 5, 8, 14). Впоследствии Иван Аникиевич сам прислал несколько записанных им былин в Географическое общество (см. Тих.-Милл., II, 11, 38, 59, 61).

В 1926 г. Иван Иванович Касьянов — возрастом 61 г., житель д. Космозеро Заонежского района. Семейный, малограмотный.

Из обширного наследства своего отца (по имеющимся записям — 13 былин) Касьянов усвоил только одну былину «О Вольге», которую, уже не пел, а сказывал. Сказ перебивал репликами, показывавшими веру исполнителя в действительность описываемых событий.

Касьянов сообщил некоторые подробности о своем отце, который умер, когда сыну было 30 лет. По его словам, дома отец былин не пел. Запомнилось ему только одно выступление отца дома — состязание в былинном мастерстве с приятелем своим Иваном Трофимовичем Рябининым, приехавшим в Космозеро. Тогда Ив. Ив. Касьянов и слышал некоторые былины, например про Илью Муромца и Соловья-разбойника. Запомнил он также, что отец ездил в Петербург.

Кроме былин, в 1926 г. Ив. Ив. Касьянов знал много сказок и как рассказчик славился в Космозере. Сказочный репертуар Касьянова, записанный А. И. Никифоровым, И. В. Карнауховой и мною (Рукоп. хранил. Отд. фольк. ИРЛИ, колл. II) — преимущественно сказки бытовые, реалистические новеллы о глупых людях, попах, плутнях шута и т. п. Характеристику его как сказочника см. в книге «Сказки и предания Северного края» (стр. 385—386 и XI; в книге напечатана его сказка «Хитрый солдат»), а также см. наблюдения А. И. Никифорова в его рецензии на книгу И. В. Карнауховой (Советский фольклор, 2—3, стр. 417).

БЫЛИНА О ВОЛГЕ

- Закатилось красное солнышко
Как под этое под ясное небушко,
Зарождался молодой Волга,
Молодой Волга Святославлевич.
- 5 Не по дням рос, не по часам — по минутам.
Похотелось Волгѣ много мудрости,
Много мудрости да много хитрости.
Цукой-рыбой ходить по глубоким озерам,
Серым волком рыскать по зелѣным лугам,
- 10 Ясным соколом летать по поднебѣсью.
Убегали все рыбы в глубокие озера,
Убегали все волки во тѣмныи леса
(*Раньше волшебники были*),
Улетала вся птица под облака.
Захотелось Волгѣ много мудрости,
- 15 Много мудрости, много хитрости.
Собирает дружину хоробрую,
Тридцать молодцов без единого,
Сам Волга во тридцатых был,
Ехать во Чернигов-град
- 20 Собирает казѣнных податей.
Они сели на добрых коней — поехали,
Только видели молодцов сядуци,
Да не видели молодцов едуци.

- (Вот какие кони были!)
Они выехали во чисто полё.
25 Во чистом полё оратай орёт.
У оратая сошка поскрипливает,
Омешики по камешкам почиркивают.
Они ехали день с утра до вечера
И не могли до оратая доехати
(Вот как далеко было слышно!).
30 На второй-то день ехали с утра до обеда
(Или пабедья — я уж не помню).
Они до оратая доехали.
Он едет из конца в конец
И другого не видать,
Мелкие камёнья и пёнья в борозду валит,
35 А крупные камёнья в кучи кладёт
(Как у нас тут).
У оратая кобылка-то солёвая,
А сошечка-то кленовая,
А омешики серебряные,
А гужики тесмянно-шелку.
40 — «Божья помощь тебе, оратай-оратаюшка!».
— «Спасибо вам, добры молодцы.
Надо нам божья помощь орать да крестьянствовать.
Ай же ты, Волга Святославович,
Далече ли ты поехал с дружиной хороброй?».
45 — «Я поехал во Чернигов-град
Собирать казённых податей».
— «Я недавно там был собирать казённых податей —
Который стоя стоял, тот сидя сидел,
50 Кто сидя сидел, тот лёжа лежал».
— «Ай же ты, Микула Селянинович!
Не едешь ли с нами во Чернигов-град,
Во Чернигов-град собирать казённых податей?»
Микула Селянинович лошадь и сошку повыстегнул,
55 Гужики-вожжики завернул вокруг сохи
И сел на кобылку и поехал с ними в Чернигов-град.
У Микулы Селяниновича кобылка ступью пошла,

- А Волгѣн-то конь рысью бежит,
Тут же Волга Святославович
60 Сказал Микуле Селяниновичу:
«Эта бы кобылка жеребцом была,
За эту кобылку пятьсот рублей далл».
— «Ай же глупый ты, Волга Святославович,
Эту я кобылку купил жеребчиком из-под матушки,
65 Платил пятьсот рублей,
А за эту бы кобылку сейчас цены нет,
Ай же ты, Волга Святославович!
Поехал я с вами во Чернигов-град,
А сошку-то я оставил в борбодочке,
70 А сошку-то надо бы из земли поднять,
А земельку повытряхнуть из омешиков,
И бросить сошку за раkitов куст».
Тут Волга Святославович
Посылает к сошке свою дружину хоробрую,
75 Двадцать молодцов самолучших,
Чтобы сошку из земли поднять,
Бросить бы сошку за раkitов куст.
Тут подъехали все молодцы хоробрые,
Они сошку вокрутъ вертят,
80 А не могут сошку из земли поднять.
Тут же Волга Святославович
Посылает всю дружину хоробрую
К той сошке кленовой.
Они подъехали к сошке кленовой,
85 Они сошку вокрутъ вертят,
А не могут сошку из земли поднять.
Тут поехал сам Никула Селянинович,
Одной рукой сошку из земли поднял,
Земельку повытряхнул
90 И бросил сошку за раkitов куст.
— «Ай же ты, Никула Селянинович,
Что же ты пашешь таку пашню великую?».
— «А я хлеба напашу да в скірду складу,
Я домой вывожу, вымолочу,

Пива наварю да мужиков напою,
Будут мужики пить да Никулу Селяниновича
хвалить.
(Дальше не знаю, забыл, что было в Чернигове).

ПЕЛАГЕЯ НИКИФОРОВНА КОРЕННАЯ

Пелагея Никифоровна Коренная из Космозера Заонежского района была большим мастером народного художественного слова, владела богатым и разнообразным репертуаром.

Записи от нее были произведены два раза: в 1926 г. — экспедицией Государственного института истории искусств и в 1932 г. — совместной экспедицией Карельского научно-исследовательского института и Фольклорной секции Института этнографии (ныне Сектор фольклора Института русской литературы АН СССР) (Рукоп. хранил. Сект. фольк., II и XXVII. Сказки опубликованы в книге: И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края, 1934, стр. 44—57).

В 1926 г., когда мы познакомились с П. Н. Коренной, это была живая, разговорчивая, приветливая женщина, лет 60, но казавшаяся моложе. Будучи вдовой, она жила с двумя своими сыновьями, один из них был местным учителем. Сама же Коренная, подобно другим старым крестьянкам тех лет, была неграмотной. Занималась она домашним хозяйством, пестовала внуков. Часто бывала в Петрозаводске у своих замужних дочерей. Но, несмотря на связь с городом, сохранила все своеобразие северного говора. В 1932 г. П. Н. Коренная была членом колхоза, умерла она в 1939 г.

Первое место в ее репертуаре занимали сказки, преимущественно «робецъи», т. е. культивирующиеся в среде детей и женщин, рассказывающих для детей. Знала она и редкие свадебные причеты, и старинные песни, и загадки, и пословицы, и заговоры. Вполне закономерно в ее репертуаре нашлись и старинные былины-баллады. Былин богатырских Коренная не знала.

Характеризуя Коренную как сказочницу, И. В. Карнаухова подчеркивает сознательное отношение ее к рассказыванию как к мастерству, поэтич-

ность ее сказок, выразительность и эмоциональность исполнения, склонность к ритмизации речи. (Сказки и предания Северного края, стр. 382—383). Все это — общие черты Коренной как исполнительницы произведений народного творчества, ярко выделяющиеся и в области других жанров. Так, баллада ее «Насильственное пострижение» отличается большой эмоциональностью и драматической напряженностью. В понимании П. Н. Коренной важности выразительного исполнения быliny, быть может, сказалось, как и предполагает И. В. Карнаухова, влияние ее сына-учителя, П. П. Коренного, большого любителя фольклора, издавшего еще в 1918 г. сказки своей матери (Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918).

[ПТИЦЫ НА МОРЕ]

- Кто у нас на́ мори хозяин,
Кто-то у нас на́ мори наездник,
На всякую он птицу наезжает,
Грудю своею побивает?
- 5 Орёл-то у нас ведь хозяин,
А сокол-то у нас ведь наездник,
На всякую он птицу наезжает,
Грудю своею побивает.
Ворон-то у нас игумен
- 10 И всё он живёт возле гумен;
Зимой ворона по дорогам,
А летом ворона на зародах;
Дятел у нас-то плотник,
Во всякое дерево колотит,
- 15 И хочет он дом сработать.
И сова у нас толстоголова:
Некрасивы у ей-то ведь зоры,
Некрасивы у ей-то разговоры.
А голубь у нас-то красавец,
- 20 И то-то хорошие зоры,
И тот-то красивы разговоры.
Журав-то у нас долгоглотый,
И то-то ведь долгая глотка,
И одето французское платье.
- 25 Сорока у нас щеголиха,

Без калача есть не садится,
А без мѣла дружка спать не ложится.
А я-то бѣдна мѣла птица, птица-синица,
И сена я косить не умею,
30 Стадом ходить силы нету,
С голоду я бѣдна помираю,
И всех червяков собираю.

156

[НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ]

Татенька с маменькой распорилися:
Татенька — надо за князя замуж отдать,
Маменька — надо ко старцу в келью отдать.
Татенька ушел ровно за сорок вёрст,
5 Маменька ушла ровно за двадцать вёрст.
Маменька идёт, за собой старца ведёт,
Старец идёт, золотой стул несёт.
— «Садись, садись, детушка, на золотой стул».
— «Постой, постой, маменька, с подружкой прошусь».
10 — «Спробствуй с подруженькой в кельи живучи,
В кельи живучи, на пень богу молючи.
Садись, садись, дитятко, на золотой стул».
— «Постой, постой, маменька, косу заплету».
— «Заплетёшь ты косыньку в кельи живучи,
15 В кельи живучи, на пень богу молючи.
Садись, садись, дитятко, на золотой стул».
— «Постой, постой, маменька, в окошко посмотри».
— «Насмотришься в окошечко в кельи живучи,
В кельи живучи, на пень богу молючи».
20 В окошко посмотрела — родной татенька идёт,
Татенька идёт, за собой князя ведёт,
Князь идёт, золотой венец несёт.
Брала она девицу за русую косу,
Бросала она девицу о сыру землю:
25 «Будь же ты, дитятко, проклятое,
Проклятое да проклянутае».

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ ГОРШКОВ

П. Г. Горшков давно известен в своем родном Космозере как исполнитель былин и сказочник. Его имя прежде всего было названо, когда участники фольклорной экспедиции 1926 г. Государственного института истории искусств расспрашивали местных крестьян о знатоках былин и сказок.

П. Г. Горшков принадлежит к той группе заонежских сказителей, которые с середины 1930-х годов стали активно работать над созданием нового советского эпоса. Им сложена былина о Ворошилове (опубликована в альманахе «Карелия», Петрозаводск, 1938, стр. 27) и ряд сказов. П. Г. Горшков — постоянный участник съездов и конференций сказителей. Это — любознательный и грамотный человек. Кроме Петрозаводска, часто бывал в Ленинграде, где проживают его родственники. Вдовый, имеет взрослых детей.

Первые записи былин от Петра Григорьевича произведены в 1926 г., когда ему было 50 лет. В статье о былинном творчестве северных крестьян (Б. С., 1) Горшков отмечен мною, как характерный пример исполнителя «рассказчика» (стр. 85). В былинное повествование он вносит чисто прозаические, сказовые обороты, нарушающие строгий стиль классической былины. Однако он не превращает былинку в сказку. При помощи четких дактилических окончаний он удерживает повествование в рамках былинного ритма. Помогает ему, видимо, в этом и определенный напев, который сохраняется в памяти сказителя. Хотя ни одна былина сказителем не допеваётся до конца, и пение сменяется сказыванием, и хотя самый напев тоже представляет уже значительный отход от классической структуры былинных напевов, все же этот напев продолжает оказывать известное формирующее влияние на текст.

На стиле былин П. Г. Горшкова сказалось влияние лубочной сказочной литературы, которой он владеет в совершенстве. Как сказочник

Петр Григорьевич Горшков

с разнообразным репертуаром («Францель Венециан», «Гуак», «Про английского лорда Милорда» и т. п.) он охарактеризован в статье И. В. Карнаухова «Сказочники и сказка в Заонежье» (Крестьянское искусство СССР, вып. 1, 1927, стр. 111—113). Сказительство Петра Григорьевича идет от деда его, Павла Перфильевича, и от отца, Григория Павловича. По словам самого П. Г. Горшкова, у деда, хорошо грамотного, служившего волостным писарем, была особая библиотечка лубочных книжек — источник сказочных традиций в семье Горшковых. Весьма возможно, что от этой библиотечки следует вести и значительную часть былинного репертуара, а также некоторые специфические черты его былинного повествования. В былинах Горшкова не раз встречаются стилистические обороты, характерные для стиля лубочных изданий. Из них же переносятся и некоторые наименования: Идоллище, например, заменяется «Полканищем Полкановичем», мать Сокольника оказывается из «царства Лотаринского».

В семье Петра Григорьевича, кроме него, былин никто больше не знает, в то время как сказочный его репертуар хорошо усвоен младшими братьями и одним из его сыновей, Василием. Последний, еще в 1926 г., будучи десятилетним мальчиком, пользовался среди космозерских ребят славой хорошего сказочника.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

В городе во Муроме, во селе во Карачарове
Жил крестьянин Иван да Тимофеевич,
У него был единственный сын Илья Иванович,
Он сиднем сидел тридцать лет,

5 Тридцать лет да три году.

Однажды проходят старики прохожие,
Остановились ночевать у Ивана Тимофеева,
Идут из Киева.

Стал тут спрашивать про Киев Иван Тимофеевич:

10 «Как живется нашему князю Володимиру во Киеве?».

— «Как не жить да князю Володимиру,

Что на небе проглянет светёл месец,

На Руси народится могуч богатырь,

Только есть под Киевом туча грозная:

15 На девяти сидит дубах разбойник сын Рахманович,

Не подпускает к себе за пять вёрст

Ни конного, ни пешего.

Есть-ка сидень тридцать лет и три года,

Когда этот сидень на своих ногах пойдёт,

20 Тогда эту тучу грозную за собой унесёт».

А Илья Иванович сидит на печке,

1 Все слышит да и спрашивает:

«А что, дедушка, высоки ли эти дубы?»

Хватит ли до них калена стрела?».

- 25 А отец-то на него озлился, ринулся:
«Ах, Илья, Илья, твоё ли дело спрашивать?».
Ильюша замолчал, больше не спрашивал.
С той поры, с того времячка
Начали соловьи Илье-то сниться:
- 30 Сидит на семи дубах, сидит, сидит да посвистывает.
Он свистит по соловьиному,
Он шипит да по змеиному,
Он ревит да по звериному.
От его ли свисту соловьинову,
35 От его ли шипу змеинову,
От его ли реву от зверинову
Лес к земли дугой клонится,
И лист с лесу сыплется,
Клубом по земле катится,
- 40 Оглушает свистом всех богатырей.
Шалит, посвистывает,
Не даёт покою Илье Муромцу.
Случилось в пасху, ударили в первый раз к заутрене,
А отец с матерью были в церкви божией,
- 45 От первого удара колокола
Подействовала у него нога правая,
От второго удара колокола
Подействовала у него нога левая.
Тут вить стал с печки Илья Иванович,
- 50 И пошел он на своих ногах,
А у отца-матери приготовлены были платья цветные.
Он оделся во платье цветное и пошел к церкви божией.
Он зашел-ко во церковь Божию,
И пролезть пришлось нагнуться в подворотню
церковную.
- 55 Свечи ставит воску ярова,
Крест кладёт он по писаному,
Поклон ведёт он по учёному,
На все четыре стороны поклоняется
С отцом-матерью христосуется.
- 60 Весь народ да удивляется,

- Что Ильюша пошел на своих ногах.
Вот приснилось во сне да Ильюшеньке:
«Ты купи себе жеребчика,
Который попадѣт тебе первый на ярманке,
65 Заплати за жеребчика, сколько спросят с вас».
Вот пошел как Ильюша на ярманку,
Попал ему дьяк навстречу с жеребчиком,
С удаленьким, соловеньким,
Заплатил Илья, сколько дьяк спросил.
70 Тут Ильюшенька выкатал жеребчика по трѣм росам,
Меж Петрова дня и Ивана дня,
Через три годы удался добрый богатырский конь,
Стал Ильюша снаряжаться ехать в Киев-град.
Он сходил в леса да в муромские,
75 Поймал там тура великого,
Отломал рога он у тура,
Он согнул и сделал тугий лук.
Он сковал себе десять стрел,
Каждая стрела вес по пуд тянула,
80 И сковал себе кистень с рукою в пятьдесят пудов.
Снарядился и справился и поехал в Киев-град.
Простился с отцем, с матерью,
Наказывал ему отец Иван Тимофеевич:
«Поезжай-ка ты, Ильюша, в Киев-град,
85 Не проливай ты напрасно крови христианской».
Сел Ильюша на добра коня,
Он ударил плетью коня по крутым бедрам,
Добрый конь да рассержается,
На дыбы-то конь подымается,
90 Выше лесу он стоячева,
Пониже облака ходячева.
Из-под копыт коня, из-под задних
Прогрѣзла мать земля сыра,
Оттудова потѣк подземный ключ,
95 Тут построена часовенка,
Люди ходят, богу молятся.
Как поехал Илья во Киев-град,

Мелки реки и озёра пропускал меж ног,

Меж ног коня богатырские.

180 Он заехал во леса муромские,

Как во этих лесах муромских

Были разбойники-кумирники.

Как увидели ёдучи удалого добра молодца,

Они со всех сторон обскакали Илью Муромца,

100 Остановил Илья Муромец коня богатырсково

Да говорит разбойникам таковы слова:

«Ах вы, разбойники-кумирники,

Чего ко мне вы приставаете,

Поживиться с меня нечего.

110 У меня шапка куниста, пушиста, завесиста в сто рублей,

Кунья шуба на мне в тысячу,

А золотой казны в карманах счёту нет,

А бурушку-косматушко и цены нет».

И вынимает из-за плеч да тугий крепкий лук,

115 Накладывают стрелу пернатую,

Тут завыли как рога туриньи,

Запела тятива шелковая,

Он пустил стрелу да по подзёмелью,

Как полетела стрела по подзёмелью,

120 Начала землю рвать в косую сажень,

В косую сажень печатную,

Все разбойники ужахнулись,

Стали падать на колени перед Ильёй Муромцем:

«Ты прости, прости, удалый, добрый молодец,

125 Ты бери с нас злата-серебра, скачна-жемчугу, сколько

надобно.

И платье цветное и добрых коней».

— «Мне не надобно золотой казны,

Мне не надобно скачна жемчугу,

Мне не надобно и добрых коней.

130 Вы-ка соберитесь все вместо и постройте церковь

божию,

Во грехах своих покайтесь.

А я поеду обратно из Киева,

- Если это будет не исполнено.
То тогда от меня не скроетесь
135 Ни в земли, ни в воды, ни под каменем,
Не оставляю в живых ни единова.
Сам ударил коня плетью по крутым бедрам,
Только Ильюшу и видели.
Как подъехал Ильюша ко городу ко Чернигову,
140 А под Чернигов-град подошло войска несметное
количество,
Сорок царей и царевичей, сорок королей да
королевичей.
Как заехал Илья Муромец с угла на угол,
Натенул свой тугий лук,
Как повыпустил он свою калену стрелу.
145 Пролетела стрела по войску вдоль, сделала как уличку.
Он поехал по этой уличке, начал кистенѡм помахивать.
Куды махнет — туды улица, перемахнет — переулочек,
И в коротко время разбил всю рать великую,
Все бежат да заклинаются:
150 «Не дай бог бывать больше под Черниговом да
под Киевом.
На Руси есть много богатырей,
Как один побил рать великую».
Как подъехал он под Чернигов-град
Прямо к церкви божией,
155 А там в церкви божией собралось люду множество,
Все каются да причащаются, да друг с другом
прощаются,
Как подъехал Илья Муромец,
Он позвал воеводу начальника черниговского:
«Что у вас тут творится?».
160 — «Да мы справляемся итти на верну смерть.
Ты скажи, удал добрый молодец,
Ты какова отца сын и матери,
Как назвать тебя по имени,
Как величать тебя да по отчеству?».
165 — «Я есть из города из Мурома,

- Из села есть Карачарова,
Сын крестьянина Ивана Тимофеева,
Звать меня Илья Иванович да свет Илья Муромец»
— «Ты послушай-ка, Илья Иванович свет да Муромец,
170 Ты какой дорогой ехал в наш Чернигов-град?
Как под нашим Черниговом
Кругом около стоит несметная рать войска неверного»
— «Ты послушай, воевода начальник черниговский,
Теперь нет никого во чистом поле,
175 Я разбил и разгнал по чисту полю».
Как тут ведь зашел воевода на башню на верхнюю.
Он взглянул-ко во чисто поле,
Действительно во чистом поле не видно,
А повалено трупы человеческого несметное количество
180 Он и стал просить Илью Муромца в свои покои
боярски.
Отказывается он и спрашивает дорогу прямоезжую.
Где прямо ехать в Киев-град.
— «Ты послушай, Илья Иванович,
Залегла дорожка в Киев-град тридцать лет да тридцать
три года.
185 Все мосты калиновы повыгнули.
У той реки у Смородины,
У той берёзы у покаяныя
На девяти дубах сидит разбойник, сын
Рахманович,
Мимо его гнезда соловьиного
190 Человек не прохаживал, зверь не прорыскивал,
Оглушает всех своим свистом соловьиным»
— «Вы послушайте, начальник черниговский,
Вы-ка дайте мне испить чего-нибудь,
У меня от жару и езды в горле пересмяло,
195 Выпить хочется».
Наливает ему воевода чару зелёна вина,
Не малую — сто пудов, полтора ведра,
Он ведь был веры старообрядческой,
Он подставил свои рога туриные,

- 200 Вылил чару в рога туринные,
Он выпил ю да во единый дух.
Поднесли ему чару во второй раз,
Он и выпил чару в другой раз.
Тут Ильюшу охмелело,
- 205 Он не послушался наказу воеводы черниговского,
Поскакал он дорогой прямоезжею.
Его добрый конь по уши в реках погрязывал,
Но оттудова повыскакивал.
Как подъехал он к реке ко Смородине,
- 210 Как ко той берёзе поклапоей,
Как услышал Соловей сын Рахманьевич
За пять верст поездку богатырскую,
Как засвистал Соловей по соловьиному,
Зашипел как он по змеинному,
- 215 Заревел как он по звериному,
Как действительно от того от свисту соловьиного
Лес к земли да дугой клонится,
Лист клубом по земли с лесу катится.
Он подъехал к Соловью близёхонько,
- 220 А Соловей-разбойник да сын Рахманович
Час от часу подымается,
Он свистит по соловьиному.
Как под Илюшей конь да как лист дрожит,
На коленка падает.
- 225 Он вить хлыснул коня по крутым бедрям:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок!
Не ходил ты в борах великих,
Не слышал ты свисту соловьиного,
Не слышал ты шипу змеинного,
- 230 Не слышал ты рёву звериного,
Оттого-то и пугаешься».
Натянул он свою шапку кунью поглубже на уши
Да наехал со стороны подсолнечной.
Натянул свой да крепкий тугий лук,
- 235 Наложил стрелу пернатую,
Сам стрелил да приговариват:

- «Ты лети, стрела, не на воду, не на землю,
Ты лети-ка Соловьё-разбойнику прямо в правый глаз,
А вылетай в левое ухо».
- 240 Как завывали тут рога туринные,
Взвывала тетива шелковая,
Полетела каленая стрела пернатая,
Ударила Соловьёю прямо в правый глаз,
И вылетела стрела во левое ухо.
- 245 Не усидел тут Соловей на девяти дубах,
Он свалился на землю, как овсяный сноп,
Тут Илья Муромец согнул его в три дуги карчаревых
И связал ремнями моржовыми,
Скрутил губу верёвкой-бичёвкой:
- 250 Ни шалил бы он, ни посвистывал,
Ни полёхал бы добра коня.
Он поехал ко граду ко Киеву.
В десяти верстах от реки Смородины
Были построены у Соловьёя палаты белокаменные.
- 255 Было у него три дочери, дочки замуж выданы,
Прибрано было к дочерям по зятю,
Поджидали Соловьёя-разбойника Рахманова,
А в палатах каменных слышен свист за десят верст.
Вот глядит в окно дочка младшая
- 260 И говорит: «Батька едет, в тороках везет богатыря».
Как взглянула тут дочка средняя:
«Да никак двух везёт».
Как взглянула тут дочка старшая:
«То-то молодо, то-то зелено».
- 265 Это не батька наш едет, а удалый добрый молодец,
А батюшку в тороках везет полонённого».
Взглянула тут жена Соловьёева,
Увидала, что везут ейного мужа в тороках полонённого,
Побежала она тут к зятевьям любезным.
- 270 «Ах вы, зятевья любезныи,
Поезжайте вы к тестю на выруку».
Скоро наскоро зятевья тут справились,
Выехали к тестю на выруку.

- Как увидел их разбойник сын Рахманович,
275 Говорит он таковы слова:
«Вы послушайте, зятя мои любезны!
Если не усидел я на девяти дубах
От удала добра молодца,
То не усидеть вам на добрых конях.
280 Вы сойдите с добрых коней,
Падайте на колени перед удалым добрым молодцем». Соскочили зятевья с добрых коней
И пали на колени перед Ильёй Муромцем.
Тут ведь стали просить Илью Муромца
285 Въехать в палаты соловьиные хлеба-соли откушати
И оставить Соловья на погляженье.
Долго отдакивался и отнекивался Илья Муромец,
Но потом согласился и поехал палаты посмотреть
Соловья-разбойника.
А у Соловья-разбойника дочка старшая была очень
хитрая,
290 Она на блоках подняла подворотню чугунную
девяноста пуд:
Как заедет в ворота Илья Муромец,
И спустит ему подворотню прямо в голову.
Но Илья Муромец догадлив был,
Он подъехал к воротам и посмотрел, нет ли какой
опасности.
295 Как увидел, сидит наверху женщина,
Он ткнул копьём, свалилась на землю,
Сам повернул от ворот коня в сторону
И спрашивает, сколько людю есть в палатах
белокаменных.
— «Нас без слуг хозяев здесь семеро».
300 Приказал выйти всям зятевьям из терема
И связал их с жёнами вместе спинами,
Потом в мешки положил,
Бросил в реку Смородину:
«Поплавайте вы в реке Смородине,
305 Тогда научитесь делать такие подлости».

А жены Соловьёвой сказал:

«Ты накладывай телеги брынски злата-серебра и
скачна жемчугу

И вези за мной да в Киев-град,

Там ты выкупишь •Соловья Рахманова».

310 И поскакал он в Киев-град

И хотел поспеть в Киев-град к обедне поздней,

Но приехал к службе вечерней.

Он зашел в церковь божию,

Образам всем свечи ставит воску ярова,

315 Крест несёт он по писаному,

Поклон ведёт он по учёному,

Он ведь кланяется на все четыре стороны.

Отстоял он службу вечернюю

И поехал в палаты княженецкие.

320 Как приехал он к палатам княженецким.

Заехал во двор княжеский,

Привязал коня богатырского ко столбу да точёному,

Ко тому кольцу да золочёному,

Сам пошел в покои княженецкие.

325 А у князя у Владимира

Был созван почётный пир,

Как судить да как рядить

Уехать к Чернигову на выручку.

Как зашел тут Илья сын Иванович в покои
княженецкие,

330 Бьёт челом да князю Владимиру:

«Многолетно здравствуй, Владимир-князь да стольно-
киевский

Со своею со княгиней со Апраксней!».

— «А добро, добро пожаловать, удамый добрый
молодец,

Ты откудава к нам пожаловал,

335 Как назвать тебя по имени,

Возвеличать тебя по отчеству?».

— «Я есмь из города из Мурома,

Из села есть да Карачарова,

- Сын крестьянина Ивана Тимофеева,
340 Звать меня свет Илья да Иванович свет Илья
Муромец».
- «Ты послушай, Илья Иванович да свет Муромец,
Давно ли ты выехал из Муромы, •
И какой дорогой ехал в Киев-град?».
- «Я выехал из Муромы, отстоял заутреню
345 И хотел в Киев попасть к обедне поздней,
Но дорогой позамешкался с Соловьем-разбойником».
- Все богатыри за столом на ноги попрыгали:
«Ты послушай-ка, солнышко Владимир-князь!
Что дитина заводится,
350 Да Соловьём дитина похваляется,
Где ему, деревенщине,
Проехать в один день из Муромы».
- «Ты послушай, солнышко Владимир-князь,
Соловей-разбойник ведь не сидит на девяти дубах,
355 Он находится на твоём дворе на княжёвцеком».
- Все богатыри из-за стола попрыгали,
И князь с княгиней как вышли на княженецкий двор
У столба у точёного,
У кольца золочёного,
- 360 На чембуре на шелковьем
Стоит привязан добрый богатырский конь.
С коня пар столбом стоит,
Да пена кругом катится.
А у стремени луки задняя
- 365 На ремнях на моржовых
Привязан мужичина дюжая.
На нем рубашка александрейка красная,
Рукавицы за пояс втыкнуты,
Глаза разбитые,
- 370 Глаз на Киев смотрит, другой на Чернигов-град.
Как подходит к нему солнышко Владимир-князь:
«Ты посвисти-ка, Соловей, по соловьиному,
Ты зашипи-ка, Соловей, по змеиному,
Ты зареви-ка, Соловей, по эвериному,

- 375 Ты потешь нашу компанию!».
— «Ты послушай-ка, солнышко Владимир-князь,
Ты не кормил, не поил меня, не потчевал,
А много ты распоряжаешься.
Кормил, поил меня добрый молодец каленой стрелой.
380 Должен я его и слушаться». Тут подошел Илья Муромец,
Развязал ремни моржовые,
Открутил от губ бичёвочки
И говорит Соловью таковы слова:
385 «Ты послушай-ка, Соловей-разбойник сын Рахманович.
Засвисти ты только впóлсвиста,
А не в весь свист соловьиный,
А то много беды наделаешь в Киеве». Тут говорит Соловей-разбойник сын Рахманович:
390 «Ты послушай-ка, солнышко Владимир-князь,
Ты-ка дай мне чару зелена вина,
Не малую стопу, в полтора ведра,
От удара каленой стрелой
У меня сердце кровью запечаталось,
395 Не могу я свистать по соловьиному, шипеть по
змеинному».
- Приказал тут солнышко Владимир-князь
Подать вина самого хорошего.
Не малую стопу, да полтора ведра.
Тут ведь принял чару Соловей Рахманович,
400 Выпил чару на единый дух,
Как от этой чары зелена вина
Охмелело Соловья-разбойника, голова кругом пошла.
Он ослушался наказу Ильи Муромца.
Засвистал он во весь свист соловьиной,
405 Зашипел он во весь шип змеиный,
Заревел он во весь рёв звериный.
От его ли свисту соловьиного,
От его ли шипу змеиного,
От его ли рёву звериного
410 Все богатыри по двору тормча на землю попадали,

В тереме стёкла перелопались,
Маковки на тереме покривились.
Только устоял солнышко Владимир-князь со княгиней
Апраксией

- Он под спольем шубы Ильи Муромца.
415 Тут как Илья Муромец да рассерчается,
Он подходит к Соловьё-разбойнику,
Он схватил-ко его за ноги,
Свалился Соловей на сыру землю.
У его голова рылом повернулась в другую сторону,
420 Да ударил Соловьём он долгу подворотню,
Тут ведь Соловьё и калену поют.
Как приехала жена Соловьёва,
Привезла три телеги брынский,
Золотой казны, скашна жемчугу, платьев цветных.
125 Он приказал Илье Муромцу сбавить в кладовыи
теремецкие,
А навалить мёртвого Соловьё на телеги и везти
хоронить в свои области.
Зашли только в покои княжевецкие,
Как наскакал гонец из Чернигова с грамотой:
Илья Иванович, Илья Муромец,
430 Что подъехал из Мурома,
Спас Чернигов от разорения,
Он разбил всю рать под Черниговом,
Не оставил ни единого.
Тут благодарит его солнышко Владимир-князь:
435 «Я дам тебе место рядом со мной,
Второе напротив себя,
А третье — где тебе слюбится».
Поселился тут Илья Муромец в Киеве.
Вот он год живёт, другой живёт,
140 На третий год поднадоело в Киеве.
Он поехал гулять-путешествовать по белу свету.
Долго ли, коротко ли ехал по белу свету,
Он наехал во чистом поле
На великий белый камень.

- 145 Стоит камень на три дороги,
На камени три надписи:
«Вправо поедешь — убит будешь,
Влево поедешь — женат будешь,
Прямо поедешь — богат будешь».
- 150 Стоял, стоял Илья Муромец и призадумался:
«Куда, говорит, мне ехать?»
Поеду я в ту дорогу, где убит буду».
Долго ли, коротко ли ехал,
Наехал на стан разбойников.
- 455 Окружили Илью Муромца разбойники,
Как вынул он свой острый меч,
Начал сечь, рубить разбойников,
Не оставил в живых ни единого,
И приехал обратно к камению
- 160 И стёр мечом надпись с камня,
Написал другую надпись:
«Неправильно было написано,
Что кто поедет вправо, убит будит,
Ездил Илья Муромец дорогой правую, а жив
вернулся».
- 165 «Но поеду теперь, где жонату быть».
Долго ли, коротко ли ехал —
Как подъехал к воротам белокаменным.
Ворота ему наготовы открылись,
Въехал он на широкий двор,
- 470 Подъехал ко крыльцу боярскому,
Как выходили к нему двенадцать девиц,
Одну ведут под руки,
Что царицу богиню какую весьма прекрасную.
— «Что, удамый добрый молодец, приехали?»
- 475 Жениться хотите что-ли?
Вы пойдемте в палаты наши белокаменные,
Хлеба-соли откушайти,
Песень, игор послушайти».
Играли, угощались, а потом говорят: «Пожалуйте на
нашу кровать слоновую».

- 180 Подводят к кровати слоновой:
«Извольте ложиться на нашу кровать слоновую».
Он схватил её за руки и бросил её на кровать
слоновую,
Кровать слоновая под ней провалилася,
И прогрязла она в погребѣ глубокие.
- 485 Он приказал открыть погребѣ глубокие,
Оттуда выпустил дванадесѣть удалыхъ добрыхъ молодцевъ
И спустил ихъ к отцамъ, к матерямъ.
Сам закрыл на заковы палаты каменные,
Огню предал палаты каменные,
- 490 И поехал опять к камѣню,
И стёр мечомъ надпись с камѣня,
И написалъ вторую надпись на камени:
«Неправильно было написано,
Ездилъ Илья Муромецъ дорогой левою, а женатъ не былъ».
- 495 — «Ну теперь поеду в ту дороженьку, где богаты
быть»
Долго ли, коротко ли ехалъ,
Подѣхалъ к палатамъ белокаменнымъ.
Выходитъ ему стрѣчу вельможа богатый,
Проводитъ его в палаты белокаменны,
500 Кормитъ, поитъ и потчеваетъ,
Потомъ говоритъ: «Вы приехали, удалый добрый
молодецъ,
Поживитесь, разбогатитесь.
Вы пойдѣте в наши погребѣ глубокие,
Вы берите злата-серебра».
- 505 Открылъ онъ погребѣ глубокие:
«Полезайте в погребъ да забирайте, сколько надо».
Илья Муромецъ заглянулъ в погребѣ глубокие
И махнулъ туда вельможу богатого,
И двери сразу захлопнулись.
- 510 Онъ приказалъ открыть погребѣ глубокие,
Оттуда выпустилъ дванадесѣть удалыхъ добрыхъ
молодцевъ,
Онъ велелъ имъ разворочить погребѣ глубокие,

Набрать богатства, сколько за собой везти могут,
 А вельможе срубил голову,
 115 Бросил в погребѣ глубокие,
 Всѣ зарыл и скрыл, палаты огнём сожог.
 И поехал обратно к каменю и стѣр надпись
 И написал надпись новую:
 «Ездил дорогой прямою Илья Муромец, а богат вить
 не был».
 520 Вот он поехал ещё гулять по белу свету.
 Приехал он в царство Лотаринское,
 Там был сильный богатырь царь лотаринский.
 Подъехал к царству, закричал богатырским голосом:
 «Кто в сѣм царстве правит
 525 И развезживат на полях кругом города?»
 Царь услышал богатырский голос Илья Муромца и
 выехал в чистое поле.
 Съехались на поединок, Илья Муромец сбил его
 с коня и отрубил голову.
 Илья Муромец въехал в город и поселился в царском
 дворце.
 И сжился с царевной латыренкой
 530 И прожил тут полтора года.
 И заметил, что царевна лотарыненка стала беременна,
 И он распростился с ней и поехал путешествовать
 по белу свету.
 На прощанье ей оставил самоцветный камень:
 «Если родишь сына, то вставь камень в перстень
 на руку,
 535 Если родишь дочь, то дашь ей в приданом».
 И так и уехал из царства Латыринскаво.
 Долго, коротко он ездил по чисту полю,
 Вдруг увидал его в чистом поле Иванище Полканище,
 В нищей рясе старичок, и закричал громким голосом:
 540 «Ай же ты Илья, Илья Муромец!
 Ездишь ты, разгуливаешь, а беды нашей не ведаешь.
 Под Киев подошел Полкан Полканович с Печенежской
 земли,

- Забрался в покои княженецкие,
 Ест, пьёт и лакает и хочет князя с княгиней полонить
 и в свою землю взять».
- 545 — «Вот что, Иванище Полканище, дай мне одёжу
 нищенскую,
 Рясу и костыль и шляпу,
 А сам одень мою одёжу, сядь на коня и поезжай
 к Киеву.
 Там меня на полях подождёшь, а то меня там не
 пропустят».
- «Я не дам своей рясы и костыля и шляпы,
 550 У меня завет положенный».
- «Но смотри, Иванище Полканище,
 Когда тебя убью, мне всё достанется.
 У тебя силы вдвое больше, а ухватки в половину нет.
 И притом ты в книгах читал, что Илью Муромцу
 на бою смерть не писана».
- 555 Рассердился тут Иванище Полканище,
 Бросил свой костыль в землю, костыль загряз в три
 сажени печатные.
 И снял свое рубище и шляпу, оделся в одёжу Ильи
 Муромца.
 Илья Муромец насилу костыль из земли вытащил
 И начел костылём помахивать, подпираться, поскакал
 в Киев-град.
- 560 Прискакал он в Киев-град и подошел к покоям
 княженецким,
 Закричал громким богатырским голосом:
 «Подайте милостыню старцу прохожему
 Для пречистой богоматери
 И за храброго богатыря Илью Муромца».
- 565 Услыхал тут громкий голос Полканище,
 Выглянул в окно и говорит:
 «Голосисты у вас калики на Руси.
 Позовите в покои княжевецкие,
 Вспоминает он Илью Муромца, верно знает Илью
 Муромца».

- 70 Как вошел Илья Муромец в покои княженицкие
в рубище нищим.
- «Здравствуй, Полкан Полканович».
- «Здравствуй», говорит.
- «Вы, Полкан Полканович, вы не с Печенежской ли
земли есть?». — «Да, с Печенежской земли».
- «Не знал ли ты там моего дедушки по бабушке?
- 575 Каков дедушка по бабушке?».
- Озлился на него Полканище.
- «Да у них была обжорлива корова, как вы.
Много ела, много пила, да и лопнула».
- Как выхватил тут Полканище ножище-кинжалище,
- 580 Намахнул на Илью Муромца, Илья Муромец
отвернулся,
- А ножище пролетело прямо в двери в стойку,
А стойка с дверьми вылетела в сени.
- «Расскажи-ка ты, не знаешь ли Илью Муромца,
Каков есть таков ваш Илья Муромец?
- 585 Я вашего Илью Муромца на ладонь кладу, а другой
сверху хлопну».
- Сделаю блин, на табак смею и на одну понюшку
вынюхаю».
- «Вы послушайте, Полкан Полканище,
Я вам расскажу про Илью Муромца».
- Да подошел на близкое расстояние
- 590 И ударил шляпой в голову, а шляпа была ровно
в девять пуд,
- Голова просела сквозь плечи у Полкана Полканича.
- «Не честь-похвала мне молодцу
Осквернить палаты княженицкие».
- Схватил за ноги Полкана Полкановича
- 595 И потащил его на княженицкий двор.
- Там подпрёг лошадь водовозную за ноги
И пустил ее в чисто поле,
- А сам поскакал с костылем на условное место,
Где дожидает Иванище Полканище.
- 600 Переоделся в свою одёжу ратную,

Сел на коня и начал войско сечь и рубить и конём
 топтать,
 И в короткое время пересек всех и перерубил, и не
 оставил ни единова.

Проведал тут собака Калин-царь,
 Что убит Полкан Полканович в Киеве,

305 Собрал войско сто тысячей
 И пошел с войском под Киев-град.
 Подошли под Киев-град в пору летнюю.
 От поту и пару конного солнце померкло под Киевом,
 Как подошли под Киев-град,

610 Шлёт гонца в Киев-град:
 «Скоро наскоро сдайте нам Киев-град.
 А то в живых, говорит, не оставим в Киеве
 ни единова».

Тут и спрашивает солнышко Владимир-князь:
 «Что мы будем делать с Калиным-царём?».

615 Говорит Илья Муромец князю Владимиру:
 «Ты насыпь чашу сребра,
 Другу чашу золота,
 Третью чашу скашна жемчуга,
 Мы пойдём к Калину-царю со подарками.

620 А этот дурак татарин нас к царю и доведет».

Как пришли оны к Калину-царю со подарками,
 А в это время с башни колокольной
 Васька-пьяница натянул свой крепкий лук
 И наводил он трубками немецками,

625 И хотел попасть в собаку Калина-царя,
 Но ошибся иль прометился,
 Попал он в зятя Сартака
 И убил его до смерти.

Как приходит князь Владимир с Ильёй Муромцем

630 Ко собаке Калину-царю и подают ему подарки.
 И просят у него сроку дать на три дня.
 — «Я не дам вам сроку на три часа,
 Скоро-наскоро сдавайте Киев-град
 И выдайте мне в живых виновника,

Кто убил зятя моего Сартака».

— «Ах послушай-ка, царь Калин Калинович!

У нас в Киеве люду великое множество,

Как мы можем найти так скоро виновника?».

— «Если не найдёте виновника, сам буду искать,

640 Если найду, буду жилы тянуть из пят у вас
и у виновника».

Говорит тут Илья Муромец:

«Охвота или неохвота вам собакам живым быть».

Как он толкнул этого татарина, который бирючом
ходил,

Схватил татарина за ноги,

645 Начал татаринoм помахивать,

Куды махнет, туды улица,

Перемахнет — с переулками,

Потом начал приговаривать:

«Крепок татарин — не ломится,

650 С жилы ведь собака не сорвется».

Только выговорил эти слова,

Оторвалась головка татарская

И полетела по войску вдоль,

Что ядро с пушки пущено.

655 Приказал тут собака Калин-царь вязать ремнями
моржовыми Илью Муромца.

Повалили Илюшу на сыру землю,

Стали вязать его ремнями моржовыми.

Илья Муромец от земли подымается,

Выше лесу стоячего, ниже облака ходячего,

660 Он натужился плечами богатырскими,

Все ремни у него полопали.

Он подходит к собаке Калину-царю.

Как схватит его одной рукой за голову, другой за ноги,

Да согнул его дугой корчавою

665 И ударил его о горюч камень.

Тут Калину-царю калену поют,

А сам сел на коня, начал войско сечь-рубить и конём
топтать.

И поехали в Киев-град служить благодарное
молебствие за спасение.

И побыл Илья Муромец после побоища больше
месяца,

670 И слышал он про Святогора богатыря,
И поехал он во Святые горы искать Святогора
богатыря,

Долго ли коротко ли ездил Илья Муромец,

Приехал он во Святые горы,

Стал он ездить по Святым горам

675 И наехал он на следы коня богатырского —
Из-под копыта камни раздавлены.

Долго, коротко ехал Илья Муромец

По следам Святогора богатыря,

Потом видит — едет впереди,

680 Конь под ним, что сenna гора.

А на кони сидит, что превеликий дух.

Он подскакал к нему ближе

И ударил его сзади мечом по плечам,

А богатырь едет взад и поглядывает.

685 «Что такое?» — говорит про себя Илья Муромец,

«Верно у меня силушка не по старому».

Позади стоит огромный дуб,

Он ударил мечом по дубу огромному —

Дуб на щепки разлетается.

690 — «Нет, у меня силушка по-старому да попрежнему,

А что такое едет за чудовище?».

Он разъехался во второй раз

И схватил меч в обе руки,

И ударил мечом со всей силы.

695 От этого удара Святогор-богатырь взад поворачивает:

«Я думал комарики покусывают,

А там русские богатыри пощалкивают».

Повернул коня к Илью Муромца

И схватил его с конём, в карман положил и поехал дальше.

700 Долго ли, коротко ли ехали,

Под Святогором богатырем конь стал спотыкаться

Говорит он коню: «Что ж ты, добрый конь,
подтыкаешься?».

Его конь заговорил человеческим голосом:
«Как же мне не подтыкаться?»

11 Я везу самых сильных двух в свете богатырей
И надобавок коня в третьих».

Он вынул с кармана Илью Муромца
И стал его спрашивать: «Кто ты есть таков?».

— «Я, говорит, есть из города Мурома,

710 Сын крестьянина Ивана Тимофеевича,
Зовут меня Ильёй Муромцем».

— «А ты и есть Илья Муромец, что слава идёт
по белу свету?»

Ну теперь ты будешь моим братом, я старшим, ты
младшим».

Долго ли, коротко ли они ехали,

715 Наехали они на огромный гроб.

Про кого это гроб сделанный?

Говорит Святогор Илью Муромцу:

«Ляг-ка ты, Илья Муромец, в этот гроб».

Свалился Илья Муромец в гроб,

720 По Илье Муромцу гроб широк и долог.

— «Не по тебе этот гроб, Илья Муромец, дай-ка я
попробую лечь».

Как свалился в гроб Святогор богатырь —

Гроб что по мерке деланный.

«Ну-ка померяй гробову доску!».

725 Илья Муромец насили накатил на гроб гробову доску,

Только доску приложил, так она срослась,
приклеилась,

Святогор богатырь начал доску сбивать мечом —

Доска подачи не делает.

Илья Муромец начал рубить доску, а меч доски
не берёт.

730 А Святогор с гроба спрашивает:

«Что, говорит, Илья Муромец?».— «А меч мой
доски не забирает».

— «Возьми, говорит, мой меч у стремени».

Илья Муромец отвязал меч у стремени и поднет
не может.

И говорит Святогор-богатырю:

735 «Я вашего меча поднять не могу».

— «Приляг, говорит, к щёли». Илья Муромец
приложился к щёли,

Он оттуда дунул, и стало силы у Ильи Муромца
больше

И стал ему меч повиноваться.

Как ударит мечом по гробу,

740 Там обруч железный ставится.

Святогор опять спрашивает:

«Что рубится ли гроб?».

А он ему отвечает: «Куда я ударю, туда обруч
железный ставится».

— «Ах, говорит, верно смерть мне тут.

745 Наложись еще к щёли, я еще тебе силы прибавлю».

Илья Муромец думал-подумал и говорит: «Мне и той
довольно».

— «Ну, говорит, счастлив ты, что не нагнулся,

А то бы я дунул мёртвым духом, и ты бы помер».

И больше ничего не отвечал Святогор богатырь.

750 Илья Муромец сел на коня и поскакал к граду Киеву

И взял меч Святогора богатыря.

Приехал в Киев-град, киевские богатыри

Святогора меча и двое поднять не могут,

Тут он кончил свое путешествие,

755 Сел в терем и начал читать книги божественные и богу
молитесь.

Через несколько дней поехал в Киев удалая полёница,

Вызывает с Киева поединщика.

Он ездит вокруг Киева на добром коне.

Мать сыра земля под ним колыблется,

760 Рвет палицу под облака, налету другой рукой
подхватывает.

Тут киевские богатыри выехать не осмелились.

Надо, говорят, просить старого казака Илью
Муромца.

Ему, говорят, на бою смерть не писана.

Делать нечего было Илье Муромцу,

765 Одед он свою сбрую ратную,

Сел на своего коня богатырского

И поехал он во чисто поле.

Разъехали на довольное пространство

И пустили друг на друга коней,

770 И летят, что из лука стрелы пущены.

И ударились копьями так сильно,

Как гром грянул перед тучами.

Кони на коленка падают,

А всадники в сёдлах сидят не пошевелились.

775 Копья на мелкие части разлетелись.

Начали они друг друга мечом рубить,

Но мечи у них притупились.

Потом они сошли с коней и пошли в рукопашный бой.

Начали они друг друга подталкивать,

780 Начали друг друга пошатывать.

Как-то поскользнула у Ильюши ножка левая,

Пал Илюша на сыру землю,

А удалая поленица скочила ему да на белую грудь,

Начал его седатыи волосики пощипывать:

785 «Ах ты, старый чорт, седатый волк!

Ты сидел бы на печи да ел колачи,

Твое ли дело ездить-ратовать во чисто поле?».

Тут Ильюша про себя подумал:

«А не правду у святых отцов написано,

790 Что Илье Муромцу на бою смерть не писана,

А теперь Илья Муромец под богатырем».

Вдруг у него силы прибыло,

Как была у него рука правая из-под поленицы,

Он ударил кулаком поленицу в белу грудь,

795 Вылетел у него поленица со белой груди

Выше лесу стоячего, ниже облака ходячего,

И пал на сыру землю, как овсяный сноп.

И скочил Илья Муромец ему на белую грудь,
Выдёргивал свой ножище-кинжалище
800 И замахнулся ножом, хочет колоть прямо в бѣлу грудь,
А полѣница от страсти закрыл рукой глаза,
Рука у Ильи Муромца в плечи устоялася,
На руки у поленицы блеснул перстень самоцветный
камень.

Опустил нож и спрашивает:
805 «Ты скажи, говорит, пожалуйста, удалая полѣница,
Ты какого роду-племени,
Ты какого сын отца-матери,
Как и звать тебя по имени?».

— «Какой же я удалый добрый молодец,
810 От лежу я под богатырем,
Если б был я удалый добрый молодец,
Я сидел бы на богатыре,
Я не сидел бы на белѣй груди,
Я не спрашивал роду-племени,
815 А прямо колѣл бы бѣлу грудь»
(А сам как сидел на богатыре, так смеялся над ним
и щипал седую бороду!).

— «Ты скажи, удалая полѣница,
Ты ли сын есть не Латыринки?».
Поленица и руку снял:
«Да, действительно, я есть сын Латыренки».
820 — «Когда ты сын Латыренки, мне по крови сын».
И соскочил Илья Муромец со белѣй груди и поднимает
его за руки:

«Поезжай-ка ты домой к матери,
Да отвези поклон от Ильи Муромца,
Да больше к Киеву не ездь,
825 В Киеве богатырей много есть.
Да оны теперь разъехались».
(Маленько поднаврал, они и не смели выехать).
Сел на коня удалая полѣница
И поехал в царство Лотаринское.
А Илья Муромец поехал в Киев-град.

- 830 Измучился от драки Илья Муромец,
Напала на него лень страшная,
Клонить его стало ко сну великому
И раскинул он бел шатёр,
И развалился он в бел шатёр,
835 Заснул крепким богатырским сном.
Удалая поленица ехал дорогой раздумался:
«Приеду я, говорит, в царство Лотаринское,
Чем я там похвастаю?
Съездил в Киев-град и привезу поклон от побратима
матери,
840 Еще он, старый чорт, узнал меня по этому перстню».
Выдернул перстень с руки и в грязь бросил.
«Поеду обратно в Киев-град,
Его старого чорта убью или сам умру».
И поехал он по чисту полю
845 И увидел — стоит бел шатёр.
Подъехал ближе к шатру,
И увидал лошадь Ильи Муромца привязана у бела
шатра.
Раскинул он бел шатёр,
Илья Муромец спит наизначь,
850 А на груди Ильи Муромца чудный крест был
серебряный
Весом в двадцать фунт.
Он ткнул копьём прямо в белу грудь,
В кресте копьё устоялося,
От удара пробуждается Илья Муромец.
855 Он скочил-ка на резвы ноги,
Как схватил за ноги удалого поленицу,
Сдёрнул его с добра коня,
На одну ногу ногой стал,
А за другую руками сдёрнул
860 И разорвал его надвое,
И отрубил ему голову,
Привезал к стремени и поехал прямо в Киев-град.
Только въехал в Киев-град,

Заехал на двор княженецкий,
865 Не успел сойти со добра коня,
На коне закаменел, помер.
И тут и кончилась про Илью Муромца история.

СВАТОВСТВО ДУНАЯ

Как во стольном было в городе во Киеве
У ласкового у князя у Владимира
Был почётный пир да пиروваньице.
На пиру было много князей-бояр,
5 Много было могучих богатырей,
На пиру вси наедалися
На пиру вси напивались.
Тут солнышко князь да стольно-киевский
Он по светлой по горнице да запыхаживал,
10 Он жалтыми-то кудрями да потряхивал:
«Вы послушайте, князь да боярева,
Уж вы все да переженены,
Все красны девицы да замуж выданы,
Один я ведь князь да не женат живу,
15 Не женат живу да холостым слыву.
Вы покажите мне невесту хорошую,
И умом сверсну да и лицом красну,
А лицом красну да плечами со мной наравне».
Тут все гости призамолкнули,
20 Старший прячется за младшего,
А от младшего ответу нет.
Как у того стола конца нижнего
Как сидел тут старший сын Бермята сын
Васильевич,
Как встаёт Бермята на резвы ноги,
25 Говорит Бермята таковы слова:
«Ты послушай-ка, да наш солнышко Владимир-князь,
Как у короля в Литве да у литовского

Есть две дочери, две бѣлыхъ лѣбеди,
Одна дочь вить есть Настасья королевична,
30 Тая замуж за тебя ведь не пойдѣт,
Да тебе ведь ей и не владать.
Как вторая дочь Апраксия королевична
Она действительно умомъ сверсна да и лицомъ
красна.

Она плѣчомъ будетъ с тобою наравне».
35 Какъ у того стола конца да верхнева
Тут сидѣл Дунай да сынъ Ивановичъ,
Какъ скочилъ Дунай да на резвыя ноги,
Говоритъ Дунай да таковыя слова:
«Ты послушай-ка, солнышко Владимир-князь,
40 Правду говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ,
Я у короля в Литвѣ да у литовскаго
Девять летъ я служилъ верой-правдою,
Я три года служилъ конюхомъ,
Я три года служилъ ключникомъ,
45 Я три года служилъ стольникомъ,
Я ведь ел и пилъ с одного блюда,
С одного блюда королевскаго.
И у короля в Литвѣ да у литовскаго
Есть две дочери, две бѣлыхъ лѣбеди.
50 И действительно Настасья королевична
Она ездитъ во чисто поле и полякуетъ,
Она ищетъ себе поединщиковъ.
А другая дочь Апраксия королевична
И умомъ сверсна и лицомъ красна,
85 Она плѣчомъ будетъ с тобою наравне.
Будетъ намъ кого называть да государыней,
Будетъ намъ кому да поклониться».
Наливаетъ тут солнышко да Владимир-князь
Чару зелена вина онъ не малую,
60 Онъ не малую стопу да в полтора ведра.
Подаетъ онъ Дунаю Ивановичу:
«Ужъ ты выкушай, Дунай-ка сынъ Ивановичъ, чару
зелена вина,

- Ты умел-ка мне невесту повыхвалить,
 Ты умей мне невесту повысватать.
 65 Поезжай-ко к королю в Литву да ко литовскому,
 Ты бери-ка войско сорок тысячей,
 И добрых коней, золотой казны, сколько надобно,
 Если не даст волею, так берите силою».
- Принимает чару Дунай-ка сын Иванович
 70 Единой рукой,
 Выпивает чару во единый дух,
 И говорит он Солнышку таковы слова:
 «Ты послушай, солнышко Владимир-князь да
 стольно-киевский!
- Мне не надо войска сорок тысячей,
 75 Мне не надо добрых коней
 И той твоей казны бесчётной.
 Только дай-ка мне удалаго товарища,
 Добрынюшку да Никитича,
 Добрыня, грит, со мной силой наравне,
- 80 А роду боярского, умеет речь вести.
 Мы поедем вдвоём, Апраксию высватаем.
 Чтобы утром рано ранёшенько
 Были приготовлены нам два жеребца неезжанных,
 На них положим мы два седельца недержанных
- 85 А сам ты пиши ярлыки да золотой строкой,
 Пиши да не умаливай».
- Утром рано тут ранёшенько
 У столбов да у точёных,
 У кольцов да золочёных
- 90 На чембурах на шелковых,
 Были привязаны два жеребца неезжанных,
 На них положены два седельца недержанных.
 Тут подходят два удалых добрых молодца
 Дунай да сын Иванович
- 95 И Добрынюшка Никитинич.
 Видели молодцов сядучи,
 А не видели поёдучи,
 Только в поле пыль столбом стоит.

- Долго ли коротко ли ехали,
100 В Золоту орду приехали.
Как Дунай да сын Иванович
Соскочил он со добра коня
Дает в повод своего коня Добрынюшке Никитичу
И говорит ему да таковы слова:
105 «Ты, Добрынюшка Никитинич,
Побивай всех с головы на голову,
Не давай проходу ни конному ни пешему,
Да сам ты приговаривай:
„Скоро наскоро давайте Апраксию королевичну,
110 А то в живых не оставим ни единова“».
Сам побежал он в покои королевские,
Он ведь знает порядки литовские;
У ворот не спрашивает приворотничков,
У дверей не спрашивает придверничков.
115 Как вбежал он в палаты королевские,
Как король Литвы сидит за столом трапезует.
«Да здравствуй, батюшка король да Золотой орды!
Как тебя государя бог милует?».
— «Добро, добро пожаловать, Дунай да сын
Иванович,
120 Вы чего, грит, к нам пожаловали?
Послужить ли верой, правдою
По-старому да попржнему?».
— «Ты послушай, грит, батюшка да король
Золотой орды,
Не служить я приехал в Золоту орду,
125 Я приехал за добрым делом, за святовском.
Я ведь сватать Апраксию королевичну
За нашего за князя за Владимира».
А сам вынул ярлыки золотой строки.
Принимает король ярлыки, говорит таковы слова.
130 «Ты послушай-ка, Дунай сын Иванович!
Если бы не служил ты у нас да верой-правдою,
За слова твои неучливые,
За речи твои, грит, неумильные

- Посади́л бы я тебя в погреба́ глубокие
135 На один, грит, на хлеб на́ воду,
Чтоб ты не сватал младшу дочь да через старшую.
Если б приехал сватать Калин-царь,
Я б подумал, дать ему аль нет,
А за вашего князя Владимира в ума́х не держу».
- 140 Сам бросает ярлыки о дубовый пол.
Рассердился Дунай да сын Иванович,
Он зыну́л кулак да выше головы́,
Как ударил кулаком да о дубовый стол,
Стол на щепки разлетается,
- 145 Вся посуда по полу рассыпалась,
Как накинуд тут король да шубку кунию на голову,
Побежал он на крыльцо да королевское,
Он кричит там зычным голосом:
«Ах вы, слуги мои, грит, верные!
- 150 Вы ведите Дуная Ивановича в погреба́ глубокие,
Посадите его на овёс на во́ду
За его поступки дерзкие».
А слуги его на дворе вопом вопят:
«Ты послушай, батюшка, король да Золотой орды,
- 155 Неужели же из-за де́вицы да всем нам
погину́ть?
- Как на твоём дворе на королевском
Ездит уда́лый добрый мо́лодец.
Одного коня́ в поводу́ держит,
Не дает проходу ни конну ни пёшему.
- 160 Он побил лю́ду счёту несметного,
А сам только приговарива́т:
„Скоро на́скоро дайте Апраксию королевичну,
А то в живых в Орды оставим ни единого“».
- Побежал тут король в покои королевский,
165 Говорит он Дунаю таковы́ слова:
«Ты послушай-ка, Дунай да сын Иванович,
Ты уйми-ка своего товарища,
Бог ведь с вами и с Апраксией».
- Побежал-ка тут Дунай да свет Иванович

- 170 Не унимать он Добрыню да Никитича,
А побежал он в тѣрема высокии
К Апраксии королевичне.
На ходу он двери с пѣтником выдѣргиват,
Он вбежал в покои к Апраксии королевичне.
- 175 Застал ю только вставши со сну грядущаго.
В одной тонкой рубашечке.
— «Здравствуй, Апраксия королевична!
Как тебя тебя государь бог милует?». —
— «Добро, добро пожаловать, Дунай да сын
Иванович,
- 180 Вы чего к нам в Орду пожаловали,
Послужить ли ты по-старому, попржнему?». —
— «Ты послушай-ка, Апраксия королевична,
Я приехал сватать тебя за солнышко, за князя
за Владимира». —
— «Ты послушай-ка, Дунай да сын Иванович,
- 185 Я три года богу русскому молилася,
Чтобы быть мне за князя за Владимира». —
— «Ты послушай-ка, Апраксия королевична,
Умывайся ты белѣшенько,
Одевайся ты скорѣшенько,
- 190 И поедem с нами на святую Русь». —
Тут Апраксия королевична
Умывалася белѣшенько,
Одевалася скорѣшенько,
Сели они на добрых коней
- 195 И поехали на святую Русь.
Долго ли, коротко ли ехали,
Настала в пути ночка тѣмная,
Раскинули они бел шатѣр,
Положили войлочки себѣ под бока,
- 200 Сѣдельца под головы,
Апраксию положили в серѣдочку.
А сами по крайчикам.
Утром чуть зарѣ зашла,
Выходит Дунай сын Иванович

- 205 Во чисто поле смотреть добрых конен.
Пыль столбом стоит и земля дыбится.
Он и входит в бел шатёр:
«Ты вставай-ка, Добрыня Никитинич,
Поезжай-ко с Апраксией во Киев-град,
210 Я поеду обратно во чисто поле.
Есть за нами погонюшка».
Скоро наскоро они спразились,
Добрыня поскачил с Апраксией во Киев-град,
А Дунай Иванович поскачил обратно
к погонщикам.
- 215 Не долго пришлось ехать Дунаю Ивановичу,
Как увидел он скачит удалая полёница,
Закричала поленица зычным голосом:
«Ах вы воры, воры киевские!
Вы ведь воровски увезли Апраксию королевичну,
220 Накажу я вам, вора́м киевским,
Как воровать девок в Золото́й орды».
Они едут друг на друга, как стрелы с лука пущены.
Ударились ко́пьями булатными,
Кони пали от удара на коленушки,
225 Как удалая полёница
Вылетала на землю, как овсяный сноп.
Поворотил копьё Дунай свет Иванович острым
концо́м
- Говорил он таковы слова:
Уж ты смерть иль живот хочешь, удалая
поленица?».
- 230 Как схватила за острё копья уда́ла полёница,
Говорит она таковы слова:
«Ты послушай, Дунай да сын Иванович!
Я три года езжу во чистом поли́ полякую,
Ищу се́бе поединщи́ков.
235 И завет положи́ла:
Кто меня с седла сшибёт,
За того замуж пойду».
Соскочил Дунай со добра коня́,

Поднимает он ю за руки белыи,
240 И целует ю в уста сахарнии.
И подъехали они ко белу шатру,
И зашла удалая поленица во бел шатёр,
Одела она платки женскии
И поскакали с Дунаем Ивановичем во Киев-град.
245 Вот подъехали они в Киев-град,
На церковных ступенях две сёстры сходятся,
На церковных ступенях они здоровкаются,
В одном купели крестилися,
В одном соборе венчались.
250 Тут воздвигнул солнышко Владимир-князь
Пир он на семь дней.
На пиру все напивалися,
На пиру все напивалися,
Дунай да сын Иванович подвыпил тут, стал
навеселе,
255 За столом он порасхвастался:
«Есть ли ещё такой удалый молодец
Как Дунай да сын Иванович?
Он ведь ездил в Литву к королю литовскому,
Я ведь высадил две белые лебеди,
260 Одну лебедь дал за князя за Владимира,
А другу-то лебедь взял за себя».
Тут встает Настасья королевична на резвы ноги,
Говорит Дунаю таковы слова:
«Ты постой, Дунай, вить хвастаться
265 Я немного, грит, в Киеве побыла,
Да много в Киеве увидела,
Нет краше солнышка князя Владимира,
Нет сильнее Самсона-богатыря,
Нет хвастливее Алёши Поповича,
270 На походу нет щепливее Чурилы Пленковича,
А из лука стрелять метчеё нет Настасьи
королевичны».
Говорит тут Дунай Иванович да к Настасьи
королевишне:

Петр Григорьевич Горшков

И говорит таковы слова:
«Где ведь пала лебедь белая,
Да тут пади ясён сокол».
Ткнул ножом себя во белу грудь.
310 И тут ему калену поют.

СТАЛОВЁРСТ

Во стольном было в городе во Киеве
Как у ласкового князя у Владимира
Был почётный пир да столованье.
На пиру все наедались,
5 На пиру все допьяну напивались,
На пиру все порасхвастались.
Умный хвастает отцом-матерью,
Безумный хвастает молодёй женой,
Умный хвастает добрым конём,
10 Иной хвастает золотой казной.
А у стола конца у верхнева
Сидел здесь молодой Ставёр, да сын Годинович.
Он сидит задумавшись, ничем не хвастает.
Говорит-ка ему солнышко Владимир-князь:
15 «А что же ты, Сталовёрст сын Годинович,
Ты сидишь, ничем не хвастаешь?
Неужель у вас в Чернигове да нечем хвастати?».
— «Ты послушай-ка, солнышко Владимир-князь,
Хвастать мне не хвастать отцом-матерью —
20 Их двенадцать лет как в живых нет.
Хвастать мне не хвастать добрым конём —
У меня в конюшне на стойлицах
Стоят триста кобылиц,
Каждый год несут да по жеребцу.
25 Которые похуже, вам боярам повыпродам,
А котора получше, то сам держу.
У меня сидит триста портных мастера

- И все шьют с нова нанова,
Которые хуже — князьям-боярам повыпродам,
30 Которая лучше — сам ношу.
Также сидит триста чоботных мастера,
Шьют все с нова нанова,
Которые похуже — вам князьям-боярам повыпродам.
А котора получше, то сам ношу.
- 35 Хвастать мне не хвастать молодой женой.
Как есть у меня молода жена
Василиса дочь Микулична.
Она Киев-град купит-продаст и взад отдаст,
Вас князей-бояр с ума сведёт».
- 40 Это слово князю не понравилось,
Он велел Сталовёрста арестовать Годинова,
Посадить его в погреба глубокие
На хлеб, на соль, да и на воду.
Упросил он написать письмо на родину,
- 45 Написал письмо, положил коню под седло
И пустил коня да во чисто поле,
И прибег ведь конь да во Чернигов-град.
Как и встрет коня Василиса да дочь Микулична,
Привела коня в конюшню в стойла,
- 50 Расседлала, разнуздада коня доброго;
Из-под седла коня добраво свалилось письмо
печатное.
- Прочитала письмо Василиса, задумалась.
Как не выкупить Сталовёрста Годинова
От князя от Владимира?
- 55 Надо выкупить загадками женскими.
Сокрутилась, снарядилась она мужчиною
И прибрана себе тридцать юных девушек:
Передела их в платье мужское,
И поехали они в стольный Киев-град.
- 60 Как приехали они в стольный Киев-град
Ко князю ко Владимиру,
Назвалась она посланником от собаки Калина-царя
• Василием да Буслаевым.

- Как прислал ведь Калин-царь Калинович,
65 Требуе́т он дани-выплаты за двенадцать лет;
А если не может отплатить дани-выплаты,
То отдать племянницу дочь Путятишну за Васи́лия
за Буслаева.
Пригласил племянницу посмотре́ть Васи́лия Буслаева,
А племянница́ была девка хитрая:
70 Усмотре́ла-узнала, что Буслаевич не мужчина есть,
а женщина.
Говорит она князю Влади́миру:
«У ней похматки все есть женские,
Руки мягкие, пальцы́ короткие
И на стул садится без опасности».
75 Как узнáть, как выпы́тать князю Влади́миру
Васи́лия Буслаева?
— «Не угодно ли вам, Васи́лий Буслаевич,
Выйти во чистó поле позабавиться с нами,
Пострелять хоть из туга́ лука?».
Как вышли во чистó поле
80 Стали, стали стрелять из туга́ лука́ во чистóм полé.
Как поставила богаты́ря во чистóм поле,
Ставила ему в кольцо́ ножик на́ голову;
Она смерила́ пятьсот шагов
И стрéлила из туга́ лука́.
35 Расколо́лася стрелочка на две половиночки.
Тут богаты́ри все ужа́хнулись
И никто́ не согласи́лся с нашими богаты́рями
из туга́ лука́.
«Не угодни ли вам поохотиться-побариться с нашими
богаты́рями?».
— «Я с молоду, говорит, охотник был побароваться,
90 Есть у меня борцы́ оставлены во чистóм-поле,
Ну что же сделать, грит, надо позабавиться,
Потешить вашу братию.
Приводите-ка борцов киевских».
Навели тут несколько́ борцов киевских.
95 Как подходит она к борцам киевским,

Да хватает двух мужчин за шиворот
И раскидывает на две стороны.
Все тут удивились и ужахнулись.
И пошли пировать в покои княжеские.

100 «Не угодно ли вам, Василий Буслаевич, сыграть
в шашки-шахматы?».

— «Мы давай, говорит, играть в шашки-шахматы,
Поставь, говорит, на кон Киев-град,
А я поставлю все дани-выплаты за двенадцать лет».
Как стали они играть в шашки-шахматы,

105 Как Василий Буслаевич ход ступил — позаступил,
А третий ход ступил, так князю ступить некуда,
Князь и шашки под доску.

Как узнать, как выпытать Василия Буслаева?
Стали приглашать его в тёплу парну баенку.

110 Он спросил: «Где у вас тёплая баенка?»
Указали ему в окно не в дальнем расстоянии.

Он свернулся, сбежал в баенку,
Там умылся и упарился,
Никого не видал он там в баенке.

115 Как приходит к князю, жалуется,
«Как у нас вить в баенке умывальщики,
упаральщики.

А у вас там нет ни единово».

Делать нечего, князю надо приниматься за пир,
за свадебку.

Стали пировать-гулять тут свадебку,

120 Стали приглашать музыкантов со всего Киева.
Музыканты Василию Буслаеву все не ндравятся:
«Неужели, говорит, нет у вас годных музыкантов
во Киеве?».

Тут предложили князю Владимиру
Сталовёрста Годинова, что он горазд играть на
музыке.¹

¹ Вариант:

Он спец играть на музыке.

После этого стиха исполнитель вставил: «А Сталовёрст сидит арестованный».

125 — «Ну, говорит, приведите Сталовёрста поиграть
на музыке».

Привели Сталовёрста Годиновича,

Начал Сталовёрст разыгрывать,¹

Этот игрок да ёе понравился.

— «Вы, говорит, разрешите мне свозить игрока
во чисто поле».

130 Вот поехали оны со Сталовёрстом во чисто полё.

Переделась тут Василиса Микулишна в женско
платице

И поехала с мужем ко Красну-Солнышку.

Тут действительно князь поверил Сталовёрсту
Годинову

И дал ему наградушку и отправил его благополучно
во Чернигов-град.

Тем и кончается.

160

ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Воцарился как у нас да на Руси,

Грозный царь Иван Васильевич,

На пиру царь да порасхвастался:

«Уж я Казань-город силой взял,

5 Астрахань я город мимоходом взял,

Уж я вывел измену из Опскова,

Да я выведу измену с каменной Москвы».

У стола конца у верхнего

Сидел тут Малюта сын Скурлатович.

10 Как вскочил Малюта на резвы ноги,

Говорит Малюта таковы слова:

«Ты послушай, батюшка грозный царь Иван
Васильевич,

¹ Вариант:

Начал разыгрывать на музыке.

- А не вывести тебе измену с каменной Москвы,
Как изменщик сидит да напротив тебя,
15 Он и ест и пьет с одной стола,
Он ведь парчу носит с одной плеча».
Показал он на молодого царевича Василия
Ивановича.
- Закричал тут царь да зычным голосом:
«Ах вы, слуги мои, грит, верные!
20 Вы ведите царевича во чисто поле
И учините над ним смертную казнь».
Как услышала тут мать царевича
Настасья свет Романовна,
Побежала она к брату родному
25 В вотчину к Миките свет Романовичу.
А Никита Романович с гостем сидел да угощались
забавляясь
Сладкими напитками.
Как увидал сестру да во гори вбежавшу в комнату,
он ужаснулся.
— «Ах ты, брат мой Никита Романович,
30 Ты сидишь за столом да прохлаждаешься,
Ты сидишь за столом да угощаешься,
Ты беды нашей не ведаешь.
Как не становится у нас молодого царевича Василия
Ивановича,
- По доносу да по боярскому
35 Приказал царь над ним учинить смертную казнь»
Тут вскочил Никита свет Романович,
Он ведь выбежал на свой, на боярский двор.
Он вскочил на лошадь рабскую, водовозную
И поскакал он во чисто поле.
40 Ко тому болоту Житному,
Ко тому ли месту лобному,
Где учиняют смертную казнь.
На ходу кричит он зычным голосом:
«Эй вы, палачи бесстрашные!
45 Не казните вы царевича,

Его бог ведь спас, да царь вину простил».

В аккурат поспел во пору во времечку:

Царевич был поставлен на плаху чёрную,

Отобрал он у палачей млáдова царевича.

50 А грозный царь Иван Васильевич

По окончанию пира

Приказал всем бояревам приходить всем в церковь
божию.

«Приходите в плати чёрным,

Станем петь панахиду по царевичу.

55 А после панехиде я всех вас стану спрашивать».

Все бояреве под страхом разъехались.

Утром рано тут ранёшенько

В Иваном соборе ударили в большой колокол.

Со всех концов Москвы улицы

60 Приходили бояреве в плати чёрном.

А Никита сын да свет Романович

Нарядился, сокрутился в платье цветное

И поехал он к собору к Ивановскому.

Он подъехал к воротам ко тем ко северным,

65 Он зашел да в церковь божию,

Крест несёт он по писаному,

Поклон несёт он по учёному,

Свечи ставит воску ярова.

Не успел побить челом он царю грозному,

70 Как царь стал его выпрашивать:

«А и ты, Микита свет Романович, шурин мой
любимый!

Что ж ты мне в глаза да насмехаешься?

Приказал я ехать в церковь божию

И служить панахиду в платье чёрном,

75 В трауре чёрном,

А ты приехал в плати цветным,

Аль беды ты нашей не ведаешь?

У нас не стало младого царевича».

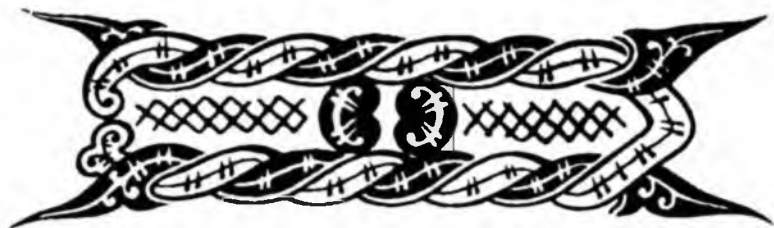
— «Ты послушай-ка, батюшка грозный царь Иван
Васильевич!

- 80 Не вели ты петь панехиду по царевичу,
Да вели-ка служить заздравное молебствие:
Во ту пору, во то времечко
Я ездил во поле, охотился,
Я услышал гам на месте лобном,
85 Я подъехал посмотреть да место лобное,
На кого пала опала царская,
Услыхал, что на царевича.
Я отобрал царевича у палачей да страшных,
Довести до справки дело верное,
90 Если виноват в измене царевич Василий Иванович,
В чём измена есть царевича,
То потом учинить над ним смёртну казнь».
Тут как ахнул грозный царь Иван Васильевич:
«Неужель ведь жив мой сын Василий свет Иванович?»
95 Тут открылись ворота северные
И вошел Василий свет Иванович.
— «Ты послушай, Микита свет Романович,
Чем я могу тебя наградить за такую службу великую?
Ты бери сёлы с присёлками,
100 Города с пригородами,
Золотой казны, сколько надобно».
— «Ты послушай, грозный царь Иван Васильевич.
Мне не надо городов с пригородами,
Мне не надо сёл с присёлками,
105 Только дай мне Микитину вотчину,
Кто уйдёт в Микитину вотчину,
Тому бог спасёт и царь вины простит.
И дай мне на руки Малюту Скурлатова,
Я сам стану спрашивать Малюту Скурлатова,
110 Чем измена была у царевича».
(Тут она кончается. Малюта был в такой милости
от царя, что видно ему не дал. Малюта — вроде
министра).

Матвей Герасимович Самойлов

МАТВЕЙ ЕГОРОВИЧ САМЫЛИН

М. Е. Самылин относится к тем сказителям, которые, хотя сами по разным причинам почти совсем растеряли свое бывшее знание, продолжают попрежнему любить и ценить эпическое наследие.

В 1926 г. — это крестьянин-бедняк д. Демидово Космозерского сельсовета, односельчанин П. Г. Горшкова, грамотный, занимавшийся, кроме сельского хозяйства, сапожным ремеслом. Впоследствии — колхозник той же деревни. Живал в Петрограде. Принимал участие в первой мировой войне, был ранен в голову, вследствие чего сильно ослабела память. Умер в годы Великой Отечественной войны.

Когда-то знал целый ряд былин, усвоенных им от деда своего Александра Тимофеевича Плакидина из б. Шуньгской волости и от другого хорошего сказителя Павла Перфильевича Горшкова, деда современного космозерского сказочника и исполнителя былин Петра Григорьевича Горшкова. «Пел смолоду, — говорил про себя Самылин, — память сшибло в германскую войну».

Кроме публикуемых былин, от него в 1926 г. была записана еще схема былины о Добрыне и Алеше, отдельные отрывки этой былины и стихи о братьях Лазарях, об Алексее и отрывок из «Голубиной книги» (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. II).

К былинам Самылин сохранил большое уважение, в 1926 г., во время записи, он с трогательным старанием пытался восстановить в памяти забытое. Иное отношение он высказывал к сказкам: «Сказки, — говорил он, — неинтересны, другое дело старины». Исключение он делал лишь для сказки об Еруслане Лазаревиче, которую он воспринимал как близкую к былинам. О Самылине как исполнителе мною было рассказано в статье «Былина в Заонежье» (Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Л., 1927, стр. 84—85).

Творческое движение тридцатых годов среди сказителей и певцов Карелии неожиданно выдвинуло М. Е. Самылина в первые ряды создателей

нового, советского эпоса. Сказитель, до тех пор лишь перепевавший сравнительно жалкие остатки своего былинного репертуара, обнаружил незаурядные творческие данные. Им сложены былины о полярниках (Сказания о героях Арктики. Кургосиздат, 1938, 1 и 3), былина о Ворошилове. В них видим большую теплоту, искренность, поэтичность. Свои новые произведения Самылин пел на характерный былинный напев, приятным задумчивым голосом. Сам сказитель чрезвычайно был увлечен своим творчеством. Самылин — яркий, убедительный пример тех народных дарований, которые пробуждены к творчеству всем содержанием и характером нашей замечательной эпохи.

ПРО СТАВРА

- Как во славном городе во Киеве,
Как у славного у князя у Владимира,
Был-то собранный да почётный пир.
На многие на князи да на бояра,
5 На сильныи могучии богатыри,
Да на многие на гости на торговьи.
Они вси на пиру наедались и напивались,
Они пьяным-то разумом да порасхвастались.
Князи-бояры хвастаются заслугою и богатством
и конями,
10 Сильные могучие богатыри силою,
А Ставѣрст сын Годинович ничем не хвастает.
Тут проговорит Владимир-князь солнышко таковы
слова:
«Что же ты, Ставѣр, ничем не хвастаешь?».
Тут проговорит Ставѣр да таковы слова:
15 «Ай же, солнышко Владимир стольно-киевский,
Ещё умный-то хвастан отцом-матерью,
А безумный-то хвастан молодой женой
(Он себя вроде безумным называет):
У меня у Ставра у Годиновича
Есть молодая Василиста Микулична,
20 Она весь Киев-град с ума сведёт,
А князя Владимира в полон поведёт».

- «За такие поступки богатырский,
За такие надсмешки молодецкии
Посадить Ставра в погребѣ глубокии,
25 И засыпать желтым песком и пшеницей белояровой,
Чтобы про Ставра слыху нѣ было!».

Был на пиру ещё у Ставра свой человек, и скоро долѣжна
Василисте Никуличны:

- «Ай же молода, честна Василиста Никулична,
Ты здесь со своей дружиной забавляешься,
А про себя невзгоды не ведаешь.
30 Не стало у тебя Ставра, сына Годиновича,
Посажен он в погребѣ глубокии,
Засыпан песками рудожелтыми
И пшеницей белояровой,
Чтобы про Ставра и слыху нѣ было».
35 Тут садилась Василиста Микулична
На бросовую белую лавочку
И склонила головку ниже рѣзвых плеч,
И говорит она таковы слова:
«Как-то я буду Ставра выручать?».
40 Встряхнула головку по польскому
(Обрезала волосы),
Завила кудѣрки по посольскому
(Как послы),
Надела сапожки на ножки турец-сафьян,
И кунью шубоньку, шапку о трѣх соболях,
Взяла с собою дружину хоробрую,
45 Тридцать молодцов луковых стрельцов,
Тридцать молодцов, сильных могучих богатырей..
Выходит она на конюшню на стоялую,
Берѣт уздечку тесмянную
(Тесмянную или золочѣнную?),
Накладывает и берѣт седѣлышко черкасское,
50 Накладывает войлочки на войлочки,
Полагает поверх седѣлушко черкасское,
Стремяночки золочѣныи,

Ну и поехали они в Киев-град к солнышку князю ко Владимиру свататься к Марье Путятишне. Подъезжает со своей дружиной хорóброй. Во чистóм полí раздёрнули шатры полотняныи. Взяла она с собой только девять молодцов луковых стрельцов, сильных, могучих богатырей (поехали как бы на разведку). Приехали они во Киев-град, ко князю ко Владимиру, свататься на Марье Путятишны.

У ворот-то стоят приворотники,
У дверей стоят придверники
(Это по досюльному — теперь часовые называются).

55 Не спрашивает ни придверников, ни приворотников,
Въехали прямо в палаты князя Владимира.

Соскакивает со своего коня Василиста Никулична и отдает своёй дружине хороброей и сама входит в комнаты ко князю ко Владимиру. За столом сидит Владимир князь да стольно-киевский солнышко. Тут проговорит Василиста Микулична таковы слова: «Много лет здравствуй, Владимир князь да стольно-киевский. Я есть посол земли Ляцкой. Приехал я свататься на Марье Путятишны».

Тут проговóрит Владимир таковы слова:

«Есть-то молодец да во добрё хорош,

Время мóлодцу поженитися,

60 Время племяннице Марье Путятишне замуж итти.

Позвать сюда Марью Путятишну».

Приходит тут Марья Путятишна.

Тут опять проговóрит Владимир таковы слова:

«Есть-то молодец во добрй хорош,

65 Время молодцу да поженитися,

Время Марье Путятишне замуж итти».

Она и говорит на мёсто: «Ай же, дядюшка Владимир князь стольно-киевский солнышко, не выдай меня девушку за женщину. Не с кем нам будет во время позабавиться, у ней походка в ногах очень частенькая, на лавочку садится без опасности».

Тут Владимир говорит таковы слова:

«Есть молодец во добрѣ хорош,

Можно посла да поизведати,

70 А время Марье Путятишне замуж итти».

— «Ай же ты, Владимир князь стольно-киевский!

Не выдай меня девушку за женщину.

Где погибни¹ были, тут и место знать».

Тут проговорит Владимир князь стольно-киевский:

75 «Можно посла поизведати.

Есть ли охота, горит ли душа?

Не хочешь ли с нашими борцами поборотися?».

Вывел Владимир трёх самых сильных борцов, он всех их поперекидал. Потом вывел князь Владимир трёх молодцов луковых стрельцов. Начали стрелять. Она в лук положила стрелочку. Сперва один стрѣлил, да не дѣстрѣлил. А второй-то стрѣлил да перѣстрѣлил, третий совсем попасть не мог. Натягивает Василиста Микулична тетизочку шелковую и расколола стрелочку надвое: хоть на вес клади — одинаковы, обе равны половины. Тут говорит Марья Путятишна таковы слова: «Ай же ты, Владимир князь стольно-киевский! Не выдай меня девушку за женщину!». Опять князь Владимир повторяет: «А и можно посла поизведати. Ай же ты, посол земли Ляцкии, не желаешь ли в тёплую парную баньку попариться?». — «Желаю», говорит. Стопнали баню и отправили в баню. Когда они пошли в баню, она своё бельѣ всё сняла скоро наскоро и передала слуге мужское бельѣ, обмундирование одела на себя. Слугу пихнула в баню, а сама стоит вроде сторожа. Там то мылся слуга, там последили. Скоро-наскоро там оделась и пришла в палаты княжеские. Начался у них пир. Были приглашены бояры, гости торговые, сильные, могучиі богатыри. Начали свадьбу играть, плясать, играть на гусях. Когда пошли плясать, Василиста Микулична не может пойти плясать и говорит она князю Владимиру: «Есть ли у вас игроков лучше этих? Никак плясать не могу». А на пир у скажут: «Есть игрок, да посажен в глубок погрѣб. Тут она говорит: «Достать Ставра из глубокого погрѣба!». Князь Вла-

---

¹ «Кольца — по досюльному». — *Примеч. исполнителя.*

Владимир и приказал достать Ставра из глубокого погреба. Ставра достали, дали гусли, Ставёр начал играть, а она плясать пошла. И так плясала, что такого плясуна и не было у них. Она и говорит князю Владимиру: «Вот что, солнышко Владимир князь стольно-киевский, дай-ка мне Ставра съездить со своей дружиной пригласить моих родных с моей стороны на пир и на свадьбу».

Едутъ путём-дорогою, Василиста Микулична со Ставром сыном Годиновичем. Василиста Микулична говорит Ставру сыну Годиновичу: «Знаешь ли ты, Ставёр, кто я?» — «Не знаю», говорит. «Да помнишь ли с тобой вместе грамоте учились, в золотую манестовку поигрывали, в золотое колечко попадавали?». Ставёр отвечал: «Что я не знаю». Приезжали в шатры полотняные. Она сейчас соскакивает с добра коня и скоро наскоро входит в шатёр, снимает своё бельё и обмундирование и надевает уже женское платье. И выходит из шатра к Ставру, сыну Годиновичу. Опять спрашивает Ставра: «Ну, Ставёр, сын Годинович, кто я?» — «Теперь знаю, что ты жена моя», признал её. «Ну поедem домой». — «Нет, не поедem. А надо князю Владимиру честь отдать за пир да за свадьбу». Приезжает во Киев-град на пир со Ставром сыном Годиновичем. Сходят с коней, входят в комнаты, ну и говорит Василиста Микулична, отдает благодарность за пир и за свадьбу князю Владимиру. Князь Владимир на место сказал Ставру сыну Годиновичу, что быльицей похвастал, а не напросницей.

[МОЛОДЕЦ И ХУДАЯ ЖЕНА]

Не у голого женили — у богатого,
Что ль приданого-то много — человек худой.
Как приданое висеть будет на грядочке,
А слажо угодище со мною спать,
5 И с того-то горя молодец во гульбу пошел.
Поступил он королю во ключники,
И за выслугу король-то много жаловал,
Что с ключников король провёл его во конюхи,

Из конюхов привёл его в пустельники.¹
10 И он служил-то королю верой-правдою.
Познакомился он с королевной,
(У короля была дочь, не помню, как звать).
Он-то во-время пустельку с[т]лал,
Он-то во-время лежал да на белых грудях.
Тут двенадцать лет поры-времени миновалоси,

15 По своему-то дому стосковался.
По своей-то жене неудачливой.
Тут приходит молодец да в свою сторону,
И приходит молодец да в своё село,
Он и видит, что село да широко розвѣдено,
20 Оно божьими церквами разукрашено,
много магазинов, и жена его торговала, стала богатой, держала
много приказчиков и сама работала.

Он видит, что по улице гуляет два отрока, два ма́лых.
Он ведь спрашивает у отроков у ма́лых:
«Ай же, отроки вы малыи,
Есть ли у вас отец и мать?».

А отроки и отвечают:

25 «Мы от батюшки остались во ма́тушки,
Двенадцать лет, как во гульбу ушол».
Он и говорит тут отрокам ма́лым:
«Вы подите и скажите родителю своей матушке,
Что ль ведь пришол у вас родитель-батюшка».
30 Тут выскакивает родитель ихня матушка
На белый двор, на улицу широкую,
Увидала она тут своего мужа
И говорит она да таковы слова:
«Что ль двенадцать лет да солнышко ведь не пекало,
35 А теперичу-то солнышку ведь запекло:
Любимая семеюшка домой пришол».

¹ Постельники.

ПЕЛАГЕЯ НИКИТИШНА ФИЛИППОВА

Пелагея Никитишна Филиппова — в 1926 г. 73-летняя крестьянка-вдова д. Комлево Заонежского района. Неграмотная.

Краткая характеристика П. Н. Филипповой как исполнительницы была дана мною в статье «Былина в Заонежье» (Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Л., 1927, стр. 88). «Недоверчивая и суровая старуха, она долго отказывалась петь, а согласившись, привычным жестом пододвинула к себе прялку и прекрасным звучным и полным голосом запела свою былинку. Я слушала ее три раза, и изменения в тексте почти никакого, за исключением некоторой перестановки тех частиц, которые вставляются в текст для сохранения определенного ритма. И каждый раз та же поза: на лавке за прялкой. Сказать былинку словами без напева она не может. Кажется, тесно слились вместе слова, напев и ритмические движения пальцев вокруг кудели».

П. Н. Филиппова является типом сказителя, уверенного в себе, владеющего твердым текстом, четким былинным ритмом и соответствующим твердым напевом. В то же время самое качество текстов не позволяет причислить П. Н. Филиппову к представителям классического былинного стиля. Тексты отличаются чрезвычайной лаконичностью, доходящей порой до схематизма, почти не знают повторений, не развертывают широко и полно ни одной картины. Кроме былины, мною записан еще стих о Егории храбром (мучения Егория) и легенда о пустынноике (по указателю Н. П. Андреева № 841, 1), а А. И. Никифоровым — несколько сказок. В своей работе «Теперішній заонезький казкар-оповідач» Никифоров отметил в стиле Филипповой признаки «дефективности», выражающейся в коротких неоконченных фразах, прерывчатости, некоторой спутанности. В то же время в ее исполнении наблюдался и определенный след артистичности (там же, стр. 31—32). Сказки сообщала Филиппова с большой охотой. По вечерам

она рассказывала их внукам, из которых девочка Шура, 11 лет, уже усвоила от нее несколько сказок. Былины же Пелагея Никитишна ревниво таила от окружающих, боясь насмешек и осуждения, и исполняла их лишь для себя за работой. Других, кроме публикуемых, по ее словам, не знала.

Текст одной из былин Филипповой «Дунай» полностью совпадает с вариантом того же сюжета, записанным А. А. Шахматовым еще в 1884 г в д. Палтега (в нескольких верстах от Комлева) от неизвестной женщины средних лет. (См. Шахм., стр. 31 и 82). Исключительная оригинальность текста (см. примечание к былине), место записи, время записи и возраст обеих исполнительниц заставляют предполагать, что или П. Н. Филиппова и исполнительница Шахматова — одно и то же лицо, или что текст второй явился непосредственным источником варианта Филипповой, которая сохранила усвоенную ею былинку без всякого изменения.

ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ МИКУЛИЧНА

- Поезжае-ка Добрынюшка во чистѡ поле,
На поѣзде молодой жены наказываѣ:
«Да мѡлода Настасья, дочь Микулицна,
Положу я те мужнию заповедь,
5 Положу я на времецко на шесть годов,
Как минует времецко-то шесть-то годов,
Не видать буде Добрыни-то из чиста поля,
Ты вдовой хоть живи, хоть замуж поди,
Хоть за кнезя поди да за боярина,
10 Ты за смелого Алёшу, смотри, не ходи,
За моѡ за братца за крестовоѡ,
За смелого Алёшеньку Поповица».
Видели Добрынюшку сядючи,
А не видели доброѡ мѡлодца уедуци,
15 Только видели во чистѡм поле кѹреву.
День-ка за днѣм, как трава ростѣ,
Неделя по недели, как цветы цвели.
Миновало с того времецки-то шесть-то годов,
Не видать-то всѣ Добрыни со чиста поля.
20 Смелый стал Алёшенька похаживати,
Стал он мѡлоду Настасью подговаривати:
«Уж ты, мѡлода вдова Настасья Микулицна,
Ты ведь прожила нунь мужнюю заповедь».
— «Хоть я прожила мужнию заповедь,

- 25 Нонька по́ложу женьскую заповедь
На друго́ на времечко шесть годов.
Как минуетца времечко двенадцать лет,
Не видать будет Добрыни со чиста́ поля,
Я вдовой хоть живи, хоть взаму́ж я пойди,
- 30 За́ кнезя пойду да за боярина,
За тебя я, за Алёшеньку, не пойду,
Да за тебя, брата за крестового».
День за день, как трава ростёт,
Неделя за неделей, как цветы цвели,
- 35 Миновало с того времечки двенадцать лет —
Не видать ей Добрыни со чиста́ поля.
Да смелый стал Алёшенька похаживати,
Да стал молоду Настасью подховаривати,
Мо́лода Настасья пона́кнулась да заму́ж пошла.
- 40 Перованье тут-ка и почестен пир.
Тут наехал-ка Добрыня со чиста́ поля.
Он не спрашивал как у дверей придверничков,
У ворот-то он приворотничков,
Ай крест как вёл по писа́ному,
- 45 Поклон-то как вёл по учёному,
Уж он маменьке кланяетца в о́соби́ну:
«Уж ты здраствуй, родитель моя маменька,
Честна вдова Афимья Олександровна!
Я наехал тут Добрыня со чиста́ поля».
- 50 — «Отойди ты, холопинка незнаема,
Чего ты надо мной да насмехаешься.
Над сиротским ты домишком надругаешься?
Закатилось моё красно солнышко,
Закатилось оно за двенадцать лет,
- 55 Закаатетца теперь да светёл месяц».
Тут вскоцил он на пецку на муравлену,
Взял свои гусёлышки черкасський,
Заиграл-ка он в гусёлышки черкасський.
Тут расплакалась родитель его маменька:
- 60 «Да здравствуй-ко, рожоно моё дитятко,
Уж ты здраствуй, Добрынюшка Микитинець».

- Поезжает-ка тут Добрыня да на почётный пир,
 Он не спрашивал у дверей придверников,
 У ворот-то он приворотников,
 65 Эй крест как он вёл по писаному,
 Поклон как он вёл по уцёному,
 Настасьюшке кланяется во особину:
 «Уж ты здравствуй же, Настасья дочь Микулицна!»
 Приотпятился холопика ко липинке,
 70 Заиграл в гусёлышка черкаський.
 Тут вставала Настасьюшка Микулицна
 Она з-за стола вставала з-за дубового,
 Она брала-ка тут да графин с вином,
 Наливала ему чару зеленá вина,
 75 Подносила тут холопике незнаёмой:
 «Пей-ка ты, холопина незнаёма,
 От меня-то целую цару зеленá вина».
 Выпивал холопина незнаема,
 Выпивал он целу цару зеленá вина,
 80 Берёт-ка холопина графин с вином,
 Наливает целу цару зелена вина,
 Покладает в цару золотой перстень,
 Которым же перстнем да обручались,
 Он подносит цару Настасье дочь Микуличне:
 85 «Пей-ка ты, Настасья дочь Микулицна,
 Бери-тко эту цару единой рукой,
 Выпивай-ка эту цару единым духом.
 Буде пьёшь ты до дна, увидашь добра.
 А не пьёшь до дна, не видашь добра».
 90 Она брала эту цару единой рукой,
 Выпивала эту цару единым духом,
 Увидала в этой чаре золотой перстень,
 Которым же перстнем да обручались:
 «Не тот мой муж, что за столом сидит,
 95 Да тот мой муж, что у стола стоит.
 Да вот наш брат как, молоды жены:
 Эй муж в лес по дрова — жена замуж пошла».
 — «Не дивую я женьскому разуму,

Дивую я братцю крестовому —
100 У жива мужа он жену отнял».
А смелому Алёше тут и смерть придал,
Да только Алёшенька женат бывал.
Всякой на белом свету женитца,
А не всякому удаётся.

164

ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Во стольном граде было в Киеве,
У ласкового князя у Владимира
Собирался у них да почёстен пир.
Как вси ле на пиру напивалиси.
5 Вси они да наедались,
Да тут они вси прирасхвастались.
Ай той-то тым, иной-то иным.
А князи похвастиали золотом,
А бояры ты похвастиали серебром.
10 Ай умный похвастал отцом-матерью,
А безумный хвастал молодой женой.
Солнышко Владимир стольне-киевской
Эй по пиру, по пиру похаживает,
Ножку о ножку покалачивает,
15 Лучка об лучку покалачиват:
«Эй вси у вас по городу поженены,
Эй красны девицы замуж выданы,
Один я у вас только холост хожу,
Холост хожу да и холостым слыву.
20 А не знаете ли вы мне супротивницы,
Супротивницы да супротив-то меня?
Да оци бы были да ясна сокола,
Эй да бровы бы были да черно соболя,
Да ягодицы будто маковицы,
25 Походоука бы была павлинная,
Эй рець-поговор — лебединая.

- Да то что мне бы супротивница,
Супротивница, супротив-то меня».
- Эй вси на пиру да призамолкнулись,
30 Вси на пиру приужахнулись.
- Да з-за стола з-за стола дубового
Называетца братец-ка крестовый:
«Ай же ты, солнышко Владимир стольне-киевский,
Как женили меня молодца неволею,
- 35 И дороднего женили не охвотою,
И не в любов-ка я брал молодѹ женѹ,
Было платица много — человек худой,
Эй платице лежѹ на грядѹцке,
Немилаѹ моя жена на моѹ руки,
- 40 На руки лежит ды во глаза глядит,
Во глаза глядит — целовать велит.
Оттоѹ я молодѹц от ней в гульбу ушол,
Из орды в орду, из Литвы в Литву.
Эй жил я молодѹц у короля в Литвы,
- 45 Да жил я молодѹц верой-правдою,
Дарил меня король-ка, честно жаловал.
У этоѹ у кѹроля у литовскоѹ
У неѹ-ка есть-то две дощери,
Однаѹ Настасѹя королевична,
- 50 Она-ка ведь поленица преудалая,
Она-ка ехать и палить на добрых конѹх,
Промежѹ обедней меж заутреней,
Промежѹ христовыми молебными,
От Киева проедет до Чернигова.
- 55 А другая — Акулина королевична,
Она ѹкая девица прекрасивая,
Оци у ней да ясна сокола,
Да брови-то у ней чѹрна соболя,
Ягодицы быдто маковицы,
- 60 Эй походецка у ней павлинная,
Да риць-ка поговор — лебединая,
Ну будет тебе супротивница,
Супротивница да супротив тебя».

- Садилиси оны как на добрых коней
65 И поехали во землю во Литовскую,
Во Литовскую да в землю Польскую.
Нанимались они королю во конюхи,
Во конюхи коней пасты:
«Ай же ты, король литовский,
70 Ты возьми-тко нас молодчиков во конюхи,
Во конюхи возьми коней пасты».
Тут сманили Акулину королевичну.
Ай садились-то оны на добрых коней
И поехали в свбю оны сторону.
75 Напали как поганые татарове,
Отнимали Акулину королевичну.
А солнышко Владимир стольне-киевской,
Он хватал да бсище тележное,
Ай прибил всих туг татаровь он,
80 Он уехал на свою сторону,
Да увёз он Акулину королевичну.

ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЧВАНОВ

Илья Григорьевич Чванов — в 1932 г. крестьянин 63 л. дер. Коровниково Пайницкого сельсовета Заонежского района.

Былины Чванова обнаруживают в нем представителя категории исполнителей-«рассказчиков». (См.: Былины Севера, т. I, стр. 85).

В былинах Чванова выделяется тенденция к внесению и особому подчеркиванию социальных моментов.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ СЫН ИВАНОВИЧ

- Расскажу я вам, братцы,
Не сказку я вам скажу, не песню спою,
А спою я вам стих стародавней,
Былину киевску.
- 5 Это было в старину в стародавнюю,
Было во граде во Муроме,
И во том селе да во Карачеве,
Жил стар матёр человек,
Звали ево именем Иванушка,
- 10 А жену ево звали Порфиною.
И было у их чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Единственный сын Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванович.
- 15 Тридцать лет он сиднем сидел,
Не было ног у Ильи Муромца.
Пошли родители на работу трудную,
День ходили и другой ходили.
И на третий день ушли опять.
- 20 Ильюшеньку оставили у окошечка.
Поглядает Ильюшенька в окошечко косящато,
Во этуя путь широку дороженьку
И видит он идут два прохожих,
Два калики убогих, убогих, стародавних.

- 25 И подходят тут к косящату окошечку,
Ко этой хаты ко Ильюшиной.
И увидели там во хате добра молодца,
«Ай ты гой еси, добрый молодец!
Дай ты попить нам браги хлебной.
- 30 Нету браги у тебя, дай ключевой воды».
Отвечает тут Илья Муромец:
«Ай вы гой еси, стародавнии люди!
Я из бедново положения
И от бедных от родителей от трудящихся.
- 35 Нету у нас браги хлебной,
А за ключевой водой пойти у меня ног нет.
Тридцать лет я уж сиднем сижу, .
Всё в окошечко поглядываю,
Скука берёт меня неудольная,
- 40 Провожая я веки молодецкии».
Тут возглаголют люди стари:
«Опусти-ко ноги резвыи
Со своей дубовой со лавочки».
Тут опустит Ильюшенька
- 45 Ноги с лавочки с брусовой.
— «Обопришь на ноги резвыи!».
Тут опёрсэ Ильюшенька на ноги.
— «Ну, попробуй ты пойти стоючи!».
Тут пошёл Ильюшенька на резвых ногах
- 50 И почувствовал в сибѣ ноженьки.
Подавають оны чару медную,
Чару медную, златообрезную.
Эта мера полтора ведра,
Весом чара полтора пуда.
- 55 Приносит Ильюшенька ключевой воды
Из колодеца холодного.
Принимали чару единой рукой,
Выпивали чару на единый дух.
Говорят оны да таковы слова:
- 60 «Ай же гой еси, добрый молодец,
Илья Муромец да сын Иванович!

- Принеси-ко еще чарочку ключевой воды.
 Жар какой да .....¹
 Захотелось пить от зноя жарково».
- 65 Приносит Илья Муромец сын Иванович
 Чару ключевой воды.
 — «Ну-ко, выпей сам, Илья Муромец сын
 Иванович!».
- Как тут выпьет Илья Муромец да сын Иванович
 Эту чарочку всю до дна.
- 70 — «Што ты чувствуешь в сибѣ што-нибудь?».
 Говорят ему люди старые,
 Люди старые, да невидалые.
 Говорит им Илья Муромец сын Иванович:
 «Ах вы гой еси, люди старые,
- 75 Вы калики перехожие!
 Я почѣвствовал в сибѣ силушку великую:
 Кабы было во земли кольцо,
 И было бы во неби кольцо,
 Захватил бы эти кольца в одну руку,
- 80 Притянул бы небо к земли
 И смешал бы я земных с небесныма».
 Это слово старцам не слюбилоси:
 «Ай ты гой еси, доброй молодец,
 Доброй молодец сын Иванович!
- 85 Не годитце так делать дело неумильное,
 Неумильное, непоказано,
 Делай ты по показанью божьему».
 Подаютъ оны чарочку во белы руки,
 И говорят оны да таковы слова:
- 90 «Принеси-ко еще да ключевой воды!».
 Берёт тут чарочку Илья Муромец
 И приносит чару ключевой воды.
 И испили калики полведра,
 И поднесли Ильюшеньки полведра:
- 95 «На, испей, Ильюшенька, ещо воды

¹ В рукописи пропуск.

- Для счастья и для смелости».
Как выпил тут Ильюшенька полведра,
Чувствует в сибѣ Ильюшенька дело не простое.
— «Ну, што чувствуешь ли в сибѣ, Илья Муромец,
100 Илья Муромец сын Иванович?».
- «Чувствую я теперь, калики перехожии,
Што убыло у меня силушки половинушка».
— «Довольно тиби силушки и той теперь.
Еди ты по полю поляковать,
105 Вызывай ты витязей могучиих,
На бою тебе смерть не писана».
И попрощались тут с Ильѣй Муромцем
И потерялись с глаз.
Справлялсѣ тут и снаряжалсѣ Илья Муромец,
110 Илья Муромец сын Иванович.
Ко своим ко родителям ко старым,
На эту на трудну на работушку.
Приходит он туда да ко родителям,
Чистили тут поженку родители
115 О эту ли о Сафат-реку,
И после обеда родители отдох держат,
Начал Ильюшенька работати,
Пенья-дубья все повыломал,
Во Сафат-реку повыбросал.
120 Проснулись тут родители,
Чудом сочудилиси и дивом удивилиси,
Што это сделалось на ихной на работушки.
Говорят оны между собой:
«Это видно нам господь помог,
125 Работали мы три дня и три ночи,
Не могли бы мы сделать половиночки».
Тут приходит Илья Муромец сын Иванович
Ко своим ли ко родителям на глаза:
«Бог на помочь, дороги вы родители,
130 Я к вам пришол на помогу.
На трудну на работушку».
И рассказывает он чудо чудное,

- И рассказывает он диво дивное,
Как пришли к нему калики перехожии
- 135 И дали ему резвые ноженьки,
И дали ему силушку великую,
И сказали ему слово приветное,
Приветное слово памятно:
Што на бою Ильюше смерть не писана.
- 140 — «Ай вы гой еси, дороги мои родители!
Не кресьяновать мне-ка с вами тут
На трудной на работушки
По этой по моей по силушки,
А ездить во чисту полю поляковать
- 145 И приучатьце мне к палицы булатной,
И ко этому к копыю да долгомерному
И ко этому луку да волочажному,
Защищать мне надоть сирот да бесприютных»
Тут сходил Ильюшенька на рыночек,
- 150 Купил жеребеночка спод маточки,
Купил уздечку дешёвеньку,
Заплатил за жеребёночка семьсот рублей,
А за уздечку платил пятьсот рублей.
Каждо утрышко повыводил жеребчика.
- 155 На эту на быстру на Сафат-реку,
И спаивал он ево ключевой водой,
Выкатывал он во свежой росы.
И подростил он жеребчика три года три месяца,
Подковал жеребчика подковами,
- 160 Купил седёлышко черкаское
И садилсѧ на жеребчика, поехал в путь,
Поехал в путь и раздумалсѧ,
Раздумалсѧ, распечалилсѧ:
«Глупо сделал я, добрый молодец,
- 165 Што не простилсѧ я с родителями с родными,
И не спросил совета у родителей,
Как мне ехать во путь широку дороженьку».
И поворачивает Илья Муромец сын Иванович
добра коня

- Ко этой хаты стародавней, ко родительской,
170 И говорит он таковы слова:
«Ай вы гой еси, мои родители стары!
Дайте вы мне прощеньице-благословеньице.
На этие на дела на хорошие,
На хорошие дела да на военные».
- 175 Благословили отец с матушкой
Своего ли дитятко любимое, распростились,
И поехал тут Илья Муромец сын Иванович.
Выезжает он во чистѡ поле.
Начал палицу булатную покидывать,
- 180 Начал тут мечом он да помахивать
И лучоночком в руках начал он повёртывать,
Делать развитие во белѡх руках.
На стременах стоять на резвѡх ногах,
Сам кричит тут зычным голосом:
- 185 «Ай вы, русский могучии богатыри,
Давайте вы со мной бой держать!».
Выезжает татарин великий тут,
Голова у татарина с пивной котел,
В плечах у татарина коса сажень,
- 190 Заревел татарин, што лѡв-зверь:
«Ах ты, голь русская!
Еще просишь ты поединщика,
Я тя на долонь кладу, другой прижму,
И сделаю тебя в овсяной блин».
- 195 — «Не хвастай ты, татарин, пустым словам,
Не попробовавши молодца, не убивай на смерть,
Не постреливши уточки, не поджаривай,
А поедem-ко мы с тобой на поединочек,
На поединочек да во чистѡ поле».
- 200 Как разъехались тут добры молодцы,
Не две тученьки да столкнулися,
Два могучиих богатыря съезжались,
Бились-ратались со вечера и до полуночи,
И с полуночи и дѡ утра.
- 205 Как схватил тут Ильюшка татарина

- За желты кудри.
Как махнёт тут татарина под облаку,
Опустит татарина на сыру землю
И говорит ему да таковы слова:
- 210 «Ах ты, волчья сыть и голодна выть!
Пустыма ты словами заливаешься,
Такима богатырямы ты хвастаешь,
Сожмёшь ты в овсяной блин».
- Отрубил он татарину голову,
215 Закопал татарина в сыру землю
И поехал по полю поляковать.
Едет день, едет другой,
Наезжает на витязя страшнейшего.
Увидел он его издали и закричал зычным голосом:
- 220 «Эй ты гой еси, добрый молодец,
Витязь незнакомый есь!
Ты куда едешь, куда путь держишь?».
- Обвёртываетца на кони тут добрый молодец:
«Ай ты гой еси, добрый молодец!».
- 225 Спрашивает Илью Муромца:
«Ты какой земли, какой орды?».
- Отвечает тут Илья Муромец сын Иванович:
«Из того из города из Мурома,
Из того из села да из Карачева».
- 230 — «Ах знаю я тебя, да добра молодца,
Говорили про тебя мне старцы прохожие,
Старцы прохожие, люди незнакомые,
И наладили мне тебя в товарищах».
- И поехали тут два добрые молодца
235 Во этую во путь широку дороженьку,
Ехали оны тут по Святым горам
И ехали оны тут по тёмным лесам,
Наехали оны на дороги гроб.
Опустилися оны тут со добрых коней,
- 240 Говорит тут Святогор Ильи Муромцу:
«Ай ты гой еси, Илья Муромец,
Будь ты мне-ко-ва меньший брат,

- А буду я тебе больший брат.
 Слушай ты моево распоряжения,
 245 Распоряжения да приказания.
 Как мы ездим да по святой Руси,
 И ездим сейчас по Святым горам,
 Потому я ееду по Святым горам,
 Што не носит меня мать сыра земля.
- 250 Мать сыра земля подо мной колебаетца,
 Нужно ехать мне-ко по Святым горам.
 Ну-ка, мой меньший брат,
 Ложись-ко ты в этот гроб,
 По ком этот делан гроб?»
- 255 Ложился тут Илья Муромец сын Иванович,
 Во чудный гроб — гроб широк-велик.
 «Не по мне этот деланный гроб, мой больший брат»
 — «Ну-ка, выдь вон из гроба, мой меньший брат,
 Я лягу в этот гроб, попробую».
- 260 Свалился тут Святогор во дубовой гроб.
 «Ай ты гой еси, мой меньший брат,
 Как по мне этот гроб и сделанный.
 Ну-ка, прикрой этой крышкой дубовую!».
 Говорит тут Илья Муромец сын Иванович:
- 265 «Што ты шутишь шуточку немалую,
 Живым ты на смерть идёшь».
 — «Не изменяй ты слова братсково,
 Слова братсково, брата старшего,
 Делай всё, што приказано,
- 270 Судьба придёт, так и смерть придёт,
 Без судьбы смерти не бывает ведь».
 Прикрыл тут гробовой доской Илья Муромец,
 Как по слову божьему приросла доска.
 Говорит тут добрый молодец Святогор в гробу:
- 275 «Ай ты гой еси, мой меньший брат,
 Приоткинь-ко ты с меня гробову доску!».
 — «Не могу я доски с гроба отнять,
 Как ни бьюсь силушкой великою,
 Силушкой великою, непомерной».

- 280 — «Возьми-ко свой булатной меч
И руби-ка поперёк гробову доску!».
Берёт тут Илья Муромец сын Иванович
Свой булатной меч
И рубит Илья Муромец гроб поперек.
- 285 От ударов искры сыплютце,
А поперёк железны обручи ставятце.
— «Ой душно мне, мой меньший брат,
Приходи-ко ты ко мне, к малой щелочки,
Отдам я тебе свою силушку».
- 290 Отвечает тут Илья Муромец сын Иванович:
«Ой ты гой еси, мой старший брат,
Хватит мне-ка силушки и так сибя,
То не будет меня носить мать сыра земля».
Говорит тут таковы слова:
- 295 «Ай ты гой еси, мой меньший брат,
Мово коня привяжи за гроб,
А мой меч ты с собой возьми».
Взял тут Илья Муромец сын Иванович
Привязал коня ко гробу тут.
- 300 А сам брал в руки братский меч
И поехал взад в поле поляковать.
Ездил по полюшку, порыскивал
И не нашол он себе поединщика.
Поехал он на дорожку на трёххрѣсписну,
- 305 На одном столбу надпись надписана:
«В одну дороженьку ехать — убитому быть,
В другу дороженьку — конь жив, сам мёртв быть,
В третью дороженьку ехать —
С барышнямы забавлятьце наб».
- 310 Говорит тут Илья Муромец сын Иванович:
«А поеду я в дороженьку, где убитому быть».
И поехал он дороженькой прямоезжей
Во этот в стольной во Киев-град.
Приезжает во леса дремучий,
- 315 И на тридевяти дубах Соловей сидит.
Как закричит он по звериному,

- Как зашипит он по змеинному,
Как засвистит он по соловьиному.
У Ильюшеньки конь на коленка пал.
- 320 Говорит он коню таковы слова:
«Ай ты гой еси, добрый конь!
Неужель ты не слыхал посвисту соловьиного,
Неужель не слыхал пошипу змеинова
И покрику зверинова?
- 325 Под богатырем ты на коленка пал».
Натягает тетивочку шелковую,
Накладывает стрелочку калёную.
Сам стреле да приговариват:
«Ты лети, стрела, не в дремучий лес,
- 330 И лети стрела не в чистое поле,
А лети прямо во сырой дуб,
Прямо Соловью-разбойнику в правый глаз,
А вылетит в лево ухо».
Зажужжит тут тетивочка шелковая,
- 335 Засвистит тут стрелочка калёная,
Попала стрелочка Соловью в правый глаз,
Вылетела стрелочка в лево ухо.
Покатился Соловей со гнезда, как овсяной сноп.
Подъезжал Ильюшенька к Соловью-разбойнику,
- 340 Отрубил тут разбойнику голову,
К стремени привязывал эту голову.
Едет мимо терема соловьинова,
Выходила тут жена на крылечушко,
Говорила да таковы слова:
- 345 «Ой вы гой еси, мои милы детушки,
Едет мужичище-деревенщина,
И везёт нашево родителя-батюшку убитово».
Не верят детушки сердешные своей матери.
Как увидели оны в глаза Илью Муромца
- 350 И свѣяли: «За што ты убил нашево батюшку?».
— «Я за то убил ево, што не было проходу
Ни конному, ни пешему,
И связу я эту голову на показ царю,

- И поверит царь, што я сделал дорожку прямоезжую
355 Гля всех людей, гля всех князей-бояр
И русских могучиих богатырей.
Наградит меня царь золотой казной,
Золотой казны у меня своей достаточно.
Он мне чин кладёт высокой,
360 Не желаю я чина взять.
Желаю я быть старшим могучиим богатырем».
И приезжает тут Илья Муромец сын Иванович
Во этот во стольной во Киев-град.
Заезжает он тут прямо на широкий двор,
365 Не спрашивал у ворот приворотников,
Не спрашивал у дверей придверников.
Идёт он прямо во высок терем,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
И говорит сам таковы слова:
370 «Сам здравствует Владимир князь».
Говорит тут Владимир стольно-киевской:
«Добро пожаловать, добрый молодец,
Куда едешь, куда путь держишь?».
— «Я еду из города из Мурома,
375 Из тово села да из Карачева,
И приехал я дорожкой прямоезжевой,
Проведал я царский пир».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ай же вы, русские богатыри,
380 Приезжает к нам незнакомый гость,
Вы спросите-ко у ево документы,
Зубами он да озираетце,
Словами он заливаеце, хвастает,
Вы проверьте-ка его добра молодца».
385 Говорит тут Илья Муромец, сын Иванович:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский!
Не веришь ты живым людям,
Ты поди-ко, посмотри на широкой двор,
Собери-ко ты всех князей-бояр,
390 И всех русских могучиих богатырей,

- И собери-ко ты весь стольно-Киев-град
простонародие, —
Тогда я покажу тебе всю правду молодецкую».
Выходили оны тут на широкий двор,
Выходит князь Владимир стольно-киевский
395 На свой на широкий балхон,
Говорит тут Соловьё-разбойнику
Илья Муромец сын Иванович:
«Ой ты гой еси, Соловей-разбойник млад!
Закричи-ка ты по звериному вполголоса,
400 Зашипипи-ка ты по змеиному вполшипипа,
Засвисти по соловьиному вполсвиста.
Потешь Владимира со княгинею
И всех князей-бояр,
И русских могучиих богатырей,
405 И посторонниих людей да стольно-киевских».
Закричит тут Соловей да по звериному,
Зашипипит тут собака по змеиному,
Засвистит тут разбойник по соловьиному.
Все князья-бояра зашаталися,
410 Все могучии богатыри распадалися,
Князь Владимир стольно-киевский еле жив стоит,
И говорит тут Ильёше таковы слова:
«Уж ты гой еси, добрый молодец,
Ты уйми-ко Соловья-разбойника,
415 Ты погубишь весь мой град и весь народ,
Не оставишь ты мне людей на сѣмена».
И говорит тут таковы слова:
«Ты поди-ко в палаты белокаменны,
Ты садись-ко за дубовый стол,
420 За дубовый стол на первое место,
Ай вы, слуги верные, несите-ко яства сахарнии
На эты на столы да на дубовые
И несите-ка вина заморскии,
Наливайте-ко чару зелена вина
425 Этому ли моему гостю первому».
Тут приносят слуги верныи

- На эты на стола да на дубовыи,
Стелют скатерти белыи и бранныи,
Ставят яства все сахарнии,
130 Ставят вина да все заморскии,
Наливают чарочку Ильи Муромцу.
Тут возговорит князь Владимир стольно-киевский:
«Ай ты гой еси, добрый молодец,
Ты пожалуй-ти в гридни светлыи,
135 Вы садитесь-ко за дубовый стол».
Тут заходит Илья Муромец Иванович
Во этыи во гридни во светлыи,
Крес кладёт да по писаному,
Поклон ведёт да по учёному,
140 Кланятце на все четыре стороны,
Всем князьям-боярам и русским могучим богатырям.
А князь со Апраксией в особину.
Не садилсе он тут на перво место,
А садилсе он на нижний конец, на меньшо место.
145 Сам возговорит да таковы слова:
«Ай ты гой еси, Владимир стольно-киевский,
Не наедатися к тебе я пришол, не напиватися,
Я пришол тебя попроведати,
Я прослышал, што нападает на вас сила татарская,
150 Татарская сила, неверная».
Тут ужáхнетце Владимир стольно-киевский:
«Ты откуль эту весточку пронюхивал,
Откуль эту грамотку прочитывал?».
«Не читал я ни весточки, ни грамотки,
155 А я видел рать во чистом поле;
Рать великая, широкая,
Стоит, што сухой лес».
Тут возговорит Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
160 Ведь я слыхал и ту пословицу,
Што один в поле не воин».
Говорит тут таковы слова Илья Муромец:
«Я не хвастаю силой богатырскою,

Я возьму этих татаровей на один взмах,
 Побью этих татаровей без орудия».
 Выходит Ильюша на широкий двор,
 Отрубает Соловьё-разбойнику голову:
 «Не по слову ты сделал, Соловей-разбойник млад,
 Крикнул ты во весь голос по звериному,
 170 Зашипел ты во весь шип по змеиному,
 Засвистел по соловьиному».
 И отсек ему буйну голову.
 Покатилась голова по широку двору,
 Сам садилсе на добра коня
 175 И поехал к татаревам в чисто поле.
 Как увидели татаревья воина,
 Набросились грудью на Илью Муромца,
 Хотели оны Илью Муромца конём стоптать.
 Хотели Илью Муромца копьём сколоть.
 180 Этово Илья Муромец не тваровал,
 Схватил он татарина за ноги,
 Соскочил он со добра коня,
 И начал он татаринном помахивать,
 Где он махнёт — ложитце улица,
 185 А отмахнёт — переулочек.
 Говорит сам таковы слова:
 «А крепок же татарин — не изломитце,
 А жилозат собака — не избрветце».
 Не успел словечко вымолвить,
 490 Как оторвалась голова татарская
 И полетела вдоль побоища
 И побила силушки великой множество.
 Проклинают голову татарскую татарова:
 «Быть проклята эта голова татарская,
 495 Разозлилась на своих братиев,
 И побила множество татар».
 Прибил он всех тут до единово.
 Закричали тут татаровья зычным голосом:
 «Ой ты гой еси, добрый молодец!
 500 Оставь ты нас хоть сколько на сёмена».

- «Не оставляю я вас поганных ни единово».
Всех прибил он до конца и поехал он.
Приехал он с побоища поганово
Обратно во стольный во Киев-град.
505 Встреча-слава тут была ему великая,
Почёт было уваженьице
От ласкового князя от Владимира.
И говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ой же ты, удалый добрый молодец!
510 Расскажи-ко ты свою родину,
Расскажи-ко ты, чией орды, какой земли».
Говорит тут Илья Муромец сын Иванович:
«Как бы был я чужой земли и чужой орды,
Не приехал бы я во Киев-град».
515 Остоломелся тут Владимир стольно-киевский.
«Неужели ты наш русский могучий богатырь есь?»
Расскажи-ко ты, чьево роду-племени,
Отца-батюшки и родной матушки,
Купецкой ли ты сын,
520 Или кресьянской сын?».
Говорит тут Илья Муромец сын Иванович:
«Я не купецкий сын, сын кресьянина,
Сын кресьянина не богато,во,
Не богато,во, а бедново».
525 Тут возгбворит Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Как же тебя по имени зовут да по отечеству?».
— «Зовут меня по имени да по отечеству
Стар могуч богатырь Илья Муромец,
530 Илья Муромец да сын Иванович».

СТАВЁР ГОДИНОВИЧ

Во стольном в городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира

Было пированьице почестен пир,
На пиру все едят да напиваютьце,
И все во хмелю порасхвастались,
Хто хвастает золотой казной,
Инной хвастает отцом-матерью,
Безумной хвастает молодой женой.
Один Ставѣр Годинович
Не ест, не пѣт, не кушает,
Белой лебеди не рушает,
Тут возгѣворит Владимир стольно-киевской:
«Ай же ты, Ставѣр да сын Годинович!
Пошто же ты не ешь, не пѣшь, не кушаешь,
Белой лебеди не рушаешь,
И ничем да ты не хвастаешь?».
Тут возгѣворит Ставѣр да сын Годинович:
«Ай же ты, князь Владимир стольно-киевской!
Нечем мне молодцу хвастати,
Мне похвастать не похвастать золотой казной.
Золота казна моя не держитце,
Мне похвастать — не похвастать чорным чоботом:
Чорны чоботы мои не топчутце,
Мастеров возьму, чоботы сошью и новы ношу,
К вам же, купцам, свезу на рынок и повыпродам,
И возьму я с вас цену полную.
И еще мне похвастать не похвастать добрым конѣм:
Добры кони мои не ездятце,
Возьму я спод матки жеребѣночком,
Возьму поставлю на овѣс да на воду,
И повыкормлю,
В чистом полюшке повыезжу,
И вам купцам, боярам повыпродам,
Возьму я с вас цену полную,
Мне похвастать не похвастать молодой женой,
Молодой женой Василисой Микуличной:
У меня молодая жена Василиса Микулична
Вас, купцов и бояр, продаст и выкупит,
А тебя, князя Владимира, с ума сведѣт».

- 10 Это князю слово не слюбилоси,
И возговорит он таковы слова:
«Ах вы, слуги, слуги мои верные!
Вы берите-ко Ставра Годинова за белы руки,
И выводите-тко из-за стола дубовоно,
45 И ведите-тко во погребѣ глубокии,
И садите-тко за замки крепкие,
Пусть-ко выкупит ево жена из погребов глубоких!»,
Тут садили Ставра Годинова в погребѣ глубокни,
На овѣс да на воду на двенадцать лет.
50 Тут сидит Ставѣр Годинович во погребѣх глубоких
И просит он у слуг у верных
Чернило и перо лебединое
И лис[т] бумаги гербовой
Написать весточку молодой жене:
55 «Ай же ты, молода жена Василиса свет Микулична!
Приезжай ты сюда во стольный Киев-град,
Не мош ли ты меня повыкупить из погребов
глубоких
Своей догадкой женскойей?
Как порасхвасталсѣ я у князя у Владимира на
почесном на пиру,
60 Порасхвасталсѣ я на почесном пиру молодой женой,
Тобой, Василисой Микуличной,
Што продаст всех купцов и бояр и повыкупит,
А князя Владимира с ума сведѣт».
Догадалась тут Василиса дочь Микулична,
65 Надо выдумать думу крепкую,
Как повыкупить мужа из погребов глубоких,
И собрала она тут тридцать молодцов дружинишку
хоробрую
И взяла с собой лучоночко волочажное,
Отправилась в путь-дороженьку в широкую
70 И подъезжала к полю ко чистому,
Ко тому ко городу стольно-Киеву.
И раскинула в чистом поле шатры белые
И сама возговорит дружинишке хороброй:

«Ай же ты, дружинушка хоробрая!

75 Снимайте вы с меня платьице цветное женское.
Подавайте-ко мне платьице мужское богатырское.
Принесите-ко мне старинный меч,
Который тянет весу в триста пуд».

Приходит дружинушка хоробрая,
80 К тому мечу ко старинному,
Берёт этот меч старинный на белы руки
И приносит к Василисе Микуличной
Тридцать молодцов без единово,
Берёт Василиса Микулична старинной меч единой
рукой

85 И роет этот меч она под облако,
И возговорит таковы слова:
«Лёгко этот меч мне богатырю,
Подите-ко, сходите во чисто поле,
Во чистом поле, за дубом есь за старым
90 Мой волочажный лук».

Пошла туды дружинушка хоробрая,
Пошла взять лучонко волочажное
Тридцать молодцов без единово,
Семеро несут под тот рог,
95 И семеро несут под другой рог,
Остальныи несут под серёдочку.
И берёт она единой рукой этот лучоночко
волочажное.

Натегают тетивочку шелковую,
Направляет на Владимира стольно-киевского терем,
100 Как ахнул лук, вси на дворе у князя призападали,
От выстрела закачались,
А Владимир-князь еле жив стоит
Со своей женой Офимьей Олександровной.
И сам возговорит да таковы слова:
105 «Ай же вы, русские богатыри!
Какая невежа пришла к нам во чисто поле,
Рать ли сила великая, или поленица удалая?
«Идите-ко вы и соберитесь-ко вы,

- Во чисто поле попроведайте».
- 110 Как приехали туда русский богатыри.
Наезжает тут Василиса Микулична,
Закричала она зычным голосом:
«Ай же вы, русские богатыри!
Что вы здесь проведали во чистом поле?»
- 115 Не рать-сила к вам тут приехала,
Я приехал к князю на почестен пир,
Отнесите князю просьбицу: пригласит ли меня на
почестен пир».
- Возращались обратно богатыри
Ко ласковому князю ко Владимиру
- 120 С этим ответом богатырским,
Говорили ему тут таковы слова:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский!
Приехал богатырь невиданный, неслыханный,
Роет палицу булатную боевую под облако,
- 125 И говорит он нам таковы слова:
„Пригласит ли меня Владимир князь на почестен
пир?»
- Я приехал с ним да познакомитьце
И желаю послужить ему верой-правдою“».
- Как возрадуетце Владимир стольно-киевской,
- 130 Эти речи пришли красивые, умильные,
От этово гостя нежданново,
Посылает он дружинишку хоробрую:
«Привезите-ко вы ко мне на почестен пир
Гостя нежданново».
- 135 И сходила тут дружинишка хоробрая в чисто поле
Позвать гостя нежданново на почестен пир.
Приехал тут богатырь на почестен пир
И возговорит он таковы слова:
«Ай же ты, князь Владимир стольно-киевский!
- 140 Приехал я к тебе с просьбой с великою,
Посвататьце на твоей племяннице
Мамсьфе Тимофеевной».
- Стало жалко тут князю Владимиру

- Своей племянницы родной.
145 Призадумалсѣ, призакручинилсѣ,
Закручинилсѣ, запечалилсѣ
Отдать племянницу не за знаково —
«Моя племѣнница ведь царска дочь,
А жених-то може есь батрак».
150 Дал отказ он добру молодцу.
Как рассердитце тут добрый молодец:
«Я кресьянский сын и кресьяную,
А про богачество и не спрашивай,
А надоть тебе племянницу замуж отдать!».
155 Бойтце тут князь Владимир стольно-киевской:
С виду богатырь храброй, а по выходки батрак
слывѣт.
Жалко ему отдать племянницу,
Закручинилсѣ тут витязь, запечалилсѣ
И сам нахмурился.
160 «Ай же ты, Владимир стольно-киевской!
Отдашь племянницу в замужество,
Оставляю в цельности я стольной Киев-град,
А не отдашь ты, Владимир стольно-киевской, свою
племянницу,
Разобью я стольной Киев-град в щепочки
165 И тебя, Владимир, с собой возьму,
Твоих богатырей в плен возьму».
Пораздумался тут князь Владимир стольно-
киевской,
Приходитце отдать видно племянницу в замужество.
Начинается тут почестен пир,
170 Говорит же тут Мамельфа Тимофеевна:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский!
Неужели ты не видишь женщины?
От колец на пальцах дучки знать,
Я замечаю, будто женщина, —
175 По улочки идѣт, колѣнца вместе жмѣт,
Это с виду видно не баатырь, а женщина».
Порасплакалсѣ тут Владимир стольно-киевской,

У этого гостя незнакомо:

- «Ай же ты, богатырь, храбрый витязь,
180 Почему же ты не ешь, не пьёшь, не кушаешь,
Белой лебеди не рушаешь,
Закручинилсэ, запечалилсэ?».
— «Некому меня поспотешити,
Нет ли у вас на гусёлышках сыграть мастера
185 На моем на чесном пиру?».
Приводит тут Владимир стольно-киевский
Много музыкантов хороших.
Не по разуму тут витязю музыканты те:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевской!
190 Не нравятце мне музыканты все,
Нет ли у вас затюремщиков,
Посаженных на овёс да на воду,
Не знают ли сыграть во гусёлышки?».
Спомнил тут Владимир стольно-киевской:
195 Есь посажен на овёс да на воду
На двенадцать лет Ставёр Годинович.
— «Отдать Ставра, так не видать Ставра,
Не отдать Ставра — разгневить посла».
«Ай же вы, слуги вернии!
200 Сходите вы в погреба глубокии,
Узнайте, есь ли жив Ставёр Годинович,
И ведите оттуль Ставра Годинова,
Приведите ево сюда на почестен пир.
И дайте ему гусёлышки яровчаты,
205 Путь он развеселит князя и племянницу».
Приходит тут Ставёр Годинович,
Здоровкаетце с богатырем посланным,
И берёт в руки гусёлышки яровчаты.
Стал натягивать струночки про Муром-град.
210 А доводить стал про Киев-град.
Эта музыка ему да тут слюбиласи,
И говорит он таковы слова:
«Ай же ты, Владимир князь стольно-киевской!
Отдай ты мне Ставра Годинова,

- 215 Не надо мне и твоей племянницы,
Развеселит меня Ставѣр Годинович,
Сыграет в гусѣлышка яровчаты».
Тут возрадовалсѧ князь Владимир стольно-
киевской,
Што не отдать племянницы за незнакомово,
220 Отдал Ставра Годинова тому богатырю великому.
Как берѣт он Ставра Годинова за белы руки
И подводит он к богатырю.
Берѣт богатырь Ставра Годинова за одну руку,
Целует он его в уста сахарнии:
225 «Здорово, ты мой муж Ставѣр Годинович,
Я твою похвальбу и хвастанье исполнила.
Поедем мы теперь во свой горѣд».
И повезла она Ставра Годинова
Со своей дружинушкой хороброей.
230 Выехали они во чисто поле,
Берѣт она лучишко волочажное,
Натягает тетивочку шелковую,
Отпускает стрелочку во чисто поле,
Сама стрелы да приговариват:
235 «Не гля чево была ты туда положена,
Не гля кровопролития, а для выкупления мужа
Ставра Годиновича,
И избавления от смерти голодной».

НАДЕЖДА ИЛЬИНИЧНА МОРОЗОВА

Н. И. Морозова — в 1932 г. крестьянка 73 лет д. Коровниково Пай-
ницкого сельсовета Заонежского района.

Кроме публикуемых былин «Про Чурилу», «Добрыня» и баллады
«У ключа, ключа, у колодца» («Казань город»), от Н. И. Морозовой были
еще записаны стих «Ника-воин» («Оника-воин») и несколько сказок
(Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVII).

ПРО ЧУРИЛУ

- Надеваетцы Чурила, снаряжаетцы,
Надевает он сапожки зелен сафьян,
Зелен сафьян турецково,
Шытья-щапетелья новгородсково.
5 Из-под пяты-пяты воробей пролетел,
Около носочка яицо катилось.
Надевае он шубыньку семьсот рублёв,
И надевае шапыньку он ведь пятьсот рублёв:
Спереди не видно личка белово,
10 Сзади не видно кудрей жолтых.
И сажился на коня семитысячного.
Тут не видли добра молодца сядучи,
Только видели добра молодца поедучи.
Не пыль-то в поли распыляетца,
15 Из копыт лошадинных поднимаетца.
Приезжает он к Катерине Микуличне,
Он правой рукой ворота отворял,
Левой рукой коня запускал,
И тут посыпал пшены белояройей:
20 «Ешь ты, конь да нечистый дух,
Не ради тибя поклоняюся,
Ради твоево любимово хозяина,
Ради Чурилушки Плёнковича».
Тут взяла ево за белые за рученьки,

- 25 Повела ево во светлую бо светлицу,
Посадила за столы да за дубовые,
Наклала кушаней сахарных,
Они пьют да едят да прохлаждаютца,
И спят и лежат, обнимаютца.
- 30 Тут приходит к ним черная девчоночка,
Черная, худая, челядиная.
«Ты послушай, Катерина Микулична!
Я пойду скажу Ермаку Тимофеевичу».
Тут спроговорил Чурилушка Плénкович:
- 35 «Ты послушай-ко, черная девка челядиная!
Ты не сказывай Ермаку Тимофеевичу.
Возьми-ко мою шубыньку семьсот рублѐв,
Ты возьми-тко мою шапыньку пятьсот рубаѐв,
Ты одень-ка мою шапоньку пятьсот рублѐв —
- 40 Спереди не видно лица черново,
Сзади не видно косы долгой».
Тут спроговорит черная девчоночка:
«Мне не надо твоей шубоньки в семьсот рублѐв,
Мне не надо твоей шапоньки в пятьсот рублѐв,
- 45 Я пойду расскажу Ермаку Тимофеевичу».
Тут спроговорит Чурилушка Плénкович:
«Ты возьми-ка моево коня богатырсково,
И возьми-ка золотой казны бѣз счету,
И только не скажи Ермаку Тимофеевичу».
- 50 А тут она скоро бежала по новым сеням
И скорей тово по часовенки:
«Ты послушай-ко, Ермак Тимофеевич!
Никак у твоей Катерины Микуличны
Е Чурила Плénкович.
- 55 Они пьют там едят, прохлаждаютца,
Спят там лежат, обнимаютца.
Он и говорит:
«Ты послушай, черная девчоночка!
Если правду скажешь, замуж возьму,
- 60 Если кривду скажешь — голову срублю».
Недосуг читать книг богомольных,

А тут не видли молодца сядучи,
Только видли добра молодца поедучи.
Пришол тут Ермак Тимофеевич.
65 Выбегает тут встрет Катерина Микулична,
Идёт она в одной рубашечки без кóсточа,
В одных идёт чулках без башмачков.
— «Ты што ж мне идёшь, Катерина Никулична,
В одной сорочки без кóсточа,
70 В одных чулках без башмачков?».
— «Без тебя, моя надежда, я неразмоглась».
Он и черной девчонки голову срубил
За то, што она неправду сказала.

ДОБРЫНЯ

Добрынюшка матушки говаривал:
«Чесна ты вдова Офимья Олександровна,
Пошто ты меня, матушка, спородила
Несчасново Добрыню, бесталанново?
5 Лучче б, матушка, ты меня спородила,
Завернула во белу камку,
Выстала на гору на высокую
И кинула бы лучче во синё море.
И лучче от Добрыни улы да с переулами,
10 И поляковал Добрыня, не поляковал,
И сберёг и не стерёг земли русской».
И Настасья Микуличной наказывал:
«Молода жена Настасья Микулична,
Пойдёт времечки тому три годички,
15 От Добрынюшки ни слуху и ни ведому,
Хоть замуж поди, хоть вдовой живи,
Пойди ты за купца, за боярова,
Только не ходи за Олешу за Поповича,
За бабьево насмешничка».

- 20 И год за год, быдто дож дождит,
Неделя за неделей, быдто гром гремит.
Прошло-то тому времечки шес[т]ь годушков,
От Добрынюшки ни слуха и ни ве́дома,
От Добрынюшки ни писем, ни грамотки, —
- 25 Хоть вдовой живи, хоть заму́ж поди,
Еще год за год, быдто дож дождит,
Неделя за неделей, быдто гром гремит,
И прошло-то это времечки двенадцать лет,
От Добрынюшки ни слуху, ни ве́дому,
- 30 И ни письма, ни грамотки,
И стал Олёшенька похаживать,
Молоду Настасьё Микуличну засватывать,
Она силою идёт, не охотою.
Тут приехал Добрынюшка Никитин сын
- 35 И приходит он к Добрынюшкиной матери,
Говорит он Добрынюшкиной матери:
«Накорми-ко ты напо́й добра молодца».
— «Ах, накормила бы тебя ножом во́стрым,
Напоила бы смолой горячеей,
- 40 Што убил, што убил рожоно моё дитятко,
Там убил ево во чистом поле».
— «Где же у тебя Настасья Микулична?
Молода жена ево?»
— «Молода жена Настасья Микулична заму́ж пошла.
- 45 Она силою идёт, да не охотою».
— «Ты подай-ко, Добрынюшкина матушка,
Добрынюшкины гусёлышки,
А пойду я на Олёшин пер».
Пришол-то он на Олёшин пер,
- 50 Стал он во гусёлышка поигрывать,
Молоду жену Настасьё Микуличну возвеселил.
Она выносит ему чару зелена вина:
«Уж ты кушай-ко, добрый мо́лодец».
Он взял эту чару единой рукой,
- 55 Выпивал эту чару единым духом,
И снял с руки правой именной перстень.

И клал он в чару зеленá вина:
 «Уж ты пей-ко, Настасья Микулична,
 Пей-ко ты до дна, так увидишь добра,
 60 А не пьёшь до дна, — не увидишь добра».
 Тут она выпила чару зеленá вина до дна.
 Увидала в чаре именнóй перстёнъ
 И тут она сказала:
 «И не тот мой муж, што за столом сидит,
 65 А тот мой муж, што во гусёлышка играт».
 Тут взял-то Олёшеньку за белы́ руки,
 За белы́ руки, да за желты́ кудри,
 И бросит ево на дубовый пол,
 На дубовый пол, — один звон пошел,
 70 Рассыпáлися кирпичны белы пёченьки.
 «От живово ты мужа жену отнял!
 А муж в лес по дрова,
 А жена зáмуж пошла».

Он до смерти ево убил и пошел к матери. Мать так и обмерла: «Накормила бы, напоила тебя, сын любезной!».

[КАЗАНЬ-ГОРОД]

У ключа, ключа, у колодеца
 Добрый молодец поил коня,
 Поил коня и не допаивал,
 Красну девицу он подговаривал:
 5 «Пойдем, девушка, в наш Казань-город,
 Наш Казань-город на красы стоит,
 Казань-реченька мёдом истекла,
 Быстры ручейки зеленым вином,
 И по горам-горам высоким
 10 Лежат камешки самоцветныи,
 По лужкам-лужкам сенокосным
 Лежат поясы шелковыи».

- «Не обманывай ты, добрый молодец,
Я в Казань-гѳроде была рѳжена,
15 В Казань-реченька была крѳщена,
В мелких ручейках была купана,
Ваш Казань-город на ножах стоит,
Казань-реченька да кровью прѳтекла,
Быстры ручейки горючмы слезмы.
20 По горам-горам высоким
Лежат головы человечески,
По лужкам-лужкам сенокосным
Лежат гады, гады серыи».

НАТАЛЬЯ КУЛАТОВА

Наталья Кулатова — в 1932 г. колхозница 26 лет д. Харлово Фоймогубского сельсовета Заонежского района.

Замужняя. Родом из той же деревни. Приветливая, тихая женщина. Кроме публикуемой здесь былины о Чуриле, от нее в 1932 г. был записан еще довольно путаный отрывок былины о Ставре Годиновиче (Рукоп. хран. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVII). Н. Кулатова знала также популярную в Заонежье «Пашицу» («Братья разбойники и сестра»), ряд сказок и песен.

В 1932 г. была неграмотна. Былинам научилась от старухи Степаниды Никифоровны Кононовой из д. Перхино близ Пайниц.

ЧУРИЛО

- Собирается Чурило, снаряжается
Во козловы сапожки одеваетце,
Сапожки на ножки зеленого сафья,
А зеленова сафья, а турецково,
5 Хорошево покрою немецково,
Хороша шитья новгородково,
Аще под пяты, пяты воробей пролетал,
Ишше около носоцька яицько кати,
Только видели Чурилушку сядуци,
10 Не видали добра молодца поедуци,
Только куревко в цистом поле закурилось.
Тут увидела Катерина Никулицьна,
Она скоро бежала по выходам,
Скорее тово по переходам.
15 «Слава бошушку теперь, слава господу,
Што ль по нашему с Шшурилушкой счастьецу
Не случилось во доми хозяина,
Ишшо молода Верба сына Васильевиця».
Она брала Чурилина конишецька,
20 Проводила на стойлу лошадиную,
Она насыпала пшеницы белояровой,
Она наливала питья всё медлянова,
Отошла от коня, поклониласи:

- «Не гля тебя, мой конь, поклоняюсе,
25 А гля твоего гля доброго хозяина,
Ишше мѡлода Чурилушки Пленковиця».
Она брала Чурилу за белы руки,
Проводила Чурилу в нову горенку,
Посадила Чурилу за дубовый стол,
30 Она взяла дощечку нову, шашманку.
«Уж ты давай-ко, Чурила, со мной в шашки играть,
Уж мы раз проиграем, другой заведѣм,
Уж мы другой проиграем, третий заведѣм».
Она бросила досщечку о дубовой пол:
35 «Ты поди к цѣрту, досщечка моя, шашманка!
Лучче ляжем-ко, Чурило, на кроватку спать,
На кроватку спать, позабавитьце».
Тут увидела девцѣноцька цѣрная,
Она цѣрная злодейка чилиядинная:
40 «Пойду, дѡнесу Вербес сыну Васильевичу».
Тут спроговорит Чурилушко Пленкович:
«Ашше ай же ты, девцѣноцька цѣрная!
Ашше вот тиби поўтина на белилышко,
Ашше вот тиби другая на румянышко.
45 Ашше вот тиби шапка во пятьсот рублей —
Ой ушиста, пушиста, завесиста,
Штобы спереди не видно лицька цѣрнова,
Штобы сзади не видно пучка вшивово».
Тут спроговорит Катѣрина Никулицьна:
50 «Ашше эту поўтину лучче мне отдай,
Ашше ету шапку лучче сам сноси».
Побежала девцѣнка во божью церкву:
Ишше ай же ты, Вербес сын Васильевич,
Уж как служишь ты обедню воскресенскую,
55 Ты цитаешь книгу всё да всё евангельѣ,
Над собою ты невзгодушки не ведаешь;
Как во ваших во новых во горницах,
Как во ваших во светлых во светлицах
Ишше гось гостит, быдто брат родной,
60 Быдто брат родной, быдто муж с женой».

- Не дослуживал обедни воскресенской,
 Не дочитывал книги он евангелии,
 Он садилсѧ на маленькова на бурушка,
 Только куревко в цистѧм поле закурило.
- 65 Тут увидела Катерина Никулицьна,
 Она по пояску в окощенько бросаласе.
 Тут спроговѧрит Вербес да сын Васильевиць
 «Ашше што ж ты, Катерина Никулицьна,
 Што ж ты в ѡдных чулочиках бѣз чеботков,
- 70 В ѡдной рубашки без пояска,
 Што в ѡдной кокошици бѣз платка?».
- Тут спроговѧрит Катерина Никулицьна:
 «Опосле тебя случилось нездоровьице».
 Тут доказала девцѣноцька цѣрная:
- 75 «Ты сходи-ко на стойлу лошадиную,
 Там увидишь Шшурилину конишецьку».
 Тут спроговѧрит Вербес сын Васильевиць:
 «Ай ты ай же, Катерина Никулицьна,
 Отчего стоит Чурилин конишецько?».
- 80 Тут спроговѧрит Катерина Никулицьна:
 «Ашше брат с братом съезжалисе,
 Оны добрыма конемы сменялися».
 Тут доказывает девцѣноцька цѣрная:
 «Ты возьми-ко сходи свои золоты клюци,
- 85 Отомкни-ко свои, свои золоты ларьци,
 Там увидишь Шшурилушку Пленковиця»
 Тут спроговѧрит Катерина Никулицьна:
 «Ты уцилась бы девцѣноцька цѣрная,
 Ты коров доить да телят поить,
- 90 Не уцилась бы, девцѣноцька цѣрная,
 Мужних жон до мужей доводить».
 Уж он взял тут Вербес сын Васильевиць,
 Уж он взял в руки саблю вострую,
 Он уж снѣс Чурилы буйну голову.
- 95 Тут спроговѧрит Катерина Никулицьна:
 «Шшо где пала Шшурилина головушка,
 Да тут бы пала Катеринина!».

ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА МОСЕЕВА

Е. И. Мосеева — в год записи (1932) колхозница 28 лет д. Харлово
Фоймогубского сельсовета Заонежского района.

Записана от нее лишь одна былина.

ЧУРИЛУШКА

- Отправляетце Чурила, снаряжаетце,
Одевает он сапожки зелен сафьян,
Зеленого сафьяну турецкого,
Баского покрою немецкого.
- 5 Окол пят, окол пят хоть яйцо кати,
Окол нос, окол нос хоть соловей лети.
Одевает он шубоньку кунью,
Одевает он шапочку в пятьсот рублей,
Ушиста, пушиста, развесиста,
- 10 Чтобы впереди не видно лица белого,
Чтобы сзади не видно кудерь жолтых,
Только видли мы Чурилушку сядучи,
А не видли мы Чурилушку поедучи,
Одна кұревка в чистом поле призакуриват,
- 15 Призакурива Чурилушке кудерышко.
Тут увидела Катерина Микулична,
Она с этого с косящата окошечка,
Она скоро тут бежала по новым сеням,
А еще-то поскорее по белому двору,
- 20 А еще-то поскорее по чистому полю.
Она брала тут Чурилино конишечко,
Проводила во конюшенки стоялыи,
Приносила пшены да белояровой,
Подавала, отошла да поклониласи:

- «Уж ты ешь, ты мой конь, да ешь. нечистый дух,
Я не ради тебя да поклониласи,
Ради твоего хорошего хозяина».
Она брала тут Чурилушку Пленковича
За этии за белыи за рученьки,
- 30 Целовала во уста да во сахарнии,
Проводила во светлыи во свѣтлицы,
Во эти во столовы в новы горницы,
Тут спроговорит Катерина свет Микулична.
«Уж ты ай же, Чурилушка сын Пленкович,
- 35 Ты пойдём-ко на кроватку позабавимся».
Приходила к ним девчѣночка чѣрная,
Тут спроговорит Чурила да сын Пленкович:
«Уж ты ай же ты, девчѣночка чѣрная!
Еще вот тебе полтина на бѣлила,
- 40 А другая на румянина,
Аще вот тебе третья на кастычъ-сарафан,
Еще вот тебе сапожки зелен сафьян».
*(И шубоньку кунью и всё ей отдал,
И шапочку в пятьсот рублей).*
- 45 Тут спроговорит Катерина Микулична:
«Уж ты ай же ты, Чурила да сын Пленкович!
Уж ты эту шубоньку сам сноси,
Уж ты эти сапожки лучше сам стопчи,
Уж ты этии полтины лучше мне-ко-во отдай».
- 50 Рассердилась тут девчѣночка чѣрная,
Она скоро тут бежала по новым сеням,
А еще-то скорее по белому двору,
А еще-то оскорее по чистому полю,
Прибежала во церковь во божью,
- 55 Ще крес она вела да по учёному.
Поклоны она клала да по писаному,
Тут спроговорит девчѣночка чѣрная:
«Уж ты ай же, Бермен да сын Васильевич,
Есть ведь при доме у нас да нелюбимый гость,
- 60 Нелюбимый гость Чурилушка Пленкович».
Еще тут да Бермен да сын Васильевич,

Он оставил божью книгу недочитаную,
 Он оставил божью церковь незамкнутую,
 Они скоро тут бежали по чистому полю,
 65 А еще-то оскорее по белому дзору,
 Тут увидела Катёрина Микулична,
 Она с этого с косящата окошечка,
 Она скоро тут бежала по новым сеням
 В одной она сорочечке без пояска,
 70 В одних она чулочках без башмачков.
 Тут спроговорит Катёрина Микулична:
 «Уж ты ай же ты, Бермен да сын Васильевич,
 После тебя я ноньку да незамогла,
 Были послы к тебе ноньку посланы,
 75 Была послана девчёночка чёрная.
 Распроговóрит девчёночка чёрная:
 «Уж ты ай же, да Бермен да сын Васильевич,
 Ты бери-ка ключи да золочёные,
 Отмыкай-ко конюшенки стоялые,
 80 Оттуль выбежит Чурилина конишечка».
 Тут ли Бермен да сын Васильевич
 Он брал да тут ключи да золочёные,
 Отмыкал конюшенки стоялые,
 Оттуль выскочил Чурилина конишечка.
 85 Тут ли Бермен да сын Васильевич
 Брал в руки да саблю вострую,
 Покатилась тут конишкина головушка,
 Тут спроговóрит девчёночка чёрная:
 «Уж ты ай же, Бермен да сын Васильевич,
 90 Ты бери-ко ключи да золочёные,
 Отмыкай-ко погреба да ты глубокии,
 Оттуль выскочит Чурилушка Пленкович».
 Тут ли Бермен да сын Васильевич
 Отмыкал он погреба глубокие,
 95 Оттуль выскочил Чурилушка Пленкович.
 Уж тут ли Бермен да сын Васильевич
 Он брал в руки саблю вострую.
 Покатились тут Чурилина да Катеринина головушки.

Тут проговорит Бермен да сын Васильевич:
«Ай же ты, девчѣночка чѣрная,
Ай твоѣ дело, девчѣночка, коров поить,
Ай твоѣ дело, девчѣночка, коров кормить,
А не твоѣ дело, девчѣночка, чужих жон доводить»
Покатилась тут девчѣнкина головушка.
(Сам в церковь ушел богу молиться или куды там).

АНАСТАСИЯ ФЕДОРОВНА ОРГИНА

С А. Ф. Оргиной, как исполнительницей, я познакомилась в 1926 г., когда на пароходе «Бебель», по дороге в Петрозаводск, она спела мне былинну «Князь, княгиня, старицы». Тогда же она мне сообщила, что былинну усвоила от старушки Акулины Васильевны Коломаевой из д. Большой Куга-Наводок на Водлозере, б. Пудожского уезда, откуда родом и сама Оргина. Старушка знала много «старин» и сказок. Причем былины от нее никто, по словам Оргиной, не усвоил, кроме самой Анастасии Фёдоровны. Умерла А. В. Коломаева в 1924 г. А. Ф. Оргиной было в 1926 г. 26 лет.

В 1932 г. с Оргиной встретились М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпоникина в д. Дерезузово, где муж ее был председателем райисполкома Заонежья. Им она передала былинну о Добрыне и Алеше, записанную ею от той же А. В. Коломаевой.

Оба текста говорят о том, что Коломаева была сказительницей с большим художественным дарованием. Кроме того, Коломаева насыщала свои былины социальным содержанием. Как своеобразная черта выделяется ее любовь к концовкам с моралью.

Что касается Оргиной, то в ее лице мы видим талантливую исполнительницу с большим поэтическим чутьем и вкусом, которая прекрасно усвоила былины и художественно их передавала.

ПРО ДОБРЫНЮШКУ НИКИТИЧА И
ПРО АЛЕШЕНЬКУ ПОПОВИЧА

- Во том ли городе во Киеви,
У ласкова князя Владимира
Заводитце верно почестной пир,
На всн-ли-то князьев да на богатырей.
5 Говорил-то князь да стольно-киевской,
Да князь владимирской:
«Уж вы слушайте да вси князья и богатыри,
Уж вы думайте-ко думу за единое,
Кто бы, кто съездил в земли Датские,
10 Кто бы, кто собрал данны-пошлины
Как за стары года и за нынешны,
За ты за все за двенадцать лет.
Выбирать мы станем охотничков».
Охотничков да не находитце,
15 Оны выбрали Кирилу Тонкоплёнковича.
У того ли-то Кирилы было три брата,
Они могут съездить в земли Датские,
Они могут собрать данны-пошлины
За стары годы и за нынешны,
20 А за ты за вси за двенадцать лет.
Уж большой брат тулитце за среднево,
А средний тулитце за меньшево,
А от меньшево от бедново ответу нет.
28 Былныы Севера, т. II.

- Из-за того ли э-за кончика э-за нижного
25 Вот проговори́л ма́лый скоморошинка,
Молодой ли то Олёшенька Попович сын:
«Уж ты ца́рь, ты ца́рь стольно-киевской,
Да князь владимирской,
Ты позво́ль-ко сло́вцо вы́молвить.
- 30 Если ла́дно я скажу, ты за ла́дно почита́й,
А не ла́дно я скажу, ты меня да в том прости.
Тот ли то Кири́ла Тонкоплё́нкович,
Он мо́лодец хо́лост, не же́нат,
Он со де́вушкам призаба́витце,
- 35 Со мо́лодым мо́лодка́ми за́бавитце,
Нам по́слать ево — да ни до́ждатися.
Нам по́слать До́брыню́шку Ни́китича,
Уж ли тот мо́лодец же́нат, не́ хо́лост,
Он со де́вушка́ми не за́бавитце,
- 40 Он с мо́лоды́ми мо́лодка́м не за́бавитце.
Он вы́правит да́ни вси по́шлины
За ста́ры го́ды и за ны́нешны,
За ты за все да за двена́дцать ле́т».
- Говори́л ли князь да стольно-киевской,
45 Сто́льно-киевской да князь владимирской:
«Ай да ты, ма́лый скоморошинка,
За твои́ сло́ва да за у́мные
Ни в том бы́ ти́би ми́стечки поси́живати».
- Нача́л пи́сать ли́сты по́сольны́и,
50 По́давали До́брыню́шке Ни́китичу.
Молодой ли то До́брыню́шка Ни́китинич
По́шол ли то не ве́сел со по́чётно́во пи́ру,
Он при́шол во сво́ю па́лату бело́камя́нну,
Сади́лсэ на бру́сову бе́лу ла́вочку,
- 55 Он пове́сил сво́ю бу́йную го́лову́шку
Ни́же пле́ч сво́их мо́гучих бо́гатырски́их.
Подхо́дила к нему́ ро́дитель-ма́тушка,
Че́сна вдова́ Офи́мья Тимофе́евна:
«Уж ты слу́шай-ко, ро́жоно мо́е ди́тятко,
60 Уж ты што́ при́шол не́весел со по́чётно́го пи́ру?»

- Разве пьяница тебя да обсмеялася,
Али чара тебя ни рядѡм дошла,
Али Владимир тебя князь не употчевал?¹».
- «Уж ты слушай-ко, родитель моя матушка,
65 Пьяница меня не обсмеялася,
Чара мне рядѡм дошла,
Владимир-князь меня употчевал,
Только накинул на меня службу великую,
Великую службу, не малую.
- 70 Надо съездить мне да в земли далѣкие,
Надо мне собрать да данны-пошлины,
За все за те за двенадцать лет».
- Молодой Добрынюшка Никитинич
Он сошел во стойлу лошадиную,
- 75 Выбирал себе добра коня наезжена,
Он потнички на потнички накладывает,
Уж он войлочки на войлочки налагивает,
На верѣх седѣлко окованое,
Стремена железа сбулатного,
- 80 Шамаханьский шолк не рвѣтся,
А булатная мидь¹ не трѣтся,
Булат-железо то не ржавѣет,
Не для ради красы, басы, угожества,
Ради крепости богатырскою.
- 85 Садился боярин на добра коня,
Со своей ли матушкой прощается,
Молодой жены да он наказывает:
«Молода жена Настасьюшка Викулична,
Уж вы ждите-ко меня да со чиста поля,
- 90 Если год не буду, ждите два годѣ,
Если два не буду, ждите три году,
Если три не буду, ждите шесть годов,
А если шесть не буду, жди двенадцать лет,
А двенадцать лет не буду, там тебе, Настасьюшка,
СВОЯ ВОЛЯ.

---

¹ Медь.

- 95 Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
Хоть ты за князя поди, хоть за боярина,
Только не ходи за Алёшеньку Поповича,
Алёшенька Попович мне крестовой брат,
Крестовой брат паче родново».
- 100 Уж видли добра молодца тут сядучи,
А не видли разудалово поедучи.
Во чистом поли да одна кўревка да завиваетце,
Молодой ли боярин убераетце.
Молода Настасьюшка Викулична
- 105 Стала жить и быть и времечко коротати,
Уж ли день за день, как вода текёт,
А ниделя за ниделей, как трава растёт,
А прошло ли того время с году места,
Не видать Добрынюшки из чиста поля.
- 110 А день ли за день, как вода текёт,
А ниделя за ниделей, как трава растёт,
А прошло ли того времечки два года,
Не видать Добрынюшки из чиста поля.
И день ли за день, как вода текёт,
- 115 А ниделя за ниделей, как трава растёт,
Прошло ли того времечки три годā,
Не видать Добрынюшки с чистā поля.
А день ли за день, как вода текёт,
А неделя за неделей, как трава растёт,
- 120 Прошло ли того времечки шесть годов,
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
А день ли за день, как вода текёт,
А неделя за неделей, как трава растёт,
Прошло ли того времечка двенадцать лет,
- 125 Не видать Добрынюшки с чиста поля
Начал ли тут Олёшенька подхаживать,
Стал Настасьюшку Викуличну подсватывать:
«Молода Настасьюшка Викулична,
Не идёшь ли за меня да во замужесво?».
- 130 Настасьюшка не собираласи,
За его замуж ведь не сбералася,

- А совсем Настасья отказалася.
Приходил Олѣшенька Попович сын,
Говорил Настасьюшки таково слово:
135 «Молода Настасья Викулична,
Ты нейдѣшь да за меня да во замужесво?
Я вчера был да во чистом поле,
А Добрынюшка Никитич убит лежит,
Буйна голова да ко синю морю,
140 Резвы ноженьки да во ракилов кус[т],
Сквозь ево ли раны сквозь кровавые
Проросли травоньки шелковые,
Расцвели цветочки лазоревые».
Отвечала Настасьюшка Викулична:
145 «Уж ты не был вчера во чистом поле,
Уж ты ездил где-нибудь с собаками на задворках».
Молодой Алѣшенька Попович сын
Он сошел к царю да к князю жалиться.
Как пришол ли князь к Настасьюшки Викуличной,
150 Говорит Настасья да таково слово:
«Молода Настасьюшка Викулична,
Нейдѣшь за Олѣшу во замужество,
Я возьму тебе на свой да дом работницей,
На реку да я поставлю портомойницей,
155 Я во хлев тебя поставлю коровницей».
Молода Настасья Викулична
Спросила боходанную свою матушку:
«Ты послушай-ко, боходанна моя матушка,
Под боярином жить да будто под чортом,
160 Лучче итти мне за Олѣшеньку в замужесво».
Тут пошла за Олѣшеньку да во замужесво.
Они свадебку играли по три дни, три суток.
А у молодца Добрынюшки Никитича
Конь ни ест, ни пѣт, ни кушает,
165 Молодой Добрынюшка Никитич
Уж он бил коня да по тучным ребрам,
Говорил коню да таковы слова:
«Уж ты конь, ты конь, да травяной мешок,

- Што ни ешь, ни пьёшь, да проклаждаешься?
- 170 Ты каку невзгоду мне начеешься?».
- Отвечал ли конь да сквозь обиду он:
- «Молодой Добрынюшка Никитинич,
Ты не бей меня да по тучным ребрам,
Я скажу тебе да весть нерадостну,
- 175 Как твоя теперь да молода жена,
Как походит она да во замужество,
Как ни за князя, да ни за боярина,
За молода Олëshеньку Поповича».
- Тут садился боярин на добра коня,
- 180 Начал он бурушка подхлѣстывати,
Пятовую шерсточку прохлѣстывати,
Еще начал его бурушка поскакивати,
С горы на гору конь перескакивает,
Реки да озѣра промеж ног спустил,
- 185 Перелесочки да перескакивал,
Как приехал ко палаты белокаменной,
Он услышал во палаты зычон голос.
Сидит старуха на печи-печи,
Да на печном столби,
- 190 Как сидит старушка да учитыват:
«Прошло двенадцать учѣтньих годичков,
Закатилосе красное солнышко,
Как уехал сын мой возлюбленной,
Уж нынечу топеречо закатитце
- 195 Батюшко да светен месяц —
Выходит невестушка любовная
Ни за князя, ни за боярина,
За молода Алëshеньку Поповича».
- Колотилсѧ Добрынюшка в золото кольцо:
- 200 «Ты не плачь, старушка, не обидуйся,
Отложи широкие воротичка».
- Сопустилася старушка со печи-печи,
Отвечала старушка таково слово:
«Отойдите-тка, горьки пьяницы,
- 205 От моих сиротцких воротичок,

- Кабы был Добрынюшка во живности,
Не ходили бы гори-пьяницы
Круг моих сиротских воротичок».
Молодой Добрынюшка Никитинич
- 210 Ещё крикнул он по богатырскому,
Ещё свистнул он по молодецкому:
«Отложай, старуха, скоро на́скоро!».
Тут идёт старушка перепалася,
Сама себе да раздivilася:
- 215 «Не в слезах ли мне да привиделось,
Не во снях ли мне да показалось?».
Отворила широкие воротечка:
«Как здорова, родитель моя матушка,
Где моя да молода жена?».
- 220 — «Ты послушай-ко, рожоно мое дитятко,
Послушай-ко — молода жена
Походит она да во замужество,
Ни за князем, ни за боярином,
А за молода Алёшеньку Поповича».
- 225 Молодой Добрынюшка Никитинич
Не скидывает платица дорожново,
Как берёт тугой да лук разрывчатой,
Берёт калену стрелу расстрельчату,
Хочет застрелить Алёшеньку Поповича
- 230 С молодой Настасьёшкой Викуличной.
Говорит ему родитель-матушка:
«Ты послушай-ко, рожоно мое дитятко,
Что на поезде ей да ты наказывал».
Молодой Добрынюшка Никитинич,
- 235 Скидыва́л он платице дорожное,
Умывался он белым белёхонько,
Одевался он да хорошохонько,
Он берёт гусёлышки яровчаты,
И пошел на чесной он пир на свадьбу.
- 240 Он пришол на чёсной пир на свадьбу,
А крес кладёт да по писа́ному,
А поклон ведёт да по учёному.

- Поклонилсѧ он на все чѣтыре стороны,
Самому князю Владимиру в особину.
- 245 «Уж ты князь, ты князь да стольно-киевский,
Стольно-киевский да князь владимирской,
Уж и нет ли мне да где ни мѣстечка,
Молодому мне да погусельщичку?»
— «Все-то мѣстечка да попризѧнаты,
- 250 Только мѣстечко да на печи-печи,
На печи-печи, да на печном столби».
Молодой Добрынюшка Никитинич,
Он и пыли-грязи не распахивал,
Прямо садилсѧ платищом цвѣтным,
- 255 Начал гусѣлышки налаживати,
Начал звончатыи настраивати.
Уж он струночки приводит от Царя-града,
А припевочки приводит от Нова-города.
Как начал ли он в гусѣлышки поигривати,
- 260 Как начал ли он во звончаты поскрыпывати.
Уж как все тут на пиру порасплясалися,
А Владимир князь да распотѣшилсѧ,
За столом стал в перстиki пощѣлкивати,
На столы стал ноженьки покидывати.
- 265 — «Не бывало у меня таково погусельщика
Опосля Добрынюшки Никитича,
Сопускайсѧ-ко, молодой погусельщикок,
Тебе первое мѣстечко подлѧ меня,
Другое мѣстечко супротив меня,
- 270 А уж третье место против князя
И с княгиней да молодѣе».
Сопускалсѧ Добрыня со печна столба,
И садилсѧ против князя и княгинюшки,
Против князя и княгинюшки молодѣе.
- 275 Говорил Владимир таково слово:
«Молода Настасьюшка Викулична,
Ты налей-ко чару зелена вина,
Поднеси молодому подгусельщичку,
За ево игру да за умильную».

- 280 Молода Настасьюшка Викулична
 Наливала чару зелена вина,
 Подносила молодому погусельщичку,
 Выпивал да молодой погусельщичок,
 Говорил Добрыня таково слово:
- 285 «Уж ты, царь ты царь да стольно-киевский,
 Стольно-киевский да князь владимирской,
 Позволь налить чару зелена вина?».
 Наливал Добрыня чару вина горьково.
 Невелика-та чара — полтора ведра,
- 290 А уж весом тая чара полтора пудѣ.
 Сопустил он персень со правѣй руки,
 Подавал Настасьюшки Викуличны:
 «Молода Настасья Викулична,
 Уж ты пей до дна, так увидашь добра,
- 295 А не пьешь до дна, так не видать добра».
 Молода Настасьюшка Викулична
 Принимала тую чару единой рукой,
 Выпивала тую чару на единой здох.
 Говорила тут Настасья таково слово:
- 300 «Уж ты, царь ты царь да стольно-киевский,
 Стольно-киевский да князь владимирской,
 Што не тот ли мой муж, што подле меня,
 Уж как тот ли мой муж, што супротив меня».
 Уж как брал ли тут Добрынюшка Никитинич,
- 305 Уж он брал Олѣшу за жолты кудри,
 Как волок ли он Олѣшеньку во новы сени,
 Штоб не повадно добру молодцу вперѣд было,
 Как манить ли молбдых молодушок,
 Как на то ли тебе хватит красных девушек.

[КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ, СТАРИЦЫ]

Как женился князь девяноста лет,
 Взял княгинюшку девяти годов,

- Жил с княгинюшкой ровно три года,
На четвёртый год князь гулять пошел.
5 Он ходил-гулял ровно семь годов,
А на восьмой год князь домой пошел.
Попадаютъ ему две старицы,
Что две старицы, две монашицы,
Черноризницы, белокнижницы.
10 Уж как стал ли князь у них спрашивать:
«Уж вы, старицы, вы, монашицы,
Черноризницы, белокнижницы,
Не слыхали ли, не видали ли
Про мою княгинюшку про молодую,
15 Про княгинюшку, про Катеринушку?».
Отвечали ему старицы да монашицы:
«Мы не столько слыхали, сколько видели;
У твоей княгинюшки у молодья,
У княгинюшки, у Катеринушки,
20 Ты в покой придёшь, тут зыбёй висит.
Во другой придёшь — тут другой висит,
Во третей придёшь — тут третей висит,
В зыбелях в этих малы детушки.
А княгинюшка твоя молодая,
25 Она без летничка, в одной сорочичке.
Без башмачиков на чулочиках
Она ходит с ними без поясика,
Слёзно плачется, уливается
И тебя домой дожидается.
30 А в конюшенках твоих княжских
Кони добрыи по колен в назме,
Что едят травёнку всё осóченку,
Они пьют воду всё болотнюю.
В погребáх твоих да во княжских
35 Все замочки поприбóманы,
Золота казна попридёржана».
Как седлал-уздal князь добра коня,
Поезжал ли он скоро-наскоро
К своему дому да что ко княжскому,

- 40 Как вставал-то князь в перенѣ крыльцо,
Уж-то бил ли князь в золото кольцо,
В золото кольцо не по милому.
Выходила тут княгинюшка молодая,
Что княгинюшка Катеринушка
- 45 Открывать ему широкии воротичек.
Князь срубил княгине буйну голову,
Пошел ли сам по покоям он.
Он в покой пришел, тут пила ¹ висят,
Во другой пришел, тут другі висят,
- 50 Во третей пришел да тут третьи висят.
Во пилах шито по писаному,
Но не столько шито, сколько плакано,
Молодого князюшка дожидано.
Как пошел ли князь по конюшенкам,
- 55 Кони добрые по колѣн в шелку,
Что едят траву все шелковую,
Они пьют воду все ключевую.
Как пошел ли князь по погребѣчикам,
Все замочки позаржавели,
- 60 Золота казна позамѣдила.
Уж как брал ли князь тут живой воды,
Оживлял ли князь свою княгинюшку,
Что княгинюшку Катеринушку.
Уж как брал ли он за белы руки,
- 65 Становил её на резвы ноги,
Целовал в уста во сахарнии,
Сам седлал-уздад коня доброго,
Поезжал ли он скорым-наскоро,
Догонял ли он как старицей,
- 70 Старицей и монашицей.
Князь срубил обѣим буйны головы:
«По белу свету не ходите-ка,
Людей добрых не маните-ка,
Не смущайте-ка православных».

¹ Пяла, пъяльцы.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА РАГОЗИНА

В 1926 г. Маруся Рагозина — 16-летняя девочка, дочь крестьянки-вдовы волостного писаря из д. Дерегузово (близ Шуньги), хорошо грамотная, большая любительница чтения. От нее записаны были В. И. Карнаухова и А. И. Никифоровым, кроме публикуемой былины о «Братьях разбойниках и сестре», старинная баллада, именуемая в Заонежье «стихом», «У ключа, ключа, у колодеца» («Казань-город»), духовный стих о христовом вознесении и целый ряд сказок (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. II).

Уже тогда она знала, кроме молодежных частушек и романсов, старинные песни и причеты.

Наличие в репертуаре 16-летней девушки глубокого фольклорного слоя обусловлено особыми условиями жизни Маруси Рагозиной до 1926 г. Больная с детства (костный туберкулез и малокровие), она не кончила школы, жила замкнуто дома, не ходила на «беседы», мало общалась с молодежью. Зато любила бывать у бабушки в д. Шуньгский Бор, где от старух и усвоила былины и духовные стихи, старые песни и причеты. Об обстоятельствах жизни М. В. Рагозиной более подробно см. в книге: И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. 1934, стр. 380—381.

Наделенная большой музыкальностью (на слух сама подбирала на рояле песни), в исполнении былин и стихов она обнаружила способность подлинно художественного проникновения в материал.

Артистичность в исполнении ею сказок отмечена была А. И. Никифоровым в его статье «Теперішній заонежський казкаро-оповідач» и в его рецензии на книгу «Сказки и предания Северного края» (Советский фольклор, II—III, 1935, стр. 417). См. также статью И. В. Карнаухова «Сказочники и сказки в Заонежье» (Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Л., 1927, стр. 113—114).

Мария Васильевна Рагозина

Годы напряженной работы по перестройке деревни, потребовавшие активного участия всех живых сил деревни, втянули и способную, хорошо грамотную девушку в общественную жизнь. По сведениям, которые собрали М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина, Маруся Рагозина после 1926 г. работала в Райисполкоме в качестве машинистки, участвовала в клубных спектаклях и концертах. Изменяется и ее личная жизнь. Девятнадцати лет она выходит замуж за землемера, к 1932 г. имеет уже двух детей. Вместе с мужем ей пришлось прожить некоторое время в Средней Азии и, таким образом, включить в круг своего восприятия множество новых и живых впечатлений.

ПРО ВДОВУ

- По край морюшка жила вдовушка,
Что ль вдова, вдова да горепашица.
Как у ей вдовы было девять сынков,
Что девять сынков да одинака дочь.
5 Что девять сынков да во разбой пошли,
Во разбой пошли да во разбойнички.
Одинаку дочь да замуж выдали,
Что за славное за синё море
За богатого купца за славного.
10 Уж я год жила — не соскучилась.
Уж второй жила да в умах не было,
Уж на третий год сына рѣдила,
Сынка рѣдила да стосковаласи:
Стосковаласи, домой подоваласи.
15 Я свекровушке да доложила,с
Я с свекром-свекром да подавалася,
А с мужем-мужом думу думала.
Думу думали, сели да поехали
Что за славное за синё морѣ.
20 Что не тученьки принападали,
Что ль кораблики принаехали,
Девять разбойничков да принаехало,
Девять корабликов, девять разбойников.
Моего мужа да что ль зарезали,

- 25 Моего сына да что ль раздёрнули,
Прираздёрнули да в воду бросили.
А меня младу во полон взяли,
Во полон взяли да обесчестили.
Вси разбойнички да спать ложились,
30 Один разбойничек да спать не ложится,
Спать не ложится да богу молится,
Богу молится да стал выпрашивать,
Он меня младу стал выпрашивать:
«Ты чьего роду, да чьего племени?».
- 35 — «По край морюшка да живёт вдовушка,
Что вдова ль, вдова да горепашница.
Как у ней было девять молодцев,
Девять молодцев да одинака дочь,
Девять молодцев да во разбой пошли,
40 Во разбой-разбой да во разбойнички.
Одинаку дочь да замуж выдали,
Что за славное за синё море,
За богатого купца за славного.
Уж я год жила — не соскучилась,
45 Уж второй жила да в умах не было,
Уж на третий год сына родила,
Сынка родила да стосковаласи,
Стосковаласи да домой подаваласи.
Я свекровушке да доложиласи,
50 Я с свекром-свекром да подаваласи.
Я с мужем-мужом да думу думала.
Думу думали да сели и поехали
Что за славное за синё морё;
Что не тученьки понападали,
65 Что ль кораблики принаехали,
Девять корабликов, девять разбойничков
Моего мужа да что ль зарезали,
Моего сына да прираздёрнули,
Прираздёрнули да в воду бросили,
60 А меня младу да во полон взяли,
Во полон взяли да обесчестили».

— «Вы вставляйте-ко, девять разбойничков,
Что наделали, да что наделали,
Своего зятя мы зарезали,
Своего племянничка да в воду бросили.
А свою сестру да обесчестили».

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА АНТРОПОВА

О. А. Антропова в 1932 г. — глубокая старуха, 95 лет, из д. Кузь-
Губа Дерегузовского сельсовета Заонежского района. Пенсионерка. Помнила
и могла сообщить только былинку о Дюке Степановиче.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Как во городе во Галиче
Жил молодой боярин Дюк Степанович,
Служил заутреню христовскую,
Со няньками служил со мамками,
5 Со верныма со служанками,
Со матушкой Офимьей Олександровной.
И тут-то доброму молодцу вразумилоси:
«Велика славушка про Кеев-град,
Больше-то про князя про Владимира».
10 Подходил к родители ко матушки,
Ко чесной вдовы Офимьи Олександровны:
«Послушай, матушка чесна вдова Офимья
Олександровна,
Спусти меня во Кеев-град,
Велика славушка про Кеев-град,
15 Больше того про князя про Владимира.
Охвота, матушка, там побывать,
Попить, поись, пощоголять
По стольному по городу по Кееву».
Говорила так родитель ему матушка:
20 «Ты есь-то, дитятко, запьянскоей,
А во хмелю, сердечушко, захвасливой —
Прохвастаешь свою буйну голову».
— «Послушай, матушка Офимья Олександровна,

- Хоть благословишь — пойду и не благословишь — пойду».
- 25 Выходил как с матушки с божьей церкви,
Заходил во стойлу лошадиную,
Как брал он бурушка косматого,
Седлал ево и узда ево.
Видли добра молодца сряжаючи,
- 30 Не видли ево вон из города выезжаючи.
Не бел сокол из Галичи вылётывал,
Так молодой боярин Дюк Степанович.
Он высоки горы соколом летел,
Он частые лесы между ног спускал,
- 35 А мелкие реченьки бредком пробрёл.
Ево бурушка копытца изломал,
А шёлковы попоночки все оборвал.
Из города вылетел в заутреню,
Приехал к обедни во Киев-град.
- 40 Становил он бурушка косматого
Во этоё место во удобное.
Сам приходил во божью церкву.
Крес кладёт по писаному,
Поклон ведёт по учёному,
- 45 На вси четыре стороны поклоняетце,
А князю Владимиру в особину.
Как по петелкам провёл,
Так соловьи жужжат,
А по пуговкам повёл,
- 50 Так змеи свистят.
Подходит ко князю ко Владимиру:
«Хоть велика слава была про Киев-град,
У вас-то есь всё не по нашему,
Не по нашему есь изокрашено.
- 55 К вам едучи конь изнурилсэ весь,
Копытца вси измарал, попоночки оборвал».
Приходил в палаты белокаменны
Ко князю ко Владимиру
И сядилсэ за стола белодубовый ко месту
ко удобному.

- 60 Приносили кушанья сахарни,
Приносили как пѣтъица медвяни.
А говорит-то Дюк Степанович:
«У моей родители у матушки
(Тридцать лет на меня колачи пекѣт)
65 Есь печеньки у нас муравлены,
А чистым золотом повыкладены,
Помялышка у нас шелковьи,
Помачивают в бочки во медовьи,
А у вас-то калачики медовьи
70 Пахнут на глинку на болотную,
А на хвойку пахнут на сосновую».
Тут ево воеводушки взяли под влась себе,
Посадили ево, совсем где свету нет.
А самы приехали описывать.
75 Писали оны ево имущество полгоду,
Да описать ево не могли.
Как приехал Владимир-князь
Во стольную во городу во Галицу,
Идѣт Дюкова портомойница,
80 И он бѣѣт целом и поклоняетце:
«Здраствуешь, родитель-матушка Дюка
Степановича!».

Отвечала ему молода вдова:

«Я не Дюкова матушка,
А Дюкова портомойница».

- 85 Прошел немножечко — идѣт ево калашница.
Он бѣѣт челом, поклоняетце:
«Здраствуешь, Дюкова матушка».
— «Я не Дюкова матушка — Дюкова калашница.
Тридцать лет на Дюка калачи пекла».
90 Вдруг идут как кнѣзи и бояра,
За ними вслед
Чесна вдова Офимья Олександровна,
Повстречалася со князем со Владимиром,
Ужахнулсѣ Владимир-князь,
95 Пау он перед ей на коленка,

И она говорит:
«Напрасно вы приехали
И послали воевод сюда,
Не списать вам моё имущество в полгода,
100 Так и в три года вам не описать».
Удивился Владимир-князь
И речь молвит Офимье Олександровны:
«От нас топерь слободен Дюк Степанович».
*(Оны тебе только и описывали. Коли ума нету,
так и руками не машишь).*
Ужахнулась родитель ево матушка
105 И очень она ево обрадовалась:
«Будем жить, сердечушко Дюк Степанович».
Вот вам аминь!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОГУЧЕВА

Марья Васильевна Могучева — в 1926 г. крестьянка 43 лет д. Мишкарёво (близ Шуньги) Заонежского района.

Могучева — исполнительница песен и духовных стихов. От нее записаны Н. П. Колпаковой и Т. В. Поповой в 1926 г. стихи о Егории (сюжет «Егорий и змея»), песни, старинные загадки (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. II). Несколько песен записано было в 1932 г. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVII, папка 2, № 2).

О ВАСИЛЬИ И СОФИИ

- Васильева мать лиходейка была,
По городу по Киеву похаживала,
На гривенку купила зеленá вина,
На дру́гую купила зелья лютого.
- 5 — «Васильюшка, пей и Софеи не давай,
Софеюшка, пей и Василью не давай».
Васильюшка пил да Софеи подносил,
Софеюшка пила да Василью поднесла.
С вечера головушки побаливали,
10 С полуночи сердечко пощипливали,
К утру ко свету приготовилися.
Васильюшку крутили в золотую парчу,
Софеюшку крутили в чернобархатную.
Василья полагали в золотой во гробок,
15 Софею полагали в кипарисно деревцо.
Василья хоронили по праву́ руку́ церкви,
Софею хоронили по леву́ руку́ церкви.
На Васильи выростала золотая верба́,
На Софии выросло кипарисно деревцо,
20 Листочки с листочками слипалися,
Прутьишки с пруточками свивалися,
Корешки с кореньями срасталися.
Васильева мать лиходейка была:
На Васильи вырывала золотую вербу́,

25 На Софеи вырывала кипарисно деревцо.
Васильева мать лиходейка была:
Софею извела да Василья извела.

АВДОТЯ ДМИТРИЕВНА ЕГОРОВА

В 1926 г. это была молодая замужняя женщина 23 лет, крестьянка д. Звяговщина (близ Шуньги) Заонежского района. Других сведений об исполнительнице собрать не удалось.

Былинну пела вместе с другой молодой замужней женщиной, Анной Ивановной Егоровой, 26 лет.

КАК У ПАШИЦЫ

- Как у пашицы, у горюшицы
Было девять сынков, одинака дочь,
Одинака дочь, девять сыновей.
Эти девять сынков все повыросли,
5 Все повыросли, во розбой пошли.
Одинаку дочь замуж выдали,
Что ль за славное за синё море,
За Онегушко страховитое.
Уж я год жила — не стоснулася,
10 А другой пошел — в умах нё было.
А на третий год сынка рёдила,
Сына рёдила да стосковалася,
Я у свёкрушка подавалася,
У свекрушки попросилася,
15 Я у всей семьи подавалася.
Со своим мужем думу сдумали,
Думу сдумали, селі — поехали.
Только выехали на синё море,
На синё море что ль на славное,
20 Вдруг завяли ветры буйныи,
Вдруг западали снежки белыи,
Вдруг наехали девять кораблев,
Девять кораблев, девять розбойничков.
Моего мужа оне зарезали,

- 25 Моего сына в воду бросили,
А меня младу обесчестили,
Обесчестили да в полон взяли,
Во полон взяли, сами спать легли.
Вдруг наехали станок разбойницкий.
- 30 Как один из них уж он спит не спит,
Уж он спит не спит, на часах стоит,
На часах стоит да богу молитца,
Богу молитца да в землю кланятца,
В землю кланятца, да спать не лбжитца:
- 35 «Поищи, вдовица, буйну голову».
Я стала искать, а он да спрашивает:
«Ты скажи, вдова, чья, откудашня,
Ты откуль, вдова, с какого города?».
— «Уж я есть дочёрь вдовы пашицы,
- 40 Как у пашицы, вдовы горюшицы
Было девять сынков, одинака дочь.
Девять сынков все повозросли,
Одинаку дочь замуж выдали,
Что ль за славное за синё море».
- 45 — «Выставайте-ка, братцы родные,
Своего зятя взяли — зарезали,
Своего племяша в воду бросили,
А свою сестру да обесчестили,
Обесчестили да во полон взяли».

АВДОТЯ ПЕТРОВНА МЕРЗЛЯКОВА

В 1926 г. Авдотья Петровна Мерзлякова — 87-летняя старушка из д. Зяхнова Губа, где она жила у женатого сына. Запись от нее произведена была в д. Шуньгский Бор, куда она пришла в гости к дочери. В семье Авдотья Петровна пользовалась большой любовью и уважением.

А. П. Мерзлякова слыхала, как поют былины, но сама петь не умела. Знала она только одну былинку о Добрыне, которую постоянно, по ее словам, сказывала внукам. Былины она резко отделяла от сказок: «Сказки складница, а песня былнца». К записи отнеслась очень серьезно, просила И. В. Карнаухова, которая записывала стих о Егории, перечитать запись стиха, а меня — запись былины. Прослушав, одобрила: «Вот как хорошо ты все записала, складно вышло!» И очень радовалась, когда я на это сказала: «Это ты, бабушка, так складно сказываешь».

ПРО ДОБРЫНЮ

- Как досюль-то было давным давно,
Добрынюшка-то матушке говаривал:
«Уж ты слухай-ко, родитель моя матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
- 5 Ты почто меня несчастною спородила?
Уж ты лучше бы меня да спородила
Горюющим катуцим белым камушком,
И завернула бы этот камень в круцату камку
И выстала бы на высокоу гору
- 10 И бросила бы в синё морё.
Только бы слышала — улы пошли,
Не казаковал бы Добрынюшка, не поляковал,
Не стерёг бы земли русской».
- «Рада была, цado, тебя спородить
- 15 Смелостью в Олёшу во Поповица,
А поступоцкой в Чурилушку Пленковица,
А вежеством в купця Садка богатыря,
Во своего родителя батюшка Микиту рязаньского».
- Тут Добрынюшка матушке наказывал:
- 20 «Уж ты слухай-ко, родитель моя матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
Как шесть лет пройдёт да минуетца,
Не буду я, Добрыня, со циста поля,
Бери-ко ты Добрынины золоты ключи,

- 25 Отпирай-ко Добрынины кованы ларцы,
И бери-ко ты Добрынину золоту казну
И рознеси-ко ты Добрынину золоту казну
По всем скитам да по монастырям,
И по церквям богомольным,
30 И запиши-ко в поминанье вековечное».
Молода жена Настасья Микулицна в воротах стоит
(Матушке всё заказал),
Сама говорит таковы слова:
«Ай же ты, мой венцальной муж,
Молодой Добрынюшка Микитинец,
35 Ты надолго ли поедешь во чисто поле,
Ты поляковать, Добрынюшка, козаковать,
И стерець и сберець земли русской?».
— «Как шесть лет-то пройдет, минуетца,
Не буду я, Добрыня, со циста поля,
40 Хоть вдовой-то живи, хоть замуж поди,
Хоть ты за купца поди хоть за торгового,
Хоть ты за князя поди хоть за боярина,
Только не ходи за смелого Олёшу за Поповица,
А Олёша-то Поповицъ мне крестовой брат,
45 Бабий-то он надсмешнищек,
А девиций-то он похабнищек».
Тут выходил Добрыня на конюший двор
И брал-то он коня доброго,
По имени космата мала бурушка.
50 Он уздецьку надевает семи шелков,
Седёлушко кладёт да с подседельником,
Двенадцать крепких подпругов подтягиват,
Подпруги были да все железныи,
А шпёнеки были да золощёныи,
55 Булат-то дороже красного золота.
Тут видели Добрынюшку седуци,
А не видели Добрынюшку поедуци,
Не воротами Добрынюшка выезжал,
А приправил через стену городовую,
60 Понёс государь его добрый конь,

- Из горы на гору перескакивал,
Широки озёра промеж ног спускал.
Тут приходили две вдовы да две молодых,
Садилсь на бросову белу лавочку,
65 Говорили таковы слова:
«Закатилось наше красное солнышко
За эти за горушки высокии,
За эти за лесушка за тёмныи».
День за днём, быдто дождь дождит,
70 Неделя за неделей, как трава растёт,
Год за годом, как река бежит.
Шесть лет прошло да миновалось,
Не приехал Добрыня из циста поля.
Тут брала Добрынюшкина матушка
75 Добрынюшкины золоты ключи,
Отмыкала кованы ларцы
И брала Добрынину золоту казну,
И рознесла по скитам, по монастырям
И по церквам богомольным
80 И занесла в поминанье вековечное.
А тут Владимир стольне-киевский
Стал к Настасье Микулицне подхаживать,
И посватывать, и подговаривать
За смелою Олёшу за Поповиця.
85 Вспомнила Настасья мужню заповедь:
«Прожила я, Микулицна, перво шесть лет,
Проживу я, Микулицна, друго шесть лет».
Неделя за неделей, как трава растёт,
Год за годом, как река бежит.
90 Стал Владимир стольне-киевский
К Настасье Микулицне подхаживать,
И посватывать, и подговаривать
За смелою Олёшу за Поповиця:
Хоть и охвотою идёшь, так и охвотою,
95 Не пойдёшь, так и так возьмём
(Здесь забыла немного).
Тут столовали-пировали на двенадцать дён

- И увели Настасьюшку на другой дом
За смелого Олёшу за Поповица.
А вдруг наехал Добрынюшка с циста поля.
- 100 Не спрашивал у ворот приворотников,
Не спрашивал у дверей придверников,
Прямо ступает в высок терём,
Крест он кладёт по писаному,
А поклон-то ведёт по уцёному,
- 105 На две, на три, на четыре стороны поклонитця,
А Добрынюшкиной матушке в особину:
«Уж ты здравствуй, Офимья Олександровна!
Где же у тебя Настасья Микулицна?».
— «Ай же ты, молбда скоморошина!
- 110 Столовали-пировали по двенадцать дён,
Увели Настасьюшку на другой дом
За смелого Олёшу за Поповица».
Как он говорит:
«Накорми меня колациками горящими,
115 Напой меня питьицами медвяными».
— «Ай же ты, молбда скоморошина!
Посадила бы я тебя на три ножика булатных,
Поила бы тебя смолой горячеей,
Убили моего цада милого,
- 120 Молбда Добрынюшку Микитиця».
Говорит Добрынюшка Микитинец:
«Мы с Добрынюшкой недавно розъехались,
Третёго дня».
Добрынюшка матушке наказывал:
- 125 «Было у Добрынюшки шубы чёрных соболей,
И сапожки на ножки турец-сафьян,
И шапоцка куницья,
И была шалыгища подорожная,
И палица железная,
- 130 Гусёлышки были яровцаты».
Велел подать Добрынюшка Микитинец.
Недолго мешкала, подала сапожки.
Он сапожки на босу ногу,

- Он шубку махнул на правѣ плещѣ,
135 Он гусёлышки берёт в праву руку,
А шалыгище да палицу под пазуху.
И полетел Добрынюшка на почестен пир.
Не спрашивал у ворот приворотников,
Не спрашивал у дверей придверников,
140 Прямо вступает в высок терем.
Крест кладёт по писаному,
Поклон ведёт по уцёному,
На две, на три, на четыре стороны поклонитця,
А Владимиру в осбину.
145 «Здравствуй аж, Владимир стольне-киевский!
Нет ли мне-ка мѣстечка незанята
При прѣстола поиграть в гусёлышки яровцаты?»
— «Высокии места приокуплены,
Среднии места призанаты,
150 А нижнии места — там все пластом лежат,
Только есть мѣстечко незанято
На кирпичной белой пѣценьки».
А скочил Добрынюшка Микитинец
На кирпичну печь,
155 Стал в гусёлышко поигрывать.
Вси на пиру приаслухались,
Вскочил тут Владимир стольне-киевский
И подносит Добрынюшке Микитицу
Чару зеленá вина.
160 Тут вскочил Добрынюшка Микитинец,
Наливает цару своей рукой
И подносит Настасье Микулицне:
«Ай же ты, Настасья Микулицна!
Встань на свои резвы ноженьки
165 И выпей цару зеленá вина.
Я слыхал от старых людей пословицу:
Кто пьёт до дна, тот видат добра».
Тут стала Настасьюшка на резвы ноги,
Выпила цару зеленá вина,
170 Покатился оттоль перстень обручённый.

Тут вскоцила Настасьюшка через зóлот стол
И пала Добрыне во резвы ногй.
«Прости-тко, прости ты жóнку глупую,
Жóнку глупую да неразумную.
175 Муж в лес по дровá, а жена замуж пошла».
Стал тут Добрыня пáлицей бухать.
В буханьи нé слыхать было óханья,
Вси на пиру разбежались,
Вси на пиру рассказáлись,
180 И все тут приломались.
Он подцепил Настасью под пáзуху и увёл домой.

ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ ГРИБАНОВ

Федор Дмитриевич Грибанов — в 1926 г. крестьянин-рыболов 85 лет д. Грибановщина Толвуйского сельсовета Заонежского района. Обаятельный по внешнему виду, высокий старик, с виду богатырь, с густыми седыми волосами и добрыми глазами. Грамотный, любитель книг исторического содержания.

Единственную свою былинну о Добрыне выучил от Ивана Артемьевича Гришина, записанного Гильфердингом (см.: Онежские былины, 33): «Когда был молодым, с Иваном Артемьевым рыбу ловили, в станку и научился». Рассказывал, что пел еще тогда и сын Ивана Артемьевича, Егор, солдат. Кроме былины о Добрыне, Грибанов слышал о Дунае, об исцелении Ильи Муромца, о борьбе его с Соловьем-разбойником, но не запомнил.

Былинну о Добрыне начал петь уверенно, потом стал сбиваться и конец уже кратко пересказал. Ни сказок, ни духовных стихов сказать мне не смог. О сказках отозвался пренебрежительно: «О, эти пустяковины знад, когда молод был, о Еруслане Лазаревиче да о Бове; а вот о старинах и теперь размышляю, что это правда была».

ПРО ДОБРЫНЮ

- Как Добрынюшка матушке говаривал:
«Уж и свет ты родна матушка,
Честна вдова, честна вдова Офимья Александровна!
Лучше бы ты меня спородила,
5 Родитель-матушка, спородила бы ты меня
Катуциим, волуциим белым камешком.
Да взяла бы катуций белый камешек
Во свои во руценьки во белыи
И шибнула бы далече-далече во синё морё:
10 И лежал бы я, Добрынюшка, век по веку,
Не ездил бы я по святой Руси,
Не побивал бы я головушек бесповинных,
Не проливал бы крови напрасной».
Тут проговорит родна матушка,
15 Честна вдова Офимья Александровна:
«Это знала бы и я ведала,
Спородила бы я Добрынюшку
Смелостью в смелого в Олёшу во Поповица,
А мудростью в Илью Муромца,
20 Только бог дал такого спородить».
Тут пошел-то Добрыня Микитич
По конюшенкам стоялым,
Чтобы выбрать себе бурушка,
Себе бурушка удалого да косматого.

- 25 Тут стал удалый молодец справлятися,
Кладёт потнички на потнички,
А на потнички кладёт войлочные,
А на войлочные кладёт седёлушко черкальское.
У седёлушки пряжечки золочёныи,
- 30 А у пряжечек шпенёчки все булатнии,
Не для красоты, не для бодрости,
А для крепости богатырския,
Чтобы добрый конь спод его не выпрыгнул.
Тут подходит к его стремени булатному,
- 35 Да к его ножке богатырскойей,
Его любима семья Настасья Микулишна.
Сама горюшка горько плакала:
«Когда же мне горюшице сожидать домой?».
Тут проговорит Добрынюшка Микитинец:
- 40 «Ежели не воротитця с чиста поля через семь годов,
То ходи хоть за попа да за дьякона,
А хоть за русского за крестьянина,
Только не ходи за смелого Олёшу за Поповица,
За этого за женского надсмешника».
- 45 Тут подходит к его стремени булатному,
Да к его ножке богатырскойей
Родна матушка, честна вдова Офимья Александровна,
Сама горюша горько плакала:
«Когда же мне горюше сожидать домой
- 50 Рожоно мило дитятко?».
Тут проговорит Добрынюшка Микитинец
Родной матушке честной вдовы Офимье
Александровне:
«Ежели не воротитця Добрынюшка через семь
годов,
То роздай моё именье и богатество
- 55 По тым-то по божьим церквам.
Да введи-ко ты Добрынюшку в поминаньице».
Тут видели Добрынюшку сядуци,
А не видели ено поедуци,
Только видели во чистом поле пыль пошла.

- 60 День за денецком, быдто дождь идёт,
А неделька за неделкой, как метла метёт,
Прошло тому времецка семь годов.
Нет ни слыху, ни сдыху с чиста поля,
Тут стал-то стольне-киевский князь подхаживать,
65 Стал он Настасьюшку Микулицну подговаривать,
За этого за смелого Олёшу Поповича.
Тут проговорит Настасья Микулична:
«Что я исполнила заповедь Добрыни Микитича
семь годов,
Еще положу заповедь на семь лет».
70 Прошло тому времецка четырнадцать лет.

Потом согласилась и пошла. Во время свадьбы он и явился. Приехал на вдовый двор. Она свет потеряла, что плакала много. Мать говорит: «Если бы был Добрыня в живности, то не въехал бы». А Добрыня отвечает: «Я вчера встретился с Добрынюшкой во чистом полё, побратался с ним, стали крестовыми братьями. И сказал он, чтобы ты дала гуселушко его и одежду». Добрыня пошел на пир, да как стал в гусли играть. Тут жену и затрясло. Она налила чашу полтора ведра и поднесла ему. А он опустил перстень в чару и подносит Настасье Микуличне.

[Повторяется в обычном виде эпизод с перстнем. Далее следует расправа с Алешей].

Схватил Добрыня Алёшу за желты кудри. Только Алёша и женат был.

АГРИППИНА МАТВЕЕВНА НИКОНОВА

Агриппина Матвеевна Никонова — в 1932 г. 88 летняя колхозница-вдова д. Конновской Песчанского сельсовета Пудожского района. Раньше, по ее словам, знала много былин, которым научилась от стариков: «До сего ездили старики нищие, и переняла». Слыхала былины и из книг, сама же была неграмотна. Живя последние годы по зимам в Петрозаводске с внуками, она пела былины женщинам-соседкам. В деревне же, как она говорила, уже былин не слушали. Кроме записанных от нее былин, знала еще «рассказом» — «Бой Добрыни со Змеем», «Про вдовку-пашицу», «Двенадцать дочерей и сын» («Василий и Софья») и духовные стихи: «Егорий храбрый» («Мучения Егория»), «Алексей человек божий» и «Олисафия» («Егорий и Змея»). Агриппина Матвеевна знала еще старинные песни и волшебные сказки: «Аленький цветочек», про двух братьев, «как один поймал утку-золотые крылка — свое счастье», как купец отдал сына водяному, как гуси унесли братца и др., а также сказку про Еруслана Лазаревича.

Из ее родных в 1932 г. знал сказки сын Семен Семенович. Былин никто не знал.

Былины А. М. Никоновой по своей композиции представляют традиционные прионежские типы. По общему своему характеру, тону, стилю показательны для процесса приближения образов и языка к быту и речи северного крестьянина XIX—XX вв.

ДОБРЫНЯ

- Добрынюшка матушки говаривал:
 «Государыня моя матушка,
 Чесна вдова Офимья Олександровна,
 В ково меня, Добрынюшку, спородила?
 5 Силой-могудой в Илью Муромця,
 Красотой во Олешку ль Поповиця?».
 Говорит тут Добрынюшки матушка:
 «Спородила я тебя силой-могудой,
 Красотой и ухваткою
 10 Во Олешку Поповиця».
 Тое словце Добрынюшки не слюбилосе:
 «Уж ты луце б Добрыню спородила
 Катуцим бы белым каменем,
 И свертела бы камень в травцят рукав,
 15 И снесла бы этот камень на Фавур-гору,
 И спустила бы камень этот под гору,
 И скатилсэ бы камень в синё море,
 Лежал бы век по веку
 И отныне и до веку».
 20 Брал седёлышко ново черкальское,
 Брал он уздицю нову тисьмянную,
 Брал он плётоцьку нову не хлыстану,
 И седлал обкольцюживал
 Своего-то добра коня.

- 25 Двенадцать подпругов шелковых
И тринадцату клал ради крепости.
Говорит Добрынюшки доброй конь:
«Уж ты ай же, Добрынюшка Никитиниц!
Отец-то седлал, дак ребро к рёбрушке,
30 А уж ты седлаешь — ребро на ребро».
Садилсэ Добрыня на добра коня.
Приходит его молода жона,
Приходит его любима семья
Настасья Микулицьна.
- 35 — «Уж ты ай же, моя молода жена,
Настасья Микулицьна,
Дам я те заповедь на шесть год,
Пройде заповедь шесь годышков,
Хоть вдовой живи, хоть замуж поди,
40 Столько нё ходи за тово купця
За Олёшку Поповиця:
Олёшенька Поповиць мне названан брат».
Столько видли Добрынюшку сядуци,
Не видли поедуци, уехал Добрыня в чисто поле.
- 45 Олёшенька Поповиць тут
На своём на добром кони
Наехал на тот на широкой двор.
Своего коня прикольцюживал
К тому стоубу ко тоцёному,
50 К тому ко кольцю к золоцёному,
Где Добрыня добра коня седлал.
Приходит во редню столовую.
Ён крес ведёт по писаному,
А поклон кладёт по уцёному,
55 Настасья Микулицьной в особину:
«Здравствуешь, молода вдова,
Здравствуешь, любима семья
Настасья Микулицьна!
Я тиби от Добрыни поклон привёз.
60 Твой Добрыня Микитиниц
Лежит в цистом поле простреленой,

- Ево ноженьки край дороженьки,
Голова ево под кустышком».
И нацял к Настасьюшки похаживать,
65 Нацял Настасьюшку подсватывать.
Говорит Настасья Микулицьна:
«Ай же, Олѣшенька Поповиць!
Проживу я шесь годышков вдовиных,
Тошто и заму́ж пойду».
- 70 И годок за годок, быдто дож дождит,
Неделя за неделей, што река бежит,
Денёк за денёк, што трава ростёт,
И ёна про́жила шесь годов вдовиных,
Взял уж тут Олѣша Поповиць подхаживать,
75 Взял Настасьюшку подсватывать.
Говорит Настасья Микулицьна:
«Я прожила годушки вдовиные шесь годов,
Еще про́живу шесь годышков заповѣдних».
- 80 Годок за годок, быдто дож дождит,
Неделька за неделкой, как река бежит,
Денёк за денёк, как трава растёт.
Прошло тому времечьки двенадцать лет.
Всѣ Добрынюшки Микитиця домой не видать.
Тут приступили вси князья, вси бо́яра,
85 Привышней князь стольно-киевской,
И вси взяли Настасьюшку
Сбивать за Олѣшеньку.
И она тут понаумилась
И пошла за Олѣшеньку.
- 90 Завели ены тут пир-свадебку,
Увели ею тут к князю стольно-киевскому,
Стали свадьбовать.
Поехал Добрыня Микитиць в цисто́ поле,
Кто конь подтыкается,
95 Говорит Добрыни доброй конь:
«Уж ты ай же, Добрыня Никитиниць!
Твоя молода жона, твоя любима́ семья
Замуж пошла,

- За тово купця за Олѣшку Поповиця».
- 100 Поехал Добрыня на пер да на свадебку
К своей молодой жоны.
Приеждает на свой на широкой двор,
Своево коня прикольцюживал
Х тому стоубу ко тоцёному,
105 Х тому кольцю х золоцёному,
Приходит он во ридню столовую,
Он крес ведёт по писаному,
Поклон ведёт по уцёному,
Офимьи Олександровны в особину:
110 «Здравствуешь, молода вдова Офимья
Олександровна!
Я тиби от Добрыни поклон принёс».
— «Как ай же ты, мала скоморошина,
От Добрыни поклон принёс?
Прошло тому времечьки двенадцать лет —
115 Добрыни Микитиця живово нет».
— «Мы в цистом поли с Добрыней поразъехались,
Конямы мы с им поменялися,
И крестамы мы с им побрѣталися».
Показал свой злацён перстень
120 И с вѣрота показал свой золоцёной крес.
«Отправил меня Добрыня Микитицъ
К своей молодой жены,
К своей любимой семьи на свадебку,
И велел мне взять гусёлышка муравцяты ¹
125 И клюху стопудовую,
И велел сходить на пер на свадебку
Звеселить князя и княгину молодых».
И дала ему гусёлышка яровчаты
И клюху стопудовую,
130 И он отправился к княгины на свадебку.
И приходит на пер на свадебку,
И выстал на пецьку.

¹ Оговорка, вместо яровчаты, см. стих 128.

- Сел на за́печьку,
И взял гусёлышка поигрывать.
135 Услыхали князья и бо́яра,
За столом князь и княгина мо́лодые
И говорят: «Поди к столу, мо́лодой игрок,
И звеселяй князя и княгину мо́лодых!».
Подходит Добрыня к столу дубовому,
140 Подносят ему цяру зелёна вина.
Вынимал Добрыня золотой перстень
Со право́й руки
И положит в цяру зелена вина,
И подносит княгины обру́чёной:
145 «Ай же ты, княгина обру́чёная!
Выпивай же ты пей цяру зелена вина,
Изопьёшь до дна — дак увидишь добра».
И взяла княгина обру́чёная
Эту цяру зелена вина и выпила.
150 И увидала там золо́щён перстень,
И видит, што Добрынин золо́щён перстень,
И говорит: «Не то мой муж, которой за столом
сидит,
А то мой муж, которой у стола стоит».
Взял Добрыня Микити́чь Олёшеньку
155 За жо́лты кудры́,
Взял по горенки поваживать
И стопудовой клюхой покола́чивать.
Говорит Олёшеньке Попови́щу:
«Што всякой-то на свете жени́тце,
160 Да не всякому жени́тба задавае́тце».
Увёл Добрыня свою молодую жену домой,
Олёша осталсэ ни́ при чём.

Выходила турица со турятамы,
Воспрогóворят турята неразумныи:

- «Ведаем над Киевом чудным-чудным-чудно,
Ведаем над Киевом незгодушку большу́:
5 Ходит душа красная девушка,
Цитает ена книгу ледавидовую,
И не столько цитает,
Вдво́ем, втрё́ем плацет».
- «Уж вы, глупые турята неразумныи,
10 Тут не красная девиця плакала,
Уж тут плакала мать городо́вая стена.
Ена ведает над городом цюдным-цюдным-
цюдно́,
Ена ведает над Киевом незгодушку большу́:
Наиде Табатыга Табатыгин сын
15 Со зятем Тараканчиком Корабликовым
И со тым дьяцьком со издумщицьком».
- Наехал Табатыга Табатыгин сын
Со тым дьяцьком со издумщицьком.
Отыскали тут Василья в кабаки на́ печи.
20 — «Ты давай-ко нам вина полтора ведра!».
- Сливали вино в едино судно́.
Здымал Табатыга единой своей рукой,
Выпивал Табатыга на един-то здох:
«Уж я нонеця могу своим добрым конём
владать,
25 Уж я нонеця могу своей востро́й саблей
махать».
- Нацял по полюшку погуливати,
Нацял головушок порубливати,
Срубил-пригубил до единой головы.
Назад ко Василью воро́цялсэ:
30 «Давай-ко же вина полтора ведра».
- Сливал ён вино в едино судно́,
Выпивал Табатыга на единой здох:
«Нунеця могу своим добрым конём владать.
Нонеця могу своей вострой саблей махать».
- 35 Тут Василий Буславьевиць
Ево самово решил.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Дюк Степанович матушки говорил:
«Ай же ты, моя матушка,
Дай же ты мне прощеньице-благословленьице
Ехать ко городу ко Кееву,
5 Ко ласковому князю Владимиру,
И той дорожкой прямой, а не окольной». И говорит ему родная матушка:
«Ай же ты, сын мой возлюбленной,
Не дам я тебе прощеньица-благословленьица
10 Ехать дорожкой прямой, а не окольной,
Где стоит три за́ставы великии.
Первая за́става великая —
Сидя птици клевуции,
Тыи птици тя с конем склюють.
15 Вторая за́става великая —
Стоят горы тоукуции,
Тыи горы поростоу́нутце,
Поростоу́нутце да вместе стоу́нутце,
Тебя Дюка с конём сомнут.
20 Третья за́става великая —
Лежит змейцо што Горынчице,
О двенадцати змея о хоботах,
Тая змея тебя с конём сожрёт». — «Ай же ты, родимая моя матушка!
25 И спустишь — поеду,
И не спустишь — поеду.
И дашь прощеньица и не дашь прощеньица». Ну, ена и благословила ево.
Сел Дюк Степанович на свово добра коня.
30 К первой за́ставы подсказивал —
Сидя птици клевуции.
Не успели тыи птиценьки
Своих крылышков расправлять,
Дюк Степаныч тую за́ставу проскакивал.

- 35 Ко другой за́ставы прискакивал —
Стоят горы пото́укуци.
Тьи горушки поросто́унулись,
Не успели горы вмисто сто́укнутьце,
Ен тую за́ставу проскакивал.
- 40 Ко третьей за́ставы прискакивал —
Лежит змейшо што Горынчи́що,
О двенадцать змея о хóботах.
Не поспела тая змея своих хóботов порасправити,
Дюк Степаныч тую за́ставу проскакивал.
- 45 Ко городу ко Кееву прискакивал.
Ласковой князь е́що у обидни,
Ён к обидни.
И приходят от обидни христосько́ей
Со ласковым князем Владимиром.
- 50 Тут ись садятце.
Стал Дюк Степанович задевать
Князя ласковово на́ словах:
«Во нашей Инд́ее богатое́й
До́мы стоят у нас каменны,
- 55 Пёценьки кладены муравцяты,
Помялышка у нас шо́лковыи,
Перожки́ пекуть у нас крупивцяты,
Колацик съешь — друго́во хо́цетце,
А дру́гой съешь — по третьему душа горить».
- 60 Князь-то стольно-киевской
Ему и го́ворит:
«Какая же у вас Инд́ея бо́гатая?».
И его к сибѣ при́брал.
И ён письмо написал к своей матушки,
- 65 К коню привязал и отправил домой.
И конь сходил и, што надо, всё привёз ему.
Удивляете́ князь стольно-киевской:
«Надо, говорит, послать послов
Проведать ево иму́щество-бо́гачесво».
- 70 И отправляя послов туды.
Послы съехали на ево родину.

Женшинья идут на работу,

Ены и спрашивают:

«Есь ли в етом обози Дюкова матушка?».

75 — «Што же, говорят, какии же вы за люди?

Разве Дюкова матушка с нами в обози ходит?».

Опять идут портомойници,

— «Есь ли етта у вас Дюкова матушка?».

— «Да какая вам етта Дюкова матушка?

Дюкова матушка разве с нами с портомойницами ходит?
Дюкова матушка не хочет рук моцить».

80 И показали, где есь Дюкова матушка.

Пришли оны в ейное зало,

Ходят против их роботнищи, ей ись приносят.

Они спрашивают: «Есь ли средь вас Дюкова
матушка?».

— «Ой, да видать ли вам Дюковой матушки!

85 Мы сами ни цясто видим».

К матушке как приводили, дак вся в золоте матушка.
— «Дюкова матушка, вот мы приехали к вам обцинить Дюка
Степанова именье». Она разула калошу с ноги: «Если можете
оцинить ету колошу, дак и цинить будете именье». Оны повер-
телись, повертелись, да одной колоши не могли обцинить.

183

КОСТРЮК

Царица-то крымская поляница удалая

Татарка упала

С Кострюком подумиласе,

С молодым сговориласе

5 В сильнѣ царьсво поехати,

В сильнѣ царьсво в Московскоѣ,

В королесво Литоськое.

Оны сили, поехали.

До Москвы не доехали,

10 Среди поля цистово,

- Среди луга зелёного
Кóней поставили,
Шатры-ты роздёрнули,
Шатры полотняныи.
- 15 Самы́-то в шатры взошли,
Коня́м-то насыпали
Пшена белоярово,
Ерлуки-ты расписывал,
С ерлукамы посла послал:
- 20 «Ты бежи-тко, скорóй посол!
Бежи в ридню столовую,
И бежи не с упадкою,
Говори со прикладкою,
Штобы двóры там спрастывать,
- 25 Конюшни споразнивать,
Столы бы расста́вливать,
Котлы бы навешивать.
Наедет Кострюк-Демрюк,
Наиде Кострюков сын,
- 30 Наиде Демрюков сын,
Наиде царька́шанин».
Тут приехал Кострюк-Демрюк,
Приехал Кострю́ков сын,
Приехал Демрюков сын,
- 35 Приехал царька́шанин.
Говорит же Кострюк-Демрюк:
«Уж ты ай же, скорóй посол!
Бежи осереды Москвы,
Закры́ци во всю голову,
- 40 Штобы слышно во всю Москву.
Бежи не с упадкою,
Говори со прикладкою,
Есь ли в Москве борьци,
Удалы́ добры́ молодци
- 45 С Кострюком поборотися,
С молодым подумитися,
Его силы отведа́ти,

Да и своєю попробовать».
Два брата-то родныи,
50 Одново звали Федькою,
А другово Михалкою,
Удалы нарекались,
Во борци назывались.
Прибежал тут скорой посол
55 Во ридню столовую:
«Ай же, Кострюк-Демрюк,
Хлеб-соль ти на столи,
Бог ешь ти на стены,
И борець ешь ти на двори».
60 Скопил Кострюк с застолья,
Задел ногой за скамью,
Убил тридцать татаринев,
Убил сорок богатырев,
И вси стоят окаракою,
65 А и вси моля Кострюку,
Штобы он на двор-то шол,
Да больше бы и не пришол.
Уж он Мишку-ту раз попнул,
Уж он Мишку другой попнул,
70 Стоит Мишка не шатнетце,
Ево кудры не сворохнутце.
— «Мне-ка стать ли рука рубить,
Али со лба глаз воротить!».
А Федька борець разудалоей
75 Ево взял за белы руки,
Подпнул выше церьквы соборной
И свысока спустил о землю.
Ну рубашка-то треснула,
И ево пузо-то лопнуло,
80 И пошла пава заплакала,
И тут-то Кострюку и слава пошла.

АННА НИКОЛАЕВНА КОРЕШКОВА

Анна Николаевна Корешкова из д. Северской Песчанского сельсовета Пудожского района — интересный и характерный тип современной носительницы народной поэзии. Это передовая женщина деревни, колхозница-активистка. Вступила в колхоз одной из первых. И еще за три года до образования колхоза организовала коллективный огород. Не раз была премирована.

А. Н. Корешкова ценит и любовно хранит поэтическое наследие. Она обладает несомненно большим художественным чутьем, вкусом к словесному мастерству, она знает старинные песни, сказки, хранит в памяти свадебные причеты.

Ее былина о Добрыне и Алеше отличается стройной композицией, образностью, четким плавным ритмом. Кроме этой былины, она знала еще баллады «Василий и Софья» и «Братья разбойники и сестра», которые собирательницы не успели записать. Былины усвоила от стариков.

Отмеченные черты А. Н. Корешковой — ее непосредственное и горячее участие в строительстве новой жизни, ее поэтическая одаренность вместе с хорошим знанием народного словесного искусства — определили включение Корешковой в ряды творцов нового, советского фольклора. Корешковой принадлежит один из замечательнейших сказов-плачей о Ленине, созданный ею вместе с другим мастером старинной причети Старовойтовой. В плаче искреннее чувство горести по любимому вожде искусно сплетается с рассказом о радостной новой жизни, путь к которой проложил Ленин. (См. статью Л. Громова и В. Чистова «Плачи о Ленине» в сб. «Советский фольклор», № 6, 1939, стр. 90).

Еще раньше ею был сложен плач по мужу, погибшему в рядах Красной Армии в гражданскую войну (записан сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры, хранится в Архиве Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии Наук СССР).

В 1932 г., когда была произведена запись былины, А. Н. Корешковой было 42 года. Жила она со своими двумя сыновьями, 12 и 15 лет.

ПРО ДОБРЫНЮ

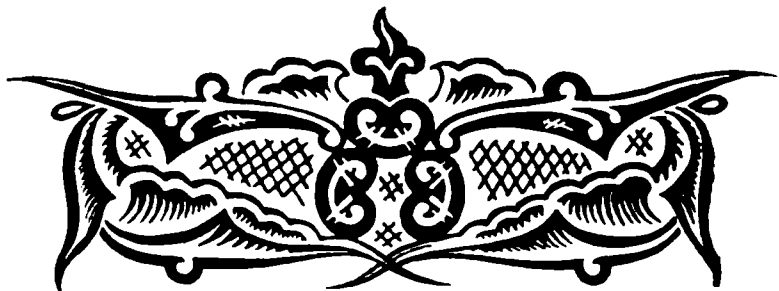
- Старину пою да стародревную,
Стародревную да стародавнюю,
Я Добрынюшку да со Настасьею.
Отправляетце Добрынюшка в чистó поле.
5 Он наказыват своей жены Настасьи да Микуличне:
«Ты, жена моя Настасья да Микулична!
Уж ты жди меня да ровно три года,
Не приеду если я да через три года,
Уж ты жди меня да ровно шесть годов,
10 Не приеду если я да через шесть годов,
Уж ты жди меня ровно двенадцать год.
Не приеду если я через двенадцать год,
Ты, жена моя Настасья да Микулична,
Хошь вдовой живи, а хошь замуж иди.
15 За князей поди да за бояринов,
Ты за славных за татаринов,
Только не ходи, Настасья да Микулична,
За Олëshеньку да за Поповиця:
Как Олëshенька-то ведь Попович блад,
20 Ай Олëshенька-то мни да ведь крестовой брат».
Уж как год-то за год, как река бежит,
А неделька за неделькой, как порог шумит,
А ещо день-то за день, быдто дож дожжит,
И прошло тут тому времечки да ровно три года —

- 25 Не видать Добрыни со чиста поля.
Стал Олѣшенька к Настасьюшки подхаживать,
Стал Настасью он заму́ж подговаривать:
«Ты иди, иди, Настасья да Микулична,
Ты иди да за меня заму́ж:
- 30 Уж как нет жива Добрынюшки Микитиця,
Там Добрынюшки головушка вся переломана,
Она белым полотѣнчиком да перевязана,
Головой лежит он во ракитов кус[т],
А ногамы-то да во Дунай-реку».
- 35 Тут нейдѣт заму́ж Настасья да Микулична
За Олѣшеньку да за Поповиця.
Уж как год-то за год, как река бежит,
А неделя за неделей, как порог шумит,
Аще день за день, быдто дожь дожжит,
- 40 И прошло тут тому времечки да ровно шесть годов,
Не видать Добрыни со циста поля,
Стал Олѣшенька к Настасьюшке подхаживать,
Стал Олѣшенька Настасьюшку заму́ж подговаривать:
«Што иди, Настасья, за меня заму́ж,
- 45 Ты иди, Настасья да Микулична,
Уж как нет жива Добрыни да Микитиця,
Там Добрынина головушка вся переломана,
Она белым полотѣнчиком да перевязана,
Головой лежит он во ракитов кус[т],
- 50 А ногамы-то да во Дунай-реку».
Тут нейдѣт заму́ж Настасья да Микулицьна
За Олѣшеньку да за Поповиця.
Уж как год-то за год, как река бежит,
А неделя за неделей, как порог шумит,
- 55 Аще день-то за день, быдто дож дожжит.
А как прошло тому времечки ровно двенадцать год,
Стал Олѣшенька к Настасьюшки подхаживать,
Стал Настасьюшку он заму́ж подговаривать:
«Ты иди-ко иди, Настасья, за меня заму́ж,
- 60 Ты иди, Настасья да Микулична:
Уж как нет жива Добрыни да Микитиця,

- Там Добрынина головушка вся переломана,
Она белым полотёнчиком да перевязана,
Головой лежит он во ракитов кус[т],
65 А ногамы лежит он во Дунай-реку».
И пошла замуж Настасья да Микулична
За Олёшу да за Поповича.
И заплакала тут мать Офимья Олександровна:
«Закатилось да красно солнышко,
70 Закатаетце да млад светёл месёц».
Повели оны тут пер да свадебку.
А уж как птички-пташки перелётывали,
Оны весточки да перенашивали,
Говорят Добрынюшки Микитицю:
75 «Поеждий-ко, доброй молодец,
В свою сторону да к своей матери —
Как твоя жена Настасья да Микулична
Она замуж пошла за Олёшу Поповича».
Тут садилсэ доброй молодец
80 На своего на добра коня.
Приеждял домой Добрынюшка Микитиниц,
Не узнала ево мать Офимья Олександровна.
Говорит Добрынюшка Микитинич:
«Ты, Офимья Олександровна,
85 Ты сходи-ко в по́греба да во глубокии,
Ты подай-ко мне гусёлышка яровцяты,
Мни велел взять твой сын Добрынюшка Микитиницъ,
И велел сходить на пер на свадебку
К его жоны Настасьи да Микуличны».
90 Тут сходила в погреба да во глубокии
Офимья Олександровна,
Принесла она гусёлышка яровцяты.
Уж как взял Добрыня Микитинич
Свои гусёлышка яровчаты
95 И отправился на пер, на свадебку,
Он к своей жены Настасьи да Микуличны.
Уж как сел там на кирпицьну белу пеценьку,
И заиграл он во гусёлышка яровцяты.

- Говорит Настасья да Микулицьна таково слово:
100 «Вы налейте-ко нунь цяру зелена вина,
И позовите добра молодца
Ко столу да ко дубовому.
Уж ты выпей, добрый молодец,
Выпей цяру зелена вина».
- 105 Говорит Добрынюшка Микитиниць:
«Ты, Олѣшенька да ведь Поповиць млад,
Ты позволь-ка поднести да ково я люблю».
Подносил Добрынюшка Микитиниць
Он Настасьюшки да всё Микулицьны:
110 «Ты испей до дна, так увидашь добра,
А не выпьешь до дна, не увидашь добра».
Она выпила да тут до донышка,
Как до донышка да она до́ суха.
Увидала там да свой злаци́н персте́нь,
115 Которым она да обруцаласе
Со Добрынюшкой да со Микитицем,
Говорит она да таково слово:
«Не тот мой муж, которой за́ столом сидит,
А тот мой муж, которой у́ стола стоит».
- 120 Уж как взял Добрынюшка Микитиниць
Он Олѣшеньку за желты́ кудры́,
Стал Олѣшеньку да он поваживать,
Золотым копьём да стал подхлыстывать,
Он умильнии слова да выговаривать:
125 «Не тому дивую, хто заму́ж идѣт,
А я тому дивую, хто заму́ж берѣт,
От живого мужа́ жону́ отобрал».
Так Добрыня с Настасьей хорошо живут,
А Олѣши Поповицю славы́ поють.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ ЦАРЕВ

Петр Павлович Царев — в 1932 г. малограмотный крестьянин 75 лет из д. Северская Песчанского сельсовета Пудожского района. Занимался выделкой овчин. Жил с женой и семейной дочерью.

Былинам, по его словам, он научился от Абрама Чукова с Пудожской Горы, известного певца времени Рыбникова и Гильфердинга. (Рыбн., I, 23—37; Гильф., 148—155; см. также о нем: Рыбн., I, стр. ХСІ—ХСІІ, в «Заметке собирателя»). Однако из двух записанных от Царева былин одна — Добрыня и Маринка — совершенно отсутствует в записях от знаменитого «Буылки», другая же — о Дунае — не имеет ничего общего с текстом Чукова (Рыбн., I, 23). Единственно, что их объединяет — это отсутствие второй части былины — женитьбы самого Дуная: у обоих исполнителей былина ограничивается рассказом о добывании невесты. У Царева мы видим не только совершенно иное словесное оформление, но и иную композицию с другими даже именами действующих лиц. Чуков же принадлежал к той категории сказителей, тексты которых не подвергались существенным изменениям, сохраняя на протяжении многих лет и ту же композицию и ту же словесную ткань. Таким образом, мы должны предполагать или другие источники для былин Царева, или свободное переложение исполнителем усвоенных сюжетов. От самого Царева, между прочим, мы знаем, что он слышал, как читали былины по книге.

По сообщению собирательниц, Царев был очень приветливый старик, сказывал им и пел былины охотно. Интересы к ним он не потерял и, по собственным словам, продолжал петь их на рыбной ловле. Кроме былин, знал еще сказки. Из его семьи (трое взрослых дочерей) никто былин не усвоил.

Царев далеко за пределы родного края не выезжал. Из городов бывал лишь проездом в Петрозаводске. Военной службы не отбывал.

ДУНАЙ СЕЛИВАНОВИЧ

- Как во стольном во городе во Киеве
У ласковою князя у Владимира
И начинался-зачинался и почосной пер,
И про всих-то ведь пер и про всих князей,
5 И про всих сильных могучиих боһатырей.
И вси-то на пер соезжались,
И вси на перу наедались,
И вси на перу напивались,
И вси на перу порасхвастились.
10 Инной-то хвастат добрым конём,
Инной-то хвастат золотым седлом,
Инной-то хвастат седёлки приседёлками,
А умной-то хвастат отцем-матушкой,
А безумной-то хвастат молодой женой.
15 А один сидит Дунай Селиванович,
Он и ест-то и пьёт и кушает,
А нечим же он не хвастает.
Воспроговори́л Владимир стольно-киевский
«Ай же ты, Дунай ты Селиванович!
20 Сидишь ты, хлеб-соль кушаешь,
А нечим-то ты не хвастаешь». —
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Не знаешь ты мне какой ни противницы?».
Говорит Владимир стольно-киевский:

- 25 «Какая же тебе надо противниця?».
— «А такая мне надо противниця,
Походочка у ей павлиньская,
Поговоря у ей лебединьская».
Говорит Владимир стольно-киевский:
- 30 «Ай же ты, Дунай Селиванович,
Во том ли во царсьве государсьве-то
У етово царя да лихоиляна
Есь у ево-то ведь дви дощери.
Одна доць-то ведь Марья королевична.
- 35 А другая доць-то ведь Настасья королевична.
У Настасьи королевичны
Походоцька-то ведь у ей павлиньская,
Поговоря у ей да лебединьская,
Ясны оци у ей да в добра молодця».
- 40 Воспрогóворит Дунай да Селиванович:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Поедем ты со мной да посватаем».
Воспрогóворил Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Дунай да Селиванович,
- 45 Бери-ко ты заправушку великую
И силушку могучую».
Воспрогóворил Дунай да Селиванович:
«Не надо мне-ка силушки могучеей,
Не надо мне заправушки великой,
- 50 Только дай-ко ты мне-ка по разуму товарища,
Добрынюшку Микитища».
Тут-то ведь богáтыри справлялися,
Скорей-то оны-то ведь скорёхонько
И тихóм-то оны да ведь тихохонько.
- 55 И видли богáтырей сядуци,
А не видли богáтырей поёдуци.
Поехали оны ко царсьву государсьву-ту
И к царю да лихоимському
Озёра-то реки межу ног спускать.
- 60 Как приехали ко царсьву государсьву-то,
Воспрогóворит Дунай да Селиванович:

- «Ай же ты, грозной царь Иван Васильевич:
Приехал я к тебе о добром деле о сватовсье,
Станём-ко мы делать пер да свадебку».
- 65 Воспроговори́л грозной царь Иван Васильевич:
«Ай же, слуги мои верныи,
Берите-ко вы гостя за белы́ руки,
Ташите-ко вы гостя в холодён погрёб».
- Приходит-то царю со чистова со полюшка
- 70 Вес[т]ь нерадосна:
«Ай же ты, грозной царь Иван Васильевич.
Сидишь ты, хлеб-соль кушаешь,
Над собой незгодушки не ведаешь:
Как наехали русьскии боһатыри,
75 Нашу силушку-то бьют-то ведь, костром кладуть.
Наши силушки стоять-то ведь головушки повешаны
И кушацькамы кишоцьки-то подвязаны».
- Воспроговори́л Дунай-то Селиванович:
«Я ведь приехал к тебе о добром деле о сватовсье».
- 80 Спроговори́л грозной царь Иван Васильевич:
«Ай же вы, слуги верныи,
Берите-ко вы гостя за желты́ кудри,
Ташите-ко ево в холодён погрёб».
- И слугушки круг гостюшка обскакивают,
- 85 А гостюшко стоит и не сворохнетце.
Приходит-то со чиста поля вес[т]ь нерадосна:
«Ай же ты, грозной царь Иван Васильевич,
Сидишь ты, хлеб-соль кушаешь,
Над собой незгодушки не ведаешь,
90 Как наехали русьскии боһатыри,
Нашу силушку-то бьют-то ведь, костром кладуть,
Наши силушки стоять-то ведь головушки повешаны,
А кушацькамы кишоцьки-то подвязаны».
- И спроговори́т грозной царь Иван Васильевич:
- 95 «Ай же ты, Дунай-то Селиванович,
Унимай-ко ты да своего товарища,
Добрынюшку Никитича,
Станем-ко делать пер да свадебку».

Тут выходит Дунай-то Селиванович
100 На царьський двор,
И крикнул он по звериному,
Свиснул он по змеиному:
«Ай же ты, товарищ мой,
Добрынюшка Никитинич!
105 Поеждяй-ко, Добрынюшка,
Прямо на царьской двор
И станем, Добрынюшка,
Делать пер да свадьбу».

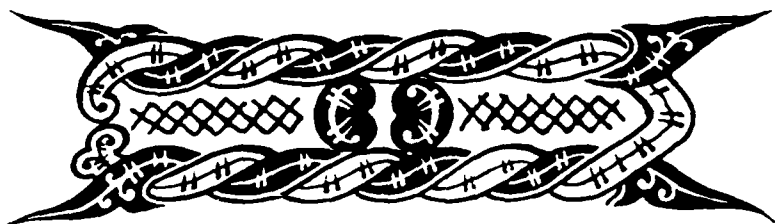
186

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Во стольном во городе во Киеве
Гулял-то ведь Добрынюшка по городу,
Гулял-то ведь Добрынюшка по Киеву,
«Не заезживай, наказывала матушка,
5 Не заезживай во этаку во улицу,
Где живёт-то ведь Маринка ведь Игнатьевна.
И увидит Маринка ведь Игнатьевна,
И кинетце Маринка до плечь в окно,
И скажет Маринка таково слово:
10 „Возьми-ко ты, Добрынька, меня замуж за себя.
Не возмёшь, Добрынька, замуж за себя,
Оввернешьсе, Добрынька, серым волком“.
И спустит Добрынюшку серым волком
Во чисто поле,
15 И ходить тебе, Добрынька, век по веку».
Добрынюшку-то матушка день ждала,
И Добрыню государыня другой ждала,
Не могла она дожdzтьце Добрынюшку
Со чиста поля.
20 На ноженьки обувала башмаченьки,
А на плечки кидала кунью шубоньку
И бежала во эту во улицу.

Прибежала к Маринки Игнатьевны
И кричала Маринки Игнатьевны:
25 «Ай же ты, Маринка Игнатьевна,
Оввернула ты Добрынюшку серым волком,
И спустила ты Добрынюшку в чисто поле,
И ходить-то ведь Добрынюшки век по веку.
Не отвернешь ты, Маринка, Добрынюшку,
30 По старому, по прежнему,
Овверну я тебя сорокою,
И спущу ты, Маринка, во чисто поле,
И лятать те, Маринка, век по веку».
Побоялась Маринка грозных слов
35 И отвернула Добрынюшку по старому,
И отвернула Добрынюшку по прежнему.
Тут уж брал Добрынюшка саблю вострую
И отрубил Маринки буйну голову.
И тут-то про Добрынюшку славу поють,
40 И славу-то поють век по веку.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ ДЕНИСОВ

А. М. Денисов — в 1932 г. колхозник 60 лет из д. Римской Пудож-
горского сельсовета Медвежьего района.

Он знал две былины: о Микуле Селяниновиче и о Ставре Годиновиче. Вторую мы не печатаем, так как никаких новых моментов по сравнению с другими заонежскими вариантами она не заключает, в то же время вариант несет явные черты разложения.

Кроме былин, от Денисова записана местная пародийная песня, им самим сложенная.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

- Вóльга Всеславович собирал дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцов да без единово,
Сам он Вóльга во тридцатаих.
И соберался ко славным городам
5 Под Гурчевец да под Ореховец
Собрать пошлину великую
С тех ли крестьян гурчевцев да ореховцев.
Едит Вóльга Всеславьевич
Со своей дружинушкой хороброей.
10 И слышит Вóльга Всеславьевич:
Орёт в поле оратай, посвистывает,
На свою лошадку покрикивает.
А óмешки по камешкам почиркивают.
Едит Вóльга Всеславович
15 День с утра до вечера
И не может на оратая наехати.
Едит он другой день с утра до вечера,
Только к полдни наехал на оратая.
Орёт в поле оратай, насвистывает,
20 На свою лошадку покрикивает.
Все дубья-колодья завёртывает,
А великие камни вси в бороздú валит.
Как возгóворит Вóльга Всеславович:
«Ай же ты, да оратай, да оратаюшка!

- 25 Скажи-ко ты мне да как тебя зовут по имечки,
Да и величают по отечесъву». Да возгóворит оратаюшка таковы слова:
«Я как ржи напашу, да в скирды сложу,
Домой выволочу, дома выколочу,
- 30 Дранки нáдеру, пива нáварю,
Пива нáварю и гостей назову,
Станут гости пить, веселитися
И проздравлять меня будут хозяином:
„Ай же ты, великий оратаюшка Микула Селянинович!“».
- 35 Стал Вóльга Всеславъевич просить Микулу Селяни-
новича:
«Ай же ты, Микула Селянинович,
Поедим-ка да ты со мной да во товарищах
Под славные под города под Гурчевиц да под Ореховец
За той ли податью великоюй».
- 40 Сogласился Микула Селянинович,
Выстегает свою кобылку соловую,
Отстегает свои гужики шелкóвыи,
А сошку дубовую оставляет во бороздочке,
Сели на добрых коней да и поехали.
- 45 У Вóльги-то конь поскакивает,
А у Микулы кобылка грудью пошла,
А Вóльги-то конь и гнаться не мог.
Стал Вóльга кричать, своим колпаком помахивать:
«Ай же ты, Микула Селянинович,
- 50 Обожди-ка ты меня, товарища!».
И возговорит таковы слова:
«Ай же ты, Микула Селянович,
Кабы эта кобылка конём была,
За коня бы я дал пятьсот рублей».
- 55 — «Глупый ты, Вольгá, неразумной ты Вольгá,
Я кобылку взял жеребёночком спод матушки
И за кобылку заплатил полторы тысячи.
А кабы эта кобылка да конём была,
Тогда цены бы не было».
- 60 И говорит Микула Селянинович:

- «Ай же ты, Вóльга Всеславъевич,
Оставил я сошку дубовую во бороздочке
Не для ради прохожего, проезжего,
А для своего брата родимово.
- 65 Пошли-тка ты свою дружинушку хоробрую,
Штобы сошку с земельки повыдернули,
Из óмешков земелюшку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов кус[т]».
- Посылает Вóльга Всеславъевич
- 70 Пять добрых молодцев из своей дружинушки хороброей,
Штобы сошку с земелюшки повыдернули,
Из óмешков земелюшку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов кус[т].
- Приезжают пять молодцев дружинушки хороброей.
- 75 Сошку за рогач вокруг вертят,
А сошки из земельки поднять нельзя.
- Посылает Вóльга Всеславъевич
- Десять молодцов могучих,
Штобы сошку с земельки повыдернути,
- 80 Из óмешков земелюшку повытряхнути,
Бросить сошку за ракитов кус[т].
- Десять молодцов уда́лых
Сошку за рогач вокруг вертят,
А сошки из земелюшки поднять нельзя.
- 85 Посылает Вóльга Всеславъевич
- Всю дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцев да без единово,
А сам-то Вóльга во тридцатых —
И сошку за рогач вокруг вертят,
- 90 А сошку с земелюшки поднять нельзя.
- Ворочаетца Микула Селянинович
Сам да во чистó полé,
Берёт он сошку одной рукой,
Сошку из земелюшки повыдернул,
- 95 Из óмешков земелюшку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов кус[т],
Улетела сошка под облака.

Подъезжают они к славному городу ко Гурчевцу да
к Ореховцу

Собирают они там пошлину великую,

100 С мужиков со гурчивцев да с ореховцев.

А который стоя стоял, тот и сидя сидит,

А который сидя сидел, тот и лёжа лежит,

Тем старина и кончилась.

188

БЫЛИНКА

Как вчерась-то я, братцы, не ужинал,

Да сегодня встал — не позавтракал,

Как схватились мы обедать да и хлеба нет,

Хлеба нет да брюшко голодно.

5 Как у моей у государыни у маменьки

Она каждый день пекёт мяконьки,

Она день не пекёт, и второй не пекёт,

Да два денёчка пропустит и опять не пекёт.

Завела она каврышки

10 На горшка на крышки.

В стену бросить — хлеб ломитца,

Хлеб не ломитца, стена колитца.

Как женил-поженил меня батюшка.

Не у голово женил, не у богатого,

15 Приданово-то много, дак человек худой.

Все люди сидят, как будто свечечки горят.

А мой муж сел на покрусу всем.

Уж он бороду погладил да ус залощил,

Ус залощил да глаза вытаращил,

20 Муж на меня, как чорт на попа,

А я на его помилее тово,

Помилее тово, как свинья на . . . . .

МИХАИЛ КИРИКОВИЧ РЯБИНИН

М. К. Рябинин — правнук Трофима Рябинина. Отец его, Кирик Гаврилович, родной племянник Ивана Трофимовича Рябинина, тоже был исполнителем былин (см. стр. 260). Сам же М. К. Рябинин былин не знал и ими до 1926 г. (первая встреча его с собирателями) не интересовался, но занимался стихотворством, сочиняя стихи-фельетоны на местные темы. Как он сам говорит в стихотворной автобиографической заметке, написанной 19 января 1932 г., для него «не интересна легенда прожитых времен», «не сказка, а быль» увлекает его — «о том пишу всегда стихи» (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, coll. XXVII). В области же фольклора он знал много свадебных приговоров и присказок и в качестве дружки не раз участвовал в свадьбах (см. о нем в моей статье: Былина в Заонежье. Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Л., 1927, стр. 80; а также: Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учпедгиз, М., 1938, стр. 168—170).

Вероятно, именно под влиянием встречи с собирателями, проявленного ими интереса к былинному творчеству и родилась у Михаила Кириковича мысль, вопреки прежнему своему отношению к эпосу, оформить в стихах былинную тему. Характерен выбор для этого — сюжета о Микуле, как особенно близкого крестьянству.

В настоящее время М. К. Рябинин слагает эпические произведения на современную тематику. См. Сказания о героях Арктики. Каргосиздат, 1938, стр. 15; альманах «Карелия», Петрозаводск, 1939, стр. 13; Фольклор советской Карелии. Подготовка текстов к печати и примечания А. Беловановой и А. Разумовой. Вступительная статья В. Базанова, Петрозаводск, 1947, стр. 73—88 и 89—91.

1

ОРАТАЙ

Как во славном во городе во Муромске
У великово у князя у Владимира

- Были гости во почесном гостебище.
Не простые, а бояре всё военные,
5 Среди их богатыри были могучие.
А как гости-то у князя нагостились,
Да на резвые лошадки посадились,
И отправились во путь да во дороженьку.
В чистом поле даже травка не колышитца,
10 Только нуканье оратого им слышитца.
Едут день с утра да и до вечера —
Никого во чистом полюшке не видели,
Нет ни птичек в поле пролетающих,
Нет зверей во поле пробегающих,
15 Только ратай-то лошадушку понукивает,
Омешиком о камешки постукивает.
Едут всадники путём да дорогою
И второй-то день с утра да и до вечера,
Да ничего-то ведь во полюшке не видели,
20 Кроме рагая во чистоем не слышали.
Только ратай-то лошадушку понукивает,
Да омешиком о камешки поскрипывает.
Едут всадники путём да и дорогою,
И на третий день с утра да до полудня,
25 Видят пахаря оратого земелюшку.
Достает с земли сохою камешки.
Лошадка-то у пахаря солёная,
Сошка-то у пахаря согнута.
«Бог на помощь пахарю пахати.
30 Бог на помощь оратаю орати!».
Ратай шапочку снимал да низко кланялся:
«Вы куда так, воины, поехали?».
— «Мы поехали на битву, на кровавый бой,
Мы берём тебя в товарищах с собой».
35 Ратай нехотя лошадушку распрёг,
Сел на лошадь и поехал с ними в путь
И отъехав сотню сажень он сказал,
Где работал, он рукою указал:
«Позабыл я соху вывернуть с земли,
40 Могут спортиться железны омешы».
Тут боярин слуге верному сказал,
Чтобы он сходил, соху с земли достал.
Воротившись тут, слуга ему в ответ:
«Снять соху с земли и сиды моей нет».
45 Тут отправил боярин трёх человек,
И трое-то обратно воротились,

А соха в земельке находилася.
 Тут отправил боярин и десяток человек,
 Да с десяточком и сам пошел.
 50 Окол сошки ходят вси да побрякивают,
 А сошки из земли не выдернут.
 Тут пошел боярин к пахарю
 И сказал слово оратору:
 «Ты сходи-ко сам да сошку выдери,
 55 Камешок задел, ево ты выверни».
 Тут пришел оратай к своему делу,
 Захватил соху рукою левою,
 А право́й ногой камень вывернул.

АНТОН ЕГОРОВИЧ СУРИКОВ

2

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Как во городи было тут во Муроми,
 А как на сели-то было Карачаеви,
 Как жил-был тут Илья да Илья Муромец.
 Он сидел без но́г да ровно тридцать лет,
 8 Да ни владел-то он да тут и но́гами и рука́ми,
 Как пришло-то к нему два тут старца старыи,
 Просили у ня́го попить да воды свежоей,
 Он сказал: «Не имею я ни рук, ни но́г».
 На́лили ему чару тут: ¹
 10 «Выпей-ка, Илья да Илья Муромец!».
 Как выпил чару Илья да Илья Муромец,
 Спросили у не́го да . . . . : ²
 «Што ты в сибѣ да Илья чюствуе́шь,
 Или ни чюствуе́шь в сибѣ?».
 15 — «Было бы кольце́ в неби, другое в земли
 Свернул бы Илья да . . . . : ³»
 Тут налили чару дру́гу ему.
 Как выпил Илья чару ту великую,

¹ Музыкальная строфа не кончена.

² Неразборчиво в фонозаписи.

³ То же.

- Спросили у Ильи:
 30 «Ну што чюствуешь в сибирь?»
 . . . . .¹
- И пришол-то он на роботу к отцю к матери,
 Оны работали . . . . . ,
- 25 Он нароботал в один-то ведь ли час,
 Говорит-то отцю-матушки:
 «Я пойду прибирать сибирь коня да богатырьского»,
 Путывал он коня да богатырьского,
 Поехал он (во Киев)² во славный тут
 во Киев-град.
- 30 Сорок лет дороженька не езжана,
 Стоит-то сорок тут розбойников.
 Перебил-то всех да сорок тут розбойников,
 Переехал на втору на заставу великую,
 Тут-то Соловей Рахманович
- 35 На трёх дубах да на семи суках.
 (Он-то)³ натянул-то тетивочку шелковую,
 Спустил-то свою стрелочку калёную,
 Выбил . . . . .⁴
 Выбил ёно [с косицею око] правое,
 40 У Соловья тут да всё Рахманова.
 Привезался к стремени правому стремени да во . .
 Повёз на третью заставу великую.
 Да встретили ево да девять сынов да розбойников
 Хватали оны копыя мураецкий,
 45 Хватали сабли оны вострыи.
 Громко он кричался йим:
 «Да не троньте Ильи да Ильи Муромця».
 Приехал Илья да Илья Муромець,
 Перебил-то всех девять (роз) сынов да солёвьевых,
 50 Приехал он да тут во Киев-град.
 Приехал к князю тут на княжеский двор,
 Пришол-то он да на высок терём,
 Да утрёну сгоял да тут во Муроми,
 К обедни поспел да ён во Киев-град.

¹ Неразборчиво в фонозаписи.

² Оговорка.

³ То же.

⁴ В этом месте путался.

ДУНАЙ

- Во славном во хороди во Києви
 А ще солнышко князь да стольне-киевскэй
 Заводил-то он да тут почестен пер.
 На всих на князей на бояров,
 5 На всих на сильных на богатырей.
 На всих полениц да й на удалых.
 Красное солнышко на вѣчери,
 Почестен пер идѣт на вѣсели,
 А вси-то на перу да пьяным пьяны.
 10 Вси-то на перу да напивалиси,
 А ще вси-то на пиру да наедалиси,
 Вси-то на пиру да й похвастали.
 А умный похвастал отцем-маменькой,
 Безумный похвастал молодой женой,
 15 [А кто ли]¹ конемы-то добрыма,
 А иный и платьема-то цветныма.
 А з-за стола-столá да за дубоваго,
 З-за того перу да за почётного
 Выходит солнышко да князь да стольне-киевскэй,
 20 Он идѣт челом да покланяетца:
 «Ай же все вы, князи и вси бояра,
 Сильнии русьскіи богатыри,
 Вси вы на пиру да принакормлены,
 А вси вы на пиру да принапоены,
 25 И вси вы на перу да тут поженены,
 А ще князь-то у нас холост не женат.
 [А дайте вы мне]² да супротивную,
 Чтобы стаником была она ровнѣшенька,
 Чтобы ростом была она да высокошенька,
 30 Чтобы тело да у ней да снегу белово,
 Чтобы очи у ней да ясна сокола,
 А ще бровы да у ней да черна соболя,
 Волосом желта да и умом сверста».
 З-за стола столá да за дубового,
 35 З-за того перу да з-за почётново
 Как выходит-то Иван да сын Дунаевич,
 Еще бѣт челом да покланяетца:

¹ Неразборчиво в фонозаписи.

² То же.

- «А ще солнышко князь да Владимир стольне-киевской,
Я знаю теби да супротивную,
40 А щё стаником она ровнёшенька,
Она ростом-то будто высокёшенька,
Тело-то у нѣй да снегу белого.
- Волосом желта и умом сверста,
Земли да есь да Ляховинскою.
- 45 У кóроля Мякулы Ляховинскою
А есь-то у нево двѣ дочери хорошии:
Старша дочь Настасья да Микулична,
Она ездѣ во чистомъ поли полякует,
А ще младша дочь Апраксѣя Микулична
- 60 А сидѣт за тридеветъ замочкамы,
Сидѣть она за тридеветъ за сторожочкамы».
- Проговорѣт князь да стольне-киевскѣй:
«А Иван да сын Дунаевич,
Ступай, достань-ка мнѣ Апраксею Микуличну».
- 65 Говорѣт-то Иван да сын Дунаевич:
«Дай-ко млáдого товарища Добрынюшку Микитича,¹
Пишите-тко письма скорописчаты
О добромъ дели да о сватовсви».
- Написали письма скорописчаты
60 О добромъ дели да о сватовсви.
- Засѣдали оны да (засѣ) зауздали всѣ добрыхъ коней,
На кóней клали тут попутнички,
На попутнички клали да тут наметнички,
На наметнички седѣлушко черкаськóе.
- 65 Подвѣзывали стрѣмянки железа да булатнова,
Клали пряжки меди да козаньскóей,
А видѣли добрыхъ молодцев-то сядучи,
А не видѣли ихъ да тут поедучи,
- А ни воротами поехали раскатныма,
- 70 Сkochили ихъ да кони добрыи,
Сkochили черезъ стѣну городовую,
Только курѣва стоит да во чистомъ полѣ.
Прискоро скажетце да тихо деетца,
Приехали во земли ляховинскѣи.
- 75 В ту же время было у кóроля почестѣи пир
На всѣхъ своихъ да кнѣзей да ѣ на бóеров.
Ни спросили оны у дверей придверничков,
Ни спросили у ворот да оны да ѣ приворотинчков,
Сkochили здѣсь да кони добрыи,

¹ Конец 1-го валика.

- 80 А скочили через стену городовую,
 И среди двора оставил(са) (ту) Иванушка Дунаевич
 Добрынюшку Микитича ¹
 В левой руки держать два повода шелковых,
 А в правой руки дубинушку вязовую.
 Сам скорёшенько пошел да на высок терём.
 85 Пришел он да на высок терём,
 А клал-то письма скорописчаты на дубовой стол,
 [Посмотреть-то королю да й возновáривал] ²
 О добром дели да (об де... да..) о сватовсви.
 Прохóворил король земли да Ляховицкои:
 90 «Ай же вы, горланы святорусьскии,
 Я нá ход кладу тебя во конюхи,
 На дру́гой кладу во по́ребы глубокии,
 Задвину железною дощечкой,
 Пропитомство кладу да й овса с водой».
- Тут затопился он да свои очи да ведь ясны,
 95 Ударил кúлаком во столики,
 Столики вси да тут рассыпались.
 Прибежали е́но да слуги верныи
 С королевсково двора: «Ай же ты, король да земли
 да Ляховинския,
 Ешь да пьёшь здесь прохлаждаешься,
 100 Над собой невзгодушки не ведаё.
 На твоём двори да королевском
 Не ясен сокол полётывал,
 Не чёрный ворон да попухиват,
 Поскакивал удалый добрый молодец,
 105 (Во правой) во левой руки держит два ко́моня
 добрых,
 А во правой руки дубинка вязовая,
 Убил тут ведь татар да сорок тысячей».³
 — «Ведите-ко Опраксию Микуличну,
 Отмыкайте тридевять замочиков».
 110 (Умы) привели-тко Опраксию Микуличну,
 Юмыли-та ю да тут белёшенька,
 Накрутили-та ю да хорашохонько,
 Да заседлали ёй да тут добра коня,
 Да отправили во земли святорусьскии.
 115 Их состигла (но) тёмная ноченька,

¹ На этом стихе спутался.

² Неразборчиво в фонозаписи.

³ Конец 2-го валика.

- Оны бел шатёр роздёрнули и спать легли.
 Возли себе клали копыя мураецкии,
 По палицы клали оны в глови,
 Саблямы оны да тут опутались.
- 120 Среди ноченьки ведь тёмной
 Выходи Иванушка на путистую дороженьку,
 Што едя полениця да удалая,
 По колену конь в землю да тут угрязывал.
- Он прибежал скорёшенько в бел шатёр:
 125 «Вставай, Добрынюшка Микитьев сын,
 Поезжай-ка ты во Киев-град,
 Вези-ко Опраксию Микуличну,
 Я поеду з' поленицей да удалой».
- Он поехал з' поленицей удалой,
 130 Ударилсь копямы да мураецкия,
 Копья в одно место свивалися,
 Ударилсь оны саблямы да вострыма,
 Сабли до рук да приломалися.
- Ударилсь палицами булатныма,
 135 Палицы в одно место свивалися.
- Он схватилса с поленицей со удалыи,
 Заронилса [в луз]¹ да и с добра коня,
 Селса [в луз] да на белы груди.
- Выдернул с ножни да свой вострый нож,
 140 Хотел распластать да тьи белы груди,
 Рука [в пяди] да застояласи.
- Говорит-то он да таково слово:
 «Не могу пластать да твои белы груди,
 Рука в пяди да застояласи».
- 145 Она-то говорит да таково слово:
 «Я сидела бы на твоих грудях — не спросиласи,
 Какой земли да ты какой орды,
 Распластала бы груди твои белыи.
- А я есь земли да Ляховинский,
 150 Старша дочь Настасья Микулична.
- Увезли-то мою сестрицу да родимую».
- Проговорил Иванушка Дунаевич:
 «Я есь жених да холостняжина,
 Сходи-тко ты да во замужество».
- 155 Поднял (за бел ...) за ручки за белыи,
 Целовал в уста да во сахарныи,
 Садилсь оны да на добрых коней,

¹ Неразборчиво.

- Приехали оны да тут во Киев-град,
 На церковном крыльци [с сестрицей]¹ встретились,
 160 А с сестрицей [видь и]² да й поздоровкались,³
 На церковном оны крыльци да ведь и встретились
 да и поздоровкались,
 Оны обвенчались с Иванушком Дупаевичем.
 А ще жили оны в сожитии ровно три годѹ.
 Тут солнышко князь да стольне-кеевской
 165 Заводил-то он да тут почестен пер.
 На всих на князей да й на бóяров,
 На всих полениць да на удáлых.
 Все-то на пиру да наедались,
 Все на пиру да напивались,
 170 Все на пиру да й порасхвастались.
 Из-за стола-столá да за дубовово,
 За тогó стола да за дубовово,
 За того перу да за почётново
 Выскакивал Иванушка Дунаевич.
 175 «А я вытащил две лебеди две белыя
 Земли да Цеховинскае,
 Да князя-та женил да ведь и сам женилсѧ».
 Как прохóворила Настасья Микулична:
 «Хоть ты вытащил две лебеди две белыи,
 180 А ни бывалса ты да и во чистóм полѣ,
 Не снимал-то кольця (с руч..) с руки да своей правую.
 Не кладывал на буйную головушку,
 Не попадывал стрелочкой калёной».
 Разгорелось ево сердце богатырское,
 185 Сели оны да на добрых коней
 И поехали оны да во чистó полѣ,
 Она клала кольцѣ да с правóй руки,
 Спустила стрелочку калёную,
 Попала в колечко золочёной.
 190 Начала Настасья слёзно плакати:
 Ёбьешь ты меня, Иванушка Дунаевич».
 Он клал-то кольцѣ да на буйную голову,
 Не попал-то он да в колечко золочёное,
 Попал Настасье во белы́ грудѣ,
 195 Убил Настасью Микуличну.
 Распластал-то он да бѣлу грудь,

¹ Неразборчиво.

² То же.

³ Конец 3-го валика

И гам (то) зачата два мальчика во чреве её.
 Свернул-то свой да ведь и вострый нож,
 Тупым-то концём да во сырú землю,
 200 Вострым-то концём да себи да во белы́ груди.
 «Где пала Настасья Микулична,
 Тут падётся Иванушко Дунаевич,
 А с Настасьи теки да речка Чёрная,
 С Ивана да теки да ведь Дунай-река,
 205 В одно местó вода с водой да не мешайтесь.
 И сходитесь и расходитесь и . . . ».

4

ВАСИЛИИ БУСЛАВЬЕВИЧ

Как во славном во городе во Новом,
 А ще жил Буслав да девяносто лет.
 А живучи Буслав да он не старилса,
 Да на достали Буслав и да переставилса.
 5 Со Новым градом да не перечилса,
 Оставалось у него да чадо милоё,
 Чадо милоё, дитё любимое,
 Оставалса Василь да сын Буславьевич.
 Да начал по улочкам похаживать,
 10 (Поха) начал тут с робятами шуточки пошучивать.
 Коһо за руку та дерне — рука с плеча,
 Коһо за ногу та дерне — нога с колена вон.
 Собрались та мужики да новгородский,
 Собрались да всё же матушки да к родной.
 15 . . . . .
 «Как жил у тебя Буслав да девеносто лет,
 Пусть бы жил да целу тысящу,
 Живучи-то он и да не старилса,
 Да на достали Буслав и да переставилса.
 20 Со Новым градом да не перечилса,
 Да с каменной Москвой и да спору не было.
 У тебя-то оставалось чадо милое,
 Василей сын Буславьевич,
 Да начал по улочкам похаживать,
 25 С робятами он шуточки пошучивать,
 Коһо за руку дерне — рука с плеч вон,

¹ Начало этого стиха неразборчиво.

Коно за ногу дёрне — нога с колена вон,
Коно за голову дёрне — голова с плеч вон.¹

Тут Василий свет Буславьевич

30 Заводил-то он тут почестен пер,

Накурил тово да зелена вина,

Наварил тоно он да пива пьянова.

Как на белый двор бочки выкатывал.

• Да на бочках подписи подписывал,

35 Да на вёдрах подрези подрезывал:

«Пушай идёт ко мни тот да на почестен пер,

Кто выпьет чару у мне да зелена вина,

Да мерой чара полтора ведра,

А весом чара полтора пудá.

40 Я ударю своей дубиной поддорожной,

Тот идёт ко мне да на почестен пер».

Да идут-та мужики да новгородьскии:

«Да не выпить твоёй чары зелена вина,

Да не вытерпеть дубины поддорожной».

45 Как идёт-то маленькой Потанюшка,

На правую ножечку припадает,

И на небо он да тут поглядáет.

Хватил-то чару т' он водной рукой,

Да выпил чару тут одним духом,

50 Как ударил Василей сын Буславьевич

Ено-то дубиной поддорожной —

Стоит-то Потанюшка не стряхнется,

Ено жолтыи кудёрка не сворохнутя.²

Тут да мужики да й новгородьскии

55 Заводили оны да тут почестен пер.

Накурили оны да зелена вина,

Наварили оны да пива пьянова,

. . . . .³

Всих князей-бояр да на пер пóзвали,

60 А Васильюшка с дружинюшкой не пóзвали.

Говорит-та Василей сын Буславьевич

Своёй-то ведь матушки да родной:

«Я пойду к мужикам да на почестен пер».

Говорит-то ено и матушка-то родная:

65 «Не ходи, Василей, на почестен пер —

Там званым гостя́м да честь не во́здают,

¹ Конец валика.

² После этого стиха — пауза.

³ Стих неразборчив.

Тебе незваному не вѣздают».

Говорит Василий сын Буславьевич:

70 «Пушай [званным]¹ гостѣм да честь не вѣздают,

А мне . . . . .».²

Как пришол Василий сын Буславьевич

И к мужикам-то он и да на почестей пир,

Провели мужики да й во большѣй угѣл,

75 Садил ево за столечек дубовой,

Поили ево ведь не дѣпьяна,

Накормили Василия ведь не дѣсыта:

«Ай же ты, Василей сын Буславьевич,

Знал заходочки загадывать,

80 А знай теперешну отгадывать.

Ударься с намы во велик заклад,

А щѣ завтра сойти на реку Волхово,

А щѣ нам-то битись всим Новым градом,

А тебе с дружинишкой храбрыи».

85 Как ударилса Василий во велик заклад,

А щѣ завтра сойти на реку Волхово.

(Вставая)³ шол-то Васильюшка во свой-то дом,

У дитушка головушка повешена.

Говорит-то матушка-то рѣдная:

90 «Ай же ты, Василий сын Буславьевич,

Аль пьяница-собака обесчестила,

Али тебя там да ведь на пиру да не угостили то?».

Ничего Василий глаголати не мѣжет,

Тут и матери ответу он не мог сказать.

Говорит дружинишка хоробрыи:

95 «Там-то нас провели да й во большѣй угѣл,

Кормили дѣсыта и напоили-то нас да ведь не дѣпьяна,

Он глупым умом да хмельним разумом

Ударилса с мужикамы о велик заклад,

Что завтра итти на реку Волхово.

100 Им-то битись всим Новым градом,

А нам дружиной-то хорѣбрыи».

(Вставая Василий)⁴ Чесна вдова Афимья

Тимофеевна

На мису клала она золота,

На другую чистова серебра,

¹ Слово неразборчиво.

² Этот стих совершенно неразборчив. Конец 2-го валика.

³ Сперва начал так, потом поправился.

⁴ То же.

- На третью скатного жемчуга.
 Чоботы надёрне на босы́ ноги,
 Шубу накинула на одно плечо,
 [Похóдила]¹ она да на почестен пер:
- 110 «Ай же, мужики да новгородьскии,
 Возьмите с мене дóроги подарочки,
 А прости́я Васи́лья в той вины».
 Говоря́т-та мужики да новгородьскии:
 «А не прости́м-то Васи́лия во той вины,
 115 Завтра то у́бьем . . . . .² реки Волхова,³
 А завтра-то убьём на ре́ки его Волхови,
 Повладе́ем ко́немы да добрыма,
 Повладе́ем пла́тьемы цвётныма,
 Повладе́ем именье́м тут богатеством».
- 120 Да́к поверну́лась тут чесна вдова Афи́мья Тимофе́евна
 [Она крест на ли́це]⁴ и с терема́ долой,
 Как удари́ла чоботом во ли́пину,
 Липина [улетела]⁵ тут во задний тын.
 . . . . .
 125 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .⁶
 [Тут же]⁷ девушка чернавушка:
 «Ай же ты, Васи́лей сын Бусла́вьевич,
 130 Зна́л за́ходочку за́гадывать,
 А не знае́шь нунешну отга́дывать,
 А там ве́дь убитые дру́жинушка хоро́брые».
 Хвати́лся Васи́лей . . . . .⁸
 Он побежа́л . . . . . реки Волхова,⁹
- 135 А и́дёт-то старчи́ще Ондрони́щю,
 Е́го-то ве́дь и́дёт крёстной ба́тюшко,
 [У него оде́т]¹⁰ на буйну да на голову
 Оде́т Софе́ин коло́кол.

¹ Неразборчиво.

² Не разобрать.

³ Конец 3-го валика.

⁴ Неразборчиво.

⁵ То же.

⁶ Все эти 4 стиха разобрать невозможно.

⁷ Неразборчиво.

⁸ То же.

⁹ То же.

¹⁰ Неразборчиво.

- «Ай же ты, крестной мой батюшко,
 141 Зачим одел на буйну ты на гóлову
 Одел Софеин ты колокол?».
- Как ударил дубиной поддорожной,
 Расколол Софеин-то колокол,
 Как убил своего крестного ведь батюшка.
- 145 Прибежал . . . . .
 . . . . .
 . . . . .¹
- Несла еho да с реки Вóлхова
 [Того]² Василия Буславьевича.
- 150 «Ай же ты, матушка моя рóдная,
 Да я вчерась пошел да . . . . .
 А вчерась . . . . .
 Севодни пошел . . . . .
 . . . . .³
- 155 Со своей дружинушкой хороброей».
 Прогóворил Василий сын Буславьевич:
 «Я ведь, матушка да рóдная,
 Сделал много прегрешения
 А убил голов да бесповинных,
- 160 А поеду в Еросóлим-град да помолитися,
 Ко христову гробу приложитися».
 Прогóворит матушка ведь рóдная:
 «Можно дома молитися,
 Те можно дома спасатися».
- 165 — «Отпустишь — поеду я, непустишь — поеду
 в Ерусóлим-град,
 . . . . .⁴
- А поехали с дружинушкой хороброю,
 Приехали на матушку Сивóнь-гору.
 А лежит-то кость да сухоялова,
- 170 А ще начал он костью попинывать,
 А ще начал костью он полегивать.
 Прогóворит кость да сухоялова:
 «Ты бы меня да не попинывал,
 Да ты бы меня да не полегивал,
- 175 А лежать теби да во товарищах».

¹ Запись в конце 4-го валика совершенно не вышла. Невозможно даже отметить количество стихов.

² Неразборчиво.

³ Все эти стихи не разобрать.

⁴ Неразборчиво.

— «Сама ты спала да себе сон вид'ла».
 Приехал Василий сын Буславьевич в Еросóлим-град.
 . . . . . стал . . . купатися.¹
 Идѣг-то девушка чернавушка:
 180 «Нагйм телом в Ердань-реки не купаются,
 Там купался Исус христос,
 А кто окупнется — жив не бывает».
 — «Сама спала да себе сон вид'ла».
 Поехал Василий из Еросóлима,
 185 Заболела буйная головушка.
 Говорит дружинушки хороброй:
 «Вчерась-то с костью не распростился,
 Севодни-то с костью распростимся.²
 Заехали на матушку Сивонь-гору,
 190 Где лежала кость да сухоялова,
 Тут лежит горячий синь камень.
 Говорит-то Василий сын Буславьевич:
 «Я скочу да вдоль каменя.
 Вы скочите поперѣк каменя».
 195 Соскочил Василий сын Буславьевич вдоль каменя,
 Соскочил да не [пере]³ перѣскачил,
 [Убил]⁴ буйную головушку:
 — «Ай же ты, дружинушка хоробрая,
 Поезжай, скажи ведь матушке да рóдной,
 200 Пускай меня да поминает
 Да Васильюшка Буславьева».

5

ПРО НИКИТУ РОМАНОВИЧА

В царствующем гради в каменной Москвы
 Как у грозноho у царя Ивана у Васильевича
 Да был-то заведѣно столованіе почестен пер.
 На всех на князей на бóяров,
 5 На всех своих сильних на богатырей.
 Прогóворит грозный царь Иван Васильевич:
 «Як вывел я измену с каменной Москвы,
 А щѣ вывел я измену с понизовских городов».

¹ Неразборчиво.

² Этот и предыдущий стихи неразборчивы.

³ Неразборчиво.

⁴ То же.

- Проговори Малюта Скурлатов сын, —
10   Говорит-то он да таково слово:
    «Хоть вывел ты измену с каменной Москвы,
    Хоть вывел ты измену с низовских городов,
Еще у тебя измена под правым плечом,
А что старший сын Фёдор Иоаннович;
15   Как ты-то ехал ведь и улицей,
    Казнил-то ты да чисто начисто,
        Я-то ехал ведь улицей,
        Казнился я да чисто начисто.
    Как Фёдор Иоаннович ехал ведь улицей,
20   Впереди себя да посылал-то он да тут скоря гонца,
    По лесам бы оны да разбежались,
        По ямам оны да тут садились,¹
    Потому-то он казнил их-то не начисто».
Розгорелось царское сердечико,
25   Приказал Малюты тут Скурлатову
        Вести своего сына большого
        На болото ехо да тут на Житное,
    Навязал-то вдруг везанку берёзову,
    Повёл на болото тут на Житное.
30   (Тут ведь и) Ехо да ведь матушка да родная,
        Чоботы надёрные на босу ногу,
        А щё шубу-ту надёрные на одно плечо,
    Бежала она ведь к Никиты Романовичу,
    К своему-то брату ведь и родному.
33   [Говорит]²-то Никита да Романович:
        «Ты, незваная гостя неждана, отчего пришла?».
        — «Ай же ты, братец ты ведь родным,
    Надо мной невзгодушки не ведаешь,
    Увезли моего да сына старшего
40   Фёдора тут да ведь Иоанновича,
        Увёл Малюта Скурлатов сын,
        Увёл за болото да за Житное
        Отрубить да буйную головушку».
    Тут пал на коня не на седланного,
45   Колпаком махал да й голосём кричал.

¹ Строфу не кончил, следующий стих начал с начала музыкальной строчки.

² Неразборчиво.

ГРИШКА-РАССТРИЖКА

- Великий господь поразгневался
 На славное царство Россійскоѣ,
 Россійское царство Московскоѣ.
 Дал-то царя нечестивою,
 5 Назвался собака прямым царём,
 Прямым царём, царём Митриём,
 Царевичем Митрием Московским
 Не успел вор-собака вцаритися,
 Похотел вор-собака жанитися
 10 Не у нас-то в Россее в каменной Москвы,
 В каменной Москвы, — во храброй Литвы,
 Как у Юрья панá Сердобольского
 На самой на меньшей на дочери
 На душеньке Марины на Юрьевной.
 15 Пер-свадьбу играли в Филиппов пост,
 Венець принимали в Миколин день,
 А Микола-то у нас была в пятницу.
 Дошло ето дело до велика дня,
 До великоho дня до христова дня,
 20 У того ли Иоанна великоho
 Ударили во боьшой во колокол,
 Все князи-бояра к обедни пошли
 От той-то христовьской заутреней.
 Вор Гришка-расстрижка во мыльню пошел
 25 Как со душенькой Мариной со Юрьёвной.
 На Гришке тулуп восемьсот и рублей,
 На Марины салоп в целу тысящу.
 Князья и бояра богу молятца,
 Вор Гришка-расстрижка в мыльне моетца
 30 Со душенькой Мариной со Юрьевной.
 Все князи-бояра от обедни идут
 От той оны христовьской заутреней,
 Вор Гришка-расстрижка со мыльни идёт
 Со душенькой Мариной со Юрьевной:
 35 «Послушай, Марина, што я прикажу,
 Послушай, Марина, што говорю,
 Ступай на полату белокаменну,
 Не кланейся чюдным образам,
 Да не бей челом князьям-боярам,
 40 Садись за столы за дубовыи,

Да кушай-ка рушай белú лебедь.
 Тут боярá московский
 Всё думали да думушку обчую,
 .....¹ иноку Марфу Ивановну.
 45 Нашли иноку Марфу Ивановну,
 Нашли-то ёй в келейке в тёмной: ²
 «Инока Марфа Ивановна,
 На нас-то господь поразгневался,
 Отказал-то царя нечестивою,
 50 Как назвался собака прямым и царём,
 Прямым он царём, царём Митриём,
 Царевичем Митриём Московским».
 — «Неумны бояра московский,
 Неразумные бояра московский:
 55 Да Дмитрию царю смерть придали,
 [Убили]³ его в Угличе,
 А мощи похоронены под большú церковь».

ПЕТР ИВАНОВИЧ РЯБЕНИН-АНДРЕЕВ

7

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Из тово из города из Крякова,
 Из тово ль села да й из Берёзова,
 Да из той ли улицы Рагатицы,
 Из тово ль подволя княжанецкого
 5 Выезжал дуродний добрый моладец,
 Молодой Петры й Петрович королевский сын,
 Выезжал в раздольи да й в чистó поле.
 Да проездил моладец по день поры,
 Да й проездил моладец по дрúгой день,
 10 Да й проездил моладец по трéтий день.
 Не наехал он не гуся да й не лебедя,
 Да й не сéрово перелётново й утёнышка.
 Подъезжал ко славному й синю морю,
 Усмотрел на тихом на (за)бёреге ⁴

¹ Неразборчиво.

² Конец 1-го валика.

³ Неразборчиво.

⁴ В этом стихе спутался, хотел спеть «на загубьи», но поправился и спел «на берегу» и затем новую строфу начал с того же стиха.

15 Усмотрел на тихоем на берегу,
 Да на том зелёном на зятресе,
 А ведь плавало там две лебёдушки.
 Молодой Петры Петрович королевский сын
 Скоро тугой лук разрывчетый отстёгивал,
 20 Натянул тетивочку й шелкóвую,
 Налажил он стрелочку й калёную,
 Хочет подстрелить двух белых лебёдушок.
 Этия ли две лебёдушки
 Влепетали языком человеческим:
 25 «Ай же ты, дуродний добрый молодец,
 Молодой Петры й Петрович королевский сын!
 А ведь мы-то есть не две й лебёдушки,
 А ведь мы-то есть две красных девушки,
 А летаем мы от пана й от поганаво,
 30 От тово от Фёдора Иванова.
 Да й летаем поры времечки по год поры,
 Да й летаем поры времечки по два году,
 Да й летаем поры времечки по три году.
 Полетали мы на матушку святую Русь
 35 Да за славное Онегь синё море,
 Хоть подстрель ты нас двух белых лебёдушек,¹
 Не укрятаёшь плеча й могучего,
 Не утешить теби сердце богатырскою.
 Нашу кровь прольёшь ты во синё морё,
 40 Нашу тушицу ты спустишь во сырú воду,
 Наши перья й разнесёшь ты по синю морю,
 Не укрятаёшь плеча й могучего,
 Не утешить теби сердце богатырского.
 Поезжай-ко ты в раздольица й чисто полё,
 45 Да й под тот под славный под крекновиц дуб.
 А сидит там птицы й ворон чёрная,
 А ведь крыльица й у ворона й чёрным черны,
 А ведь перьяца й у ворона й бялым белы».

Так стоит тут моладец да й пораздумалса:
 50 «Хоть подстрелю я двух белых лебёдушок
 Ихну кровь пролью ей по синю морю,
 Ихну тушицу спущу ей во сыру вадú,
 Ихни перья разнесёт ей по синю морю,
 Не укрятаю плеча й могучево,
 55 Не утешить мни-ка й сердце богатырскою».

Молодой Петры Петрович королевский сын

¹ Конец 1-го валика.

- Тут снимает тугой лук разрывчатай,
 Да снимает стрелочку й калёную,
 Да й спустил тетивочку й шелковую,
 60 Скоро тугой лук разрывчетый пристёгивал,
 Да й поехал в раздольица й чисто полё,
 Да й под тот под славный под кренивиц дуб,
 Усмотрел там птицы чёрна й ворона.
 А сидит там птицы й ворон чёрная,
 63 А ведь крыльица й у ворона й чёрным черны,
 А ведь перьяца й у ворона й бялым бялы,
 Пораспущены крыльица й до матушке сырой земли.
 Молодой Петры й Петрович каралевский сын
 Скоро тугой лук разрывчетый отстёгивал,
 70 Натянул тетивочку й шелковую,
 Налажил он стрелочку й калёную,
 Хочет подстрелить он птицы й чёрна да ворона.
 Так ведь эта птицы й ворон чёрная
 Взлепетала языком человеческим:
 75 «Ай же ты, дуродний добрый молодец,
 Молодой Петры й Петрович королевский сын!
 Хоть подстрель меня ли птицу чёрна да ворона.
 Не укрятаёшь плеча й могучево,
 Не утешить теби сердце богатырсково.¹
 80 Мою кровь прольёшь ты по сыру дубу,
 Мою тушицу ты спустишь на сыру землю,
 Мои перья разнёсёшь ты по чисту полю,
 Не укрятаёшь плеча й могучево,
 Не утешить теби сердце богатырсково.
 85 А слышал ли поговору й на светой Руси:
 В келье старца убьёшь — ведь есть не спасенья,
 Чёрна й ворона подстрелить — корысть получить.
 Поезжай-ка ты во славный стольный Киев-град,
 А у ласковава князя й у Владимира²
 90 Есть хорош почёсный пир да й пираваньица,³
 На многих кнезей на многих бояров,
 Да й на сильниих могучих богатырей,
 Да й на славных полениц да й разудалых».
- Как стоит тут молодец да й пораздумался:
 35 «А слышал я поговору й на святой Руси —
 В келье старца убьёшь ведь есть не спасенья,

¹ Конец 2-го валика.

² Конец 3-го валика.

³ Начало 4-го валика.

Чёрна й ворона подстрѣлить — кóрысть пóлучить.
 Хоть подстрѣлю я птицу й ворон чёрную,
 Яво й кровь пролью ей по сырѹ дубу,
 100 Яво й тушицу спущу ей на сырѹ землю,
 Яво й перья разнесёт ей по чистѹ полю,
 Не укрятать мне й плеча й могучего,
 Не утешить мне-ка й сердце й богатырскоѹ.
 Так снимает он стрелочку й калѣную,
 105 Да й спустил тетивочку шелкóвую,
 Скоро ту́хой лук разрывчетый пристѣгивал.
 Как ведь в тую ль пóру в тое времечко
 А крычит татарин во чистóм поли,
 А он кли́чет выкликает поединщика,
 110 Супротив себя он супротивника,
 Из чистá поля й себе й наезника:
 «Ай же князь Владимир стольней киевской!
 А не дашь ты мне-ка супротивника,
 Из чистá поля ты мне наездника, —
 115 Твоих чёрных мужичков я всех повырублю,
 Твои церкви божия й на дым спущу,
 А тебя князь Владимира в палóн возьму,
 А в палон возьму да й галаву срублю».
 Так стоит тут молодец да й пораздумался:
 120 «Если ехать мне й дарожкою окольной,
 Так не честь-хвала мне будет от богатырей
 Да й не выслуга от князя й от Владимира.¹
 Если ехать мне й дарожкой прямоеждеей,²
 Прямоеждеей дарожкой в стольный Киѣв-град,
 125 То побьёт меня й татарин во чистóм поли,
 Во чистóм поли да й на добром коне».
 Да просил себе он бога й на помочь,
 Да й причисту присвятую й богородицу.
 Припускал коня он богатырскоѹ,
 130 Нагонял он пóленицу разудалую.
 Он заехал к поленице с личка с белаво,
 О́ни съехали дак поздоровались,
 О́ни делали сгавóр междѹ сабой,
 Как им силушке у дундру́на й отвѣдати:
 135 Надоть разъехаться на конях богатырских,
 Приудариться во копьи муржамецкия.
 Разганяли кóней по чистѹ полю,

¹ Конец 4-го валика.

² Начало 5-го валика.

- Приударились ва копыи муржамецкия.
 Ихны копыя в руках да й погибалися,
 140 А по маковкам да й отломилися,
 Не магли сбить дундруо с добрых коней,
 Не которава местечка й ни крававити.
 Они сделали сгавор между сабой,
 Как им силушке у дундруго й отведати:
 145 Надо разъехаться на конях богатырских,
 Приудариться во палицы булатния.
 Разганяли коней по чисту палю,
 Приударились ва палицы булатния.
 Ихны палицы в руках да й пригибалися,
 150 А по маковкам да й отломилися,
 Не магли сбить дундруо й с добрых коней,
 Не которава мистечка ни кровавити.
 Они делают сговор между сабой,
 Как им силушке у дундруо й отведати:
 155 Надо разъехаться на конях по чисту палю,
 Приудариться й во сабли вострыя.
 Разганяли коней по чисту палю,
 Приударились ва сабли вострыя,
 Ихны сабли в руках да й погибалися.¹

8

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА

- А ще кто у ворот теперь колотитца,
 А колотитца Чурилушка Щеплѣнкович,
 А Щеплѣнкович да Щеголѣнкович.
 Выходила Катерина Николаевна,
 5 Отворяла воротца раскатистыя,
 В одной тоненькой рубашечке без пояса,
 В одных тоненьких чулочиках без чеботов,
 У ней женския волосы не убраныя,
 Запускала Чурилу на широкий двор.
 10 Гаварила Чурилы таковы слова:
 «А ще што же ты, Чурилушка, вчера не пришол?
 Мои ествушки стоят да не еденныя,
 А ведь питвица стоят да не выпитыя».
 Скатны саночки взяла — на сараец сволокла,

¹ Конец 5-го валика.

- 15 Золоту збрую взяла да на стопочку клала,
Шелкову́ плетку́ взяла да на гвоздик клала,
А Чурилушку за ручку в нову спальню провела.
Приходила тут девушка чернавушка,
Гаварила Чурилы таковы слова:
- 20 «А не к месту, Чурилушка, сюда ты пришол,
Я пойду скажу, скажу сударь Васильевичу».
Говорил тут Чурилушка Щеплёнкович,
А Щеплёнкович да Щеголёнкович:
«А не сказывай-ка, девка й, сарафан сошью,
25 А не сказывай-ка, девка й, башмачки куплю,
А не сказывай-ка, девка й, замуж я возьму».
Говорила Катерина й Николаевна:
«Ай же, меризь ты да неучёная,
А сама я Катерина й башмачки снашу,
30 А сама я Катерина й сарафан снашу,
А сама я й Катеринушка й замуж пойду».¹
Тут ударила её по правой щеке,
Переправила её по другой стороне,
Тут заплакала девушка чернавушка.
- 35 Выходила она да со спальни долой.
Да й бежала она в церкви божией,
Заходила она в церковь божью.
Шла к Ермы тут судар она Васильевичу,
Становилась пред ним она бодрёшенько,
40 Гаварила Ермы сударь Васильевич':
«А ведь гости у тя есть не милые,
А не милый гость Чурилушка Щеплёнкович,
А Щеплёнкович да Щеголёнкович».
- Отвечает Ермы сударь Васильевич:
- 45 «Ай же, девушка да ты чернавушка,
Если правду говоришь — башмачки куплю,
Если правду говоришь — сарафан сошью,
Если правду говоришь, дак даже и замуж возьму,
А неправду говоришь, да голову срублю»
- 50 Повернулся Ермы судар Васильевич,
А из церкви пошел он со божией,
Выходил он из церкви на широкий двор.
Да й садилса поскоренько на добра коня,
Да й поехал к себе к широкому двору,
55 Да скочил он через стену городовую.

¹ Конец валика.

- Отпускает коня на широкий двор,
Подходил он к воротам решотистым.
Выходила Катерина и Николаевна,
Гаварила она таковы слова:
- 60 «А ще кто у ворот теперь колотитца?».
А колотитца Ермак Васильевич:
«Катерина, это што, Николаевна, што?».
Отвечала Катерина Николаевна:
«А ще что-то худо мне сезодни можетца,
65 Худо можетца да нездоровитца»,
Он во стойло вошел — ворона коня нашол:¹
«Катерина, ето што, Николаевна, што?».
Отвечала Катерина Николаевна:
«Вчера ездил мой братец во чисто полё,
70 Со Чурилушкой конемы сменялися»,
На сарай е зашел, скатны саночки нашол:
«Катерина, ето што, Николаевна, што?».
Отвечала Катерина Николаевна:
«Вчера ездил мой братец во чисто полё,
75 Со Чурилушкой санемы сменялися». —
Он на стопочку взглянул, золоту збрую нашол:
«Катерина, ето што, Николаевна, што?».
Отвечала Катерина Николаевна:
«Вчера ездил мой братец во чисто полё,
80 Со Чурилушкой сбруемы сменялися». —
Он на гвозди¹ взглянул — шолков¹ плетк¹ нашол:
«Катерина, ето што, Николаевна, што?».
Отвечала Катерина Николаевна:
«Вчера ездил мой братец во чисто полё,
85 Одним словом с Чурилушкой сменялися». —
Он во спальну пришол, там Чурилушку нашол:
«Катерина, ето што, Николаевна, што?».
Доставал он с ножней тут острейный нож,
Атрубил он Чурилы буйну голову.
90 Покатилася скачѣная жемчужинка,
Покатилася головушка Чурилушкина,
Да туды же вслед Катеринушкина.
Тут прошло немножко время поры-времечки,
А завѣл-то он да й почестен пир,
95 А жанился на девушки чернавушки.

---

¹ Конец валика.

ХУДАЯ ЖЕНА. ЖЕНА УМНАЯ

Жил у батюшки да и у матушки
В ободрокушке да й одинокий сын.

А он ел сладко да й работал легко,
Работал легко да и носил красно.

5 Захотели тут да й отец с матерью
Пожанить дуродне й добра й молодца,
А жанили его в своей деревенки,

Да брали замуж очень богатую.
А приданое й висит на грядочки,
10 Молодая жена ана й на ручки спит.

Еще й не с кем молодцу й погладитьца,
Да погладитьца да й позабавитьца,
И с тово ль тут молодец да й во гульбу пошэл,

Из земли в землю да й из орды в орду,
15 Заходил тут молодец и в харобру Литву,
Ко тому ли к королю й литовскому.

Этот ли король литовский
Гаварит ему да й таковы слова:
«А и служил ты мне да й верой-правдою».

20 А у этого й короля й литовского
Была й дочь одна да й одинёшенька,
Умом-разумом да й не глупёшенька,

А на личико как снегу й белово,
Ясны очушки у ней как ясна и сокола
25 Чорны бровушки у ней как чорна ворона.

Этот ли дуродний добрый молодец
Жил в одних палатах белокаменных
Да в иное время й на белой груди.

Гаварит дуродний добрый молодец:
30 «Ай же ты, прекрасный королевична,
А сгрустнулося й моё сердёчушко

По своей ли по родимой по сторонушки.
Посмотреть бы на отцовское й помещьидё».

Тут докладяют королю й литовскому:
35 «Уезжает твой слуга да й с широка двора,

С широка́ двора в раздольи́ца й чисто́ полѣ

Посмотреть он на отцовское й поместьи́ца,

Где там выросла й зелёная й крапивоушка.

Этот ли король литовский

« Призывает слугу он вернова,

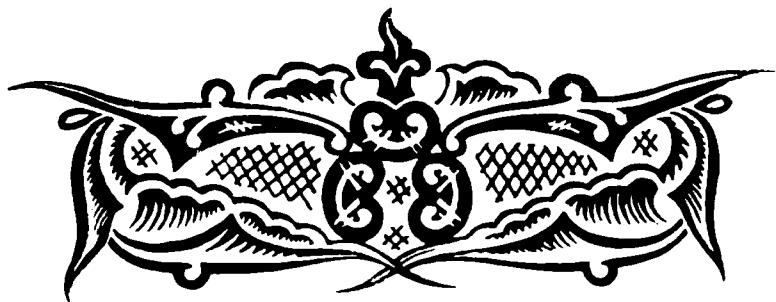
Говорил ему да й таковы́ слова:

«Ай же, верный мой слуга ты неизменныи».

П И Н Ё Г А

ВАСИЛИСА ОСИПОВНА МУРИНА, ПРАСКОВЬЯ
ЯКОВЛЕВНА МУРИНА, МАТРЕНА АРХИПОВНА
ТИТОВА, АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ФИЛИНА

Все четверо — крестьянки д. Гора (близ Суры) Карпогорского района. Возраст их в 1927 г. — в порядке перечисления исполнительниц — 50 лет, 44 года, 56 лет, 24 года. Они представляли своеобразный певческий коллектив, собираясь постоянно друг у друга для совместного исполнения былин (балладного типа) и духовных стихов.

Запевалой обычно являлась Василиса Осиповна Мурина, остальные вступали в качестве подголосков. Так была спета баллада о Романе и Настасье. Балладу о князе Михайле они сперва отказались петь, говоря, что забыли, но когда Филина сказала текст словами, а затем запела, к ней тотчас же присоединились остальные и спели до конца. Таким образом мы имеем здесь интересный случай многоголосного исполнения былин-баллад, которые на Севере обычно бытуют в сольном исполнении; если же иногда и поются несколькими лицами, то в унисон.

Кроме публикуемых текстов, от исполнительниц записаны еще стихи: «Два брата Лазаря» и «Прекрасная мати пустыня» — стих об Иосафе-пустыннике (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III, папка 2, №№ 12, 13). Былины и стихи пели на один и тот же напев, который видоизменялся, то растягиваясь, то сжимаясь, соответственно стихотворной структуре исполняемого произведения.

Стихам и былинам научились исполнительницы от стариков. Матрена Архиповна Титова, кроме того, знала сказки и превратившуюся в сказку былинку о Садко. От нее произведены записи сказок А. И. Никифоровым (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III). Собиратель характеризует Титову-сказочницу как «эпика» и «забавницу», вносящую в исполнение сказок пение и декламацию (Советский фольклор, № 4—5, стр. 150).

[РОМАН И ЕГО ДОЧЬ НАСТАСЬЯ]

Э во первом-то теремѹ живѣ Роман-то кнезь,
Э во втором терему-то живѣ Романова жена,
Э в третьѣм терему Настасья Романовна.

Повалила еѣ матѣнка на тѣмну ночку спать:

5 «Спи, моѣ дитя Настасья Романовна.

И ещѣ кто тебя буде поутру рано да будить?».

— «Родима моя матѣнка да меня да буде рано поутру
будить».

Да вставала наша Настасья да поутру ранѣхонько,
Умывалася она да ключовой водой,

10 Утиралась она да тонким белым полотнѡм.

Тут пошла наша Настасья ко татеньки домой:

«Ещѣ татенька, татенька, где же да моя мамынька,

Моя мамынька Марья Ондреевна?».

— «Как твоя-то, Настя, мамынька на повáренку ушла,

15 На повáренку ушла да пиво хмельное сливать».

Как пошла наша Настасья на повáренку.

Погледела да посмотрела да на цѣтыре стороны:

«Не видали ли, не слышали моей мамыньки родной,

Еще маменьки Марьи Ондреевны?».

20 — «Не видали, не слышали твоей мамыньки родной»

(Отвѣчают, кто в погребѣ там).

Тут пошла наша Настасья Романовна домой:

«Уж ты, татенька, татенька, где же моя матѣнка,

Еще матёнка Марья Ондреевна?».

— «Уж твоя мамынька во темной погрёб ушла,

Во темной погрёб ушла да пиво хмельное спущать».

Пошла наша Настасья да во темной погрёб,

Погледела да посмотрела да на цётые стороны —

Ещё нету её мамыньки Марьи Ондреевны.

Еще пошла наша Настасья ко татеньке домой.

10 «Уж ты, татенька, татенька, где же да моя мамынька,
Ещё матёнка Марья Ондреевна?».

— «Как твоя-то, Настя, матёнка во божью церкву ушла,

Во божью церкву ушла да бою мо́литця».

Тут пошла, пошла Настасья да на прекрасное крыльцо.

35 Она крест-то кладёт по писа́ному,

Да поклон-то ведёт по уце́ному.

Погледела наша Настасья да на цётые стороны.

Ещё старые-то старушки да прирасплакались,

Ещё мо́лоды молодки да призакусились,

40 Ещё малыньки те ребятки да прирасхестались,

Сидя красные девицы да призадумались.

— «Не видали, не слы́хали моей матёнки родной,

Еще матёнки Марьи Ондреевны?».

— «Не видали, не слы́хали твоей матёнки».

Тут пошла наша Настасья да из божьей церкви,

Как навстрецу ту Настасье два волка бежа,

Как навстрецу ту Романовне два серых спешат.

— «Вы куда, волки, бежите, куда, серые, спешите?».

— «Мы бежим, спешим на по́хороны,

50 Там Роман жону убил да в цисто поле схоронил,

В цисто полё схоронил да жолтым песком зарыл,

Серым камнем завалил.

Мы бежим, мы спешим горячую кровь лизать».

Пошла наша Настасья к татеньке, расплакалась:

55 «Уж ты, татенька, мою мамыньку убил,

Ещё матёнку Марью Ондреевну».

— «Ты не плачь, Настасья, — два перстня златых куплю».

— «Мне не надо, мне не надо два перстня златых,

Мне надо да родна мамынька своя».

- 60 — «Не плаць, моя Настасья, да две куньи шубы сошью».
— «Мне не надо, мне не надо да две куньих шубы,
Мне надо, мене надо родна мамынька моя».
— «Не плаць, моя Настасьюшка, я молоду мать возьму».
— «Как тебе-то надо молода жена,
65 Мне нацьто молода мати, как мне надо родна матёнка моя:
Тебе будет родна жена, мне лиха мачеха —
По конец стола сидеть — на прощоны кусочки гледеть».

190

ПРО КНЯЗЯ МИХАЙЛА

- Тут поехал князь Михайло на грозну службу.
На грозну службу да на великую.
Оставляет от кнегину да свою мамыньку родиму:
«Уж ты мамынька родима,
5 Береги мою кнегину, (2 раза).
Ты спускай мою кнегину да во божью церкву,
Во божью церкву да богу моли́тьце».
Его мамынька родима
Да она зла была ретива. (2 раза)
10 Парну баенку топила, (2 раза)
Огорцы-те нажыгала,
Огорцы-те нажегла́,
Да за кнегиною пошла́.
«Молода моя кнегина,
15 Да пойдём в баенку со мной,
Да помытьце, погретьця, попаритьце».
Молода-то ведь кнегина
Отопратьця не посмела.
Его мамынька родима
20 Да она зла была, ретива,
Огорцы же нажыгала,
Из утробы младёня выжывала,
В нову дубову колоду повалила,
Три обруца железных да наводила́,

- 25 Ко синю морю она да привозила,
Во синё морё-окиян да отпустила.
Не доехал князь Михайло до грозной службы,
Его конь-от подопнулся,
Да бел шатёр да расшатрился,
30 С головы шляпа свалилась,
Да востра сабля приломилась.
«Верно дома не лады,
Верно мамынька моя неможет,
Да молода жена больня».
35 Воротился князь Михайло
Со грозной службы домой.
Тут пришол князь Михайло
К своей мамыньки да родной:
«Уж ты мамынька родима,
40 Уж где моя кнегина?».
— «Как твоя-то ведь кнегина
Да она зла была, ретива,
Она зла была, ретива,
Да всех коней да изнурила, (2 раза)
45 Да всех слух да изгонила, (2 раза)
Во божью церкву ушла,
Да во божью церкву ушла
Да богу молитце,
Богу молитце она спасаетце».
50 Тут пошол же князь Михайло да во божью церкву.
Ещё нету во божьей церкви кнегинны его.
Тут пошол же князь Михайло ко мамыньки да родной:
«Уж ты мамынька родима,
Да и где моя кнегина?».
55 — «Как твоя-то зедь кнегина,
Да она зла была, ретива,
Она зла была, ретива,
Да в светлу горенку ушла».
Тут пошол же князь Михайло
60 Да в светлуу горенку.
Уж нету тут в светлой горенке кнегинны его.

- На три ножика булатных сколотьца хотел.
Его нянюшки сдержали и всю правду рассказали:
«Твоя маменька родима,
65 Да она зла была, ретѣва,
Она зла была, ретѣва,
Парну баенку топила,
Да парную баенку топила,
Огорцы те нажыгала, (2 раза)
70 Из утробы младеня да выживала,
В нову дубову колоду да повалила,
Три обруча железных наводила,
Ко синю морю она да отвозила,
В синё морюшко она да отпустила».
75 Тут пошел да князь Михайло ко синю морю,
Он перву тоню да он закинул —
Ницего ему да не попало,
Он втору тоню закинул —
Морску вытенул он травину.
80 Нова дубова колода ему да попалась,
Три обруца железных наведёны,
Отколотил он да эти обруци железны,
Посмотрел свою кнегину да Катерину.
Навёл он да эти обруци,
85 Отпустил он да в синее море
Нову дубову да колоду.
Он ведь сам пошел да за колодою.
Его маменька да родима
По берёжку да ходила,
90 Тонким голосом да ревела:
«Как я тяжко да согрешила,
Три душѣ я да погубила:
Как перва душá была безвинна,
Как вторá душá была безгрешна,
95 Как третья душá была сердечья».

ТАТЬЯНА НИКИТИШНА ЧЕРНОУСОВА

В 1927 г. крестьянка 60 лет из д. Горúшка (близ Суры) Карпогорского района. Сама родом из Суры.

От старой тетки, которая ее воспитывала, слышала «старины про королей, князей». Сама знала раньше «про Илью» и «про Добрыню», но в момент записи могла лишь припомнить песню о правеже, которую она отличает от других старинных песен и объединяет с былинами. По ее словам, в д. Горушка сказителей былин не было.

От нее записан еще стих об Алексее и другие духовные стихи (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III, папка 2, №№ 9—11).

[МОЛОДЕЦ И КАЗНА МОНАСТЫРСКАЯ]

- И было у Миколы у Можечкого,
И потерялося казны-то петьсот рублей.
И дёржат-то добра молодца на правеже,
И на сером на горячем камешки,
5 И трема же молотами бьют в голову,
И трема молотами бьют железными.
Он стоит же добрый мóлодец не шáтнетця,
На буйной головы кудри не зворохнутся,
Он и стоит добрый мóлодец не каится:
10 «Я нé брал добрый молодец золотой казны,
Столько шол я добрый молодец по цýсту пóлю,
Столько видел добрый молодец — казáки сидя,
И казáки сидя да они деу делят,
Они деу делят, вся пятьсот рублѣй,
15 Попросил я у их пятьдесят рублей,
И онѣ нé дали доброму мóлодцу ни дѣнежки,
Надо мной над добрым мóлодцем надсмеялися,
И мне же добру мóлодцу за беду стало,
За беду стало минé за великую.
20 А я вырвал дóброй молодец ведь сырóй дуб,
Я хвастнул доброй молодец о сырú землю,
И ещо все эти казáки перепáлисе,
Они все розбежалисе».

АНТОН ЕГОРОВИЧ МЕРЗЛЫЙ

В 1927 г. А. Е. Мерзлый — старик 63 лет из д. Засурья (близ Суры) Карпогорского района, промышлял на пушного зверя.

Будучи грамотным, он, по его словам, про Илью Муромца «и в книжке читал», но также слышал, как старики пели. Сам же петь «никогда не знал».

Знал еще сказки, много охотничьих рассказов (записаны И. В. Карнауховой), песни, промысловые заговоры (записаны А. М. Астаховой: Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. II). Среди известных ему песен оказалась одна историческая песня «Про Платова», которую он сам записал на листочке и передал мне (колл. III, папка 1). В молодости жил в артелях и, по его словам, «много знал этих песен» (т. е. таких же, как о Платове).

ПРО ИЛЮ МУРОМЦА И СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА

Ехал Илья Муромец сын Иванович той дорогой прямо-
ежею, что запала тридцать лет — от того Соловья-разбойника
проходу нет.

- Он сидит на двенадцати дубах.
Когда засвищет в полсвиста,
Лошадки падали на землю.
Илья стрелой вышиб правый глаз у Соловья-разбойника.
5 И поймал, привёз в Киев-град.
Во стольном во городе во Киеве,
У ласкова у князя у Владимира
Было пированье, было почитанье,
Много на пиру было князей, было бояр,
10 В это время приходит Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Стали его спрашивать:
«Уж как, Илья, да ты сюда попал?».
— «Я ехал дорогой прямоежею».
15 Кнезя и бояра не поверили:
«Как запала та дорога тридцать лет,
От того Соловья-разбойника проходу нет».
— «Ой еси ты, Владимир-князь,
Уж как я Соловья-разбойника к вам во двор привёз».
20 Все кнезя и бояры Соловья смотреть.

Антон Егорович Мерзлый

Илья велел Соловью да свистнуть в по́лсвиста
Засвистал Соловей по соловьиному,
Замызгал собака по звериному —
Все кнезья-бояры испугались,
25 На корачках по двору расползались,
А Владимир-князь еле жив стоит,
Со своей душой Опраксеевной.

АГРИППИНА МИХАЙЛОВНА ЧЕРНОУСОВА

А. М. Черноусова — в 1927 г. крестьянка 43 лет из д. Засурье (близ Суры) Карпогорского района. Родом она из той же деревни. Малограмотная. Былине о Романе и Настасье научилась от матери своей, Марьи Ивановны Мерзлой, вышедшей замуж из Суры в Засурье. «Мать певка была, всё пела песни, стихи, — рассказывала А. М. Черноусова, — сама девкой певала, а жонкой мало, муж не любит». Былину о Романе и Настасье называла «стихом», говоря, что в великом посту ее пели старухи. Про Илью Муромца слышала от отца, Михаила Григорьевича Мерзлого, который знал несколько богатырских былин, но детям их не пел, а рассказывал. Сама А. М. Черноусова, рассказав про Илью, прибавила: «Может, и дальше сказывали, да я не знаю». По ее словам, «много про Илью» знал муж ее, Григорий Михайлович Черноусов, постоянно рассказывавший детям всякие сказки да побывальщины. Но сам Черноусов решительно против этого возражал и, несмотря на все мои уговоры, не хотел ничего рассказать.

Кроме былин, А. И. Черноусова знала еще стихи «Богородицын сон», «Как душа с телом расставалась» и про Алексея. Последний рассказала, как сказку (Рукоп. хранил., Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III, папка 2, №№ 7, 8).

Агриппина Михайловна Черноусова

КАК РОМАН ЖЕНУ УБИЛ

Во первѣм во терему живал Роман с женой,
 Во вторѣм-то терему жила Настасья Романовна,
 Настасьёушку матенка спать укладѣет:

- «Уж ты спи-тко, мое дитятко Настасья Романовна,
 5 Поутрешку вставай-ка ранёхонько,
 Ты умойся, ущешись,
 И избушку подпаши
 И богу помолись».

- Настасьёушка встала утрешком ранёхонько,
 10 И умылась, и ущешалась, и богу помолилась.
 — «Татенка, татенка, где же моя матенка?».
 — «Ушла твоя матенка во темной погреб за репой».
 Уж пошла Настасья Романовна, повозрадовалась,
 Постояла, посмотрела на цётѣре стѣроны —

- 15 Уж как нет-то родимой матенки,
 Пошла, порасплакалась,
 Она татенки приразжѣлилась:
 «Татенка, татенка, нет-ко родимой матенки».
 — «Ты не плачь-ко, Настасья Романовна,
 20 Я другѹ заведу тебе матенку».

— «Мне другѹ-то не надо, надо родима-то матенка».
 — «А ушла твоя матенка во божью церквѹ богу
 молитѹя».

Уж пошла тут Настасья Романовна, приразрадовалась,

- Уж как в церковь-то заходила богу моли́тця,
 25 Крест-то кладёт по писа́ному,
 Поклон ведёт по уце́ному,
 Стары-то старушки богу мо́лятця,
 Пожиты-то жонушки прираздума́лись,
 А малые ребятки-то прирасхвостолись.
 30 Постояла, посмотрела на цетыре стороны —
 Нету родимой матенки.
 Пошла да прираспла́каласи,
 Встретила два волка́ бежа́,
 Оба́ на небо глядя́.
 35 — «Куда, волки́, бежитё,
 Куда, сэры, спешитё?».
 — «Мы бежим-то спешим во цисто́ полё,
 Где Роман жену убил,
 В цисто́ поле схоронил,
 40 Бежим кровь лизать».
 Тут же Настасья приросплакалась,
 Пошла татенке приразжалилась:
 «Уж ты, татенка, татенка, где моя матенка?».
 — «Ты не плаць-ка, Настасья Романовна,
 45 Я те шубу сошью, сарафан заведу».
 — «Мене шубу-то не надо, сарафана-то не надо,
 Надо родимая матенка».
 — «Ты не плаць-ко, я тебе нову заведу́ молоду́».
 — «Мне-ка нову не надо, надо родимая ма́тенка,
 50 Молода-то бранцива и меня буде не любить».

ПРО ИЛЮ

Вот у старика и старухи был сын и звали его Ильёй. И он был седун до тридцати лет. До тридцати лет сидел, ног не было. И раз у его родители были в поле, и он жил один в избе. И к ему подходит старец и говорит: «Отвори́ мне воротá». — «Я бы открыл, да у меня ног нет». — «Встань и открой». Маль-

дик встал и открыл ворота. И он спросил, что чувствует пред собой. И он ему ответил: «Кабы был столб, я бы всю землю поворотил». И он налил в цѣшечку воды и дал ему испить. И старицок спрошѣ Илью: «Что цюствуешь над собой?». — «Я цюствую полсилы». И он еще ему цѣшечку налил. И он сказал: «Было бы способность, я бы все дѣмы переверотил». И старицок еще дал ему испить. И он остался первый бохатырь и первый вояка.

ВАСИЛИСА СТЕПАНОВНА ПОПОВА

В. С. Попова в 1927 г. — крестьянка 45 лет из д. Поганцы (близ Суры) Карпогорского района. Родом из той же деревни. Имела несколько взрослых дочерей. Она знала довольно большое количество духовных стихов, которым выучилась от отца, читавшего их по книжке, напевы же переняла от старух. Исполняла стихи с большим искусством. Из былин знала только о князе Михайле и пела ее на тот же напев, что и стих про Алексея. Попова говорила, что будто бы и «про Михайлу» было в той же книжке, но, очевидно, она спутала былинку со стихом о Михаиле-архангеле (что вообще нередко на Пинеге), данную же балладу усвоила из живой традиции. Вариант ее всецело примыкает к сурскому типу обработок.

Василиса Степановна — мастерица петь песни. От нее записано несколько прекрасных старинных рекрутских песен (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРАИ, колл. III, папка 6).

О МИХАЙЛЕ

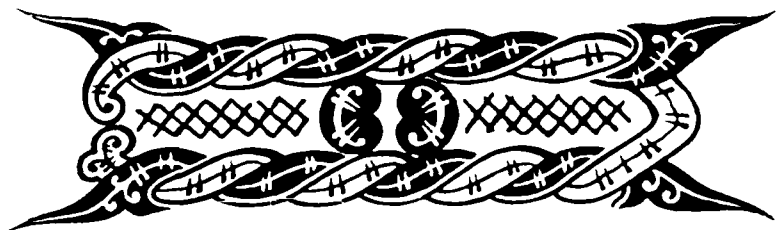
- Срежался князь Михайло
На службу грозну велику.
Маменьке наказывал:
«Маменька родима,
5 Сбереги мою кнегину,
Спускай мою кнегину
В нову горенку високу,
Ко сборной обедне».
Маменька родима
10 Парну байну истопила,
Сделала колоду новодубовую,
Позвала́ она кнегиню
В парну баенку.
Не посмела кнегина отказатьця,
15 И пошла она в парну баенку.
Маменька родима
Выжигала из утробы младёпи, *
Выжгла из утробы младёня,
Повалила кнегиню
20 В новую колоду дубовую,
Наколачивала три обруца железные,
Свезла она колоду
В синее море Хвалынцъско.
Не доехал князь Михайло

- 25 До службы грозной великой,
Доброй конь подоткнулся,
С головы шляпа свалилась,
И сабля переломилась.
Проговорит князь Михайло:
- 30 «Видно, в домике несчастье,
Верно маменька не здорова,
Молода жона заболела».
Воротился князь Михайло
Со службы грозной великой,
- 35 К маменьке приходит:
«Маменька родима,
Где моя кнегина?».
— «Твоя-то кнегина
В новой горенке высокой».
- 40 Кидался князь Михайло
В нову горенку высокоу —
Не нашол своей княгины.
— «Маменька родима,
Где моя кнегина?».
- 45 — «Твоя кнегина
У сборной обедни».
Кидался князь Михайло
Ко сборной обедне —
Не нашол своей княгины.
- 50 Кидался князь Михайло
На три ножика булатных.
Его слуги удержали
И всю правду рассказали:
«Твоя кнегина
- 55 В синем море Хвалынцѣском».
- Кидался князь Михайло
К синю морю Хвалынску.
Он тоню закинул,
Не попало ницѣно.
- 60 Втóру тоню закинул —
Не попало ницѣно.

Третью тоню закинул —
Вытащил колоду дубову.
Сколачивал три обруца железных,
65 Закрыцал своим громким голосом высоким:
«Маменька родима,
Три души ты погубила!».
Наколачивал три обруца железных,
Сам князь Михайло за колодою ушел.
70 Услыхала маменька родима,
Закрыцала своим громким голосом высоким:
«Уж я тяжко согрешила —
Три души я погубила:
Перва́ душá безответна,
75 Втора́ душá безгрешна,
Третья́ душá сердечня моя».
*(Невестка-то безответна — позвала в баню, та ни-
чего не ответила; а робѣнка выжгла — душа без-
грешна. А сын-то её — душа сердечня).*

ЕВФРОСИНЬЯ АББАКОВНА ДОРОФЕЕВА

В 1927 г. Е. А. Дорофеева — одинокая старуха 63 лет, жившая со своей маленькой внучкой в д. Остров (близ Суры) на правом берегу р. Пинеги Карпогорского района. В прежние годы много раз бывала в Архангельске и года полтора прожила в Петербурге.

И. В. Карнаухова записан от нее ряд сказок, выделившихся, с одной стороны, ярко выраженным социальным элементом — симпатией к героям-беднякам, с другой стороны — тенденцией к рифмованной и ритмизованной речи (см. Сказки и предания Северного края, 1934, стр. 398—399. Тексты сказок там же, стр. 137—144). От нее же записаны были старинные песни и загадки и публикуемые здесь сказка об Алеше Поповиче и две былины-баллады. Кроме того, она знала еще несколько старообрядческих духовных стихов.

Как исполнительница былин и баллад Дорофеева слабее, чем рассказчица сказок. Побывальщина об Алеше передана ею довольно сбивчиво. Напев баллад не отличается той строгой и четкой ритмичностью, которую мы находим у лучших исполнителей данного жанра. Расплывчатости напева соответствуют и лишенные тоже четкого ритма тексты со сказовой интонацией и стихами разной длины.

РОМАН И НАСТАСЬЯ

- Во перьвом-то теремѹ
 Живѣ Роман-от кнезь,
 Во другом теремѹ
 Да живѣт Марья Ондреевна,
 5 Во третьѣм-то теремѹ
 Живѣ Настасья Романовна.
 Ступила-то ее мать в тѣмну-то ночь:
 «Дитетко, дитетко, Настасья Романовна,
 И еще хто-то буде поутру рано будить?».
 10 — «Будѣ-то будить меня матенка,
 Матенка Марья Ондреевна».¹
 Как наша Настасья-то Романовна
 Долго, долго проспала,
 Не розбудили, не розбудили поутру малые детушки.
 15 Пошла Настасья Романовна
 К своему Роману ко князю.
 — «Где моя родимая мамонька?».
 — «Ушла, ушла родимая матенка

¹ Вариант 7—11 стихов:

Приходила родима мамонька
 Ко Настасье Романовне:
 «Кто-то, кто-то будет тебя поутру будить?»
 — «Будут, будут красные девушки,
 Будут, будут малые детушки».

- Во темны погреба,
20 Во тёмны погреба медѣ розливать».
Пошла, пошла наша Настасья Романовна
Во темны погреба.
Погледѣла на все четыре сторонѣ:
«Нѣту родимой мне мамоньки Марьи Ондреевны.
25 Где моя родимая мамонька Марья Ондреевна?».
— «Ушла, ушла на поварню пива сливать».
Пошла наша Настасья во поварню,
Поглядела, поглядела на четыре сторонѣ:
«Нету, нету родимой мне мамыньки Марьи Ондреевны».
30 Пошла, пошла наша Настасья Романовна
Ко Роману ко князю:
«Где моя родимая мамонька?».
— «Ушла, ушла ко божьей церкви,
Ко божьей церкви богу молиться».
35 Шла наша Настасья ко божьей церкви,
Крест-от кладѣт по писаному,
Поклон ведѣт по учёному,
Поглядела на четыре да на сторонѣ:
«Нет моей родимой мне мамоньки Марьи Ондреевны».
40 Сидя старые старушки приросплакались,
Сидя молодые молодки приростужились,
Сидя малые ребята приросхвѣстались.
Пошла, пошла Настасья ко божьей церкви на крыльцо.
Два волка да бежит.
45 — «Куды, куды, волки, бежитѣ,
Скоро да спешитѣ?».
— «Бежим в цисто полѣ, где Роман жену убил,
В цисто поле схоронил.
Бежим мы её исть, кровь пить».
50 Как наша Настасьюшка расплакалась,
Как она плачѣт, как река течѣт.
Пришол Роман к ней:
«Не плачь, не плачь, Настасья Романовна,
Я куплю, куплю тебе алой сарафан».
55 — «Не нать мне сарафан,

- Нать мне родимой мамоньки Марьи Ондреевны».
 — «Не плачь, не плачь, Настасья Романовна,
 Сошью, сошью тебе кунью шубоцку».
 — «Не нать, не нать кунью шубоцку»,
 «⁶⁰ Нать мне нать родной мамоньки Марьи Ондреевны».
 — «Не плачь, не плачь, Настасья Романовна,
 Возьму, возьму тебе другу мамоньку».
 — «Не нать мне, не нать мне другая мамонька,
 Друга мамонька — лиха мачеха:
 „⁶¹ Будет бить-бранить, не добро говорить».

ПРО МИХАЙЛО

- «Матенка моя родимая,
 Сбереги мою кнегину,
 Кнегину да Катерину».
 Поехал кнезь да Михайло
 5 На грозну службу да велику:
 «Матенка моя родима,
 Спускай мою кнегину,
 Кнегину Катерину,
 Во горенку во высокую,
 10 К обедне ко великой».
 Поехал кнезь Михайло,
 Не доехал до службы грозной великой,
 Конь у него да подпаялся.
 Не доехал кнезь да Михайло
 15 До грозной службы до великой,
 Сабля да переломилась,
 С головы шляпá свалилась.
 Как сказал кнезь да Михайло:
 «В доме, видно, случилось несчастье.
 20 Матенка моя родима [неможет],
 Жена молода да заболела».
 Матенка его родима

- Баенку истопила,
Созвала кнегину в баенку.
- 25 Не смела кнегина Катерина отказати.
Младеня из утробы выжигала,
Кнегину Катерину угомонила,
В колоду её клала,
Наколачивала на колоду
- 30 Три обруча да железных,
Приказала она слугам
В сине морюшко Хвалынско спустити.
Приехал да кнезь Михайло
Со грозной службы великоё:
- 35 «Матенка моя родима,
Где моя кнегина Катерина?». — «В новой горенке высокой». —
Кидался кнезь Михайло
В нову горенку высокую:
- 40 — «Нету моей кнегины Катерины!
Матенка моя родима,
Где моя кнегина Катерина?». — «Ко божьей церкви ушла». —
Кидался кнезь Михайло
- 45 Ко божьей церкви ко великой —
Нету кнегины Катерины. — «Матенка моя родима,
Где моя кнегина Катерина?». —
Ницего ему матенка не сказала.
- 50 Кидался да кнезь да Михайло
На три ножечка да булатных.
Слуги его хватали
Да всю правду рассказали:
«Твоя кнегина Катерина
- 55 В синем морюшке Хвалынском». —
Кидался да кнезь да Михайло
К синю морюшку да Хвалынску.
Перву тоню да закинул —
Ницего ему не попало.

- 60 Втору тоню да закинул —
Вытенул он да тину.
Третью тоню закинул —
Вытенул он колоду —
Три обруча железных.
- 65 Сколачивал обротье,
Сколотил он обручи,
Сам он в колоду ложился,
В сине морюшко скотился.
По бережку матенка бежала,
- 70 Тонким голосом она крычала,
Тонким голосом она крычала:
«Моя тяжко душа согрешила —
Три душй погубила:
Перьва душа — сердечья,
- 75 Втора душа — безответна,
Третья душа — безгрешна».

ПРО АЛЕШУ ПОПОВИЧА

Бывало в Ростове-городе жил поп. У попа родилась дочь и никуда они её не спускали, дома берегли, хранили. Вот она стала вырастать и стали на неё заритьця. А девушки пришли и стали её смущать на гулянье. Ну вот, сомutilи девушки и ушли они на гулянку. И окрутили её татары и увезли в татарский дом. После родился сын Олёша и рос не по годам, не по неделям, а по ребрам, здоровенный. И просит спустить, а отец не спускает: была одна дочь и та потерялась. — «Спустите и не спустите — всё равно пойду погулять. Лучше добром спустите!». Ну и спустили Олёшу погулять. И вот он на чистом поле увидел Екима Ивановича богатыря. Еким Иванович где-то увидел на гумне мух и хлопнул: — «Одним махом пятьдесят пять человек убивахом!» И назвались братьями. Вот они, знашь, приехали ко Олёше, к отцу: «Поедем мы воевать к такому-то государю с подарками». Вот и отпустили и поехали.

Ехали, ехали, близко ли далеко, низко ли высоко ли — на чистое поле. Вот поставили шатёр и стали коней кормить, стали сами отдыхать, и пришёл к ним странник: «Куда вы, добры молодцы, поехали?» — «А мы поехали к такому-то королю послужить, а к такому королю надо ехать с гостинцами». — «Вот на этом поле лежит богатырь Неодолище, меж плечьями печатня сажень в ширину». А Олёша боится итти. Вот странник и говорит: «Возьми мою одежду». А у странника шляпа три пуда. Вот этот Олёша идёт, подходит к этому богатырю Неодолищу. Испужался, что эка страсть стала на него, каждый волос дыбом стал, и притворился глухим. Он кричит: «Видал ли Поповича Олёшу?». Он говорит: «Подойди ближе, не слышу». А сам приготовился, чтобы его тропнуть. Он снова кричит: «Видал ли Поповича Олёшу?». А тот припал к самому уху, ну и шлёп его кинжалом, голова покатила. Он эту голову взял, привёз к стремену и поехал к тому страннику и Еким Ивановичу. Ну вот увидели, что голова около стремени, и думали, что Олёша убит. Они взяли своих коней, оседлали и поехали обратно. А у него конь приткой, и он нагоняет. Ну нагонять стал, близко ли далеко — он своим кинжалом Еким Иванович Олёшу сшиб. И пал Олёша. И скочил Еким Иванович к нему на грудь и увидел крест у Олёши: «Ах, братец мой Олёша!». Ну вот стали в чувства приводить и привели. Ну и говорит: «Голову привезите к стремену и поезжайте к тому государю».

Ну они ехали, ехали, доехали до государя. У государя пир — бал (скопление мало ли с каких концов). Их не допускают до государя, а они просятся: богатыри наехали, а их не допускают. А они как за руку — рука прочь. Пошёл к ним сам государь и говорит: «Почему так дерзко поступают?». — «Мы самой шуточной игрой вот заденем — рука прочь». Тут государь подумал, что люди не простые. Ну вот он их и пригласил и тоже за стол посадил пировать. И заторопились это — несут на красном сукне Тугарина и посадили за стол. Принесли гуся, принесли хлеб. Барыня заторопилась — разрежала руку. Он взял этот хлеб на один укус и проглотил, также и гуся, как зверь. А Олёша-то Попович сказал: «У нас была корова старая-престарая, зашла в овин, оловянный мерник съела, тут ее и розо-

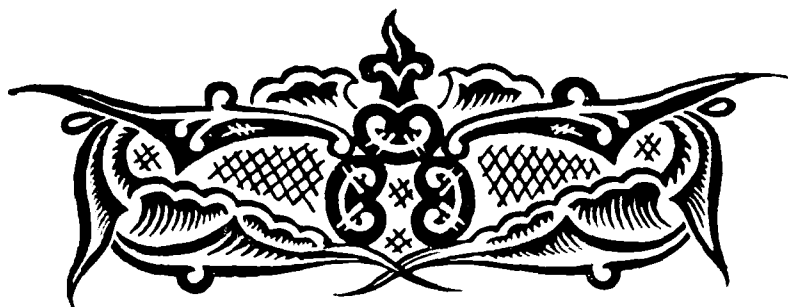
рвало. Тебя тоже к тому приговариваю». У того глаза кровью заходили. Взял и сшиб Олёшу кинжалом, а Еким Иванович схватил: «Не здесь липатьця, а на чистом поле съезжатьця!» — «А меня не бил поединщик, только был на чистом поле Неодолице, только с ним и бился». А Олёша и говорит: «У меня с него голова срублена. Позвольте мне принести показать ему». А тот и трусит. Принесли ему на тарелке и показали. — «Поедем на чистое поле съезжатьця!» Тут и поехали. А Еким Иванович поехал назором: хоть кости Олёшины собрать. Вот и едут. Этот как скрычит богатырь, так с дуба лист валитця, вся земля трясётся. Вот он близко стал съезжатьця — надоть сражаться. А Олёша говорит: «Что у тебя сегодня народу много?». Он обернется, а Олёша и голову срубил — оманул его.

Ну вот они и приехали к тому государю. Государь благодарен, а сам боится и его, а кормить надо: бояться Олёшу. Олёша там посватался, девушки на плот пошли купатьця, он и кольцами успел поменяться. Девушка эта в комнаты жила, на свет не выпускают, — а она уже просватана была. — «Как никак, говорит, а я тебя уведу». Ну вот у этого государя два брата есть. Съехались, сидят за столом, угощаются. Вот угощаются, сидят и хвастает кто чем: кто много воева, кто молодой женой, кто золотой казной. А братья сидят, ничем не хвастают. — «А вы, говоря, чем не хвастаете?». — «А у нас нету молодой жены, нету золотой казны. Только у нас есть сестра, нигде не бывала, а в тот-то день свадьба будет». А Олёша и говорит: «Я ей, говорит, люблю». Вот один брат и сшиб его кинжалом, чтобы не бахвалился. А Еким Иванович схватил: «Не липаться здесь. На чистом поле надо сражаться». Вот и поехал он с братьями к ней. Поставил братьев, а сам платком сшиб окно. «Двери на пяту отворитесь, Олёшу пушайте!» А те братья заговорили, зашептали, а она без памяти сделалась. А Олёша вышел, двери запер

И увели ее с собой жениться. Олёша женился. А его сестра в татарском доме умоляла: «Скоро ли Олёша приедет?». А татаре ее замуж отдали. А она не желала. Ехал-ехал Олёша, сдумал о ней: «У меня в татарском доме сестра». — И приворотил к татарскому дому, а татаре не пуска. Они стуца, стуца. Он кричит: «Отдай мою сестру, так ничего не будет». Кое-как им

пришлось отдать, а Еким Иванович и влюбился, так влюбился, что жить не могу, придется взять. Братьями назвали, а женился. И поехали к отцу, тот с жонкой и другой с жонкой, а Алёша поехал к тому царю, а Екима Ивановича вместо сына оставил.

ОКСИНЬЯ ДМИТРИЕВНА ЕРШКОВА,
ДАРЬЯ ПРОКОПЬЕВНА ПОЛИКАРПОВА,
НАСТАСЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ДЬЯЧКОВА,
КАТЕРИНА ИПАТОВНА ФЕФИЛОВА

В 1927 г. — крестьянки д. Кеврола Карпогорского района. К. И. Фефиловой в момент записи шел 61 год. Остальные исполнительницы были совсем еще молодыми женщинами: Ершковой исполнился 21 год, Поликарповой — 24, а Дьячковой — 26 лет.

Собравшись в избу, где я производила запись, они спели вместе былинку о Дмитрии и Домне. Пели в унисон, перед пением вспомнили текст, который знали не вполне твердо. Будучи соседками, исполнительницы не раз певали вместе песни, былины-баллады и стихи, однако той спетости, слаженности, которую мы наблюдали в группе певиц д. Гора (см. стр. 527), здесь не было. Кроме былины «Дмитрий и Домна», раньше знали еще и пели былины о Романе и Настасье и о князе Михайле. По словам певиц, «голоса», т. е. напевы этих былин, — «как у стихов».

[ДМИТРИЙ И ДОМНА]

- Уж Дóмна ты Дóмнушка,
Да Домна́ Фалилеёвна!
Да посватались на Домнушки,
На Домно́й Фалилеёвной,
5 Да посватался Митрей-князь,
Да посватался Михайловиць,
Да он по три лёта, по три зимы,
От окна не отхóдучись,
От ворот не отъёздуишь.
10 Да пошел, пошел Митрей-князь,
Да пошел, пошел Михайловиць
И ко чеснóй заутрени,
Ко чеснóй воскресеньской.
Увидала тут Домнушка,
15 Да Домна́ Фалилеёвна,
Уж из окошечка косящета,
Из околени стекольчатой.
— «Да посмотри-ка ты, мамонька,
Да ты моя кормилиця,
20 Да идё, идё Митрей-князь,
Да идё, идё Михайловець,
Ко чеснóй заутрени,
Ко чеснóй воскресеньской.
Да он кутыра боерьская,

- 25 Сова заозерьская,
Да голова-то у Митрея
Да как котёл пивоваренной,
Да глаза-ти у Митрея
Да как две кошки серые,
30 Да и брови-ти у Митрея,
Как собаки бурлатные».
Да как пришол, пришол Митрей-князь,
Да как пришол Михайловиць,
От чесной от заутрени,
35 И от чесной воскресеньское.
— «Да ты сестрица, сестрицюшка,
Да ты Марья Михайловна,
Да собери-ко беседушку,
Собери-ко народушку,
10 Назови-ко гостей гостыюшек.
Да созови-ко ты, Марьюшка,
Да Домну Фалилеевну,
Да скажи — Митрея дома нет,
Да Михайловиця дома нет,
45 Да ушол, ушол Митрей-князь,
Да ушол, ушол Михайловиць,
В цисто полё за охвотами,
Да за серыма гусями,
Да за перёлётныма птицами,
50 Да за белыма лёбедеями».
Как идё, идё Марьюшка,
Да Марья Михайловна,
Да к Домне Фалилеевне.
Да увидала тут Домнушка,
55 Да Домна Фалилеевна
Скрозь окошко косящето,
Скрозь околелку стекольчату,
Руки-ноги опустилися.
Да из глаз слёзы покатилися.
60 «Да пойдём-ко ты, Домнушка,
Да Домна Фалилеевна,

Да пойдём к нам на беседушку.
 Пойдём к нам на весёлую:
 Да у нас Митрея дома нет,
 65 У нас Михайловиця дома нет.
 Да ушол, ушол Митрей-князь,
 Да ушол, ушол Михайловиць
 Да в цисто полё за охвотами,
 Да за серыма гусями,
 70 Да за перелётныма птицами,
 Да за белыми лёбедеями».
 Отмыкала тут Домнушка
 Ящички тут дубовые,
 Вымала тут Домнушка,
 75 Да Домна Фалилеёвна,
 Три платья шелковыя,
 Да одно платьё венцяльное,
 Друго заруцьяльное,
 Третье свадебно.¹
 80 Да клала тут Домнушка
 Три ножыка булатныи,
 Пошла, пошла Домнушка,
 Да пошла Фалилеёвна
 К Марьюшке на беседушку,
 85 Да Михайловне на весёлую.
 Как пришла, пришла Домнушка,
 Да пришла Фалилеёвна,
 Отворились двери на крюки,
 Затворялись двери накрепко.
 90 За столом стоит Митрей-князь,
 За столом стоит Михайловиць,
 Наливает он наливоцьку,
 Да подавает он Домнушки:
 «Да ты примй, примй. Домнушка,
 95 Да Домна Фалилеёвна,
 Да от кутыры боерское,

---

¹ Некоторые пели: «умёршее».

- От совы заозерское,
От котла пивоваренного,
Да от двух кошек-то серых,
100 Да от собак-то бурлатных».¹
Да брала-то брала Домнушка,
Да брала Фалилеевна. . .
(«Вот что тут вышло, как уехали-то — не помню»).
- Как повёз, повёз Митрей-князь,
Да повёз, повёз Михайловиць:
105 «Поедем-ко, Домнушка,
Да поедём венчатися
Да жить-веселитися».
— «Да ты спусти, Митрей-князь,
Спусти Михайловиць,
110 К батюшку на могилушку,
Попросить благословеньице
Поехать венцятися,
Жить-веселитися».
- Да спустил, спустил Митрей-князь,
115 Да спустил Михайловиць
К батюшку на могилушку
Попросить благословеньице.
Да пришла тут Домнушка,
Да пришла Домна́ Фалилеевна
120 Да к родителю на могилушку,
Да попросить благословеньице.
Да с[т]лала, с[т]лала тут Домнушка,
Да с[т]лала тут Фалилеевна
Три платья шелко́вые:
125 Одно платье венцьяльное,
Друго́ платье заруцьяльное,
Третье платье свадебное.
Да поставила тут Домнушка
Домна́ Фалилеевна,
130 Три ножика булатный,

---

¹ Некоторые пели: «бурластых».

Пала тут Домна́
Да на три ножичька булатные,
Да на три платья шёлковые.

АГАФЬЯ ПАФНУТЬЕВНА ГУБИНА

В 1927 г. — крестьянка 67 лет д. Кеврола Карпогорского района.

Запись от А. П. Губиной была произведена мимоходом, и сведений об исполнительнице не удалось получить. По словам Губиной, отец ее знал много «старин» «про царей да про богатырей», но она их не запомнила.

СКОКЛІВА ПЕСНЯ

Прикажі, судáрь хозяин,
Прикажі-ка, господин,
Мне-ка с лавки стать
И стать поскакать
5 Да про прошенъице сказать.
Как Борисовиць Иван
Поутру ранó вставал,
Он зорі не просыпал,
Ко суседу побежал,
10 Ко суседу-то Петру
Ко Тарасовичу:
«Ты Петруша-то, Петруша,
Убудися, мой сусед!
И щё-то у нас удеялося,
15 Учинилося:
Там за Пырковой за лягой,¹
И за Пырой за рекой,
И за Дедковой за пожней,
За сосновъчем наволоком,
20 Там кошка и кунярка
Собакою урчит,
Зверь скотину бьёт».

¹ Яма, угор. — *Объяснение исполнительницы.*

Петруша ходит слуша, —
 Хочет хилина ловить,
 25 Матюга ходит тюка, —
 Хочет сосну валить,
 Чика ходит чирка, —
 Хочет хилина стрелить.
 Попало хиляноцьку
 30 По заду не по перу.
 Хиляин стрепетался,
 А Чика .....
 Хиляин выше поднимался,
 На сосну на сушину,
 35 На саму на вершину,
 Под ним сук не погодился,
 Хиляин на землю свалился.
 «Уж как мы будём, ребята,
 Как хилина делить?»
 40 Пришол Лұцька, взял за кры́лко
 Бросил о землю ёно:
 «Уж вы глупые ребята,
 Неразумны старики,
 На щó его делить,
 45 Как нельзя его варить?
 Мы повесим хиляноцьку
 Ко Чикину гумёшку
 На проезжу на дорожку,
 Кто пройдё, кто проедё,
 50 Тот про хилина вспомяне:
 „Теперь хиляночку
 Не по соснам летать,
 Не хидницать-пужать“».

Поповы-те девки,
 55 Пиво наварили,
 Сла́дкой мёд становили,
 Под Ковра́ посылали,
 Под добра человека,
 Ковру здесь не бывати

60 И пива-вина не пивати,
И сладкоho мёду не вкушати.
Остойся, Ковёр,
И не ломайся, Ковёр
И не коверкайся,
65 Перекину я Ковёр
Через тын и монастырь,
Через лавоцку торгову
И через стену городову,
Как на горке садок
70 Зеленёшенек стоит,
У Троицы попок
Молодёшенек поёт,
Свечки тоненьки,
Просwirки мяконьки,
75 Кутья сладка,
Попадья гладка,
Шея да плечо,
Как гусиново ейцо,
Лоб да лицо
80 Как зеркальцо.

ВАСИЛИЙ КОКОРИН

Василий Кокорин в 1927 г. — слепой старик 81 года д. Кевролы, околка Харитонова Карпогорского района. Жил бобылем вместе с другим таким же одиноким слепым стариком. От него в 1900 г. А. Д. Григорьевым были записаны былины «Козарин» и «Встреча Ильи Муромца со станичниками» (Григ., I, 205—206), которые Кокорин знал от стариков еще с молодых лет. Больше Кокорин ничего Григорьеву не спел и не рассказал, отзываясь незнанием. В молодости же он славился как песенник. См. заметку о нем собирателя (Григ., I, стр. 596).

Кокорин вспомнил, как Григорьев «списывал» и ночевал у него. Он тотчас же начал мне рассказывать про Илью Муромца, но ничего уже твердо не помнил, давал какие-то отрывки, потом добавлял, так что записывать оказалось чрезвычайно трудно. Сюжет об исцелении Ильи передал прозой. Кроме записанного, рассказал еще, очень сбивчиво, об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, которого Илья расшиб «шляпой коломенской». При передаче старик очень увлекался, менял голос в диалоге, жестикулировал. Например, показывал, как дрожали руки у князя Владимира, когда Илья Муромец привез Соловья: «Князь Владимир вышел, руки дрожат: „Что мне с им, не нать!“». Кокорин знал еще несколько таких сбивчивых рассказов про Илью и других богатырей.

Из былин, записанных Григорьевым, удалось записать только «Козарина», которого сказитель тоже забыл и путал. Когда ста. вспоминать и передавать слова брата и сестры в момент узнавания — заплакал. Вторую былинку про Илью и станичников отказался сообщить: «Не спеть. Книжки уж нет. Да и слепой еще». Кокорин был грамотным и, как свидетельствует побывальщина об Илье Муромце, видимо, читал былины в лубочном изложении. Старика глубоко растрогали воспоминания о героической старине, и он усиленно звал приходить еще.

ПРО ИЛЬЮ

Илья Муромец до сорока годов сидел. Пришло к нему два странника. Он один дома-то, во двори-то: отец с братом на новину ушел, копают полё. Один говорит: «Попросим пить». — «А ну-ка, говорят, встань, Илѣйка, встань!». Он стал да и пошел. Он принёс им. Они попробовали и дали ему. Он всю чашку ту выпил. Учул в себе, что ядрён стал. Пошел по полу, половицы и стали пригибатьця. Один и говорит: «Земля не понесё». А другой: «Как не понесё?». Дали ещё полчашки выпить. Выпил он, ядрён стал. Вот и пошли эти прохожаеве (небесная сила это приходила). Он и думает: «Дай-ка я принесу отцу и брату хлеба». В коробок наклаа хлеба да и идёт. Отец и говорит брату: «Илѣйка, говорит, иде». — «Я хлебцев принёс, поешьте да отдохните, а я пойду, не могу ли, говорит, сбсну или куст что подеять».

В той поры они ели и отдыхали, а он с корнем вырвал и всё в реку бросил. Пошел и говорит: «Пойдемте домой, я почистил немного». Взглянули: ни одной сосны, ни одного куста нет. «Что же ты, говорят, всю реку загрузил?».

Нищие ему сказали: «Станешь себе коничка прибирать в лугах, выбирай, который в нуды». (А у их были богатырские доспехи, были сёдла, была палица). Пошел с отцом имать коничка, выбирать в лугах. Там ведь они живут всё лето, кони-та всё равно, как дикие. Он подошел к коничку, который в нуды, схватил за гриву, уздечку наложил и привёл к реке. Так, попро-

бовать: «Бывать не понесёт меня». Коня в воды выкупал. Домой привёл в стойла. Сена надовал — коничька кормить стал. Коня выкупал, опять отвёл в стойла, надовал сена, и все сутки постоял. Опять выкупал — всё нуда и вышла. Богатырский конь стал. Наложил все богатырские доспехи, одежды и поехал в чистое поле проезживать коничька и наехал на Лукопета-богатыря. Илья Муромец кинул попробовать палицу на него. Он плечьми пошевелил: «Ох, как русские мухи кусают!». И второй раз тоже. Он и узнал, что наехал на богатыря. И говорит: «Будь брат мне». И поехали вместе. Доехали — две доски краем стоят, а тут два обруча железных. Илья и говорит:

«Лёг, Лукопет, попробуй обручи». Лёг он, обручи напряглись, и пошла у него лишь пена. — «Ах, брат, говорит, лизни эту пену. У тебя силы мало, тут сильнее будешь». Тот лизнул и вовсе сильный стал. А ему от рук человеческих смерть не была. Добрая смерть положена.

202

ПРО КАЗАРИНА

- Подымались татары войной с калмыками,
Полонили татары три города,
Подхватили татары душу красную девицу,
И доставалась красная девица трём татаринам,
5 Доставалась большому татарину красная девица по
жéребью.
— «И поедем мы с тобой, красная девица, по пути и по
дороге».
- И ехали они, их застигла тёмная ночь,
— «Станем мы, красная девица, тёмную ночь делить,
А тайной грех творить».
- 10 Она тут осмелилась:
«Прежде ты был лучше отца-матери,
Теперь стал хуже трёх татар».
- «Коёй земли, красная девица, коёго отца-матери?».
- «Земли, говорит, Кретской,

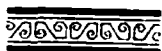

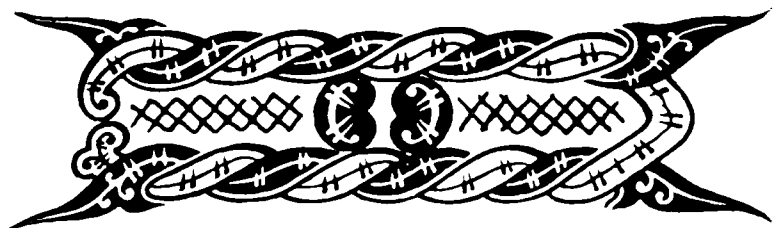
15 По роду по племени сестрица родна́».

— «Ты прости-тко, прости, ро́дная сестрица, в первой
вине».

Тут брат с сестрой съехались, поплакали.

(Да́ вот — забыл. Она знает, что брат, а он-то забыл)

БАССА АЛЕКСЕЕВНА КУЗНЕЦОВА

В. А. Кузнецова — в 1927 г. молодая крестьянка 28 лет — большая любительница пения. Жила она в д. Церкова Гора Карпогорского района, куда вышла замуж из соседней д. Айнова Гора.

Фольклорный репертуар ее — песни. Из былин же она знала распространенные в Карпогорье былины-баллады про Домну и про князя Михайлу. Обе эти баллады переняла от матери, с которой постоянно вместе пела, а та, в свою очередь, — от своей матери.

Текст «Домны» Кузнецова знала твердо и, передав его словами, при пении не меняла. Эту балладу, по ее словам, она постоянно пела дома, и ее сын, мальчик 7 лет, уже немного усвоил песню, повторяя за матерью. Текст же второй былины — о Михайле — Кузнецова могла сказать лишь с помощью матери, спела же только начало. В. А. Кузнецова знает еще местную песню «В Архангельском городе», которую она переняла от дяди Лаврентия Андриановича Мельникова, служившего в 1927 г. перевозчиком на Айновой Горе.

ПРО ДОМНУ ФАЛИЛЕЕВНУ

- Домна ты Домнушка,
Да Домна Фалелеевна.
Да сватались на Домнушке
Да на Домны Фалелеевны,
5 Да сваталса Митрий-князь,
Да и сваталса Михайловиць,
Он по три летá по три зимы,
От ворот не отъездуись,
Да от окна не отхóдуись.
10 Да пошол, пошол Митрий-князь,
Да пошол, пошол Михайловиць,
Ко цесной заутрени,
Ко цесной воскресеньской.
Да увидала как матенка,
15 Увидала кормильница:
«Посмотри-тка ты, Домнушка,
Домна Фалелеевна,
Голова-то у Митрия,
Как серебрена маковка,
20 Брови как у Митрия —
Два чёрные соболя,
Глаза-те у Митрия
Да как два ясные соколы.
Походка-то у Митрия, —

- 25 Как бытто павиная,
А ресь-то у Митрия
Как быт' лебединая.
Да идёт-идёт Митрий-князь,
Да идёт-идёт Михайловицъ,
30 От цесной от заутрени,
Да от цесной воскресеньской,
Да увидала как Домнушка,
Да Домна Фалелеевна:
«Да посмотри-тка ты, матенка,
35 Да и матенка-кормильница,
Голова-то у Митрия,
Да как котёл пивоваренный,
Брови-те у Митрия
Как две собаки горластые,
40 Глаза-те у Митрия
Как две кошки-то серые.
Речь-то у Митрия
Как кутыра боерская,¹
А походка-то у Митрия
45 Как сова заозерская». Пришол, пришол Митрий-князь,
Пришол, пришол Михайловицъ,
От цесной заутрени,
От цесной воскресеньской:
50 «Ты Овдотья сестрицюшка,
Собери-тко беседушку,
Созови милых подружек,
Да ты сходи-тко за Домнушкой,
Да за Домной Фалилеевной.
35 Скажи — Митрия дома нет,
Скажи — Михайловиця дома нет.
Да ушол, ушол Митрий-князь,
Да ушол, ушол Михайловицъ
В цисто поле за охотой,

¹ Кто зна? Мы я сами не знам. — Ответ исполнительницы на вопрос, что такое «кутыра».

60 За серыма утицами,
 За перелётными гўсями».
 Как пошла, пошла Овдотья-сестра
 За Домной Фалилеёвной:
 «Ты пойдём, пойдём, Домнушка,
 65 Да Домна́ Фалилеёвна,
 К нам на беседушку,
 К нам на весёлую.
 Право, Митрия дома нет,
 Право, Михайловиця дома нет,
 70 Как ушол, ушол Митрий-князь,
 Как ушол, ушол Михайловиць
 В чисто поле за охотой,
 За серыма утицами,
 За перелётными гўсями».
 75 Срежалася Домнушка,
 Да Домна́ Фалилеёвна,
 К Овдотье на беседушку,
 К Михайловне на весёлую,
 Умывалася Домнушка
 80 Да ключёвой водой студёною,
 Да утиралася Домнушка
 Тонким белым полотёнышком.
 Да брала, брала Домнушка
 Перво платье венцяльное,
 85 Друго заруцяльное,
 Третье-то платье свадебное.
 Брала брала Домнушка
 Да два ножицька булатных.
 Пошла, пошла Домнушка
 90 Да Домна́ Фалилеёвна
 К Овдотье на беседушку,
 К Михайловне на весёлую.
 Отворились двери на пету́,
 Да затворились ворота на́крепко.
 95 Шла, зашла Домнушка,
 Да зашла Фалилеёвна --

- Митрий за столом стоит,
Михайловиць за дубовым стоит,
Наливает-ка Митрий-князь
- 100 Разных наливоцёк,
Сладких напивоцёк.
Подавает-ка Митрий-князь,
Подавает Михайловиць
Домне Фалилеевне:
- 105 «Ты прими, прими, Домнушка,
Домна́ Фалилеевна́,
От котла пивоваренного,
Да от собаки горластой,
Да от кошки от сёрой,
- 110 От кутыры боерьской,
От совы заозерьской».
Тут стоит, стоит Домнушка,
Домна́ Фалилеевна́,
Резвы ножки подломилися,
- 115 Белы руцъки опустилися,
Да из глаз слёзы покатилися,
— «Ты Овдотья сестрицюшка,
Запрегай-ко коней пароцъку
Да в золотую каретоцъку,
- 120 Поедем мы с Домнушкой
Да с Домной Фалилеевной
Ко божьей церкви венцятися,
Перстнёми обруцятися».
— «Ты спусти, спусти, Митрий-князь,
- 125 Спусти, спусти Михайловиць,
К татенке на могилоньку,
Попросить благословленьце,
Наложить праву руцусьску».
Ставила Домнушка
- 130 Два ножицька булатных,
И пала как Домнушка
Да Домна́ Фалилеевна,
На эти ножицьки булатные.

ПРО МИХАЙЛУ

- Поехал князь Михайло
 На грозну службу велику,
 Оставляе князь Михайло
 Свою маменьку родиму,
 5 Свою мóлоду кнегину
 Да кнегину Катерину.
 Не доехал князь Михайло
 До грозной службы великой,
 Доброй конь да подопнулсе,
 10 Вóстра сабля переломилась,
 Пухова́ шляпá свалилась.
 «Что-то мне да несчастливит,
 Видно, дома нездорово,
 Родна маменька да немóжо
 15 Лебо мóлода кнегина,
 Да кнегина Катерина».
 Воротилса князь Михайло
 Со грозной службы великой.
 Его маменька стречаё,
 20 Он родимой отвечаё:
 «Уж ты маменька да родима,
 Ещё где-то моя кнегина,
 Да кнегина Катерина?».
 — «Да твоя-то ведь кнегина,
 25 Да кнегина Катерина,
 Она гордá сталá, спеслива,
 Она слуг всех пригоняла,
 Да лошадей всех притомила.
 В новой горнице высокой,¹
 30 На кровати на тисовой,
 На пуховой на перине,
 Под соболиным одеялом».

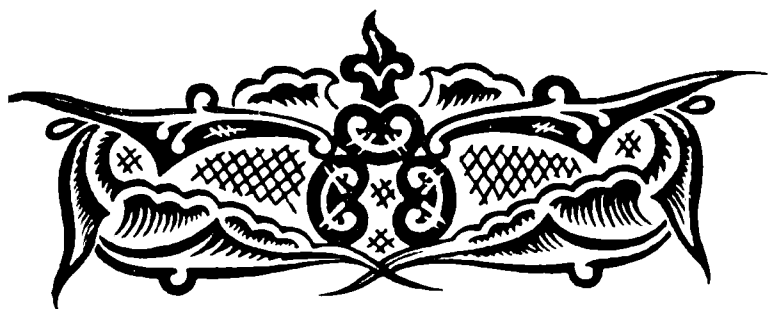
¹ До сих пор спела, дальше сказывала.

Как бросалса князь Михайло
 В нову горницу високу,
 35 На кровать-то на тисову,
 На постель-то на пухову,
 Не нашол своей кнегины
 Да кнегины Катерины:
 «Уж ты маменька родима,
 40 Уж и где моя кнегина,
 Да кнегина Катерина?». —
 «Твоя-то ведь кнегина
 У соборной у обедни». —
 Как бросалса князь Михайло
 45 Ко соборной ко обедни,
 Посмотрел же князь Михайло
 По всему міру-народу,
 Не нашол своей кнегины,
 Кнегины Катерины.
 50 Как бросалса князь Михайло
 На два ножицька булатных.
 Его нянюшки сдержали,
 Его малыньки рассказали:
 «Твоя маменька родима
 55 Жарку баёнку топила,
 Катерину в байну водила.
 Огорьци она нажигала,
 Катерины в утробу клáла,
 Из утробы младеня выжигала.
 60 И клалá эту Катерину
 В сыру дубову колоду,
 Наводила на эту колоду
 Трое обруцей железных,
 Отвозила эту колоду,
 65 На синё морё Хвалыньсько». —
 Как бросалса князь Михайло
 На синё морё Хвалыньсько
 С тремя шёлковыма неводами.
 Он первó тоню закинул —

70 Ницего ему не попало,
Он втору́ тоню закинул —
Морская малапу́га,
Третью тоню закинул —
Сыроду́бова колода.
75 Рассекал эту колоду —
Тут кнегина да Катерина.
Как бросался князь Михайло
С сыродубовой колодой
Во сине море Воляньско.
80 Его маменька родима
По бережку ходила,
Слёзно плакала-рыдала,
Громким голосом кричала:
«Грех я тяжкий согрешила,
85 Три душі я погубила:
Пёрва ду́ша безответна,
Вторá ду́ша безымянна,
Третью душу понопрасну».

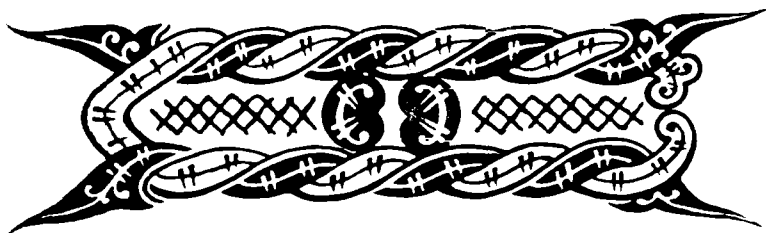
АНИСЬЯ ТАРАКАНОВА

Эта (в 1927 г.) пятнадцатилетняя девочка из д. Церковной Горы Каргогорского района известна была в детской среде своей деревни как сказочница. От нее записаны были сказки И. В. Карнауховой, охарактеризовавшей в своей книге «Сказки и предания Северного края» обстановку, в которой приходилось жить девочке до Октября и в начале 1920-х годов (см. названный сборник, стр. 409).

МИХАЙЛО ЖОНКУ УБИЛ

- Михайло жонку убил,
В чисто поле схоронил,
— «Татонька, татонька,
Где же моя мамонька?».
- 5 — «В гости ушла».
Она сходила в гости,
В гостях её нет.
— «Татонька, татонька,
Где же моя мамонька?».
- 10 — «В погреб улезла».
Она слазила в погреб,
В погребу её нету.
— «Татонька, татонька,
Где же моя мамонька?».
- 15 — «К церкви ушла».
Она в церкву зашла
Да богу помолилася,
На крылецко зашла,
Да богу помолилась.
- 20 Маменьки нету.
— «Татонька, татонька,
Где же моя мамонька?».
- Отец и сказал: «В цистом поле она
схоронена!».

ТАТЬЯНА ДАНИЛОВНА МЕЛЬНИКОВА

В 1927 г. это была красивая сорокалетняя крестьянка д. Айнова Гора Карпогорского района, живая и энергичная, незаурядная песенница, исполнявшая старинные протяжные песни, а также и более поздний песенный слой — романсы (записаны А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой: Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III, папка 6).

Т. Д. Мельникова — невестка Анны Александровны Мельниковой, от которой записывал в 1901 г. былины А. Д. Григорьев (см. Архангельские былины, т. I, стр. 549—558). От свекрови Татьяна Даниловна и усвоила былинку «Про Домну», в которую, при сохранении общей композиции, внесла некоторые оригинальные детали. Из остального репертуара А. А. Мельниковой Татьяна Даниловна совсем плохо помнила былинку о князе Михайле и полностью забыла «Казарина». Былинку же «Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муромцем» уже и не слыхала.

От Татьяны Даниловны записаны еще исторические песни о Румянцеве и о Долгоруком и стих «Прекрасная мати пустыня» (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III, папки 2 и 6).

В Мельниковой была видна большая любовь к народному творчеству, от которого она, видимо, получала художественное удовлетворение. Больше всего любила она петь вдвоем с соседкой своей, старушкой Матреной Андреевной Мельниковой.

Татьяна Даниловна уже тогда, в 1927 г., активно воспринимала новое. По собственной инициативе сняла у себя иконы. Живо интересовалась современностью.

ПРО ДОМНУ

- Уж ты, Домна ты Домнушка,
Ты Домна Фалелеевна,
Да сватались на Домнушки,
На Домны Фалелеевны,
5 Еще сваталса Митрей князь,
Еще сваталса Михайловиц,
Он по три лета по три зимы
От ворот не отходячи,
От окна не отъезжаечи.
10 Да не идёт Домна,
Да не идёт Фалелеевна.
Как сговорила как Домнушка,
Как сговорила Фалелеевна:
«Как у князя Митрия Михайловиця
15 Да голова как пивоваренной котёл.
Брови — совы заозерские,
Глаза, как кошки бурластые».
Поехал ведь Митрей-князь,
Да поехал как Михайлович.
20 Добра лошадь подопнуласе,
Да пухова шляпá с головы свалиласе,
Востра́ сабля переломиласе:
«Да верно Домна надсмеялась надо мной,
Фалелеевна надзгилялась надо мной».
25 Воротилса как Митрей-князь,

- Воротилсе Михайловиц.
Он вить к дому приезжает,
Его сестрица встречает,
Прогóворит Митрей-князь,
30 Прогóворит Михайловицъ:
«Да ты, Овдотья Овдотьюшка,
Да ты Михайловна,
Собери-ка ты беседушку,
Созови-ка ты подруженек,
35 Созови Домну Фалелеевну».
Да пошла как Овдотьюшка,
Да пошла, пошла Михайловна
Да за Домной Фалелеёвной:
«Да ты пойдём, пойдём, Домнушка,
40 Да ты пойдём, Фалелеевна,
Да ко мне на беседушку,
Да князя Митрия дома нет,
Да Михайловицъ дома нет».
Да не идёт, нейдёт Домнушка,
45 Да не идёт Фалелеёвна.
«Да ты пойдём, пойдём, Домнушка,
Да ты пойдём, Фалелеевна,
Да князя Митрея дома нет,
Да Михайловицъ дома нет».
50 Да засрежалася Домнушка,
Да засрежалася Фалелеевна,
Да берё платье свадебное,
Да берё платье венцьяльнёе,
Да и берёт два ножицъка булатных,
55 Да прошла, прошла Домнушка,
Да прошла Фалелеевна,
Да пришла ведь как Домнушка,
Да пришла ведь как Фалелеёвна,
Да князь Митрий за столом стоит.
60 Да прогóворит Митрей-князь,
Да прогóворит Михайловицъ:
«Да ты, Овдотья Овдотьюшка,

- Да ты Овдотья сестрицынька!
Да запирай-ка воротицько,
65 Да закладывай крепко-на́крепко.
Да уж ты, Домна ты Домнушка,
Да ты Домна Фалелеёвна.
Да как у князя у Митрея,
Да как у Михайловицѣ,
70 Да голова как пивоваренной котёл,
Брови — совы заозерские,
Глаза как кошки бурластые».
Да задрождяла как Домнушка,
Да задрождяла Фалелеевна,
75 Да словно листик осиновый.
(*Не знаю здесь*).
Просилась как Домнушка,
Просилась как Фалелеёвна,
Да к матенке на благословленьице:
«Да ты спусти меня, Митрий-князь,
80 Да ты спусти меня, Михайловицѣ,
Да к матенке на благословленьице».
Да не спустил её Митрий-князь,
Да не спустил её Михайловицѣ.
«Да ты спусти меня, Митрий-князь,
85 Да ты спусти меня, Михайловицѣ,
Да к матенке на благословленьице».
Да не спустил её Митрий-князь,
Да не спустил её Михайловицѣ.
«Да ты спусти меня, Митрий-князь,
90 Да ты спусти миня, Михайловицѣ,
Да к матенке на благословленьицѣ».
Отпустил её Митрий-князь,
Отпустил её Михайловицѣ.
Да пошла, пошла Домнушка,
95 Да пошла Фалелеёвна
К матенке на благословленьицѣ
Она скололась, пала на два ножика булатных
(*Как сказать-то — не знаю*).

РОМАН И НАСТАСЬЯ

Жила наша Настасья Романовна,
 Роман жену убил,
 Да в цисто полѣ схоронил.
 Бороною прикрыл.

5 — «Татенька, татенька,
 Где же моя маменька?».

— «Ушла твоя маменька
 В тёмной погребок
 Молоцъко перебирать».

10 Пошла наша Настасья Романовна
 Искать своей маменьки
 И не нашла своей маменьки.

— «Татенька, татенька,
 Где же моя маменька?»

15 — «Не плачь, моя доцушка,
 Я возьму другú маменьку».

*(Так малёхонько и поётся. Девки малыс плетут —
 будто поют).*

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛОМТЕВ

Иван Александрович Ломтев в год записи — крестьянин 51 года д. Карповой Горы, на р. Пинеге. Запись от него произведена в 1927 г.

Кроме земледелия, он занимался тогда, как и многие пинежане, подсобными промыслами: рубил дрова, возил кладь и т. п. Жить ему в те годы, до коллективизации, было очень трудно. Большая семья, в которой шестеро детей, от семнадцатилетнего до «зыбочного», ютилась в маленькой тесной избе. И. А. Ломтев, слабый здоровьем, постоянно прихварывавший, трудился до изнеможения. По слабости здоровья он не был и на военной службе и на войне, но в городах ему приходилось бывать — в Архангельске и Петрограде. По внешнему виду И. А. Ломтев представлял привлекательный тип пинежанина, — это был высокий, рыжебородый сухощавый человек с голубыми глазами. Нервный и очень застенчивый. Сломить его застенчивость и уговорить его петь было в высшей степени трудно. Перед фонографом он сильно волновался.

Иван Александрович — внук Матвея Андреевича Ломтева, известного в свое время в Карпогорье сказителя, и племянник Ивана Матвеевича, от которого записал былины в 1900 г. А. Д. Григорьев (Григ., I, стр. 471—478). От деда И. А. Ломтев перенял былинку об Илье Муромце и станичниках и песню о декабристах («Брат спасает царя от смерти»; записана мною в 1927 г.; опубликована в сб. Звенья, 1935, VI, М., стр. 22). От дяди он усвоил «Кострюка» и песню про Долгорукого. Знание этих былин и песен давно уже в роду Ломтева. Известно, что пел их еще прадед Ломтева, Андрей Трофимович.

И. А. Ломтев — сказитель с чрезвычайно устойчивыми текстами, почти не отступающими от источников. Былины и исторические песни он исполнял в семье и «где у праздника». Из семьи ко времени записи никто от него былин еще не перенял. Дав согласие спеть, Иван Александрович взял сети, заметив, что так будет ему удобнее петь, и во все время исполнения плел-

Иван Александрович Ломтев

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИЧНИКИ]

- Из-за славного города Мурома,
Из-за славного города Киева,
Тут лежала дорога широкая,
Широкая дорога, глубокая.
- 5 Ширина той дороги широкой
Три косые сажени печатные,
Глубина той дороги глубокое —
Добру коню до черева кониною,
Добру молодцу до стремени булатные.
- 10 Что по той по дороге широкой,
По широкой дороге глубокой
Ехал-проехал старóй матёр человек.
Навстречу старóму станицники,
Хотят они старого ограбити,
- 15 Порешить свету белого,
Покорóтать веку долгого.
Как спрогóворит старый матёр человек:
«Уж вы ной еси, млáдые станицники,
Ещё бить вам старого нé за что,
- 20 Взять вам у старого нечего.
Есть ведь у старого в кармане петьдесят рублей.
Еще взято на чару на винную,
На винную чару, похмельную».
Тому же станицники не вáруют,

- 25 Приступают к старому накрепко.
Как проговóрит старый матёр человек:
«Уж вы гой еси, млáдые станицники,
Ещё бить вам старого нé по что,
Взять вам со старого нечего.
- 30 Ещё есть на старом кúнья шуба,
На шúбы нашито тридцать три пуговицы,
Каждая пуговица стоит пятьсот рублей,
А трём пуговицам и счёту нет:
В этих пуговицах залито трёх зверей».
- 35 Тому же станичники не веруют,
Приступают ко старому накрепко,
Берут они старого за ворот.
Как спроговóрит старый матёр человек:
«Уж вы ной еси, младые станичники,
- 40 Бить вам старого нé по что,
Взять вам у старого нечего.
Есть под старым как добрый конь,
Он носит от ветра и вíхоря,
Убегает от пули свинцовой».
- (Да тем и кончилось. Дальше-то и не
помню, есть ли что).*

КОСТРЮК

- В годы-то были прежние,
В времена те досельные,
Да при нашем-то свете царе,
При Иване Васильевиче,
- 5 Он вздумал пожениться
Во земле во неверные
На Марьи Темрюковне.
У ней много было сопровождаемых-то:
Дваста татаровей,
- 10 Полтораста улановей,

- Полтретьяста церква-сыновой.
Оне все сидят у царя на пиру,
Пиво-то с мёдом пьют,
Хлеб с солью едят,
15 Ества кушают,
Оне лихо не думают
На нашего света царя
На Ивана Васильевича.
Один бóльший шурин-совет
20 Кострюк-Темрюк Темерюкович,
Он пиво с мёдом не пьёт,
Хлеба с солью не ест,
Зеленá вина в рот не берёт,
Ества не кушаёт,
25 Не лихо ли думает
На нашего света царя,
На Ивана Васильевича?
Как спрогóворит стольный царев
Никита Романович:
30 «Ох ты хой еси, шурин-совет,
Кострюк-Темрюк Темерюкович!
Что же ты пива с мёдом не пьёш,
Хлеба-то с солью не еш,
Зеленá вина в рот не берёш,
35 Ества не кушаёш?
Не лихо ли думаёш
На нашего света царя
На Ивана Васильевича?».
Как спроговорит шурин-совет
40 Кострюк-Темрюк Темерюкович:
«Уж ты хой еси, стольный царев
Никита Романович!
Я пива-то с мёдом не пью,
Хлеба-то с солью не ем,
45 Зеленá вина в рот не беру,
Явства не кушаю,
Но лихо не думаю

На вашего света царя,
 На Ивана Васильевича.
 50 Только я думаю —
 Тридцать городов перешол
 И тридцать борцов поборол,
 Не мог силушки отведати,
 Не мог молодецкойей.
 55 Если есть у вас в Москве таковы борцы
 С Кострюком поборотися,
 С Темрюком поотведати?».

Тапорá стольник царев
 Никита Романович
 60 Выходил он на тѣ сени новые,
 На тѣ сени царские,
 На те государевые.
 На то крыльцо красное,
 На то крыльцо царское,
 65 На то государево.
 Вскричал во всю буйнѹ головѹ,
 Чтобы слышно было во всю каменнѹ Москвѹ,
 Из нижнего конца,
 Из крайнегó дворцá,
 70 Чтобы было два борца.
 Были дети Андреевы,
 Андрея Павжанина,
 Васька маленькой,
 Потанюшка хрѹменькой
 75 О костыль подпираетця,
 Ко дворцу подбираетця.
 Тапорá стольник царев
 Никита Романович
 Наливает чару зеленá вина,
 80 Не велика, не мала,
 Чара в полтора ведра.
 Подавает Ваське маленькому,
 Потаньке хроменькому.
 Берѣтця Васютка единой рукой

- 85 И пѣёт за еди́ный мах:
«Дай ты мне борца́ на руку».
Тапора́ стольник царев
Да Никита Романович
Скора докладывал
- 90 Бóльшему шурина,
Кострюку-Темрюку Темерюковичу:
«Ох ты хой еси, бóльший шу́рин царев
Кострюк-Темрюк Темерюкович!
У нас хлеб на столе,
- 95 И борцы́ на дворе».
Тапора́ шу́рин царёв
Кострюк-Темрюк Темерюкович
Он как стал да скочил
Через золот стол,
- 100 Через ества сахарные,
Через скамейки дубовые,
Задел ногой правою,
Дваста татар подломил,
Полтора́ста улановей,
- 105 Полтретья́ста цѣрка-сыновей.
Оне все посыпалися,
Оне все повалилися
И все пошли борьбы́ смотреть,
Все пошли молодецкне.
- 110 Они долго сходнлися,
Долго сымалися,
Васька маленькой,
Потанька хроменькой,
На ножку справился,
- 115 За рубашку сграбился.
Был Кострюк на ногах —
Поставили на́ голову.
Его стыд-от взял,
Он стыд-от в горсть захватил,
- 120 .....
Под новые сени пошол,

Под те сени царские,
 Под те государевые.
 Под то крыльцо красное,
 125 Под то крыльцо царское,
 Под то государево.
 Как спроговорит Марья Темерюковна:
 «Уж ты ной еси, царь-государь Иван Васильевич,
 Зачем вам было рубашка снять,
 130 Да зачем нага спустить,
 Обесчестити,
 И под те сени спустить,
 Под те сени новые,
 Под те сени царские,
 135 Под те государевые?».

Как спроговорит царь-государь
 Иван Васильевич:
 «Уж ты ной еси, Марья Темерюковна!
 У нас в Москве так водитця,
 140 Кто с кем боретця,
 Обесчестить, под новы сени спустить,
 Под те сени новые,
 Под те сени царские,
 Под те государевые,
 145 Под то крыльцо красное,
 Под то крыльцо царское,
 Под то государево».

210

[ЖАЛОБА СОЛДАТ ПЕТРУ I
НА КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОГО]

Нам не дорого не злато — чисто серебро,
 А дорога наша любовь да молодецкая.
 Ой среди было Китаю славного города
 Тут стояла ведь палата белокаменна,
 5 Что возлюбленна крестова государева.
 Что у той же у палаты белокаменной,

У того же крыльца да у переднего,
Что не мурома трава в поли шатаецца,
Не лазуревы цветочки приклоняютца,
10 Еще бьют челом солдаты да самому царю:
«Уж ты хой еси, надежда православный царь.
Уж ты дай суд на князя Долгорукого.
Он съедает ведь собака наше жалованье,
Квартирно и мундирно, третье — амуничное».
15 Как спроговорот надежда православный царь
«Вы возьмите, вы судите вы своим судом,
Своим судом да рукопашкою,
Возьмите вы слегу долгомерную».

НАТАЛЬЯ АНТОНОВНА ЗАВЕРНИНА

В 1927 г. это неграмотная крестьянка-вдова 61 года д. Карпова Гора. Жила одна, выдав всех дочерей своих замуж. Из былин она знала только «Князь Михайло» и «Роман и Настасья», которым научилась от покойной «дедины» (жены дяди), Христины Федоровны Кокориной. Обе баллады пела на один и тот же напев, тем же напевом исполняла и духовные стихи: «Про Алексея», «Богородицын сон», «Михайло-архангел».

Напев отличался особой гибкостью, растяжимостью, благодаря чему в него легко укладывались самые прозаические фразы.

Текст былины «Князь Михайло» мы не печатаем, так как по своей композиции он вполне примыкает к одной из распространенных в Карпогорском районе редакций с эпизодом вылавливания неводом колоды с телом. Характерные же черты стиля Заверниной — ее склонность к простым крестьянским образам — более резко выявлены в балладе «Роман и Настасья». Баллады и стихи Н. А. Завернина пела, по ее словам, когда взгрустнется: *Какая дума тяжёла, так всё пою. Мужик мой пил, так я пела*.

РОМАН И НАСТАСЬЯ

Роман жонѹ убил да в цисто полѣ схоронил,
В цисто полѣ схоронил да бороной заборонил,
А Настасья Романовна: «Татонька, татонька, где же моя
мамонька?».

— «Настасья Романовна, твоя вить мамонька да ушла
в баенку».

л Настасья Романовна да пошла в баенку.

— «Татонька да татонька, нету моей мамоньки».

— «Настасья Романовна, ушла да твоя мамонька да на
поваренку,

И там она хмельно пиво да варѣт».

Пошла Настасья Романовна да на поваренку;

м И нету там да ейной мамоньки.

— «Татонька, татонька, нету там да моѣй мамоньки».

— «Настасья Романовна, ушла твоя-то вить мамонька ко
бѣжьей церкви богу молитьця».

И пошла наша Настасья Романовна ко бѣжьей церкви
мамоньку искати

(Вот забыла, кто встретился да сказал, что там нет еѣ
мамоньки).

— «Татонька, татонька, уж я цюла, что моя мамонька

н Что убита она да в цисто полѣ зарыта,

Ейна там могила да бороной-то заборонена».

— «Ты не плачь, не плачь, Настасья Романовна,

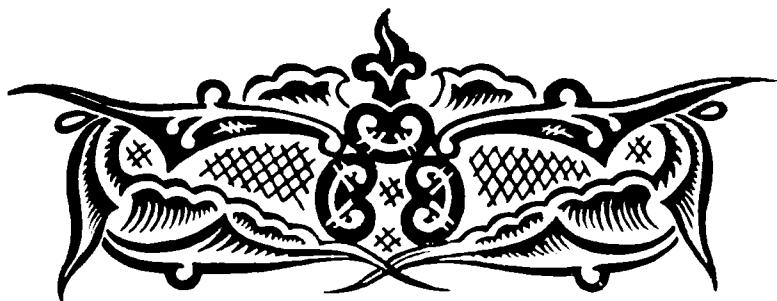
Сошью я тебе да шубу кунью».

— «Татонька, татонька, мне не надо шубы-то куньей —
20 Только надо бы мне мамонька да родимая».

Александр Прохорович Вехорев

АЛЕКСАНДР ПРОХОРОВИЧ ВЕХОРЕВ

Александр Прохорович Вехорев из д. Шотова Гора Карпогорского района в 1927 г. — высокий, черноволосый с проседью человек 59 лет, веселый и приветливый. Кроме крестьянского хозяйства, занимался сапожным ремеслом. При этом, во время работы, по словам жены и невестки, непрестанно пел. Когда мне удалось с помощью жены (он долго отнекивался) уговорить спеть «Кострюка», он сейчас же ушел в соседнюю комнату, где у него устроена мастерская, сел за работу — починку сапог и, работая, пел. Так, продолжая работу, спел еще песню про Петра I (Торжественный выезд Петра I) и рассказал про Алешу Поповича.

А. П. Вехорев — грамотный, причем выучился грамоте, уже будучи взрослым. Из книжки он и усвоил былинку об Алеше, оттуда же знал также сказки про Добрыню и других богатырей, «да отступился». Кострюка же перенял от бабушки, а песню о Петре I «от стариков». Знал также былины о Михайле и о Романе и Настасье и «шутовую» старину «Ловля филина», которую он «детей байкал». Из нее в 1927 г. он мог привести мне всего лишь несколько стихов.

Говорил, что раньше занимался сказыванием сказок: «Всю ночь просказывал». «Сказка-та, былина-та знакома была». Несколько сказок записаны от него И. В. Карнаухова и А. И. Никифоровым (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III). Любил почитывать сказки. Как раз незадолго до нашего приезда прочел о Еруслане Лазаревиче и о Бове.

Свой небольшой в области былин и исторической песни репертуар исполнял с большим художественным вкусом и увлечением.

ПРО АЛЁШУ ПОПОВИЧА

В городе Ростове жил поп соборной. У того попа родился, братцы, детище. Вот окрестили и назвали это детище Олёшенькой. И почувствовал Олёшенька в себе силушку великую, удаля непомерную, и проситця Олёшенька у матушки, у батюшки свет повидать и себя показать, силушку свою на дело уладить, богатырём быть, неприятеля бить, и красному солнышку князю Владимиру-свет и Светославлевику верой-правдой послужить. Поохали да и поахали поп с попадьею, да делать было нечего. Благословили Олёшеньку родимого, по белому свету пустили гулять. Поехал Олёшенька по белому свету гулять вместе с Екимом Ивановичем.

Едут из Ростова богатыри рядом и говорят складом, один другого не опережают, скачут стремя о стремя и плечо о плечо. И никого они в поле не наезживают, ни птицы перелётной, ни зверины лесной. Только они наехали на знаменье дорожное — велик камень. На том камне три надписи. Говорит Алёша: «Ну-ка, Еким Иванович, ты грамотей был, в церкви читал. Прочти-ка, что тут на камени надписано». Аким Иванович соскакивает со своего коня богатырского и читает то знаменье, а тут то было написано: «Перва дорога на Муром лежит, вторая на Чернигов-град, третья на стольно Киев-град». Вот туда-то Алёшенька и наметил: «Вот туда-то нам и надобно».

Поворотили богатыри ретивых коней и помчались в Киев-град. Едут ли близко ли далеко, низко ли высоко. Скоро сказка

сказывается, да нескоро дело делается. Подъехали богатыри на Сафат-реку. Остановились они на зелёных лугах. Тут-то раскинули белые шатры. Алёшенька поповский сын стал опочив держать. Аким-то Иванович, стреножимши ретивых коней зелёную траву щипать, сам пошёл в тот же шатёр опочив держать.

Прошла ноченька, раным рано и проснулся Алёшенька ото сна. Ото сна он пробуждается, утренней росой умываетца, белою шинкой утираетца, да на восток Алёша богу моли́тца. Аким-то, братцы, сын Иванович сходил в чисто поле по добрых коней, сводил попить на Сафат-реку. Приказал ему Алёшенька скоро седлать добрых коней. Собираютца богатыри и снаряжаютца ехать ко граду ко Киеву, ко стольному князю Владимиру ко свету Святославичу. Да немного они позамешкались да позамешкались. И потому, откуда ни возьмись, подошёл к ним калика переходный. Лопотки-то у калики семи шелков, подковырены чистым серебром, личино у них унизано красным золотом. Шуба на нём соболиная, долгополая. Шапо́лька на нём сорочинская в тридцать пуд, шелапуга подорожная в пятьдесят пуд. *(Вот какие, братцы, раньше хаживали, да какие тяготы раньше нашивали!)*. Подошёл это калика переходный к Алёшу Поповичу с Акимом Ивановичем да и говорит: — «Здраствуйте, храбрые богатыри, добрые молодцы, куда вы путь держите и чем промышлять изволите?». Говорит Алёша: «Едем служить красному солнышку, стольному князю Владимиру-свету Светославичу». — «Жаль», — говорит калика, — «ехать вы приедите, а приехать нужно к князя Владимиру с подарочком». — «С каким это?» — спрашивает Алёша.

Начал калика: «А вот с каким. Я заметил в чистом поле, во широком раздолье богатыря Неодолище. В вышину-то Неодолище три сажени, в ширину-то между плеч косая сажень. Промеж глаз калёная стрела уложитца. И конь под ним словно чудище, словно лютый зверь. Из хайла его плымя пышет, из ноздрей искры, из ушей дым валит. Вот вам, молодцам, одолять этого богатыря Неодолище и снять с его могучих плеч голову, что пивной котел».

Тогда Алёша поповский сын соскакивает со своего коня богатырского, подбегает к калике, обнимает, благодарит за

совет и весточку. И просит у калики его платье цвѣтное на час времени. На это калика согласен был, дал ему свои лапѣтки семи шелков, и дал свою шубу соболиную, и дал ему свою шапоцьку сорочинскую в тридцать пуд, и шелапугу подорожную в пятьдесят пуд. Алѣша с каликой платьем меняетця, в каличьѣ платье нарежаетця, а кинжалище булатное кладѣт за пазушку и отправляетця за Сафѣт-рекѣ. Издали увидел Неодолище Алѣшу Поповича, завопил он зычным голосом, засвистал он соловьиным пѣсвистом. Так и дрогнула мать сыра-земля: «Уж ты хой еси, калика перехожий! Не видал ли ты и не слышал ли ты, кто такой там есть, не Алѣша ли поповский сын? Хотелось бы мне с ним переведаться. Ох я бы его конѣм стоптал, копѣѣм забодал, огнѣм спалил и мечом зарубил!».

Алѣша в каличьѣм платьѣ с ноги на ногу переминаетцѣ да глухим притворяетця. И кричит Неодолищу: «Уж ты хой еси, могучий бохатырь Неодолище! Я каличище бездомное и бесталанное. Глух я от старости. Подвезжай ко мне поближе и наклонись к уху пониже, да и ховори — я и расслушаю, о чѣм речь ведѣшь и о чѣм спрашиваешь».

Подъѣхал Неодолище к Алѣше Поповичу и говорит то же самое Алѣше на ухо. Алѣша-то поповский сын хлеснул пятидесятипудовой палицей, шелапугой подорожной, по буйной головѣ Неодолища и расшиб ему буйну голову. Упал Неодолище с богатырского коня на сырую землю, на зелѣный луг. Тут-то Алѣшенька и управился. Скочил Алѣша к Неодолищу на чѣрную грудь. Взмолился побитый бохатырь Неодолище: «Уж ты хой еси, калика перехожий, слышу по силушке и вижу по рѣчушке — рѣка не каличьѣ, а удар бохатырский. Уж не ты ли Алѣшенька поповский сын?». — «Я ли, не я ли, а тебе теперѣ до этого нѣчего касатьця, спрашивать, выпытывать». Выхватил кинжалище булатное и отрезал Неодолищу буйну голову. Снял его платье цвѣтное, надел на себя, голову прикрепил к торокам и сел на его коня богатырскою и поехал к своим спутникам, Акиму Ивановичу и калике перехожей.

Вот тут-то и приключилось с Алѣшей горе немалое, да и неладное. Они не признали и поехали от него на уход, думали, что гонитця за ними Неодолище. Сгоревался Алѣшенька и по-

гнался за спутниками и показывал калике его платье цвѣтное. Аким-то Иванович взмахнул своей палицей в тридцать пуд наотмашь, и прилетела палица Алѣши Поповичу в белую грудь. Не усидел Алѣшенька в седѣлышке черкасском и вылетел мой голубчик на сырую землю бездыханен. Аким-то Иванович соскочил со своего коня богатырского на сырую землю и сел Алѣше на белую грудь. И хочет ему пороть груди белые богатырские. Да на груди увидел чуден светел крест и заплакал. Говорит калике: «Уж ты хой еси, калика перехожий! По грехам моим и бох попустил, съто убил я своего брата названохо. Не mine бы Акиму на него руку поднимать да не mine бы Акиму с ним брѣтатѣця».

Взяли они, подняли Алѣшу, стали качать и раскачивать. Ничего-то от этого не случилось. Тогда калика перехожий снимает сумочку безответницу с могучя плечя и вынимает оттуда склянницу с зельем заморским. И влили Алѣше Поповичу в горло. От этого зелья Алѣшенька здрав стал и на ноги стал.

Вот они тут стали с каликой платьем меняться. Алѣша возвратил платье каличье, а сам получил от него богатырьско. Аким-то Иванович просил за оплошность не сердитьця. И сели все на добрых коней и поехали в стольный Киев-град.

И приехали они не спрашаючи и не сказаючи. Алѣша-то поповский сын привязывает своего коня богатырского к столбу дубовому, к колечку золочѣному, Аким Иванович к тому же столбу дубовому, к кольцу серебрянному. И входя они в гридню светлую. Крест-от кладут по писаному, поклон ведут по учѣному на все четыре стороны. Привет отдают князю Владимиру со княгинею и всем почѣтным гостям. В это время у князя Владимира был почѣстен пир, пированьице да столованьице. На том пиру было много бояр-князей, много могучих богатырѣй; говорит Алѣша поповский сын: «Уж ты, батюшка ласковыи Владимир князь. Уж надоть ли мы вам, и спрашиваешь ли нас?». — «Как вы mine не надобны! Везде я вас ищу и везде спрашиваю. И по приезду я вас жалую по добру коню не простому, по латынскому, по богатырскому. И скажитесь вы, добрые молодцы: из какохо вы города и какохо вы отца и мать сыновья?».

говорит Алёша: «Меня Алёшей Поповичем звать. Я из города Ростова сын попа соборно́го». Тут-то князь Владимир возрадовался: — «Уж ты хой еси, Алёшинька поповский сын! Садись ты по имени в большое место, по отчеству в передний уго́л, во второе место — в дубову́ скамью на богатырскую, и в третье место — куда хочешь, туда и садись».

Не сажался Алёшенька в большое место в передний уго́л, не сажался в дубову́ скамью богатырскую, а сел он со своим названным братом Акимом Ивановичем на палатный брус (*вот как у нас — палаты наверху*). Немного они позамешкались, глядь-поглядь — несут на доске красна золота двенадцать богатырей богатыря Ту́хари́на Змеёвича (*подожди, подумаю, как поскладнее, бывает давно не сказывал*). Сажают его за столы дубовые, за скатерти браные, в большо́е место в передний уго́л, рядом с княгиней Апраксеей. Повара были догадливы. Вносят в гридню ествá сахáрныи и пítья медвяныи. Ту́хари́н-то Змеёвич честно хлеба не ест — по целой ковриге за щеку кладёт. И честно пítья не пьёт — по целой чашке охлащивает, которая чашка в полтретья ведра. Сидят богатыри на палатном брусѹ. Говорит Алёша: «Ласков же ты, князь Владимир, до обжорлихих. И любишь же ты угощать болванов неотёсанных. Не таков мой батюшка до них был. У моего-то батюшка Феодора была собакища старая, и насилиу та собака по постолью таскалась, хвоста не поднимала, да однажды костью подавилась. Мой батюшка не взлюбил собаки, за хвост схватил да в ров стащил».

Ту́хари́н-то Змеёвич потемнел как тёмная ночь тѣмен. Алёша поповский сын светел, как светел ясен месяц. Повары были догадливы. Видя гнев Ту́харина Змеёвича, вносят в гридню ествá сахáрныи, пítья медвяныи. И приносят лебѣдушку белую, уставляють среди столá против Ту́харина Змеёвича и княгини Авпраксеи. Стала кнегиня белую лебѣдушку рушати, рушаючи ручушку порезала. Обернула рукавыцѣм и опустила под стол да и говорит: «Уж вы хой еси, бояре ле сѣнные, мне ли рушить лебѣдушку белую, мне ли смотреть на Ту́харина Змеёвича?».

После этого лебедь была не пѣчата. Ту́харин-то Змеёвич лебѣдушку белую схватил да и разом сглотил и закусил ковригой

монастырьской. Сидят богатыри на палатном брису. Алёша-то поповский сын встряхнул своими русыми кудрями и всплеснул руками да и говорит: «Ласков же ты, князь Владимир, до обжорлихих, любишь же угощать болванов неотёсанных. Не таков мой батюшка до них был. У моего-то батюшка, у государя Феодора, была коровища старая, и та корова насилу по двору таскалась, хвоста не поднимала. Да однажды забралась к поварам на поварню и выпила чан браги пресной, от того-то её шальную рёзорвало. Мой батюшка не возлюбил коровищу, за хвост схватил и в ров сташил. Так же я со всякой обжорой поступать буду, так же от меня Тухарину будет». Тухарин-то Змеёвич потемнел, как тёмная ночь тёмен, выхватил кинжалище булатное и кинул в Алёшу Поповича, да спасибо не попал, а потому-то Алёшенька вёрток был, увернулся от удара. Аким-то Иванович хваток был — подхватил кинжалище булатное на лету и говорит Алёше: «Уж ты хой еси, Алёшенька поповский сын, уж кому прикажешь кинжал кидать. Сам ли будешь или мне велишь?». Говорит Алёша: «Не сам не буду, ни тебе не велю. А завтра я с ним переvedаюсь. Побьюсь я с ним о велик заклад не о сто рублей, не о тысяче, а о его буйной головушке».

Тухарин Змеёвич потемнел, как тёмная ночь тёмен и вылетел вихрем из гридни светлой. Алёша поповский сын вслед за ним с Акимом Ивановичем вышли, сели на своих добрых коней и поехали в дуброву до заповедные луга опочив держать. Раскинули бёлые шатры. Аким Иванович стал опочив держать. Алёшеньку поповскому сыну не спитця да другу милому не дремлетця. Он просит господа бога одолеть врага Тухарина Змеёвича. Как заря началась, оседлали богатыри добрых коней и поехали в дуброву и заповедные луга встречу Тухарину Змеёвичу. Как завидел Тухарин Змеёвич Алёшу Поповича, как рыкнул громким голосом. Только дрогнула мать сыра земля, закачалась ковыль-трава, застонала степь, задрожал бурьян и закачался Алёшенька поповский сын. Говорит Тухарин Змеёвич: «Уж ты хой еси, Алёша поповский сын. Не тебе носить меч кладенец, не тебе со мной брататься. Я ведь тебя конём стопчу, я тебя огнём спалю и мечом зарублю. Скажи скорей, какой смерти предать?».

Говорит Алёша: «Стало быть, ты меня боишься, — за тобой войско идёт, что и сметы нет. У нас такою уговора не было, и прежде богатыри этого не делали». Обернулся тут Тугарин Змеёвич посмотреть, про какое войско Алёша судит. Алёша поповский сын вмиг подскочил и разом срубил голову. Тугарина Змеёвича туловище пало на землю. Говорит Алёша: «Так тебе, собаке, и надобно!». Проколол уши, продел чебурах и голову прицепил к торокам. Поехали в стольный Киев-град. Вот тут-то Алёше и пир пошел. Вот он стал служить вместе с богатырями Ильёй Муромцем и Добрыней Микитичем. Илья Муромец был казацким атаманом, а Алёша казацким есаулом. *(Вот тут-то уж еще много есть, как Алёша Добрыни жену брал, да не распутать боле. Еще раньше сестру выручил).*

Раз с Ильёй поехали в дуброву в заповедные луга на охоту. И там не случилось ни малой птички, не белая гусь, ни серой утицы. Едет Алёшенька по чистой поляне. Там стоит креновистый дуб. На дубу сидит ворон. С ножки на ножку ворон переступывает, с крылышка на крылышко ворон перемахивает. Алёша поповский сын накладывал стрелу на тугой лук, на тетивочку на шелковую. Говорит ворон человеческим голосом *(это врёт — не говорит ворон)*: «Уж ты жой еси, Алёшенька поповский сын! Не утешить тебе сердце моею смертью. А поезжай-ка ты в степь саратовску, ко тому кусту ко ракитову, ко тому камню бел-горючему. Там сидит два злых татарина. Положили они красную девушку. Хотят они отдать татарину дородному, у которого меж плечами косая сажень, тот-то татарин им всем голова». Поехал Алёша в степь саратовску. Одного татарина конём стоптал, другого татарина мечом зарубил, взял красную девушку.¹ Сам сел на своего доброго коня и поехали. И спрашивает на пути у красной девицы: «Сказывайся ты, красная девица, чьего ты роду-племени, царского или боярского, княжеского или купеческого или последнего рода крестьянского?».

Говорит ему на пути-дороге красная девица: «Не царского я роду-племени, не боярского, не княжеского и не купеческого

---

¹ Тут так начал продолжать: «Спасибо тебе, батюшка добрый *повь*» (ох, и не ладно!) — и перервал.

и не последнего рода крестьянского. А я дочь Феодора, попа ростовского».

Когда Алёша поповский сын услышал эти слова, скочил с добра коня, припал к правой ноге: «Спасибо тебе, батюшка добрый конь. Принёс ты меня в степь саратовску. Думал я себе достать себе обручницу, обручницу да подвенечницу, а достал себе родную сестру».

И поехали они в Ростов к отцу Феодору.

(Дальше о женитьбе на Добрыниной жене).

213

КОСТРЮК

- Годы те были прежние,
Времена были досельные,
Как при нашем-то свете царе,
При царе при Иване Васильевце,
5 Он уж думал жениться
Во земли во неверное,
Во земли во черкаское,
Да на Марьи Темрюковны.
У ей было провожатым
10 Полтораста юлановей,
Двести татаровей,
Полтретьяста черьква-сыновей.¹
Они все на пиру сидят, пьют и едят.
Один больший шурин царев,
15 Кострюк-Темрюк Темрюкович,
Он уж хлеба-то с солью не ест,
Пива с мёдом не пьёт,
Зеленá вина в рот не берёт,
Есвы не кушает,
20 Не лихо ли думает
На нашего света царя,

---

¹ Вместо «черкассовей» (черкесов).

- На царя на Ивана Васильевича?
А втапору стольный царев,
Микита Романовицъ,
25 Он скоро допрашивал
Большого шурина
Кострюка-Темрюка Темерюка Темерюковича:
«Что же ты хой еси, большой шурина царев Кострюк,
Кострюк-Темрюк Темерюк Темерюковицъ,
30 Что же ты хлеба с солью не ешь?
Пива с мёдом не пьёшь,
Зеленá винá в рот не берёшь,
Не ешь и не кушаешь?
Не лихо ли думаешь
- 35 На нашего света царя,
На царя на Ивана Васильевича?».
Как спроговори́л бо́льший шурина царев
Кострюк-Темерюк Темерюкович:
«Уж я хлеба-то с солью не ем,
40 Пиво не с мёдом не пью,
Зеленá вина в рот не беру,
Ёсва не кушаю,
Лиха не думаю
На вашего света царя,
- 45 На царя на Ивана Васильевича,
Уж я столько я думаю:
Я тридцетъ городов перешол,
Тридцетъ борцёв поборол,
Не мог я силки изведати.
- 50 Ах есь ли у вас в каменнóй Москвы,
На царском на дворе
Таковы борци
С Кострюком поборотися,
С Темрюком поотведатьця,
55 Да не можно ли силкой изведати?».
Втапорá стольник царев
Микита Романовицъ
Он вышел на те сени новые,

- На те сени царские,
 60 На те государевые.
 Да на то крыльцо красной,
 На то крыльцо царской,
 На то государевой.
 Он вскричал во всю свою буйную голову,
 65 Чтобы слышно было по всей каменной Москве,
 Из нижнего конца ды до верхнего дворца.
 Там жили дети Ондреевы,
 Ондreja-то Пауженина,
 Васька маленькой,
 70 Потанька хроменькой
 О костыль подтираетца,
 Ко дворцу подбираетца.
 Ах втапору стольник царев
 Микита Романовичъ
 75 Наливает он цышку зелену вина,
 Не велика цышка — полтора ведра,
 Подавает Потаньке идиной рукой,
 Принимает Потанька идиной рукой,
 Выпивает Потанька на идиной дух:
 80 «Ах дайте мне теперь борца на руку!».
 А втапору стольник царев,
 Микита Романовичъ,
 Он скоро докладывал
 Большему шурину
 85 Кострюку-Темрюку Темрюку Темрюковичю:
 «Уж ты хой еси, большой шурин царев,
 Кострюк-Темрюк Темрюковичъ!
 У нас хлеб на столе
 И борцы на дворе».
 90 Тот как стал да скочил через нов стол,
 Через есва сахарные, через скамейку дубовую.
 Он задел ногой правой,
 Подломил полтораэта юлановой,
 Двести татаровой,
 95 Полтретьяста черква-сыновей.

Они все повалилися,
 Они все посыпалися,
 Они все пошли борьбы смотреть,
 Все пошли молодецкое.
 100 Они долго сходилися,
 Они плотно сымалися,
 Потанька-то хроменькой,
 Он на ножку справился,
 За рубашку сграбился,
 105 Был Кострюк на ногах,
 Поставили на голову.
 Тот как стыд-от в горсть захватил,
 . . . . .
 Да под новые сени побежал,
 110 Под те сени новые,
 Под те сени царские,
 Под те государевые,
 Под то крыльцо новоё,
 Под то крыльцо царскоё,
 115 Под то государевоё.
 Как спроговорот Марья Темрюковна:
 «Уж ты хой еси, царь-государь,
 Царь Иван Васильевиц!
 На что было рубашка снять,
 120 Да на что было нага спустить,
 Да на что обесчестити?».
 Как спроговорот светлый царь
 Царь Иван Васильевиц:
 «У меня в Москве так водитця,
 125 Кто с кем боритце».

СЕРЕДИ БЫЛО ЦАРСТВА МОСКОВСКОГО

Среди было царствá Московского,
 Что среди государства Российскаго,¹

¹ Начиная со второго стиха, каждый стих повторяется.

Середина Москвы в Крѣмле-городи,
Ещё удеялося да учинилосе

5 У того у дворца, у государева.

У того у крыльца у прекрасного,
Что то не грозная туця подымайтце,

Что то не синее облако выкатаетце,

Что не светёл мѣсѣц выкатаетця,

10 Как то не ясное солнцѣ выкаталосе,

Выходил ведь наш надежда православной царь,

То ведь бывший царь Пётр Олексеевич.

Он садился государь в карету зóлотую,

Покатился государь наш ко божьей церкви,

15 Ко божьей церкви ко соборной,

Ко соборное ко Благовещенью.

Становился государь на место царское,

Он служил-то государь божьи службѣ да молѣбены.

Покатился государь наш от божьей церкви,

20 От божьей церкви от соборной.

Впереди царя несут знамѣньѣ царское,

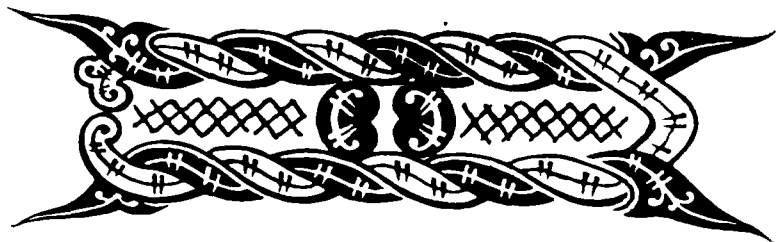
Позади-то несут мисѹ серѣбрѣную,

Что на мисы той золотых много,

Еще больше того всё серѣбрѣных.

25 — «Вы берите, ребята, сколько надоть вам!».

АЛЕКСАНДРА НИКИТИШНА ВЕХОРЕВА

Александра Никитишна Вехорева в 1927 г. — крестьянка 55 лет
д. Шотова Гора Карпогорского района.

Раньше Вехорева была хорошей песенницей. От прежнего знания
остались в памяти, по ее выражению, только «пластинки», т. е. отрывки

НЕБЫЛИЦА

- Старину́ скажу́ да старопрежнюю,
Старопрежнюю да стародавнюю,
Старика свижу да со старухою.
Я скажу, скажу да побывальщину,
5 Побывальщину да небывальщину.
По синю́ морю́ да жернова несё,
А по цисту́ полю да всё корабль бежит,
По поднёбесью да всё медведь летит.
На ели корова да белку злаела,
10 Белку лаела да ноги ширила.
В осеку свинья да всё гнездо свила́,
Всё гнездо свила да детёй вывела.
Сын на матери всё снопы возил,
Всё снопы возил да все коно́плени.
15 Родна матенка да в кореню́ была́,
А молода жена да пристежной была.
Родну матенку да попоню́гивал,
Попоню́гивал да сам подсте́гивал,
Молоду жону да призадрживал,
20 Призадрживал да сам подтпрукивал:
«Ну, пойдн, да родна матенка,
Тпру, постой, да молода жона».
(Прпев: «Ай-люли-люли». Кто и не прпевал).

ГАЛАКТИОН СЕМЕНОВИЧ ОБРОСОВ

Галактион Семенович Обросов в 1927 г. — 73-летний слепой крестьянин д. Шотова Гора, околка Чернильницы Карпогорского района. Болезненный и чрезвычайно нервный. Он так сильно волновался перед фонографом, что так и не удалось записать напев его былины об Илье Муромце и станичниках. Пел же он былинку очень хорошо, приятным голосом и на напев, совершенно другой, чем И. А. Ломтев.

Былинку усвоил от дедушки своего Афанасия Андреевича Обросова, который умер, когда Г. С. было еще 10 лет, и от других стариков: «В концы старики собирались, пиво варят да поют, вот от них да от дедушки и научился». (Перед местными праздниками деревня разбивалась на несколько «концов», жители которых вскладчину варили пиво). По словам исполнителя, былины всегда назывались в их районе «старинами». Отец Обросова былину уже не пел.

Г. С. Обросов помнил, по собственному признанию, еще былинку о Соловье-разбойнике, но так и не удалось уговорить его спеть. Будучи грамотным, он читал в прежние времена в книжке про Алешу Поповича и про Добрыню прозой, и в его восприятии эта побывальщина объединилась с лубочными повестями и сказками: «Добрыня Никитич, Бова королевич да Еруслан Лазаревич — сказки такие есть долгие, их не сказать, по книжке читывал».

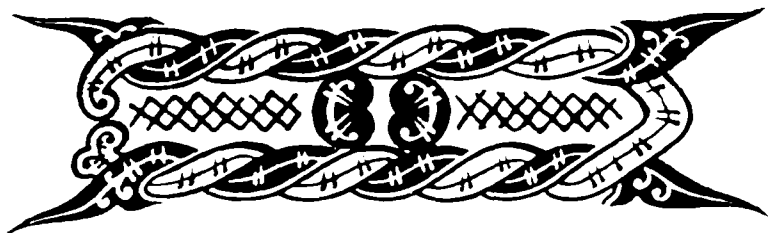
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИЧНИКИ

- Среди было царства Московского,
Среди государства Российского,
Не грозная туча подымалася,
Не синее облако выкаталося.
- 5 Из-за славного города Мурома,
Из села было Карачарова,
Пролежала там дорога широкая,
То широкая дорога, глубокая,
Три косые сажени печатные.
- 10 По той по дороге широкой
Нехто не прохаживал, не проезживал,
Тут ехал-проехал стар матёр человек,
Стар матёр человек Илья Муромець,
Илья Муромець, сын Иванович.
- 15 Он наехал на стадо станичничков,
Их не много, не мало — семьсот человек,
Они стали ведь старого грабити,
Они стали старого пошевеливати.
Как спроговорил стар матёр человек
- 20 Илья Муромець, сын Иванович:
«Уж вы хой еси, млáдые юноши!
Меня ведь старого бить вам нѣ за што,
У меня ведь у старого грабить вам нечего,
На мне на старом шляпа петьдесят пудов,

- 25 Подо мной ведь конь — другá петьдесят,
Во руках копѣе — третья́ петьдесят.
На мине на ста́ром одна́ кунья́ шубá,
То на эфтой на шубочке тридцать три пуговики,
Перва пуговка стоит сто рублей,
30 Вторá пуговка стоит тысичу,
Третья пуговка-то и счёту нет.
Хоть и счёту нет — подарить можно́,
Не вдовушке, не молодушке, а красной девушке.
Купил я коня однолёточка,
35 Уж я дал за коня пятьдесят рублей,
Не возьму за коня целой тысени.

Вот он всех и приклат, семьсот человек один, разбойников
этих. Не столько сам топчет, сколько конь бьёт.

ЕКАТЕРИНА МАТВЕЕВНА ЧУРКИНА

Екатерина Матвеевна Чуркина, которой в 1927 г. было 88 лет, крестьянка д. Марьино Гора Карпогорского района — дочь известного в свое время сказителя Карповой Горы Матвея Андреевича Ломтева и родная сестра Ивана Матвеевича Ломтева (см. заметку об Иване Александровиче Ломтеве, стр. 584). Жила она в большой семье своего сына. Несмотря на свои годы, работала, прядла на семью и на заказ для других. Еще в 1926 г. жала. Была неграмотна.

В ее репертуаре видное место занимают так называемые скоморошьи старины: «Кострюк», «Ловля филина», «Таракан», которые она исполняла скороговоркой, с большим увлечением, искусно выделяя особо комические места, причем весело хохотала сама. Ее большой юмористический дар в передаче скоморошин особенно бросался в глаза при сопоставлении с характером исполнения ее племянника, Ивана Александровича Ломтева, — преемника того же эпического наследия. Интонационная манера сказывать «Кострюка» у них совершенно одна и та же, но у И. А. интонации сглаженные, скороговорка нивелирует весь тон повествования. Екатерина Матвеевна той же скороговорочной интонацией искусно выделяла, подчеркивала, живописала. Характерно, что раньше, по словам односельчан Чуркиной, «она с крюком ходила шутя на праздниках», т. е. в шутку имитировала своеобразную комическую интермедию в обряде пинежской свадьбы — выход с крюком (о нем см. П. Е ф и м е н к о. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. М., 1877).

Кроме перечисленных произведений, Чуркина знала и пела еще былинку про Михайлу (см. № 219) и стих об Алексее (Рукоп. хранил. Сектора фолькл. ИРЛИ, колл. III).

Все тексты Е. М. Чуркиной отличаются большой полнотой и композиционной стройностью. Свой репертуар она еще в 1927 г. исполняла

в родной семье для ребят и на посиделках, когда девушки и женщины собирались для придания. Сказок не рассказывала

В обращении это была веселая и словоохотливая старуха, с чем совершенно не гармонировал ее внешний вид: совсем высохшая, костлявая, очень высокая. Она была всегда готова петь и рассказывать. Свой репертуар она мне сообщила охотно, несмотря на то, что чувствовала себя в день записи нездоровой.

Записывала я от нее сразу с голоса, иногда останавливая и переспрашивая. Записывать было чрезвычайно трудно, так как Чуркина уже не все выговаривала внятно. Кроме того, она была почти совсем глухая, и когда ее прерывали, она забывала, на чем остановилась, и начинала путать. Но так как она была очень чутка к ритму, то по мере сказывания привыкла делать по моему знаку некоторые остановки.

В семье у Екатерины Матвеевны кое-что переняли ее внуки — взрослая болезненная девушка лет 23, мальчик Андрей 14 лет, усвоившие отдельные отрывки, и, главное, 12-летний Паша (Павел Федорович). Живой способный мальчик, по словам учителя первый его ученик, он в 1927 г. знал уже и «Кострюка», и «Ловлю филина», и «Таракана», правда еще не совершенно твердо. От бабушки он перенял и манеру исполнения.

Е. М. Чуркина принадлежит к тем сказителям, которые выделяются не творческим переосвоением усвоенного текста (варианты ее, наоборот, с точностью передают тексты учителей), а высоким артистизмом исполнения.

КОСТРЮК

- Годы-то были прежние,
Времена-то были досельные,
Как при нашем при свете цари
При Иване Васильевиче,
5 Да он сдумал жениться
Да во земле во неверные,
На Марьи Темрюковне.
У ней много было провожатых-то,
Дваста татаровей,
10 Полтораста улановей,
Полтретьяста церква-сыновей.
Они все сидят у царя на пиру,
Они все пьют и едят,
Они пиво-то с мёдом пьют,
15 Они хлеб с солью едят,
Они яства кушают,
Они лиха не думают
Да на нашего света царя,
На Ивана Васильевича.
20 Един бóльший шурин царев
Кострюк-Темрюк Темрюкович
Он пиво-то с мёдом не пьёт,
Хлеба-то с солью не ест,
Все таки ествá не кушает,

- 25 Зелена́ вина в рот не берёт,
Он не лихо ли думает
Да на нашего света царя
На Ивана Васильевича?
Втапору́ стольник царев
- 30 Да Микита Романович,
Да он скоро доправился
Да и бо́льшого шурина
Кострюка-Темрюка Темерюковича:
«Уж ты ой еси, бо́льший шу́рин царев,
- 35 Кострюк-Темрюк Темерюкович,
Уж ты щё же пива не с мёдом не пьёш,
Хлеба-то с солью не еш,
Зелена́ вина в рот не берёш,
Таки яства не кушаеш,
- 40 Не лихо ли думаеш?».
Как спрогóворит шу́рин царев,
Кострюк-Темрюк Темерюкович:
«Уж ты ой еси, стольник царев
Никита Романович,
- 45 Хош я пиво с мёдом не пью,
Хлеба с солью не ем,
Зелена́ вина́ в рот не беру,
Яства не кушаю,
Но лихо не думаю.
- 50 Ещё столько я думаю:
Тридцать городов перешол,
И тридцать борцёв поборол,
Не мог силушки отведать,
Не мог молодецкой.
- 55 Есть ли у вас в каменнóй Москвы
Таковы борци,
С Кострюком поборотися,
С Темрюком поотведати,
Да и силки отведати?».
60 Втапору́ стольник царев,
Да Никита Романович,

Да выходил он на те сени новые,
 Да на те сени царские,
 Да на те государевы.
 65 Да на то крыльцо красное,
 Да на то крыльцо царское,
 Да на то государевое.
 Он вскричал как во всю буйную голову,
 Чтобы чуть по всей каменной Москве
 70 Из нижнего конца,
 Из крайнего дворца,
 Чтобы было два борца.
 Были дети Ондреевы,
 Ондreja Паужанина,
 75 Васька маленькой,
 Потанюшко хроменькой
 О костыль подпираетца,
 Ко дворцу подбираетца.
 Втапору стольник царев
 80 Никита Романович
 Наливает он цюшу зеленá вина,
 Не велика не малá —
 Цюша в полтора ведра.
 Подавает Ваське маленькому,
 85 Принимает Васютка единой рукой
 И пьет за единый дух:
 «Ну дайте мне ноньче борцов на руку!».
 Втапору стольник царев
 Да Никита Романович:
 90 «Уж ты ой еси, бóльший шурина царёв
 Кострюк-Темрюк Темерюкович!
 У нас у царя хлеб на столе
 И борца на дворе».
 Он как стал Кострюк-Темрюк Темерюкович,
 95 Скочил через золот стол,
 Через яства сахарные,
 Через скамейки дубовые,
 Да он многу бояр подломил,

- Дваста татаровей,
 100 Полтораста улановей,
 Полтретьяста цѣрква-сыновей.
 Они все как посыпались,
 Они все повалилися,
 Они все пошли борбѣ смотреть.
 105 Они все пошли молодецкие.
 Они долго сходилися,
 Они долго сымалися.
 Васька ма́ленько́й
 Да Потанька хрѣменько́й.
 110 На ножку справился,
 За рубашку сграбился,
 Был Кострюк на ногах,
 Поставили на́ голову.
 Его стыд-от взял,
 115 Он стыд-от в горсть захватил,
 . . . . .
 Под новые сени пошел,
 Под те́ сени новые,
 Под те́ сени царские,
 120 Под те сени государевыѣ.
 Под то крыльцо новое,
 Под то крыльцо царское,
 Под то государевоѣ.
 Как спрогѣворила Марья Темерюковна:
 125 «Уж ты ой еси, царь-осударь!
 Да на что было рубашка снять,
 Да на что было нага спускать,
 Рубашка снять да обесчестити.
 И под те сени спустить
 130 И под те сени новые,
 И под те сени царские,
 Под те государевыѣ».
 Как спрогѣворит царь Иван Васильевич:
 «Уж ты ой оси, Марья Темерюковна,
 135 В Москвы так водитця,

Кто с кем боретця,
Обесчестить под новы сени спустить,
Под те сени новые,
Под те сени царские,
140 Под те государевыё,
Под то крыльцо новое,
Под то крыльцо царское,
Под то государевоё».

218

[КАК ФИЛИНА ЛОВИЛИ]

Прикажи, сударь хозяин,
Прикажи же, господин,
Из-за лавки стать,
Поскакать, поплясать,
5 Да прошиньце сказать
Про Ловрентья старика,
Про Ефрема мужыка.
Да Борисович Иван
Поутру ранó вставал,
10 Утру свету дожидал,
Он зоры не просыпал,
Он к суседу побежал,
Ко суседу ко Петру
Ко Тарасовичу.
15 Колотился под окном
Он толстым кулаком,
Всё о шёстонько:
«Разбудися, мой сусед,
Да Тарасович Пётр!
20 Ещё щё у нас такó
Что удеялося,
Учинилося?
Там за Дедковой за пожней.
За сосновым наволочком,

25 За Кырой за рекой
 Да там кошкою кунярка
 С собакой горьчит,
 Пищит, верещит,
 Спредиковывает.
 30 Там прежыто живут,
 Две скотины бьют».

Петрушка-то встаёт,
 Умываетця,
 Оболакаетця,
 35 Богу молитця.
 Он молитву творил
 Всё исусову.
 Собиралися ребята
 Во единую избу,
 40 Они садились вдрух
 По скамейкам в крух,
 Они думали, гадали,
 Советовали.
 Да Клементий Клим
 45 Не советлив был,
 Да он по полу ходил,
 Не по их речь говорил.
 Они били да бранили,
 Взяли прочь да прогнали.
 50 Как пошли наши ребята
 Хилина ловить.
 Петрушка ходит — слуша,
 Не хилин ли сидит,
 А Матюша ходит — тюкает,
 55 Хочет сосну валить,
 А Чика ходит — чиркае,
 Хочит хилина стрелить.
 Стрелили хилина
 Из большого изо ружья,
 60 Из оленного.
 Попало хилину

- По задѹ да по перѹ
Хилин стрепетался,
Чика . . . . .
- 65 Хилин выше поднялся
На сосну на сушину,
На самую вершину,
Под ним сук не погодился,
Хилин на землю свалился.
- 70 — «Уж мы как будем, ребята,
Хилина делить?»
— «Да Петруше полтуши,
Матюше серы уши,
Харлану — ноги драны,
- 75 Борису ноги лисы».
Пришѡл Лѹчка,
Взял за крѣьлко,
Бросил ѡ землю.
«Уж вы, глупые ребята,
- 80 Неразумны старики,
Вам на шѣ его делить,
Как нельзя его варить?
Мы повесим хилиночка
Ко Чикину гумѣшку,
- 85 На проезжу на дорожку.
Кто не прѡйде, не проѣде,
Всяк про хилина вспомяне:
„Как теперя хилиночку
Не по сосенкам летать,
- 90 Как не нас же пугать“».

ПРО МИХАЙЛУ

Поехал князь Михайло
На грознѹ службѹ велику.
Его конь подо ним подопнулся,

- Пухова шляпа сваилась,
5 Востра́ сабля сломила́сь.
— «Видно, в доме несчастливо:
Родна маменька немо́жет,
Кнегина Катерина».
Его маменька родима
10 Она слух́ всех притомила,
Она ко́ней всех замори́ла,
Парну баёнку топи́ла,
А лисье-угольё нажигала,
Лисье-угольё горя́чѣ,
15 Да звала она кнегину
Да кнегину Катерину
В парну баенку помы́тьця.
Она кла́ла на утробу
Лисье́-уголье горя́чѣ,
20 Выжигала из утробы
Малобезымянного младеня,
Она кла́ла Катерину
В белоду́бову колоду,
Наводила на колоду
25 Трое обручей железных,
Отвозила она колоду
Во синё морё Хвалы́нско.
Да приехал князь Михайло
Со грозно́й службы́ великой:
30 «Уж ты маменька родима,
Ещё́ где моя кнегина,
Да кнегина Катерина?»
— «Как твоя-то Катерина
Да кнегина Катерина
35 Да во горнице во новой,
Ой да во светлой во светлице».
Ой да бросилса князь Михайло
Во горницу во нову,
Во светлую светлицу —
40 Не нашол своей кнегины

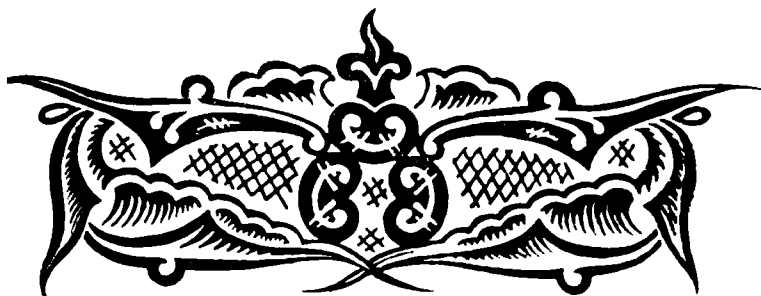
- Да кнегины Катерины.
— «Уж ты маменька родима,
Ещё где моя кнегина,
Да кнегина Катерина?».
- 46 — «Как твоя-то ведь кнегина
Да кнегина Катерина
Да во погребах глубоких».
Да бросался князь Михайло
Да во погребы глубоки,
- 50 Не нашол своей кнегины,
Да кнегины Катерины.
— «Уж ты маменька родима,
Уж да где моя кнегина,
Да кнегина Катерина?».
- 55 — «Да твоя-то ведь кнегина
Да кнегина Катерина
У грозной службы великой,
У заутрени-обедни».
И собрался князь Михайло
- 60 Ко грозной службы великой
Ко заутрени, к обедни.
Да не нашол своей кнегины,
Да кнегины Катерины.
— «Уж ты маменька родима,
- 65 Уж да где моя кнегина,
Да кнегина Катерина?».
Ему нянюшки сказали,
Ему маленьки сказали:
«Твоя маменька родима,
- 70 Она слух всех притомила,
Она кобней заморила.
А парну баенку топила,
А лисье-уголья нажигала,
Позвала она кнегину
- 75 Да кнегину Катерину
В парну баенку помытыце.
Она клала на утробу

Лисье-уголье горяче,
Выжигала из утробы
80 Малобезымянного младеня.
Она клáла Катерину
В белодúбову колоду,
Наводила на колоду
Трое обручей железных,
85 Опустила она колоду
На синё морё Хвалынско.
Да бросалса князь Михайло
На огоничек горечий.
Его нянюшки хватили,
90 Его малыньки держали.
Да бросалса князь Михайло
На три ножыка булатных.
Его нянюшки схватили,
Его малыньки держали.
95 Да бросалса князь Михайло
Во синё морё Хвалынско.
Его нянюшки не схватили,
Его малыньки не держали.
Его маменька родима
100 Крутым бёрежком ходила,
Слёзно плакала-рыдала:
«Уж я тяжко согрешила,
Уж я три души погубила.
Перву душу безответну,
105 Втору душу безыменну,
Третью душу понапрасну».

Марфа Николаевна Савина

МАРФА НИКОЛАЕВНА САВИНА И НАДЕЖДА ЕГОРОВНА ФЕДОРОВА

Марфа Николаевна Савина в 1927 г. — моложавая и красивая крестьянка 44 лет д. Марьино Гора Карпогорского района — знаток и мастер пинежской песни и свадебной причети.

Надежда Егоровна Федорова — молодая крестьянка лет 25—28. Случайно зайдя в избу Савиной, она спела с ней «Небылицу».

НЕБЫЛИЦА

- Небылица в лицах небывальщина,
 Небывальщина да неслыхальщина.
 Сын на матери да всё снопы возил,
 Всѣ снопы возил да все конóплены.
- 5 Небылица в лицах небывальщина,
 Небывальщина да неслыхальщина.
 Как старáя мать да во корню была,
 Молода жона да пристежной была.¹
- Небылица в лицах небывальщина,
 10 Небывальщина да неслыхальщина,
 Как старую мать да принадéргивал,²
 Молодú жену да останавливал.
 Небылица в лицах небывальщина,
 Небывальщина да неслыхальщина.
- 15 На еlí корова белку лаела,
 Белку лаела, ноги ширила,
 Ноги ширила, глаза пучила.
 Небылица в лицах, небывальщина,
 Небывальщина да неслыхальщина.

¹ Вариант стихов 7—8:

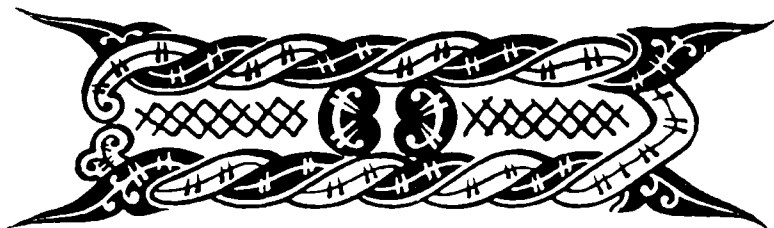
Как старúю мать да во корню запряг,
 Молодú жону да пристежной запряг.

² Вариант стиха 11:

Как старúю мать да всё надéргивал.

- 20 В осеку овця да всё гнездо свила,
Всё гнездо свила да яйцѣ клала.
Небылица в лицах небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.
На горе мужык да всё засеки бил,
25 Всё засеки бил, хотя рыбу ловить.
Небылица в лицах небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.
По синю морю да жорновá плывут,
Жорновá плывут, да всё петух поё,
30 По песку медведь на лыжах шол.
Небылица в лицах небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.

МАТРЕНА ФЕДОРОВНА СМОЛЕНСКАЯ

Матрена Федоровна Смоленская — крестьянка д. Лохново, околка Смоленец близ Покшеньги на левом берегу р. Пинеги Карпогорского района. В 1928 г. ей было 70 лет.

В 1900 г. от нес А. Д. Григорьевым были записаны былины «Козарин» и «Роман Васильевич и его дочь Настасья» и песня «Теща, ее дочь и зять-турок». Пела она, по словам собирателя, «хорошо, приятным голосом» (Архангельские былины, т. I, стр. 458). Об этой записи Матрена Федоровна помнила хорошо. Говорила, что всё ей тогда «смешно было».

В 1928 г. она жила одна с молодой невесткой и ее вторым мужем, своим племянником: «Сын одинакой убит белыми — начальник милиции был, замучен и в реку брошен». Горе это Матрена Федоровна продолжала остро переживать. С особым чувством, с большой художественной силой спела она песню «Горы воробьевские» и заплакала — вспомнила сына. «Всегда при этой песне плачу», сказала она.

Небольшого роста, кругленькая, опрятная старушка, она исполняла репертуар охотно, терпеливо пересказывая сначала тексты. Старинные былины и песни она высоко ценила, как настоящая артистка, и к делу записи относилась очень серьезно. Начала петь при посторонних, когда же заметила, что ее мало слушают, будучи заняты кройкой сарафанов, сейчас же сама увела меня в свою комнату. Когда на следующий день, в 5 часов утра, приехали к ней сотрудники экспедиции, Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд, с фонографом, она тотчас же поднялась с постели, села перед фонографом и начала петь (Фонограмм-архив Сект. фолькл. ИРЛИ, № 176, 177).

Былинам и песням научилась от родителей, которые «певки были». Каждую свою былинку она пела на особый напев. Голос ее и в 1928 г. сохранил приятный тембр, но временами прерывался. Исполняла Матрена

Федоровна превосходно, чрезвычайно художественно и выразительно. В деревне она заслуженно пользовалась славой лучшей певицы.

Кроме публикуемых текстов, записаны от нее несколько старинных песен, в том числе исторические: «Ай не шум шумит» («Теща, ее дочь и зять турок») и «Во городе во Казани» («Войско Румянцева берет в плен королевну», печатается в сборнике Сект. фолькл. ИРЛИ «Новые записи исторических песен») и стих о Егории («Мучения Егория»). Тексты находятся в Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III. Из былин она знала еще про князя Михайлу («Мать князя Михайлы губит его жену»), но, по ее словам, «плохо»; из исторических песен — очень распространенную в Карпогорском районе песню про жалобу солдат на князя Долгорукого; из духовных стихов — про Алексея человека божия. Раньше знала еще стих про двух Лазарей.

Тексты М. Ф. Смоленской отличаются большой устойчивостью и не претерпели почти никаких изменений за 28 лет.

КОЗАРИН

- Что у кнезя да у боярина,
У гостя да у торгового
Рожалось да две дочери,
И родился одинакой сын
- 5 По имени Козарин Петрович.
На роду Козарина испортили,
От отца от матери отлучили,
Отец с матенкой да не возлюбил,
Называли его вором и розбойником,
- 10 Всеким же да подорожником.
Выростал Козарин лет семнадцати,
Поездял Козарин во чисто поле,
Во чисто поле да во роздольице.
Во чисто́м полё да во роздольици
- 15 На дубу сидит да птиця вещая,
Птиця вещая да ворон чёрнёнькой.
Натёгал Козарин свой натугой лук,
Натугой лук да калену стрелу.
Как спроговорот да птиця вещая,
- 20 Птиця вещая да ворон чёрнёнькой:
«Не стреляй меня, да добрый молодець»,
Я скажу тебе да про чисто поле,
Про чисто поле да про роздольице.
Во чисто́м поли да во роздольицы,

- 25 Во роздольицы стоит да бел шатёр,
Во шатри девиця полудённая,
По имени Марфа Петровна».
Она сама сидит да слёзно плацё,
Плацё она да прицита́ сидит:
- 30 «И кто бы меня да это выкупил,
И выкупил меня да выручил
От трёх татар да некрещёные,
От трёх собак да небаѡсловлёные?».
Как спрогѡворит да доброй молодець:
- 35 «Ты садись, девиця, на добра́ коня́,
Ты поёдём, деви́ця, во цистѡ полё,
Во цистѡ полё да во роздольицѣ».
Садилась деви́ця на добра́ коня́
Говори́ла деви́ця до́бру молодцу:
- 40 «Ты поедем-ко, да доброй молодець,
Ко божьей церкви да повенцеемся,
Злацѣным перснѣм да поменеемся».
Как спрогѡворит да добрый молодець:
«У нас ведь на Руси не водитце,
- 45 Брат-от на сѣстры не жѡнитце».
Слази́ла деви́ця со добра́ коня́,
Поклон да́ла да до белы́х грудѣй,
Друго́й да́ла до шѣлко́ва поеса́,
Третье́й да́ла да до сыро́й земли:
- 50 «Спасибо, брателко, родимой мой,
Выкупил-то меня, выручил
От трёх тотар да некрещёные,
От трёх собак небаѡсловлёные».

ПРО ДОМНУ

Как посваталсѧ Митрий-князь,
Как посваталсѧ Михайловиць
На Домны Фалилеевны,

По трѣ лёта по трѣ зимы
 5 От ворот не отѣждуишь,
 От окна не отхѣжуишь.
 Как пошел, пошел Митрий-князь,
 Как пошел, пошел Михайловиць
 Ко цеснѣ заутрени,
 10 Ко цеснѣ воскресеньской.
 Домна из окна гледит,
 Фалилеевна из косящетога:
 «Как сказали про Митрея
 Как походка павлиная,
 15 Тихая рець лебединая,
 Глаза-те у Митрия
 Как два ясные сокола,
 Да брови у Митрия
 Как два цѣрные соболя.
 20 Да походка у Митрия
 Как кутыра боерская,
 Да сова заозерская.
 Голова-то у Митрия,
 Как котёл пивоваренной.
 25 Да глаза-те у Митрея
 Как две собаки лайцивые,
 Да и брови у Митрея
 Как две кошки бурнастые».

Воротилса как Митрий-князь,
 30 Воротилса Михайловиць
 От цесной от заутрени,
 От цесной воскресеньское.
 — «Ты родима моя сестриця,
 Ты Овдотья Михайловна,
 35 Собери-тко беседушку,
 Сзови милых подружецѣк».

Да назвала-то сестриця
 Да Домну Фалилеевну.
 Как первой посол послали
 40 За Домной Фалилеевной:

- «Ты пойдём, пойдём, Домнушка,
Да Домна́ Фалилеёвна,
Право Митрия дома нет,
Право Михайловиця дома нет.
- 45 Как ушол, ушол Митрей-князь,
Как ушол, ушол Михайловиць
В цисто полё за охвотою,
Да за серыма гусеми,
За перелётныма утицэми».
- 50 Как другой посёл послали
За Домно́й Фалилеёвной:
«Ты пойдём, пойдём, Домнушка,
Да Домна́ Фалилеёвна,
Право Митрия дома нет,
- 65 Право Михайловиця дома нет.
Как ушол, ушол Митрий-князь,
Как ушол, ушол Михайловиць
В цисто полё за охвотою,
Да за серыми гусеми,
- 60 За перелётныма утицэми».
- Говорила как матенка:
«Ты пойді, пойді, Домнушка,
Да Домна́ Фалилеёвна».
- «Ты родіма моя матенка,
- 65 Это не зов идё — омман идё».
- Умывалась как Домнушка
Свежой водой ключёвое,
Утиралась как Домнушка
Тонким белым полотёнышком.
- 70 Одевалась как Домнушка
Перьво платё венцельнёе,
А друго заруцельнёе,
А третьё подвенецьнёе.
- Как брала, брала Домнушка
- 75 Два дру́га сердецьные,
Да два но́жыка булатные.
Как пошла́, пошла́ Домнушка,

- Двери на́ пету вы́ставили,
Ворота на́крепко за́ложили,
80 Митрий за столом стоит,
Михайловиць за дубовым стоит.
Резвы ножки подломились,
Белы руцьки опустилисе,
Из глаз слёзы прокатилисе.
- 85 Наливаёт как Митрий
Наливаё Михайловиць
Разнолицьних напитоцьков,
Подавает как Домнушки,
Да Домны Фалилеёвны.
- 90 — «Ты прими, примй, Домнушка,
Да Домна́ Фалилеёвна
От кутыры боерьское,
От совы заозерьское,
От котла пивоваренного,
- 95 От собаки лайцивое,
Да от кошки бурнастое.
Да ты родима моя сёстриця,
Да Овдотья Михайловна,
Ты сходи на конюшёнку,
- 100 Выбирай коней пароцьку.
Запрегай во каретоцьку,
Мы поедём с Домнушкой
Ко божьей церкви венцетисе,
Злацёным перснём менетисе».
- 105 Сговорила как Домнушка,
Да Домна́ Фалилеёвна:
«Ты спусти, спусти, Митрей-князь,
Ты спусти, спусти, Михайловиць,
Ко родимой-то к матенки
- 110 Попросить блаословленьице.
Уж мы тем блаословленьицём
Будем жить-красоватисе,
Станем гулять-прохлаждатисе».
Не спустил Митрей-князь,

- 115 Не спустил Михайловиць,
Ко родимой ко матенки
Попросить блабсловленьце.
Приезжаё Митрей-князь,
Приезжаё Михайловиць
120 Ко божьей церкви венцетисе.
Сговорила как Домнушка
Да Домна Фалилеевна:
Ты спусти-ка, спусти, Митрей-князь,
Ты спусти, спусти, Михайловиць,
125 Ко родитель ко батюшку
Да сходить на могилушку,
На крепко домовищеце
Попросить блабсловленьце.
Уж мы тем бласловленьцём
130 Будём жить красоватисе,
Станем гулять-прохлаждатисе».
Как спустил её Митрей-князь,
Как спустил её Михайловиць
Ко родителю-батюшку
135 Сходить на могилоцьку
На крепко домовищецько
Попросить бласловеньце.
Как пришлá, пришлá Домнушка
Ко родителю-батюшку,
140 Вынимала как Домнушка
Два дру́га сердецьные.
Два ножыка булатные,
Она тут накололасе.

РОМАН И НАСТАСЬЯ

«Ты люлю-баю, Настасьюшка Романовна,
Еще кто будё Настасьюшке поутру рано будить?».
Вставала Настасьюшка ранёшенько,
Умывалась Настасьюшка белёшенько,

- 5 Утиралась Настасьюшка тонким белым полотёнышком.
 — «Уж ты, родитель батюшка, Роман Васильевиць,
 Где-ка родна моя маменька?»
 — «Твоя родна маминька
 Ко божьей церкви ушла богу молитисе».
- 10 Прибежала Настасьюшка ко божьей церкви:
 «Уж вы здравствуйте, все-ко богомольницьки!
 Не видали ли вы моей родной маменьки?»
 — «Не видали, Настасьюшка, не видали, Романовна».
 Побежала Настасьюшка, заплакала.
- 15 Как на встречу Настасьюшке два серых волка бежи.
 — «Уж вы здравствуйте, два серых волки!
 Не видали ле вы мой родной маменьки?»
 — «Твой родной батюшко Роман Васильевиць
 Нам двум серым волкам отдал на съеденьеце».
- 20 Побежала Настасьюшка, заплакала:
 «Уж ты, батюшко Роман Васильевиць,
 Где-ка моя родна маменька?»
 — «Ты не плачь, не плачь, Настасьюшка,
 Ещё я тебе, Настасьюшка, кунью шубоцьку сошью».
- 25 — «Мне не надобно кунья шубоцька,
 Ещё надобно родна маменька».
 — «Ты не плачь, не плачь, Настасьюшка Романовна,
 Я тебе, Настасьюшка, молодую мать возьму».
 — «Мне не надобна молодая мать:
- 30 Тебе буде молода жена,
 А мне буде лиха мачеха.
 Меня буде журить-бранить».¹

НЕ ШУМ ШУМИТ

Ай, не шум шумит, не гром гремит,
 Молодой турцяк свой дел делит,²

¹ Последний стих при пении был выпущен.

² Начиная со второго, каждый стих повторяется.

- Ай досталася тѣщѣ зетю,¹
Онъ взялъ тѣщу за руценьку,
5 За руценьку за правую,
Повѣлъ тѣшу во Турецію.
Сказалъ тѣщи три дѣла дѣлать:
Первое дѣло — гусей пасти,
Второе дѣло — постелю слать,
10 Третье дѣло — дитя казнять.
«Бай-бай, бай-бай, бай, турець молодой,
По имени не знаю какъ звать,
По батюшки — татарской сын,
По матенки — бояринокъ,
15 Твоя-то матенка — мнѣ дочь родная,
Семи годов во плен взета,
Двадцатой годъ в плену живѣ». —
Услышила турцяноушка,
Услышила молодая:
20 «Скиновѣй, мати, шубу сыромятную,
Надевай, мати, шубу собольную,
Отправляйся-тко, мати, на светую Русь,
На светую Русь да къ царю белому,
Къ царю белому да къ Петру Первому».

---

¹ Второ́й разъ спето: «Досталася, досталася».

МАТРЕНА АРХИПОВНА ТИТОВА

ПРО САДКО

Бѹ-жыу Садко. Он не боһатой, нет у неһо ницоһо, он не боһатый, а сцясанвой. Гусьли у неһо были хорóши. Его купцьы все знают новгородцы, на всяко собрание зовут. Вот приглашают на всяку беседу уж. Советуё он с имá да по морю плават, да в гусли играет, да рыбу ловит.

Ну Морьской царь услышал егова гусьли хороши порато, понравились гусьли. Говорит он: «Ударяй, Садко, с купцами новгородскими о большой заклад, шчо есь в синем море рыбы золотó перьё. Выбивай, говорит, у них три лавицы товару красного. А ты, говорит (у неһо нецого), а ты закладывай свою буйну голову, как нецеһо заложить».

Садко приехау домой, собрались с купцам новгородским. Садко говорит: «Есь в синем море рыбка золото перьё». А купцы новгородские говора: «Нé в синем море рыбы золотó перьё». — «Ну, говорит, ударимся с велик заклад».

Выбивает он три лавицы товару красного, а закладает он свою буйну голову. Те говора: «Нету!». И поехали неводíть в синё море. Ну, первый раз закинули — вытянули морьскую тину. Второй раз закинули — вытянули морскую травину. Третий раз закинули — вытянули рыбку золотó перьё. Ну тут купцы новгородские призапецаились. Пробили по лавицу товару красного. А Садко-то радёхонек. Разбогатеу и стау купец он боһатой уж тут, порато боһатай. Продаёт он товары новгородские, привозит он товары заморские. Он по морю ходит на кораблях. Да уж до того хорошо торгует, бедово дело. Ну и среди моря шоу корап, останвиуся. Просит Морской царь целовецеску гóлову. Отсулну он свою гóлову, заложыу. Хто кого бросали — кошку, собаку, всё нейдёт.

— «Ну, гыт Садко, видно самому итти в синс море». Ну, Садко своё именище стау да приросписывать. Каковую чась да молодой жаны, а каковую чась да всё дружынушки, а каковую чась да по божьим церквам. «Ну, говорит, бросьте мне дощечку в сине море, на дощечке не так

«страшно плькця». Он на дощечку лёг, корап полетеу. Остауся он тут на дощечке.

Его там Морской царь принял. И заговоря: «Садко, пошоу в море». Садко пошоу в море. Морской царь говоря: «С собой ли у тебя гусьли?» — «С собой». — «Играй, говорит, 'гусьли в синём море».

Ну Садко и заиграу в синем море в гусьли. Морской царь и заплясал в море. Морё заволновалось. Много правёдных тонет на море. Молятца свьтителю Никола, шчо сохрани, шчо шьбык заволновалось. Микола спустился в синё море, по правому плещю хлопнул, говорит: «Садко, не играй в гусьли». Садко говорит: «У меня в синём море воля не своя», ответил. Микола-то и говорит: «Ты скажы, шчо у меня гусьли побились, кнопоцьки поломались, сторожоцьки. Кнопоцек не захватилося, сторожоцьков не погодилося. Ну он, говорит, тебя будё женить в синем море. А ты жанись да бери девку цернавку. То река будё девка цернавка».

Но Морской царь: «Шчо, говорит, жанись коль гусьли сбились». — «Ну жани», говорит Садко. Ну он и вывеу три доцери: «Бери, говорит, доцерей». — «Я хочу, возьму девку цернавку» (Никола-то говориу). — «Не шчо, говорит, эту не бери, еговых доцерей».

Он взяу девку цернавку. Ну он и выплыу по реке-то домой и к жоны пришоу и стау к Миколу ставить церковь. И вси говорят, шчо Садко явився. Садко явився из моря.

Сказке конец,
Побасёнки конец.
Бык пестряк
Побежал в костряк,
По пироги по шанежки,
По лук чесной,
По робиновый батог,
По лопату по горбату.

П О М О Р Ь Ё

АВДОТЯ АНТОНОВНА ПЕТУХОВА

А. А. Петухова в 1932 г. — крестьянка 60 лет д. Нюхча Беломорского района. Жила с невесткой Анной (женой старшего сына), нянчила своих внуков, двухлетнего и четырехмесячного. Несмотря на инвалидность (еще в молодости лишилась правой руки почти до локтя), она ловко и быстро справлялась по хозяйству; сказалась здесь многолетняя привычка к неустанной и упорной работе жены крестьянина-бедняка. Рано овдовев, она поставила на ноги трех своих сыновей. Двое старших в 1932 г. ходили мотористами на мотоботах по Белому морю, третий учился в Беломорске на курсах пропагандистов. Он и средний брат были комсомольцами. Петухова «маленько», по ее словам, умела читать.

Авдотья Антоновна была лучшим в Нюхче знатоком старинного свадебного обряда и талантливой исполнительницей причитаний и песен. В любой момент она была готова петь и напела мне много песен, причетей и байканий между делом, одновременно управляясь с внуками и с хозяйством (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVIII, папка 8).

К сожалению, нельзя было везти в Нюхчу фонограф вследствие тряской дороги, и нам не пришлось записать выдающиеся образцы нюхотских напевов. Несколько лет перед этим, еще в 1928 г., были произведены от нее фонозаписи С. С. Писаревым, сотрудником экспедиции Государственного Института истории искусств, но они погибли во время одного из переездов.

Былины в Нюхче и во время записей А. Д. Григорьева известны были слабо. Григорьев отметил лишь знание былин балладного жанра «Дмитрий и Домна» и «Князь, княгиня и старицы», а также былины об Илье и сыне и стиха «Оника-воин». Первую из указанных былин, которую она называла «стихом», Авдотья Антоновна усвоила от бабушки своей, Василисы Михайловны Пономаревой, и пела ее очень хорошо. Вторую помнила слабо. Попро-

бовав спеть ее, она дала только отрывок, смешав в нем данный сюжет с былиной «Братья разбойники и сестра». По воспоминаниям А. А. Пестуховой, отец ее, рыбак Антон Федорович Пономарев, пел какую-то былинку про Илью Муромца. Вообще же, по ее словам, у них в Нюхче «теперь малостных поют». Раньше же пели, в особенности во время ловли рыбы в море в октябре и ноябре: «Ночью на льдинке сидят, сон-то и задóлит, старухи поют» (т. е. поют, чтобы не заснуть).

[ДМИТРИЙ И ДОМНА]

- Сватался Митрей-князь,
Он по три годы да по три осени,
На четвёртый год лишь-ить свадьбы быть,
Да свадьбы быть иль к венцу итти.
5 Зазвонили цестну божью заутреню,
Цестну божью да воскресеньскую.
Пошел Митрей-князь да ко заутрени,
А и Васильевиц ко воскресеньские,
Он по той ли по улице
10 По Домнушкиной
По тому ли перепутью по Олександровской.
Бросилась Домна по плец в окно,
Олександровна по подпазушью.
«Не етот ли, матушка, Митрей-князь,
15 Не етот ли, матушка, Васильевиц?».
— «Тот, тот, дитятко Домна Олександровна».
— «Сказали, щё Митрей хорош-пригож,
Васильёвиц — ёго лучше нет,
Его лучше нет да не слуцилосе,
20 Не слуцилосе да не пригодилося.
У его оци да косые,
Ноги да кривые».
Как Митрею-князю в слух пришло.
Васильевицу за беду палó.

- 25 За беду пало за великую.
Воротилсѧ Митрей-князь от заутрени,
Васильѣвиц-свет от воскресеньские,
Ко своей сестрици Марии Васильѣвны.
«Ты, сестриця, сестриця Марья Васильевна,
30 Заведи, сестриця, свой почестен пир.
Не зови, сестриця, не кнезей-бояр,
Созови, сестриця, одну Домнушку,
Да одну Домнушку да Олександровну».
— «Мне самой итти, али послов послать?».
- 35 — «Хоть сама пойди, хоть послов пошли».
Первые-то послы на двор зашли,
Умильно зовут, низко кланяютце:
«Поди, поди, Домнушка Олександровна,
Марьюшки на девочий на почестѣн пир.
40 У ей Митрея братца дома нет,
Его дома нет, не случилось,
Не случилось да не пригодилосе.
Ушол братец Митрей за охотамы,
За охотамы, за куницями,
45 За куницями, за лисицями,
За чёрныма соболями за сибирьскима».
Да другие послы на сени зашли,
Умильно зовут да низко кланяютця:
«Поди, поди, Домнушка Олександровна,
50 К Марьи на почестен пир,
У ней Митрея братца его дома нет,
Его дома нет да не случилось,
Не случилось да не пригодилосе.
Ушол Митрий братец за охотамы,
55 За охотамы, за куницями,
За куницями, за лисицями,
За черныма соболями да сибирскима,
Он стрелеть-палить да гусей-лебедей,
По воды гонеть да серых утушек».
- 60 Первы послы из сеней не ушли,
Тут идѣт, идѣт сама Марья Васильѣвна

- Она крест кладёт по писаному,
Поклоны ведёт она по учёному,
Умильнѣ зовёт да низко кланяетця:
- 65 «Поди, поди, Домна да Домна Олександровна,
На мой девочий да на почестен пир,
Спусти, спусти, матушка Софья да Микѹлишня,
Поди, поди, Домна да Олѣксандровна,
У мня Митрея братца да дома нет,
- 70 Его дома нет да не слуцилосе,
Не слуцилосе да не пригодилося.
Ушол Митрей братец да за охотамы,
За охотамы да за куницямы,
За куницямы да за лисицямы,
- 75 За черныма сѹболями сибирьскими,
Он стрелеть-палить да гусей-лебедей,
По воды гонеть да серых утушок.
Поди, поди, Домнушка, да Домна Олександровна,
На Марьин на дивочий на почѣстен пир».
- 80 Распрогѹворит матушка Софья Микулишня:
«Мне ноцесь спалось, во снѣх виделось,
Будто я хожу по божьей церкви,
Будто я ношу все ключи-замки,
Один ключ да самолучшей,
- 85 Самолучшей да был хорошенькой.
Я того ключа да я найти не могу».
Тут спрогѹворит Домна да Олександровна:
«Куда ноцъ прошла, туда сон прошол».
Тут крутѣхонько справилась Домна Олександровна
- 90 На Марьин на дивочий на почестен пир.
Тут пришла, пришла да Домна да Олександровна
Ко Марьи ко девици да ко Васильевны.
Она крест кладёт да по писаному,
Ай поклон ведёт да по учёному
- 95 Ко Марьи девици да Васильевны.
Тут как вышел Митрей-князь да из-за печи:
«Здравствуй, Домна да Олександровна,
А и ты смерть примѣшь или взамѹж идѣшь?».

Тут спроговорит Домна да Олександровна:
100 «Лучше смерть приму, а замуж я не иду».
Тут срубил-срубил он буйну голову,
По локбтоцек он руцки белые,
По колéноцек он ножки резвые.

МАРИЯ АНДРЕЕВНА ЛЕЙНОВА

М. А. Лейнова в 1932 г. — году нашего знакомства — несомненно выделялась среди женщин ее поколения д. Колежмы Беломорского района. Ей было тогда 50 лет, была она грамотная, хотя в школе не училась — овладела грамотой самоучкой. В колхозе вела активную общественную работу, являлась делегаткой. Дети ее тоже занимали видное служебное и общественное положение. Старший сын работал в Беломорске в райкоме, второй ходил мотористом на мотоботе, дочь, хорошо грамотная, работала на почте. Все — коммунисты, младший сын был в комсомоле. Жена старшего сына — местная учительница.

Мария Андреевна всегда была большой любительницей старинных поиморских песен, которые прекрасно исполняла (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVIII). Из былин же она могла мне спеть «Жил князюшко девяносто лет» и припомнить отрывки из былины о Дмитрии и Домне и песен об Иване Грозном и о Платове.

«Все от матушки своей слышала» (Марии Пономаревой). Помнит, как приезжали записывать былины от ее свекрови, Авдотьи Ильинишны Лейновой (см. Григорьев, т. I, стр. 61—71).

[КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ, СТАРИЦЫ]

Жил-был князюшко да девеноста лет,
Взял кнегинушку да девети годов,
Э жили с кнегинушкой да ровно три годá,
Ровно три годá ровно три месеца,
5 Да на четвёртой год да князь гулять пошол.
Он ходил-гулял ровно три годá,
Ровно три годá да три месеца,
Э на четвёртой год да князь домой пошол.
Попало князюшку встречую две старѣици,
10 Две старици да две монашици,
Чернорижници да чернокнижници.
Он стал выпрашивать да стал выведывать:
«Уж не видали ли да не слышали ли
Про мою младу да про кнегинушку,
15 Про молоденькую Катеринушку?».
— «Мы видѣм не видели, а слыхом слышали
Про твою младу да про кнегинушку,
Про молоденькую Катеринушку.
Э как прѣдешь к князюшку да ко крылѣцику.
20 Поколотишьсе да за колечико,
Тут-то выбежит твоя кнегинушка,
Ай молоденькая Катеринушка,
Она без летницка в одной сорочечке,
Без башмачиков в одних чулочиках,

- 25 Без платоцика в одном кокошницки.
Да ты не спрашивай да не выводывай,
А сруби-сказни да буйну голову,
Да ты спролей у ей да кровь горячую,
Кровь горячую да кровь провинную.
- 30 Э ступишь, князюшко, да во высо́к терём —
Вси ключи-замки да все исприлбманы.
Ступишь, князюшко, ты в перву горницю —
В первой горници да там колыбель весит,
Колыбель висит да малых детоцёк.
- 35 В другой горници да там другой висит,
Там другой весит да малых детоцёк.
Ступишь, князюшко, да в третью горницю —
Там третей висит всё малых детоцёк.
Ступишь, князюшко, да в свою спаленку —
- 40 Вси кровати да исприломлены,
Все постелюшки да испривыспаны,
Одеялушка все исприпинаны,
Сладки прянички все исприедены,
Сладка водочка да вся исприпи́тая,
- 45 Золота казна да вся издѣржана.
Ступишь, князюшко, да на конюшѣн двор, —
Там стоят кони́ да по колен в назьму́,
Оны́ едят траву да всю болотную,
Оны пьют воду да всё навозную».
(*Это быль, а не песня*).
- 50 Пришел князюшко да ко крылечику.
Поколотилса князь да за колецико,
Что бежит, бежит его кнегинушка
Ой молоденькая Катеринушка,
Она без летничка в одной сорочёчке,
- 55 Без башмачиков в одних чулочиках,
Без платоцика в одном кокошницки,
Князь не спрашивал да не выводывал,
Он срубил-сказнил да буйну голову,
(*Как приказано. Вот на́сердки что делают!*).
Пропустил у ей да кровь горячую,

60 Кровь горячую да кровь безвинную,
Э ступил князюшко да во выськ терём —
Уж все ключи-замки не изломаны,
(Первое стретилось).

Ступил князюшко да в перву горницу,
В первой горници да там пялá весят,
65 А в пялáх-то шито всё по книжному,
Всё по книжному да по писáному,
По писáному да по учёному.
Э не столько в пýлах шито, сколько плакано,
Всё-то князюшки домой дожидано.

70 Ступил князюшка да в другу горницу —
В другой горници там пялá висят,
А в пялáх-то шито всё по книжному,
Всё по книжному да по писáному,
По писáному да по учёному.

75 Ступил князюшко да в третью горницу —
В третьей горници там пялá весят,
А в пялáх-то шито всё по книжному,
Всё по книжному да по писáному,
По писáному да по учёному.

80 Ступил князюшка да в свою спалёнку,
Все кроваточки да всё приубраны,
Э постелечки не испривыспаны,
Одеялышка не исприпинана,
Сладки пряники все призаплёснели,

85 Сладка водочка всё задохнýлася,
Золота казна да всё ни издёржана.
Ступил князюшко да на конюшен двор,
Там стоят кони́ да по колен в шелку,
Они едят траву да всё шелкóвую,
90 Они пьют воду да всё ключёвую.

(Тут князюшка и схватился, что сделать).

Тут уж брал князюшко коня лучшего,
Коня лучшего да самолучшего,
И он догнал-застал три старицы

(Которые наврали),

Он срубил-сказнил да буйну голову,

95 А друга стариця ему смолилася:

«Не казни-руби мою голову,

Уж оживём пойдём твою кнегинушку,

Э молоденькую Катеринушку.

(Дальше не слыхала, не знаю, оживил или нет, думаю, что нет. Вот за враньё что сделалось).

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА РОСТОВЦЕВА

Наталья Алексеевна Ростовцева в 1932 г. — маленькая, опрятная и красивая старушка 69 лет, жившая в «келейке», т. е. крошечном домике, одна с пятилетней внучкой Лидой в Сумском Посаде Беломорского района. Внучка — младшая дочь от первого брака ее дочери. Дочь служила в Мурманске и Лиду отдала на воспитание бабушке. Наталья Алексеевна получала небольшую пенсию, так как в продолжение нескольких лет уже при советской власти прослужила на почте в Мурманске посыльным. Наталья Алексеевна была староверкой, но не «такой уж строгой», как, например, ее старшая сестра, ярая фанатичка, разбившая личное счастье Натальи Алексеевны, воспрепятствовав ее браку с любимым ею человеком, не старовером. Ее Наталья Алексеевна продолжала бояться и в пожилые свои годы и очень просила меня не рассказывать о том, что она мне пела и что я фотографировала ее внучку, а то «сестра лишит девочку молока» (у самой Натальи Алексеевны коровы не было). Сама же она наотрез отказалась сняться, боясь «печати».

С недоверием и страхом она отнеслась и к фонографу. Вначале решительно отказалась «петь в трубу». Однако любопытство и любовь к пению привели ее к нам в избу, когда у нас записывали на фонограф молодежный хор, и старуха не выдержала, сама села перед трубой, со вздохом сказав: «Вот перед дьяволом сажу!».

Наталья Алексеевна была грамотной, по печатному читала хорошо, даже разбирала рукописное. Грамоте она научилась почти самоучкой, так как в школу ходила недолго. Кроме Мурманска, жила в Беломорске и Архангельске.

От Натальи Алексеевны записано несколько произведений, которых, кроме нее, в Сумском Посаде уже никто не знал: старинная хороводная песня «Бóриса женили», несколько очень древних песен, загадок, заговоров и старинных частушек (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVIII).

Из былин она вспомнила только одну: «Как ездил стар» («Илья Муромец и разбойники»), которую называла «стихом». Пела слабым, но приятным голосом, очень музыкально. Из сказок знала про Бову королевича, Франца Венециана и про Илью Муромца. Мною записана от нее сказка «Зоря-царевич» и схема сказки «Про Петра и солдата и разбойников», которую знала она из книги (Колл. XXVIII). Сказки она постоянно рассказывала внучке, и внучка уже тогда кое-что от бабушки переняла

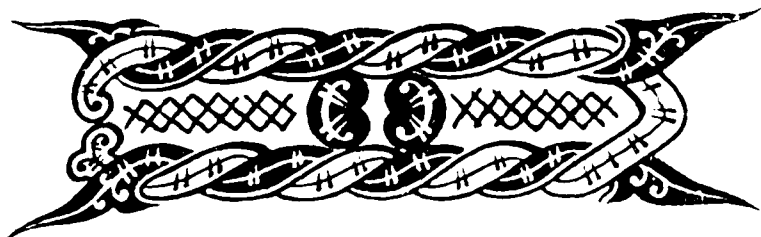
КАК ЕЗДИЛ СТАР

- Как ездил стар по чисту́ полю
Ото младости и до старости,
У его-то был конь туце-падушко.
И да уж он реки-озёра через скакал,
5 А мхи-болота между ног метал,
А синё морё на круг бежал.
А как поехал стар во чисто́ полё,
Да во чисто́м поли стоит сер камешёк,
А как на камешке три подписи подписаны:
10 «Во дорожку ехать — бо́хату быть,
А в другú дорогу — женату быть,
А в третью дорогу — убиту быть,
А убиту быть, а пострелёну быть,
Пострелёну быть да погублену».
15 А стоит стар выдумывает,
Головой качат, сам выговариваё:
«А на што мне старому бо́хату быть?»
У мяя нету молодой жёны,
Да у мяя нету малых деточёк,
20 Как некому́ держать цвѣтных плати́нцев,
Да некому тощитъ золото́й казны.
А на што мне старому жё́нату быть?
Мне стара взять — не заменя́щица,
А молодая взять — чужа ко́рысть.

- 25 А поеду в ту дороженьку,
Да во которой убиту быть,
Ай убиту быть да пострелёному,
А пострелёному, погублёному.
Да попросил стар Индею богатую,
30 Да не доехал Корелу проклятую,
Да ему встретилось разбойников,
Да сорок тысяч подорожников.
Тут спроговорили разбойники:
«Да мы убьём стара, погубим-ко,
35 А со конём-животом его разлучим-ко».
Да тут стоит стар выдумывает,
Головой качат, сам выговаривает:
«Ищо старого бить вам некого,
Да у старого взять нечего.
40 Ай казны с собой не случилось,
А столько пригодилося
Конёжки на ножках семи шёлков,
А семи шёлков — семи редков,
Да во ногах в петях драго камене.
- 45 Ценой стоят семьсот рублей».
А тут спроговоряют разбойники:
«Да мы убьём стара, погубим-ко,
А со конём-животом его разлучим-ко».
Да тут стоит стар — выдумывает,
50 Головой качат, сам выговаривает:
«Ищо старого бить вам некого,
Да у старого взять нечего.
Ай казны с собой не случилось,
Только с собой пригодилося
- 55 Да один чуден крест полтора пуда.
Он ценою стоит ровно тысячу».
Тут спроговоряют разбойники:
«Да мы убьём стара, погубим-ко,
А со конём-животом его разлучим-ко».
- 60 А стоит стар выдумывает,
Головой качат, сам выговаривает:

«Ищю старого бить вам некого,
Да у старого взять нечего,
Ай казны с собой не случилось,
65 Тольки с собой пригодилося
Конь туця-падушко.
Он уж реки-озёры через скакал,
Мхи-болота между ног метал,
Синё морё на круг бежал».
70 Да как махнёт старый улками,
Да как перемáхнет переулками,
Да он убил всех разбойников,
Да сорок тысяч подорожников,
Ай как приехал стар во чистó поле,
75 Да написал на серы камешки:
«Да поезжайте в ту дороженьку
Без боязни, без опасности:
Да я убил всех разбойников,
Сорок тысяч подорожников».

УСТИНЬЯ МАКСИМОВНА КУЗНЕЦОВА

У. М. Кузнецова — в 1932 г. колхозница-вдова 60 лет, сторожиха избы-читальни Сумского посада Беломорского района. Умная, энергичная женщина. Научиться грамоте ей в свое время не пришлось, о чем она очень сожалела. Несколько взрослых ее детей тоже были членами колхоза.

Устинья Максимовна оказалась большим мастером старой поморской песни. Она хорошо знала и тексты и напевы. Очень любила петь. В Сумском посаде был небольшой круг ее близких друзей, с которыми она постоянно пела, но пела иногда и одна за работой: напр. за куделью, за вяванием венчиков и т. п. Однако, она не любила, чтобы было широко известно, что она поет, так как, по старинным понятиям сумчан, старой женщине петь не годится.

Былины ее отличаются краткостью, но пела их Устинья Максимовна хорошо, на особый мотив, которого от других сумских сказительниц (Ростовцевой, Никитиной) мне не приходилось слышать.

По словам У. М. Кузнецовой, она раньше знала 50 сказок, да все забыла. Припомнила лишь несколько названий: 1) «Царевна лягушка», 2) «Про хлопотунью-царевну — людей ела», 3) «Про золушку».

От нее еще записан один старообрядческий стих («Умоляла мать родная») и много превосходных песен (Рукоп. хранил. Сект. фольклора ИРЛИ, колл. XXVIII, папка 4).

ЖИЛ КНЯЗЮШКО ДЕВЯНОСТО ЛЕТ

Жил-ко кнѣзюшко да сын Иванушко
Сын Иванушко да девеносто лет,
Взял кнегинушку девети годов.

Жил с кнегинушкой ровно три годá, по три осени.

„ На четвёртой год да князь гулять пошол,
Он гулял, гулял ровно три годá по три осени.
Ему встретилося три старицы да три монашицы.
— «Уж вы старицы да вы монашицы,

Не видали ли вы моей кнегинушки,

10 Моей кнегинушки да Катеринушки?».

— «Видом не видали, а слыхом слышали:

У твоей кнегинушки Катеринушки

На ступень ступить — колыбель висит,

На другой ступить — другой висит,

15 Все добри кони по колен в назьму,

Золота казна все прииздѣрана,

Все сладки водочки все выпиты,

Все гостиницки съедены».

Пришол кнѣзюшко ко крылечу,

20 Стукнул кнѣзюшко да во колечико,

Побежала кнегинушка Катеринушка,

Без летничка в одной сороцецке,

Без башмачиков в одних цулоциках,

Без платоцика в одном повойницке.

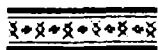
- 25 Он срубил-срубил буйну́ головушку.
Ступил кнезюшко в тёплу спаленку.
В тепло́й спаленке пѣла́ висят,
Не столько шито — сколько плакано,
Кнезюшка домой дожд́идано.
30 Загленул князь в золоту казну —
Золота казна призамѣдила,
Сладки водоцки все высохли,
Все гостинецки призаплѣснили.
Ступил князюшко на конюший двор —
35 Все добры кони по колен в шелку,
Едяг траву шелко́вую,
А пьют воду клюю́явую.
Брал князюшко добра́ коня,
Садился князюшко на добра́ коня
40 И поехал за старицами за монашицами.
Вот он их поймал и срубил им буйную голову.

229

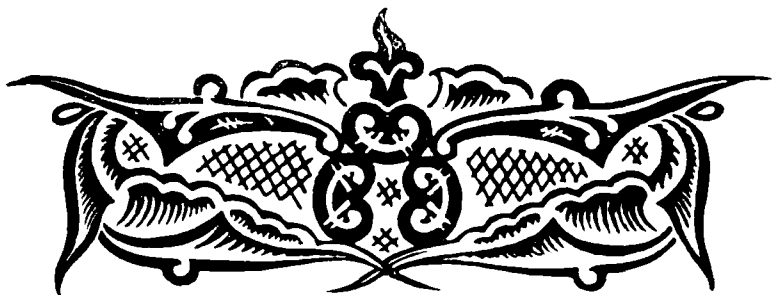
(БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА)

- Жила старица монашица,
Было девять сынков да одинакая доць,
Девять сынков во разбой пошли.
А молоду сестру замуж выдади
5 За того купца за богатого.
Она год жила — не стоскнуласи,
А на второй год стосковаласи,
Да у свѣкра подаваласи,
А свекровушки доложиласи,
10 С мужем вздумали, с мужем поехали,
До синя моря мы доехали.
Там корась-то бежит — девять разбойницков,
Родного они зятя убили,
А родную сестру прибесчестили.
15 Стали спрашивать да выведывать,

Цьего роду, цьего племени.
Стала она говорить:
«Была монашиця,
Было деветь сынков да единая дочь».
20 Тут он её и признал.

АННА СЕМЕНОВНА НИКИТИНА

В 1932 г. А. С. Никитина — крестьянка-вдова 72 лет Сумского Посада Беломорского района.

Жила она с замужней дочерью. Несмотря на годы, еще работала в поле. Кроме сообщенных мне двух былин, помнила содержание былин об исцелении Ильи Муромца и о Соловье Рахматовиче, которую раньше сказывала. Былины узнала из книг: «Училась — в стихотворениях читывала, много про него (Илью Муромца) стихотворений было, не одно». В книгах читала и про Ивана Грозного и сына Федора, но тоже не могла «сказать стихом». Знала начало былин о трех поездках Ильи Муромца. Перечисляя же ряд известных ей сказок, назвала сказку «про Добрыню Поповича». Былины называла «старинами» и относилась к ним с интересом.

Когда я пришла к ней, встретила меня сурово и не хотела ничего говорить, ссылаясь на сильную усталость после тяжелого дня косьбы. Когда все же, в результате моих уговоров, начала сказывать, лицо оживилось, глаза заулыбались.

Анна Семеновна знала сказки и лубочные (про английского милорда, про Франца Венециана и др.) и волшебные (про Жар-птицу, двенадцать лебедей и про мертвую царевну). Мне же от нее удалось записать лишь одну — «Про рака-раковича».

ПРО ДУНАЮШКУ

- Едет Дунаюшка из земли в землю,
Из земли в землю да из орды в орду,
Заехал в землю неверную
Да к этому королю да леховинскому.
- 5 Служил у короля у леховинского по три года.
Служит год в конюшниках,
Да другой год во кляушниках,
Да третий год во стольниках.
Король-то страсть его любил,
- 10 Да жена его не менее,
А Настасья королевична лучше всех.
День стоял у столика дубового,
А ночь стоял у кровати тесовой,
По получасу лежал на белой груди
- 15 У Настасьи королевичны леховинские.
Собирал тут король почестен пир,
Все на пиру наедались, напивались да порасхвастались.
Да кто хвастал добрым конём,
Безумный хвастал молодой женой,
- 20 Умный хвастал отцём-матерью.
Дунаюшко привыпил и поросхвастался:
«Я ездил из земли в землю,
Из земли в землю да из орды в орду,
Заехал в землю неверную

25 Да к этому королю да леховинскому,
 Служил у короля у леховинского по три года,
 Служил год в конюшниках,
 Да другой год во клюшниках,
 Да третий год во стольниках,
 30 Король-то страсть меня любил,
 Да жена его не менее,
 А Настасья королевична лучше всех.
 День стоял у столика дубового,
 А ночь стоял у кровати тесовой,
 35 По получасу лежал на белой груди
 У Настасьи королевичны леховинские».
 Королю тут не пондравилось:
 «Не пустым ли, Дунаюшко, хвастаешь?».
 Приказал царь тут весть Дунаюшко
 40 Ко плахе ко липовой, к ляге кровавой
 Казнить-рубить буйну голову.
 Повезли Дунаюшко мимо той полаты бело-
 каменной.
 Он вскричал-зычал да зычным голосом:
 «Повезли меня ко плахе липовой,
 45 Ко ляге кровавой
 Казнить-рубить буйну голову».
 Настасья королевична не пробужалася.
 Второй раз вскричал-зычал зычным голосом:
 «Повезли меня ко плахе липовой,
 50 Ко ляге кровавой
 Казнить-рубить буйну голову».
 Настасья королевична не пробужалася.
 На третий раз вскричал-зычал зычным голосом:
 «Повезли меня ко плахе липовой,
 55 Ко ляге кровавой
 Казнить-рубить буйну голову».
 Добрый конь на колена пал,
 Лёса тёмные да пошатнулись,
 Полата белокаменна пошаталася,
 60 Тут Настасья королевична пробужалася.

— «Ты прости-прости, Настасья королевична
Леховинская.

(Тут уж не знаю, что тебе наврать. Кого-то она послала слугу какого-то, чтобы вместо него отрубить буйну голову).

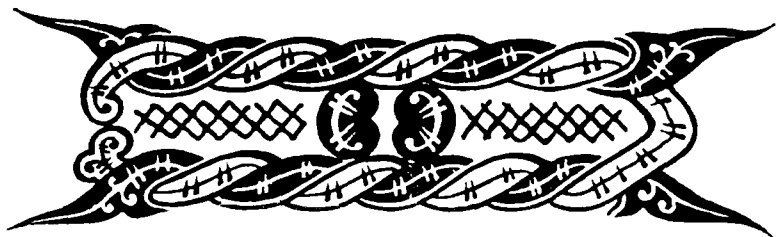
[ДМИТРИЙ И ДОМНА]

Сваталася Митрей-князь по три году,
Да ой Васильевичу по три осени,
У той вдовы у Софьи Микульевны,
На той девицы на Домны Олександровны.
5 На четвертой год только свадьбы быть,
Только свадьбы быть да к венцу пойти.
Зазвонили в соборе божью заутреню,
Пошел Митрей-князь да ко заутрени,
По той ли по улице по Домниной,
10 По й тому ли переулку по Софьину.
Увидала в окне Домна Олександровна,
Кидалась-бросалась по плеч в окно,
По плеч в окно ровно до поеса:
«Не этот ли, матушка, Митрей-князь,
15 Не этот ли, сударыня, Васильевич?
Сказали про Митрея — хорош-пригож,
Про Васильевича — лучше в свете нет,
Он сутул-горбат да наперёд покляп,
У Митрея ноги-то кривые,
20 Да кудри жогі заонежские,
У Митрея речи корельские,
Корельские да деревеньские».
Эти-то речи Митрею в слух пали,
За бедú пали за великую.

- 25 Пошел Митрей-князь от заутрени,
Ой Васильевич от воскресеньские.
Пришел к своей сестрице Марье Васильевны.
«Ты, сестриця моя Марья Васильевна,
Ты сбри-тко, сбри почестен пир,
30 Не зови-тко не кнезей, не бояр.
Созови одну Домну Олександровну,
Скажи, что братця дома нет,
Митрея дома не случилось,
Васильевича да не пригодилося,
35 Ушел стрелять-палить серых утушек,
По воды гонять да бѣлых лѣбедей»
Перьвы послы со двора сошли,
Вторы послы на двор взошли.
— «Ты спусти-тко, спусти, Софья Микурьѣвна,
40 Свою дочку да Домну Олександровну
Ко мне да на почестен пир.
Ты пожалуй, пожалуй, Домна Олександровна,
Ко мне Марье Васильевны
Да на почестен пир.
45 У меня братця дома нет,
Митрея дома не случилось,
Васильевича да не пригодилося:
Ушел стрелять-палить серых утушек.
По воды гонять гусей да лѣбедей».
50 Вторые послы со двора сошли,
Третьи послы на двор зашли.
«Ты спусти-тко и т. д.¹
(Дальше не знаю, как она пришла и как ей голову сру-
били).

¹ В точности повторяются стихи 39—49.

АННА ГРИГОРЬЕВНА РОХМИСТРОВА

В 1932 г. это глубокая старуха, 92 лет, жительница д. Пертозеро, близ Сумского посада, Беломорского района. Одинокaя, никогда не была замужем, немного грамотная. Когда-то в Архангельске она научилась от врача костоправству; вернувшись в деревню, стала заниматься этим делом и скоро получила широкую известность.

Былинами всегда, по ее словам, «интересовалась». Но в момент записи вспомнила лишь одну — про Илью Муромца и разбойников, которую уже не могла спеть, а передала словесно.

От нее записано еще несколько заговоров (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVIII).

ЕЗДИЛ СТАР

- Ездил стар да на добром коне,
На добром коне да на золотом седле,
Приезжал стар во чистое поле,
Во чистое поле к серу камешку,
5 На камешке подпись подписана:
«В первую дорожку ехать — богату быть,
В другую ехать — женату быть,
В третью дороженьку ехать — убиту быть»
Стоит стар да удивляется,
10 Головой качат да выговариват:
«На что мне старому богату быть?
Нету у меня любимой семьи,
Да молодой жены,
Да малых деточек,
15 Некому тощить казну-собину
И некому держать платья цветного.
На что мне старому женату быть?
Мне старая взеть — не замена,
А молодая взеть — чужа корысть.
20 Поеду стар в ту дороженьку,
В которую старому убиту быть».
(Ну и поехал).
Проехавши Индею великую,
Встретилось ему сорок тысяч разбойников.

- Да сорок тысяч ночных подорожников.
25 «У меня нету золотой казны,
Да только нет у меня платья цвѣтного.
Есть у старого добрый конь,
Добрый конь — чудо-падушко,
Он ценою стоит восемьсот рублей.
30 Есть у старого лапоточки на ноженьках,
Они семи редков да семи шелков,
В носках, в петах по каменю по яфонту,
Ночью пекут вместо лунного месецу,
А днём пекут вместо красного солнышка».
35 Не спрашивал стар ни пути, ни дороженьки,
Прям' поехал меж воров, меж разбойников.
Мечом махнул — пало улицей,
В другú сторону отмахнул — пало переулком,
Всех убил воров-разбойников,
40 А ночных подорожников.
Приехал стар да во чистó полѣ
И к серу камешку,
На камешке подпíсь подписывал:
«Замирил дороженьку старóй казак Илья Муромец,
45 И проторíл дороженьку старóй казак Илья Муромец».

Конец.

(В другие дорожки ездил — это уж другой стих).

ИВАН КОРНИЛОВИЧ ЛОПИНЦЕВ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

У одного пастуха родился сын. Этот сын не имел хождения до двадцати лет. В одно прекрасное утро отец и мать пошли косить, сын оставался на печке дома.

В это время приходит, откуда ни возьмись, дорожный старичок, называл сам себя калекой этот старичок: «Я хожу по всей святой Руси ко всем светлым и угодникам». Приходит, поздоровкались. Спросил юношу: «Дай напиток!». Тогда юноша ответил: «Старец, возьмите сами, так как я не могу, у меня нет ног». Этот старик ему сказал: «Встаньте!». Юноша встал. — «Пойдите, подайте напиток!». Квасу нацедил, как квас раньше делали у бочках. Юноша встал, дал напиток, прошел кой-как по избы, сел поговорить со старцем.

— «Давно ли ты, говорит, юноша, без ног?». — «Вот двадцать лет исполнилось мне как сижу дома, помочь отцу-матери ни в чём не могу». Вынимает старик из сумочки из маленькой три бутылочки маленькие. Из одной бутылки налил юноше: «Попробуйте, говорит, выпить». Выпил юноша, и спросил старик: «Ну как чувствуешь сам себя сейчас?». — «Чувствую себя сейчас сам полным мужчиной, могу владеть собой как мужчина».

Тогда дал из второй бутылочки выпить еще старик. Выпил юноша, еще почувствовал еще сильнее сам себя на два раза. На третий раз юноша сказал: «Теперь могу померяться с любым богатырем (как раньше наступали на царство) и помочь отцу-матери, бедному своему хозяйству».

Юноша встал, достал, што приготовлено на обед, молоко, што полагается в доме. Старик поблагодарил юношу, на прощанье налил из третьей бутылочки. Налил на прощанье из третьей бутылочки и тогда спросил юношу: «Как чувствуешь сам себя?». Назвал его Ильей (его звали не Ильей): «Вот тебе будет имя Ильи Муромца». Тогда Илья сказал: «Мог бы, если бы кольцо в земле железное, поднял бы эту землю до колена». Тогда старик распростился и ушел.

А етым местом владел князь Дмитрий Александрович. И было объявление везде: нет ли сильных мужчин-богатырей, штоб могли бы спасти свою Россию, как наступают хищники, как Россия тогда маленьким государством была.

Пришедши отец и мать с сенокосу, как встречает сын отца и мать могущественной силой, и видят, што сын совсем переменился, сделался каким-то бойким человеком. Мать спрашивает: «Кто к тебе приходил?». Он отвечал: «Приходил старец седой весь, неизвестно кто. Попросил напоить, накормить. И я почувствовал сам себя сильным и могутным и хочу теперь, дорогая мамаша, — и кланяется отцу-матери, — хочу ехать и показывать себя таким красивым и могутным».

Идёт дорогой-тайгой, попадает к тому месту. Шол трое сутки. Идет к князю своему Владимиру. А отец с матерью остались плакать, што один сын был.

Приходит к князю, заявливает: «Што я могу с любым богатырем сразиться и защитить свою родину». Князь приказал отвести его на конюжню и выбрать самолучшего коня, какого только может выбрать. Много он по конюжне ходил, но какого коня ни ударит, не могла лошадь выдержать, падала на колени. Он уходил из конюжни и не мог сыскать себе доброго коня.

Явился с докладом к князю: «Нет, говорит, мне доброго коня, который мог бы мне служить». Тогда князь ему сказал: «Идите в леса и там увидите, табун коней гоняет пастух, и можете в этом табуне сыскать и тогда приходите ко мне».

Долго по лесу ходил. Наконец нашол эту дорожку, сел к дубу и поситживает. Слышит: ржут лошади. Идут, бежат к реки пить. Проходит весь табун мимо Ильи Муромича. Одную лошадь заметил хорошую, которую хотел поймать. Дождался пастухов, выпросил у пастухов. Пастухи сказали: «Имай, какая лошадь тебе нужна. Но мы в жизни не могли никогда ее поймать. И лошадь эта идёт мимо этого дуба с пойла первая — бегаёт всегда». Тогда Илья сел за дуб и сказал: «Будет моя!». Тогда пастухи головой покачали, ничего ему не сказали. Сел за дуб и дожидает, когда пойдут лошади обратно.

Бежит лошадь мимо дуба. Илья прикрылся дубом и на лошадь ударил рукой. Лошадь упала на колена, и он сказал ей: «Ты, чертовка, должна служить мне. Стань передо мной как лист перед травой!». Илья Муромец схватил за гриву, и всё стадо прошло. Он держал лошадь до пастухов. Когда пришедши пастухи, он сказал: «Давайте уздечку, седло! Я сяду на ней и поеду». В это время дали уздечку, седло. Он сел, распростился с пастухами и поехал.

Ехал дорогой сколько времени, — время текло незаметно. Приехал к тому царю-князю и говорит: «Сделайте мне палицу такую, штобы мог я ею владать по силе своей». Первое ему сделали до сорок пудов, ему показалось легкая, второе — до петицесети пудов и третья — до ста пудов

Он взял стопудовую палицу, сел на коня и поехал на поле битвы, где ожидали его богатыри, на широкую долину.

Едет дорогой, встречает опять старичка. «Илья Муромец!» — крикнул старик. Илья соскочил с коня и просил у него благословения: «Што еду я на битву и прошу благословить». Долго старик на его смотрел. Наконец досказал ему слово: «Ну, Илья, за всё твоё добро на тебе шапку и надо тебе меча, шапка послужит за всё». Когда Илья стал поднимать шапку, думал легко будет поднять, но шапку не легко было поднять. Ну старик ему сказал: «Ты говорил — землю поднять можешь, а простой шапки не можешь поднять. Плохой, говорит, вояка, а едешь на битву». Илья покраснел и долго смотрел на старика. Тогда старик сказал: «Илья, возьми, носи и не забывай и не обижай никого стариков и никого граждан, а иди смело и защищай свою родину». Илья взял шапку, положил на голову, сел на коня и поехал, распростился со стариком.

Выезжает на поле битвы, увидал палатки, шатры раскинувши. Пришедши к шатру, связал своего доброго коня с другим конем богатырским к одним яслям. Лошади начали драться. Илья лошадь отбила ту лошадь, и эта лошадь ушла в поле и кушает травку шелковую. Ильин стоит у корму. Илья взошел в палатку. Громким голосом крикнул: «Вставай!». Вскрикивает Бова-королевич и говорит: «Какой невежище сюда пришол и с такой невежей мы разговаривать не будем». Тогда вышли на улицу и смотрят: лошадь Илья Муромеча отбила его лошадь. Тогда Бова-королевич закричал громким голосом, созвал всех богатырей и велел седлать коней. Тогда Илья Муромец оседлал своего коня и сказал: «Давай померяемся, кто кого возьмёт». Делать нечего. Снял шапку свою, перекрестился и сел на лошадь.

Съехались они вместе, копьё с копьём, Илья Муромец и Бова-королевич. Копья у обоих поломались. Бова-королевича лошадь на колена пала. Вторично тупыми копьями съехались, и Илья Муромец ударил Бова-королевича и вышиб из седла долой, сразу на землю упал. И слышен был крик: «Победил Илья Муромец, победил!».

И пошли в шатёр, спустили лошадей гулять в поле, сменяли крест на крест и назвались крестовыми братьями. Чай попили, побеседовали. В беседе стал Бова-королевич разговаривать, што есть царство, мимо которого ни один богатырь не может проехать, ни соловей пролететь. Сидит Соловей-разбойник, мимо него никто не может пролететь и проехать. Тут Илья Муромец сказал: «Крестовый! Садимся со своими богатыри на коней и поедем. Што будет, то будет. Одной смерти не миновать, а другой смерти не бывать».

Приехал в своё королевство, и князь отдал свою дочку за Илью. И распростился со своей супругой и уехавши в другие государства разыскивать этого Соловья-разбойника. Ровно проезжал пятнадцать лет, не бывал Илья Муромец на родине, где оставил свою жену.

Теперь Илья Муромец [с крестовым] съехались туда, где был Соловей-

разбойник. Подъехали. Семь километров не доехавши, как заорёт Соловей во всю пасть. У Ильи конь задрожал, а у крестового на колена упал. Тут Илья схватывает тугой лук и стрелит в Соловья-разбойника в правый глаз, и выходила стрела в левое ухо. Пал Соловей на землю, только земля задрожала. Хватает Соловья, садится на коня и везёт в тот терем, где жила Соловей и его красавица забрана. Оттуда выскакивают все вельможи и кричат: «Вот везёт Соловей-разбойник кого-то к нам на пирог». Но тут увидела одна, што везёт незнакомец Соловья-разбойника убитого.

Заходил Илья Муромец во двор, открывал все двери, садился Илья со своим крестовым за угощение. И тут Илья остается жить тоже лет пять наддять и стал царствовать этим царством.

Услыхал Илья, што на это на ихнее прежнее царство наступают какие-то враги, и просят Илью спасти свое царство. Вдруг Илья вспомнил, што когда уехал от жены, то оставлял свой именной пояс и менный крест. И сказал, што если родится сын, то штоб хранил отцовское названье и скажи, што такой был отец Илья Муромец.

А в это время на царство Ильи Муромча наступают богатыри, разбивают сёла, одно за другим отбирают. Тогда Илья Муромец оседлал своего коня, крестовый уехал на другое место, а он поехал на чистое поле к этим воеводам. Тогда Илья встречается на поле, увидел шатры, опять привязывает коня. На этот раз вояки конь отбил Ильиноного коня от корму.

Тогда Илья зашел в палатку и вскрикнул громким голосом и видит — юноша лег шеснадцати называется воякой-богатырем. Тогда Илья Муромец сказал: «Эх, молодежь, выезжает попробовать силы и смёриться со стариками!». А Илье уж было много лет. Тогда эта молодежь сказал: «Што со стариком нам и меряться нечего». А этого звали Еруслан Ерусланович. И это был его сын. И он не знал отца, и отец не знал сына. Оседлали своих коней. Розъезжали по полю. У Еруслана лошадь, што вихрем, носится, и у Ильи лошадь, што вихрем, носится. Розогнали своих коней. И съехались они во всю прыть. И ударили они копыями железными. Все копыя у них помёлися и ни один из них не пошатнулся. И скрикнули, штобы привезли им стальные копыя и снова штоб съехаться нам богатырям. Разгорелась у них кровь богатырская, разошлись руки молодецкие.

И Илья Муромец вспомнил про свою молодость. «И где ты, мой старец старенький? Покажи мне мою удалую жисть». Тут Ильюшенька сам себя почувствовал, будто к прежней силушке приравнивается.

Привезли же им копыя стальные. Порозъезжались они опять в поле, розогнали своих коней ретивых. И как съехались два богатыря могущих, и вся земля задрожала, и ударили они копыями стальными в груди молодецкие. Пошатнулся Илья в седле, но не упал. Проскочил его конь удалой мимо товарища. Еще более забила кровь молодецкая, разгорелось сердце богатырское. Закричал Илья Муромец громким голосом: «Уж и жить или помирать которому!» А юноша Ильи ответил: «Ни боюсь я ни столечко. И попробую нанести удар богатырский я». Еще больше коней понатужили и сражались, как львы горячие

И ударили копьями стальными молодецкими, выбивали друг дружку из седла: сбивали с коней друга и на землю вылётывали. И схватывались хваткой в рукопашный бой.

Тут Илья схватил юношу и ударил о землю, только земля збунчала. Вынимает он кинжал из-за пояса. Открывает грудь белу юношеску: «Ох ты юноша, молодецкий сын. Но не знаю я твоего роду-племени». И наносит юноше на сердце удалой кинжал. Увидает у юноши свой менный крест, он выбрасывает из руки своей кинжал и говорит юноше: «Встань, юноша, и расскажи мне, чьего ты роду-племени, каких отца-матери и какова государства». Тут юноша отвечал ему громко и смело голосом: «Если бы я сидел на твоей груди, распорол бы белу грудь и вынимал сердце со печенью». Тут спрашивает Илья Муромец: «Ты скажи-ка, скажи, откуда-нибудь?» — «Я такого-то царства, матери Вахрамеевны. А отец — Илья Муромец. А меня звать Еруслан Ерусланович». Вот тут схватил Илья Муромец дорога сына: «Вот тебе отец Илья Муромец, а ты мне будешь сын. Я по чему узнал — по кресту и по поесу».

И уселись они на своих коней и поехали во высок терем. И садились за дубовые столы угощаться вином сладким. И тут спросил сын отца благословения как жениться пойти в царстве своем и остаться править царством по смерти отца и представить сюда свою мамашу Вахрамеевну. И отправлялся сын за мамашей со своим слугами верными. Привезши свою мамашу верную Вахрамеевну к Илье Муромчу во высок терем. Тут встречался Илья Муромец с Вахрамеевной. Весь народ удивлялся, как богатыри да расставались.

И по смерти Илья оставил сыну своему заповедь: «Ой ты гой еси, Еруслан Ерусланович. Ты не бойся на свете никого. Защищай ты свою родину и учи сына защищать родину». Заболевши и умираючи. Оставался сын править государством.

(Дальше про него много знал, да забыл. Там пойдёт, как сражался Еруслан Ерусланович с .....¹ потом с Магометом).

---

¹ В рукописи пропуск.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ В ОБЛАСТИ
ИСПОЛНЕНИЯ БЫЛИН

*

НАПЕВЫ БЫЛИН

*

ПРИМЕЧАНИЯ

*

УКАЗАТЕЛИ

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ БЫЛИН

Былина как устный жанр поэтически оформляется в процессе самого исполнения. Исполнительский момент не является для былин чем-то сторонним, добавочным или вторичным, подобно, например, исполнению-декламации литературного произведения, когда исполнение дает ту или иную трактовку текста, но не меняет самого текста. В былине, как и в сказке, сама редакция сюжета, композиционная и словесная, вырабатывается именно при исполнении, при неоднократном повторении, приобретая у разных сказителей, в зависимости от их индивидуальных особенностей, то более, то менее устойчивую форму.

Связь художественной формы былины с манерой сказывания ясно видна и у тех сказителей, которые мало самостоятельны, не вырабатывают своих редакций, а близко, иногда почти в точности, следуют за своим непосредственным источником. Самая близость былин этой категории сказителей к былинам их учителей обусловлена не только тем, что точно усвоен текст, но и тем, что также в точности воспринята сама исполнительская манера. Отступление от последней неизбежно влечет за собой и какое-то переоформление текста.

Основным формирующим исполнительским моментом для былин является пение. Былина издавна была связана с музыкальным исполнением. Встарину она не только пелась, но и сопровождалась игрой на гуслях. Последние случаи такого исполнения относятся к XVIII в. Собиратели же XIX в. застали

тение былины уже без подыгрывания на музыкальном инструменте.

В XIX и XX вв. былина на Севере поется, как правило, одним лицом, на Юге, у казаков, хором, наравне с историческими песнями, от которых она местными певцами не различается. На Севере хоровое исполнение былин встречается сравнительно редко и обычно является унисонным. Некоторые отдельные отклонения от унисона, как отмечают в своей заметке Е. Гиппиус и Э. Эвальд (Б. С., I, стр. 548), лишь «случайные несовпадения с унисоном». На Печоре встретился особый способ исполнения вдвоем: второй певец подхватывал и продолжал недопетую первым музыкальную фразу (см. там же, стр. 407 и 478).

Из сопоставления исполнения В. П. Носова с братом, его же с И. Г. Носовым и Н. С. Торопова с внуком и с М. А. Поздеевым можно предположить, что в данном случае мы имеем особый стиль исполнения, характерный именно для Печоры; совместное исполнение былин на Мезени носило другой характер, это было простым одновременным исполнением двоих сказителей в унисон.

На Печоре встретилось также и подлинное многоголосье в исполнении былин (там же, стр. 548, нотные примеры IX и X). Особенно следует отметить многоголосное исполнение былины об Илье Муромце (там же, напев IX), так как вторая многоголосная былина «Бутман» (там же, напев X) со стороны текста представляет тип переходный от исторической песни к былине, самый же напев ее приближается к песенному. Многоголосное исполнение этой последней былины, таким образом, можно бы было рассматривать как обусловленное этими своеобразными жанровыми особенностями. Былина же об Илье Муромце является классической героической былиной.

В других районах многоголосье встретилось лишь при исполнении былин балладного жанра (см. стр. 527). Былины подобного типа встречались и на Пинеге и в Прионежье также в хорошем унисонном исполнении (см. стр. 457, 555 и 704 — примеч. к № 177). Былины богатырские в хоровом, хотя бы и в унисонном исполнении, в Прионежье нигде не приходилось слышать.

Собиратели XIX и XX вв. наряду с пением былины столкнулись также и с явлениями «сказывания» в прямом и точном смысле этого слова, т. е. со словесной, а не музыкальной передачей былины. Здесь следует иметь в виду не «рассказывание» содержания былины, т. е. не превращение стихотворного произведения в прозаическое, в сказку, а мерную декламацию, сохраняющую в основном ритмическую структуру былины.

Надо думать, что такой способ исполнения — явление позднейшего времени и связан или с утратой напева данным сказителем, или с фактом невосприятия, по тем или иным субъективным причинам, напева при усвоении текста. В среде северного крестьянства такой способ исполнения расценивается ниже пения, однако он не всегда знаменует собой забывание былины, а бытует параллельно с пением именно как известный тип исполнения.

В. Харузина оставила описание своеобразного состязания двух былинщиков, «сказителя» и «певца». И тот и другой были большими мастерами. «Сказитель знал те же былины, что и певец Утка, и знал их в совершенстве. Мерно и плавно, былинным слогом, лилось повествование о Добрыне и о его жене Настасье Микулишне из уст мелентьевского сказителя. Он ни разу не остановился, ни разу не пришлось ему подыскивать ускользнувшее из памяти слово». Но все же первенство осталось за Уткой. Собравшиеся слушатели хвалили мелентьевского старика: «Хорошо говорит сказитель, нечего сказать». — «А все же лучше старину петь», прибавили они. «И Утке пришлось петь снова» (В. Харузина. На Севере. М., 1898, стр. 69).

У некоторых из таких сказителей мы находим тексты со строго выдержанной ритмической композицией, однако в большинстве случаев при словесном исполнении былины в какой-то степени, в большей или меньшей, испытывает на себе влияние сказовой прозаической речи, элементы которой внедряясь в ткань былины, нарушают ее строгий ритмический строй и сообщают ей иные, чисто сказовые интонации. При словесном исполнении ярче вырисовываются характерные стилевые черты исполнителей «рассказчиков». В годы наших записей на Севере

словесный тип исполнения встречался преимущественно в Прионежье.

Итак, напев формирует и удерживает в определенных ритмических рамках словесную композицию былины. Однако, в противоположность песне, в былине напев с текстом не связан столь неразрывно и органически. В сознании исполнителя текст в большинстве случаев живет самостоятельной жизнью. Почти всякий сказитель, поющий былины, может передать текст словами, не разрушая при этом ритмической структуры произведения. Напев в былинном сказительстве лишь особый способ подачи текста, одно из основных средств сосредоточения внимания слушателя на содержании произведения, средство отрыва аудитории от окружающей обстановки.

У некоторых сказителей мы встречаем стремление перемежать пение былины с декламацией и даже с кратким прозаическим пересказом, дающим переход к следующему эпизоду. Иногда такой способ передачи бывает вызван необходимостью передохнуть от непрерывного пения или забыванием отдельных мест былины (см., напр., текст «Ставра» у Самылина, № 163). Но на Мезени это оказалось довольно часто повторяющимся явлением, свойственным и хорошим сказителям (см., напр., №№ 14, 15, 32, 33, 35, 37, 38), что побуждает нас видеть в этом упрочившийся местный прием исполнения.

Хотя текст и живет в сознании носителя былины отдельно от напева, все же текст спетый всегда будет отличаться от сказанного. Как правило, спетый текст всегда богаче орнаментирован повторами, энклитическими и связывающими частицами. В пении меняется самое построение фразы, и ритм стиха приобретает большую чеканность. Ср., напр., две записи былины «Садко» от пудожского исполнителя А. П. Сорокина: Рыбн., 134 — явно переданная «словесно» былина; у Гильф., 70 — запись с голоса.

Степень этих отличий текстов — спетого и сказанного — у разных сказителей различна. Приведем примеры. Первый случай — минимальные изменения при пении. В приводимом тексте слова и слоги, вставленные при пении, выделены курсивом. Выпущенное при пении взято в скобки.

В Новом городе было
 Как не во пору да не во врем(я)ё,
 Средь лета было о Петрово дни,
 По той по порбхе снегу белого,
 Не бел горносталь да шол-проскакивал,
 Да шол-прошел да добрый молодец,
 Да молод Чурило да сын Плёнкович,
 Да пята шилом, носки были востры,
 Да под пету хоть воробей лети,
 Кругом носка хоть яниц кати.
 Да шубочька на ём семьсот рублей,
 На шубы подтяжка позолочена(я),
 Да ожерелье у шубы чёрна соболя,
 Не того де соболя сибирского,
 Не сибирско(го) соболя заморского.

(М. Г. Антонов, Про Чурилу, Б. С., I, стр. 208).

Второй случай — уже значительные изменения.

Ай на горах-то горах, горах было высоких,
 Ай што на тех горах было горах окатистых,
 Ай на окатистых горах, горах было на увалистых,
 Ай тут стояла ле руська да наша застава,
 Ай во перьвых тут и стоял да Ил(ь)ия Муромец,
 А во вторых тут Добрынюш(к)а М(и)екитин млад,
 А во трет(ь)их-то Ол(ё)ёшинька Поповиць млад,
 Ай берегли-стерегли да стольний Киев-град,
 А стояли за веру ли за крещёную,
 А стояли за церкви православные,
 Ай стояли за князя ле за Владимира,
 А стояли за кнегинушку королевн(о)ую,
 А вставал-то Ильюш(а)енька по(у)ютру раню,
 Ай умывалса Ильюш(а)енька клюцовой водой,
 А утиралса Ильюшенька полотёнышком,
 А надевал сапожки да всё козловые,
 А надевал ещё Ильюша шубу кунюю (же),
 А застёгивал ли пуговики всё вяшныне,
 А стойт шубочька восемьсот рублей,
 А пуговок ли на ей да на три тысячи.
 А вставал-то Ильюш(а)енька против зерькала,
 А чесал ле Ильюш(а)енька (буйну) свою седу голову,
 А чёсал свою головушку да дивился он.

(Я. Е. Гольчиков, Подсокольник, Б. С., I, стр. 116).

Здесь мы видим богатый словесный узор, делающий спетый текст значительно более пышным и звучным. В дальнейшем

в том же тексте и в других текстах Я. Е. Гольчикова находим и случаи полной замены одних стихов другими. Примеры см.: т. I, стр. 114 и 124.

Употребление при музыкальном исполнении начальных и вставных частиц обычно происходит у сказителя в определенной системе (отбор определенных частиц и слов, повторение вставок в определенных частях стиха и т. д.). Как и в области других приемов, крупнейшие мастера вырабатывают, создают здесь свою систему, которую усваивают сказители, учащиеся у них былинному искусству.

Это было уже отмечено Гильфердингом. Указав среди заонежских сказителей наличие двух школ, кижской и толвуйповенецкой, Гильфердинг видел различие между ними в «тех беспрерывно повторяющихся вставочных частицах, которые служат как бы подпорками нашего эпического стиха» и которые «дают, так сказать, тон всей рапсодии». (Онежские былины, СПб., 1873, стр. XXX). В Кижках, по его наблюдению, такими частицами являлись, кроме общеупотребительных *да, а, и, ли,* — *как, ведь и де*. Толвуйские сказители «опирают стих на частицах *нынь, или нунь, же, было, и есть* или *е*: это последнее (*есть* или сокращенно *е*) большею частью употребляется при глаголах прошедшего времени, так что оно является как бы остатком старинной формы образования прошедшего, но как смысл этого приставочного „*есть*“ или „*е*“ уже потерян, то сказители нередко пользуются ими просто для стиха» (там же). Различие в пользовании вставочными частицами хорошо видно из сопоставления трех лучших мезенских мастеров — Антонова, Якова Гольчикова и Палкина. М. Г. Антонов пользуется ими в высшей степени скупно. Для начала стиха он пользуется почти исключительно словами *да* и *как*, часто же начинает стих без таких начальных слов и частиц. В качестве вставок он употребляет чаще всего, кроме *да, ведь, нонь, нынче, нонче*, иногда в соединении с *да, ка, уж, ле* (*ка ведь, нонь уж, ведь да, да ныне*).

В противоположность Антонову богато украшает свои тексты вставочными частицами Яков Гольчиков. Излюбленная вставка его *ле* и *ли* в разнообразном сочетании с другими частицами и словами: *то ли, ка ле, ле ка, и ле, ле там, и ле там, ле, ле*

ноне, ле нонь, ле то было, у нас ле, ле есть и т. п. Часто встречается также *да всё*. Из наречий в качестве вставки преимущественно употребляется, как видно из приведенных примеров, — *ноне* и *нонь*, *тут* и *там*, но обычно в сложном сочетании с другими вставочными частицами.

Что касается А. И. Палкина, то он главным образом пользуется частицами *да* и *де*. Они служат ему и для начала стиха, часто в следующих комбинациях: *да што, де што, и де как, де как и, де-ко* и т. п. Эти же частицы используются Палкиным и внутри стихов. Из наречий для вставки чаще всего употребляется *тут*, опять-таки в сочетании с *да* и *де* (*де тут и, да тут* и т. д.).

Особенностью многих сказителей Печоры является вставка в качестве частиц гласных *а, е, э, о* (иногда эти гласные повторяют предшествующий конечный звук).

Ай-я не белый де заюшко *а* проскакивал

Ай-я сапожки сафьяновые *а* под лавочку,
Он и лежылся на кроваточку *о* тешовую.

Это чей *де е* кушак вёсит на спичике?
Это чьи *де е* перчаточки на полочки?
Это чьи *де е* сапожочки под лавицой?
Он каблук *да о а* каблук *да* поколачивает.

(Из былинны „Про Чурилу“ И. Г. Носова, № 75).

Уж я один *да* хожу *да* не *е* женат живу,
Кабы кто мне нашол *а* ноньче супружницу,
Как супружницу-*у* нашол *е* *да* сполубовницу.

(Из былины „Про Тарокана, сына Заморенина“ П. Ф. Дуркина, № 85).

Исключительным богатством и оригинальностью в отношении вставочных частиц отличается исполнительский стиль В. П. Носова. В качестве начинающих частиц мы у него находим: *ай-да, ай-я, ай-е, ай-я да, а-ше, а да, а-на, а-на ле, а-на как, а-сь, а-ше, как ле*. При этом обычно целая группа стихов, следующих один за другим, объединяется одинаковым началом, затем данная группа сменяется другой, уже с иным началом — *вапевом* стиха. Внутри стиха вставки у В. П. Носова не столь разнообразны. Чаще всего — *нонь, нонече, и* сочетания *тут*

нонеце, нонце ле, е, иногда право. Интересно то, что носовская система начальных частиц встречается еще у некоторых сказителей Печоры. Это как раз те, которые испытали влияние Носова; ее мы находим у И. Г. Носова, часто поющего вместе с В. П. Носовым (см. № 75); некоторые следы ее (употребление вставочной частицы *на*) мы видим и в тексте № 76 (Дунай) А. Р. Овчинниковой, хорошо знакомой с В. П. Носовым, не раз слышавшей его исполнение.

Характерным музыкально-исполнительским моментом является вставка гласных звуков (солы́тан, сы́толы и т. п.). Это явление, часто встречающееся в исполнении народных песен, в области былины характеризует преимущественно мезенское исполнение, но встречается и на Печоре. Для Прионежья оно не характерно. У некоторых мезенских сказителей это явление особенно ярко. Приведем образцы из былины № 44, А. И. Палкина, «Илья Муромец и Кудреванко».

Де сам и неко́о он тут не сы́прашивал,
Де ни подворотников, ни предверников,
И заходил и он во сыветлу гриднюшыку.

И де только в цы́стом поле-те пошла курева столы́бом,
Де как отъехали от хорода от Киева,
Де тут завидели силушку Кудреваны́кову.

Как подошел к нам злой собака, злой неверной пан,
Да злой неверной пан, да молодой солы́тан,
И молодой солы́тан, да сын Солтановиц.

Уж вы ой еси, братцы, вы добы́рые молодцы!
Де мы поедьмьте-ко-ся сбить силу Кудреваны́ку,
Де поезжайте вы с фланку правого и левого,
А я поеду в середи́нушку силушки Кудреванковой.
Да как засвистит моя вострая сабелька,
Да заталя́цят мои серебряны колечу́шка,
Так уж вы бейте, секите, кто сколько можете,
А как не засвистит моя вострая сабелька,
Де как и не сбрыкают мои серебряны колечу́шка,
Так вы не задевати лучше силушки Кудреваны́ковой.

Отмечаем все случаи и вставок, которые удалось уловить в текстах А. И. Палкина.

В былине № 44:

Стих 5 Злой неверный пан да молодой солбытан да сын
Солтановиц

- » 23 Де светыла мясяцо как и помёркло же
» 45 И де што за ту же он привязку бохатырскую
» 46 Де сам и некохо он тут не спырашивал
» 48 И заходил он во сйветлу гриднюшкы,
» 52 И у Владимира князя во светлой гриднюшке
» 56 Де как сам назад он петилыся
» 74 И молодой солбытан да сын Солтановиц
» 83 Да на поедём-ка с тобой смотреть да силу Кудреванькову
» 87 Де два седёлышка да всё черкалёские,
» 95 И де только в цыстом поле-то пошла курева столбым
» 97 Де тут завидели силушку Кудреванькову
» 106 Де што на те же ростани бохатырские.
» 110 Де ты пойдитко-сь во божью цериков
» 114 Де не помилюёт ли нас хосыподь
» 128 Всё не по старому да не попржеёному
» 136 Да злой неверной пан, да молодой солбытан
» 137 И молодой солбытан да сын Солтановиц
» 145 Да ездил я смотрел силу Кудреванькову
» 150 До сорок бочек мёда слатыково
» 162 Де сорок же боцёк да пива пьяныго
» 163 Де сорок же боцёк мёда слатыково
» 167 Де што на те же он ростани бохатырские
» 176 Уж вы ой еси, братцы, вы добрые молодцы
» 180 Де как засвистит моя вострая сабелька
» 181 Де заталяцят мои серебряны колечушка
» 183 А как не засвистит моя вострая сабелька
» 185 Так вы не задевати лучше силушки Кудреваньковой
» 188 К срединушки силушки Кудреваньковой
» 193 Да засвистела тут вострая сабелька
» 199 Да опять де пили да ели тут и спыать легли
» 201 Де выходил и он да из белá шатыра
» 202 Де тут смотрел лы в подзорную трубуцку
» 205 Де потешаются они булатыной палодькой
» 216 Да тут выстала опять силушка Кудреванькова
» 219 Де опять съехались добрые молодцы

В былине № 45:

- Стих 3 Был собыран стол, почёсен пир
» 5 И усыланы скатерти шелковыя
» 7 Да и разоставлены напитацки равняныя

- 12 Да все были пѣяны-весѣлы
- » 23 Да то́лько я бла́д ясе́н сокол холо́ст хо́жу
- » 29 Да цѣ́рны бы́рови штобы́ были у собо́ля
- » 34 А сре́дней-от кро́ется за мла́дшы́го
- » 41 У́ж вы по́зываете́ мне-ка́ сло́во вы́молветь
- » 50 Моло́ду же́ну да по́любовы́ницу
- » 51 А ту́т и были́ по́сыланы́ к подгрё́бу предве́рники
- » 66 Де́ заходи́л он во́ сивету́ гри́дню́шку
- » 70 Де́ ту́т сади́ли его́ да за́ чесны́ сы́толы
- » 88 Де́ цѣ́рны бы́рови штобы́ были у собо́ля
- » 102 За́ двена́дцатима́ замка́ми замы́кнута́ кре́пкима
- » 162 И за́чал он да́ рвать́ замки́ кре́пкы́я
- » 181 Да́ на дру́гих подно́сят на́пито́чки разы́ные
- » 215 Де́ из уше́й и от ко́ня ту́т па́р сто́лы́бом сто́ит
- » 227 И ка́к схвати́лись дра́тце на́ ру́копа́шны́й бо́й
- » 235 Да́ и разво́ротил он латы́-ти жа́лезны́я
- » 239 Де́ ка́к и це́луёт он у́ ей да́ уста́ са́хары́ны
- » 249 Де́ ка́к подъе́хали ко́ красну́ кры́льцу
- » 256 Да́ здра́стывуй же́, до́щи Опра́ксия́ коро́леви́шня
- » 267 Да́ не мо́глы́а она́ во́ слова́х да́ возде́ржатисе́
- » 269 Ка́к хвасты́ш ты да́ пусты́ма́ сы́ловымъ́
- » 286 Да́ на гла́вы персте́нь не́ тро́хнулы́се
- » 303 Ка́к бо́гаты́рско́ сердце́ не́ укы́роты́лосе́
- » 313 Ка́к бо́гаты́рско́ сердце́ разхо́релосе́
- » 314 Де́ ка́к поста́вил и он сво́е́ востро́ ко́пы́е
- » 321 Де́ называ́лась она́ да́ За́дунай-реко́й

Печорский стиль музыкального исполнения у ряда сказителей характеризуется другим фонетическим моментом — образованием дифтонгов (Мари^энушка, люби^эма и т. п.). Отдельные случаи встречались и на Мезени, но как определенная, возведенная в систему манера исполнения это явление отмечено нами только на Печоре.

Приводим образцы случаев дифтонгирования.

В былине № 54:

- Стих 20 У́ж я силу́шко́ю буду́ ца́ря си́льней
- » 36 У́ж я силу́шко́ю буду́ ца́ря си́льней

В былине № 73:

- Стих 26 Ай-я по́шел До́бры́нька Ни́эки́тиеч бла́д
- » 56 Ай-я побе́жала к Мари́эну́шке лю́той гро́за
- » 60 Ай ох е́си ты́, Мари́эну́шка да́ лю́га́ гро́за.

- » 61 А ще отдай ты мне-ка любима крестниѣка
- » 62 А ще ты отдаш мне любима крестниѣка
- » 66 А ще говорит Мариѣнушка люта гроза
- » 70 А ще ты ой еси, Мариѣнушка люта гроза
- » 71 А ще ты отдай мне любима крестника
- » 72 Ты не отдаш любима крестника

Нам не удалось, к сожалению, определенно проследить, есть ли или нет следы дифтонгирования в обыденной печорской речи, но наблюдение над исполнением былин убеждает нас, во всяком случае, что дифтонги в былинах, на какой бы почве они ни возникали, являются сейчас известным музыкально-поэтическим приемом.

Вместе с тем данное явление, как и вставка гласных, представляет большой интерес для лингвиста.

Для Печоры вообще характерно наполнение былинного стиха при пении гласными звуками (см. Б. С., I, подтекстовки под напевами IX и X).

В области «игры звуками» при исполнении ярко выделяется в Прионежье систематическое *й* после слов, оканчивающихся на гласную, в былинах П. И. Рябина.

«Поезжай-ко ты в раздольиѣ *й* чисто поле,
 Да *й* под тот славный под крекновиз дуб.
 А сидит там птицы *й* ворон чёрная,
 А ведь крыльица *й* у ворона *й* чёрным чёрны,
 А ведь перьяца *й* у ворона *й* белым белы»
 Так стоит тут молодец да *й* пораздумался:
 «Хоть подстрѣлю я двух белых лебѣдушек,
 Ихну кровь пролью ей по синю морю,
 Ихну тушицу спущу ей во сыру воду,
 Ихни перья разнесёт ей по синю морю,
 Не укрятаю плеча *й* могучево,
 Не утешить мни-ка *й* сердце богатырско».

«Хоть подстрѣлю я птицу *й* ворон чёрную,
 Яво *й* кровь пролью ей по сыру дубу,
 Яво *й* тушицу спущу ей на сырѣ землю,
 Яво *й* перья разнесёт ей по чистѣ полю,
 Не укрятать мне *й* плеча *й* могучего,
 Не утешить мни-ка *й* сердце *й* боатырско».

(„Королевици из Крякова“, приложение I, № 7).

Особенность эта является характерной чертой исполнения всех сказителей рода Рябининых.

На Печоре встретились случаи проникновения в музыкальное исполнение былин известной песенной манеры разделения слогов вставочными частицами.

Он привязывал коня ко сы... ах ко сырому дубу,
Ко сырому дубу да ко зо... ах да к золоту кольцу.
Заходил тогда Добрынюшка во... ах и во черной шатёр.

(«Добрыня и Дунай», С. Д. Чупрова, № 49).

Кроме данной былины (№ 49), см. еще №№ 92 и 94. Не случайно именно на Печоре нам пришлось встретиться с данным явлением. Воздействие песенных традиций на былинный жанр здесь вообще сильнее, чем в других былинных районах Севера (случаи многоголосного исполнения, песенные интонации в напевах, см. заметку Е. Гиппиуса и Э. Эвальд, т. I, стр. 548).

Подобное дробление слов мы наблюдаем постоянно в исполнении былин на юге, среди казачества, где былинку вообще не отграничивают от исторической и бытовой песни.

Один из значительных моментов исполнения — замечания, ремарки сказителей, которыми некоторые из них сопровождают исполнение. Прежними собирателями они редко отмечались. Это характерно для старого собирания, когда исполнение использовалось лишь как способ получения текста и само не изучалось. Текст отвлекался от живой обстановки бытования. Ремарки исполнителя не мыслились неотъемлемой принадлежностью произведения, облекающегося в живую плоть в момент исполнения. Из них в лучшем случае лишь отдельные, казавшиеся почему-либо особенно интересными, давались в сносках, в примечаниях. А между тем ремарки исполнителя — одно из проявлений реальной поэтической жизни фольклорного произведения и, как таковое, должны быть записаны и опубликованы в неразрывной связи с текстом. Их наличие или отсутствие, количество и характер — один из моментов, определяющих самый стиль произведения. Подобно ремаркам должны, конечно, отмечаться и другие аналогичные моменты исполнения, как реплики аудито-

рни, жестикуляция сказителя и т. п. (см. в отношении фиксации жеста прекрасную запись И. В. Карнаухова сказки заонежского сказочника П. Я. Белкова «Старик и соковицы». Сказки и предания Северного края. М.—Л., 1934, № 13). К сожалению, в этом отношении наше современное собрание еще мало подвижилось вперед по сравнению с прежним.

Систематическую запись ремарок сказителя в момент исполнения былин произвела О. Э. Озаровская, записавшая былины от М. Д. Кривополеновой.¹ В сборниках былинных записей за последние годы ремарки стали отмечаться (кроме «Былин Севера», см. сборники: «Былины М. С. Крюковой», I—II, М., 1939—1940, «Былины Пудожского края», Петрозаводск, 1941, и «Онежские былины», издание Гос. Литературного музея, М., 1948).

По характеру и назначению ремарок можно выделить следующие основные группы: 1) ремарки пояснительные; 2) повествовательные, вносящие дополнительные моменты в повествование или предворяющие дальнейший рассказ, и 3) ремарки лирические, выражающие личное отношение исполнителя к поэтическим образам, дающие оценки событию и т. п.

Первая группа — наиболее многочисленная. Большой интерес среди пояснительных ремарок представляют те, которые дают осмысление старого исторического быта, образов, далеких современности. Функция этих ремарок — создать восприятие предлагаемого слушателям поэтического материала именно как исторического, хотя и чуждого настоящему, но в далеком прошлом реального. Так, сказитель, передавая образ старинного вооружения богатыря (А есть у старого тугой лук, а есть ещё у старого десять стрелочек), прибавляет: «Прежде луками стреляли» (Б. С., I, стр. 112; ср. аналогичные ремарки о стрелах там же, стр. 351 и 405); упоминание гридни вызывает пояснение: «Прежде у князей так комнаты назывались — гридни» (там же, стр. 174); картина единоборства («Стали тенуться через гривы лошадиные») сопровождается ремаркой: «У их мода была» (там

¹ О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. М., 1916.

же, стр. 328). Но наиболее часты простые пояснения отдельных слов, выражений или описаний типа следующих: «Все вскочили здесь да ужáхнулись (*вроде как испугались*)», «Все пали бодре кособрюхие на пол (*без ума, значит*)», «А на левом плечу да млада крѣчета (*нечиста така птица*)», «Если боѣ наш будет нынче на́помощь, то рубите вы без вѣвету (*не щадит никого*)»; описание поражения поленицы в бое с Дунаем («Ище вышиб Дунай из седла́ долой, наступил тут ведь конь на белую грудь») поясняется: «Неприятелю наступил, кони так обучены были» (там же I, стр. 267). Обычны также указания в ремарках, кому из действующих лиц именно принадлежат те или иные слова или действия: «Эго наказывал Идолищо-то» (там же, стр. 174), «Илья-то Муромец сказал» (там же, стр. 177) и т. п. Все эти ремарки сообщают спокойному эпическому повествованию значительно бóльшую живость и сильнее приковывают внимание аудитории к повествованию.

«Повествовательные», или «эпические» ремарки — это те, которые неразрывно связаны с самой линией повествования, дополняют или развивают отдельные его моменты. Иногда они близки к прозаическим формулам перехода или к коротким прозаическим пересказам, непосредственно входящим в само повествование, и отличаются от них лишь особым способом произнесения, характерным для всех ремарок — произнесением «в сторону», выключаящим ремарку из основного повествовательного движения. Ремарки «предваряющие» как бы забегают вперед, создавая у слушателей заинтересованность дальнейшими событиями.

Вот образцы ремарок подобного типа:

Как на утре-то было ранѣшенько,
На светлой зари раноутренней
(*Сейчас у их тут будет бой*),

На выкате солнышка красного,
Вставал-то старый со постелюшки и т. д.

(«Про татарское нашествие» М. Г. Антонова, Б. С., I, стр. 178).

Она бросилась ему Иванушку за белу шею:
«А как хош, Иван ты сын да Горденовиц,

Я просватана за поганого Издолища,
Я пропаду, ты пропадешь не за денежку»

(Дела тут будет много!)

Он взял Федосью, повёл за белы руки из горницы вон
и т. д.

(„Про ласкова князя Владимира“ Ф. В. Поздякова, Б. С., I, стр. 301).

Есь-то у короля втора́я дощи,
Да та Марина Семёновна,
Да та полени́ца зла удалая,
Да та ведь тебе не прилюбитце,
Да та тебе не пондравитце

(Вот он стал намечать ему невесту).

Да есь-то у короля третья́-то дощи,
Да та Апраксенья ведь Семёновна
и т. д.

(„Женитьба Владимира“ М. Г. Антонова, Б. С., I, стр. 217).

Примеры ремарок «дополняющих»:

И Илья Муромец с княгиной да Опраксеей
Едва живы́ стоят.

(Он их под руки поддерживал).

(„Илья Муромец и Соловей-разбойник“ Н. К. Семенова, Б. С., I, стр. 243).

Открывали замки да всё немецкия,
Как снимали плеты железныя,
А сидит гам стар, весь волосом оброс

(Книгу читат).

(„Про татарское нашествие“ М. Г. Антонова, Б. С., I, стр. 175).

Послал Илья сын Иванович во чисто́ поле.
Долго поётця — скоро скажетця,

(Уже третьей год едет).

(„Илья Муромец“ П. И. Дятёвой, Б. С., I, стр. 520).

Мы видим, что «дополняющие» ремарки имеют также функцию пояснения, но, поясняя, они вносят новую деталь в повествование. Поэтому мы их и обособляем от чисто «пояснительных».

Третья группа ремарок — «лирические» — представляет исключительный интерес и значение как для изучения личности сказителя, так и для уяснения роли эпического творчества в поэтическом быту северного крестьянства. Ремарки эти помогают яснее вскрыть идеалы народа, отраженные в былинах, выявляют отношение крестьян к эпическим образам, те живые ассоциации, которые вызывают в их представлении эти образы. Мне не раз приходилось ссылаться на замечательную ремарку К. Г. Рябинина к образу пахаря Микулы (Б. С., II, стр. 260), которая свидетельствует о живом, современном звучании этого образа (см., напр., Б. С., I, стр. 14). Сколько презрительного торжества звучит в ремарке Ф. В. Поздякова, повествующего о бессилии Издолища вернуть похищенную невесту: «Богатырь был тоже!» (там же, стр. 303). Образ богатырской скачки героя у того же исполнителя вызывает восторженное замечание «Дородно едет!» (там же, стр. 300). Трагическую смерть поленицы Настасьи-королевичны другой исполнитель (М. В. Семенов) сопровождает полной сочувствия и сожаления ремаркой: «Упала бедная горюница» (там же, стр. 270). Замечание печорской исполнительницы Дитяевой по поводу отказа неверной жены повиниться мужу — «Вот какую грубость сказала!» — показывает стремление если не оправдать, то психологически мотивировать жестокую расправу с неверной женой мужа, который уже готов был ее простить «во первой вины» (там же, стр. 533).

Подобные ремарки окрашивают повествование в теплый лирический тон; внося ноты восхищения, осуждения, сочувствия, а подчас и юмора, делают былинные образы более близкими и понятными для слушателя.

Употребление ремарок, их количество и характер тесно связаны с личностью исполнителя, определяют его исполнительский стиль.

Для мезенского мастера М. Г. Антонова, например, характерно и изобилие ремарок и их качественное разнообразие. Очень большое место занимают у него ремарки лирические, а также пояснительные. Из повествовательных он пользуется преимущественно «предваряющими».

У другого мезенского сказителя, М. В. Семенова, который тоже пользуется ремарками в большом количестве, пожалуй на первый план выступают ремарки повествовательного характера, хотя у него есть и лирические и пояснительные. Он не раз также разрывает повествование большими ремарками пояснительного характера, имеющими целью подтвердить действительность изображаемого (см. Б. С., I, стр. 253 и 254). Ремарки П. И. Дитяевой вносят некоторый элемент морализации.

Во всех районах бытования былины мы встречаем как сказителей, сопровождающих свое исполнение замечаниями, так и исполнителей, ими не пользующихся или пользующихся скупой, ведущих непрерывную линию повествования. Однако и здесь мы можем отметить некоторую районную специфику. Так, для Прионежья, хотя мы находим и здесь сказителей, сопровождающих исполнение замечаниями, в целом эта особенность исполнения не характерна. Из 36 сказителей, представленных в томе II, лишь 12, да и то скупой, дают ремарки (одну-две в течение всего исполнения). Наоборот, на Мезени эта манера исполнения выделялась особенно ярко. Из 19 сказителей 12 применяли ремарки, причем это были по преимуществу лучшие исполнители. На Печоре из 19 сказителей у 10 мы наблюдали тоже употребление ремарок, но вообще ими пользовались там более умеренно, чем на Мезени, и как раз лучшие сказители (за исключением П. И. Дитяевой) ремарок не употребляли (В. П. Носов, Н. С. Торопов, Г. И. Чупров).

На Мезени и на Печоре встретилось нам в области исполнения и другое явление, тоже до сих пор не отмечавшееся. Это короткие прозаические концовки, замыкающие рассказ, типа: «Конецъ», «Ну, больше конецъ», «Больше конецъ», «Больше всё», «Боле вся» и т. п. Назначение этих концовок, как и всякого былинного «исхода» — возвращение слушателей к покинутой ими на время реальной действительности. Прежние собиратели не фиксировали их, вероятно, потому, что считали такого рода восклицания посторонним исполнению моментом. Однако в том, что данные восклицания представляют своеобразные концовки, убеждает нас и их заметная стандартность и особый тон, которым они произносятся. В Прионежье такого рода прозаические

концовки встречаются как исключение. Обычно же концовки, если они и употребляются, вводятся в самый былинный строй, как известная концовка сказителей Рябининых: «Да тем та былиночка и покончилась».

Все изложенное в данной заметке представляет лишь отдельные наблюдения в области исполнения, сделанные попутно при записи текстов, и преимущественно касающиеся явлений, до сих пор почти не отмечавшихся.

А. Астахова.

ПРИОНЕЖЬЕ

I

ПРО ЦАРЯ КАЛИНА И КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

(к тексту №100)

Конда.
Суриков, Егор Борисович
(Фонограмм-архив №3491)

Не очень медленно $\text{♩} = 92$

II

ПРО ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА

(к тексту №102)

Конда.
Суриков, Егор Борисович
(Фонограмм-архив №3491)

Медленно $\text{♩} = 128$

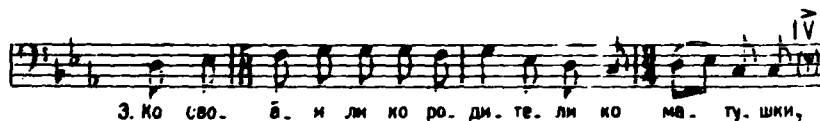
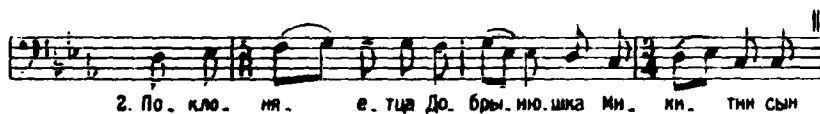

III ДОБРЫНЮШКА НИКИТИЧ (к тексту №104)

Конда.
Андрянов, Кузьма Дмитриевич
(Фонограмм-архив №3489)

Умеренно ♩ = 168

IV ТРИШКА - РАССТРИЖКА .

(к тексту №108)

Конда.

Андриянов, Кузьма Дмитриевич
(Фонограм - архив №4489)

Медленно ♩ = 108 - 110

1. За-ме-сто ца-ре-ви-ча Ди-ми-три-я

2. При-шел к нам в Мо-ску са-мо зва-ный ца-рь.

3. На зва-лса со-ба-ка пря-мы (фы) ца-рем

4. Пря-мым ца-рем ца-рь Ди-ми-три-ем

V БЫЛИНА О ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ

(к тексту №109)

Зиновьево.

Богданова, Настасья Степановна
(Фонограм - архив №789)

Умеренно ♩ = 160

1. Как во-сто-льнем бы-ло го-ро-де во-и-е-е

Да и у-ла-ско-ва да кня-зя у Вла-ди-ми-ра

2. Как вот ла-ско-вой то князь да сто-льне Ки-е-вской

в о-дну по-ру вод-но вре-мя-чко

VI О ЩУРИЛЕ ЩАПЛЕНКОВИЧЕ

(к тексту №111)

Зиновьево.
Богданова, Настасья Степановна
(Фонограмм - архив №783)

VII БЫЛИНА ОБ ИВАНЕ ГОДИНОВИЧЕ

(к тексту №114)

Зиновьево.
Богданова, Настасья Степановна
(Фонограмм - архив №3492)

3. да- ва- лась Доб- ры- не Ни- ки- ти- чу,

4. Ху- же не- ту А- ле- ше По- по- ви- чу,

5. Не- у- дач- на И- ва- ну Го- ди- но- ви- чу.

6. Же- ни- ла е- го ма-мень-ка не- во- лё- ю,

7. По не- во- лей о- тец не- о- хо- то- ю,

8. Не у го- ло- го же- ни- ли, не у бо- со- го,

9. у та- та- ри- на же- ни- ли у бо- га- то- го,

10. При- да-но- го то мно- го, че- ло- век ху- дой.

VIII КОСТРЮК (к тексту № 116)

Зинорьево.
Богданова, Настасья Степановна
(Фонотрамп-архив № 3493)

Скоро ♩ = 200

1. Да ты Ко- стрюль Бо- стрюль

2. Мо- ло- дой ли царь чер- ка- ша- нин,

3. Тво - я си - ла на - по - ми - рна - я,

4. Три - дцать лет во - е - вал и не мог си - лу - шку о - тве - да - ти,

5. Пле - ча сво - е - го да бо - га - ты - рско - го.

Во - дну по - ру во - дню вре - ме - чко

IX О ДЕВЯТИ БРАТЬЯХ-РАЗБОЙНИКАХ

(к тексту №117)

Зиновьево.
Богданов, Настасья Степановна
(Фонограмм - архив №787)

Не очень медленно $\text{♩} = 78$

1. Как бы - ло у вдо - вки у ра - спа - ше - нки

2. Де - вять то сы - нов о - ди - на - ка дочь.

3. Де - вять то сы - нов да вси вра - збой по - шли,

4. Во ра - збой ра - збой, во ра - збой - ни - цыки,

5. Во но - цыны - и де - ныи - и по - до - ро - жни - ки,

6. О - ди - на - ку до - чку за - муж вы - да - ла.

X

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВОВИЧ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

(к тексту № 130)

Гарницы.
Рябинин - Андреев, Петр Иванович
(Фонограмм - архив № 3486)

Медленно ♩ = 63

1. Жил Свя- то. слав де- ве- но- сто лет,

2. Жил Све- то. слав да-й при- о- ств- рил- ся,

3. Ос- та- ва- лось у не- го да- ча. до ми- ло- ё,

4. ми- ло- е ча- до- чко лю- би- мо- ё

XI

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

(к тексту № 131)

Var.

из то- го- ли то из

1. Из то- голь из го- ро- да из Му- ро- мля,

2. Аз то- го се- ла та с Ка- ра Ча- ро- ва

ХІ

ПРО ДОБРЫНЮШКУ НИКИТИЧА И ПРО АЛЕШЕНЬКУ ПОПОВИЧА (к тексту №172)

Дерегузово.

Оргина, Анастасия Федоровна
(Фонограмм-архив № р.180)

1 Во том то во го- ро- де во Ки- е- ве,

2. Што у лас- ко- ва кня- зя у Вла- ди- ми- ра

3. За- во- дил- се ведь там да- по- чёс- мой пир,

4. Што на всех ли то князь- ёв да на бо- га- ты- рей.

ХІІ

ПРО ДОБРЫНЮ (к тексту №184)

Северская.

Карешкова, Анна Николаевна
(Фонсграмм-архив № р.184)

Не очень медленно ♩ = 82

1. .... ста- ро- древ- ну- ю, ста- ро- древ- ну- ю, да ста- ро- дав- ну- ю,

2 Ста- ро- древ- ну- ю да ста- ро- дав- ну- ю

3. От- прав- ля- ет- це Доб- ры- ню- шка да во чис- то по- лё

4. Вон на- ка- зы- ват сво- ей жо- ны Наст- ась- и да Ми- ку- лиш- мой:

5. Ты мо. на мо. я, нас. тась. я да ми. ку. лиш. на,

6. Уж ты жди ме. ня да ров. но три го. да,

7. не при. е. ду ес. ли я да че. рез три го. да,

8. Уж ты жди ме. ня да ров. но шесть го. дов.

ПИНЕГА XIV РОМАН И ЕГО ДОЧЬ НАСТАСЬЯ (к тексту № 189)

Сура.
Мурин В.О., Мурин П.Я.,
Титова М.А., Филина А.П.
(Фонограмм - архив № 167)

Умеренно $\text{♩} = 76$

Во перь. вом то те. ре. му жи.

||

вё Ро. ман то князь, во вто. ром то

||

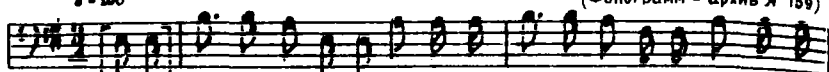
те. ре. му жи. вё Ро. ма. но. во же. на.

XV КОСТРЮК

(к тексту N 209)

Карпова Гора
Ломтев, Иван Александрович
(Фонограмм - архив N 159)

♩ = 100

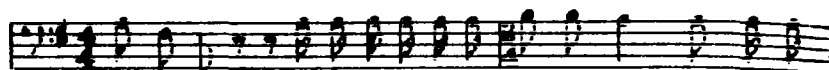
(В го-ды) преж-ни-е, вре-ме-на то до- сель-ны-е, да при на-шем то

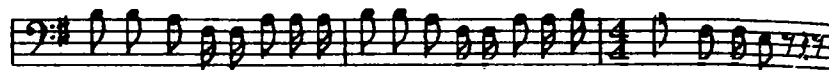
све-те ца-ре, при И-ва-не Ва- силь-е-ви-че, он и вздумал по-же-

-ни-ти-ся, во зем-ле во не-вер-ны-е на Мерь-е Ти-ме.

-рю-ков-не. Мно-го бы-ло спро-во-жд-ных то, дав-ста та-

-та-ро-вей, пол-то-раста у-ла-но-вей, пол-третья-ста цар-ква сы-но-вей.

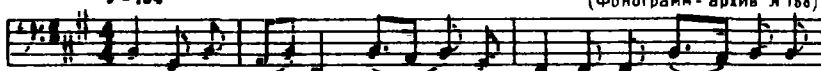
XVI

ЖАЛОБА СОЛДАТ ПЕТРУ I НА КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОГО

(к тексту N 210)

Карпова Гора
Ломтев, Иван Александрович
(Фонограмм - архив N 158)

♩ = 104

Нам-то ни до-ро-го не зла-то да ци-сто-е

се-ре-бро. Ой, до-ро-га на-

-ша лю-бовь, да мо-ло-де-шка-я, до-ро-

га то да лю-бовь да мо ло-де-ца-я. И-ще зы-ла-то ци-сто се-ре-бро да ми-ну-тца, ах, до-ро-га то на-ша лю-бовь не по-за-бу-ди-тца. Ой, се-ре-ди-бы-ло Ки-та-я сля-вю-го-ро-да.

XVII СЕРЕДИ БЫЛО ЦАРСТВА МОСКОВСКОГО

(к тексту № 214)

Шотовз Гора
Вехорев, Александр Прохорович
(Фонограмм - архив № 143)

Не спеша $\text{♩} = 69$

Се-ре-ди бы-ло цар-ства Мос-ков-ско-во, что сре-ди го-су-дар-ства Рос-сий-ско-во. Что сре-ди го-су-да-рес-тва Рос-сий-ско-во, да-да-да сре-ди на Моск-вы в Кре-м-ле го-ро-де.

XVIII СЕРЕДИ БЫЛО ЦАРСТВА МОСКОВСКОГО

(к тексту № 214)

Шотова Гора
Вехорев, В.С. 70 л.

(Фонограмм - архив № 147)

Не спеша, торжественно ♩ = 66

XIX ПОЕХАЛ КНЯЗЬ МИХАЙЛО

(к тексту № 219)

Марьино Гора
Чуркина Екатерина Матвеевна
(Фонограмм - архив № 126)

Умеренно скоро ♩ = 112

XX КОЗАРИН

(к тексту №221)

Умеренно ♩ = 104

Лохново
Смоленская матрени Федоровна
(Фонотрамм - архив № 176)

XXI ПРО ДОМНУ

(к тексту №222)

Не спеша ♩ = 104

Лохново
Смоленская матрени Федоровна
(Фонотрамм - архив № 177)

XXII НЕ ШУМ ШУМИТ

(к тексту № 224)

Не очень медленно, распевно ♩ = 84

Лохново
Смоленская Матрена Федоровна
(Фоногр. архив № 177)

1. Не шум шу-мит, не гром гре-мит,

2. Мо-ло-дой тур-чак свой у-дел де-лит.

3. Мо-ло-дой тур-чак свой у-дел де-лит,

4. Ай до-ста-ля-ся те-ща зя-тю.

XXIII ПОМОРЬЕ КАК ЕЗДИЛ СТАР

(к тексту № 227)

Умеренно скоро ♩ = 130-152

Сумский Посад
Ростовцева Наталья Алексеевна
(Фоногр. архив № 3318)

1. Как ез-дил стар по чис-ту по-лю

2. О-то мла-дос-ти до ста-рос-ти.

3. У-е-во то был конь ту-це па-душ-ко.

4. А уж он ре-ки о-зё-ра че-ре-ска-кал.

XXIV ЖИЛ КНЯЗЮШКО ДЕВЯНОСТО ЛЕТ

(к тексту №228)

Сумский Посад
Кузнецова Устинья Максимовна
(фонограмм - архив № 3518)

Не спеша $\text{♩} = 120-122$

1. Жил был кня. зюш-ко да сын И. ва. нуш-ко,

2. Сын И. ва. нуш-ко да де-вя. нос-то лет.

3. И взял и кня. ги. ну. шку да де-вя. ти го. дов.

ПРИМЕЧАНИЯ

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

Былина героического цикла, интересная в особенности тем, что сохранила ранний, героический образ Алеши Поповича. В конце XIX и начале XX в. уже была мало распространена: из ряда районов имеем лишь единичные и, обычно, краткие варианты. Записи имеются: с Севера — из б. Кижской вол. (2 варианта), с Пинеги (3), Мезени (1) и Печоры (2), из б. Новгородской губ. (краткий прозаический пересказ), из Зап. и Вост. Сибири (5) и от казаков, донских, оренбургских, астраханских и терских. Встречается в сказочных обработках.

К. Д., 19 (Кир., II, стр. 70); Рыбн., I, 27; Гильф., 99 (ср. Рыбн., I, 24); Григ., I, 43, 50, 212; III, 30; Марк., 47; Онч., 64, 85; Тих.-Милл., II, 28, (Гуляев, 40), 29, Прилож., стр. 280, 282, ср. I, стр. 47; Милл. 39, 40, 41, Прилож. 11 (= Листоп., 24); Сокол., стр. 301; Гуляев, 42, Прилож. 11; Догадин. Былины и песни астраханских казаков, вып. II, 1905, стр. 7; Листоп., 23, 25. Сказочные обработки указаны у Андр., 650, III.

Новые записи: 1 вариант из Заонежского р., 2 — из Пудожского р. (Парил.-Сойм. 5, Сок.-Чич., 13), два прозаических пересказа с Пинеги. Два варианта от одной исполнительницы (Марфы Крюковой) из с. Зимняя Золотица (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. 90; Крюк., I, 29). Мотивы сюжета находим также в былине об Алеше и богатыре неврном, записанной В. П. Чужимовым в 1934 г. в с. Зимняя Золотица (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. 71).

В образе Тугарина дан обобщенный образ насильника-кочевника. Возможно, что в самом имени врага заключаются отзвуки воспоминаний о борьбе русских с половецким ханом XI—XII вв. Тугорканом. Несомненно, что в раннее время существовали и другие героические песни с героем Алешей Поповичем, следы которых находим в разных былинах: в контаминированном варианте Кирши Данилова, в былине о гибели богатырей (эпизод единоборства Алеши с татаринном) и в редких самостоятельных былинах на ту же тему (Марк., 63; Марк.-Богосл., I, стр. 31).

Основная композиционная схема в большинстве вариантов одинакова. Выделяются варианты Кириши Данилова и беломорский (Марк., 46). Первый соединяет с обычным сюжетом о Тугарине эпизод поражения Алешей Поповичем другого врага. Наименование его тоже Тугарином — случайная несообразность. Беломорский вариант представляет обработку в виде самостоятельной песни первого эпизода былины Кириши Данилова и чрезвычайно близок во всех частностях к последней. Остальные варианты, за исключением отрывочных, разрабатывают эпизоды столкновения Алеши с Тугарином на пиру и дальнейшего одоления Тугарина. Из Заонежья мы имеем только два кратких варианта, из которых один (Гильф., 99) дает лишь самую развязку — бой с Тугарином. Пинежские варианты, отличаясь различной степенью разработанности, передают расправу с Тугарином совсем кратко. Отсутствует выезд на единоборство и военная хитрость Алеши. Наиболее развернута в них вступительная часть — выезд богатырей и раздумье на распутье у трех дорог. Лучшими, наиболее полными вариантами являются мезенские, печорские и сибирские. В последних, обычно, еще выделен присоединенный позднее мотив связи Апраксии с Тугарином. Наиболее подчеркнут этот мотив в казачьих вариантах, из которых один донской (Милл., Прилож. 11) даже имеет концовку, аналогичную песням о Ване-ключнике.

В конце XIX в. и начале XX в. были очень распространены лубочные пересказы данной былины в соединении с другими сюжетами об Алеше Поповиче.

№ 125. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, 17 января 1932 г., от внучатного племянника В. В. Амосова (см. стр. 127), Заонежский р., д. Обозеро.

Публикуемый текст интересен тем, что является всего третьей записью этой былины из Заонежского района. До сих пор мы имели два очень коротких варианта из Кижей, записанные один Рыбниковым (II, 27), другой — Гильфердингом (99). В первом изображается насильничанье Тугарина в Кисве, насмешки Алеши Поповича над обжорством Тугарина, бросание Тугарином в Алешу Поповича ножом и убийство Алешей врага в поле. Сама же победа Алеши изображена чрезвычайно кратко: Алеша Попович выехал в поле, встретил там Тугарина и убил его. В варианте Гильфердинга дается картина самого поединка с рядом традиционных подробностей: Тугарин летает под облаками, Алеша молится, чтобы омочило крылья бумажные, и т. д. Но в изображении подвига отсутствует обычная хитрость Алеши (укор Тугарину, что тот нарушил договор и выехал на поединок с «силой», укор, который побуждает врага оглянуться). Здесь же используется обычный в сцене на пиру мотив бросания кинжала. Алеша прячется за гриву коня, кинжал уходит в землю, а Алеша ударяет палицей и затем отрубает голову.

Наш вариант тоже не сохраняет всех традиционных моментов, обычных для обработок данного сюжета. Так, нет насмешек Алеши над насильником-обжорой. Имя «Тугарин» заменено «Сокольником». Но самое поражение врага совершается, как обычно, путем хитрости.

Сюжет о победе над Тугарином соединен с рассказом об убийстве Неодолища и, таким образом, является параллелью к былине Кириши Данилова. Но объединение не является внешним и формальным, как у Кириши Данилова. Сокольник хвастает, что только Неодолище может тягаться с ним, Алеша показывает ему голову Неодолища и вызывает на бой (см. пинежскую сказку про Алешу Поповича, № 198). Самый рассказ о Неодолище представляет переработку сюжета о Добрыне и Дунае. Убийство сонного врага, что никогда не встречается в вариантах указанного сюжета, находится в соответствии с уже более поздним образом Алеши. Также выделяется и черта корыстолюбия («содрал с шатра и с коня все ценное»), внесенная в эпический образ Алеши в связи с его прозвищем (Попович). Однако, несмотря на отмеченные черты, снижающие образ Алеши, общая оценка Алеши в данной былине положительная: «Тем и кончилися два врага киевских благодаря смелости Алешеньки Поповича».

Название врага «Неодолище» ведет нас к лубочным сказкам, след влияния которых чувствуется и на самом стиле былины.

№ 198. Запись А. М. Астаховой, 18 июля 1927 г., от Евфросиньи Аббаковны Дорофеевой, 63 л., Карпогорский р., д. Остров (близ Суры).

Образец превращения былины в сказку. Рассказ об Алеше и Тугарине объединен с сюжетом былины «Козарин» с перенесением роли последнего на Алешу Поповича. Кроме того, в сказке использован еще сюжет очень распространенной на Пинеге в начале XX в. былины об Алеше и сестре братьев Петровичей (см. Григ., I). В части сюжета «Алеша и Тугарин» вариант восходит к версии сборника Кириши Данилова. Враг в первой части именуется Неодолищем. Слияние былинных сюжетов произведено таким образом, что образована как бы биография Алеши Поповича. Для завершения всего рассказа включен эпизод женитьбы Екимя Ивановича на спасенной из татарского плена сестре Алеше Поповича. Влияние сказочного эпоса на данный текст очень значительно и в отношении стилистики (см., напр., выражение: «рос не по годам, не по неделям» и др.) и в отношении образов (перенесение на Екимя Ивановича черт храброго портняжки). Вероятнее всего, что данный текст восходит к лубочным пересказам былин о данном герое. Исполнительница усвоила его от своего свекра из Красного Бора на Северной Двине, который тоже рассказывал, как сказку. Передан был текст исполнительницей очень сбивчиво.

№ 212. Запись А. М. Астаховой, 29 июня 1927 г., от Александра Прохоровича Вехорева, 59 л., Карпогорский р., д. Шотова Гора.

По словам исполнителя, побывальщину об Алеше Поповиче он усвоил

из книжки — кто-то читал. «Я купил, грамоте еще не знал; давно, годов 40, она истерлась и истлела вся».

Как все прозаические варианты былины об Алеше Поповиче, восходящие к лубочным пересказам, данный текст соединяет два былинных сюжета: победу над Тугарином, в рассказ о которой включено еще поражение Неодолища, и освобождение сестры (сюжет Козарина, приуроченный к Алеше). Данный текст интересен тем, что в первой своей части не только следует почти во всех эпизодах и их подробностях былине Кириши Данилова (замняя лишь Тугарина в первой встрече Неодолищем), но и совпадает с ней в целом ряде мест текстуально.

Ср., напр., с соответствующими местами указанной былины выражения: «скачут стремя о стремя и плечо о плечо» — стихи 6 и 7 у Кириши Данилова; «поворотили богатыри ретивых коней и помчались в Киевград» — стихи 34—35; «Аким-то Иванович стреножил ретивых коней зелену мураву траву щипать, сам пошел в тот же шатер опочив держать» — стихи 43—44; «Ото сна он пробуждается, утренней росой умываетца, белою ширинкой утираетца, да на восток Алеша богу молитца» — стихи 46—50 почти дословно; изображение калики: «лапотки-то у калики семи шелков, подковырены чистым серебром, личино у них унизано красным золотом, шуба на нем соболиная, долгополая и т. д. — стихи 59—65; изображение Неодолища и пр. Пропущено только поручительство за Тугарина всех присутствующих и поручительство за Алешу «владыки Черниговского», укор княгини Алеше: «не дал посидеть другу милому», эпизод с «тучей с градом дождя», которая подмочила бумажные крылья врага. Более развит, как всегда в прозаических пересказах, диалог, введен комментарий от исполнителя.

Былина о бое с Тугарином объединяется с сюжетом о Козарине. Отнесение подвига освобождения сестры из татарского плена к Алеше мы находим и в стихотворных вариантах (см., напр., Марк., 64; Кир., II, стр. 80). Дальше должен был, по указанию исполнителя, следовать рассказ о неудачной женитьбе Алешы, но запись была прервана пришедшими по делу крестьянами.

Рассказывал очень выразительно и с большим увлечением, но к концу, видимо, устал.

БРАТЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Принадлежит к числу самых популярных баллад из круга близких к былинам. На Севере осознается населением как жанр, отличный от песни и приближающийся к былине. В Заонежье и Поморье чаще всего именуется «стихом» и исполняется на особые напевы, отличающиеся от былинных. На Мезени, наоборот, говорят: «Это не стих, а самокладка, бывальщина, старина». Баллада эта на Севере в настоящее время — почти исключительное достояние женских репертуаров.

В прежние годы известна в большом количестве записей из разных мест Средней России, Поволжья, Зап. Сибири, Северного края. Точное перечисление местностей, где были произведены записи, см. в сборнике В. И. Чернышева «Русская баллада». Изд. сов. писат., 1936, стр. 384—385.

Рыбн., 37 (Соб., I, 185), 112 (Гильф., 176; Соб., I, 180); Гильф., 28, 167 (Соб., I, 184), 176, 248 (Соб., I, 182), 294 (Соб., I, 183); Агр.-Слав., стр. 119; Григ., I, 30, 42, 46, 49, 53, 57, 67, 75, 77; III, 25, 120; Марк., 27, 114; Марк.-Богосл., II, стр. 89, 90; Соколов. Былины, ист. песни и пр., 15; Васнецов, стр. 128; Добровольский, ч. 4, стр. 593, № 14; Даль, Соч., I, 1897, стр. 181; Кир. Нов. сер., вып. 2, ч. 1, 1361, 1446; Соб., I, 178, 179, 181, 186—193; Милл. Ист. песни из Сибири, стр. 60; Жив. Стар., 1915, Прилож., стр. 40; в б. Псковской губ. баллада эта была записана А. С. Пушкиным. Изд. «Academia», 1936, т. II, стр. 491—492; то же «Рукою Пушкина», подготовили М. А. Цявловский, Т. Г. Зенгер и Л. Б. Модзалевский, 1935, стр. 454—456; Шахм., стр. 58; Гуляев, 21, Прилож. 6. Особая версия: Варенцов. Сборник песен Самарского края. СПб., 1862, стр. 221 (Соб., I, 194). Сведения о вариантах, записанных в прежнее время и хранящихся в рукописном виде, см. у Чернышева, стр. 385. Сюжет баллады использован в ряде колядок, см. А. Потебня. Обзор поэтических мотивов колядок и щедровок (Русск. Филол. вестн., № 4, Варшава, 1885, гл. LXXII). Прозой у Онч., Сказки, 97.

В период 1926—1938 гг. на Севере записано более 40 вариантов основной версии. Наиболее распространена она в Прионежье, где ее знают и старики, и молодые, и дети. (Опубликовано: Ряб.-Андр., 9; Конашк., 21. Сок.-Чич., 155, 226, там же список записей, стр. 903—906). 5 вариантов записано на Мезени (Б. С., I, 8, 9, 10); 2 — на Печоре (Б. С., I, 77); 1 — в Поморье и 2 на Зимнем берегу (см. Крюк., II, 86, 87). На Пинеге, в местах нашей работы, эта баллада не известна.

Разбойничество в данной песне, подобно былинам о Соловье-разбойнике и о встрече Ильи Муромца со станичниками, трактуется как общественное зло. Однако подчеркивание в ряде вариантов социального происхождения разбойников («род крестьянский», «у вдовы у пашницы», или «пашницы», «у крестьянина у нужного») вместе с указанием иной социальной принадлежности зятя (гость богатый, боярин, торговщик) перекидывает мост к «разбойничьим» песням XVII—XVIII в., воплотившим мотивы социального протеста. Этим и объясняется отсутствие в песне прямого осуждения разбойничества как занятия. Дальнейшее использование данного социального момента, уже в плане песен социального протеста, находим в одном саратовском варианте (Соб., I, 190), где разбойники после узнания сестры в отчаянии говорят: «Мы не барина резали», «мы не барчонка в воду бросили», «нам не барыня в полюбовницы на посмешище подалася».

Содержание песни в ее основной версии очень устойчиво, варьируются лишь детали.

Втягивание поздних эпических песен в киевский цикл сказалось и на данной былине-балладе в перенесении действия в Киев (Григ., I, 67; III, 25, 120; Марк., 27, 114; Соб., I, 178, 190, 193). В беломорских обработках заметно влияние былины «Козарин» (сестра оказывается дочерью Петра Коромыслова: Марк., 114) и «Дунай и королевна» (сестра именуется Настасьей королевичной: Марк.-Богосл., II, стр. 89). В заонежских вариантах следует отметить постоянную тенденцию к местному приурочению действия («Онегушко страховитое», «шумяче, гремяче Онегушко») и некоторые характерные бытовые детали. Все мезенские варианты, записанные нами в верховье, отличаются от обработок, записанных Григорьевым по нижнему течению, подчеркиванием крестьянского происхождения братьев и сестры и приурочиванием действия к морю Хвалынскому.

Кроме публикуемых вариантов, из представленных в книге районов в Рукописном хранилище Сектора фолькл. ИРЛИ АН СССР имеются следующие записи: из Заонежского р. — 1) от Надежды Яковлевны Истоминой, около 50 л., из д. Истомина, близ Шуньги (запись А. М. Астаховой 1926 г., колл. II, папка I, № 23); 2) от Анны Кузминичны Лучиной, 74 л., из д. Кургеницы Кижского сельсовета; 3) от Ольги Ивановны Рябининой, 33 л., из Кижей; 4) от Марии Спящей, 11 л., из д. Карзино Фоймогубского сельсовета; 5) от Марии Михайловны Ключиной, 48 л., из д. Ключино Яндомозерского сельсовета; 7) от Федосьи Кузьминичны Чивинной, 81 г., из д. Леликово (записи М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной 1932 г., колл. XXVI и XXVII).

№ 117. Запись А. М. Астаховой, июнь 1926 г., от Настасьи Степановны Богдановой, 65 л., Петрозаводск.

Типичный заонежский вариант в его сокращенном виде, т. е. без повторения происшествия в рассказе сестры брату, ср., напр., № 174. Интересна бытовая деталь: «гостинички», которые дочь с мужем везут к матери.

В 1931 г. от Н. С. Богдановой данная былина вновь была записана Н. Котляровой. Основные отличия второго варианта:

- 1) отсутствуют стихи 4, 16—17, 40;
- 2) вместо стиха 38:

Спать не лег, богу молится,
Богу молится, в грехах спасается.

3) включен рассказ (но неполный) сестры, после стиха 43 следует:

«Уж я родико есть не бóльшого
И породы не самой младшей,
Роду я среднего». —
Да и стала она рассказывать:

«Было у вдовки девять сынов да одинака дочь,
Одинаку дочку замуж выдала,
Год-то жила — не подумала,
Другой год — не стоскнулося,
А на третий год сына рѳдила,
На четвѳртый годик стосковалося.
И вот собрались мы и поехали
В свою сторону, на мою родину,
Да за славны за синѳ моря».

4) заключительные стихи:

Тут все разбойники расплакались,
Горько-тошно они порастужились.

Этот конец Н. С. сопровождала следующим замечанием: «На этом и кончается. Чево уж больше — обесчестили и расплакались. Уж чево больше! Ведь коли б знали, что своя сестра, какие ни на есть разбойники, а верно не обесчестили б».

Напев IX. Запись на фонограф Е. В. Гиппиуса 20 сентября 1927 г. в Ленинграде.

№ 119. Запись Н. Котляровой 12 августа 1931 г. от Натальи Тимофеевны Зиновьевой, 45 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Зиновьево.

Интересно социальное заострение в стихах 35—37, ср. с саратовским вариантом у Соб. (I, 190). Характерные бытовые детали те же, что в вариантах №№ 117 и 145.

№ 126. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, 17 января 1932 г., от Матрены Кузьминичны Пашовой, 54 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Обозеро.

Вариант усиливает драматизм развязки заключительным рассказом о встрече с матерью и о ее смерти от ужасного потрясения (единственный вариант с таким концом). Следует отметить также своеобразие диалога, приурочение действия к родному для заонежья «Онегушку», «шумячему», «гремячему», и такую реалистическую бытовую деталь, как распределение функций в лодке: муж на корме, сама на «веселушках» — обычное явление в жизненной практике северян.

№ 139. Запись М. Б. Каминской, 21 августа 1931 г., от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, 27 л., Заонежский р., д. Гарнидь.

Сравнительно редкий для позднейшего этапа северной эпической традиции случай исполнения этой былины мужчиной-сказителем (см. еще Б. С., I, 8; Конашк., 21). От предков П. И. Рябинина записана не была. Текст усвоен им от Н. С. Богдановой и близок к ее варианту, но исполняется Рябининым на обычный рябининский напев.

№ 145. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 28 января 1932 г., от Анны Тимофеевны Тихоновой, 60 л., Заонежский р., Кижи, д. Боярщина.

В варианте выделяются реально-бытовые черты (дочь печет гостинички для матери) и приурочение места действия к родному краю.

№ 174. Запись И. В. Карнауховой, 5 июля 1926 г., от Марии Васильевны Рагозиной, 16 л., Заонежский р., д. Дерезузово (близ Шуньги).

Один из наиболее стройных по своей композиции и четких по ритму заонежских вариантов. При исполнении большую часть стихов М. В. Рагозина повторяла.

№ 177. Запись А. М. Астаховой, 7 июля 1926 г., от Авдотьи Дмитриевны Егоровой, 23 л., и Анны Ивановны Егоровой, 26 л., Заонежский р., д. Звяговщина (близ Шуньги).

Исполнялась былина вдвоем, присутствовавшие женщины подтягивали, но в унисон, без подголосков.

Типичный заонежский вариант. Как в большинстве вариантов, действие приурочено к родному краю. Выделяется образ Онежского озера («Онегушко страховитое»).

№ 229. Запись А. М. Астаховой, 7 июля 1932 г., от Устины Максимовны Кузнецовой, 60 л., Беломорский р., с. Сумский Посад.

Вариант очень сокращенный. Передала былинку словами, но напев показала — он тот же, на который была спета былина «Жил князюшко». См. напев № XXIV. Былинку слышала от стариков. Называла ее «стихом». По словам исполнительницы, былинку эту в Сумском Посаде «мало знают». Раньше «в великий пост кудели пряли и пели».

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

Былины о Василии Буслаеве принадлежат к числу социально-бытовых былин, отразивших события городской жизни и социальные отношения. Насыщенные (в особенности былина о бое с новгородцами) чертами исторической обстановки Новгорода XIII—XV вв., они получили распространение исключительно в областях, связанных с новгородской колонизацией на севере и северо-востоке: в Прионежье (наибольшее количество вариантов), в Шенкурском крае, на Пинеге, Мезени, Печоре, Зимнем берегу Белого моря и в Зап. Сибири. Фрагмент из Москвы (Тих.-Милл., II, 64) является лишь пересказом нескольких стрывков текста былины № 9 сборника Кириши Данилова. Имеется еще полузабытый вариант из б. Новоладожского у., б. Петербургской губ. Оба сюжета былины о Василии Буслаеве (о борьбе с Новгородом и паломничестве в Иерусалим) встречаются в качестве отдельных самостоятельных былин и, как позднейшая

обработка, в контаминации друг с другом. Более распространена была первая былина. В соединении с ней вторая, обычно, сильно сокращает повествование. Имеются и сказочные обработки с XVIII в

В последующей библиографии сюжета одной звездочкой отмечены былины на первый сюжет, двумя — на второй. Не отмеченные являются контаминацией.

К. Д., 9* (Кир., V, стр. 14), 18** (Кир., V, стр. 23); Кир., V, стр. 3*, 8*; Рыбн., I, 17, 64*, 65**, 72* (Гильф., 103*), 125* (Гильф., 54), 150*, 151**, 169*, 198; Гильф., 30*, 44, 54, 103*, 141, 259, 284, 286*; Марк., 52; Григ., I, 39; III, 3, 18, 74**, 86**; Онч., 11** (к), 28**, 48** (отр.), 74, 88*, 89*, 94*; Шайж., стр. 60; Тих.-Милл., 61, 62, 63, 64*; Прилож., стр. 289*; Милл., 93*, 94**; Листоп., 42.

Сказочные обработки: Афан., III, 311; Кир., V, Прилож., стр. I, III. XIII*.

Новые записи произведены: 3 варианта в Заонежье, 3 варианта в Пудожском крае, 2 — на Кенозере (Сок.-Чич., 25, 136, 145, 171, 174, 256, 259), 1 — на Зимнем берегу (Крюк., II, 77) и 2 на Мезени (Б. С., I, 14 и Прилож., 4 — вариант, переданный прозой).

Былины о Василии Буслаеве представляют огромную ценность и яркими зарисовками старого новгородского быта и тем, что в них дан образ большого художественного обобщения. Это было отмечено еще Белинским. А. М. Горький причислял тип Василия Буслаева к наиболее ярким мировым образам. Особенно четок этот образ в варианте Кириши Данилова, лучше других сохранившем и весь новгородский колорит произведения.

В композиционном отношении варианты чрезвычайно разнообразны. Четких областных групп нет. В Прионежье преобладает первая былина. Вторая, в качестве самостоятельной, почти отсутствует. В контаминированных (одна треть всех вариантов) второй сюжет передается обычно кратко. Обе части иногда связываются внутренне: во второй вспоминается буйное прошлое Василия Буслаева; присоединяются новые мотивы, характеризующие буйную натуру героя, и обрисовка героя достигает еще большей цельности и завершенности. На Мезени и Печоре, наоборот, преобладает вторая часть. В отдельных эпизодах замечается отход от старейших редакций (см. Григ., III, 18 — замену камня огненной горой и др.).

№ 102. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, 10 января 1932 г., от Егора Борисовича Сурикова, 68 л., Заонежский р., д. Конда.

Источником печатаемого текста является былина матери Егора Борисовича Домны Суриковой, записанная А. Ф. Гильфердингом (Гильф., 141). Эта былина — одна из наиболее полных прионежских обработок и представляет объединение обоих сюжетов о Василии Буслаеве. Текст Сурикова чрезвычайно близок к своему источнику, почти дословно повторяет зна-

чительную часть стихов. Слегка сокращен (22½ стихов, у магери 260). Изменения незначительны. Все же в них видны некоторые личные тенденции исполнителя: все сокращения касаются изобразительных, раскрывающих деталей, так, напр., выпускаются: слова чернавушки «Знал загадки загадывать, а не знаешь ноне отгадывать» в ее сообщении об избитии его дружины (Гильф., 141, стихи 146—147); описание избитых мужиков: «кистенями головы переломаны, кушаками головы перевязаны» (Гильф., 141, стихи 167—168); образ: «хвatalа под правую под пазуху» (мать Василия) и др. Места, которых нет в тексте Д. Суриковой, представляют усиление психологических и бытовых моментов. Так, стихи 102—103 («Он хмельным умом да пьяным разумом побнуса с нима о велик заклад») объясняют неразумный поступок Василия Буслаева. Ответ матери на просьбу новгородцев унять Василия передает ее обиду: «Не уйму Васильюшка Буславьева — не простили вы вецор во той вины» (стихи 168—169). Интересны еще: стих 112 («Василий-то матушки ответу не мог подать»), передающий подавленное настроение Василия; стих 194 — мотивировка матерью ее отказа отпустить на богомолье («Еть можно и дома богу помолитися»), стих 11, дающий оценку поведения Василия и др.

Некоторые из этих мотивов, несомненно, тоже принадлежат источнику и лишь выпали во время исполнения Гильфердингу. Об этом свидетельствует наличие их в записи от другого сына Домны Суриковой — Антона Борисовича (см. Прилож. I, № 4). Устойчивость их у Егора Сурикова характеризует его как исполнителя, стремящегося к точности воспроизведения. Замена в стихе 148 старинного «колпака» «шляпой» — типичная для позднейших записей былин модернизация.

Напев II. Записан на фонограф М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 10 января 1932 г.

№ 115. Запись Б. М. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 12 января 1932 г., от Настасьи Степановны Богдановой, 73 л., Заонежский р., д. Зиновьево.

Текст представляет отрывок забытой былины, интересный включением фрагмента из стиха «Аника воин».

Приложение I, № 4, Запись на фонограф С. И. Бернштейна, июнь 1926 г., от Антона Борисовича Сурикова, 67 л., Заонежский р., д. Конда. Расшифровка текста А. М. Астаховой.

Восходит к тому же источнику, что и № 102 — к былине матери исполнителя, Домны Суриковой. Как и № 102, вариант близок к тексту Суриковой в записи Гильфердинга (Гильф., 114). Таким образом, мы имеем здесь факт очень устойчивой семейной традиции. В словесных редакциях отдельных мотивов Антон Борисович проявляет по сравнению с братом все же несколько большую самостоятельность.

Входит в героический цикл былин о борьбе с татарами, примыкая к группе песен о неожиданном спасителе. Одна из наиболее социально-острых былин. Из общего количества известных вариантов (30) половина принадлежит б. Олонецкому краю. Распространена была также на Мезени (6 вариантов) и на Печоре (4 варианта, один из них не закончен). Имеются еще: одна запись с Пинеги, две из б. Нижегородской губ. и одна из Зап. Сибири. Зачин быliny (о турах златорогих) — осколок старинной легенды об охране Киева богородицей — в качестве отдельной песни получил распространение в Поморье и среди казачества.

Кир., II, стр. 93; Рыбн. I, 81 (*Гильф.*, 116), 161 (*Гильф.*, 60), 174, *Гильф.*, 60), 194, 209; *Гильф.*, 18, 41, 60, 66, 116, 181, 231, 258; Марк., 77; Григ., I, 105; II, 2, 7, 10, 25, 38, 53; III, 10, 15, 20, 33, 59, 65; Онч., 4, 17, 18, 87 (отр.); Тих.-Милл., 38, 39, 40; Милл., 47. Ср. также К. Д., 24; *Гильф.*, 186, Афан, III, 315.

«Туры». Григ., I, 33, 36; Марк., 13; Марк.-Богосл., II, стр. 75, 76; Милл., 48, 49 (Соб., I, 484), 50, 51, 52.

Новые записи — из Печорского края (4) и из Пудожского р. Карелии (4). См. Конашк., 9; Сок.-Чич., 14, 83, 94; Б. С., I, 64, 68, 81, 89.

Отнесение героя-спасителя Киева к «голи», к социальным низам, заостряет классовую направленность быliny.

Варианты распадаются на две четко обозначенные группы: онежскую и мезенско-печорскую (к последней примыкают варианты кулойские, пинежские и золотидкий). В онежских сюжет более прост и четок. В заключительную часть введен эпизод военной хитрости Василия: под предлогом похода на Киев богатырь получает от Батыги его рать и избивает ее.

В мезенско-печорских вариантах сюжет осложнен взаимоотношением Василия и князя с боярами, в силу чего былина обильно насыщается элементами социального протеста: Василий Игнатьев ведет татар на Киев с условием, чтобы они не разоряли Киев-град, а лишь грабили и убивали бояр. См., напр., Григ., III, 65, стихи 285—289; Онч., 4, стихи 205—209. Особенно социально четко дан этот момент в варианте Григ., III, стихи 229—232: «А бар-то у нас казните — вешайте»; в одном нижегородском варианте (Милл., 47, стихи 113—115): «Я тебя введу в Киев-град на три часа, бей князей, бояр, а до черни дела нет, а на княжеский двор и не гляди»; у Марк., 77, стихи 141—148: «Я не дам-то тебе розбить, розорить да красен Киев-град... да вам дам только обирать князе i, бояр же» и т. д. В некоторых вариантах Василий Игнатьев, оскорбленный боярами, которые отказывают в награде («нам боле Васенька не надобно»), сам избивает бояр. В других голи укоряют князя Владимира, что он не с ними «думу думает», а «с боярами толстобрюхими». Наибольшей остротой отличаются печорские варианты. В них четко выделен мотив беспомощности князя вместе с его подчиненностью боярам. В одном варианте (Онч., 17)

гнев Василия обрушивается и на князя; князь прячется под стол и вымалчивает пощаду. Имя врага в вариантах меняется: в онежских он сохраняет историческое имя — «Батыга» (Батый); на Пинеге, Мезени и Зимнем берегу именуется «Кудреванко» (от Кудряница, персонажа духовного стиха о Егории); на Печоре — «Скурла», «Скурлык»; названия зятьев и сыновей — «Артак», «Сартак», «Коншик» — отзвуки воспоминаний о половецком хане Кончаке (может быть, и Ороке) и о сыне Батыя — хане Сартаке.

№ 181. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 25 июля 1932 г., от Агриппины Матвеевны Никоновой, 88 л., Пудожский р., Песчанское, д. Конновская.

Один из вариантов данной былины, записанный в Прионежье в советское время. Обнаруживает забывание былины: врагу Табатыге приписываются поступки и слова Василия Игнатьева (ср. печатный вариант с № 116 у Гильфердинга). Действие получает неожиданный поворот: Василий напаивает Табатыгу, и тот сам рубит свою рать.

Образ Владимира выпал совсем. Несмотря на все изменения и сильное сокращение, ясна близость варианта к прионежской группе. Кроме изменения сюжета, видим отдельные искажения в именах и словах: «книга ледовидовая» — из Леванидовая» (см. Гильф., 69; Рыбн., I, 209) от креста Леванидова, из-под которого выбегают туры (см. Гильф., 41 и 66); Табатыга Табатыгин вместо обычного в Прионежье Батыги Батыговича; Василий Игнатьев превратился в Василия Буслаева; но «дьячок-издумщик» — ближе к первоначальному — «большому сдумщику» (Гильф., 258), из которого в прионежских вариантах в порядке этимологического осмысления явился дьячок-выдумщик (ср. еще «дьячок зловыдумчивый» у Гильф., 181).

ВАСИЛИИ И СОФЬЯ

Былина-баллада об отравлении любовников известна в двух версиях. Одна, по которой отравляет любовников мать (обоих или одного), распространена была, главным образом, в Онежском крае, откуда в прежних сборниках имеем 9 вариантов. Такое небольшое сравнительно количество записей из Онежского края, где данная баллада несомненно была популярна, объясняется тем, что Рыбников и Гильфердинг вообще на былины-баллады обращали мало внимания и записывали их лишь попутно. Один вариант имеется из Новгородской губ., один из Смоленской и один с среднего течения р. Пинеги (ближе к Карпогорью). Другая версия, совершенно иная обработка сюжета, в которой отравление совершает Чуриль-игуменье, известна в 4 записях с р. Пинеги (близ г. Пинеги и ниже). Эта вторая версия в списке вариантов обозначена звездочкой.

Гильф., 31 (Соб., I, 88), 134 (Соб., I, 83), 285 (Соб., I, 87); Ист.-Д., стр. 70; Гринг., I, 61*, 65*, 68*, 101*, 131; Добровольский, IV,

стр. 585, № 7; Онч. Сказки, 98 (пр.), Соб., 82, 84, 85, 86; Чернышев, 249; Сокол., стр. 309, № 7; Ср. О. Э. Озаровская. «Пятиречие», «Моряжка», стр. 31, и с песнями 2-й версии — К. Д., 53.

По данным последних обследований выяснена очень большая популярность этой баллады в Прионежье. Экспедициями 1926—1932 гг. записано больше 40 вариантов, один вариант имеется из Поморья («Карельский» берег), опубликован в «Студенческих записках», стр. 27. Один пудожский вариант напечатан у Парил.-Сойм., 71, см. также Сок.-Чич., 29, 154, 225 и стр. 906—912. В других районах Северного края эта былина не обнаружена.

В балладе о Василии и Софье находим отзвуки разных эпох: очень древние мотивы (кровосмешение, переход жизненной силы человека в растение) и позднейшие наслоения. Так, в прикреплении к былине определенных имен (Софья и Василий) могли сказаться глухие отголоски преданий о царице Софии и Василии Голицыне.

Композиция быliny в ее наиболее распространенной версии в общем очень устойчива. Сюжетная схема: обнаруживается любовная близость (обычно в церкви); отравительница-мать, поднося зелье, предупреждает, чтобы не давали его один другому; на могилах отравленных любовников вырастают деревья, обычно золотая верба и кипарис, которые сплетаются ветвями, по некоторым вариантам мать вырывает или срубает эти деревья. Обычно присоединяется особая концовка — отношение прохожих к чуду на могиле. Таков тип прионежских обработок, большинство вариантов близко друг к другу, почти дословно повторяется ряд стихов. Варьируются, обычно, число дочерей и место, где Васильева мать добывает яд (Киев, Новгород, Чернигов). Свообразными чертами отмечены лишь отдельные варианты. В пудожской записи Бессонова (Соб., I, 82) мать в конце хается в грехах в стиле известного духовного стиха о том, как грешная душа с телом расставалась. В варианте № 85 Соболевского из Олонецкой губ. свой проступок Софья совершает не в церкви, а на «беседе», в № 86 после срубания деревьев мать сама умирает. В некоторых упоминаются князь Владимир и Киев, как место действия. Мотив кровосмешения, который в старейших редакциях мотивирует убийство любовников, в ряде вариантов отсутствует. Он вообще не осмысливается исполнителями, их привлекает в песне изображение силы любви, которую не может уничтожить даже смерть. Этим объясняется живучесть этой баллады, это же вызывало поэтическую разработку конца песни и резкое осуждение злодейки матери. В былинах второй, пинежской, версии действие перенесено в монастырь. Это сообщает былине антиклерикальный характер. В ней, как и в балладе «Насильственное пострижение», выражен протест против монастырского затворничества. Любовников убивают за нарушение ими монашеского обета, но былина резко осуждает это злодеяние. Сочувствие к любовникам выражается в указании на загробный суд: любовникам быть в раю, Чурилье — в аду. Имя героини — Снафида, героя — Васи-

лий. По композиции, обстановка действия — монастырь, по именам действующих лиц (Чурилье-игуменье, Снафида) ко второй версии близка былина № 53 из сборн. Кириши Данилова «Чурилья-игуменья», представляющая, однако, уже другой сюжет, разработанный в плане скоморошьеи повеллы (ср. «Гость Теренгыище», К. Д., 2). По концовке с балладой о Василии и Софье перекликаются былины об Иване Дородовиче (или Дудоровиче) с Терского берега (см., напр., Марк., 32). Единственный пока известный нам поморский вариант данного сюжета — запись 1935 г. И. Н. Этниой из д. Гридино Кемского р. (Студенч. записки, стр. 27). В 1900-х годах Марковым записана была на Терском берегу былина, перекликающаяся в некоторых мотивах с одной стороны с данным сюжетом, а с другой — с былинной об Алеше и братьях Сбродовичах («Иван Дородович и Софья-царевна», Марк., 32; Марк.-Богосл., II, 42—43). Возможно, что сюжет «Василий и Софья» был занесен в Поморье позднее из Заонежья, так как кемский вариант всецело примыкает к заонежскому типу обработок.

Кроме помещаемых в сборнике заонежских вариантов, в Рукоп. хран. Сект. фолькл. ИРЛИ (колл. XXVI) имеется еще запись 1932 г. от А. К. Лучиной, 74 л., д. Кургеницы Кижского сельсовета. Вариант близок к № 146, но приурочивает действие к Киеву.

№ 118. Запись А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой, 12 июня 1926 г., от Настасии Степановны Богдановой, 65 л., Петрозаводск.

Типичный заонежский вариант. Кроме публикуемой, имеются записи московской экспедиции ГАХН в том же 1926 г. (см. Сок.-Чич., 154) и запись 1931 г., произведенная М. Б. Каминской. Эта последняя запись показывает, что и здесь, как во всех текстах Н. С. Богдановой, наблюдается устойчивость и композиции и словесной ткани, при допущении свободной перестановки слов и отдельных оборотов, которая не вносит никаких существенных изменений.

Приводим основные разночтения:

- Стих 9 А сказала: «А Васильюшка-братец, подвинься сюда.
 » 10 А Васильюшка-братец продвинулся.
 » 11 Поскорешенько бежала Василья мать.
 » 18 Ты, Васильюшко, да Софеи не давай,
 » 19 Ты, Софеюшка, да Васильюшке не давай.
 » 22 Васильюшко скаже: «Сердце болит»,
 » 23 А сказал тут Васильюшко:
 » 34 Софею хоронили по левую руку церкви,
 » 35 А Василия по правую руку,
 » 37 На Василии выростала кипарис древа,
 » 38 На Софеи выростала золота верба.

- » 40 В одно место вершинами свивались
- » 41 Да в одно место вершинами срастались.

В концовке пропущен предпоследний стих:

Пожилые шли — надивовались.

В остальных стихах изменения касаются союзов и энклитических частиц.

№ 120. Запись Н. Котляровой, 17 августа 1931 г., от Натальи Тимофеевны Зиновьевой, 45 л., Заонежский р., Кижы, д. Зиновьево.

Отличается от других заонежских вариантов количеством указанных сыновей (не один, а восемь) и необычной концовкой — построением Васильевой матерью церкви.

№ 127. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, 17 января 1932 г., от Матрены Кузьминичны Пашовой, 54 л., Заонежский р., Кижы, Обозеро.

Наблюдается вторжение в балладу реально-бытовых деталей: Софья обшивает и обстирывает Василия. Подчеркивание невинности героев в кровосмешении: «Не знала того, что любовь ихна чиста» (стих 18) переводит балладу в группу произведений, разрабатывающих тему о невинно оклеветанных и погубленных («Князь, княгиня, старицы», «Мать князя Михайлы губит его жену»).

В 1926 г. произведена запись этой былины от той же исполнительницы московской экспедицией ГАХН (см. Сок.-Чич., стр. 909).

№ 146. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, 23 января 1932 г., от Анны Тимофеевны Тихоновой, 61 г., Заонежский р., Кижы, д. Боярщина.

Характерный заонежский вариант, близкий к №№ 118 и 120. Как и № 120, заканчивается изображением нового проступка матери — уничтожения деревьев на могилах. Отличается от указанных вариантов деталью об украшении матерью гробов. То же в варианте А. К. Лучиной из Кургениц.

№ 176. Запись Н. П. Колпаковой, 6 июля 1926 г., от Марьи Васильевны Могучевой, 43 л., Заонежский р., д. Мишкарёво (близ Шуньги).

Вариант примыкает к заонежской группе. Интересен выделением лейтмотивного стиха, имеющего характер песенного рефрена («Васильева мать лиходейка была») и сообщающего всей балладе цельный и законченный характер, несмотря на отсутствие начальной части, в которой, обычно, заключена мотивировка поступка Васильевой матери. Напечатан впервые в сб. «Крестьянское искусство», вып. 1, Л., 1927, стр. 103

Былина о чудесном пахаре, центральный образ которой А. М. Горький причислял к выдающимся мировым образам, занимает в русском эпосе особое место, не примыкая ни к одной из основных жанровых групп.

Собираателями XIX и начала XX вв. была зафиксирована только в Прионежье и на Кенозере, где записано 19 вариантов. Из них пять — повторные записи, несколько вариантов представляют отрывки. Есть указание, что в XIX в. она была известна и на Пинеге (см. Григ., I, стр. 37—38 и 309), но записей оттуда нет.

Рыбн., I, 3 (Гильф., 73), 69 (Гильф., 98), 78 (Гильф., 113); II, 115 (Гильф., 45), 147; Гильф., 2 (к.), 32, 45, 55, 73, 98 (отр.), 113 (отр.), 131, 156, 195, 255; Гильф., II, 1938, стр. 657; Барсов. Памятники, стр. 530 (к.), Этногр. обзор., 1894, IV, стр. 136.

Новые варианты — от восьми сказителей: от семи прионежских и одного беломорского (от М. С. Крюковой), 2 записи 1937 и 1938 гг.; запись 1938 г. опубликована (Крюк., I, 40). От трех прионежских сказителей (К. Г. и П. И. Рябининых и Ф. А. Конашкова) записи произведены были тоже по несколько раз. Запись от П. И. Рябинина 1939 г. опубликована (Ряб.-Андр., 1). Опубликованы также запись 1938 г. от А. М. Пашковой (пудожский вариант, см. Парил.-Сойм., 8); см. еще Ив. Гер. Ряб.-Андр., стр. 115 (отр.); Конашк., 11; Сок.-Чич., 2, 95, 101, 103, 122, 160. Всего послеоктябрьских записей данной былины — 17.

Былина о Вольге и Микеле, отразившая мечты русского крестьянства о победе героического труда над природой и воспевавшая этот труд в образе пахаря-богатыря, — одно из самых замечательных созданий русского былинного эпоса.

Все былины о Вольге и Микеле распадаются на две группы: одна меньшая, в которую входят варианты, выдвигающие не вполне ясный эпизод столкновения Вольги с мужиками — жителями жалованных ему в удел городов. Вторая группа — в которой центральным моментом былины становится встреча Вольги и пахаря-богатыря Микелы. Все внимание сосредоточено на образе могучего пахаря; в противопоставлении его князю и дружине, в изображении мощи, в воспеании героики крестьянского труда и заключается пафос былины. Эпизод столкновения затушеван или совсем отсутствует. Эта группа былин (лучшие варианты: Гильф., 73, 156; Этногр. обзор., 1894, IV, стр. 186) имеет огромное значение, как яркое выражение народных идеалов.

Большим своеобразием отличается беломорская обработка сюжета. Но все оригинальное в ней — результат творчества самой исполнительницы Марфы Крюковой; основа же сюжета заимствована ею, повидимому, из опубликованных прионежских записей. К эпической традиции Беломорья данный сюжет не принадлежит.

№ 130. Запись М. Б. Каминской, 21 августа 1931 г., от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, 27 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Гарниды.

Вариант восходит к текстам Трофима Григорьевича Рябинина, записанным Рыбн. (I, 3) и Гильф. (73), и Ивана Трофимовича Рябинина, от которого записал Евг. Ляцкий. См. «Сказитель И. Т. Рябинин и его былины» (Этногр. обозр., 1894, IV, стр. 136—140). По словам самого сказителя, он усвоил эту былину от деда, И. Т. Рябинина. Исполняет ее на напев, тоже унаследованный от деда (см. Гильф., II, изд. 1938 г., стр. 64 и примеч., стр. 688; Этногр. обозр., 1894, IV, стр. 159). Как все тексты П. И. Рябинина, и данный отличается большой устойчивостью и близостью к источнику. Совершенно незаметна тенденция к ускорению и сокращению. Наоборот, текст П. И. Рябинина самый длинный (у Т. Г. 184 стиха, у И. Т. 192, у П. И. 210 стихов). Удлинение варианта происходит вследствие введения нескольких повторений (напр., стихи 3, 4, 21—22 и др.), более развернутых описаний (см. стихи 50—53, которых нет в вариантах деда и прадеда; ср. былину И. А. Касьянова, «Онежские былины», 156, стихи 44—48) и растягивания эпизода посылки дружинников к сошке путем введения 5 посылок вместо 3. Вообще, при всей близости к текстам своих предшественников, заметна все же несколько большая свобода в пользовании усвоенным текстом. См., напр., стих 45: «Маленькие камешки все в сторону валит», заменивший стих 55 у И. Т.: «А и крупные ён каменя все в борозду валит»; передачу эпизодов посылки дружинников к сошке в форме прямой речи — обращения Вольги к отправляемым им молодцам; замену просьбы Микулы о сохранении сошки (текст И. Т. Рябинина, стихи 109—112) обращением самого Вольги к дружине о том, что надо сохранить соху (стихи 96—102); выпущен также в данном варианте укор Микулы: «А не мудрая дружинushка хоробрая твоя» и т. д. (текст Ивана Трофимовича, стихи 151—155); в позднейшей записи, однако, эти слова Микулы сохранены и повторяются три раза (Ряб.-Андр., стр. 37, стихи 104—108 и стр. 38, стихи 120—124 и 136—141). Характерно, что в рассказе Микулы о столкновении с «мужиками» Рябинин называет их «подорожничками» (слово это в былине обычно является эпитетом разбойников). Это показывает, что требование «грошей подорожных» осмысливается именно как попытка грабежа. Впрочем, некоторые изменения Петр Иванович, может быть, внес в унаследованный от деда текст и не сам, а под влиянием исполнения былины отцом, Иваном Герасимовичем, полный вариант которого нам неизвестен. Перестановка эпизодов в конце (вопрос об имени, отнесенный к эпизоду скачки) — повидимому, простая ошибка памяти в момент записи.

Напев Х. Запись на фонограф М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпониной в июне 1932 г.

№ 130а. Запись А. М. Астаховой, ноябрь 1934 г., от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, 30 л., Ленинград.

Запись произведена во время выступления сказителя в Ленинградском университете. Ввиду того интереса, который представляет былинная традиция в семье Рябинных, помещаем и данный текст. Вариант более краток по сравнению с № 130. По композиции и словесному оформлению эпизодов посылки к сошке дружинников близок к записи В. Базанова 1939 г. (отсутствие обращения Вольги к дружине). Однако укор Микулы тоже отсутствует, как и в № 130, и повторяемость эпизодов посылки хотя и сокращена до 4 раз, но все же больше, чем в записи 1939 г., где только трехкратное повторение. Есть отклонения от обеих записей (1931 и 1939 гг.) и в ряде других мест. Сопоставление всех 3 вариантов свидетельствует о том, что младший Рябинин, хотя и принадлежит к категории сказителей, точно усваивающих редакции своих учителей, при исполнении вносит все же некоторые изменения композиционного и словесного порядка.

№ 140. Запись А. М. Астаховой, 15 июля 1926 г., от Кирика Гавриловича Рябинина, 71 г., Заонежский р., Кижы, д. Середка.

Текст былины усвоен исполнителем от дяди, Ивана Трофимовича Рябинина. Представляет сильно укороченный вариант, из которого выпал целый ряд эпизодов: получение Вольгой от Владимира городов, разговор о них с ратаем, состязание в скачке, рассказ Микулы о своих взаимоотношениях с крестьянами. Вариант К. Г. Рябинина не сохранил характерного для былины противопоставления князя и пахаря: сошку закидывает не Микула, а Вольга. Однако самый образ могучего пахаря и картина пахоты, так много говорящие крестьянам, сохранены. Реплика сказителя к стиху 36 показывает живое звучание для него этого образа. Смутное воспоминание об эпизоде расправы Микулы с «мужичками подорожничками» сохранено в примечании к концу: «Они купили несколько соли или чего-то». Былина была не спета, а сказана.

№ 154. Запись А. М. Астаховой, 22 июня 1926 г., от Ивана Ивановича Касьянова, 61 г., Заонежский р., д. Космозеро.

Былина усвоена исполнителем от его отца, Ивана Аникиевича Касьянова, от которого произведена запись Гильфердингом (Гильф., 156) Текст Ивана Аникиевича, так же как и текст Трофима Рябинина, самый полный, разработанный и художественный.

Отцовскую былинку в 196 стихов Иван Иванович сократил больше чем наполовину (96 стихов). Сопоставление обоих текстов показывает нам несколько характерных отличий: забывание сыном всех подробностей эпизода (эпизод столкновения Микулы с «мужичками-разбойничками»), изменение эпизода (конец былины), выпускание повторных частей (последовательная посылка дружинников к сошке), нарушение эпической троичности (в этом же эпизоде), общее обеднение стиля (ср. встречу с пахарем и диалог о коне). Бросается в глаза потеря чувства былинного стиля, выражающаяся в употреблении слов и оборотов, не соответствующих былинному

стилю (напр. употребление слова «лошадь» вм. «коня» — в былинах слово «лошадь» употребляется только в тавтологии: «конь — лошадь добрая»; выражение в стихе 41 — «спасибо вам, добрый молодец»; стих 46 — «Собирать казенных податей» и др.). Подробное сопоставление приведено в моей статье «Былина в Заонежье» (Крестьянское искусство Севера, вып. 1, Л., 1927, стр. 90—102).

Былину И. И. Касьянов не пел, а сказывал. Текст напечатан в хрестоматии проф. Н. П. Андреева «Русский фольклор», как характерный пример забывания былины.

№ 187. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 21 июля 1932 г., от Афанасия Матвеевича Денисова, 60 л., Медвежьегорский р., Пудожская Гора, д. Римская.

Вариант сохранил эпизод собирания пошлыны, причем в рассказ об этом перенесена формула расправы Микулы с разгневавшими его мужиками. Отметим слова: «Оставил я сошку дубовую во бороздочке не для ради прохожего-проезжего, а для своего брата родимого. Ясно, что сошку прячут от прохожего-проезжего с целью сохранить ее для своего брата-крестьянина. Ср. с соответствующими местами других вариантов.

Приложение I, № 1. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 19 января 1932 г., от Михаила Кириковича Рябинина, 34 л., Заонежский р., Кижы, д. Середка.

Опыт литературной обработки былины о Вольге и Микуле, которую автор не раз слышал от своего отца, Кирика Гавриловича Рябинина (см. № 140) и троюродного брата Петра Ивановича Рябинина-Андреева (см. №№ 130 и 130а).

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ

Песня о Гришке Отрепьеве принадлежит к числу тех старших исторических песен, которые испытали на себе влияние былин и перениали их ритмический и, в известной мере, и стилистический строй. Северными сказителями они обычно не отделяются от былин и одинаково с ними именуются «старинами».

Песня о Гришке Отрепьеве известна преимущественно в вариантах из Онежского края, Новгородской губ. и Поволжья. Один вариант имеется из Зап. Сибири.

К. Д., 11; Кир., III, стр. 62, VII, стр. 64, Прилож., стр. 62, 67, 75; Рыбн., I, 67, 91; Гильф., 14, 111, 143, 236; Ист.-Д., 9; ИШейн. Чтения, стр. 59; Сокол., 13, 14; Милл. Ист. песни, 210—218, 220—221, 237, 238 (перепечатки вышеуказанных вариантов); Крюк., II, 111; Сок.-Чич., 141, 147, 148.

Смерть Ажедмитрия вызвала в народе чувство большого удовлетворения и облегчения. С его именем соединялись представления о засилье польских панов. В олонёцких легендах про панов (Онч. Сказки, 232) рассказывается, как при воцарении Отрепьева стали в Москву ввозить в бочках поляков под видом приданого Марины и как народ, узнав об этом, перебил поляков. Во всех легендах об этом времени польские паны рисуются разбойниками-грабителями. Ненависть к интервентам отражена в образах Гришки и его «душечки» Марины Мнишек, грубо попирающих национальные русские обычаи.

Большинство вариантов восходит к одному композиционному типу, наиболее полно представленному записью Гильфердинга из Кижей (Гильф., 143) и вариантом сборника Кирши Данилова (К. Д., 11). Отличия одних вариантов от других заключаются в больших или меньших сокращениях и в вариациях самой гибели Гришки Отрепьева и гибели или исчезновения Марины (ср., напр., Гильф., 236; Ист.-Д., 9; Сокол., сгр. 13, 14). Из наиболее своеобразных вариантов, отклоняющихся от основного типа, большой интерес представляет запись Гильфердинга № 14 из Повенца. В ней в качестве противника Гришки выведен Скопин — полководец, получивший широкую популярность как раз своими удачными действиями против поляков.

Новые обследования эпической традиции на Севере выявили 6 вариантов из бывшей Кижской вол. Кроме публикуемых здесь 3 текстов, три записаны в 1926 г. экспедицией ГАХН (см. Сок.-Чич., 141, 147, 148). Из них два от тех же исполнителей, которые представлены в настоящем сборнике.

№ 108. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, 10 января 1932 г., от Кузмы Дмитриевича Андрианова, 57 л., Заонежский р., д. Конда.

Былина восходит к тексту Домны Васильевны Суриковой (Гильф., 143). Но, как и другие тексты К. Д. Андрианова, передает сюжет более кратко (40 стихов; у Суриковой 68). Так, пропускается подробность о том, что Гришка, сидя в тюрьме, «заросстил крест во белы груди», опущен разговор с инокиней Марфой, нет приказа Гришки Марине не кланяться боярам.

Имеется еще одна запись этой песни от того же исполнителя, сделанная Н. Котляровой 14 августа 1931 г. (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXXVI). Эта по времени более ранняя запись несколько короче. В ней нет стихов 4—7 и 34—35 второго варианта. Вообще второй вариант более выразителен, но в то же время стиль его носит более сказовый характер (см., напр., место: «Говорят бояре один с другим: Не Дмитрий это есть, а болтун какой, скорее, что Гришка Отрепьевич»). К первой записи исполнитель сделал следующее примечание: «Былина эта времени князя Владимира».

Напев IV. Запись на фонограф М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной 10 января 1932 г.

№ 143. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 20 января 1932 г., от Анны Кузьминичны Лучиной, 74 л., Заонежский р., Кики, д. Кургеницы.

Текст относится к тому же типу, что и вариант Андрианова, отличающийся от него и от других вариантов своим концом: смерть Гришки и Маринки дается как наказание за нарушение национальных обычаев.

Приложение I, № 6. Запись на фонограф С. И. Бернштейна, июнь 1926 г., от Антона Егоровича Сурикова, 67 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Конда. Расшифровка текста А. М. Астаховой.

Вариант очень близок к тексту матери исполнителя, Домны Суриковой (Гильф., 143). Пропущены отдельные стихи, напр. 36—38, в которых подчеркнута связь Лжедмитрия с панами, и 46—48. В источнике нет стихов 45—46 нашей записи.

ДМИТРИЙ И ДОМНА

Основной район распространения этой былины-баллады — Пинежье, где в 1900 г. Григорьев записал 18 вариантов, и Поморье, где в 1899 г. произведены 4 записи. Кроме того, известны варианты с Терского берега (3 варианта), из б. Новгородской губ. (1), б. Симбирской губ. (1) и б. Олонешской губ. (1).

Кир., V, стр. 63 (Соб., I, 173); Рыбн., I, 92 (Соб., I, 172, Чернышев 17); Григ., I, 10, 11, 14, 23, 62, 91, 101, 107, 117, 125, 127, 134, 135, 147, 151, 174, 175, 177, 182, 200, 203; Марк., 33; Марк.-Богосл., II, стр. 96, 98.; Соб., I, 174, 175.

В настоящее время мы имеем записи с Пинеги — 8 вариантов, с Поморья — 6, причем 2 варианта — из д. Калгалакши и один — из д. Гридино Кемского р., откуда до сих пор записей этой былины не было. Один вариант из Калгалакши опубликован в «Студенческих записках», стр. 24. В 1938 г. записан вариант от М. С. Крюковой (Крюк., II, 71).

Популярность баллады среди женщин обусловлена драматизмом положения героини, которой угрожает насильственный брак с ненавистным ей человеком. В песне всегда привлекал сам образ не покоряющейся насилию девушки, смертью отстаивающей право на свободный выбор.

Совокупность эпизодов и мотивов, из которых складывается былина, почти всюду неизменна, но различное исполнение их придает ей те или иные оттенки. Так, напр., хула и насмешки Домны в варианте из Симбирской губ. (Кир., V, стр. 63.; Соб., I, 173) повторяются при приходе Домны к Митрию и подчеркивают, таким образом, активный характер Домны. Эти насмешки мотивируют и конечный эпизод данного варианта — Митрий бьет Домну до полусмерти. Так же различно передается эпизод с платьями: 3 платья — «заручальное», «венчальное» и «смертное» — берет сама Домна, отправляясь к Митрию (большинство пинежских вариантов); эти платья дает мать (Соб., I, 174); на платьях закалывается Домна (Б. С., II, 199); Митрий после самоубийства Домны развязывает ее узелок, находит платья,

обряжает ее в них и хоронит; Домна, избитая Митрием до полусмерти, посылает к матери за платьями и т. д.

По наиболее существенным композиционным особенностям выделяются два основных областных типа обработок данного сюжета: 1) пинежский, в котором подчеркивается «жертвенность» Домны. Домна предчувствует беду и не хочет идти на зов сестры Митрия. Мать настаивает; 2) поморский, в котором роль матери прямо противоположна: она предостерегает Домну, ссылаясь на вещий сон, вопреки ее советам Домна идет на пир. Существенное отличие ряда вариантов заключается также в конце: все пинежские варианты изображают самоубийство Домны. Поморские варианты, кроме этого конца, знают и другой: убийство Домны Митрием. Если же происходит самоубийство, то обычно не на могиле отца, как в пинежских вариантах, а в чистом поле (см. варианты из Кандалакши и с Терского берега: Марк.-Богосл., II, стр. 96 и 98).

В процессе бытования изображение убийства в старейшей редакции (срубил он ей буйну голову) заменен в некоторых вариантах расправой в духе старых домостроевских нравов: Мигрий бьет Домну до смерти, до полусмерти, толкает ее так, что она падает и убивается, и т. п. (Рыбн., I, 92; Соб., I, 173, 174; то же в новой записи 1935 г. из Калгалакши: Слуденч. записки, стр. 24). Смерть матери в некоторых вариантах, а также самоубийство Митрия — результат дальнейших изменений, возможно, под влиянием другой баллады, о гибели жены князя Михайлы от рук ее свекрови.

Кроме публикуемых, в Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ имеются записи: 1) 1927 г., с Пинеги, из Карпогорского р., от Екатерины Гавриловны Мельниковой, 47 л., д. Айнова Гора (отрывок) — coll. III, папка 1, № 10, и 2) 1932 г., из Беломорского р., в Поморье, от Марии Андреевны Лейновой, 50 л. (отрывок — coll. XXVIII) — обе записи А. М. Астаховой — и 3) записи 1935 г. И. Н. Этиной из д. Калгалакша Кемского р. от Харакпины Ивановны Костиной, 76 л., и Катерины Евдокимовны Редкиной (coll. 57). Первый из калгалакшских вариантов отличается оригинальным концом: самоубийство Домны мотивируется насмешками со стороны Митрия: «Ей стыдно стало, она выбежала, предалась смерти». Сами насмешки напоминают известные формулы насмешек над свахой в свадебных песнях: «Это ли пришла кошка запечная, это ли крыса подземельная, это ли лисица лукавая, это ли змея семиглавая?».

№ 199. Запись А. М. Астаховой, 3 июля 1927 г., д. Кеврола-Погост, Карпогорского р. во время исполнения былины четырьмя женщинами: Оксиньей Дмитриевной Ершковой, 21 г., Дарьей Прокопьевной Полицаровой, 24 л.; Настасьей Алексеевной Дьячковой, 26 л.; Катериной Ипатовной Фефиловой, 61 г.

Здесь мы имеем снова явление, отмеченное в Суре (см. стр. 527). — хоровое исполнение женщинами былин-баллад. Состав исполнительниц пока-

известно, что данная былина одинаково известна и старикам и молодым. Текст восходит к той же редакции, что и вариант М. Ф. Смоленской (Б. С. II, 177; см. также Григ., I, 135). Отличается лишь некоторыми деталями: Домна идет к Митрию сразу же после первого приглашения, выпущена роль матери, настаивающей на согласии Домны, — это свидетельствует о некотором уж забывании данными исполнительницами полной редакции. С другой стороны, концовка более полна, включает эпизод расстилания на могиле платяев, на которых Домна и закалывается. В тексте же Смоленской, как и во всех известных вариантах с Пинегы, платя, которые захватывает с собой Домна, в конце былины не фигурируют. Исключение, кроме нашего, составляет еще григорьевский вариант № 177, в котором, после самоубийства Домны, Митрий развязывает ее узелок, находит 3 платя, обряжает ее и хоронит.

Былину исполнительницы сперва говорили, общими усилиями вспоминая слова: «девками певали, а теперь уж забыли», «нынче и в пост песни поют, ну эти и забыли». Последнее замечание говорит об особой бытовой функции данной баллады в прошлом: ее пели, как и духовные стихи, постом.

№ 203. Запись А. М. Астаховой, 30 июня 1927 г., от Вассы Алексеевны Кузнецовой, 28 л., Карпогорский р., д. Церкова Гора.

Стройный, полный вариант, в основном типичный для Пинегы. Но только в отличие от большинства текстов затушевана роль матери: обычные ее уговоры, чтобы Домна шла к сестре Митрия на беседу, здесь выпущены.

№ 206. Запись А. М. Астаховой, 29 июля 1927 г., от Татьяны Даниловны Мельниковой, 40 л., Карпогорский р., д. Айнова Гора.

Текст интересен как пример проникновения в былинку элементов обработки другого родственного сюжета. Недобрые приметы, фигурирующие в былинке о князе Михайле, своеобразно использованы в данной былинке: «Да, верно, Домна надсмехалась надо мной». Вообще же былина относится к отмеченной наиболее популярной на Пинеге редакции и восходит к тексту А. А. Мельниковой из Айновой Горы (Григ., I, 184), значительно лишь сокращая изложение (с 163 стихов до 96).

К числу индивидуальных моментов следует отнести также выразительный образ испуганной Домны:

Да задрождала как Домнушка,
Да задрождала как Фалилеевна,
Да словно листик осиновый.

Ср. с традиционным изображением испуга в других печатаемых нами вариантах, а также в вариантах Григорьева.

№ 222. Запись А. М. Астаховой, 8 июля 1927 г., от Матрены Федоровны Смоленской, 70 л., Карпогорский р., д. Лохново, околот Смоленец (близ Покшеньги).

Григорьев, записавший в 1900 г. от М. Ф. Смоленской 3 былины, данную былинку записывать не стал на том основании, что она знала ее «в той же редакции, что и сестра ее Маремьяна (Лохновская), и притом хуже ее». (Григ., I, стр. 458). Запись 1927 г. обнаруживает устойчивость текста, который почти полностью совпадает с текстом Маремьяны Лохновской (Григ., I, 135). Пропускается лишь приход третьего посла, Домна идет к Митрию после второго; с другой стороны, полнее обрисована в речах Домны наружность Митрия (в двух планах — в отзывах людей и в восприятии самой Домны). Кое-где в отдельных стихах незначительные перестановки или замены слов (такие, напр., как вм. «наливоцек» — «напитоцек», и т. п.) Текст принадлежит к одной из наиболее распространенных на Пинежской редакции (см. еще Григ., I, 147, 182, 184, 200, 203).

Напев XXI. Запись на фонограф Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд 9 июля 1927 г.

№ 225. Запись А. М. Астаховой, 16 июля 1932 г., от Авдотьи Антоновны Петуховой, 60 л., Сороковский р., д. Нюхча.

Принадлежит к числу типичных поморских вариантов, выделяющих роль матери, которая предостерегает дочь, не советуя ей идти к Митрию и рассказывая свой вещий сон. Концов — убийство Домны Митрием, совершенно неизвестный пинежским вариантам, повидимому, не редок был в Поморье, где он чередовался с обычным концом — самоубийством Домны. (См. поморские варианты у Григ., I, 11 и 14).

В данном варианте интересна мотивировка этого убийства, больше нигде не встречающаяся. Оно изображается не как месть за насмешки и оскорбления Домны, а как ответ на отказ Домны идти за него замуж. Вследствие этого еще более героичным становится образ самой Домны, дающей смелый ответ: «Лучше смерть приму, а замуж не иду».

Содержание сна — потеря лучшего ключа — в былинке с Домне встречается реже, чем другие виды вещего сна: рассыпание жемчуга, распаивание перстня, потеря с груди креста. Интересна такая крестьянская бытовая деталь, как прятание Митрия за печью (стих 36). Характер расправы перенесен из былин о неверных женах («Иван Гоудинович», «Добрыня и Маринка»).

№ 231. Запись А. М. Астаховой, 24 июля 1932 г., от Анны Семеновны Никитиной, 72 л., Беломорский р., Сумский Посад.

Текст восходит к той же поморской редакции, что и вариант А. А. Петуховой, и так же, как он, судя по заключительным словам исполнительницы, оканчивался убийством Домны Митрием. В насмешках Домны интересен местный элемент: Домна говорит, что у Митрия «кудри жогі заонежские», «речи корельские да деревенские» (стихи 20—22).

Былина была передана словами и только несколько первых стихов спеты, чтобы показать напев.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Самая популярная из былин-новелл. Опубликованных вариантов более сотни. Была распространена в одинаковой мере и у певцов-мужчин и у певих-женщин. Известна в записях из всех мест, где производилось собрание былин. Наибольшее число вариантов из б. Олонецкого края (почти около половины всех записей). Наименее известна на Печоре (Онч. — один вариант). Пользовалась популярностью и среди казачества разных районов, но в казачьих вариантах сюжет уже лишен четких контуров и подробностей разработки, о чем см. ниже.

К. Д., 20 (Кир., II, стр. 18); см. также 1 (к.); Кир., II, стр. 4, 11, 14, 17, 30; Тихонравов. Летописи русск. литер. и древн., IV, 1862, стр. 8; Рыбн., I, 8 (к.), (Гильф., 80), 26 (Гильф., 149), 41, 129, 155, 160, 178 (Гильф., 222), 193; Гильф., 5 (стр. 53), 23, 26, 33, 38, 43, 49 (к.), 65 (к.), 80 (к.), 100, 107, 118, 145, 149, 157 (к.), 168, 187, 198, 206, 211, 215, 217, 222, 228, 290, 292, 306, 315, 319; Барсов. Памятники, стр. 551, 559; Агр.-Слав., стр. 127; Марк., 6, 62 (к.), 112; Григ., I, 3, 19, 52, 109 (к.), см. также 124 (к.); II, 16, 35, 38, 82, 89; III, 1, 35 (к.), 38 (к.), 47 (к.), 49, 57, 67, 83, 97, 105, 119; Онч., 95; Марк.-Богосл., I, стр. 57 (к.); II, стр. 47, 48, 53; Тих.-Милл., 22, 27; Прилож., стр. 279, 281; Милл., 26—38; Прилож., 4, 5; Гуляев, 46, Прилож., 3; Шахм., стр. 55; Листоп., 8—17; Чекан., стр. 91, 96; Макарь., 3, 6 (пр.); Сокол., стр. 301, 303 (к., пр.); Сав., стр. 75.

Ср. сказочные обработки аналогичного сюжета — Андр., 891.

Новых записей более 50, преимущественно из Прионежья и прилегающих к нему районов. Б. С., I, 24, 37; Ряб.-Андр., 5 (к.); Крюк., 27—28; Парил.-Сойм., 6, 23, 34, 55, 64, 66, 67, 70; Конышк., 7; Путил., 216; Сок.-Чич., 12, 42, 45, 49, 54, 56, 59, 63, 66, 67, 68, 82, 120, 133, 144, 150, 161, 167, 177, 185, 187, 189, 190, 213, 233, 242, 250, 271, 273, 277.

Кроме публикуемых, в Рукописном хранилище Сектора фольклора ИРЛИ имеются следующие варианты:

Из Заонежского р.: 1) от Фекалы Семеновны Амосовой, 52 л., из д. Обозеро; 2) от Андрея Антоновича Симонова, 57 л., из д. Обозеро — начальный отрывок; 3) от Екатерины Петровны Медведевой, 66 л., из д. Шабалино (близ Шуньги); 4) от Анны Федоровны Тимофеевой, 70 л., из д. Пахомовщина (близ Шуньги); 5) от Анны Елисеевны Куратовой, 83 л., из д. Шуньгский Бор; 6) от Прасковьи Амбаровской, 81 г. из д. Огаревцы (близ Толвуя); 7) от Елизаветы Ивановны Никифоровой, 70 л., из д. Романовская (близ Толвуя) — проза, сюжет приурочен к имени Чурилы; записи М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной в 1932 г., колл. XXVI (1 и 2) и XXVII (3—8); 8) от Марфы Александровны Белоусовой, 79 л., из д. Падмозеро — запись А. М. Астаховой в 1926 г. (Колл. II, папка 1, № 27).

Из Поморья: 1) от Капитолины Евдокимовны Редкиной, 58 л., и 2) от Ульяны Самсоновны Ерловой, 56 л. — обе записи И. Н. Этиной, 1935 г., из д. Калгалакши, Кемского р. Оба варианта отличаются большой «быденностью» и прозаичностью. Князь Владимир совсем не упоминается, так же как и Киев. В первом варианте опущены имена жены и матери Добрыни, во втором — имя матери. Сатирический образ Алеши в варианте Ерловой усилен новой чертой — чванством (проявляется в отношении к калике). Своеобразна деталь обоих вариантов — занавешивание в знак печали окошка черной занавеской — возможно, специфический образ местных обработок. Вариант Редкиной опубликован в «Студенческих записках», стр. 13.

Популярность былины была обусловлена ее богатым бытовым и психологическим содержанием. Отдельные эпизоды, из которых строился сюжет, давали большие творческие возможности для создания и поэтической разработки образов. Включение, в качестве активного участника интриги, Владимира сообщало определенную социальную остроту. В лучших вариантах былина представляет увлекательную стихотворную повесть с мастерски очерченными характерами, высокохудожественными изобразительными и эмоциональными образами. Вследствие широкого распространения былины находим большое количество композиционных вариаций. По преимущественному использованию тех или иных мотивов обособляются некоторые группы, хотя резко очерченных областных типов нет.

Наибольшим разнообразием композиционных комбинаций отличаются варианты заонежские и пудожские. Среди них — самые художественные, полные и разработанные тексты. В многочисленных мезенских вариантах передается содержание кратко, начинаясь обычно сразу с наказа жене. Только в одном (Григ., III, 1) дается начальная жалоба Добрыни на свою участь — обычная в прионежских вариантах. Действие развивается быстро, сухо, без живописных деталей. Прионежская группа выделяется также и четкостью социальной сатиры. В большинстве прионежских вариантов (больше двух третей) неблагоприятная роль Владимира, поддерживающего сватовство Алеши, очень определена. Характерно, что в одном варианте — Гильф., 65 — князю Владимиру приписывается даже самый обман. Сватовство князя дается как насилие. Поэтому в конце обычен укор Добрыни, обращенный к князю. В мезенской группе, к которой в этом отношении примыкают другие северные варианты — поморские, золотницкие, кулойские, пинежские и печорский, — эта сторона былины значительно ослаблена. В большинстве вариантов Владимир в стороне, а если и выступает в роли свата, то сам обманут Алешей, и вся вина падает на Алешу или на саму Настасью (иногда даже на мать Добрыни, которая ее приневоливает, хотя чаще мать горюет, кто ее будет «кормить, одевать»). В некоторые мезенские варианты включается характеристика Алеши, как представителя «поповских родов», чем и мотивирует Добрыня запрещение жене выходить замуж за Алешу (см. Григ., III, 57, стихи 20—27).

Среди былин о Добрыне и Алеше есть соединенные с другими сюжетами. Соединение вызвано желанием объяснить отъезд Добрыни и заполнить реальным содержанием время его отлучки. Чаще всего соединение происходит с сюжетом змеборства, что героизирует былинку; героизация данной бытовой былины достигается и искусным переплетением ее с сюжетом «Добрыня и Василий Казимирович» у сказителя Трофима Григорьевича Рябинина (Рыбн. I, 8; Гильф., 80; см. также Б. С., II, 134).

Особую группу составляют казачьи варианты, в которых сюжет замужества «от живого мужа» понемногу стирался, изложение сокращалось, выдвигался мотив отъезда, службы и возвращения домой, и былины стали близки к казачьим бытовым песням.

№ 101. Запись Н. Котляровой, 23 августа 1931 г., от Егора Борисовича Сурикова, 63 л., Заонежский р., д. Конда.

Условно эта былина Е. Б. Суриковым, как и другие, от матери, Домны Васильевны Суриковой. В записях Гильфердинга этой былины не имеется, записаны лишь начальные стихи и напев Истоминным и Дютшем (Ист.-Д., стр. 4). Поэтому нельзя судить о степени близости к непосредственному источнику. Но есть точки соприкосновения с вариантом былины Николая Филипповича Дутикова из Кижей (Гильф., 145), перенявшего былины от того же Конона с Зяблых Нив, который был одним из учителей и Домны Суриковой. Ср. начальный параллелизм (Гильф., 145, стихи 4—5), указание на отправку Добрыни «в земли во татарские», формулу завета Добрыни, замену традиционной чары «стаканом» (Гильф., 145, стих 132), изображение расправы (наш вариант, стихи 139—140; Гильф., 145, стихи 151—153) и заключительные стихи. Кроме этих совпадений, которые определенно говорят о восхождении былины Дутикова и неизвестной нам былины Домны Суриковой к единому источнику, в остальном тексты сильно расходятся.

В былине Сурикова обращает внимание отсутствие обычной для прионежских вариантов роли князя Владимира. Настасья Микулична идет за Алешу по доброй воле (а не уступает насилью), в чем она сама винится перед Добрыней в развязке.

В связи с этим сатира былины повернута против жен, нарушающих нравы мужа. Чрезвычайно образно передается различие между горем матери и горем молодой жены:

Родна матушка плачет до гробных досок.
Молодая жонка день до вечера,
С день до вечера, а слушать нечего,
Темна ночь пришла — и танцевать пошла.

Интересны необычная деталь подкупа золотом приворотников, не позволяющих пропустить Добрыню, и комментарий к этой детали.

В варианте сокращены описательные моменты. Совершенно, напр., нет изображения сборов Добрыни, часто развернутых в отдельный эпизод.

Бледнее, чем обычно, образ убитого Добрыни. Знаменитая формула быстро текущего времени сведена к стиху: «Времена идут, быдто реки текут» (стих 59). Невыразительно изображение игры Добрыни на свадебном пиру. В то же время заметно выделены некоторые психологические моменты: жалоба Добрыни на судьбу, печаль матери.

№ 104. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, 10 января 1932 г., от Кузьмы Дмитриевича Андрианова, 57 л., Заонежский р., д. Конда.

Типична для сказителя-«рассказчика». При сохранении подобия былинного ритма с помощью дактилических окончаний стихов мы видим разрушение былинного эпического стиля. Обороты речи — чисто прозаические. Усилены психологические и бытовые моменты: см. заметку о сказителе, стр. 34—35.

Особенности прионежской традиции в обработке данного сюжета сохранены: активное участие князя Владимира в интриге, насилие над Настасьей, конечное порицание князя.

Напев III. Запись на фонограф М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной 10 января 1932 г.

№ 109. Запись А. М. Астаховой, Н. Н. Колпаковой и Э. В. Эвальд, 12 июня 1926 г., от Настасьи Степановны Богдановой, 65 л., Петрозаводск.

Былина о Добрыне Н. С. Богдановой записана была от нее несколько раз: 1) в 1901 г. Н. С. Шайжиным (Шайж., стр. 134, и Милл., 28); 2) в 1926 г. — данный вариант; 3) в 1926 г. экспедицией Гос. академии художественных наук (Сок.-Чич., 150) и 4) в 1931 г. Н. Котляровой (см. № 109а). Сопоставление с самой ранней записью, а также с записью 1931 г. говорит об устойчивости в основном текстов Богдановой и о том, что законченную композицию текст принял еще в 1900-х годах. В то же время текст Богдановой продолжал творчески развиваться. С 556 стихов он увеличивается до 593 (в записи 1931 г.), причем это разрастание происходит за счет развития психологических моментов и некоторого усиления описательных. Так, в былинку (в более поздних записях 1926 и 1931 гг.) включены следующие эпизоды: 1) мать укоряет князя Владимира за то, что тот отослал Добрыню, 2) Владимир отправляет Алешу на разведки (в ранней записи Алеша Попович сам приезжает с поля). Более подробно передано описание хвастовства на пиру, подавленное состояние Добрыни Никитича в начале былины (стихи 68—81 и сл.), прощанье с женой и т. д. За исключением двух указанных вставок, вся композиция повторяется в точности, словесная же формулировка эпизодов творчески варьируется.

Текст Н. С. Богдановой принадлежит к самым разработанным и художественным вариантам данной былины и примыкает к заонежской традиции по выделению неблагоприятной роли князя Владимира. В репертуаре скази-

тещины эта былина была самым любимым ее произведением. Именно ее в первую очередь исполняла Н. С. Богданова на своих выступлениях.

Конец публикуемого варианта, к сожалению, утерян. Это тем более досадно, что запись производилась тремя лицами, поэтому исполнительница пела былинку бесперебойно, всецело отдавшись творческому настроению. Стихи 271—290 и 310—314 были пропущены сказительницей при первом исполнении. Их она, по собственному своему почину, спела И. В. Карнаухова (догонявшей экспедицию) с тем, чтобы та присоединила эти стихи к прежней записи (см. об этом: А. М. Астахова. Былина в Заонежье. Крестьянское искусство СССР, вып. 1, 1927, стр. 88—89; И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края, стр. 397—398). Запись отрывков произведена 15 июня 1926 г. в г. Петрозаводске.

Указанные в сносках варианты относятся к исполнению Н. С. Богдановой в 1927 г. на публичном выступлении в Государственном институте истории искусств. Кроме помещаемых, были и другие вариации по сравнению с текстом 1926 г., но из тех, которые удалось зафиксировать, эти наиболее интересны.

Напев В. Запись на фонограф С. И. Бернштейна 20 сентября 1927 г. в Ленинграде.

№ 109а. Запись Н. Котляровой, 5 августа 1931 г., от Настасьи Степановны Богдановой, 71 г., Заонежский р., Сенная Губа, д. Зиновьево.

Запись представляет вариант самой любимой былины Н. С. Богдановой (см. примеч. к № 109). Приводим второй вариант для сопоставления с более ранними записями ввиду того интереса, который представляет былинное творчество Н. С. Богдановой. Кроме того, он включает и вторую часть, записанную и в 1926 г., но утраченную. Общая композиция и отдельные эпизоды те же; изменения, как и в первой части, касаются словесных формулировок, художественных деталей, красок.

№ 129. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, 16 января 1932 г., от Александры Кирилловны Ястребовой, 77 л., Заонежский р., д. Клименцы.

Вариант — характерный образец былины, переходящей в прозаический пересказ, потерявшей четкий стихотворный ритм, былинную «обрядность» и т. п. Но по содержанию сохраняет все особенности, характеризующие прионежские редакции этой былины: Алеша Попович показан в резко отрицательных красках, как обманщик и «молодым женам похабнищк», в конце дается обычная расправа с ним Добрыни; видную роль в интриге играет князь Владимир, укор по адресу которого в конце былины получает большую социальную заостренность, благодаря указанию Добрыни на свою верную службу (ср. Гильф., 65).

№ 163. Запись А. М. Астаховой и Т. В. Поповой, 28 июня 1926 г., от Пелагии Никитишны Филипповой, 73 л., Заонежский р., д. Комлево.

Вариант, сохраняя все самые необходимые для данного сюжета эпизоды, передает их в чрезвычайно сжатой форме, совершенно не развертывая отдельных картин. Кроме того, многие эпизоды, обычно входящие в структуру былины — как отсылка Добрыни Владимиром, сообщение Алешей обманной вести о гибели Добрыни, сватовство Владимира — отсутствуют. Участие князя Владимира в интриге Алеши вообще совершенно исключено, вследствие чего былаина лишена той социальной направленности, которой отличаются заонежские варианты данной былины. Несмотря на свою схематичность, текст отличается четкостью и композиционной стройностью.

№ 168. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 3 июля 1932 г. от Надежды Ильиничны Морозовой, 73 л., Заонежский р., Пайницы, д. Коровниково.

Сокращенный вариант. Исключены эпизоды обмана Алеши Поповича и сватовства князя Владимира. Вносится новая деталь: мать Добрыни подозревает приехавшего к ней молодца в убийстве ее сына (ср. № 178).

№ 172. Печатается по тексту, полученному М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 5 июля 1932 г. от Анастасии Федоровны Оргиной, 32 л., Заонежский р., с. Дерезузово.

Запись А. Ф. Оргиной сделана ею от Акулины Васильевны Коломаевой, 84 л., д. Большой Куганаволок на Водлозере, Пудожского р. От нее же А. Ф. Оргина усвоила и былину «Князь, княгиня, старицы» (№ 173). Акулина Васильевна Коломаева, умершая в 1924 г., по сообщению А. Ф. Оргиной, знала много былин. Записанные тексты свидетельствуют о том, что она несомненно принадлежала к числу лучших сказителей нашего времени.

Печатаемый текст по художественной разработанности не уступает варианту той же былины, записанной от Н. С. Богдановой. Глубоко поэтичны описание убитого Добрыни, причитание матери, изображение игры Добрыни на гусях и воздействие ее на присутствующих на свадьбе гостей. Образ интригана Алеши Поповича отличается большой цельностью и выдержанностью: именно Алеша, заинтересованный в удалении Добрыни, советует Владимиру послать за данью его, а не Кирилу Тонкопленковича (т. е. Чурилу Пленковича).

По насыщенности социальными моментами данный текст тоже один из лучших. Выразительна мотивировка женой Добрыни своего согласия на замужество с Алешей Поповичем: «Под боярином жить да будто под чертом, лучше итти мне за Олешеньку в замужество» (стихи 160—161). Образ насильника-князя дан четко. В этом отношении публикуемый вариант примыкает ко всем записям, сделанным Гильфердингом на Водлозере (№№ 198, 206, 211, 217), в которых согласие жены Добрыни на замужество мотивируется угрозами князя Владимира. Наиболее близок наш текст к варианту

№ 198 из Водлозера. Повидимому, они восходят к одной и той же редакции, отличаясь все же, однако, некоторыми существенными чертами: так, напр., в варианте Гильфердинга весть о смерти приносят «старухи-кошельницы», а не Алеша Попович. Вся поэтическая описательная часть разрабатана значительно полнее и художественнее в нашем варианте.

Напечатан первый раз в хрестоматии проф. Н. П. Андреева «Русский фольклор» (см. изд. 2, 1938, стр. 208—214).

Напев XII. Запись на фонограф М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 5 июля 1932 г.

№ 178. Запись А. М. Астаховой, 6 июля 1926 г., от Авдотьи Петровны Мерзляковой, 87 л., Заонежский р., д. Шуньгский Бор.

Текст примыкает к основному заонежскому типу (жалобы Добрыни, участие Владимира в интриге — насилие над женой Добрыни и т. п.), но включает некоторые своеобразные штрихи: таков мотив раздачи казны на помин души (находим еще в варианте, записанном в 1932 г. в д. Огаревцы Заонежского р. от П. Амбарово́й), характерный для беломорских вариантов (см., напр., Марк, 1 и 112). Необычно подношение чары на пиру самим Владимиром.

Текст был дан словесно. На качестве второй части текста несколько отразился приход в избу детей и их разговоры: исполнительница стала сбиваться. Вообще же текст она знала довольно твердо, но петь не умела.

№ 179. Запись А. М. Астаховой, 12 июля 1926 г., от Федора Дмитриевича Грибанова, 85 л., Заонежский р., д. Грибановщина.

Былина представляет единственный в современных записях текст, восходящий к традиции И. А. Гришина, — сказителя, от которого были произведены записи Гильфердингом (см. Гильф., 32—37). Сопоставление публикуемого текста с вариантом Гришина показывает моменты, характерные для угасающей традиции: общее сокращение текста, нарушение былинной «обрядности» (напр., тричности, опущение обычных формул при диалоге), досказ конца былинны прозой и др. Ряд подобных явлений указан мною на основе сравнения текстов обоих сказителей в статье «Былина в Заонежье» (Крестьянское искусство Севера, вып. 1, Л., 1927, стр. 89—101). По обработке сюжета оба варианта относятся к той заонежской группе, которая выделяет участие князя Владимира в сватовстве Алешы Поповича.

№ 180. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 25 июля 1932 г., от Агриппины Матвеевны Никоновой, 88 л., Пудожский р., Песчаное, д. Конновская.

Вариант следует обычной прионежской композиции данной былинны с изображением Алешы как обманщика и с включением роли Владимира-свата, но без того социального заострения, которым наделены многие прионежские тексты (отсутствует конечный укор Добрыни Владимиру). Своес-

образы: мотивировка отъезда Добрыни досадой на обидевшую его мать, деталь в описании седлания коня — сетования коня на неправильное седлание (стихи 28—30), очень тонкая деталь в изображении приезда Алеша на двор Настасьи Микуличны — Алеша Пспович, привезший ложную весть и стремящийся занять место Добрыни, привязывает коня к столбу, «где Добрыня добра коня седлал» (стр. 50—51). Как и в былине о Дюке той же исполнительницы, сильно заметно внедрение в стиль обиденной крестьянской речи и таким образом опрочение эпического речевого строя.

№ 184. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 26 июля 1932 г., от Анны Николаевны Корешковой, 42 л., Пудожский р., д. Северская.

По композиции вариант близок к заонежскому типу, но отсутствует роль Владимира. Текст обнаруживает большой художественный вкус исполнительницы и чувство былинного стиля и ритма. Прекрасны образы: быстро-текущего времени, убитого Добрыни, причить матери. Соблюдается эпическая «обрядность» (троекратность повторения, повторение с подхватом и т. п.). Интересно необычное в современных записях вступление — запевка (ср. № 167). Былине научилась от стариков.

Напев XIII. Запись на фонограф М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 24 июля 1932 г.

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

Принадлежит к тем былинам о Добрыне, в которых особенно рельефно выделены героические черты этого богатыря. Известна в немногих вариантах, но из разных мест: из Онежского края (2 записи от одного исполнителя), с Мезени (3), с Печоры (1), с Зимнего берега (1), из б. Шенкурского у. (1), из б. Нижегородской губ. (1) и из Зап. Сибири (1).

Кир., II, стр. 83, 90; Рыбн., I, 8 (*Гильф.* 30); Гринг., III, 48, 54, см. также 115; Онч., 65; Марк.-Богосл., I, стр. 83; Тих.-Милл., 37 (*Гуляев*, 4).

В 1926 и 1927 гг. экспедицией ГАХН записаны 3 варианта в Заонежском р. и 2 в Пудожском краю (см. Сок.-Чич., 9, 39, 97, 102, 108); в 1931 г. М. Б. Каминской сделана повторная запись от заонежского сказителя П. И. Рябиниана-Андреева. В 1938 г. сделана запись на Печоре (Леонт., 8, вместо Василия Казимиrowa — Дунай). Публикации новых записей см. еще: Ряб.-Андр., 5 (к.); Ив. Гер. Ряб.-Андр., стр. 118 (отр.); Парил.-Сойм., 34 (к.).

Былины о Добрыне и Василии Казимирове возникли на почве определенных исторических переживаний. Они крепко связаны с эпопеей героической борьбы русского народа с татарским засильем. Имя хана — Батый во всех его видоизменениях (Батей, Ботнан, Абатуй и пр.). В перечислении «даней-выплат» часто указана, кроме золота, серебра и т. п., дань невольниками — «добрыми молодцами» и «красными девушками». Среди

других былин героического цикла данная былина выделяется образом богатыря-дипломата. В ней отразилась одна из характерных сторон внешней политики русского народа: русские одерживали победу не только в военных столкновениях, но и при помощи умной дипломатии, выработавшейся в течение многих лет борьбы с иноземными врагами.

Имеющиеся печатные варианты, значительно отличаясь друг от друга в деталях отдельных эпизодов (имена спутников Василия и Добрыни, число и порядок состязаний и т. п.), в основном сохраняют одну и ту же композицию. Особняком стоит вариант с Зимнего берега (Марк.-Богосл., I, стр. 83), в котором совершенно отсутствует эпизод состязания, а роль Василия Казимировича перенесена на Дуная, и один мезенский вариант (Григ., III, 150), в котором сюжет переработан под влиянием былины о Василии Игнатьеве. Почти во всех вариантах главным героем является Добрыня, изображенный могучим и непобедимым богатырем. В этом, при сходстве основной ситуации, отличие данной былины от «Дуная», где в большинстве вариантов Добрыня остается на втором плане. Однако сходство ситуаций привело к дальнейшему сближению: в одном мезенском варианте (Григ., III, 48) Василий Казимиров заточен в погреб и освобождается после указания на него, как на лучшего исполнителя поручения, — совершенно аналогично мезенским обработкам «Дуная». От других отличается еще заонежский вариант Т. Г. Рябинина; он чрезвычайно искусно соединяет данный сюжет с былинной о Добрыне и Алеше. По высоким художественным качествам выделяется текст алтайского сказителя Тупицына (Тих.-Милл., 37; Гуляев, 4).

№ 134. Запись М. Б. Каминской, 30 июля 1931 г., от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, Заонежский р., Сенная Губа, д. Гарницы.

Текст былины имелся в рукописи исполнителя. Собирательница, списав его, внесла изменения, произведенные при пении. Изменения эти состоят в дополнении отдельных стихов, главным образом, при повторении, и в некоторых словесных перифразировках.

Текст восходит к варианту той же былины, спетой Рыбникову и Гильфердингу прадедом исполнителя, Трофимом Григорьевичем Рябининым (Гильф., 80; Рыбн., I, 8). Ни от деда — Ивана Трофимовича Рябинина, ни от отца — Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева былина эта записана не была. Поэтому мы не знаем, на чей счет отнести те изменения, которые находим, сопоставляя тексты Трофима Рябинина и его правнука. Изменения эти, впрочем, касаются лишь частей, отдельных эпизодов. Вся же сложная композиция былины, соединяющая два сюжета, сохранена. Некоторые места, отличающиеся от соответствующих мест варианта Т. Г. Рябинина в записи Гильфердинга, совпадают с ранним текстом исполнителя в записи Рыбникова (№ 8). Напр., такая своеобразная деталь в стихе 163: «А брали дани они под пазушку» встречается и в тексте у Рыбникова: «Брал-то дары Васильюшко под пазушку». Замечательный образ

неподвижности, «нечевелимости» «деревиночки» в жалобе Добрыни (публикуемый текст, стихи 195—212), полностью находим у Рыбникова (стихи 139—159). Изображение татарской «силы» в стихах 601—603 повторяет стихи 517—519 у Рыбникова (у Гильфердинга последний стих знаменитого сравнения — «А черным черным как черная ворона» — отсутствует), угощение богатырей королем Ботияном после побоища подобно описанию у Рыбникова (стихи 681—688 текста Петра Рябинина, у Рыбникова — стихи 582—589); сетования матери при приходе неузнанного ею Добрыни: «Если б была тая слава на святой Руси, что ездит мой Добрыня на добром коне...» и т. д. (стихи 754—759) в такой же форме видим у Рыбникова (стихи 663—671). Также имеется в тексте у Рыбникова рассказ Настасьи Микуличны о насилии над ней (ср. стихи 1047—1064 нашего варианта; у Рыбникова — стихи 868—879). Присутствует в записи Рыбникова и заключительное изображение забот матери о сыне и невестке, которое в записи Гильфердинга отсутствует (стихи 1117—1127; Рыбн., стихи 903—927, словесная формулировка несколько иная). То же мы знаем из сопоставления текстов Ивана Трофимовича и Ивана Герасимовича с текстами их предка: они часто ближе к рыбниковским записям, чем к гильфердинговским. Это заставляет предполагать, что некоторые отступления от вариантов Трофима Григорьевича обусловлены вариациями его же, а не его потомков.

Наиболее существенные отличия следующие: у Трофима Григорьевича отсутствуют: рассказ Ильи Муромца о заставе (стихи 44—45); писание Владимиром «грамоты посылной» (стихи 145—154); в перечислении мать Добрыни богатырей — упоминание о Васке Долгополом, Михайле Потыке, Дюке Степанове и Чуриле (стихи 227—234); образ испуганного Владимира (стихи 1080—1084), который в варианте четвертого Рябинина перенесен из былины о Соловье-разбойнике; роль Ильи Муромца (стихи 1085—1091); включение традиционной насмешки над Алешей в его собственные же слова (стихи 1098—1099). В перечислении, за кого может выйти замуж Настасья Микулична, у Петра Ивановича вставлен еще «крестьянин» (стих 323).

С другой стороны, у П. И. Рябинина пропущена просьба о товарищах (см. Гильф., стихи 58—60, 81—86), отсюда непонятно обращение Владимира к Добрыне и Ивану Дубровичу (в рукописи имелось лишь 3 стиха, относящихся к Ивану Дубровичу — 110—112); нет «трех мис», с золотом, с серебром и жемчугом (Гильф., стихи 110—130), отсутствует диалог Добрыни и матери о 13-й подпруге (стихи 228—247).

Некоторые места, совпадающие по содержанию, переданы иначе. Ср. скачку богатырей (стихи 332—339; Гильф., стихи 324—335; Рыбн., стихи 260—276); здесь опять описание скачки ближе к изображению у Рыбникова; мотивировку первого проигрыша Добрыни (стихи 434—437; Гильф., стихи 420—423; Рыбн., стихи 353—355), картину приноса лука Ботияна (465—467; Гильф., стихи 461—465; Рыбн., стихи 390—392); усмирение товарищей (стихи 640—677; Гильф., стихи 624—652; Рыбн., стихи

547—576); расставание богатырей; думу матери относительно Добрыни (когда приехавший требует гусли и скоморошью одежду) и др. Совершенно иначе поставлен вопрос о дани при приезде богатырей к Ботияну (ср. стихи 389—401; Гильф., стихи 387—391; Рыбн., стихи 326—333). Осью тележной у П. И. избивает татар Василий Казимиров, а не Иванушка Дубрович — изменение традиционного образа «дипломата» Василия Казимирова, который только руководит предприятием. В конце на пиру чару скомороху подает сам Владимир; у Т. Г. Рябикина он велит Алеше поднести ее.

Наблюдаются замены названий: имя Пермила — Спарынечом, земля Сорочинская — Литвой, Царьград — Черниговом (в рассказе переодетого Добрыни матери — стих 744, см. Гильф., стих 712). С другой стороны, мы находим порой точную, иногда дословную передачу ряда мест. См. поднесение чары князем Владимиром в начале, сцену прощания с матерью и женой, ломание Добрыней татарского лука, стрельбу короля, принесение вестей голубками и др.

Размером былина П. И. Рябикина-Андреева превышает былину прадеда (1128 стихов, у Т. Г. в записи Гильфердинга 1023, в записи Рыбникова 926). У П. И. наблюдается определенная тенденция к растягиванию: Т. Г. иногда сокращает повторность, Петр Иванович увеличивает ее (ср. выражения благодарности за поднесенную чару в конце, обращения к матери относительно одежды и гуслей, историю с татарским луком). При этом Петр Иванович обычно повторяет дословно, Трофим Григорьевич зарыирует повторяемые эпизоды и дает с каждым новым эпизодом усиление (ср. выход татар с луком). Отсюда некоторый налет однообразия в былине Петра Ивановича. Отмеченные моменты — растягивание путем увеличения повторности и однообразие в повторениях — характеризуют вообще стиль П. И. Рябикина-Андреева. Изменения в наименованиях, несомненно, внесены после Трофима Григорьевича, так же как замена роли Иванушки Василием Казимировым и включение в былинку Ильи Муромца. Перенесение образов из других былин (рассказ Ильи Муромца о заставе, образ перепуганного князя Владимира) принадлежит или Петру Ивановичу, или — его отцу, так как Иван Трофимович Рябинин наиболее точно усваивал былинки и не допускал таких перенесений.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕИ

Принадлежит к старейшему слою героических былин. Имеются записи (больше 40) из всех северных районов (за исключением Помолского берега), из Зап. и Вост. Сибири, б. Новгородской губ. (в прозе) и Среднего Поволжья. Из последнего — всего два отрывочных варианта. Наибольшее распространение имела в б. Олонцком крае. Часто объединялась с другими сюжетами о Добрыне, преимущественно — с сюжетом женитьбы Добрыни на Настасье Микуличне и с былинкой «Добрыня и Алеша».

К. Д., 45 (Кир., II, стр. 49); Кир., II, стр. 23 (к.), 40 (к.); VII, Прилож., стр. 10; Рыбн., I, 25 (к., *Гильф.*, 148), 40 (*Гильф.*, 93), 193 (к.); Гильф., 5 (к.), 59, 64, 79, 93, 123, 148 (к.), 157 (к.), 191, 241 (к.), 289; Этнограф. обзор., 1894, IV, стр. 140; Марк., 5, 73; Григ., I, 52 (к.), 87, 114 (*Озар.*, стр., 53); II, 1 (к.), 16 (к.), 57, 89 (к.); III, 35 (к.), 38 (к.), 47 (к.), 66, 104; Онч., 59; Марк.-Богосл., I, стр. 57 (к.), Этнограф. обзор., 1905, IV, стр. 45 (*Марк.-Богосл.*, II, стр. 46); Тих.-Милл., 21 (к.), Гуляев, 3; Милл., 21; Макар. 2; Сокол., стр. 302 (к., пр.); *Озар.*, стр. 53. (см. еще мотивы былины у Марк., 112).

Новых вариантов с 1921 по 1934 г. — 14: из Заонежского р. (2), Пудожского (6), Кенозера (2), с Мезени (2), Печоры (1) и Зимнего берега (1). Опубликованы: Б. С., 1, 23, 16, Прилож., 3; Ряб.-Андр., 4; Парил.-Сойм., 6 (к.), 21, 54; Конашк., 5; Крюк., I, 20—21; Сок.-Чич., 10, 80, 98, 271, 273.

Все северные варианты былины образуют три больших областных группы: прионежскую, беломорскую (Зимний и Терский берега) и северо-восточную (Пинега, Мезень, Кулой, Печора). Композиция прионежских вариантов отличается четким распадом былины на две части, посвященные двум битвам со змеем. Первый бой происходит на реке Пучай, куда едет Добрыня купаться, второй — при выполнении поручений князя Владимира — освободить плененную змеем племеницу или дочь. Изображение второго боя, как подвига, и является основной характерной особенностью этой группы. При устойчивости основной композиции прионежские варианты дают большое разнообразие в разработке отдельных частей. От прионежской группы очень сильно отличается северо-восточная, в которой затушевана первоначальная основа былины — подвиг. Освобождение девицы происходит обычно лишь в качестве выкупа со стороны побежденного змея, налетевшего на Добрыню во время купанья. При этом в мезенских вариантах Добрыня змея убивает, а в пинежских — отпускает. Иногда эпизод освобождения и совсем отсутствует. Пучай-река в вариантах этой группы не упоминается. Купанье происходит обычно в море (в № 114 — в «меньшой» реке, затем Добрыню относит в море). Некоторые варианты вносят дальнейшие видоизменения. Выделяются мезенские варианты №№ 38 и 47 (Григ., III). В первом фигурируют вода живая и мертвая и ковер-самолет. На нем Добрыня, убив змея, летит к коню. Во втором — рассказ о бое со змеем вставлен в былину о неудачной женитьбе Алеси и вложен в уста Добрыни, рассказывающего о своем подвиге на пиру. В мезенский вариант № 35 вносится сжигание гнезда змеи. Беломорские варианты объединяются мотивом посылки за водой для умывания — к морю или к Пучай-реке. Как в прионежских, в них дается два боя со змеем, но четкого деления на две части нет: второй бой и освобождение переданы очень кратко. Таким образом, северо-восточная группа представляет отход от старейших редакций, выражающийся в насыщении сюжета сказочно-легендарными мотивами.

№ 133. Запись М. В. Каминской, 29 июля 1931 г., от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, 27 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Гарницы.

Представляет первую часть былины обычного прионежского типа. Относится к той его редакции, которая включает эпизод с портомойницами, предупреждающими Добрыню от купания без сорочки. Восходит к тексту Ивана Трофимовича Рябинина (Этнограф. обозр., 1894, IV, стр. 140). От отца исполнителя, Ивана Герасимовича, записана только вторая часть былины (Второй бой Добрыни Микитинца со Змеем Горыныщем, запись 1921 г. В. Н. Всеволодского-Гернгросса: Ив. Гер. Ряб.-Андр., 4). Из всех былин Ивана Трофимовича данная — наиболее отходит от текста Трофима Григорьевича в записи Гильфердинга, в записи же Рыбникова ее нет. Вариант Петра Ивановича близок к тексту деда: он не только точно следует композиции этого текста, но часто и дословно повторяет отдельные стихи и целые отрывки. Ср., напр., описание матерью Пучай-реки, эпизод с портомойницами, выражение: «Взлепетала языком человеческим» (встречается у Петра Ивановича и в былине «Королевичи из Крякова») и др. Но есть некоторые пропуски и перестановки. Наибольшее отклонение — большая вставка о снаряжении и сборах Добрыни (стихи 24—53), переданные Иваном Трофимовичем, а также и Трофимом Григорьевичем совсем кратко (у Ивана Трофимовича стихи 42—47). Вставка эта целиком перенесена из былины Петра Ивановича «Добрыня в отъезде» (№ 134, стихи 236—255). Также следующие за данным местом стихи 57—61 о неудачной охоте Добрыни точно повторяют стихи 10—14 былины Петра Ивановича «Королевичи из Крякова» (№ 135). Таким образом, и в этой былине мы находим характерные черты исполнителя: стремление точно следовать за источником (некоторые отклонения, изменения формулировки и т. п., может быть, принадлежат не ему, а его отцу, Ивану Герасимовичу, или восходят к вариациям самого Трофима Григорьевича), некоторая нивелировка текстов путем буквального воспроизведения в них одних и тех же картин.

№ 148. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 24 января 1932 г., от Агриппины Федоровны Трухавой, 53 л., Заонежский р., Кижы, д. Липовицы.

Текст примыкает к первой из отмеченных редакций прионежской группы со включением роли Алеши Поповича. Нет только соединения с сюжетом Добрыниной женитьбы. Вариант отличается четкой и стройной композицией и мотивированностью всех основных эпизодов (по инерции только ошибочно повторен в конце совет матери не ходить на пир к князю Владимиру — стихи 247—250, — послушание которого не приносит в данном случае невзгоды). Алеша Попович заменен Вольгой. Награда — разрешение торговать беспошлинно — перенесена из былины о Ставре и Дюке. Начало былины повторяется и в другой былине Трухавой — о Дюке Степановиче.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Довольно популярная былина-новелла на сказочную тему о чародейке-любовнице, превращающей героев в животных. Наибольшее количество опубликованных записей из Прионежья и ближайших к нему восточных районов (Кенозеро, Моша) — 15 вариантов. Известна еще в записях с Мезени и Печоры (по 2 варианта), из 6. Вологодской губ. (2), из Зап. и Вост. Сибири (3), Средней России и Поволжья (5) и из казачьих районов (4). На Пинеге и на берегах Белого моря найдена не была.

К. Д., 8 (Кир., II, стр. 53); Кир., II, стр. 40 (к.), 43, 45, 48; Рыбн., II, 143, 188, 192; Гильф., 5, 17, 78, 122, 163, 227, 241 (к.), 267, 288, 316; II, 37, 59; Григ., III, 55 (к.), 75; Онч., 21, 35; Тих.-Милл., 23—26 (ср. Гильф., 316). 27 (к.); Милл., 22—24, Прилож., 6; Мякутин, вып. II, стр. 9; Мякушин, стр. 3 (ср.: Железновы. Песни уральских казаков. 1899, стр. 4); А. Пруссак. Былины, бывальщины и три песни. Жив. Стар., 1915, вып. III; Листоп., 20, 21.

Новых записей более 10 — из Прионежья, Кенозера, Мезени, Печоры, Беломорья. Из них опубликованы: Б. С., I, 7, 17, 61, 73; Ив. Гер. Ряб.-Андр., 5; Парил.-Сойм., 35; Конашк., 5; Крюк., II, 70; Путил., 215; Сок.-Чич., 11, 81, 210, 212, 256, 271, 273, 280.

Варианты довольно сильно отличаются в деталях, сохраняя основную композиционную схему. Наиболее полные и стройные варианты — из Прионежья, с Кенозера и Моши. Они включают старейший мотив быliny — колдовские действия Маринки со следами Добрыни, некоторые содержат и самый заговор и изображение любовной тоски Добрыни (см. в особенности Гильф., 5, 227, 267, 316; Тих.-Милл., II, 26; Милл., 23). Данные мотивы подробно разработаны также в варианте Кириши Данилова (№ 8), но он отличается от указанных текстов особыми, нигде более не встречающимися эпизодами (вечеринка у Маринки, хвастовство ее на пиру и др.). С другой стороны, в некоторых прионежских вариантах заметна тенденция героизировать сказочно-новеллистический сюжет, представив в любовнике Маринки исторического врага русского народа — татарина. Расправа с Маринкой мотивируется связью ее с врагом (Гильф., 78, 122; Ив. Гер. Ряб.-Андр., 5; см. также Б. С. I, 61). От классической прионежской и вологодской композиции значительно отходят мезенские и печорские записи: в них часто отсутствует описание любовных чар, превращение в тура совершается непосредственно после стрельбы Добрыни, иногда опускается и самый эпизод стрельбы и убийства любовника Маринки. В печорских вариантах отсутствует порой сама расправа с Маринкой, — они заканчиваются лишь «отвертыванием» Добрыни. Кроме того, печорский (Онч., 21) и мезенский (Григ., III, 55) — более полные — варианты предпосылают сюжету о Маринке описание детства и молодости Добрыни.

Южные варианты, отличаясь друг от друга заключительным эпизодом, объединяются образом Маринкина терема с частоколом, утыканным голо-

вами погубленных Маринкою молодцов — развитие образа Маринки в стиле русских волшебных сказок.

№ 113. Запись М. В. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 12 января 1932 г., от Настасьи Степановны Богдановой, Заонежский р., д. Зиновьево.

Былина представляет смешение сюжета о Добрыне и Маринке с вторым эпизодом былины о трех поездках Ильи Муромца. Смешение сюжета произошло на почве близости обоих женских персонажей: Маринки, оборачивающейся богатырей турами, и коварной красавицы, губящей соблазненных ею молодцов. То же встречаем в новых пудожских записях (Конашк., 6; Парил.-Сойм., 35; Сок.-Чич., 11). Начальным моментом этого смешения явился перенос имени: в былине о трех поездках Ильи Муромца, записанной от Фёпорова из Пудоги (Гильф., 58), обычно безыменная королевна-прелестница названа Маринкой.

На былине, даже на ее стихотворной части, лежит сильный отпечаток сказочного стиля. См., напр., выражения: «Ступил добрешенёк, явился к Маринке веселёшенёк» (стихи 47—48); «Ждать того гостя не выждати и звать того гостя не вызвати»; «скоро сказка сказываетсяца, да не скоро дествца».

№ 186. Запись М. В. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 24 июля 1932 г., от Петра Павловича Царева, 75 л., Пудожский р., Песчаное, д. Северская.

Текст представляет сильно сокращенный вариант, из которого выкинута вся основная центральная часть — стрельба Добрыни в голубей, убийство дружка Маринки, любовные чары, оборачивание. Превращение в серого волка вместо тура находим еще в варианте Фоминой с Повенецкого побережья (Гильф., 17) и др. Былинный ритм выдерживается, и то не вполне, только в начале былины, далее склад былины становится совершенно прозаическим. В конце былина окончательно превращается в сказку. В содержание тоже вносятся сказочные мотивы: искание ключей и отпирание дверей погреба ключами, нахождение мертвых тел (традиционно для сказок о разбойниках) и др.

ДУНАЙ

Одна из самых сложных былин с переплетением героических и романтических мотивов на популярную в фольклоре тему добывания невесты. Относится к числу наиболее распространенных былинных сюжетов. В прежних записях известно более 50 вариантов из разных районов Севера и из Сибири. Найден отрывок у терских казаков. Из Средней России и с Волги записей нет. Наибольшее распространение имела в Заонежье и на Мезени, откуда имеем лучшие варианты.

К. Д., 10 (Кир., III, стр. 70); Кир., III, стр. 52, 56, 58, Рыбн., I, 9 (Гильф., 81), 23, 42 (Гильф., 94), 70 (Гильф., 102). 83 (Гильф., 108);

Гильф., 34, 81, 94, 102, 108, 125, 139, 214, 272; Марк., 9, 10, 75, 109; Григ., I, 37, 63; II, 5, 8, 15, 33, 70, 72, 85; III, 5, 41, 58, 63, 73, 80, 94, 99, 116: Онч., 45, 86; Марк-Богосл., II, стр. 57 (к.), 60 (к.), 65 (к.); Тих.-Милл., 32—34 (отр.), 35, 36; Милл., 61, 62 (к.), 63—65; Шахм., 9, 10; Сокол., стр. 305. Ср.: Гильф., 50 (*Рыбн., II, 121*), и Кир., III, стр. 56.

В сказочной обработке — Сокол., стр. 197; см. еще Зеленин, Пермские сказки, 96.

Новых записей больше 20: Б. С., I, 3, 18, 27, 34, 38, 41, 45, 46, 65, 72, 76, 85; Ив. Гер. Ряб.-Андр., 6; Парил.-Сойм., 7, 44; Конашк., 13; Крюк., I, 44, 45; Сок.-Чич., 79, 112, 116, 119, 132, 149, 214. Наилучшая сохранность попрежнему в Заонежье и на Мезени. На Пинеге, где Григорьевым ниже района нашей работы было записано два разрушенных варианта, следов былины нет.

«Дунай» принадлежит к числу тех былин, которые не дают резко очерченных районных композиций. Отдельные эпизоды этой былины варьируются во всех районах. Все же можно наметить некоторые особенности, отличающие областные группы; черты эти, не меняя общего содержания былин, вносят лишь некоторые своеобразные композиционные детали и оттенки в изображение действующих лиц. Так, например, в заонежских вариантах о невесте для князя Владимира говорит сам Дунай; участником предприятия чаще всего является один Добрыня; роль Апраксин крайне пассивна, за исключением варианта Трофима Григорьевича Рябинина (№ 81), где она говорит, что «три года молила выйти за Владимира»; связь с былиной «Дунай и королевна» наиболее (из всех районных групп) слабая. В группе кулойско-мезенской о невесте первый говорит Добрыня, он ссылается на Дуная, который заключен в погребе; с Дунаем едет Добрыня, часто и Добрыня и Илья Муромец, Алеша Попович — редко; король не просто отказывает и угрожает Дунаю, а бранит и унижает Владимира; иногда приехавшие сразу прибегают к насилию; Апраксия более заметна и активна, чем в заонежских. Она или плачет, что отец не отдал ее «честью», или жалеет, что нет сестры-заступницы; связь с былиной «Дунай и королевна» сильнее. Беломорская золотицкая: по началу былины примыкает к мезенской; участвуют в поездке Добрыня и Алеша, иногда и Илья Муромец. Для поморской традиции характерно соединение с былиной «Дунай и королевна». Печорские записи почти не дают полного, законченного сюжета, поэтому говорить о печорской традиции трудно, тем более что полный вариант записан от Д. К. Дуркина, склонного к импровизации. Выделяются следующие черты: отсутствие концовки о протекании рек, характерной для заонежских и мезенских вариантов, и встреча Дуная со старшей дочерью в шатре, где он и вступает с ней в связь еще до поединка с ней (мотив этот находим еще в одном мезенском варианте). Кроме того, печорские былины включают ряд более поздних бытовых черт. Традиционно имя вражеского короля — Семен Лиховитый.

№ 106. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 10 января 1932 г., от Кузьмы Дмитриевича Андрианова, 57 л., Заонежский р., д. Конда.

Характерный образчик совершенно забытой былины, из которой смутно вспоминается лишь основной сюжетный костяк. Сохранившийся отрывок и пересказ не дают возможности установить особенности редакции, которую знал исполнитель.

№ 110. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 12 января 1932 г., от Настасьи Степановны Богдановой, 73 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Зиновьево.

Былина записана была от Настасьи Степановны первый раз в 1901 г. Н. С. Шайжиным (Шайж., стр. 118, перепечатано у Милл., 61). Помещаемый вариант, записанный в преклонном возрасте исполнительницы, обнаруживает не забывание и сокращение, а, наоборот, известное разрастание (вместо 408 стихов — 473 стиха). Это увеличение текста обусловлено, главным образом, развертыванием описательных деталей. Напр., к характеристике желаемой невесты прибавляется: «Собой была бы смиренная» (стих 27). Или в изображении снаряжения коней добавляются подробности: «Золоту узду брали на стопочках, шелкову плётку на гвоздики, сидёлышки черкальские на своих местах» (стихи 136—138). Изображение юношей во чреве дополняется следующими стихами: «На каждой у них будет волосиночки по чистой жемчужинки. Будут расти не по часам — по минутам» (стихи 429—431). Кроме того, вставлен целый эпизод: угощение Дуная медом (стихи 60—71). Но вообще сопоставление обнаруживает большую стойкость текста не только в смысле общей композиции, но и в отношении словесной ткани. Число стихов, точно или почти точно повторяющихся, очень значительно. Изменения главным образом касаются небольшой перестановки или перефразировки стихов и отдельных выражений и слов.

В передаче основных эпизодов былина Богдановой всецело примыкает к заонежской традиции: Дунай сам и сразу отвечает на запрос князя Владимира; его товарищем становится Добрыня; Владимир пишет королю грамотку; на угрозы короля Дунай ударяет руками о столы и наводит на всех страх; роль Апраксии совершенно пассивна. В конце дается мотив гибели чудесных юношей во чреве матери и мотив протекания из крови рек.

Но былина включает и свои индивидуальные и оригинальные черты. Имя Лизаветы Никуличны вместо традиционного — Натальи-королевицны — встречается только в вариантах Богдановой (в записях Шайжина отчество обеих сестер, Апраксии и Лизаветы, — Николаевна). Состязание в стрельбе является не последствием хвастовства Дуная на свадебном пиру, а вызвано предложением Лизаветы Никуличны показать свое искусство в стрельбе. Стреляют с «балкона». После поражения Настасьи Дунай хочет убить ее,

три раза поднимает нож, и рука не опускается — мотив былины о Сокольнике, в других олонечских вариантах о Дунае он не встречается.

№ 158. Запись А. М. Астаховой и И. В. Карнауховой, 23 июня 1926 г., от Петра Григорьевича Горшкова, 50 л., Заонежский р., Космозеро, д. Демидово.

В имеющихся печатных записях из Заонежья и Кенозера не имеется варианта, более или менее близкого к данному, он сходится с некоторыми лишь в отдельных эпизодах, причем все же самое оформление эпизода и образы — обычно разные. Это лишний раз свидетельствует, что былины о Дунае, сохраняя в многочисленных вариантах основную сюжетную схему, сильно варьировались в отдельных эпизодах. Таких оформившихся, отложившихся вариаций отдельных эпизодов образовалось довольно значительное количество, вследствие чего не создано четких композиционных типов данной былины.

Пересказ Горшкова обнаруживает типичные черты стиля сказителя «рассказчика»: множество чисто прозаических оборотов (см., напр., стихи 33, 50—61, 130—134 и др.); пестрота в ритмическом складе стиха (чередование очень длинных и коротких стихов), что создает впечатление обычного сказа, в котором отдельные фразы обособляются и принимают характер стиха благодаря дактилическим окончаниям (см. об этом мою статью: Былина в Заонежье. Крестьянское искусство Севера, вып. 1, стр. 86—87 и вводную статью тома I «Былин Севера», стр. 85—86); модернизация образов (напр., «перочинный ножичек» как мишень для стрельбы, вместо обычного «острия ножейного») и т. п.

Вариант испытал влияние и других былин: былины о Чуриле и неверной жене (включение Бермяты Васильевича — персонажа этой былины, формулировка концовки — смерти Дуная), былины о Добрыне и Алеше (изображение приезда Добрыни к королю — в традиционном эпизоде вбегания Добрыни на свадебный пир). Наиболее устойчивые мотивы заонежских вариантов этой былины — мотив чудесных младенцев во чреве Настасьи и мотив протекания рек — утеряны.

№ 164. Запись А. М. Астаховой и Т. В. Поповой, 28 июня 1926 г., от Пелагеи Никитишны Филипповой, 73 л., Заонежский р., д. Комлево.

Вариант отличается особенно четкой связью сюжета о женитьбе с сюжетом о Дунае и королевиче в подробном рассказе Дуная о своем пребывании у литовского короля и о причинах ухода своего из дому. Обычно в заонежских вариантах эта связь намечается лишь вопросом короля, не пришел ли Дунай снова служить. Конец былины сильно сокращен. Эпизод погони старшей сестры превращается в краткое сообщение о нападении татар, причем Владимир является в совершенно необычной роли героя, избивающего татар «осищем тележным» (изменение эпизода

расправы Добрыни или Дуная с татарами на дворе литовского короля, см., напр., Гильф., 94). Исключительный интерес представляет факт записи совершенно такого же варианта, полностью совпадающего с публикуемым, А. А. Шахматовым в 1884 г. в Заонежье в д. Палтега от неизвестной женщины средних лет (Шахм., 10). См. об этом в заметке о П. Н. Филипповой, стр. 388.

№ 185. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 24 июля 1932 г., от Петра Павловича Царева, 75 л., Пудожский р., Песчанское, д. Северская.

Вариант представляет смешение сюжета о Дунае с сюжетом об Иване Годиновиче: Дунай на пиру печалится о том, что не женат, он едет в царство Лихоимское сватать дочь царя не за князя Владимира, а за себя. На Настасью-королевицну переносятся традиционные черты Апраксии-королевицны. Роль Добрыни Никитича в исходе предприятия сохранена. Такой случай смешения родственных сюжетов не единичен. См. смешение того же сюжета с былинной о Соломане-царе в записи И. Н. Этиной из Кемского р. (Студенч. записки, стр. 18), в ней Дунай увозит Апраксу-королевицну на корабле подобно Василию Тарakanову, увозящему обманом Соломанию. См. также наши записи на Мезени и Печоре, Б. С., I, 43 и 85.

Наименование царя лихоимлянского «грозным царем Иваном Васильевичем» — характерный результат такого эпического сращения имени с эпитетом, при котором употребление эпитета сейчас же вызывает и привычное имя.

Приложение I, № 3. Запись на фонограф С. И. Бернштейна, в июне 1926 г., от Антона Борисовича Сурикова, 67 л., Заонежской р., д. Конда. Расшифровка текста А. М. Астаховой.

Вариант восходит к тексту матери исполнителя, Домны Суриковой (Гильф., 139). Как и былина того же сказителя о Василии Буслаевиче (Прилож. I, 4), свидетельствует о значительной устойчивости семейной традиции Суриковых (полное сохранение общей композиции и отдельных эпизодов, текстуальное совпадение целых отрывков). Известная доля самостоятельности проявляется лишь в перестановке усвоенных формул, в некоторых деталях раскраски эпизодов и в незначительных изменениях словесной редакции. См., напр., в обоих вариантах изображение седлания коней, описание ночевки богатырей и Апраксин в шатре, наказ Дуная Добрыне при отправке его с Апраксией в Киев и др.

Вариант Антона Сурикова короче (205 стихов, у Домны Суриковой 270 стихов). При общей тенденции к сокращению, А. Д. Суриковым сохраняется эпизод с чудесными младенцами во чреве, выпавший в записи Гильфердинга от Домны Суриковой (возможно случайно). Имя героя — «Иван Дунаевич» вместо «Дунай Иванович» — нарушает прочную в этом отношении традицию (в тексте матери сохраняется «Дунай Иванович»).

ДУНАЙ И КОРОЛЕВНА

С именем Дуная сюжет данной былины-баллады известен в записях с берегов Белого моря — Поморского, Карельского и Терского, — где обычно соединяется с сюжетом былины о Дунае-свате и его женьтибе на Настасье-королевичне. В Прионежье и на Кенозере он встречается лишь в качестве безыменной песни, включается в другую безыменную былинно-балладу на тему ухода в чужую землю («Молодец и худая жена» и, в свою очередь, впитывает мотивы этой былины. Песенные обработки имеются из Средней России, Поволжья и Северного Кавказа (6. губерний Новгородской, Московской, Тульской, Симбирской и Саратовской и Терской обл.).

В перечне вариантов одной звездочкой отмечены былины, в которых сюжет соединен с сюжетом «Дунай», двумя звездочками — былины «Молодец и худая жена», включившие данный сюжет.

Рыбн. I, 33 (Гильф., 155), 47** (Гильф., 97**), 76** (Тих.-Милл., 60**), 101** (Гильф., 89**), II, 159**; Гильф., 89**, 97**, 117**, 127 (к), 155, 162, 184, 263, 311, 314; Барсов Памятники, стр. 573; Григ., I, 17; Марк-Богосл., II, стр. 57*, 60*, 65*; Милл., 62*, 63*, 64*.

Новые записи: Ряб.-Андр., 10**; Парил.-Сойм., 12; Студенч. записки, стр. 20; Сок.-Чич., 28, 74, 222, 241.

Песенные обработки у Кир., V, стр. 164—166, 168—170, 172—175, 177. Перепечатаны у Соб., I, 11—15, 17—20, 22; кроме того — Соб., I, 16, 21.

Былина о Дунае и королевне — повидимому, позднейшая переработка безыменных баллад о молодце и королевне, причем приурочение к имени Дуная вызвано желанием разъяснить любовные отношения Дуная и Настасьи, изображенные в былинах о Дунае-свате.

Наличие в Прионежье былины на тему ухода молодца от нелюбимой жены привело к соединению с ней былины о молодце и королевне. Степень взаимного проникновения мотивами различна. Есть былины (Гильф., 97; Рыбн., 47), в которых оба сюжета одинаково развернуты. Но обычно эпизоды ухода и возвращения (чаще только последний) даются совсем кратко в виде закругляющих повествование мотивов. Во всяком случае, развязка всегда благополучная — освобождение молодца от казни и отпуск домой. Второй тип былины — кенозерско-мошенский. Тема ухода и возвращения отсутствует. Развязка трагическая — казнь совершается, королевна убивает себя. Этот тип более других близок песням из Средней России и Поволжья у Киреевского и перекликается с песнями о Ване-ключнике, представляющими другое сюжетное образование на близкую тему. Третий тип — поморский. В вариантах этого типа — также полное отсутствие темы ухода. Отличие от первых двух в том, что герой хвалится связью с королевной не в кабаке, а на пиру у короля. Для освобождения Дуная королевна велит заменить его конюхом. Сюжет всегда приурочивается к Дунаю и часто

соединяется с сюжетом о Дунае-свате, составляя первую часть былины. Образец не контаминированного варианта — Григ., I, 17. Он заканчивается выездом Настасьи в поле, что связывает былинку, спетую как самостоятельное произведение, со второй, записанной от той же исполнительницы — о поездке Дуная-свата к королю и о встрече его в поле с Настасьей.

В новых записях сюжет в отдельной обработке имеется из Пудожья и Кенозера (по два варианта, см. Сок.-Чич. 28, 74 и 222, 241) и с Поморского и Карельского берегов (4 записи). В Заонежье он включен в былинку о молодце и худой жене (см. примечание к этой былинке, стр. 778). Один из поморских вариантов — запись И. Н. Этиной, 1935 г., в д. Гридино Кемского р., от Е. И. Коноваловой, 67 л., — опубликован в «Студенческих записках», стр. 20. Он, как и другой вариант из той же деревни (от А. И. Ивановой, 76 л.), близок к записи А. В. Маркова в д. Гридино от И. Т. Михнина (Милл., 63). Но обе записи 1935 г. представляют более короткие и незаконченные тексты.

Характерный образец былины, впитывающей в себя сказочные элементы, представляет третий вариант из Гридино (от К. Е. Редкиной, 58 л.): Настасья просит слуг, ведущих на казнь Дуная, отпустить его, а королю принести на показ сердце и печень убитого барана; былина начинается сказочной формулой: «Жил-был король» и заканчивается необычной для данной былины концовкой, замыкающей сюжет в самостоятельную былинку:

И стала Настасьюшка жить с Дунаюшком
Веки вечные как муж с женой.

Стих в данном варианте совершенно разрушен (Рукоп. хранил. Сект. фолькл., ИРЛИ, колл. 57).

№ 230. Запись А. М. Астаховой, 24 июля 1932 г., от Анны Семеновны Никитиной, 72 л., Беломорский р., с. Сумский Посад.

Довольно хорошо сохранившийся вариант типичной поморской обработки данного сюжета. По поморской традиции похвальба Дуная происходит на пиру. Вариант не окончен, но из конечной реплики видно, что исполнительнице смутно помнился эпизод замены осужденного другим лицом и спасение Дуная.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Вместе с былинами «Садко» и «Василий Буслаев» образует группу наиболее значительных социально-бытовых былин, разрабатывающих темы внутренних общественных отношений. По мастерству композиции и разработанности изобразительной части былины о Дюке принадлежат к лучшим созданиям данного былинного жанра.

Наибольшее распространение получили в Прионежье (в прошлом больше 30 вариантов), откуда имеем и лучшие наиболее полные и художе-

ственные варианты. Совершенно отсутствуют записи из Средней России, с Поморского берега и с Пинеги. У терских и донских казаков и на Урале сохранилась лишь вступительная часть былины — выезд Дюка.

К. Д., 3 (Кир., III, стр. 101); Кир., III, стр. 100 (отр.); Рыбн., I, 29 (Гильф., 152), 63, 88 (пр.); II, 106, 130, 131, 144, 172, 181 (Гильф., 225), 184, 197, 202, 216; Гильф., 9, 20, 85, 115, 128, 152, 159, 180, 213, 218, 225, 230, 243, 279; Барсов. Памятники, стр. 530 (к.), 583 (Тих.-Милл., 52); Марк., 15, 101, 113; Григ., II, 18, 45, 51, 83, 90; III, 34 (к.); Онч., 24; Марк.-Богосл., I, стр. 88; II, стр. 78; Тих.-Милл., 49, 50, 51, 53 (отр.); Милл., 55, 56, 57, 58 (отр.), 60 (отр.); Шахм., 6; Листоп., 27; Научно-литературный сб. Галицко-русские матицы, 1906, т. V, кн. 1, стр. 68—71; см. также Марк.-Богосл., I, стр. 33.

Новые записи преимущественно из Заонежского и Пудожского районов Карелии и из Кенозера (более 15 вариантов). Три варианта с Печоры, где, очевидно, в начале века былина была довольно популярна, хотя Ончуков и записал 1 вариант. С Мезени имеется лишь одна запись.

Ив. Гер. Ряб.-Андр., 7; Парил.-Сойм., 10, 25, 37, 57, 60; Конашк., 16; Б. С., I, 30, 71, 90; Крюк., I, 54; Сок.-Чич., 21, 71, 88, 105, 109, 163, 168, 176, 188, 207, 216, 251, 274.

Наиболее отчетливые отголоски социально-исторических отношений находим в прионежских вариантах, в особенности в кижских. Центр тяжести в них — в сопоставлении Галича-Волынца и Киева, богатств Дюка и Владимира. Чурила является представителем Киева и любимцем князя. Иногда на состязание Дюка с Чурилой побуждает сам Владимир (см., напр., Гильф., 152, 159). Поражение Чурилы является и посрамлением князя Владимира. Вообще же в ряде прионежских вариантов эпизод состязания с Чурилой заслонен эпизодом оценки Дюкова имения. Оценка эта предпринимается обычно не вследствие вызова Чурилы, а в силу недоверия к похвальбам Дюка. Поэтому характерным моментом является выражение недоверия князей-бояр при первом же появлении Дюка: «мужичище-деревенщина», убил кого-то, украл платье, коня и т. п. Характерна в этом плане концовка варианта № 20 у Гильфердинга: «А й покорил он стольного князя Владимира». В некоторых вариантах за Дюка ручается Илья Муромец, Добрыня или «голи». Это еще более свидетельствует о симпатиях исполнителей. Устойчивость отмеченных социально-исторических черт обусловлена крепостью прионежской традиции в отношении сатирического изображения князя.

Со стороны композиции следует отметить мотив «трех застав», через которые проезжает Дюк, как характерную черту именно заонежских вариантов. В них вводится также мотив отвода Алеши Поповича при выборе послов Дюка, причем используется социальная характеристика Алеши: «его глазюшки озáрятся».

Вторая областная группа — варианты терские, кулойские и золотницкие. В них состязание в богатстве Дюка и Владимира, как и в прионежских,

выдвинуто на первый план. Но они значительно более кратки и композиционно более просты и бедны. Во многих из них Чурилы вообще нет. Начинается былина с описания родины Дюка. Нет ни описания снаряжения, ни мотива застав. Мезенский вариант (Тих.-Милл., II, 51) интересен агрессивной ролью Владимира: он посылает послов «отнять» имение. Спор происходит между Дюком и самим князем Владимиром. Печорские варианты переводят конфликт в план личного столкновения Дюка и Чурилы. Социальный же элемент в них заключается в противопоставлении Дюка социальной верхушке: за Чурилу поручаются князья и «бояре толстобрюхие», Дюка поддерживает Илья Муромец.

№ 142. Запись А. М. Астаховой, 15 июля 1926 г., от Марьи Кириканы Сарфановой, 45 л., Заонежский р., Кижы, д. Середка.

Былина была восстановлена Сарфановой с трудом (см. заметку об исполнительнице). Показательно полное выпадение из данного варианта Чурилы: в процессе забывания сохранилось лишь самое существенное — сопоставление Киева с Галичем. Восходит к той же редакции, что и другой кижский вариант — А. Ф. Трухавой.

№ 149. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 23 января 1932 г., от Агриппины Федоровны Трухавой, 53 л., Заонежский р., Кижы, д. Липовицы.

Самый полный из всех вариантов данной былины, записанных нами в Карелии. Относится к той же редакции, что и текст М. К. Сарфановой. В записях Гильфердинга и Рыбникова этой редакции нет. По отдельным эпизодам наиболее близок к тексту сказителя Калинина (Гильф., 9, см., напр., изображение застав и скачки бурка). Вариант Трухавой вполне согласуется с прионежской традицией, по которой упор делается на соперничество Галича с Киевом. Обычную роль Чурилы выполняет Самсон Самсонович.

№ 175. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 2 июля 1932 г., от Ольги Алексеевны Антроповой, 95 л., Заонежский р., Шуньга, д. Кузь-Губа.

Вариант интересен как запись из мест, откуда текстов данной былины до сих пор не было. Сюжет передан сокращенно. Чурилы нет. Единственный след состязания с ним — в сохранении мотива чудесных пуговок. Своеобразен момент личной поездки Владимира в Галич, встречается еще лишь в варианте Кириши Данилова (№ 3). Посрамление князя подчеркнуто его испугом перед матерью Дюка. В стиле сильны черты сказочного склада.

№ 182. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 25 июля 1932 г., от Агриппины Матвеевны Никоновой, 88 л., Пудожский р., Песчанское, д. Конновская.

Вариант отличается прозаическим складом, сокращением и обеднением описаний. Ср., напр., описание застав и проезда Дюка с соответствующими

местами в вариантах №№ 9, 152 и 159 у Гильфердинга и в нашей записи от М. К. Сарафановой (№ 142) Наблюдается включение обыденных бытовых образов: «женщины идут на работу», «обоз». В конечном эпизоде — характерный момент модернизации: калоша, которую нельзя оценить — припоминание сапожек «зеленый сафьян» или «лапоток плетёных», в которых щеголяет Дюк в Киеве (Гильф., 152 и 213). Ср. у Гильф., 230, эпизод с сапогами, которых Добрыня не мог пересчитать в Галиче.

ЖАЛОБА СОЛДАТ ПЕТРУ I НА КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОГО

Относится к группе исторических песен обличительного характера, направленных против бояр и временщиков — притеснителей народа.

Григ., I, 192; Озар., стр. 53—54 (Кривопол., 13); «Крестьянское искусство Севера», вып. II, Л., 1928, стр. 146. Песни, близкие по социальной направленности, но с другим сюжетом, см. у Кир., VIII, стр. 294—302.

Точный адресат, к которому обращены упреки, неизвестен. В петровское время несколько Долгоруких имели отношение к русской армии. Песня запечатлела типический образ вельможи, грабящего народ; она замечательна своей социальной заостренностью. Известна в сокращенной редакции (заканчивающейся словами Петра I, предоставляющего солдатам самим расправиться с Долгоруким), и в редакции полной, в которой в заключение говорится, что испуганный Долгорукий или предлагает солдатам «чисто серебро», или выносит солдатам золотые ключи от своих сундуков.

В конце XIX в. и начале XX в. песня на Севере пелась на свадьбах, когда жених приезжал за невестой или когда молодые возвращались от венда домой (Григ., I, стр. 142 и 570), иногда — во время одаривания деньгами кого-либо из участников свадебного обряда.

Кроме публикуемого текста, на Пинеге в 1927 г. были записаны еще варианты: 1) от Т. Д. Мельниковой 40 л. и М. А. Мельниковой, старухи, из д. Айнова Гора; 2) от А. И. Суховерхова и его жены Г. Г. Суховерховой из д. Шотова Гора. (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III). См. также текст в сб. «Крестьянское искусство Севера», вып. II, Л., 1928, стр. 146).

№ 210. Запись А. М. Астаховой 24 июня 1927 г. от Ивана Александровича Ломтева 51 г., д. Карпова Гора.

Пинежская краткая редакция песни.

Напев XVI. Запись на фонограф Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд в июле 1927 г.

ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН

Относится к группе старших исторических песен, воспринявших былинную ритмическую структуру и эпические композиционные и стилистические приемы.

Сюжет известен во многих вариантах: в сборнике Вс. Миллера «Исторические песни русского народа» собрано 44 варианта. Охват пространственный очень широк: все основные северные районы (исключая Терского берега), Зап. Сибирь, Средняя Россия, Поволжье среднее и нижнее.

К. Д., 43 (Кир., VI, стр. 70); Кир., VI, стр. 55, 60, 61, 66, 77, 80, 83, 87, 90, 94, 98, 102, 111, 197 (Гуляев, 39); Рыбн., I, 19, 31 (Гильф., 153), 55, 108, 136; Гильф., 13, 25, 129, 142, 153, 165, 175, 183, 201, 209, 244; Барсов. Памятники, стр. 590; Ист.-Д., стр. 46, 51; Марк., 37, 106; Онч., 49, 92; Онч. Сказки 125; Милл. Ист. песни, 98—141 — перепечатки вышеуказанных, в том числе новые: 101, 102, 125, 126, 130 (Гуляев, 8), 131, 132, 141, 143 (Гуляев, 34); Парил.-Сойм, 15; Крюк., II, 109; Конашк., 22; Сок.-Чич., 34, 93, 113, 121, 139, 182, 228.

Последние известные нам обследования за пределами Прионежья и Кенозера песен об Иване Грозном, за исключением Беломорья (от М. С. Крюковой), не выявили. В указанных районах записано 12 вариантов.

Песня об Иване Грозном и сыне интересна выражением народного отношения к Грозному. Иван Грозный изображен мнительным и вспыльчивым. Он в постоянном ожидании измены со стороны окружающих, что и побуждает его на быстрые и порой опрометчивые решения. Но он «отходчив», сам жалеет о совершенном зле и готов отдать должное смелым и справедливым поступкам и словам. Таков образ Грозного и в других народных песнях (напр., о взятии Казани). В этой народно-поэтической обрисовке Ивана IV видно положительное отношение к нему народа, вызванное сочувствием народа к его борьбе с феодальным боярством. В изображении Никиты Романовича отложились народные представления той эпохи об идеальном слуге царя, бесстрашном, прямом, защитнике народа. Особенно интересен и значителен в песне своим социальным содержанием мотив вотчины—убежища для угнетенных и преследуемых. Этот мотив составляет преимущественную черту онежских и шенкурских вариантов. Многие из них вообще отличаются стройной композицией и подробной разработкой основных эпизодов песни: клеветнического навета на царевича Федора, спасения последнего Никитой Романовичем и сцены у церкви (Никита Романович в праздничном платье приветствует царя с обоими царевичами). В некоторых вариантах из других мест мотив охранной грамоты откинут и основная композиционная схема нарушена.

№ 153. Запись А. М. Астаховой, 17 июня 1926 г., от К/звмы Семенича Кудрова, 83 л., Заонежский р., Великая Губа, д. Сибюю.

Прозаический пересказ. Исполнитель слышал его уже в таком виде, а не в форме песни. В передаче эпизодов нет изменений против обычной, наиболее распространенной в Прионежье редакции. Повествование носит черты сказа. Внесены позднейшие образы: у Ивана Грозного — «бал», кроме бояр действуют «вельможи», во дворце — «вестовой» и т. п.

№ 160. Запись А. М. Астаховой, 23 июня 1926 г., от Петра Горьевича Горшкова, 50 л., Заонежский р., с. Космозеро.

Вариант представляет наиболее распространенную в Прионежье редакцию данного сюжета, но сильно сокращенную. Многие обороты чисто прозаические, сказовые.

Внесена новая деталь, которой нигде нет: об измене говорит сам Малюта, указывая на царевича. Обычно же Малюта — лишь услужливый исполнитель царского приказа.

Приложение I, № 5. Запись на фонограф С. И. Бернштейна, июня 1926 г. от Антона Борисовича Сурикова, 67 л., Заонежский р., д. Конда. Расшифровка текста А. М. Астаховой.

Восходят к тексту Домны Суриковой (Гильф., 142).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (сводная былина)

Стремление к более полному изображению подвигов любимого народного героя привело к сложению сводных былин. Обычно объединение лишь двух-трех сюжетов. Рассказу о первой поездке (Соловей-разбойник) часто предпосылается сюжет об исцелении, к ним иногда присоединяется еще какой-нибудь сюжет (см., напр., Григ., III, 89; Онч., 19, 53; другие комбинации: Кир., I, стр. 77; Рыбн., I, 51 (пр.); Гильф., 171, 210, 232; Григ., I, 8, 129, 166, 180; III, 8, 51; Шайж., стр. 94; Милл., 3). Из новых записей см. Б. С., I, 47, 93; Парил.-Сойм., 3, 31; Сок.-Чич., 44, 57, 70, 77, 269. Былин, сводящих в одну песню-поэму весь цикл сюжетов об Илье Муромце, или хотя бы многие из них, мы в прежних записях не имеем. Самый большой свод — запись Гильфердинга от В. Щеголенка (Гильф., 120), объединяющая следующие сюжеты: исцеление, встречу с разбойниками, победу над Идолищем и поражение Соловья-разбойника (во втором варианте этого свода — Тих.-Милл., 7 — отсутствует первый сюжет). Объединение многих сюжетов находим в сказках. Библиографию и обзор их см. у Вс. Миллера, Очерки, I, стр. 362—386. Кроме того, см. еще Онч. Сказки, 136; Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губ., II, 1915, 99; Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Пермской губ., II., 1914, 16; Н. А. Ивануцкий. Материалы по этнографии Вологодской губ., М., 1890, 3; Тр. Сарат. уч. арх. ком., 1908, XXIV, стр. 124; И. А. Чеканинский. Об Илье Муромце (Этнограф. обзор., 1912, III—IV, стр. 110) и др. (Андр., 650, 1). Из новых записей — сб. А. Гуревича «Русские сказки Восточной Сибири», Иркутск, 1939, стр. 212. Сводные сказки или представляли свободный пересказ ряда былинных сюжетов, известных из устной традиции, или складывались на основе лубочных пересказов былин об Илье Муромце, а также искусственно сделанных былинных «сводов», издаваемых с XIX в. в дешевых изданиях для распространения в народе (см., напр., «Сказ об Илье Муромце», изданный под ред. О. Ф. Миллера и выдер-

жавший несколько изданий; изд., 3, СПб., 1899). В таких сводах не только произвольно объединялись отдельные былины об Илье Муромце, но и самые былины подвергались переработкам и дополнениям и представляли часто тоже своды ряда вариантов на один и тот же сюжет.

Кроме публикуемых, в Рукописном хранилище Сект. фолькл. ИРЛИ имеются сводные сказки, записанные в 1935 г. И. Н. Этиной: в Петрозаводске от И. А. Атанина, 39 л. («Исцеление», «Соловей-разбойник», «Идолище», «Илья и Святогор») и в д. Гридино, Кемского р., от И. Е. Михнина, 26 л. («Исцеление», «Соловей-разбойник», «Иван Годинович» — в приурочении этого сюжета к Илье Муромцу).

№ 157. Запись А. М. Астаховой и И. В. Карнауховой, 23 июня 1926 г., от Петра Григорьевича Горшкова, 50 л., Заонежский р., Космозеро, д. Демидово.

Былина представляет самый большой из известных до сих пор былиных сводов (объединение 8 сюжетов), являющийся полной биографией Ильи Муромца с момента исцеления до конца жизни. Источник ее — очевидно лубочные сказки об Илье Муромце или печатные былинные «своды». По словам исполнителя, былина в таком же виде сводной былины-сказки усвоена им от его отца.

Возможно, что отец передавал эту былинку именно как сказку: сказовый прозаический характер ее налицо. В исполнении же П. Г. Горшкова она звучала как былина, хотя он и не пел, а сказывал: Петр Григорьевич четко отделил стихи усиленно подчеркнутым дактилическим ударением в конце. О стремлении Горшкова удержать подобие былинных конструкций стиха при помощи дактилических окончаний см. Крестьянское искусство СССР, Л., 1927, стр. 86—87, и заметку о П. Г. Горшкове в данной книге, стр. 334. Поэтому, вероятнее всего, здесь мы имеем следующее явление: по образцу других былин исполнитель пытается сказки об Илье Муромце передать в виде былины, пользуясь отмеченным мною приемом.

Содержание первой былины, вошедшей в свод, очень своеобразно и отстает от обычной традиции изображения исцеления Ильи Муромца каликами, подносящими ему воды или вина. В данной былине Илья Муромец исцеляется в пасхальную заутреню при колокольном звоне. Былина связывает исцеление с последующим подвигом Ильи, с победой над Соловьем-разбойником. Наказ отца — «не проливай ты на красную кровь христианскую», изображение скачки, протекание ключа от удара копытом и построение на этом месте часовни — встречаются в известном тексте былины об исцелении и первой поездке Ильи Муромца (Кир., I, стр. 34—35), не раз помещавшемся в школьных хрестоматиях. Обычный рассказ о помощи, которую исцеленный богатырь оказывает родителям в их крестьянской работе, у Горшкова отсутствует.

Второй сюжет — встреча Ильи Муромца с разбойниками — обработан в обычном традиционном плане. Своеобразным оказывается лишь заверше-

ние эпизода следующим мотивом — Илья Муромец ставит разбойникам условие раскаяться в своих поступках. Аналогичный конец находим у Гильфердинга в варианте из Выгозера (№ 197).

Третья былина, о Соловье-разбойнике, является самой развернутой из всех былин, вошедших в состав свода. Подвигу победы над Соловьем предшествует рассказ об освобождении Чернигова, часто присоединяемый к былине о Соловье-разбойнике. Рассказ о победе над Соловьем-разбойником традиционен, фигурирует, между прочим, и покушение на жизнь Ильи старшей дочери Соловья при помощи подворотни. Но приказ жене Соловья везти золото для выкупа мужа в былинах необычен и редко встречается (см. Милл., 1). Приезд Ильи Муромца в Киев, недоверие к нему богатырей, показ Соловья-разбойника и расправа с ним — обычны. Своеобразны детали: включение гонца с известием о подвиге под Черниговом (в других былинах не встречается), характер расправы с дочерьми и зятьями.

Следующую часть свода составляет былина о трех поездках Ильи Муромца. Два первых эпизода этой быliny переданы в полном соответствии с установившейся традицией, почти неизменной, за исключением мелких деталей, во всех районах. Переданы они довольно кратко, в особенности первый эпизод, сведенный к 11 стихам, в то время как обычно он развернут в подробный рассказ. Такое сокращение, вероятно, обусловлено тем, что эпизод этот уже пересказан в виде отдельной законченной части в начале быliny после исцеления. Третий эпизод развернут необычно. Во всех имеющихся вариантах Илья Муромец прямо наезжает на погреб (напр., Гильф., 266, 271) или видит крест, а под ним погреб, или 3 погреба (Гильф., 171, 221), или находит на камне, или под камнем золото (Гильф., 287). Найденные богатства идут на раздачу сиротам (Гильф., 171) или на построение церкви и монастырей (Гильф., 271). В данной былине эпизод обработан по аналогии со вторым эпизодом, только с заменой красавицы «вельможей» и, соответственно этому, с изображением другого способа губить людей. Освобождение молодых вызывает вариацию отказа от богатств: богатырь раздает их освобожденным.

Пятая часть произведения начинает былинку на сюжет «Илья Муромец и сын». Рассказав о связи богатыря с царевной Лотарыненкой и о ее беременности, исполнитель переходит к другим былинам и возвращается к данному сюжету лишь в самом конце.

Рассказ о любовной связи с женщиной сравнительно редко открывает былинку о встрече Ильи с сыном (см. Григ., I, 40 и 129; III, 64 и 85). В былине Горшкова эпизод этот развернут и включает рассказ о поединке с отцом Латыренки. Наименование царства Лотаринским явилось, очевидно, под влиянием лубочной сказочной литературы в порядке осмысления наименования Латыгорки (см. Григ., III, 42, 113) или Латыря (Григ., III, 4, 16, 32 и др.). Оставление для будущего ребенка самоцветного камня

находим и у Григорьева (I, 129; III, 64; в последнем Григорьев передает эпизод несколько иначе: Илья оставляет крест для сына и перстень для дочери).

Самое столкновение отца с сыном передается в традиционных для Заонежья подробностях: подбрасывание палицы богатырем, первоначальное поражение Ильи Муромца, издевательства поленицы. Но узнавание по перстню мы находим только у Григ., I, 129, стихи 110—111. Конец тоже традиционен для Прионежья (исключено лишь убийство матери). Но весь эпизод встречи пронизан психологическими и реалистическими деталями: поленица «начал его седатые волосики пощипывать» (стих 84); «от страсти» поленица закрывает глаза рукой, когда Илья Муромец замахивается на него «кинжалом»; после драки Илья «измучился», «напала на него лень страшная». Сын с досады, что отец узнал по перстню, бросает его в грязь и т. д.

Относительно других былин, включенных в текст, отметим следующее. В былине об Идолище — наименование Идолища Полканом Полкановичем (влияние лубочных сказок). В остальном пересказ близок к той группе более кратких обработок, в которой действие происходит не в Царьграде, а в Киеве (ср., напр., Рыби., I, 6; Гильф., 144).

Былина о Калине-царе явно восходит к тексту Кириши Данилова (№ 24): стрельба Васьки-пьяницы, наименование зятя Сартаком, приход самого князя Владимира с Ильей к Калину-царю с подарками и с просьбой дать «сроку» и др. Некоторые эпизоды даже текстуально близки к варианту Кириши Данилова. Ср. стихи 648—650: «Потом начал приговаривать: крепок татарин — не ломится, с жилы собака не сорвется» со стихами 192—194 у Кириши Данилова: «А сам татарину приговаривает: «А и крепок татарин не ломится, а жиловат, собака, не изорвется»; ср. дальше изображение, как отрывается голова татарская и стихи: «Да согнул его дугой корчагою и ударил его о горяч камень» со стихами у К. Д.: «Согнет его корчагою, воздымал выше буйны головы своей, ударил его о горяч камень». В данном варианте рассказ только более сокращен и изменена концовка.

Часть восьмая, Илья Муромец и Святогор, представляет наиболее распространенную версию данного сюжета. Никаких новых и своеобразных элементов не заключает.

Включенные в свод былины входят в него не механически, они композиционно спаяны. Не все из включенных былин восходят к прионежским типам обработок соответствующих сюжетов — ясное свидетельство того, что данная сводная былина не создавалась всецело на основе местных традиций, а имеет, очевидно, источником какую-нибудь сводную былинно-сказку, проникшую в Заонежье книжным путем. Об этом же говорит близость некоторых частей к былинам сборника Кириши Данилова: лубочные своды в значительной степени пользовались его редакциями. Некоторые из своеобразных мотивов могли быть внесены и самим Горшковым, владеющим довольно значительным сказочным репертуаром.

Как указано выше, сказ изобилует прозаизмами и сказочными оборотами, напр.: «Как выходили к нему двенадцать девиц, одну ведут под руки, что царицу, богиню какую весьма прекрасную» (стихи 471—473). «Долго, коротко он ездил по чисту полю» (стих 537, см. также 453) и др. В диалоге перемежаются обращения на ты и на вы.

№ 165. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 7 июля 1932 г., от Ильи Григорьевича Чванова, 63 л., Заонежский р., Пайницы, д. Коровниково.

Текст свободно пересказывает ряд сюжетов и эпизодов из былин об Илье Муромце, с сильным отклонением местами от традиционных сюжетных схем.

Так, эпизод встречи с татаринцом, следующий за сюжетом исцеления, не является пересказом определенной былины, а использует общие мотивы былин о встречах русских богатырей с врагами (мотивы «Сокольника», «Алеша Поповича и Тугарина» и др.).

Свободное обращение с сюжетом при известном сохранении традиции приводит иногда у Чванова к противоречиям и несообразностям. Так, Илья Муромец сперва отрубает голову Соловью-разбойнику, а затем, на дворе у князя Владимира, показывает его для подтверждения своего рассказа и велит ему свистеть. Окончательная расправа с Соловьем следует не тотчас же за нарушением его приказа, а после победы над татарами, в рассказе о которой используется наиболее распространенный конец былины о Калине-царе. Стиль былины сказовый. Встречаем такие, напр., выражения: «Свалился тут Святогор во дубовый гроб», «Ведь я слышал и ту пословицу, што один в поле не воин», «И рассказывает он чудо чудное, и рассказывает он диво дивное» и т. д. Но исполнитель все же удерживает повествование в рамках былинного ритма, не давая ему окончательно перейти в прозу.

Лексика в былине Чванова сильно модернизирована, ряд слов выпадает из круга былинной терминологии и образов: чтобы добыть коня, Илья идет «на рыночек»; надпись на столбу гласит: «В третью дороженьку ехать — с барышнями забавлятьце наб»; Владимир-князь велит богатырям спросить у Ильи Муромца «ево документы»; Владимир выходит «на свой на широкий балхон» смотреть Соловья-разбойника.

Особо следует отметить постоянное подчеркивание социального происхождения Ильи Муромца: «от бедных от родителей, от трудящихся», «сын крестьянина не богатого, а беднова». Повторение этого мотива в самом конце после изображения подвигов Ильи Муромца создает определенную социальную направленность всей былины.

Происхождение текста нам не известно. Возможно предполагать или пересказ в былинном ритме слышанного или прочитанного Чвановым рассказа об Илье Муромце, или собственную композицию на мотивы и сюжеты былин об Илье Муромце.

Интересно вступление, быть может опирающееся не на устную традицию, а на книжный источник (см. параллель в былине о Добрыне и Алеше у Корешковой, № 184).

Приложение III, № 1. Запись А. М. Астаховой, 11 июля 1933 г., от Ивана Корниловича Лопинцева, 44 л., с. Нижняя Кандалакша.

Текст является соединением нескольких сюжетов об Илье Муромце с мотивами сказок о Бове, Еруслане и др. Все былинные эпизоды — исцеление, выбор коня, бой с сыном — сильно переработаны. Интересно исползован мотив «тяги земной» в качестве «урока» богатырю. Геронческая тема былины четко сформулирована в завете сыну: «Ты не бойся на свете никого. Защищай ты свою родину и учи сына защищать родину». Источник сказки исполнитель сам указал. Это «книжки в школе»: «Там про разных богатырей было — про Бову, Еруслана, Святогора». Вероятно, данный текст — своеобразное объединение самим Лопинцевым когда-то усвоенных им из книг и из устной традиции былинных и сказочных мотивов. Характерно, что в сказке, записанной в д. Гридино Кемского р. (запись И. Н. Этиной, 1935 г.), находим такой же мотив выбора лошади в стаде пастуха, только переданный совсем кратко: «Илья Муромец и говорит затем отцу: „Поседу я в чистополье искать себе коня“. Идет пастух, гонит лошадей. Илья Муромец говорит: „Давай-ка мне лошаденку, ту, которая у тебя есть лучше в стаде“. Пастух отвечает: „Выбирай сам, которая тебе нравится“. Илья Муромец выбрал себе лошадь, ту, которая ему нравилась». В нашем тексте эпизод развернут при помощи мотива испытания силы коня наклыванием руки.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Один из самых популярных сюжетов героического цикла, известный в обработках различных районов Севера и встречающийся в рукописных записях XVIII в. (Тих.-Милл., I, стр. 22 и 49).

Кир., I, стр. XXI, XXXIV; IV стр. 18, 22; Рыбн., I, 6, 24, 62 (Гильф., 144), 87 (пр.); II, 118, 140; Гильф., 4, 22, 48, 63 (к.), 120 (к.), (Тих.-Милл., 7), 144, 178, 186, 196, 218 (к.), 232 (к.), 245; Марк., 43, 44 (к.), 69 (к.), 92 (пр.); Григ., I, 90, 112, 138 (к.); III, 19, 45 (к.), 51 (к.), 114 (к.); Онч., 20 (к.); Тих.-Милл., I, стр. 22, 49; II, 7 (к.), 13; Милл., 3 (к.), 4, Прилож. 9; Озар., стр. 38; Этнография, 1927, 2, стр. 313; см. также сводные сказки, указаны выше (стр. 550).

В современных записях в качестве самостоятельной былина известна в немногих вариантах — из Прионежья, Беломорья и с Печоры (Б. С., I, 78; Леонт., 2; Парил.-Сойм., 18, 32; Конашк., 2; Крюк., I, 7; Сок.-Чич., 6, 248); как часть, данный сюжет входит в сводную былинку П. Г. Горшкова из Космозера Заонежского р. (Б. С., II, 157) и в побывальщины Е. М. Лешукова из Лебской и В. Ф. Иванова из Больших Нисогор Лешуконского р. (Б. С., I, 5, 47, Прилож., 3).

Былина встречается в двух основных версиях: с перенесением действия в Царьград, где насилью подвергается Константин Боголюбов, и с обычным местом действия в Киеве, где унижение терпит князь Владимир. Основное сюжетное ядро былины — мена Ильи Муромца с каликой платями, диалог Ильи и Идолища о том, каков Илья, и насмешки Ильи над прозорливостью Идолища, бросание последним кинжала или ножа в Илью и расправа Ильи Муромца — в основном устойчиво и отличается в различных вариантах большей или меньшей степенью разработанности. Наибольшим вариациям подвергается начало (как Илья Муромец узнает об Идолище, и при каких обстоятельствах происходит встреча с каликой) и концовка — формы расправы с Идолищем. Наибольшей четкостью отличаются прионежские варианты, где данный сюжет чаще облечен в самостоятельную былинную и лишь изредка соединяется с другими сюжетами, чаще всего — с сюжетом о голях кабацких.

Наоборот, более северные варианты: с Пинеги, Мезени, Печоры и Зимнего берега — чаще дают сложный контаминированный тип былины. Объединение происходит в большинстве случаев с сюжетом голей, затем с сюжетами ссоры с князем Владимиром и встречи со Святогором. В северо-восточных вариантах сюжет также часто осложняется отдельными дополнительными деталями.

№ 124. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 14 января 1932 г., от Василия Васильевича Амосова, 72 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Обозеро.

По композиции вариант в основном следует прионежскому типу той версии, по которой действие происходит в Киеве при дворе князя Владимира. Из наиболее оригинальных деталей в обрисовке Ильи Муромца следует отметить наказ коню (стихи 47—50) (параллели см. у Гильф., 186, стихи 76—77; Марк, 69, стр. 355; Григ., I, № 54) и описание ходьбы Ильи Муромца (стих 55 и примечание исполнителя) (параллель см. у Кир., IV, стр. 23). В былине заметно отражение припоминаний из других былинных сюжетов: из былины о Святогоре («И так кров по жилам разливается»; ср. у Рыбникова № 86) и из былин о Сокольнике или Алеше Тугарине («Воротись с дороги, а нет — конем стопчу», стихи 11—12).

Текст Амосова, подобно его другой былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник», является былинной, обратившейся в сказку, в которой рассказ искусственными паузами и дактилическими окончаниями разбивается на речевые отрезки — подобию стихов. Характерно для перехода на стиль сказа употребление придаточных, часто даже в середине стиха: «Прохожий увидал, что едит Илья Муромец» (стих 13), «И говорит, что не чесь мне будет богатырю» (стих 102), и т. д.

«Одолище» вместо более обычного «Идолища» встречается и в других былинных текстах под влиянием лубочных сказок с персонажами-чудовищами — «Одолищем» или «Неодолищем».

Былины о татарском нашествии, с Ильей Муромцем в качестве главного или одного из главных героев, являются наиболее сложными композициями героического цикла. Сохранились они только на Севере и в Сибири. В указанную группу былин входят три сюжета: 1) Илья Муромец и Калин (иногда с заменой Калина Кудреванкой, Баданом и др. — наиболее распространенный сюжет); 2) Илья Муромец, Ермак и Калин (известный почти исключительно в Прионежье); 3) гибель богатырей (Камское или Мамаско побонище — сюжет в чистом своем виде самый редкий). Ввиду того, что данные сюжеты близко соприкасаются друг с другом, совпадая в ряде эпизодов и мотивов, мы объединяем рассмотрение их в одном примечании, в библиографии же распределяем варианты по группам, обозначая буквами А, Б и В (соответственно данным выше номерам; промежуточные между первым и третьим присоединяем к первым с отметкой звездочкой).

К. Д., А: 24 (Кир. I, стр. 70); Кир., А: I, стр. 56; IV, стр. 38; Б: I стр. 58; В: IV, стр. 108; Рыбн., А: II, 141 (Гильф., 304), 205 (Гильф., 57); Б: I, 7, 39 (Гильф., 92), 74 (отр.; Гильф., 121); II, 120; Гильф., А: 57, 75, 170, 257 (к.), 296, 304, 320; Б: 69, 92, 105, 121 (Тих.-Милл., 10), 138; Марк., А: 2; В: 81, 94 (к.), 104 (отр.); Грин., А: I, 111; II, А: 55; В: 64, 91; III, 90*, 98*, 111; Онч., А: 2; В: 26; Тих.-Милл., А: 9, 11, 12; Прилож., стр. 274; Б: 10; В: 8; Милл., А: 5; Озар., А: стр. 27.

Среди новых записей — вариантов группы А и Б — 12 из Прионежья и Водлозера: Ряб.-Андр., А: 3 (к.); Ив. Гер. Ряб.-Андр., А: 1; Парил.-Сойм., Б: 20, 32; Конашк., А: 3; Сок.-Чич., Б: 5, 38, 62, 106, 131, 143; из Беломорья и с Печоры — Крюк., А: I, 3; Б: I, 34; Леонт., А: 6; промежуточных типов с Мезени 3, с Печоры 1 (Б. С., I, 12, 33, 44, 86); В — 3 (Пудожский край, Кенозеро — особая обработка под заглавием «Чудь белоглазая», Зимний берег — Камское побонище). См. также Путил., 212.

Наибольшей определенностью и устойчивостью отличаются былины об Илье Муромце, Ермаке и Калине-царе. Они — специфическая принадлежность прионежского репертуара. Один вариант найден был в б. Лужском у. Петербургской губ. (Кир., I, стр. 58). Два прионежских варианта включают и мотив похвальбы (Гильф., 121 и 138), вообще прионежским обработкам несвойственный. Гораздо большим разнообразием отличаются прионежские былины на другой сюжет об Илье Муромце и Калине (без участия Ермака), к которым в известной степени примыкают и кенозерские. Разнообразие это обусловлено, главным образом, включением в былинку эпизода ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром и заключения богатыря в погреб; эпизод этот дается то совершенно кратко (напр., Гильф., 57 или 75), то в настолько развернутом виде, что становится доминирующим; само столкновение с Калином (Гильф., 257) передается кратко. Вторая часть былин данной группы — отъезд Самсона и других богатырей, их сон в шатре,

единоличный бой с татарами Ильи Муромца, попадание в подкоп, стрельбе Ильи по шатру и помощь Самсона — характеризуется более устойчивой композицией. Вообще же, благодаря включению эпизодов ссоры, заточения Ильи Муромца, отъезда разгневанных богатырей и т. п., многие былины на данный сюжет получают большую социальную заостренность: в них подчеркнуты отрицательные черты князя Владимира и клеветников-бояр и выделен образ Ильи Муромца, как сильного, смелого и великодушного защитника родины и народа.

Особую группу образуют пинежско-мезенские записи, представляющие различные композиционные типы, но объединяемые мотивами похвалы и битвы богатырей с чудесно оживающей силой. Некоторые варианты образуют тип, переходный от былины о Калине к былинам о Камском побоище. Вообще пинежско-мезенские варианты в наибольшей мере впитали и комбинируют различные мотивы былин о встречах с иноземными врагами. Беломорский и печорские тексты типа А (Марк., 2; Онч., 2) перекликаются с прионежскими и кенозерскими вариантами, но заключают в то же время и своеобразные черты. Некоторые варианты (К. Д., 24; Гильф., 170) подверглись воздействию былин о Василии Игнатьеве.

В разнообразии композиционных сочетаний видна большая творческая работа над одним из наиболее значительных и популярных сюжетов, работа, которая продолжалась вплоть до нашего времени, о чем свидетельствует наличие новых оригинальных вариантов в записях последнего десятилетия. Художественные достоинства многих вариантов этой былины очень высоки. Особенно выделяются часто потрясающие по силе образы наступления вражеских полчищ (см., напр.; К. Д., 24; Марк., 2; Онч., 26 и др.).

Кроме публикуемых отдельных былин, сюжет о Калине-царе находится еще в сводной былине П. Г. Горшкова (№ 157).

№ 100. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, 10 января 1932 г., от Егора Борисовича Сурикова, 63 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Конда.

Относится к той группе прионежских обработок сюжета о нашествии Калина, которые вводят в рассказ рядом с Ильей Муромцем второго героя — Ермака. Восходит к былине «Илья Муромец и Калин-царь», записанной Гильфердингом от матери исполнителя, Домны Суриковой (Гильф., 138). Былина Суриковой отличается от других прионежских вариантов внесением мотива похвалы богатырей и их гибели: в живых остается только один Ермак. Кроме того, на былине Суриковой заметно влияние былины о Василии Игнатьеве. Текст Егора Сурикова представляет подробную и полную передачу первой части былины матери — выезд богатырей в поле на защиту Киева. По сравнению с источником меняется порядок эпизодов: у Домны Суриковой богатыри сперва по очереди вызываются ехать защищать Киев, затем уже следует изображение самого их выезда. У Егора Сурикова после-

довательно за каждым вызовом богатыря следует изображение его быстрого выезда, чем еще более подчеркивается готовность богатырей немедленно встать на защиту родной земли. Словесное оформление эпизодов почти не меняется и очень близко к соответствующим местам былины Суриковой, дословно повторяя ряд стихов. Вторая часть — с выездом Ермака — отсутствует. Есть лишь упоминание об «удалом добром молодце», который «поскакивает во чистом поле», но по ошибке он назван Добрыней. Самый бой с Калином сжат в два последние заключительные стиха: «Уж тут скачили вси двенадцать богатырей и победили царя, царя Калина». Забыты и отдельные мелкие эпизоды, напр., у Домны Суриковой Илья Муромец предлагает князю заложить «коляску княженецкую», чтобы ехать к Калину-царю с подарками, при этом говорит: «Меня-то возьми во запятники, съездим вдальче во чисто поле» (стихи 95—98). У Егора Сурикова Илья Муромец предлагает: «Придем в дальче далече во чисто полѣ, возьми меня да во защитники, времени упросим на два месяца — характерное изменение, находящееся в связи с общим значением Ильи Муромца в эпосе.

Сопоставление ясно показывает точное усвоение источника, без существенных изменений редакции (см. вводную заметку о Егоре Сурикове, стр. 10 и статью в томе I, стр. 74). Вторая часть былины или не была в свое время воспринята Суриковым, или впоследствии им была позабита. Во всяком случае, мы не видим попытки самостоятельно развернуть конец. Из индивидуальных внесений творческого порядка следует отметить образ перепуганного Владимира, переданный с большим юмором (стихи 29—33), ср. с соответствующим местом у Домны Суриковой (Гильф., 138, стихи 229—231).

Напев I. Запись на фонограф М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 10 января 1932 г.

№ 123. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 15 января 1932 г., от Василия Васильевича Амосова, 72 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Обозеро.

Публикуемый текст примыкает к той группе вариантов былины о Калине-царе, которые соединяют сюжет о победе над Калином с сюжетом ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром (Гильф., 57, 75, 257, 296; Кир., I, стр. 66; Григ., III, 98; Онч., 2; Марк., 2). Интересно тем, что подробно развертывает эпизод прихода Ильи Муромца на пир к князю Владимиру незванным гостем (в былинах о ссоре преобладает эпизод с шубой, подаренной кн. Владимиром, которую Илья Муромец заливает вином). У Гильфердинга в записи из Пудожского у. от Фопонова (№ 57) этот эпизод представляет лишь сжатое до нескольких стихов введение в былинку, разъясняющее дальнейшее положение вещей. Мотив гнса Ильи на то, что князь Владимир не пригласил его, находим также у Гильфердинга в вариантах №№ 47 и 76, но самочинного прихода на пир нет. В развернутом виде этот эпизод находим у Киреевского в записях А. Харитонов

из Архангельского у., вып. IV, стр. 46. Былина носит заглавие «Никита Заолешанин» и представляет отдельную разработку эпизода ссоры без соединения с былинной о Калине-царе. В Прионежье эпизод «ссоры» в такой редакции записан только в советское время (см. еще № 132).

Первая часть текста очень близка к указанному варианту у Киреевского. Весь эпизод обиды Ильи Муромца из-за места и попытки других богатырей, по поручению князя, вытолкнуть из горницы пришедшего под вымышленным именем Илью Муромца, совпадает в фактических подробностях в обоих пересказах, с заменой лишь имени (Никита Заолешанин у Киреевского, Микитушка Шалтанович в нашем тексте). Исключена в нашем тексте роль Добрыни, укоряющего князя Владимира. Снижение образов богатырей и князя дано в нашем варианте еще более остро: богатыри разбегаются, князь забирается от испуга под печку, Илья Муромец угрожает, что он сам будет править княжеством (стихи 40—48). Далее являются эпизоды угощения голей княжеским вином и заточения Ильи Муромца в погреб. При этом обычная роль Добрыни как посредника между Ильей Муромцем и князем (см. Гильф., 47 и 76) используется для мотивировки захвата и заточения Ильи.

В дальнейшем былина развертывает сюжет подобно кижскому варианту (Гильф., 75). Из наиболее существенных отличий отметим: 1) обвиняет князя в том, что тот богатырей не кормит, не поит, не жалует, не Самсон, который в записи Гильфердинга именно этим мотивирует свой отказ ехать против Калина, а сам Илья Муромец; 2) отсрочку просит не Илья, а Калин, рать которого избивает Илья Муромец (то же см.: Гильф., 296). Предоставленный ему срок Калин использует для выкапывания подкопов, что усиливает в образе врага черты коварства; 3) в ответ Ильи Калину на его предложение итти к нему служить включается формула: «Была б сабля в руках вострая, постоял бы на твоей шеи толстой» (стихи 181—183). Эта общеэпическая формула в вариантах былины о Калине-царе встречается еще лишь один раз (Тих.-Милл., II, 12, вариант с Иртыша), но часто употребляется в исторических песнях (см., напр., песни о Захаре Чернышске). Конец смягчен. Обычная расправа с Калином — убийство врага — заменяется побоями, после чего Калина отпускают: «И поехал со стыдом да в свою сторону».

Таким образом, данный вариант отличается и значительным социальным заострением и ярким образом Ильи Муромца, неподкупного народного богатыря, забывающего обиду от князя, когда нужно «заступить за вдов, за сирот, за бедных людей и за малых детей» (стихи 136—137).

Отметим еще интерес исполнителя к бытовым штрихам, а также к изобразительным деталям: дочь Владимира «внесла тут в погреб постели пуховые, подушки перовые, одеяла теплые» (то же в варианте Гильф., 75); коня Ильи Муромца спешит на свист хозяина «не тропой, не дороженькой. прямо через силу-рать татарскую, свернул седелко черкасское на одном боку» (стихи 194—196).

№ 132. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 1 января 1932 г., от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, 27 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Гарницы.

Текст, как и запись от В. В. Амосова (№ 122), соединяет былин о Калине-царе с эпизодом ссоры в особой редакции, в прежние годы в Прионежье не отмеченной и известной нам по варианту Киреевского (IV, стр. 46). Весь эпизод рассказан очень подробно, с троекратным повторением подношения чары князем Владимиром, чего мы ни в варианте Киреевского, ни в тексте Амосова не имеем. Но самая вспышка Ильи Муромца не мотивирована обидой, как было в указанных вариантах. Указанный эпизод разворачивается дальше при помощи мотивов другой былины о ссоре, слышанной Рябининым от отца: Илья стреляет в маковки церковные и угощает голей (см. Гильф., 76; также запись от отца П. И. — Ив. Гер. Ряб.-Андр., 2). Начиная с 126-го стиха былина следует отцовскому варианту былины о Калине-царе (Ив. Гер. Ряб.-Андр., 1), восходящей к тексту Трофима Рябинина (Гильф., 75). Пересказ Петра Ивановича сильно сокращен. У отца 614 стихов, у П. И. — 125, перемежающихся краткой прозаической передачей отдельных эпизодов. Кому, собственно, принадлежит указанная контаминация — Ивану Герасимовичу или самому Петру Ивановичу — не известно. Последний ссылается на отца, как на источник. Из более значительных сокращений следует указать пропуск первого свидания Ильи Муромца с Самсоном и другими богатырями с уговорами Ильи ехать против татар и с известным отказом богатырей, мотивированным отсутствием заботы князя о богатырях. В былине Ивана Герасимовича как раз этот эпизод получил особое социальное заострение (см. Ив. Гер. Ряб.-Андр., 1). Петром Ивановичем пропускаются также картины чисто описательного характера: одевание Ильи, седлание им коня, изображение Ильи на пиру; нет наказа Калина послу, как держать себя у Владимира. Остальные эпизоды сильно сокращены, некоторые передвинуты. Объясняется это тем, что исполнитель знал былин нетвердо и только отрывками. Из фактических изменений отметим: замену дочери племянницей с традиционным именем Забавы Путятичны; перенесение из какой-нибудь другой слышанной исполнителем былины образа оторвавшейся головы татарской, которого нет ни у отца, ни у прадеда. Эпизод просьбы князя Владимира о прощении после выпуска Ильи из погреба (стихи 200—206), которого нет в тексте Трофима Рябинина, усвоен исполнителем от отца.

Былину Рябинин не пел, а говорил, пересказывал отдельные места прозой. Экспедицией ГАХН в 1926 г. данная былина записана не была.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

Сюжет характерен для основной темы былин об Илье Муромце — об оборонительной и освободительной деятельности этого богатыря. В качестве самостоятельной песни он известен преимущественно в вариантах

среднерусских и южноказахских (более 12 вариантов), из северных — в вариантах с Пинеги (8); из других районов — б. Олонекского края, Беломорья, Зап. Сибири — имеются лишь единичные записи данного сюжета. В этих местах он получил распространение как эпизод, входящий в состав былины о победе Ильи Муромца над Соловьем-разбойником и былины о трех поездках Ильи.

В приводимой далее библиографии сюжета звездочками отмечены варианты, в которые он входит, как составная часть: одной звездочкой — былины о Соловье-разбойнике, двумя — о трех поездках, тремя — об Идолище. Если былина соединяет оба сюжета (Соловей-разбойник и три поездки), то она отмечена двумя звездочками, ввиду органической связи эпизода о разбойниках в данном случае именно с сюжетом трех поездок.

К. Д., 60 (Кир., I, стр. 23); Кир., I, стр. 15—20, 22, 25*, 31*, 40, 86**; VII, Прилож., 7; Тихонравов. Летописи русск. литер. и древн., т. IV, 1862, стр. 11; Рыбн., II, 103*, 110* (Гильф., 171), 128**, 142** 154** (Гильф., 266 и 287), 165**, 176**, (Гильф., 221); Гильф., 58**, 120* (Тих.-Милл., 7); 171**, 190**, 197, 216, 221**, 240**, 266**, 271**, 274*, 287**, 291**, 305**; Марк., I**, 45, 69**, 97; Григ., I, 21**, 32**, 141, 153, 155, 158, 161, 162, 206, 208; II, 20, 66, 92**; III, 8*, 56**, 89*; Онч., 19*, 53*; Пермский сб., II, отд. II, 166; Тих.-Милл., 3, 4, 6**, 7*, Прилож. а, б, в; Милл., 11**, 12—16; Листоп., 5

В новых записях данный сюжет, как самостоятельная былина, имеется с Кенозера (2 варианта), с Пинеги (3), с Печоры (2) и из Поморья (3). В последнем районе отдельная былина, видимо, образовалась лишь в недавнее время вследствие отпадения других эпизодов былины о трех поездках. Очень популярным сюжет о встрече Ильи с разбойниками оказался в верховьях Мезени, но лишь в качестве составной части других былин об Илье Муромце. Публикации новых записей: Б. С., I, 53, 59; Крюк., I, 4**; Путил., 213; Сок.-Чич., 7, 209, 211**, 231**, 237**, 261**, 272**, 278**.

Сюжет возник на основе определенной историко-бытовой действительности и был оформлен в виде самостоятельной песни; приурочен к Илье Муромцу, как к любимому народному герою, в силу того значения, которое имела для народа в древней Руси борьба с разбойничеством; впоследствии же был использован, во-первых, для усиления героического образа Ильи Муромца в былине о Соловье, во-вторых, для сложения новой былины, завершающей поэтическую биографию популярного богатыря. Характерно, что в наиболее ранних записях былины о Соловье эпизода встречи с разбойниками нет.

Композиция былины в общем устойчива. Главное различие вариантов — в развязке. Былины, имеющие самостоятельное значение, чаще всего кончают тем, что Илья Муромец не убивает, а только устрашает разбойников (стрельбой в дуб или землю), с которых берет затем обещание бросить разбойные дела. Подобная развязка сохраняется иногда и при вхождении

сюжета в Былину о Соловье-разбойнике, где она мотивируется заветом Ильи Муромца — «не кровавить рук». Данной развязкой былина подчеркивает в Илье Муромце человеколюбие и великодушие, так же как отказом Ильи от богатств, предлагаемых разбойниками, подчеркивается его бескорыстие. В былинах о трех поездках развязка эпизода с разбойниками иная: Илья Муромец убивает всех «до единого». Изменение, очевидно, обусловлено самой задачей, поставленной перед героем: «заморить» дорогу, на которой всякий «пеший-конный» бывал убит, т. е. в корне ликвидировать разбойников. Характерно, что некоторые былины, потерявшие обе последние части, но сохранившие в начале мотив трех дорог, сохраняют вторую развязку — уничтожение разбойников. В отдельных записях варьируется вступление и диалог.

Помимо публикуемых вариантов, в Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ имеются еще записи отрывка этой былины от Паладии Степановны Заверниной, 87 л., с Пинеги, из д. Карпова Гора (запись 1927 г. А. М. Астаховой) и двух полных былин: от Екатерины Ивановны Коноваловой, 67 л., из д. Гридино и от Ульяны Самсоновны Ерловой, 56 л., из д. Калгалакши Кемского р. (запись 1935 г. И. Н. Этиной). Последний опубликован в «Студенческих записках», стр. 11. См. также в данном томе сводную былинку № 157, в которой сюжет о столкновении с разбойниками включен в качестве одного из эпизодов.

№ 208. Запись А. М. Астаховой, 24 июня 1927 г., от Ивана Александровича Ломтева, 51 г., Карпогорский р., д. Карпова Гора.

Сюжет о встрече Ильи Муромца с разбойниками на Пинеге зафиксирован только в качестве отдельной былины. Все записанные Григорьевым варианты найдены по среднему течению Пинеги, кверху от города Пинеги (Карпогорской р.), и представляют одну релакцию. Отличаются друг от друга лишь концом (причем мирная развязка преобладает) и некоторыми незначительными деталями в обрисовке Ильи Муромца и его снаряжения. (см. Григ., I, Обзор вариантов, стр. 700). Пинежские варианты отличаются от вариантов других северных районов художественным описанием дороги. В этом отношении они перекликаются с южными казачьими, в которых сюжет тоже оформлен в качестве самостоятельной былины (см., напр., Милл., 14). Печатаемый вариант почти дословно повторяет текст, записанный Григорьевым от Ивана Матвеевича Ломтева, дяди нашего исполнителя. Общий для обоих вариантов источник — былина деда Ивана Александровича и отца Ивана Матвеевича — Матвея Андреевича Ломтева. Стих 34, которого нет у И. М. Ломтева, находит аналогию в стихе 37 варианта П. Д. Попова (Григ., I, 153), словесно тоже почти полностью совпадающего с текстами обоих Ломтевых и отличающегося от них лишь тем, что имеет окончание (устрашение разбойников). Былину Иван Александрович спел, сперва сказав текст. Текст знал твердо и при пении не менял. Говорил, что «мотив трудный, не хватает духу».

№ 216. Запись А. М. Астаховой, 27 июня 1927 г., от Галактиона Семсевича Обросова, 73 л., Карпогорский р., д. Шотова Гора.

Начало данного варианта возникло под влиянием исторической песни о торжественном выезде Петра I, распространенной на Пинеге в конце XIX и начале XX в. (см. напр., Григ., I, 154, а также варианты данной былины №№ 141, 161, там же). Текст примыкает к пинежской редакции, заключая лишь некоторые индивидуальные штрихи в обрисовке образа Ильи Муромца — стихи 24, 31—33; ср. последние со стихами 34—36 варианта № 141 у Григорьева.

Конец былины, досказанный прозой, примыкает к григорьевскому варианту № 208 из д. Кевролы того же района.

№ 227. Запись А. М. Астаховой, 5 июля 1932 г., от Натальи Алексеевны Ростовцевой, 69 л., Беломорский р., Сумский Посад.

Сюжет о встрече Ильи Муромца с разбойниками в настоящее время в Поморье встречается только в виде отдельной былины. Во времена же Григорьева он входил, как первая часть, в былинку «Две поездки Ильи Муромца», в свою очередь образовавшуюся в результате сокращения былины о трех дорогах или трех поездках Ильи Муромца. Мотив трех дорог в начале былины сохраняется полностью. Значение подвига «замирения» дороги подчеркивается надписью, которую делает Илья на камне. Ср. аналогичный мотив развернутой концовки в записи И. Н. Этиной в д. Калгалакше Кемского р. (Студенч. записки, стр. 11):

Приезжал на росстань проездную,
Где стоит подпись написанная.
И подписал старый козак Илья Муромец,
Подписал он своею рукою да старую
Подпись великую.
«Идо при объеженье дорожки прочищены,
Приобиты все воры-разбойники
Старым козаком Ильёй Муромцем.
Поезжайте, православные, без опаси
В пути торные эти дороженьки:
Нет больше воров-разбойников,
Не станут они губить буйны головы».

Поморские варианты обычно также подробно и в реалистическом плане развертывают размышления Ильи Муромца у камня на росстани. Так, в записи И. Н. Этиной 1935 г. в д. Калгалакша, от Х. И. Костиной, 76 лет (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. 57), находим такие мотивы для отказа от дороги, «где женату быть»:

«А на что мне, старому, женату быть?»
Молода взять мне — чужа корысть,

Мне-ко стара взять — да на печи лежать,

На печи лежать да киселём кормить,

Киселём кормить да молоком поить».

Ср. Григ., I, 21, стихи 16—20, 32, стихи 19—22.

В публикуемом варианте особенно интересен мотив отказа от дороги, где «богату быть» — стихи 16—21. То же в варианте № 230, стихи 11—16, и у Григ., 21, стихи 21—26 и № 32, стихи 13—18.

Вообще помещаемый текст восходит к редакции упомянутой поморской былины «Две поездки». Отличается от обоих вариантов ее (Григ., I, 21 и 32) некоторыми описательными деталями и иной словесной формулировкой. Аналогичное начало былины встречается в записях Гильфердинга (ср. Гильф., 58, 216, 221, 240, 266, 271, 287).

Напев XXIII. Запись на фонограф А. М. Астаховой 7 июля 1932 г.

№ 232. Запись А. М. Астаховой, 12 июля 1932 г., от Анны Григорьевны Рохмистровой, 92 л., Беломорский р., Пертозеро (близ Сумского Посада).

Текст относится к той же редакции, что и вариант Н. А. Ростовцевой, являясь только значительно более сокращенным. Значение подвига также выделено в надписи на расстланном камне.

Былину А. Г. Рохмистрова, по собственным словам, усвоила от родителей. Примечание исполнительницы показывает, с одной стороны, что она слышала былины с описанием и других поездок, с другой — что ею в момент записи данный вариант воспринимался уже как отдельная и вполне законченная былина.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Былины о Соловье-разбойнике, четко выделяющие образ Ильи Муромца как народного героя, борющегося с врагами мирного трудового населения, принадлежат к числу наиболее любимых и широко распространенных. Кроме былин из различных районов Севера, Поволжья, Средней России и Зап. Сибири, известны «сказания», «повести» или «истории» в старинных рукописях XVII—XVIII вв. и большое количество прозаических пересказов и сказок. В сказочных обработках данный сюжет встречается и у других народностей СССР — белоруссов, украинцев, вотяков, чувашей, якутов, латышей.

К. Д., 46 (Кир., I, стр. 41); Кир., I, стр. 25, 30, 31, 34, 40, 77; IV, стр. 1 (к.) Рыбн., I, 4 (Гильф., 74), 61, 82 (Гильф., 104); II, 103, 110 (к.), 116, 127 (к.), 139 (к.), 170, 191; Гильф., 3, 56, 74, 104, 112, 120 (к.), 171 (к.), 210 (к.), 212, 274; Тих.-Мнлл., I, стр. 1, 4, 7, 10, 11 (к.); II, 1, 2, 5; Марк., 1 (к.), 68, 107; Григ., I, 38, 180 (к.); II, 12, 36, 52, 73, 85; III, 8, 56 (к.), 89 (к.); Опч., 19 (к.), 53 (к.); Марк.-Богосл., I, стр. 47; Мнлл., 1, 2, 3 (к.), Прилож. 2; Сокол., стр. 306

(к., пр.); Сав., стр. 80 (к., пр.); А. Пруссак. Былины, быгальщина и три песни (Жив. Стар., 1915, вып. III).

Библиография сказок дана Вс. Миллером (Очерки, I, стр. 370—372). Кроме того, см. Андр., 650. Старые записи см. Б. Соколов. Былины старинной записи (Этнография, 1927, 1 и 2) — 5 вариантов; Труды Отд. древне-русс. литер. Инст. литературы АН СССР, IV и VI (2 варианта); см. также Кулиш. Записки о Южной Руси, II, 1857, стр. 48.

Сюжет о победе над Соловьем-разбойником сохранился в устной традиции до настоящего времени почти во всех северных районах. За период 1926—1941 гг. произведено более 30 новых записей в оформлении отдельных былин. Кроме того, сюжет вошел как составная часть в несколько сводных былин об Илье Муромце, а также записан в сказочных обработках. В виде сказки имеется запись 1935 г. и из Рязанского района. (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XLVII). Публикации новых записей: Леонт., 1 (к.); Ив. Гер. Ряб.-Андр., стр. 116 (отр.); Парил.-Сойм., 3 (к.), 17, 31 (к.), 53, 62; Ряб.-Андр., 2; Конашк., I (к.); Крюк., I, 1; Сок.-Чич., 3, 53, 55, 61, 96, 104, 107, 130, 169, 170, 184, 193, 196, 199, 255; Б. С., I, 1, 28, 32, 39, 48, 80, 95, прилож., № 1.

Кроме публикуемых отдельных былин на данный сюжет, см. обработку его в сводных былинах в №№ 157, 165 и в сказке — Прилож. III, № 1.

Основной замысел былин о Соловье-разбойнике — дать образ могучего богатыря, совершающего подвиги для блага народа и силою и храбростью затмевающего князя и его приближенных. Тенденция эта вызвала осложнение сюжета добавочным эпизодом (освобождение города) и частое соединение с другими сюжетами (исцеление, встреча с разбойниками). Некоторые варианты отличаются большой социальной заостренностью, подчеркивая крестьянское происхождение Ильи Муромца и сатирически рисуя князя и бояр (см., напр., Гильф., 64; Марк., 68 и др.). При этом посрамление князя более подчеркнуто в прионежских вариантах; в мезенско-печорских ударение делается на унижении бояр. Но вообще варианты былины чрезвычайно разнообразны и не группируются в определенные композиционные типы. Отдельные эпизоды и мелкие конкретные детали используются в самых различных сочетаниях.

№ 122. Запись М. Е. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 14 января 1932 г., от Василия Васильевича Амосова, 72 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Обозеро.

Текст Амосова представляет характерный образец сказового стиля. Четкость стихотворного ритма отсутствует, некоторые стихи резко отличаются друг от друга по длине; встречаются чисто прозаические фразы, напр.: «Ну, не удобно убить как царевича» (стих 32); «Я от роду бедного, родители вроде как просят» (стих 73); «Потом велел зареветь по-туриному» (стих 107) и т. д. В сущности говоря, это уже полностью сказка, искусственно разбиваемая на короткие речевые отрезки — подобия стихов.

Ряд картин и деталей создан самим исполнителем и не находит аналогий в других записях о Соловье-разбойнике: изображение полежа стрелы (стихи 17—22), замечание князя Владимира о том, что Илья Муромец имеет «будто пьяный вид» (стих 85) и т. п. Некоторые былинные образы использованы своеобразно. Напр., обычный образ: «свалился, как овсяный сноп», служит для определения легкости Соловья для Ильи Муромца («Ох он легок, как овсяный сноп»). Своеобразно подчеркнуто низкое социальное происхождение Ильи Муромца (стих 73). Отпуск царевичей со сходной мотивировкой мы находим только у Григ., III, стр. 313.

№ 131. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 20 августа 1932 г., от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, 27 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Гарницы.

Публикуемый текст восходит к былине «Илья и Соловей-разбойник» прадеда исполнителя, певца былин Трофима Григорьевича Рябинина (Гильф., 74). Вариант представляет образец устойчивости текста, пронесенного через четыре поколения. К сожалению, мы не имеем записей данной былины от деда и от отца Петра Ивановича, поэтому не знаем, к кому отнести те некоторые изменения, которые находим все же при сопоставлении текстов Трофима Григорьевича и Петра Ивановича. Изменения эти заключаются, с одной стороны, в пропуске отдельных деталей (ср., напр., стихи 6—11 у Т. Г. и 21—22 у П. И.), с другой — в некоторых вставках, расширяющих эпизод или картину или вводящих эпизод, которого нет в источнике, см., напр., стихи 8—18 — прощание с родителями и «заповедь великая»; стихи 99—101 — заговор на стрелу; стихи 180—185 — ответ Ильи Муромца Владимиру и др. Существенных изменений, касающихся самого сюжета, немного: вводится расправа Ильи Муромца с детьми Соловья-разбойника, иначе изображена смерть Соловья-разбойника (указание на смерть «в чистом поле» развернуто в картину казни на плахе). Замечается некоторое стремление объяснить отдельные моменты. Таково, напр., психологическое обоснование того, что Соловей засвистел во весь свист (стихи 273—276 и 293—296). Интересна вставка, в качестве предистории, в стихах 192—193 рассказа о возвращении Владимира из церкви, у Трофима Григорьевича он предшествует рассказу о приходе Ильи Муромца. Следует отметить усиление сатирического изображения князя Владимира в конце введением стиха 284: «А он по двору да в кружки бегает». Впрочем, образ этот не создан самим Петром Ивановичем. Его мы находим и у отца — Ивана Герасимовича, но в другой былине (Илья Муромец и Калин-царь). Перенес ли его в данную былинку сам Петр Рябинин или им пользовался Иван Герасимович и в былине о Соловье-разбойнике, мы не знаем, так как этой былины в записях от него нет. В целом же, у П. И. сохранены и вся композиция былины и значительная часть эпизодов и картин в той же стилистической обработке, какую видим еще у Трофима Григорьевича: многие стихи повторяются дословно. По размерам

былина не только не сократилась, но даже увеличилась (с 272 до 311 стихов). В передаче Петра Ивановича нет того чеканного ритма, которым отличается и так пленяет былина у Трофима Григорьевича.

Напев XI. Запись на фонограф С. И. Бернштейна в июне 1926 г.

№ 141. Запись А. М. Астаховой, 15 июля 1926 г., от Кирика Гавриловича Рябинина, 71 г., Заонежский р., Кижы, д. Середка.

Былина усвоена была Кириком Гавриловичем от дяди его, Ивана Трофимовича Рябинина. Публикуемый вариант сильно отличается от записи, произведенной сотрудниками экспедиции ГАХН от К. Г. Рябинина всего лишь несколько дней спустя (21 июля 1926 г.), см. Сок.-Чич., № 104. Наш текст почти вдвое короче. В нем нет начального эпизода прощания с родителями и снаряжения коня (Сок.-Чич., № 104, стихи 7—55), эпизода недоверия князя Владимира к рассказу Ильи Муромца (стихи 236—246 у Сок.-Чич.), описания скачки коня (стихи 191—196 у Сок.-Чич.), заключительного описания пира (стихи 301—310 у Сок.-Чич.). Поражение Соловья-разбойника Ильей Муромцем передано иначе (удар палицей вместо традиционного выстрела из лука). Но и у Сок.-Чич. есть значительные отступления от традиционной рябининской редакции, ср. начало и конец былины; см. также размышления Ильи Муромца перед битвой у Чернигова и после рассказа черниговцев о Соловье-разбойнике (то же в нашем варианте). Эти изменения обнаруживают явную тенденцию К. Г. Рябинина к психологизму. Большая краткость нашего текста обусловлена, очевидно, тем, что К. Г. давно перед тем былины не исполнял, а, может быть, и усталостью сказителя (запись производилась в 11 часов вечера непосредственно после возвращения К. Г. с косьбы).

№ 192. Запись А. М. Астаховой, 14 июня 1927 г., от Антона Егоровича Мерзлого, 63 л., Карпогорский р., д. Засурье.

Текст представляет краткий пересказ былины. Интересен как след этой былины в верховьях Пинеги, где она не была раньше записана. Вообще же данный сюжет на Пинеге и во времена Григорьева был почти забыт. Известны лишь две записи, обе несущие явные признаки забывания сюжета (Григ., I, 2 и 144), причем в одном данный сюжет — лишь эпизод сводной былины. Характерно, что наш вариант при сильнейшем сокращении сохранил след обычной для данной былины социальной сатиры, направленной против «князей-бояр».

Былину исполнитель стал сказывать размеренно и соблюдая стилизованный ритм со слов «Во стольном городе во Киеве». Потом сказал: «Это кончается сказка пропевом. А вот что спереди, нужно начать» — и сообщил прозаическое вступление и первые 5 стихов.

В том же районе (д. Сура) в 1927 г. записан был еще один вариант данного сюжета (запись А. И. Никифорова от сказочника А. С. Малкина, 49 л., Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III, папка 4, № 35).

Приложение I, № 2. Запись на фонограф С. И. Бернштейна, июнь 1926 г., от Антона Борисовича Сурикова, 67 л., Заонежский р., д. Конда. Расшифровка текста А. М. Астаховой.

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Сюжет о чудесном получении Ильей Муромцем силы, являющийся прологом к его поэтической биографии, широко распространен, но преимущественно в прозаических пересказах и в сказочных обработках. В форме былины он известен почти исключительно Северу (единственный стихотворный вариант из б. Симбирской губ. — Кир., I, стр. 1 — отличается краткостью и лишен характерных эпических приемов). В подавляющем большинстве случаев сюжет соединяется с другими былинами об Илье Муромце, чаще всего — с сюжетом о Соловье-разбойнике, иногда с сюжетами о Святогоре и о бое Добрыни с Ильей. (В библиографии сюжета объединение только с былинной о Соловье-разбойнике отмечаем звездочкой; с нею и другими — двумя; с другими былинами — оставляем неотмеченными).

Кир., I, стр. 1 (к.); Прилож., стр. 1** (пр., к.), IV** (пр., к.); XVII** (пр., к.); IV, стр. 1* (к.); Рыбн., I, 51 (пр., к.), 139* (к.), 190 (пр.); Гильф., 120** (к.); Григ., I, 8 (пр., к.); III, 50 (к.), 89* (к.); Марк., 42, 46 (к.), 67 (пр.), 91 (пр.); Онч., 19** (к.), 53** (к.); Сокол., стр. 306* (пр., к.); Сав., стр. 79 (к., пр.). Реминисценции сюжета в других былинах см. Марк., 61, 71; Тих.-Милл., II, стр. 20. В рукописных сборниках XVIII в.: Милл., стр. 285; Б. Соколов. Былины старинной записи (Этнография, 1927, 1, 2).

Библиография сказок дана Вс. Миллером. Очерки, I, стр. 371—372. Кроме того, см. там же стр. 451; Н. Е. Ончуков. Северные сказки, 1908, 136; Тих.-Милл., Прилож., стр. 277; Афан., IV, стр. 391 и сл.; Андр., 650.

В новое время сюжет записан в целом ряде вариантов (нам за период 1926—1941 г. известно более 25 случаев записи), в огромном большинстве — в соединении с другими былинами в качестве вступления к рассказу о подвигах Ильи Муромца. По районам записи распределяются так: в Прионежье 10, на Пинеге 3, на Мезени 1, на Печоре 4, в Поморье 3, на Зимнем берегу 2 (запись 1934—1937 гг.), в Московской обл. 1 (запись 1935 г. в Рязанском р., Р. С. Липец), в Саратовском крае 2 (Б. Соколов. О былинах, записанных в Саратовской губ. Культура. Научн. прил. № 1, 1922, стр. 2—17). Публикации новых записей: Б. С., I, 92; Леонт., 1 (к.); Парил.-Сойм., 3 (к.), 31 (к.); Конашк., 1 (к.); Крюк., I, 11; Сок.-Чич., 178 (к.), 195, 261 (к.). В сказочных и былинных обработках данного сюжета ярко отразились крестьянские идеалы и интересы.

Несмотря на отсутствие в большинстве случаев строгой стилистической и ритмической структуры в былинах-сказках об исцелении Ильи Муромца, опорные мотивы их довольно устойчивы. Почти неизменно сохраняется в них крестьянское происхождение богатыря и рассказывается о выполнении тяже-

лой крестьянской работы, как первом его подвиге. Характерен мотив установления «меры» даруемой силы, затем приобретение богатырского коня (как и мотив о сидне, — широко известный). Распространение в устных прозаических пересказах, а также влияние лубочных изданий обусловило более свободный, чем при четком былинном строе, обмен вариациями отдельных деталей, поэтому об областных типах говорить не приходится.

Кроме публикуемых двух вариантов в прозе с Пинеги, см. данный сюжет в сводных былинах (№№ 157, 165). В Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ имеются еще две сводные сказки из Петрозаводска, от Ивана Андреевича Атонина, 39 л., и из д. Гридино Кемского р., от Игнатия Егоровича Михнина, 26 л. (запись И. Н. Этиной 1935 г., колл. 57) и побывальщина из д. Сура Каргопольского р. (Пинега), от А. С. Малкина (запись А. И. Никифорова 1927 г. Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III, папка 4, № 35).

№ 194. Запись А. М. Астаховой, 14 июня 1927 г., от Агриппины Михайловны Черноусовой, 43 л., Каргопольской р., д. Засурье.

Краткий рассказ об исцелении Ильи Муромца свидетельствует о каком-то бытовании этого сюжета, хотя бы и в форме сказки, в верховьях Пинеги, где он, как и на всем протяжении р. Пинеги, зафиксирован не был.

Рассказ усвоен исполнительницей от отца. Восходит ли он, в предыдущем поколении, к устной традиции или к книжному источнику, неизвестно. Но другой вариант этого сюжета из тех же мест (д. Сура, запись А. И. Никифорова в июне 1927 г. от А. С. Малкина, 49 л.), по словам самого исполнителя, ведет начало из какой-то «книжечки». Рассказ об исцелении составляет в нем вводную часть к сюжету о Соловье-разбойнике.

№ 201. Запись А. М. Астаховой, 3 июля 1927 г., от Василия Кокорина, 81 г., Каргопольский р. д. Кеврола, околос Харитоново.

Текст является, видимо, отрывком сводной побывальщины об Илье Муромце. Крестьянский колорит варианта очень силен: забота Ильи об отце и братьях, которым он на место их работы несет хлебцев, любовное отношение к «конику» и т. д. Вторая часть — скомканный пересказ быliny о встрече с Святогором и смерти последнего. Лукопет, вм. Святогора, перенесен из сказок о Бове-королевиче.

КАЗАНЬ-ГОРОД

Старинная баллада, основанная на исторических преданиях о городе Казани. Известна в записях с XVIII в. В XIX в. и начале XX в. была распространена преимущественно в средней России и на Севере.

Кир. VI, стр. 13 (Соб., I, 229), 14 (Соб. I, 227), 15 (Соб. I, 228), 16, 17 (Соб., I, 234), 18 (Соб., I, 236); Соб., I, 226, 230—233. Ср. Кир., VI, стр. 19—22, Соб., I, 235—241.

В 1926—1932 гг. в Прионежье записано более 10 вариантов. Исполнителями баллада выделялась из общего песенного репертуара как «старина» или «стих» и пелась обычно на те же напевы, что и былины-баллады «Братья-разбойники и сестра», «Василий и Софья» и др.

Из новых записей опубликовано: Сок.-Чич., 157, см. также стр. 912—913.

Композиция песни в основном устойчива. Различия вариантов — в описательных деталях двойного изображения Казани: Казани, стоящей «на красе» и стоящей «на крови». См. наиболее разработанные варианты Соб., I, 230, 232, Сок.-Чич., 157. В среднерусских вариантах диалогу молодца с девицей обычно предпосылается уговаривание кукушки соловьем — художественная параллель уговариванию девушки молодым («Соловей кукушку подговаривал, подговаривал, все обманывал», см. Соб., I, 226—229). Варианты из б. Олонецкой губ. этого зачина не имеют и начинаются словами «У колодичка было у холодного», «у ключа, ключа, у колодеца» и т. п. В некоторых записях XIX в. видим отход от древнейшей основы песни: Казань заменяется наименованием других городов; вместо молодца, остановившегося поить коня, девушку заманивают солдаты, матросы, украинские казаки.

Кроме публикуемого варианта, в Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ имеются следующие записи из Заонежского р.: 1) от А. И. Егоровой 26 л. из дер. Звяговщина, 2) от М. В. Рагозиной из д. Дерезузово (обе записи А. М. Астаховой 1926 г., колл. II), 3) от М. Ф. Пановой 54 л. из д. Комлево (запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 1932 г., колл. XXVII).

№ 169. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 7 июля 1932 г., от Надежды Ильиничны Морозовой, 73 л., Заонежский р., Пайницы, д. Коровниково.

Типичный для заонежской песенной традиции вариант.

КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ, СТАРИЦЫ

Относится к тому же жанру былин-баллад, как «Дмитрий и Домна», «Князь Михайло», «Роман и Настасья», разрабатывающих темы семейных столкновений и возникших на основе популярных мотивов народных безыменных баллад.

Распространена была преимущественно в Поморье и по нижнему течению реки Пинеги. Единичные варианты имеем из Прионежья и с Мезени.

Кир., VII, прибавл. стр. 52 (Соб., I, 78); Гильф., 253 (Соб., I, 76); Ист.-Д., стр. 63; Ист.-Ляп., стр. 237; Жив. Стар., 1890, вып. II, отд. I, стр. 23; Марк., 30, 115; Григ., I, 4, 9, 13, 15, 27, 36, 82, 86, 108, 119; III, 82; Марк.-Богосл., II, стр. 93; Шейн. Великорусс., I, стр. 243, № 895, 896; Чубинский. Труды Этно-статист. экспед. в зап.-русск. край, V, 734; Труды Этно. отд. и Общ. люб. естествозн., кн. IX, стр. III, № 158, стр. 112 (4 белорусских варианта); Онч. Сказки, 74 (пр.).

Песенные обработки аналогичной темы у Соб., I, 70—75; Чернышев, 225, 226.

Новые варианты этой былины в количестве 8 записаны: в Заонежье (1) (Сож.-Чич., 183), в Пудожье (1) и Поморье (6). Была и является достоянием исключительно женского репертуара (Патрикеев из Кенозера, сообщивший эту былинку Гильфердингу, усвоил ее от матери).

Основной строй былины отличается устойчивостью. Меняются лишь отдельные детали в эпизодах и картинах, главным образом, в изображении того, что, по словам стариц, должен найти у себя дома князь, и что он действительно находит. Но центральный образ — верной, преданной жены, невинно погубленной, остается неизменным. Наиболее существенные отличия касаются конца. По характеру развязки все варианты распадаются на два типа: с трагическим исходом — убийством оклеветанной жены — очевидно первоначальная редакция, соответствующая старинным народным балладам на параллельные мотивы и отразившая феодальные нравы и понятия, и второй — с благополучным концом, — где убитая жена оживляется при помощи живой воды. Интересно отметить, что в качестве клеветников выступают всегда «старицы», «черноризцы» — в этом отразились наблюдения народа над действительными проявлениями ханжества и лживости монахинь.

Некоторыми своеобразными чертами отличаются кемские обработки (4 варианта, записаны И. Н. Этиной в 1935 г. в д. Калгалакша и Гридино Кемского р. Один из вариантов опубликован в «Студенческих записках», стр. 21): 1) в них использован мотив былины об отъезде Добрыни — в наказе князя дожидать его 3, 6 и т. д. лет. В опубликованном варианте этот мотив разворачивается и дальше в привычное для былин о Добрыне разрешение — потом замуж идти, что не согласуется с дальнейшим (мотив целиком перенесен из былины о Добрыне той же исполнительницы); 2) включена в речь жены, встречающей мужа, традиционная для той же былины о Добрыне и для былины «Худая жена, жена умная» формула: «Девять годов солнышко не пекло» и т. д.; 3) голова убитой княгини уходит на небо; 4) старицы проваливаются в землю по слову князя, причем поверх земли остаются их клюшки (лишь в одном из вариантов сохраняется убийство мечом). В двух вариантах из Калгалакши имеется еще эпизод самоубийства князя (в одном он падает на нож, в другом — удавливает себя «петелькой шелковой»). Таким образом, кемские обработки являются дальнейшим отходом от первоначальной редакции, испытывая на себе воздействие других былин-новелл. Действие они связывают с Киевом. Ни одна из былин не была спета, все переданы «словесно». Варианты хранятся в Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. 57.

№ 173. Запись А. М. Астаховой, 16 июля 1926 г., от Анастасии Федоровны Оргиной, 26 л., жительницы Петрозаводска. Пароход «Бебель», на пути из Кижей в Петрозаводск.

Былину Оргина переняла от старушки, Акулины Васильевны Коломаевой, из д. Большой Куга-Наволоок на Водлозере б. Пудожского у. Текст Оргина знала твердо, былину спела.

Вариант следует композиции текста Гильфердинга (№ 253), но отличается концом: согласно позднейшей редакции (см. Григ., I, 9, 13, 15, 27, 35; III, 82; Марк., 30 и 115; Марк.-Богосл., II, стр. 93; Ист.-Д., стр. 63) развязка благополучная — происходит оживление княгини при помощи живой воды, но оживает ее не одна из стариц-клевещниц, а сам князь, обеих же стариц он убивает. Обращают внимание заключительные слова, направленные против монахинь — злостных кумушек, сеющих разлад и причиняющих несчастья.

№ 226. Запись А. М. Астаховой, 12 июля 1932 г., от Марии Андреевны Лейновой, 50 л., Беломорский р., д. Колежма.

Текст восходит к поморской редакции, представленной у Григорьева вариантами №№ 13, 15, 27 и 35 из Колежмы. Ближе всего он к варианту № 27. При общей тенденции к полноте, обстоятельности, Лейнова готова иногда и сократить текст. Так, во время исполнения, спев стих «Колыбель висит да малых детоцек», она сперва сказала: «Там три сказано зыбки, довольно одной». Но далее, дойдя до стиха 70 — «Ступил князюшко да в другу горницю» — Лейнова вспомнила, что в первый раз сократила и сказала: «Там не упомянуто три люльки, так напишите — в другу горницю и в третью — всё пялá висят. За три года всё шила». И она точно повторила оба места и заставила меня вписать пропущенное.

Былину называла «стихом», но, по ее словам, то, о чем она спела, «было». По поводу конца сказала, что слышала от старух, что старицы были тетки князю и всё на нее (т. е. Катерину) «наседали». «Злостно всё сделали. Вот сколько горя она приняла!» Про исполнение Лейнова говорила, что обычно эту былину она поет одна, и что вообще ее «артелью не поют». Однако при пении Марии Андреевны старшая замужняя дочь подтягивала.

№ 228. Запись А. М. Астаховой, 7 июля 1932 г., от Устиньи Максимовны Кузнецовой, 60 л., Беломорский р., Сумский Посад.

Текст относится к той же редакции поморских вариантов, что и вариант Лейновой, но отличается значительно большей краткостью. Картина того, что застает в доме князь, развернута мало. Отсутствуют повторения. Былина в исполнении Кузнецовой имеет трагический исход. Присутствовавший же при исполнении знаток песен Федор Иванович Башмаков заметил, что былина этим не кончается:

Одна старица ему взмолилась
Да в ноженьки поклонилась:
«Я достану, князь, тебе живой воды,
Оживлю твою кнегинишку».

Былину Устинья Максимовна передала словами, хотя и умела ее петь. Мотив, на который она обычно пела ее, записан на фонограф. Слышала былинку от «старых людей».

Напев XXIV. Запись на фонограф А. М. Астаховой 7 июля 1932 г.

КОЗАРИН

Былина о Козарине, входящая в цикл эпических песен о набегах кочевников, известна была в XVIII—XIX вв. Зап. Сибири, Беломорью и Северному краю (Пинеге, Мезени, Печоре), откуда имеется более 30 вариантов. Одна краткая песня найдена в Донской обл. Некоторые отзвуки сюжета видны также в одной симбирской былине об Илье Муромце (Кир., I, стр. 92). Из Олонецкого края записей нет. Правда, Ор. Миллер упоминает об одном варианте, полученном им из Олонецкой губ. от Е. В. Барсова, без обозначения, от кого записана («Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 713), и сообщает, что былина эта безыменная и с киевским богатырским кругом не связана. Но никаких других свидетельств, подтверждающих бытование «Козарина» в Олонецком крае, нет.

В перечне вариантов звездочкой обозначены те, в которых он приурочен к Алеше Поповичу, двумя звездочками — к Илье Муромцу.

К. Д., 22; Кир., I, стр. 92, II, стр. 80*; IV, стр. 91; (К. Д., 21); Марж., 16, 17, 64*, 102, 110; Гр., I, 25, 56, 60, 70, 76, 84, 89, 148, 157, 187, 204, 205; III, 24, 43, 53, 76, 96**, 101; Онч., 39, 93; Марк.-Богосл., II, стр. 79, 80; Тих.-Милл., II, 41; Милл., 67—69; Пивоваров, I, 5; Гуляев, 7.

Новые записи имеются из тех же мест, где былина была наиболее распространена: с Пинег (2 варианта), Мезени (1) и Поморья (4). Последние интересны тем, что они из Кемского р., откуда записей до сих пор не было.

Из имеющихся вариантов этой былины выделяется небольшая группа пинежских безыменных с «добрым молодцем» в качестве героя, распространенных в Карпогорском р. В них после краткого вступления о набеде татар развертывается основная тема — освобождение русской девушки-полонянки не узнающей ее братом. Наоборот, многочисленная группа беломорских вариантов — с Терского берега и Зимней Золотицы, а также ряд мезенских, печорских и пинежских ниже Карпогорья — представляет более сложные обработки, с устойчивым именем героя и с описанием его детства и семейных отношений, объясняющих неузнавание Козариным сестры. При этом в некоторых из этих вариантов тема семейных отношений выдвигается даже на первый план и начинает заслонять тему освобождения (см., напр., Григ., I, 89), что, очевидно, уже является результатом позднейшего творчества. Особо стоит вариант Кириши Данилова, к которому примыкает другой, западносибирский — из Барнаула (Тих.-Милл., II, 41). В них, при полной разработке центрального момента освобождения полонянки, совершенно от-

существуют эпизоды, связанные с темой отношений Козарина с родителями, но вариант Кириши Данилова осложнен развернутым мотивом «службы» князю Владимиру и, таким образом, втянут в киевский цикл. Прикрепление сюжета к имени Алеши Поповича, встречающееся иногда, следует, как и замену Козарина Ильей Муромцем, считать позднейшим явлением, обусловленным широкой популярностью данных богатырей.

Новые записи дают образцы различных типов обработок сюжета (за исключением западносибирского типа).

Кемские записи 1935 г. (2 полных варианта и 2 отрывка) восходят к одной и той же редакции, разрабатывающей сюжет при помощи подробностей, которые следует считать позднейшими. Мотив воспитания бабушкой-заводворенкой, перенесенный из сказок, сближает эти варианты с обработками симне-золотицкими, печорскими, мезенскими и некоторыми из среднеспинежских. Во всех, кроме одного отрывка, находим и изображение детства и широко развернутый мотив нелюбви родителей. Имя матери — Настасья королевична — перенесено из популярной в районе былины о Дунае и королевне. Во всех вариантах утерян эпизод встречи с вещим вороном. Вместе с тем очень развернут один из центральных эпизодов — причитание девушки и дележ добычи. Один из вариантов (от К. И. Коноваловой, 67 л., д. Гридино) опубликован в «Студенческих записках».

№ 202. Запись А. М. Астаховой, 3 июля 1927 г., от Василия Кокорина, 81 г., Карпогорский р., д. Кеврола, околос Харитоново.

Текст представляет повторную запись данной былины от сказителя, от которого она была записана в 1900 г. Григорьевым (Григ., I, 205). Василий Кокорин, в 1927 г. глубокий слепой старик, уже в значительной мере позабыл свои былины. В данном варианте выпущен разговор татар о дележе и расправа с ними доброго молодца. Вариант Кокорина примыкает к группе безыменных песен на данную тему; их, однако, некоторые сказители, в том числе и Кокорин, определяют как «старины про Козарина»; это дает право предположить, что «безыменность» данных песен — результат позднейшей утраты имени героя (ср. аналогичные факты в бытовании на Пинеге былин «Иван Гостинный сын» и «Алеша и сестра Сбродовичей»).

№ 221. Запись А. М. Астаховой, 8 июля 1929 г., от Матрены Федоровны Смоленской, 70 л., Карпогорский р., д. Лохново, околос Смоленец.

Запись этой былины от М. Ф. Смоленской была произведена первый раз Григорьевым в 1900 г. Повторная запись устанавливает необычайную устойчивость текста Смоленской. Единственное существенное изменение — вставка при новой записи 3-го стиха: «Рожалось да две дочери», которого нет в варианте у Григорьева. Почти все стихи совпадают дословно. Текст дан был сперва «словесно» и при пении почти не подвергся изменениям.

Среди других пинежских вариантов текст Смоленской занимает особое место: по краткости своей приближается к безыменным песням на тот же

сюжет, которые были распространены в Карпогорье и в близлежащих деревнях (Григ., I, 157, 187, 204, 205), но сохраняет имя героя, упоминание о нелюбви родителей, эпизод с вороном и общий стиль былины. Подобно вариантам из ниже лежащих деревень — Концезерье и Матвера (Григ., I, 84, 89) — предложение вступить в любовную связь исходит от самой девушки.

Напев XX. Запись на фонограф Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд 9 июля 1927 г.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Примыкает к былинам татарского цикла, разрабатывающим тему случайной встречи с близким родственником (Козарин, бр. Дородовичи). Известна исключительно в вариантах из Прионежья и Кенозера.

Рыбн., I, 21 (Гильф., 87); Гильф., 87, 136, 147, 182, 200, 302; Ист.-Д., стр. 29 (Милл., 70); Шайж., стр. 163 (Милл., 71).

За последние годы записаны 3 варианта в Заонежском р. Карелии (один из них имеется в нескольких записях) и один в Беломорье. Ив. Гер. Ряб.-Андр., 8, стр. 118 (отр.); Ряб.-Андр., 7; Крюк., I, 61; Сок.-Чич., 99, 134.

Былина воплощает ту же патриотическую идею обороны родины, которая так характерна для всего русского героического эпоса.

Варианты представляют единую композицию, за исключением обработки, культивирующейся в роду Рябининых (Рыбн., I, 21; Гильф., 87; Ист.-Д., стр. 29; Ряб.-Андр., 7). Она отличается особым выделением героических мотивов, а также более подробной и художественной разработкой отдельных эпизодов. В начальную часть включает дополнительный эпизод встречи героя с двумя лебедушками-девицами. Принадлежит к числу наиболее устойчивых рябининских редакций, не меняющихся, за исключением несущественных деталей, на протяжении четырех поколений, подобно былинам «Вольга и Микула» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

№ 135. Запись М. Б. Каминской, 5 августа 1931 г., от Петра Ивановича Рябининой-Андреева, 27 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Гарницы.

Текст восходит к редакциям былины, известной в записях отца, деда и прадеда исполнителя. Сопоставление всех четырех вариантов говорит об исключительной устойчивости текста. Не только отдельные стихи, но и целые отрывки из былины Трофима Григорьевича дословно или почти дословно повторяются у его правнука. Наибольшие изменения во фразировке и в порядке деталей первой части былины принадлежат Ивану Герасимовичу. К сожалению, от него нет полного варианта, запись обрывается на первом эпизоде боя. Повидимому, и некоторые отступления текста Петра Ивановича от вариантов деда и прадеда в конце былины следует в значительной мере отнести за счет Ивана Герасимовича. Из своеобразных черт самого Петра

Ивановича, проявляющихся и в других былинах, заметна тенденция к чрезмерному увеличению повторности (так, в картине боя победитель четыре раза спрашивает об имени-отчестве побежденного), некоторый отпечаток механического пользования словесными формулами, напр., точное воспроизведение воображаемой картины уничтожения ворона в применении к лебедушкам, см. еще изображение победы над татарами, стихи 190—194, — образ, перенесенный из последующей картины опускания руки с ножом — стихи 218—219. В конечной части наблюдается упрощение образов. Вместо «старая базака новодревная» (Ист.-Д., стр. 35) — «ай же ты, мужик да деревенщина», стих 208; вместо «Ты хотишь пластать мои да груди белыи, доставать хотишь моё сердчѣ со пещенѣй» (Ист.-Д., стр. 35) — «Хочешь ты срубить мне буйную й головушку», стих 236. Но возможно, что это упрощение принадлежит еще отцу исполнителя.

Приложение I, № 7. Запись на фонограф С. И. Бернштейна, июнь 1926 г., от Петра Ивановича Рябина, 22 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Гарницы. Расшифровка текста А. М. Астаховой.

Сопоставление с более поздней записью от того же исполнителя (№ 135) показывает большую устойчивость редакции. Изменения касаются незначительных перестановок отдельных стихов. Характерно для заонежских сказителей упоминание об Онеге «синем море».

КОСТРЮК

Песни о Кострюке относятся к тем старшим историческим песням, которые в наибольшей мере испытали на себе воздействие поэтики былинного эпоса. В прежнее время песня о Кострюке была широко распространена. Варианты, в общем количестве более 60, собраны в разных районах Севера, в Зап. Сибири, Поволжье и Средней России. Единичные записи имеются из Донского края и Украины.

К. Д., 5 (Кир., VI, стр. 143); Кир., VI, стр. 106, 109, 114, 121, 125, 129, 132, 138, 150, 156, 161, 163, 165, 167, 168, 170—172, 176, 178, 182, 185; VII, Прилож., 51; Рыбн., I, 73, 95, 96; II, 109, 157, 185, 210; Гильф., 24, 166, 193, 261, 310, 317; Ист.-Д., стр. 42; Марк., 36, 85, 106 (к); Григ., I, 59, 116, 137, 156; Онч., 77, 91, 98; Шайж., 65; Марк.-Богосл., II, стр. 90 (отр.); Сокол., стр. 311; Вс. Милл. Ист. песни, 59, 60, 63—66, 68, 69, 84, 86, 87, 89, 90, 92; Гуляев, 45.

В советское время песня найдена в Прионежье (6 вариантов) — на Пинеге (3), на Печоре и в Беломорье. Публикации новых записей: Леонт., 11; Парил.-Сойм., 28; Крюк., II, 103, 104; Сок.-Чич., 33, 48, 140, 158.

Известны две основные группы песен о Кострюке. Одна — с более ясными отголосками определенного исторического факта — женитьбы Ивана Грозного на кабардинской княжне Марии Темрюковне (1561). Рассказ о женитьбе является вступлением к центральному эпизоду — состязанию

брата царицы Кострюка-Мастрюка с русскими борцами, которое кончается посрамлением Кострюка. Вторая группа (количественно меньшая) эпизоду состязания предпосылает рассказ о наезде на Русь крымской царицы-поляницы, с традиционными угрозами и вызовами. После поражения Кострюка (часто со смертельным исходом) посрамленные татары удаляются.

По основной идее своей центральный эпизод песни примыкает к аналогичным эпизодам былин о посрамлении русскими богатырями зазнавшегося врага-чужеземца. Но подан он в своеобразной сатирическо-балагурной окраске, которая свидетельствует о скоморошье обработке. В этой своей части былины обеих групп по существу не отличаются друг от друга. Для второй группы только более обычен смертельный исход борьбы — естественное следствие переработки песни в духе былины о нашествии врага. В первую же группу в порядке усиления эпизода посрамления вносится еще мотив превращения Кострюка в женщину. Положительное отношение народа к Ивану Грозному выражается в данной былине в изображении полного сочувствия Грозного русским борцам.

Былины о наезде крымской царицы распространены были из северных районов преимущественно в Прионежье. Кроме прионежских, известен лишь один вариант из Вологодского у. (Кир., VI, стр. 172) и два из Новгородской губ. (Милл. Ист. песни, 60 и 61). Более северные и восточные варианты удерживают начальный эпизод женитьбы, хотя в большинстве своем значительно его сокращают и сосредоточивают все внимание на эпизоде борьбы.

Способ исполнения былины тоже своеобразен — речитатив или скороговорка, обычные для «скоморошин».

№ 107. Запись Н. Котляровой, 14 августа 1931 г., от Кузьмы Дмитриевича Андрианова, 57 л., Заонежский р., Сениная Губа, д. Конда.

Восходит к тем обработкам сюжета, в которых рассказывается о наезде царицы крымской, ее угрозах и вызове борцов.

Ближе всех примыкает к варианту № 95 у Рыбникова из д. Конда от крестьянина Григория Васильева, представляя, как все тексты Андрианова, значительное сокращение. Целый ряд стихов повторяется дословно (ср., напр., начало данного варианта и стихи 6—10 у Рыбникова, стихи 26—31 текста Андрианова и 50—54 у Рыбникова). Это заставляет предполагать определенную преемственность указанных текстов. Но есть и отступления. Эпизод обнаружения пола — в тексте у Васильева, как и вообще в прионежских вариантах второй группы, отсутствует. У Андрианова он включен. Вместо Федора, второго борца, фигурирующего в варианте № 95 и близких к нему №№ 96, 157 и 210 (Рыбн.), появляется Василий Степанович. Текст Андрианова близок также к варианту Антона Сурикова (Сок.-Чич., 140).

№ 116. Запись А. М. Астаховой, 20 сентября 1927 г., от Настасьи Степановны Богдановой, Ленинград.

Как и текст Андрианова (№ 107), восходит ко второму типу обработок сюжета (с эпизодом наезда царицы крымской). Но в былинну внесены значительные изменения. «Битва татарская» изображена как потешная борьба. Действие происходит в Новгороде и при князе Владимире. Основные черты образа нахвальщика сохранены. Отношение к нему всех участников борьбы неприязненное.

«Кострюк» записан от Богдановой еще в 1926 г. экспедицией ГАХН (Сок.-Чич., 158) и в 1932 г. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной.

Напев VIII. Запись на фонограф М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 12 января 1932 г.

№ 183. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 25 июля 1932 г., от Агриппины Матвеевны Никоновой, 88 л., Пудожский р., д. Конновская Песчанского сельсовета.

Текст — самый полный и хорошо сохранившийся из прионежских записей. Примыкает ко второй из указанных групп былин о Кострюке и восходит к редакции, представленной в прежних записях у Рыбникова №№ 96, 157 и 210 (первый из Великой Губы, последние два — с Пудожского побережья, причем № 210 из б. Песчанской вол., откуда и наш вариант). Ряд стихов дословно совпадает то с тем, то с другим, то с третьим вариантом. В нашем выпускается эпизод прихода посла или самого Кострюка к Ивану Грозному и диалог последнего с Кострюком, развернутые в особенности в № 157. Имени Грозного вообще в нашем варианте уже нет. В мотиве испробования силы (стихи 67—70) наблюдается переключка с былинной о Василии Буслаеве, как в отмеченных вариантах у Рыбникова. Развязка также одинакова — смерть Кострюка и уход царицы. «Царькашанин» — из черкашанина.

№ 209. Запись А. М. Астаховой, 24 июня 1927 г., от Ивана Александровича Ломтева, 51 г., д. Карпова Гора.

Все три записанных нами на Пинеге варианта относятся, как и пинежские записи Григорьева, к первой группе былин о Кострюке, сохранивших в начальной части эпизод женитьбы. Все три являются перепевами одной редакции, представленной в записях Григорьева двумя вариантами №№ 137 и 156). Главные отличия данной редакции от другой пинежской, наиболее полный вариант которой принадлежит М. Д. Кривополенову (Григ., I, 116): нет мотива переодетой женщины, отсутствует заклинание Марьи Темрюковны и Кострюка не бывать в Москве, эпизод борьбы более развернут, включен мотив «лихой думы» Кострюка.

Все три наших варианта восходят к тексту Ивана Матвеевича Ломтева из Карповой Горы (Григ., I, 156). Е. М. Чуркина — его сестра, И. А. Ломтев — племянник. Различия между вариантами — лишь в незначительных перестановках слов, в сокращении повторяемых мест и т. п.

Исполнял Ломтев былинну скороговоркой, продиктовав предварительно текст. Однако диктовать затруднялся и, чтобы вспомнить, начинал

про себя говорить скороговоркой. По его словам, «Кострюка» никогда не пели, а всегда исполняли скороговоркой.

Напев XV. Запись на фонограф Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд в 1927 г.

№ 213. Запись А. М. Астаховой, 28 июля 1927 г., от Александра Прохоровича Вехорева, 59 л., Карпогорский р., д. Шотова Гора.

Восходит к той же редакции, что и вариант И. А. Ломтева. Словесные отклонения незначительны. Исполнение же отличалось тем, что Вехорев протягивал скороговорку, превращая ее таким образом в напев.

№ 217. Запись А. М. Астаховой, 26 июня 1927 г., от Екатерины Матвеевны Чуркиной, 88 л., Карпогорский р., Марьина Гора.

Восходит к той же редакции, что и варианты № 209 и № 213. Усвоена исполнительницей от матери, от которой перенял былину и ее брат — И. М. Ломтев (Григ., I, 156). Из всех трех сказителей, от которых записан «Кострюк», Е. М. Чуркина выделялась исключительной виртуозностью исполнения (см. об этом в заметке об исполнительнице, стр. 613—614).

ЛОВЛЯ ФИЛИНА

Редко встречающаяся юмористическая, «скоморошья» былина, входящая в круг фольклорных произведений о глупых людях. Известна только в 3 вариантах с р. Пинеги, восходящих к одной редакции.

Григ., I, 190, 194, 197. Все 3 варианта записаны А. Д. Григорьевым в Шардоне (несколько выше Карпогорья) и в д. Еркино близ Шардонемы; таким образом, район распространения оказался чрезвычайно узок. Встретилась она исключительно в репертуаре женщин. Исполнительницы называли ее «старинной», одна назвала «перецтыткой». По сообщению Григорьева, старина эта пелась. Записанные варианты отличаются только большей или меньшей полнотой или краткостью своих начальных частей. Кроме того, в варианте № 194 к концу добавлена юмористическая прибаутка.

В 1927 г. нами записаны были на Пинеге в том же Карпогорском р., но ниже Шардонемы, в деревнях Марьина Гора и Кевроле, еще 2 варианта. Они относятся к той же редакции, но отличаются значительно большей полнотой. Былина в обоих случаях не пелась, а произносилась скороговоркой.

№ 200. Запись А. М. Астаховой, 3 июля 1927 г., от Агафьи Пафнутьевны Губиной, 67 л., Карпогорский р., д. Кеврола.

Восходит к той же редакции, что и варианты у Григорьева. Большой исторический интерес представляет вступление, сохранившее старинное обращение скоморохов к хозяину, отсутствующее в прежних вариантах. Скомороший характер поддерживается и заключительной прибауткой. Ср.

с вариантом Григ., I, 194. Вариант прибаутки см. у И. В. Карнауховой в сб. «Сказки и предания Северного края», 1934, стр. 195—196, где она приведена как присказка.

По словам исполнительницы, под эту старину приплясывали.

№ 218. Запись А. М. Астаховой, 26 июня 1927 г., от Екатерины Матвеевны Чуркиной, 88 л., Карпогорский р., д. Марьина Гора.

Самый полный из всех вариантов этой старины. В нем, как и в варианте Губиной, сохранено характерное скоморошье вступление.

МАТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛЫ ГУБИТ ЕГО ЖЕНУ

Былина относится к жанру былин-баллад и является обработкой широко распространенных песенных мотивов о женщине, погибшей в отсутствие мужа.

Известна в довольно большом количестве вариантов из северных и средних районов. Наибольшее распространение получила по р. Пинеге, где в 1900 г. А. Д. Григорьевым была произведена 31 запись и где в наше время она была найдена в лучшей сохранности, чем другие былины.

Рыбн., I, 100 (Соб., I, 65); II, 222 (Соб., I, 69); Гильф., 299; Кир., V, стр. 68, 70 (Соб., I, 66); 72 (Соб., I, 62), 74, 75 (Соб., I, 60); VII, стр. 19 (Соб., I, 67); Соб., I, 61, 63, 64; Григ., I, 20, 31, 47, 55, 64, 71, 79, 80, 95, 99, 106, 110, 133, 136, 139, 142, 146, 152, 160, 167, 171, 176, 178, 183, 185, 188, 191, 195, 201, 202; II, 13, 39, 49; III, 26, 118; Марк., 31, 111; Сокол., стр. 309, 310.

В последние годы записи произведены на Пинеге (12 вариантов), на Кенозере 2 (Сок.-Чич., 224, 263), на Мезени 1 (Б. С., I, 31) и на Зимнем берегу — 3 варианта (от М. С. Крюковой, сб. «Советский фольклор», II—III, 1935, стр. 142; Крюк., II, 83, 84).

Композиция былины в основном устойчива. Варианты отличаются, главным образом, условиями узнавания князем Михайлом о гибели жены (говорят соседи, «нянюшки-мамушки», в одном варианте — сама мать) и характером смерти самого героя. На Пинеге, в главном очаг бытования этой былины, сюжет был распространен в двух основных редакциях. Особо популярна была та, в которой узнавание шло через слуг (26 вариантов из 31). Отдельные варианты различались преимущественно развязкой: в одном князь, узнав о гибели жены, пытается сперва заколоться, потом бросается в море; в других — он сперва закидывает невод, вылавливает колоду с телом жены, сам ложится в колоду и скатывается в море. (Подробный обзор вариантов см. у Григ., I, стр. 702). Записанные нами тексты восходят к указанной наиболее популярной редакции, варьируя конец. Ввиду незначительности отдельных изменений, из 12 пинежских текстов мы публикуем лишь 5. Из них 3 — из деревень близ Суры, где Григорьев записи не производил.

Наличие в XIX веке этой старинной баллады в женском (по преимуществу) песенном репертуаре определялось соотношением ее сюжета с реальными чертами старого быта — взаимоотношениями свекрови и невестки в крестьянской среде. Как и другие былины-баллады о невинно гибнущих, и данная песня проникнута глубоким сочувствием к погубленной свекровью молодой женщине и к ее мужу, который не может пережить смерти горячо любимой жены. Гибель мужа, сына злодейки свекрови, воспринимается как возмездие.

Варианты, не публикуемые, записаны А. М. Астаховой в 1927 г. в Карпогорском р.: в д. Карпова Гора — от Натальи Антоновны Заверниной, 61 г., и от Паладии Степановны Заверниной, 87 л.; в д. Шотова Гора — от Прасковьи Дмитриевны Черной, 52 л., и от Екатерины Тихоновны Суховерховой, 60 л.; в д. Щелья (близ Покшеньги) — от Дарьи Тихоновны Поздеевой, 58 л. (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III, папка I).

№ 190. Запись А. М. Астаховой, 19 июня 1927 г., от В. О. Муриной, 50 л., П. Я. Муриной, 44 л., М. А. Титовой, 56 л. и А. П. Филиной, 24 л., Карпогорский р., д. Гора (близ Суры).

Текст интересен как образец обработки сюжета с верховьев Пинеги, так как выше Шардонеми Григорьевым данная былина записана не была. Представляет второй из указанных композиционных типов наиболее популярной пинежской редакции (неведом вылавливается колода с телом погибшей княгини). От других сурских вариантов отличается включением попытки матери оклеветать молодую княгиню перед ее мужем (стихи 41—45).

Интересен момент хорового исполнения. Ритм былины лишен четкости, которая присуща многим ее вариантам (см., напр., в настоящем томе № 219).

№ 195. Запись А. М. Астаховой, 16 июня 1927 г., от Василисы Степановны Поповой, 45 л., Карпогорский р., д. Поганцы (близ Суры).

Тот же тип обработки данного сюжета.

№ 197. Запись А. М. Астаховой, 18 июня 1927 г., от Евфросиньи Аббаковны Дорофеевой, 63 л., Карпогорский р., д. Остров (близ Суры).

Вариант соединяет попытку самоубийства при помощи ножей и эпизод бросания с колодой в море. Отличия от предыдущего текста (№ 195) преимущественно словесного характера.

№ 204. Запись А. М. Астаховой, 30 июля 1927 г., от Вассы Алексеевны Кузнецовой, 28 л., Карпогорский р., д. Айнова Гора.

Относится к тому же типу обработок, как и сурские варианты. Как и № 190, включает мотив клеветы. Из композиционных вариаций отметим отнесение первой попытки самоубийства к моменту до рассказа нянюшек о гибели княгини.

№ 219. Запись А. М. Астаховой, 26 июня 1927 г., от Екатерины Матвеевны Чуркиной, 88 л., Карпогорский р., д. Марьина Гора.

Как и сурские варианты, относится к наиболее распространенной редакции, но отличается от них концом: отсутствует эпизод вылавливания колоды. Бросанию в море предшествуют две другие попытки самоубийства. Представляет тот же композиционный тип, что и григорьевские варианты из карпогорского р., №№ 103, 106—108, 110, 131 и 155. Наибольшая близость к № 131 из Шотовой горы, с которыми совпадает текстуально, за исключением немногих отдельных стихов. Указание матери на погреб глубокие, куда якобы ушла Катерина (чего нет в других вариантах), перенесено, очевидно, из былины о Романе и Настасье. В некоторых вариантах данного типа в начальную часть включен еще наказ Михайлы матери, чтобы она берегла молодую княгиню, см., напр., № 110. Здесь он отсутствует. Слова «Она слуг всех притомила, она коней всех заморила» (про мать Михайлы, стихи 10—11) иногда вкладываются в уста матери, как отрицательная характеристика Катерины (см., напр., № 110 и наш сурский вариант № 190).

Публикуемый вариант — один из наиболее полных и стройных. Выделяется особой четкостью ритма. Такой же исключительной четкостью и строгостью ритма отличалось и пение этой былины.

Напев XIX. Запись на фонограф Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд в июле 1927 г.

МИХАЙЛО ПОТЫК

Сложная былина киевского богатырского цикла, сочетающая элементы героические с новеллистическими. Как и былина об Иване Годиновиче, разрабатывает тему о жене-иноземке, стремящейся погубить мужа — русского богатыря. В XIX в. была распространена по преимуществу в Прионежье, откуда имеем 16 записей у Рыбникова, Гильфердинга и Шахматова (из них 6 повторных). В более северных районах популярность ее была значительно меньше: с Терского и Зимнего берегов Белого моря имеются 1 и 2 варианта, с Мезени 3, с Печоры 1. Один вариант из Зап. Сибири. Известны 3 прозаических записи в рукописях XVII и XVIII вв., восходящие к одной редакции XVII в.

К. Д., 22 (Кир., IV, стр. 52); Рыбн., 11 (отр) (Гильф., 82), 12, 28 (Гильф., 150), 28 bis, 113 (Гильф., 6), 166, 196, 218; Гильд., 6, 39, 40, 52, 82, 150, 158; Марк., 8, 74, 100 (к.); II, 50, 60, 65; Гринг., III, 29, 70, 109; Онч., 57; Марк.-Богосл., I, стр. 65 (Изв. ОРЯ и Сл., т. V, кн. 1, стр. 50); Тих.-Милл., I, стр. 25, 32, 39; Шахм., 7; Б. Соколов. Былины старинной записи (Этнография, 1926, 1—2, стр. 115).

Новых записей 9: из Заонежского района (1), Пудожского (6), из Беломорья (1) и отрывок с Мезени. Публикации: Б. С., I 19; Парил.-Сойм., 9, 26, 47; Конашк., 15; Крюк., I, 50; Сок.-Чич., 20, 87.

Вследствие впитывания большого количества разнородных эпических и сказочных мотивов варианты в отдельных эпизодах и деталях значительно отличаются друг от друга. Наибольший отход от древнейшей редакции, запечатленной в рукописях XVII—XVIII вв., находим в северо-восточных обработках. Так, мезенские варианты в большей мере, чем прионежские, используют мотивы других былин — Ивана Годиновича, Соломана-царя, Дуная. Марья-лебедь белая в мезенских вариантах добывается не на охоте, а во время набега на вражескую землю (Григ., III, 29 и 70) или увозится насильно после отказа отца выдать дочь замуж (Григ., III, 109). Эпизод змееборства оформлен также иначе: в змею превращается Марья, Потык ударами прутьев смиряет ее и лишает волшебной силы (легендарный способ усмирения демона, см. сказки и заговоры). В других вариантах Потык оказывает услугу змее, и она в свою очередь помогает ему (сказочный мотив помощи благодарных животных). В вариантах с Зимнего берега, составляющих особую группу, к которой примыкает и запись в Малых Нисогорах (Григ., III, 109), в отличие от двух других мезенских (29, 70 — другая редакция), находим дальнейшее развертывание мотива чародейства жены Потыка: она, ночуя с ним в шатре, поочередно превращает его в ворона, волка, горноста, причем Илья Муромец (по другим вариантам — Добрыня) предостерегает Потыка и усмиряет Марию. Особую редакцию составляет единственный известный нам печорский вариант, перекликающийся с мезенскими (эпизод с горящим ракитовым кустом и помощью змеи), но в противоположность им опускающий чародейство жены и заканчивающийся на эпизоде ее оживления и всеобщей радости.

№ 150. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 24 января 1932 г., от Агриппины Федоровны Трухавой, 53 л., Заонежский р., Киж, Липовицы.

Былина о Потыке, довольно распространенная раньше в Прионежье, в настоящее время встречалась по преимуществу в Пудожском крае. Данный вариант — единственный, найденный в период последних обследований в Заонежском р. Представляет передачу одного эпизода этой раньше столь сложной по своей композиции былины (то же см. в варианте у К. Д., 22). В связи с этим выделением из всего состава былины лишь одного эпизода — погребения Потыка заживо в осуществление договора между ним и женой — снято и обычное вступление — посылка богатырей за данью, и данное поручение заменяется другим — посылкой Потыка на охоту, непосредственно связанного с добыванием невесты (аналогия у К. Д.). Мотив пристрастия Потыка к вину, которое помогает его коварной жене неоднократно опьянять его сонным зельем, развернут в данном варианте в последовательно проводимую характеристику Потыка как пьяницы: даже о смерти жены он узнает в кабаке. Этот новый образ Потыка дается былинной сразу же, с самого начала. В этом несомненно сказалось воздействие былин

о голях кабацких и о Василии Игнатьеве (без перенесения свойственного этим былинам социального элемента).

В данном эпизоде вариант близко соприкасается с записью Рыбникова от Т. Г. Рябинина (I, 12). Из необычных для заонежской традиции моментов следует отметить мотив звона из могилы (в заонежских вариантах Михайло Потык обычно кричит громким голосом, звон из могилы встречается лишь в былине К. Д. и в одной былине с Зимнего берега, Марк., 100). Заключительное указание на вторичные совместные похороны после смерти самого Потыка находим также лишь у К. Д.

Образ Лебеди Белой, плывущей в «золотой клеточке», — в других известных нам вариантах не встречается. Ср. с образом лебедушки на плывущей белодубовой колоде у Гильф., 82, и Рыбн., I, 11.

Таким образом, текст Трухавой в основной композиции и деталях ближе всего к варианту Кириши Данилова, соприкасаясь в то же время с отрывочными записями Рыбникова и Гильфердинга от Т. Г. Рябинина.

МОЛОДЕЦ И КАЗНА МОНАСТЫРСКАЯ

Сюжет о молодце, отнявшем казну монастырскую у разбойников, в песенной обработке известен в немногих вариантах из Поволжья, Зап. Сибири, Заонежья и Печорского края. В районе Беломорья и Урала был найден и в виде былины и близких к ней прозаических пересказов (Оксенко, Орсенко).

Кир., VI, стр. 194 (Милл. Ист. песни, стр. 144), 196, 197 (Милл. Ист. песни, стр. 142); VIII, стр. 30, 31, 33; Соб., VI, 432—434; Онч., 33; Милл. Ист. песни, 143, 145; Орсенко: Марк., 86 (пр.); Пермский сб., II, отд. II, стр. 166, № 6 (пр.) (Милл., 99); Милл., 98.

В 1927—1928 гг. песни о молодце и казне записаны на Пинеге и Мезени (Б. С., I, 22; II, 191). Большая (свыше 600 стихов) былина об Орсенко записана в 1934 и 1937 гг. в с. Зимняя Золотица от Марфы Крюковой (Крюк., II, 105). В 1936 г. вариант былины записан А. Н. Нечаевым в Карелии, в д. Кереть от М. М. Коргуева, 54 л. (Сказки М. М. Коргуева, кн. 2, записи и комментарий А. Н. Нечаева, 1939, стр. 473).

Сопоставление былины Орсенко с песнями о правеже и казне монастырской приводит к определенному выводу, что здесь мы имеем процесс позднейшей обработки в былинку северными сказителями безыменных эпических песен (см. примеч. к былинам «Дунай и королевна», «Юман и его дочь Настасья», «Князь Дмитрий и Домна»).

Варианты, записанные на Пинеге и Мезени, представляют тип песни, не развернутой в былинное повествование. Характерно в мезенском варианте (Б. С., I, 22), в связи с приурочением сюжета к имени Илья Муромца, изменение развязки: любимый народный герой, в соответствии с общим своим обликом, не пропиавет (как обычно молодец) казны в кабаке, а раздает ее «по миру».

№ 191. Запись А. М. Астаховой, 15 июля 1927 г., от Татьяны Никитишны Черноусовой, 60 л., Карпогорский р., д. Горюшка (близ Суры).

От типичных композиций песни отличает отсутствие встречи с царем. Все остальные эпизоды сохраняются. Изображение правежа близко к песням у Кир., VI, стр. 194, 196 и VIII, стр. 33. Песня была спета на напев, напоминающий былинный. В восприятии самой исполнительницы это не песня, а «старина».

МОЛОДЕЦ И ХУДАЯ ЖЕНА

Былина, возникающая на основе песенных мотивов о нелюбимой жене, известна лишь в прионежских вариантах.

Рыбн., 1, 47 (Гильф., 97); 76, 101; II, 159; см. также 1, 33 (Гильф., 155); Гильф., 89, 97, 177; см. также 127, 155, 162; Тих.-Милл., 60; Этногр. обзор., 1894, IV, стр. 149; Гуляев, 22. Мотив нелюбимой жены в песнях см. Чернышев, 214 и 215 — сюжет другой.

Новых записей 9: 8 из Заонежья, 1 из Пудожья; две записи повторных от тех же исполнителей. Опубликовано: Ряб.-Анд., 10; Ив. Гер. Ряб.-Андр., стр. 119 (отр.); Сок.-Чич., 47, 100, 111, 123, 153, 206.

Параллельное существование обеих былин, разрабатывающих различные перипетии жизни безымянного молодца — 1) об уходе в чужие земли и 2) о связи молодца с литовской королевной, — привели к объединению этих былин, см. примечание к сюжету «Дунай и королевна». Второй сюжет осложняется мотивами данной былины, с другой стороны включается в нее, в качестве средней ее части, разъясняющей приключения молодца на чужбине. Степень развертывания этой части разная. В варианте Т. Г. Рябининой (Гильф., 89) лишь указывается на связь с литовской королевной, молодец, соскучившись по дому, возвращается к жене и детям. В варианте другого кижского сказителя К. И. Романова (Рыбн., 47; Гильф., 97) имеем развернутый рассказ о связи, похвальбе, осуждении и освобождении, после чего молодец и возвращается на родину. У Корнилова (Гильф., 117) эпизод с королевной заслоняет основную тему, и картина возвращения не дается.

Былина заключает реальные черты крестьянского быта: брак по принуждению, бедственное положение покинутой женщины, тяжесть крестьянской работы и др.

№ 114. Запись Н. Котляровой, 29 июля 1931 г., от Настасьи Степановны Богдановой, 71 г., Заонежский р., Сенная Губа, Зинovieво.

Принадлежит к тем вариантам, которые соединяют сюжет с былинной о молодце и королевне, причем второй сюжет дан в полном, развернутом виде. В былине много своеобразного: вступление, перенесенное из обычной концовки былины о Добрыне и Алеше, подробный рассказ об уходе молодца

из дому (стихи 20—38, выделяются бытовые и психологические детали), описание того, как снарядила королева молодца на прогулку (стихи 106—112). Необычна также просьба королевы к отцу — отпустить молодца (в других вариантах она просит палачей). По концу — развернутой картине встречи — вариант ближе всего к тексту Т. Г. Рябинина (Гильф., 89, см. стихи 72—111). В средней части есть точки соприкосновения с пудожским вариантом от Амосова (Рыбн., II, 159). Имя героини, Елена, — в прионежских вариантах наиболее частое. Приурочение сюжета к имени Ивана Годиновича, кроме былины Н. С. Богдановой (см. еще Сок.-Чич., 153), встречается в записи от Г. А. Якушова (Сок.-Чич., 28). В былине заметна тенденция к сказочному складу речи. Характерно внесение типичного сказочного приговора: «скоро сказка сказывается» и т. д. (стихи 39—40) и концовки в сказочном стиле. Вообще текст отмечен чертами индивидуального творчества.

Напев VII. Запись на фонограф М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной 12 января 1932 г.

№ 138. Запись М. Б. Каминской, 9 августа 1931 г., от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, 27 л., Сенная Губа, Заонежский р., д. Гарницы.

Былина эта усвоена исполнителем от отца, но в записи от Ивана Герасимовича не известна. По сравнению же с текстами Ивана Трофимовича (Этногр. обзор., 1894, IV, стр. 149) и Трофима Григорьевича (Гильф., 89), она длиннее (173 стиха, у И. Т. — 101, у Т. Г. — 111).

Вообще из всех былин она наиболее отступает от текстов своих предков, хотя и восходит к их редакции. Включено описание дочери короля литовского — традиционное описание невесты из былины «Дунай». Оригинальна мотивировка стремления молодца уйти (королева «понеслась», он хочет уйти от «дела нехорошего»). Гораздо более подробно переданы: просьба молодца к слугам доложить его желание королю (у И. Т. молодец о своем желании уйти говорит королю сам), его диалог с королем, прощание с королевной. Вводится традиционное изображение седлания коня. Заключительная часть — приезд на родину и встреча с женой и с сыновьями — повторяет соответствующие места былины Ивана Трофимовича, и отличия от текста Т. Г. те же, что у И. Т. Так, и у И. Т. и у П. И. жена находит в кармане возвратившегося мужа «бесчѣтну золоту казну», в варианте же Т. Г. — «камверт» с обручальным перстнем. В варианте младшего Рябинина сохранена замечательная, глубоко реалистическая картина возвращения «худой жены» с крестьянской работы (стихи 133—138, у Т. Г. 73—78, у И. Т. 64—68). Описание же старой хижинки в его варианте даже более ярко (стихи 112—114). Интересен образ, возникший из близости звучаний «вьюнышек», «вьюн», «вьюнок»: «А вокруг ли этой старой малой худой хижинки обвиняются два малых глупых вьюнышка» (стихи 115—116, ср. образ детской игры в былине Щеголенка, Рыбн., I, 76, стих 117: «И на улицы два вьюнчика свиваются»).

Какие из изменений принадлежат именно младшему Рябинину, сказать точно нельзя. Возможно, что некоторые привнесены отцом. Но перенесение общих мест из других былин (в данной — описание красоты королевны и седлание коня) характерно для Петра Ивановича.

№ 162. Запись А. М. Астаховой, 29 июня 1926 г., от Матвея Егоровича Самылина, 47 л., Заонежский р., Космозеро, д. Демидово.

Полузабытый и сильно сокращенный вариант. Наблюдается чередование отдельных хорошо сохранившихся стихов и стихотворных отрывков со стихами прозаического склада, или с кратким прозаическим пересказом. Отметим внедрение чуждых былине образов (магазины, приказчики). В то же время сохраняется общая композиция этой редкой быliny. Наиболее близкие параллели у Гильфердинга (№№ 89 и 97).

Приложение I, № 9. Запись на фонограф С. И. Бернштейна, июль 1926 г., от Петра Ивановича Рябина-Андреева, 21 г., Заонежский р., Сенная Губа, д. Гарницы. Расшифровка текста А. М. Астаховой.

Запись включает лишь начало быliny. Сопоставление с вариантом 1932 г. показывает довольно свободное отношение сказителя в области словесной редакции. Вариант 1926 г. более краток. Оригинальная мотивировка ухода молодца (беременность королевны), имеющаяся в более позднем варианте, здесь отсутствует.

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

Эта яркая, богато насыщенная чертами исторического прошлого былина по общему своему характеру примыкает к богатырско-воинским былинам. Известны 10 записей из Онежского края (причем некоторые — повторные, от тех же сказителей) и две с Печоры. Центральный эпизод быliny использован на Печоре также и в былине о разбойнике Даниле Борисовиче (Онч., 51).

Рыбн., I, 45, 114 (Гильф., 12), II, 135 (Гильф., 71), 152 (Гильф., 61), 164; Гильф., 12, 42, 61, 71; Онч., 37, 54 (см. еще 51); Тих.-Милл., 69.

В настоящее время эта былина встречается редко. Записано 7 вариантов: в Заонежье (1), в Пудожском районе (5) и на Печоре (1). Из них опубликовано: Б. С., I, 88; Парил.-Сойм., 24, 43; Конашк., 10; Сок.-Чич., 17, 85.

Историческая основа быliny — борьба русского народа с западными врагами: литовскими князьями и немецкими «псами-рыцарями». Былина включает яркие картины жизни западнорусских областей в XII—XIII вв.

Композиция быliny очень устойчива. Печорские варианты отличаются от прионежских, главным образом, заменой имени героя (вместо князя Романа — Митрий Бранский) и пропуском или сокращением некоторых эпизодов. Но прионежские лучше сохранили исторические черты: собрание

«силы», приход к реке, которая служит рубежом, и т. п. В печорских Митрий едет на врага один и только потом скикает силу; выпущен и первый набег на Ливонскую землю. Мотив оборотничества под влиянием былины о Волхе включен в самое начало обоих вариантов (из прионежских только вариант Сорокина — Гильф., 71 — испытал это воздействие).

№ 152. Запись А. М. Астаховой, 17 июля 1926 г., от Кузьмы Семёновича Кудрова, 83 л., Заонежский р., Великая Губа, д. Сибово.

Та же редакция, что и вариантов № 61 у Гильфердинга и №№ 152 и 164 у Рыбникова, но рассказ более краток. Выпущен эпизод узнавания Романа племянником.

Из двух способов подбора дружины сохранен второй — бросание жеребьев, мотив, вообще присоединенный к данному сюжету позднее под воздействием былины о Садко. Эпизоды порчи оружия и метания жеребьев переставлены.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ

Баллада о насильственном пострижении матерью дочери до сих пор была известна в небольшом количестве записей из средней России, Поволжья, Урала и Северного Кавказа. С Севера имела лишь одна запись Гильфердинга с Кенозера.

Гильф., 300 (Соб., I, 299); Соб., I, 294—298.

Обследования эпической традиции на Севере после Октября выявили довольно значительное количество вариантов в Заонежье и на Кенозере. Экспедицией ГАХН в 1926—1927 гг. найдено 5 вариантов; один записан в 1926 г. экспедицией Государственного института истории искусств и 4 во время карельских экспедиций 1931—1932 гг. Опубликовано: Сок.-Чич., 50, 156, 162, 227, 267.

По содержанию баллада примыкает к другим лиро-эпическим песням о семейном деспотизме, выражающемся здесь в насильственном пострижении. См. у Соболевского песни о стремлении мужа постричь немилую жену (т. I, 302—307). Песня воспринималась, таким образом, одновременно и как осуждение родительского насилия и как протест против монастырского затворничества, губящего молодые жизни. Последняя сторона песни делает ее родственной песням, изображающим молодых монахов и монахинь, стремящихся к воле, к земным радостям, готовых нарушить монастырский устав, бежать из монастыря и т. д. Этот жизнеутверждающий мотив и привлекал к данной балладе исполнителей. Близка по своему характеру к другим балладам на тему невинной жертвы и также является достоянием женских репертуаров.

Все северные варианты, включая и запись Гильфердинга, отличаются от среднерусских законченностью темы и трагической развязкой: мать, разгневанная на дочь и не желающая уступить отцу, который хочет выдать

дочь замуж, убивает дочь. В уральском и северокавказском вариантах (Соб., I, 296 и 297) насилие со стороны матери мотивируется необходимостью жертвы за ее грехи:

Три годы девушка строй строила,
Три годы красная богу молилася:
За батюшков грех она умолила,
За матушкин грех не могла умолить.

(Соб., I, 296).

Северные варианты, композиционно близкие друг к другу, отличаются некоторыми редакционными особенностями. Развернутый диалог придает балладе напряженно-драматический характер. Особо стоит вариант № 128 Пашовой, осложненный рядом дополнительных деталей.

Ввиду малого количества известных вариантов и историко-бытового интереса данной баллады публикуем 4 текста.

№ 121. Запись Н. Когляровой, 12 августа 1931 г., от Натальи Тимофеевны Зиновьевой, 45 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Зиновьево.

Исполнительница назвала песню «былиной», прибавив: «Былина это называется, так как верно это было». По сравнению с другими заонежскими вариантами (исключая № 128) данный текст несколько более эпичен.

№ 128. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 17 января 1932 г., от Матрены Кузьминичны Пашовой, 54 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Обозеро.

Вариант Пашовой выделяется необычным осложнением сюжета мотивами песен татарского времени: татарин берет у вдовы дочь, впоследствии стремится выгодно продать красавицу в замужество. Последний момент мотивирует позицию названного отца. Но совершенно непонятна позиция приемной матери. Трагизм развязки усиливается вторым убийством — жены мужем. Образ жениха Гвидона, который глядит на красавицу в хрустальное окошечко, вероятно вошел из сказки.

№ 147. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 23 января 1932 г., от Аины Тимофеевны Тихоновой, 60 л., Заонежский р., Кижы, д. Боярщина.

Вариант близок к № 156.

№ 156. Запись Н. П. Колпаковой, 29 июня 1926 г., от Пелагеи Никифоровны Коренной, 60 л., Заонежский р., д. Космозеро.

Вариант близок к № 147. Баллада названа исполнительницей «стихом».

НЕБЫЛИЦА

Шуточные песни о «небывальщинах» и «чуде-чудном» известны во многих вариантах из разных районов Севера и средней России. Имеются записи белорусские, украинские и с Северного Кавказа. Существуют и прозаические пересказы тех же мотивов.

Рыбн., 98; Гильф., 238 (к., Соб., I, 323), 295 (к., Соб., I, 324); Марк., 88, 116; Григ., I, 51, 66, 73, 123, 140; II, 29; III, 22 (к.), 31 (к.), 78, 106; Онч., 67 (к.), 79, 83 (Жив. стар., VII, вып. 1, стр. 243); Пальчиков. Крестьянские песни, 125; Марк.-Богосл., I, стр. 94; Соб., I, VII, 321, 322, 325—328; Шейн. Великорусс., I, 959, 962—965, 1023; Шейн. Чтения, 31; Сокол., стр. 488, № 639.

В сказках см. Андр., 1931, В.

Новые записи из Пудожья, Заонежья и Кенозера (Сок.-Чич., 58, 60, 186, 230, 236, 246, 254, 258), из Пинеги (2) и с Мезени (1).

На Севере некоторые из небывальщин принимают пародийный оттенок благодаря запевам: «Старину скажу да стару прежнюю» (см., напр., Григ., I, 51) или «Не то ли старина да побывальщина?» (Григ., I, 66). См. также Гильф., 238 и 295. Интересен местный колорит некоторых образов. См., напр., образ коровы или кобылы на лыжах (Гильф., 238 и 295). Иногда «Небылица» соединяется с пародией о бое женщин (отмечено в библиографии — к.). Большую известность получило в свое время замечательное исполнение «Небылицы» сказительницей М. Д. Кривополеновой.

№ 215. Запись А. М. Астаховой, 28 июня 1927 г., от Александры Никитишны Вехоревой, 55 л., Карпогорский р., д. Шотова Гора.

Из печатных записей «небылиц» данный вариант ближе всего к пинежским вариантам у Григ., I, 51, 73 и 140.

№ 220. Запись А. М. Астаховой, 27 июня 1927 г., от Марфы Николаевны Савиной, 44 л., и Надежды Егоровны Федоровой, Карпогорский р., д. Марына Гора.

По словам исполнительниц, песня занесена из д. Шотогорки, где ее выучили от М. Д. Кривополеновой. Действительно, вариант наиболее близок к тексту Кривополеновой. Стихи 24, 25 и 30 дают образы «небывальщин», в печатных записях не встречающиеся. К последнему стиху см. параллели в «небылицах» у Гильфердинга (№№ 238 и 295).

ПАРОДИЯ

Былинный жанр был использован на Севере для сатирических песен на местные темы. См., напр., у Ончукова сатиру на местного пропойцу на мотивы былины «Василий Игнатьев» (Онч., 29 и 38) или запись местной пародии на Мезени (Б. С., I, 42).

№ 188. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпониной, 21 июня 1932 г., от Афанасия Матвеевича Денисова, 50 лет, Медвежегорский р., Пудожская Гора, д. Римская.

Пародия сложена на тему семейных неурядиц и несогласий. Используются мотивы былины «Молодец и худая жена». Конец (со стиха 16) повторяет скоморошью прибаутку, известную по варианту былины «Хотен Блудович» от Сарафанова из Кижей. См. Рыбн., I, стр. 452, стихи 171—178.

ПТИЦЫ НА МОРЕ

Былина уже в XIX в. была замкнута в районах Прионежья и Кен-озера, наибольшее распространение получив в последнем и в Кижях. Известны записи XVIII в. без указания их происхождения и места.

Рыбн., I, 68, 77 (Гильф., 130), 98, 99; II, 189; Гильф., 62, 130, 137, 264, 280, 298; Чулков. Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 223, перепечатано в Песенниках 1780 и 1791 гг., Собр., VII, 426 и Кир. Нов. сер., 2813; Шейн. Великорусс., I, 984 (из сборника XVIII в. Публ. библ., XVII, 0, 17), Кир. Нов. сер., 2915.

В последние годы записаны варианты в Заонежском р. (4) и на Кен-озере (3). См. Сок.-Чич., 142, 164, 180, 181, 220, 223, 276.

Былина сложилась на основе древнерусского литературного памятника, известного под названием «Сказания о птицах» и «Совет птичий» и получившего распространение с конца XIV в. Былиной использована одна сторона этого памятника — изображение под видом птиц разных сословий. Вариант, помещенный в сборнике Чулкова, сохраняет в языке следы книжного происхождения. Некоторые варианты, кроме птиц, включают и характеристики зверей (см. Рыбн., 98, 99, 189; Гильф., 62, 130, 137, 208). Общий сатирически-балагурный тон былины говорит об участии в ее сложении скоморохов, не раз употреблявших свое искусство для социальных обличений. Большая художественная и социальная ценность былины привлекала внимание писателей, использовавших ее мотивы в своих произведениях: Сумароков — «Хор к превратному свету», Пушкин — «Сказка о медведихе», Островский — хор птиц в прологе к пьесе «Снегурочка».

Варианты отличаются друг от друга разной степенью политической и социальной остроты. Наиболее яркие в этом отношении варианты у Гильф., 62, 130 и 280, у Рыбн., 98, 99. Приведем несколько особенно выдающихся характеристик:

Ястреб на море стряпчий,
С богатого двора берет по куренку,
Со вдовы с сироты берет по две и по три,
То есть великая в нем неправда.

(Гильф., 120).

Орел-то на мори налётник:
Единожды в год прилетает,

А велику себе дань и собираѥ —
По три головы да по четыре,
Иногда по целому десятку.

(Гильф., 62).

Воробья боярьски холопы,
Колья-жердьѥ да работали,
Крестьянски конопля розбивали,
Оттого сыты пребывали.

(Гильф., 62).

А ворона богатая птица:
В летнюю пору по суслонам,
А в зимнюю пору по ометам,
Всѥ она крестьян разоряѥт,
С того ради сыта пребывает.

(Гильф., 280).

№ 155. Запись Н. П. Колпаковой, 24 июля 1926 г., от Пелагии Никифоровны Коренной, 60 л., Заонежский р., д. Космозеро.

Единственный вариант с Шуньгского полуострова. С известными до сих пор прионежскими вариантами точек соприкосновения почти не имеет. Восходит к той же редакции, что и текст у Чулкова (Соб., VII, 496). Некоторые характеристики почти дословно повторяют образы чулковского варианта. Ср., напр., образы сокола (стихи 6—8 нашего варианта и 55—57 у Чулкова), вороны (стихи 9—10; Чулк., 42—43), сороки (стихи 27—29; Чулк., 62—64), синицы (стихи 30—33; Чулк., 73—77), дятла (стихи 13—15; Чулк., 52—54), журавля (стих 26; Чулк., 22). Но есть и отличия. Так, у Чулкова сова — графиня, характеристика соответствует ее высокому положению.

Сова у нас на море — графиня:
То-то высокие брови,
То-то веселые взгляды,
То-то хорошая походка,
То-то желтые сапожки,
С ножки на ножку ступает,
Высокие брови подымает.

В нашем варианте дается реальный образ совы:

И сова у нас толстоголова:
Некрасивы у ей-то ведь зоры,
Некрасивы у ей-то разговоры.

Вообще заметны реалистичность образов и близость их к окружающей крестьянской обстановке, так же как и отсутствие книжности в языке. Про дятла сказано: «И хочет он дом сработать» вместо «хочет нам храм соорудить»; «застрехи», на которых летом сидит ворона, замещаются местными «зародами» (род деревянных перекладин между двумя высокими столбами для просушки сена). Вариант короче (32 стиха, у Чулк. — 77).

В 1932 г. произведена повторная запись от той же исполнительницы М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной. В новой записи только один новый стих (14-й): «Кулик-то у нас всё на болоте», словесные формулировки сохранены без изменений, но отдельные образы переставлены.

Исполнительница называла произведение «былиной». Напев записан на фонограф.

РОМАН И ЕГО ДОЧЬ НАСТАСЬЯ

Входит в круг эпических произведений, стоящих на ступени, переходной от баллады к былине, как и былины «Дмитрий и Домна», «Князь, княгиня и старицы» и т. п. Подобно им, повествует о событии семейного характера. Представляет сравнительно позднюю «былинообразную» переработку (не ранее XVII в.) песенного мотива об убийстве мужем своей жены.

Районы распространения: средняя Россия, Волга, Зап. Сибирь, Пинега, Терский берег. Наибольшее количество вариантов дали средняя Россия и Пинега — как раз те районы, в которых или наиболее ослабла, или совсем исчезла традиция богатырского эпоса. На Мезени и в Онежском краю в прошлом было записано лишь по одному варианту, причем мезенский — чрезвычайно краток, а онежский безыменен (отсутствуют имена отца и дочери, есть лишь отчество убитой матери). В собрании Гильфердинга этой былины совсем нет.

К. Д., 48 (Кир., V, стр. 108; Соб., I, 89); Суханов. Древние русские стихотворения, СПб., 1840, № 2; Рыбн., II, 217; Кир., V, стр. 100 (Соб., I, 91), 102 (Соб., I, 92), 104 (Соб., I, 93), 106 (Соб., I, 90); 111 (Соб., I, 94); Соб., I, 95, 96; Григ., I, 84 (к.), 113, 136, 143, 153, 157, 160, 162; Марк., 29; Марк.-Богосл., II, 49; Сокол., стр. 310.

Новые записи произведены на Пинеге (9 вариантов) и в Онежском крае. В последнем экспедицией ГАХН обнаружено большое количество вариантов (23). Особенно много записей этого сюжета произведено в Пудожье и на Водлозере (19 вариантов) (Сок.-Чич., 30 и стр. 913—916). В Беломорье (д. Зимняя Золотица) от М. С. Крюковой записано 2 варианта данной былины (Крюк., II, 99).

В песне, привлекавшей внимание, как и другие былины-баллады, драматичностью своего содержания, всегда глубоко трогал поэтический образ девочки-сиротки, ищущей свою мать, и волновала ожидающая ее тяжелая доля нелюбимой падчерицы (переключка с образом сиротки в народных сказках).

По композиции сюжета все варианты распадаются на две основных группы. В текстах из средней России (к ним примыкают волжский и сибирский) использован эпический мотив о птице-вестнике: орел похищает отрубленную руку убитой с перстнем, по которому дочь и узнает о происшедшем (в разных вариантах эпизод варьируется в деталях). В северных записях вместо орла выступают в качестве вестников волки — эпизод, который в среднерусских вариантах появляется редко и лишь в дополнение к мотиву орла.

Другое значительное отличие пинежских вариантов — наличие в них черт быденной бытовой обстановки. Вместо высоких теремов с «нянюшками и мамушками» и «сенными красными девушками», зеленых садов с «вишеньем, орешеньем», цветных платьев, белил и румян упоминаются «темные погребца», куда мать якобы сошла или переливать молоко, или за «сладким суслицем»; «дымна поваренка», где сливают «хмельные пива», и т. д. Гораздо более развернута и психологическая сторона — описание горя дочери. В ряде пинежских вариантов особенно подчеркивается горькая участь сироты, которой при «молодой матенке», «лихой мачехе» придется «по конець стола сидеть да рукоданного кусочька глядеть», «по подстолью-ту собацькой мелки крошецьки собирать».

В этом отношении выделяется контаминированная былина «Князь Михайло губит свою первую, а его мать вторую его жену», в которой сюжет «Романа и Настасьи» присоединяется в качестве первой части к былине о князе Михайле (Григ., I, 84). Убийство здесь получает характерную психологическую и бытовую мотивировку — Михайло желает освободиться от пожилой жены.

В плане приближения образов к окружающей обстановке интересна деталь в одном из пинежских вариантов (Григ., I, 157) — тело убитой Роман прикрывает бороной.

На Севере эта былина-баллада является исключительно достоянием женских репертуаров. Исполняется на напев, иной, чем былинные напевы, и именуется «стихом». Сказители воспринимают ее как жанр, отличный от богатырских былин, но четко отграничивают ее и от обычных лироэпических песен-баллад.

Кроме публикуемых вариантов, произведены записи от Екатерины Филипповны Фофановой, 77 л., из д. Гора (близ Суры), Карпо орского р., и от Дуни Рябовой, 12 л., из Суры.

№ 189. Запись А. М. Астаховой, 19 июня 1927 г., Карпогорский р., д. Гора (близ Суры), во время исполнения четырьмя женщинами: В. О. Муриной, 50 л.; П. Я. Муриной, 44 л.; М. А. Титовой, 56 л.; А. П. Филиной, 24 л.

Вариант интересен как образец обработок, распространенных в верховьях Пинеги, где Григорьевым записи не производились. По основной своей композиции сурские варианты целиком примыкают к записям, произ-

веденным Григорьевым на средней Пинеге, но в настоящее время сурские варианты сохранились лучше, чем карпогорские, и отличаются большей обстоятельностью. Отдельные отличия сурских вариантов: особое начало с указанием трех теремов, в которых живут Роман, его жена и их дочь, и изображение печали окружающих: «Еще старые-то старушки прирасплакались, еще молоды молодки призакуксились» и т. д.

Присоединение к концу поговорки — в традиции Суры. В варианте Е. Ф. Фофановой из той же деревни Гора имеем: «Концу столика стоять да глеженого кусочка глядеть»; у Дуни Рябовой, 12 л., из самой Суры «У молодой-то матери по концу стола сидеть да богоданного глядеть».

Напев XIV. Запись на фонограф Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд в 1927 г.

№ 193. Запись А. М. Астаховой, 14 июня 1927 г., от Агриппины Михайловны Черноусовой, 43 л., Карпогорский р., д. Засурье (близ Суры).

Вариант отмечен реалистическими чертами крестьянского быта: мать дает дочери с вечера наставление встать пораньше и «подпахать избушку», отец на вопрос дочери, где мать, отвечает, что она ушла в погреб «за р-пой», и т. д.

Среди обещаний отца исключено обещание купить «золоты перстни» (см. вариант № 189 из д. Гора), но оставлены шуба (не кунья, а просто шуба) и сарафан.

№ 196. Запись А. М. Астаховой, 18 июня 1927 г., от Евфросиньи Аббаковны Дорофеевой, 63 л., Карпогорский р., д. Остров (близ Суры).

Примыкает к той же пинежской обработке данного сюжета и к тому же сурскому типу, как и вариант № 189, отличаясь от него лишь иной фразировкой.

№ 205. Запись А. М. Астаховой, 30 июля 1927 г., от Анисьи Таркановой, 15 л., Карпогорский р., д. Церкова Гора.

Так же, как и вариант Мельниковой (№ 207), интересна, как детский вариант былины на данный сюжет. В ней исчезли, с одной стороны, все осложняющие сюжет моменты (напр., волки, возвещающие дочери о гибели ее матери), с другой стороны, черты, относящиеся, в соответствии с сюжетом, к быту высших классов. В таком виде баллада стала очень простой и реалистической. Имя Михайло перешло из баллады «Мать князя Михайлы губит его жену» в порядке смешения близких по характеру сюжетов.

№ 207. Запись А. М. Астаховой, 29 июня 1927 г., от Татьяны Даниловны Мельниковой, 40 л., Карпогорский р., д. Айнова Гора.

Здесь мы наблюдаем судьбу былины, попавшей в детскую среду: Мельникова передает ее так, как она слышала от «девок малых». Былина

сильно сокращается, почти до схемы, сохранив, однако, в своей крайне простой форме лирические черты. Ср. у Григ., I, 52. Интересно, что при этом сокращении еще сильнее выделяются черты крестьянского обихода.

№ 211. Запись А. М. Астаховой и И. В. Карнауховой, 23 июня 1927 г., от Натальи Антоновны Заверниной, 61 г., д. Карпова Гора.

Вариант характерен для Карпогорья, где данная былина помнится уже слабо. Отметим приближение повествования к обыденной жизни: появление «баенки», роль бороны в схоронении следов убийства.

№ 223. Запись А. М. Астаховой, 8 июля 1927 г., от Матрены Федоровны Смоленской, 70 л., Карпогорский р., д. Лохново, околок Смоленец (близ Покшеньги).

Вариант интересен тем, что является повторной записью, произведенной от той же исполнительницы через 27 лет, см. Григ., I, 149. М. Ф. Смоленская принадлежит к сказителям с очень устойчивыми текстами. Таков и данный вариант, очень точно воспроизводящий первую запись. Выпал лишь второй вопрос Настасьи о матери и ответ отца, что она пошла к деду и бабушке (Григ., I, 149, стихи 27—38).

САДКО

Принадлежит к числу социально-бытовых былин, богата чертами новгородского исторического быта. Известна в вариантах (в общем количестве более 20) с Севера, Зап. и Вост. Сибири. Из северных районов не записана на Пинеге, Мезени и Поморском берегу.

К. Д., 26 (Кир., V, стр. 41); Кир., V, стр. 34; Рыбн., I, 54, 66 (Гильф., 146); II, 107, 124, 134 (Гильф., 70); Гильф., 2 (к.), 70, 146, 174; Григ., II, 24; Марк., 21, 95; Онч., 10, 55, 70 (отр.), 75, 90; Масл.-Богосл., I, стр. 87; Милл., 95.

См. параллельный мотив в украинской думе (Основа, 1862, август, стр. 21).

В сказочной обработке: Онч. Сказки, 90; ср. Смирнова. Сборник великорусских сказок. Вып. II, 280.

Новые записи произведены: 2 — на Печоре, 1929 г. (см. Б. С., I, 50, 94). 1 — на Пинеге, 1927 г. (проза), 3 — в Прионежье, 1926 г. (Сок.-Чич., 26, 91, 137) и 2 — на Зимнем берегу, 1934 и 1937 гг. (Крюк., II, 78).

В былине настолько четко отражена историческая обстановка старого Новгорода (заморская торговля, торговая конкуренция и пр.), что генетическая связь ее именно с Новгородом в эпоху наивысшего его расцвета не вызывает сомнения. Яркий национальный характер, богатое социальное содержание и поэтичность этой былины были в свое время особенно подчеркнуты Белинским. В былине четко отражены идея великой силы искус-

ства и мечты народа о материальном довольстве, счастливой и независимой жизни.

Из вариантов только в пудожском — певца Сорокина (Рыбн., II, 134 — более краткий, и Гильф., 70 — распространенный) разработаны все 3 эпизода: получение богатства Садко, состязание с Новгородом в богатстве, Садко у морского царя. В большинстве вариантов находим лишь второй и третий эпизоды, в варианте же Маркова (№ 21) с Терского берега — первый и третий. По обработке второго эпизода варианты распадаются на две группы. Одна сохранила старейшую развязку эпизода состязания с Новгородом — поражение Садко, воплотившее осознание неодолимой торговой мощи Новгорода. К этой группе относится большинство прионежских вариантов, к которым примыкают и беломорские. Вторая группа — печорская; с ней смыкается вариант Кириши Данилова. В печорских вариантах Садко товары выкупает. Таким образом, народный герой и во втором споре с Новгородом оказывается победителем. В печорских былинах сильно снижен исторический новгородский колорит и отчетливее выделяются позднейшие местные бытовые черты.

Приложение II, № 1. Запись А. И. Никифорова, июнь 1927 г., от Матрены Архиповны Титовой, 56 л., Карпогорский р., д. Гора (близ Суры).

Былины о Садко на Пинеге раньше записаны не были. Данный вариант — единственный, встретившийся в 1927 г. Представляет краткий пересказ всех трех эпизодов в плане варианта Сорокина из Прионежья (Рыбн., I, 134; Гильф., 70). Возможно, что былина занесена на Пинегу в лубочном издании. Непосредственный источник данного варианта не известен.

СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ

Былина-новелла, представляющая одну из обработок темы о премудром царе Соломоне. Район распространения — исключительно Север: Прионежье и Кенозеро, Пинега, Мезень, Печора и побережье Белого моря (Терский и Зимний берега). Варианты немногочисленны.

Рыбн., I, 94 (Милл., 97); II, 137, 183; Марк., 23, 83; Гринг., I, 92; III, 12, 23, 61, 68, 91; Онч., 27; Тих.-Милл., 66, 67; Милл., 96; Шахм., 5.

Сюжет встречается в сказочных обработках — Андр., 905. См., напр., И. А. Худяков. Великорусские сказки, I, М., 1860, 80; Чубинский. Труды этногр.-статист. экспед., стр. 106; Драгоманов. Малороссийские народные предания и рассказы, стр. 103; Сокол, стр. 203. См. также Афан., III, 315; Худяков, Великорусские сказки, I, М., 1860, 35, эпизод под виселицей, включенный в другой сюжет.

Публикации новых записей: Ив. Гер. Ряб.-Андр., 9; Студенч. зап., стр. 5; Леонт., 9; Парил.-Сойм., 61; Крюк., II, 81; см. также 80; Сож.-Чич., 27, 118, 128, 138, 146, 152, 208, 218, 235, 240, 260; Б. С., I, 83.

Наиболее богато и поэтично разработан сюжет в прионежских вариантах. Более развернуто, напр., описание кораблей, подарков, угощения и пр. В пинежско-мезенских и печорских вариантах оно более кратко. Более обыденно изображена «сила» царя Соломана. Иногда это просто 25 товарищей-богатырей, в то время как в некоторых онежских — крылатые люди-кони. Соломанида прячет Соломана не в ларец, а под перину (только в одном мезенском варианте — № 23 — фигурирует «ящик»). Печорский (Онч., 27), примыкая к мезенским, имеет особую развязку: жену Соломан не вешает, казнит ее иначе; опаивание зельем отсутствует; нет эпизода оценки товаров. У Марк., 23, Соломана выручают Добрыня и Алеша, в № 83 — просто дружина. В нем также рог заменяется гуслями. Прятание в сундук сохраняется в обоих. В общем, больших отступлений от прионежских северо-восточные варианты не содержат, но в них явственны черты более поздних обработок.

№ 103. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 10 января 1932 г., от Егора Борисовича Сурикова, 63 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Конда.

Публикуемый текст относится к тому типу обработок данной былины, который представлен вариантом Степана Григорьевича Рябинина (Тих.-Милл., 66) и вариантом Юховой из Кижей (Рыбн., I, 94). От матери Егора Борисовича, Домны Суриковой, данная былина записана не была.

В краткой заметке об исполнительнице Гильфердинг указывает, что она «также пела стих про царя Соломона, известный по изданию г. Рыбникова». Но мы не знаем, имелась ли здесь в виду былина о Соломане и Василии Окуловиче или былина-сказка о Соломоне и купце темном (Рыбн., I, 39 и 40). К былинне С. Г. Рябинина вариант Сурикова близок и композиционно и, в отдельных местах, текстуально. Ср., напр., стихи 44—45 у Сурикова и 54—55 у Рябинина; 51 у Сур. и 63 у Ряб.; 94—96 и 106—109, 101—102 и 117—118; 113—115 и 139—140; 134—135 и 164—165; 174—178 и 209—215 и т. д. Фактические разночтения наблюдаются в изображении приезда Ивашки к Соломану (ср. стихи 76—89 данного варианта и стихи 80—89 у Рябинина), в отсутствии в нашем тексте просьба Соломана о милостыне в рассказе о его приезде, в эпизоде приготовления петелек из пояса самой царицы и в некоторых других местах. Но в общем различия незначительны. Иногда одни и те же детали использованы несколько по-иному. Так, у Рябинина царица просит Василия Окуловича, чтобы он казнил Соломана «не по-царскому, а по-холопьюму» (т. е. чтобы не вешал, а срубил голову; стихи 203—205), а в нашем тексте сам Соломан просит Василия: «Не казни Соломана по-холопьюму, а казни Соломана по-царскому, чтобы было слышно по всем землям...» (стихи 179—181) (ср. с другими вариантами). Отметим еще внесение сказочной формулы: «Скоро скажетца, да тихо деетца» (стихи 75 и 126).

Изображение пира в начале былины и обращение Василия Окуловича к боярам восходит к тексту былины Домны Суриковой «Дунай» (Гильф., 139).

№ 112. Запись Н. Котляровой, 1 августа 1931 г., от Настасьи Степановны Богдановой, 71 г., Заонежский р., Сенная Губа, д. Зиновьево.

Текст по своей композиции относится к кижскому типу обработок, но в деталях и словесном оформлении отличается своеобразием. Тщательно разработаны диалоги с тонким оттенением психологических и реально-бытовых моментов. См., напр., стихи 57—73 (гнев Василия Окуловича на Ивашку), 145—156 (приглашение царицы на корабль) и 245—331 (Соломан у Василия Окуловича). Последняя из указанных частей особенно своеобразна: весь эпизод приезда Соломана, его свидания с женой, прятания в ларец и выдачи Василию Окуловичу передан исключительно диалогами. Некоторые места отличаются большой выразительностью, напр. просьба милостыни и ответ царицы. Резко врываются в обычный былинный словарь новые лексические элементы: «стремянка», «паспорт» и др. Необычны географические приурочивания действия: Новгород, море «Балтынское». Традиционное имя героя, Василий, заменено Иваном. Образ невесты — достойной супруги повторяет образ, данный Н. С. Богдановой в быльме «Дунай». Концу былины разработан под влиянием былинных описаний расправы с неверными женами и невестами («Иван Годинович», «Добрыня и Маринка»). См. также печорские варианты: Онч., 27, и Б. С., I, 83. Но, введя этот конец, исполнительница дала оправдание трем традиционным петелькам: Ивашку вешают в две петли.

В тексте Н. С. Богдановой отчетливо выступают черты сказочного стиля.

№ 144. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 23 января 1932 г., от Анны Тимофеевны Тихоновой, 60 л., Заонежский р., д. Киж.

Текст, как и суриковский, сохраняет основные черты заонежского типа и восходит к варианту Степана Григорьевича Рябинина из д. Середка (Тих.-Милл., 66). Но вариант Тихоновой более краток (у Рябинина 302 стиха, у Тихоновой всего 170). Самые значительные сокращения: 1) пропуск всего рассказа о том, как Соломан собирает «силу» (у Рябинина стихи 166—179); 2) сокращение эпизода игры в турий рог: у Тихоновой Соломан трубит всего один раз, и весь эпизод сокращается до 11 стихов (у Рябинина 33 стиха); 3) отсутствие просьбы царицы о прощении (дан только самый ответ Соломана). По словесному оформлению есть отдельные текстуальные совпадения. Ср., напр., стихи 25—29 данного варианта и стихи 48—53 у Рябинина, 62—64 и 113—166, 70—73 и 124—127, 91—94 и 209—215, 147—152 и 245—251. Относительно некоторых других мест наблюдаются аналогии в варианте из д. Оятевица

(Ист.-Д., 10; Милл., 97). Ср., напр., стихи 55—58 публикуемого варианта и стихи 51—54 Ист.-Д., 18—20 и 76—78.

СТАВР ГОДИНОВИЧ

В силу своей увлекательной фабулы эта былина-новелла получила большое распространение среди северного крестьянства и сохранила свою популярность в некоторых районах до настоящего времени. Но кроме Прионежья, откуда мы имеем в больших собраниях 15 вариантов, известны лишь 4 варианта из Сибири, один с Печоры и один, незаконченный и искаженный, из Владимирской губ. Других следов этой былины в южной и средней России нет, что вместе с общим характером былины привело Вс. Миллера к утверждению о новгородском ее происхождении. В мезенских записях Григорьева мотивы «Ставра» имеются в одном испорченном варианте о Дюке Степановиче. Старейшие записи былины относятся к половине XVII в. и к первой четверти XVIII в. (см.: Изв. ОРЯС, 1911, стр. 1, и прозаический пересказ из рукописного сборника Ф. И. Буслаева: Тих.-Милл., I, стр. 54).

К. Д., 14 (Кир., IV, стр. 59); Рыбн., I, 14, 30 (Гильф., 151), 75; II, 133, 167, 171; Гильф., 7, 16, 21, 109, 124, 140, 151, 169; Тих.-Милл., I, стр. 54; II, 56—59; Шахм., 2; Онч., 23; Милл., 87, 88; Григ., III, 34 (к.). Сюжет встречается и в сказочном оформлении (Андр., 880).

В годы последних записей в Онежском крае это одна из самых распространенных былин (записано более 20 вариантов). Опубликовано: Ряб.-Андр., 6; Парил.-Сойм., 11, 36, 46, 63, 65; Конашк., 14; Сок.-Чич., 23, 43, 72, 90, 110, 135, 166, 173, 191. Один вариант записан на Мезени (Б. С., I, 35).

Прионежские варианты представляют особую группу, отличающуюся от сибирских: в них видны сильные следы позднейшей скоморошья обработки. Эта обработка изменила роль жены Ставра, которая приезжает в Киев уже не в виде грозного посла, требующего дани, а в качестве жениха племянницы или дочери князя. Внесены также, в дополнение к испытанию посла стрельбой из лука и борьбой, еще испытание баней и постелью. Из сибирских только в вариант Тупицына из Барнаула (Милл., 56; Гуляев, 6), возможно, уже под влиянием онежской традиции, включено испытание баней.

Следует отметить еще в прионежских вариантах более выпуклое изображение конечного посрамления князя — насмешки жены Ставра над негодливостью князя, унижение князя в обычной для Прионежья формуле: «Тут солнышку Владимиру к стыду пришло» и т. п. В то время как в сибирских вариантах введена роль слуг Владимира, доносящих о похвале Ставра «за очи», в прионежских почти всегда инициатива заточения принадлежит самому князю. Этот социальный момент особенно способствовал сохранению данной былины.

Кроме публикуемых, в Рукоп. хранил. Сект. фольклора ИРЛИ имеются 2 варианта из Заонежья, записанные М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной летом 1932 г. в д. Космозеро от Ильи Ивановича Злобина, 68 л., и в д. Харлово от Натальи Кулатовой, 26 л. Оба варианта не закончены и дефектны.

№ 136. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 31 декабря 1931 г., от Петра Ивановича Рябинина-Андреева 27 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Гарницы.

По словам самого сказителя, эту былинку он пел в первый раз. Усвоил же он ее от отца. По наблюдениям собирательниц, текст все же знал твердо. Во время исполнения только один раз остановился, вспоминая дальнейшее содержание. К сожалению, мы не имеем записей этой былины ни от отца исполнителя, ни от его деда, Ивана Трофимовича Рябинина. И лишь от прадеда, Трофима Григорьевича, имеется один вариант этой былины в записи Рыбникова; Гильфердинг почему-то этой былины не записал и во вступительной заметке к былинам Т. Г. Рябинина о ней даже не упоминает. Вариант, записанный Рыбниковым, является сильно сокращенным и скомканным, с явными пропусками, которые были отмечены собирателем во время самого исполнения (Рыбн., I, стр. 93).

Сопоставление обоих текстов — Трофима Григорьевича и Петра Ивановича — не дает возможности предполагать развитие второго варианта на основе первого. Несомненно, первый явился уже результатом забывания и разложения. Не зная источника, к которому восходит печатаемый вариант, мы не можем говорить и о личных творческих моментах, привнесенных исполнителем.

Отметим главное отличие публикуемого варианта от других: Василиса Микулична является к Владимиру в качестве «грозного посла» от «собаки царя Калина», но не за «данями-выходами», как в сибирских вариантах, а с требованием сдать ему город Киев. Но это требование и дальнейшее сожаление князя, что нет Ильи Муромца, который «постоял бы за церкви божии», «защищал бы он меня, князя Владимира, со своей Апраксией-королевичной», указывают не на след древнейших редакций былины (Василиса в качестве грозного посла, требующего уплаты дани), а на воздействие былин о нашествии на Киев Калина (см. былинку П. И. Рябинина, № 132).

В отличие от варианта Горшкова (№ 159), где также объединяются оба мотива приезда Василисы — требование дани и сватовство, — но где переходы от первого ко второму логически оправданы, здесь мы наблюдаем чисто механический переход к мотиву сватовства. Это и заставляет нас видеть в эпизоде требования сдать Киев позднейшую вставку.

В остальном печатаемый вариант развивается в духе прионежской традиции с ироническим изображением князя Владимира.

Стихи «Вместе грамоты мы со Ставром училися» являются следом обычных в прежних вариантах намеков Василисы на любовную связь ее со Ставром. Во всех известных нам новых записях былины этот характерный для прежних обработок момент отсутствует.

№ 151. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, 24 января 1936 г., от Агриппины Федоровны Трухавой, 53 л., Заонежский р., Кижы, д. Липовицы.

Былина в основном не отступает от прионежской традиции: жена Ставра едет в качестве жениха племянницы Владимира, невеста догадывается о том, что приехавший жених — женщина. Но вариант сильно сокращает повествование, комкая в особенности вторую половину былины: из испытания посла сохранен лишь эпизод борьбы.

№ 159. Запись А. М. Астаховой и И. В. Карнауховой, 23 июня 1926 г., от Петра Григорьевича Горшкова, 50 л., Заонежский р., Космозеро, д. Демидово.

Вариант интересен тем, что соединяет оба мотива приезда мнимого посла к Владимиру: за данью — мотив сибирских вариантов — и с целью сватовства, характерный для прионежских. В дальнейшем разворачивании сюжета центральным становится последний мотив, в согласии с прионежской традицией. В варианте Горшкова можно предполагать переходную ступень от одной редакции к другой: очевидно, при позднейшей переработке старейший мотив сперва не был заменен мотивом сватовства, а лишь осложнен им, а затем уж отпал. Характерно, что ко всем способам испытания посла, свойственным прионежским вариантам, текст Горшкова присоединяет еще игру «в шашки-шахматы» — традиционный эпизод, связанный с мотивом требования дани.

Данная былина Горшкова, подобно другим его текстам, представляет отход от классического былинного стиля (см. вступительный очерк о Горшкове и мою статью «Былина в Заонежье», Крестьянское искусство в СССР, вып. 1, 1927, стр. 99).

Сильно сокращен конец. Обычное разрешение посрамленным Владимиром беспощадной торговли заменяются неизвестной «наградушкой».

№ 161. Запись А. М. Астаховой, 29 июня 1926 г., от Магвоя Егоровича Самылина, 47 л., Заонежский р., Космозеро, д. Демидово.

Текст показателен для процесса забывания былины. Мы видим пестрый нестройный рассказ, в котором одни места переданы сокращенно, другие развернуты, в прозу вплетены отдельные былинные стихи. Былину исполнитель начал петь (на напев, которым исполнял былинку о Ставре Горшков), затем перешел на сказ.

В содержании следует отметить особую версию эпизода испытания баней (переодевание героини служой) и изображение пляски Василисы;

в стиле — употребление не свойственных былине терминов, напр. «обмундирование» и др.

№ 166. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 4 июля 1932 г., от Ильи Григорьевича Чванова, 63 л., Заонежский р., д. Пайницы.

Вариант обнаруживает характерное для данного исполнителя свободное отношение к традиционной композиции: совершенно опущен эпизод испытания посла, который в прионежской традиции занимает центральное место; в соответствии с особым вниманием Чванова к социальным моментам (см. комментарии к № 165, стр. 750) включен в былинку мотив социального неравенства как препятствия к браку (см. аналогичный случай в былине «Добрыня и Змей», Гильф., 5)

ТЕЩА В ПЛЕНУ У ЗЯТЯ

Песня эпохи татарщины, отразившая одно из характерных военно-бытовых явлений этой эпохи. В XIX в. была распространена повсеместно.

М. Ю. Лермонтов. Полное собр. соч., Academia, т. I, М., 1936, стр. 469—470; Кир., VII, стр. 56—62, прилож., стр. 189—213; Русск. нар. песни, собр. в Саратовской губ. А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым (Летописи русской литературы и древности, т. IV, 1862), стр. 47; П. И. Якушкин, Сочинения, СПб., 1884, стр. 533—534; Соколов. Былины, ист. песни и пр., № 6; Григ. I, 150; Марк., 57; Добровольский, стр. 105—106; Чернышев, 68; Крюк., II, 98.

Возникшая в эпоху татарщины песня впоследствии, в ряде своих вариантов, включила и отклики на более поздние отношения с турками. Широкое распространение песни обусловлено патриотическими мотивами и драматизмом содержания.

Одна из самых ранних записей песни (начинающаяся словами «Что в поле за пыль пылит») принадлежит М. Ю. Лермонтову, который предполагал включить ее в задуманную им поэму «Мстислав Черный» как песню, выражавшую патриотические чувства русского народа (см. план поэмы, раздел 8). Некоторые исследователи творчества Лермонтова ошибочно принимали эту запись за художественную стилизацию поэта и помещали ее среди ранних его стихотворений.

№ 224. Запись А. М. Астаховой 8 июля 1927 г. от Матрены Федоровны Смоленской, 70 л., Карпогорский р., д. Лохново, околос Смоленец.

Публикуемый текст представляет повторную (через 27 лет) запись песни от той же сказительницы (ср. Григ., I, 150). Как и другие варианты М. Ф. Смоленской, текст данной песни оказался исключительно устойчивым. Принадлежит к вариантам, соединившим с более ранней исторической основой позднейшие исторические переживания, связанные с турецкими похо-

дами. Упоминание о Петре I в данном тексте тоже довольно часто встречается в вариантах песни.

Напев XXII. Запись на фонограф Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд 9 июля 1927 г.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЫЕЗД ПЕТРА I

Довольно редкая историческая песня. Известна в немногих северных записях.

Григ. I, 154, 159, 169, 169а.

Песня интересна выражением положительного отношения народа к Петру I, изображением его величия, силы и щедрости.

Как и песня о Долгоруком (№ 210), она в конце XIX в. и в начале XX в. была прикреплена к свадебному обряду, к его наиболее торжественным моментам (приезд жениха за невестой, возвращение молодых от венца — см. Григ. I, стр. 142, 471, 481).

№ 214. Запись А. М. Астаховой 29 июня 1927 г. от Александра Прохоровича Вехорева, 59 л., Карпогорский р., д. Шотова Гора.

Сопоставление варианта А. П. Вехорева с записями 1900 г. А. Д. Григорьева в тех же местах (д. Шотова Гора и д. Карпова Гора) показывает большую устойчивость текста данной песни.

Напевы XVII и XVIII. Запись на фонограф Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд в июле 1927 г.

ЧУРИЛА И НЕВЕРНАЯ ЖЕНА

Былина-новелла о Чуриле и неверной жене вследствие занимательности фабулы, поэтических описаний и живого диалога получила широкое распространение во многих северных районах. Более 30 вариантов известны из б. Олонецкого края, с Пинеги, Мезени, Печоры, Зимнего и Терского берегов Белого моря. На Севере она сохранила свою популярность до настоящего времени. Особенно любима женщинами-сказительницами. Найдена также в Зап. Сибири. Из средней России и Поволжья вариантов былины нет, но сюжет встречается в песенных обработках, из которых иные близки к былине не только в основных линиях композиции, но и в отдельных деталях (имя героини, содержание диалога между мужем и неверной женой).

Кир., IV, стр. 87; Рыбн., I, 84, 90; II, 162 (Гильф., 67), 130 (Гильф., 224), 201, 204; Гильф., 8, 27 (к.), 35, 67, 110, 189, 224, 242, 268, 309; Агр.-Слав., стр. 135; Шахм., 1, 8; Марк., 19, 87, 103; Григ., I, 45; II, 25, 56; III, 7, 13; Онч., 25, 69; Марк.-Богосл., I, стр. 80, Тих.-Милл., 45—48; Милл., 81—84. См. также К. Д., 17 (Кир., IV, стр. 78) — конец.

Песенные обработки. Соб., VII, 172—182; Чернышев, 33 и 34.

Новые записи в количестве более 25 вариантов имеются из Прионежья, с Мезени и Печоры. Публикации: Ряб.-Андр., 8; Парил.-Сойм., 1 (к.), 27, 49; Конашк., 17; Крюк., 1, 58; Сок.-Чич., 22, 51, 52, 89, 117, 129, 151, 165, 205, 217, 234; Б. С., 1, 6, 16, 55, 75, 97.

Сюжет, построенный на психологической и бытовой теме, давал простор для многообразных вариаций отдельных эпизодов. Поэтому, а также в силу распространенности былины, имеется много вариантов, отличающихся своеобразием. Все же можно наметить несколько групп обработок, характеризующихся отдельными устойчивыми деталями. Напр., только онежские варианты включают эпизод игры в шашки. Присутствие вещей Чурилы Катерина объясняет тем, что он поменялся ими с ее братом. Повенецко-выгозерская группа вводит эпизод прятания любовника в ларь — эпизод, занесенный, очевидно, из былины о Соломане, где он органичен. Близки друг к другу по композиции и отдельным деталям варианты восточной части 6. Олонецкого края — Кенозера; к ним примыкают варианты с Моши и Онсги. Но развязка в них варьируется. В некоторых изображено самоубийство Катерины после гибели ее любовника. Вообще различная степень сочувствия героям или их осуждения влияет на развязку и на заключительный образ Катерины, который порой возвышается до апофеоза любви и страсти, преодолевающей страх смерти. Но образ самого Чурилы, женского обольстителя, почти всегда осужден иронически. Мезенские варианты представляют две редакции: одна — сильно укороченная, с полным исключением диалога между мужем и женой, в другой — уход мужа к обеду заменяется отъездом на охоту. В печорских вариантах фабула наиболее проста: нет описания внешности Чурилы, зазывания его героиней, игры в шашки, угощения. Присутствие вещей Чурилы Катерина мотивирует покупкой их для мужа. Вводятся такие местные бытовые детали, как «спичик», «барановы перчатки». Особую группу составляют варианты Зимнего берега (к ним близок и единственный пинежский). В них вводится роль Алеши Поповича, который и доносит об измене (может быть, под воздействием былины об Алеше и братьях Сбродовичах и вообще позднейшей разработки былинной характеристики Алеши). Особняком стоит вариант Терского берега, вводящий сюжет в киевский цикл и совершенно его трансформирующий (Чурила — сам обманутый муж; после убийства любовников Илья Муромец находит ему невесту, и Чурила обретает в ней верную жену. Развязка в пределах всех областных групп варьируется, то смягчая, то усиливая трагизм конца.

Новые тексты интересны тем, что преимущественно записаны в местах, откуда раньше вариантов этой былины не было: в северной части Шуньгского полуострова, в верховьях Мезени и на нижней Печоре.

Кроме публикуемых, в Рукоп. хранил. Сектора фолькл. ИРЛИ имеются следующие записи, произведенные экспедициями 1926 и 1932 гг. в Прионежье: запись 1926 г. А. М. Астаховой, от Дмитрия Васильевича Белоусова, 62 л., Заонежский р., д. Падмозеро (начальный отрывок —

развернутое описание Чурилы) — колл. II, папка 1, № 30; записи 1932 г. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, от Якова Андреевича Сысоева, 41 г., Заонежский р., Сенная Губа, д. Обозеро (обычный заонежский тип, текст исполнитель знал не вполне твердо) — колл. XXVI; от Анны Тимофеевны Тихоновой, 60 л., Заонежский р., Кижы, д. Боярщина (начальный отрывок) — колл. XXVI; от Анны Андреевны Пальчиковой, 70 л., Медвежьегорский р., Пудожская Гора, д. Ульяновская (незаконченный вариант) — колл. XXVII.

№ 105. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 10 января 1932 г., от Кузьмы Дмитриевича Андрианова, 57 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Конда.

Публикуемый текст восходит к той же редакции, что и былаина Н. С. Богдановой (№ 111), но, как и все тексты Андрианова, дает сильно сокращенный пересказ. Из первой части исключены многие традиционные для былины детали: описание самого Чурилы, размещение вещей и одежды; сокращен диалог Чурилы и служанки. Но последовательно проведено контрастное изображение встреч любовника и мужа (стихи 4—8 и 20—24). Вторая часть — возвращение мужа и расправа с Чурилой — передана крайне схематично. Как момент индивидуального творчества, интересен своим реализмом вопрос жены мужу, застигнутому ее врасплох: «Где ходил ты, шлялся?» Характер расправы с Чурилой необычен.

№ 111. Запись Н. Котляровой, 29 июля 1931 г., от Настасьи Степановны Богдановой, 71 г., Заонежский р., Сенная Губа, д. Зиновьево.

Былина эта была записана от той же исполнительницы в 1901 г. Шайжиным (Шайж., стр. 157; перепечатана у Милл., 84). Как и былаина о Добрыне и Алеше, обнаруживает большую устойчивость текста. Изменения состоят исключительно из перестановки эпизодов и отдельных описательных деталей, из иной фразировки некоторых мест и из незначительных вставок и пропусков. Общий размер былины сохраняется (131 стих, у Шайжина 135 стихов). Варианты Н. С. Богдановой являются из книжских вариантов наиболее полными и художественными обработками данного сюжета. Заметна склонность к выделению психологических моментов: обещания Чурилы и гнев Катерины. Ср. с соответствующими местами былин Гильфердинга (№№ 8 и 27), а также ср. с применением мотива избияния служанки в варианте Гильф., 35.

Напев VI. Запись на фонограф Е. В. Гиппиуса 20 сентября 1927 г. в Ленинграде.

№ 137. Запись М. Б. Каминской, 23 августа 1931 г., от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, 27 л., Заонежский р., Сенная Губа, д. Гарницы.

Былину Рябинин перенял от Настасьи Степановны Богдановой во время совместной поездки с нею в Москву в 1927 г. Сравнение показывает, что при стремлении к точному воспроизведению текста

Богдановой Рябинин пропускает многие описательные места. В начальном изображении Катерины выпускается деталь о «приубранных» волосах, которая в варианте № 111 контрастирует с образом Катерины, застигнутой мужем врасплох (стихи 88—89). Последнего образа у Рябинина тоже нет, (ср. контрастное изображение «двух встреч» у Андрианова: Б. С., II, 105, стихи 4—8, 20—24). Опущено описание самого Чурилы (стихи 12—15). Отсутствуют обещания Чурилы подарков и замужества, вследствие чего непонятны слова Катерины: «А тебе-де мой Чурила не достанитца». Чудесный образ «Не скаченная тут жемчужина скатилася, а у Чурилушки головка покатилася» заменен прозаическим «Покатилась голова Чурилушкина». Вообще весь вариант менее поэтичен. В последний диалог, в перечисление чурилиных вещей вводится еще «плеточка», встречающаяся в других вариантах былины.

П. И. Рябинину не удалось перенять от Н. С. Богдановой напев этой былины, и он исполнял ее на мелодию, сложенную на мотивы «Яблочка» и песни «Проводы».

№ 167. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 3 июня 1932 г., от Натальи Ильиничны Морозовой, 73 л., Заонежский р., Пайницы, д. Коровниково.

Печатаемый вариант восходит к той же редакции, что и варианты №№ 170 и 171. См. примеч. к № 170. Смутное воспоминание об убийстве служанки использовано в конце с неожиданной мотивировкой, которая изменяет развязку: Катерине удалось провести мужа.

В остальном — отличия незначительные и главным образом относятся к словесным редакциям отдельных мотивов и эпизодов.

№ 170. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 24 июня 1932 г., от Натальи Кулатовой, 26 л., Заонежский р., Фоймгуба, д. Харлово.

Относится к той редакции сюжета о смерти Чурилы, которая была зафиксирована Гильфердингом в вариантах из Повенца и Выгозера (№№ 8, 27 и 189). Главное ее отличие от кенозерских, пудожских и кижских — это эпизод прятания Чурилы в ларце и убийство мужем девушки и себя. Кроме того, есть ряд деталей, встречающихся только в этих вариантах, напр. ухаживание Катерины за конем Чурилы. Некоторые места совпадают в точности: см., напр., возражение Катерины против обещаний Чурилы — в данном варианте и в записях Гильфердинга (№№ 8 и 189) по сравнению с соответствующим местом текста Богдановой (№ 111).

Печатаемый вариант отличается от указанной повенецко-выгозерской редакции концом: нет убийства девушки и самоубийства мужа. Обычные слова мужа, обращенные к служанке перед ее убийством, произносит Катерина.

№ 171. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной, 23 июля 1932 г., от Евгении Ивановны Мосеевой, 28 л., Заонежский р., Фоймгуба, д. Харлово.

Как и вариант Кулатовой, интересен тем, что показывает распространение повенецкой редакции к югу — на Шуньгский полуостров. От варианта Кулатовой (№ 170) отличается опущением игры в шахматы и заменой ларца погребом. Обычный конец повенецкого типа сохранен в этом варианте лучше (нет только самоубийства). Остальные отличия касаются изменений в словесной редакции одних и тех же эпизодов.

Приложение I, № 8. Запись на фонограф С. И. Бернштейна, 1927 г., от Петра Ивановича Рябинина в Ленинграде. Расшифровка текста А. М. Астаховой.

Вариант отличается от более поздней записи 1932 г. (№ 137) несколько иной последовательностью деталей, сохранением диалога между Чурилой и служанкой и поэтического образа смерти (стихи 90—92). В ряде деталей он ближе к своему источнику — к былинке Н. С. Богдановой (№ 111).

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ

- Агр.-Слав. — О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы. Ч. 3, 1889.
- Андр. — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов. Изд. Русского Географического общества, Л., 1929.
- Афан. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Под ред. М. К. Азодовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. I—III, Гослитиздат, 1936—1940.
- Барсов. Памятники. — Е. В. Барсов. Памятники народного творчества в Олонецкой губ. Зап. РГО по отд. этнографии, т. III, СПб., 1873.
- Б. С. — Былины Севера, т. I, Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой, М.—Л., 1938; т. II, Прионежье, Пинега, Поморье (данная книга).
- Васнецов. — Васнецов. Песни северо-восточной России. М., 1894.
- Гильф. — Онежские былины, зап. А. Ф. Гильфердингом. СПб., 1873; изд. 2, т. I, 1894; т. II, 1896; т. III, 1900; изд. 3, т. II, 1938; т. III, 1940; изд. 4, тт. I—III, 1949—1951.
- Григ. — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I, М., 1904; т. III, М., 1910; т. II, Прага, 1939.
- Гуляев. — Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступит. статья и комментарии М. К. Азодовского, Новосибирск, 1939.
- Добровольский. — В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник. М., 1903 (Зап. РГО по отд. этнографии, т. XXVII).
- Ист.-Д. — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш, СПб., 1894.
- Ист.-Ляп. — Песни русского народа, собранные в Вологодской, Вятской и Костромской губерниях в 1893 г. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.
- К. Д. — Кирша Данилов. Сборник Кирши Данилова. Изд. Публичной библиотеки, под ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901.

- Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X, М., 1860—1874.
- Кир. Нов. сер. — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. II, ч. 1 и 2. (Песни необрядовые), М., 1929.
- Конашк. — Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линецкого. Под ред. А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1948.
- Кривопол. — М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Ред., вступ. статья и примеч. А. А. Морозова. Архангельск, 1950.
- Крюк. — Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородин и Р. Липец. Ред. акад. Ю. М. Соколова, т. I, М., 1939; т. II, М., 1941.
- Леонт. — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисловие, редакция и примечания В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- Листоп. — А. М. Листопадов. Донские былины, Ростов-на-Дону, 1945.
- Макар. — А. А. Макаренко. Сибирские песенные старины. (Жив. Стар., 1907, вып. II, отд. II).
- Марк. — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.
- Марк.-Богосл. — Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Тр. Муз.-этн. ком., т. I, М., 1905; т. II, М., 1911.
- Вс. Миллер. Очерки, I. — Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897.
- Милл. — Былины новой и недавней записи из разных местностей России, под ред. В. Ф. Миллера, М., 1908.
- Милл. Ист. песни. — Вс. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Сб. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. X, 1915.
- Милл. Ист. песни из Сибири. — Вс. Миллер. Исторические песни из Сибири (Изв. ОРЯ и СЛ., 1904, IX, I).
- Мякутин. — А. И. Мякутин. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1905.
- Мякушин. — Н. Г. Мякушин. Сборник уральских и казачьих песен. 1890.
- Озар. — О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. «Огни», П., 1916.
- Онч. — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Онч. Сказки. — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. М., 1908.
- Парил.-Сойм. — Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисл. и ред. А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1941.
- Пивоваров. — Пивоваров. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1895.
- Путил. — Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова, Грозный, 1946.
- Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ. — Рукописное хранилище Сектора фольклора Института русской литературы Академии Наук СССР.
- Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2, М., 1909—1910.
- Ив. Гер. Ряб.-Андр. — Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Подготовка текстов и примечания А. М. Астаховой. Статьи

- А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948.
- Ряб.-Андр. — Былины П. И. Рябинина-Андреева. Подготовка текстов, статьи и примечания В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.
- Сав. — А. А. Савельев. Былинный эпос в Приангарском крае. Изв. Средне-Сиб. РГО, т. III, вып. 3, Красноярск, 1928.
- Соб. — А. И. Соболевский. Великоорусские народные песни, т. I, 1895; т. VII, 1902.
- Соколов. Былины, ист. песни и пр. — М. Е. Соколов. Былины, исторические песни, разбойничьи и воровские Саратовской губ. Петровск, 1896.
- Сокол. — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
- Сок.-Чич. — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948.
- Студенч. зап. — Студенческие записки филологического факультета Ленинградского Государственного университета, Л., 1937.
- Тих.-Милл. — Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.
- Чекан. — И. А. Чеканинский. Енисейские старины и исторические песни (Этногр. обозр., 1915, № 1—2).
- Чернышев. — В. И. Чернышев. Русская баллада. Сов. писатель, 1936.
- Чулк. — М. Д. Чулков. Собрание разных песен. Изд. Акад. Наук, 1913.
- Шайж. — Н. Шайжин. Олонецкий фольклор. Петрозаводск, 1906.
- Шахм. — Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Подготовка текстов, статьи и примечания А. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан, предисл. М. Азадовского, Петрозаводск, 1948.
- Шейн. Чтения. — Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Чтения в Моск. общ. истории и древн. рос., кн. 3, 1877.
- Шейн. Великоорусс. — П. В. Шейн. Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т. д. СПб., вып. I, 1898; вып. II, 1900.
-

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК БЫЛИННЫХ СЮЖЕТОВ ТОМА II¹

- Алеша Попович и Тугарин. Пр., № 125; Пн, №№ 198, 212.
Братья-разбойники и сестра. Пр., №№ 117, 119, 126, 139, 145, 174, 177; Пм, № 229.
Василий Буслаев. Пр., №№ 102, 115, Прилож. I, № 4.
Василий Игнатьев. Пр., № 181.
Василий и Софья. Пр., №№ 118, 120, 127, 146, 176.
Вольга и Микула. Пр., №№ 130, 130а, 140, 154, 187, Прилож. I, № 1.
Гришка Отрепьев. Пр., №№ 108, 143, Прилож. I, № 6.
Дмитрий и Домна. Пн, №№ 199, 203, 206, 222; Пм, №№ 225, 231.
Добрыня и Алеша. Пр., №№ 101, 104, 109, 109а, 129, 134, 163, 168, 172, 178, 179, 180, 184.
Добрыня и Василий Казимиров. Пр., № 134.
Добрыня и змей. Пр., №№ 133, 148.
Добрыня и Маринка. Пр., №№ 113, 186.
Дунай. Пр., №№ 106, 110, 158, 164, 185, Прилож. I, № 3.
Дунай и королевна. Пм, № 230.
Дюк Степанович. Пр., №№ 142, 149, 175, 182.
Жалобы солдат Петру I на князя Долгорукого. Пн, № 210.
Иван Грозный и сын. Пр., №№ 153, 160, Прилож. I, № 5.
Илья Муромец (сводная былина). Пр., №№ 157, 165; Пм, Прилож. III, № 1.
Илья Муромец и Идолище. Пр., № 124.
Илья Муромец и Калин-царь. Пр., №№ 100, 123, 132.
Илья Муромец и разбойники. Пн, №№ 208, 216; Пм, №№ 227, 232.
Илья Муромец и Соловей-разбойник. Пр., №№ 122, 131, 141, Прилож. I, № 2; Пн, № 192.
Исцеление Ильи Муромца. Пн, №№ 194, 201.
Кавань-город. Пр., № 169.

¹ Перед номерами вариантов помещены условные обозначения местностей: Пр. — Прионежье, Пн — Пинега, Пм — Поморье.

Князь, княгиня, старицы. Пр., № 173; Пм. №№ 226, 228.
Козарин. Пн, №№ 202, 221.
Королевици из Крякова. Пр., № 135, Прилож. I, № 7.
Кострюк. Пр., №№ 107, 116, 183; Пн, №№ 209, 213, 217.
Ловля филина. Пн, №№ 200, 218.
Мать князя Михайлы губит его жену. Пн, №№ 190, 195, 197, 204, 219.
Михайло Потык. Пр., № 150.
Молодец и казна монастырская. Пн, № 191.
Молодец и худая жена. Пр., №№ 114, 138, 162, Прилож. I, № 9.
Наезд литовцев. Пр., № 152.
Насильственное пострижение. Пр., №№ 121, 128, 147, 156.
Небылица. Пн, №№ 215, 220.
Пародия. Пр., № 188.
Птицы на море. Пр., № 155.
Роман и его дочь Настасья. Пн, №№ 189, 193, 196, 205, 207, 211, 223.
Садко. Пн, Прилож. II, № 1.
Соломан и Василий Окулович. Пр., №№ 103, 112, 144.
Ставр Гоудинович. Пр., №№ 136, 151, 159, 161, 166.
Теща в плену у зятя. Пн, № 224.
Торжественный выезд Петра I. Пн, № 214.
Чурила и неверная жена. Пр., №№ 105, 111, 137, 167, 170, 171, Прилож. I, № 8.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ПРИОНЕЖЬЯ, ПИНЕГИ И ПОМОРЬЯ

- Амосов Василий Васильевич, 72 л., №№ 122, 123, 124.
Андрианов Кузьма Дмитриевич, 57 л., №№ 104, 105, 106, 107, 108.
Антропова Ольга Алексеевна, 95 л., № 175.
Богданова Настасья Степановна, 65 и 72 л., №№ 109, 109а, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118.
Вехорев Александр Прохорович, 59 л., №№ 212, 213, 214.
Вехорев Александр Никитишна, 55 л., № 215.
Горшков Петр Григорьевич, 50 л., №№ 157, 158, 159, 160.
Грибанов Федор Дмитриевич, 85 л., № 179.
Губина Агафья Пафнутьевна, 67 л., № 200.
Денисов Афанасий Матвеевич, 60 л., №№ 187, 188.
Дорофеева Евфросинья Аббаковна, 63 л., №№ 196, 197, 198.
Дьячкова Настасья Алексеевна, 26 л., № 199.
Егорова Авдотья Дмитриевна, 23 л., № 177.
Ершкова Оксинья Дмитриевна, 21 г., № 199.
Завернина Наталья Антоновна, 61 г., № 211.
Зиновьева Наталья Тимофеевна, 45 л., №№ 119, 120, 121.
Касьянов Иван Иванович, 61 г., № 154.
Кокорин Василий, 81 г., №№ 201, 202.
Коренная Пелагея Никифоровна, 64 г., №№ 155, 156.
Корешкова Анна Николаевна, 42 л., № 184.
Кудров Кузьма Семенович, 83 л., №№ 152, 153.
Кузнецова Васса Алексеевна, 28 л., №№ 203, 204.
Кузнецова Устинья Максимовна, 60 л., №№ 228, 229.
Кулатова Наталья, 26 л., № 170.
Лейнова Мария Андреевна, 50 л., № 226.
Ломтев Иван Александрович, 51 г., №№ 208, 209, 210.
Лопинцев Иван Корнилович, Прилож. III, № 1.
Лучина Анна Кузминична, 74 л., № 143.
Мельникова Татьяна Даниловна, 40 л., №№ 206, 207.

Мёрзлый Антон Егорович, 63 л., № 192.
Мерзлякова Авдотья Петровна, 87 л., № 178.
Могучева Марья Васильевна, 43 л., № 176.
Мосеева Евдокия Ивановна, 28 л., № 171.
Морозова Надежда Ильинична, 73 л., №№ 167, 168, 169.
Мурина Василиса Осиповна, 50 л., № 189, 190.
Мурина Прасковья Яковлевна, 44 л., № 189, 190.
Никитина Анна Семеновна, 72 л., № 230, 231.
Никонова Агриппина Матвеевна, 88 л., №№ 180, 181, 182, 183.
Обросов Галактион Семенович, 73 л., № 216.
Оргина Анастасия Федоровна, 23 л., № 173; 29 л., № 172.
Пашова Матрена Кузьминична, 54 л., №№ 126, 127, 128.
Петухова Авдотья Антоновна, 60 л., № 225.
Поликарпова Дарья Прокопьевна, 24 л., № 199.
Попова Василиса Степановна, 45 л., № 195.
Рагозина Марья Васильевна, 16 л., № 174.
Ростовцева Наталья Алексеевна, 69 л., № 227.
Рохмистрова Анна Григорьевна, 92 л., № 232.
Рябинин Кирик Гаврилович, 71 г., №№ 140, 141.
Рябинин Михаил Кирикович, 34 л., Прилож. I, № 1.
Рябинин-Андреев Петр Иванович, 21 г., 26 л., 27 л., 29 л., №№ 130, 130а, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, Прилож. I, №№ 7, 8, 9.
Савина Марфа Николаевна, 44 л., № 220.
Самылин Матвей Егорович, 47 л., №№ 161, 162.
Сарафанова Марья Кириковна, 45 л., № 142.
Смоленская Матрена Федоровна, 70 л., №№ 221, 222, 223, 224.
Суриков Антон Борисович, 67 л., Прилож. I, №№ 2, 3, 4, 5, 6.
Суриков Егор Борисович, 63 л., №№ 100, 101, 102, 103.
Тараканова Анисья, 15 л., № 205.
Титова Матрена Архиповна, 56 л., №№ 189, 190, Прилож. II, № 1.
Тихонова Анна Тимофеевна, 60 л., №№ 144, 145, 146, 147.
Трухавая Агриппина Федоровна, 53 л., №№ 148, 149, 150, 151.
Федорова Надежда Егоровна, 28 л., № 220.
Филова Катерина Ипатовна, 61 г., № 199.
Филина Александра Петровна, 24 л., №№ 189, 190.
Филиппова Пелагея Никитишна, 73 л., № 163, 164.
Царев Петр Павлович, 75 л., № 185, 186.
Чванов Илья Григорьевич, 63 л., №№ 165, 166.
Черноусова Агриппина Михайловна, 43 л., №№ 193, 194.
Черноусова Татьяна Никитишна, 60 л., № 191.
Чуркина Екатерина Матвеевна, 88 л., №№ 217, 218, 219.
Ястребова Александра Кирилловна, 77 л., № 129.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ, ГДЕ ПРОИЗВОДИЛАСЬ
ЗАПИСЬ БЫЛИН ТОМА II

Прионежье

- Боярщина, №№ 144, 145, 146, 147.
Гарницы, №№ 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139,
Прилож. I, №№ 7, 8, 9.
Грибановщина, № 179.
Демидово, №№ 157, 158, 159, 160, 161, 162.
Дерегузово, №№ 172, 173, 174.
Звяговщина, № 177.
Зиновьево, №№ 109а, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 119, 120, 121.
Клименцы, № 129.
Комлево, №№ 163, 164.
Конда, №№ 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, Прилож. I,
№№ 2, 3, 4, 5, 6.
Конновская, №№ 180, 181, 182, 183.
Коровниково, №№ 165, 166, 167, 168, 169.
Космозеро, №№ 154, 155, 156.
Кузь-губа, № 175.
Кургеницы, № 143.
Ленинград, №№ 116, 130а.
Липовицы, №№ 148, 149, 150, 151.
Мншкарево, № 176.
Обозеро, №№ 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128.
Петрозаводск, №№ 109, 118.
Римская, №№ 187, 188.
Северская, №№ 184, 185, 186.
Середка, №№ 140, 141, 142, Прилож. I, № 1.
Сибово, №№ 152, 153.

Харламово, № 171.
Харлово, № 170.
Шуныга-Бор, № 178.

П и н е г а

Айнова Гора, №№ 206, 207.
Гора, №№ 189, 190, Прилож. II, № 1.
Горушка, № 191.
Засурье, №№ 192, 193, 194.
Карпова Гора, №№ 208, 209, 210, 211.
Кеврола, №№ 199, 200, 201, 202.
Лохново, №№ 221, 222, 223, 224.
Марьиная Гора, №№ 217, 218, 219, 220.
Остров, №№ 196, 197, 198.
Поганцы, № 195.
Церкова Гора, №№ 203, 204, 205.
Шотова Гора, №№ 212, 213, 214, 215, 216.

П о м о р ь е

Кандалакша, Прилож. III, № 1.
Колежма, № 226.
Нюхча, № 225.
Пертозеро, № 232.
Сумский Посад, №№ 227, 228, 229, 230, 231.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ¹

А

аки (конь под ним да аки лютый зверь) — как. (Пч).

алабыш (а дават Добрынюши всё потяпыши, а еще прибавил по алабышу) — блин, здесь образно в смысле т я п ы ш — удар ладонью по телу, от т я п н у т ь — ударить. (М., Пч).

александрейка (на нем рубашка александрейка красная) — рубашка из александрейки, красной бумажной ткани. (Пр.).

аще, аще, ащо (к подружке схожу, аще с подружкой прощусь; потом оны аще пришли) — еще. (Пр.).

Б

баенка — банька. (Пр., Пн).

байна — баня. (Пн).

базыкова (базыкова коровушка) — старая, от б а з ы г а — старый хрыч. (Пч).

балхон — балкон. (М., Пр.).

баса, баса (не ради красы-басы, ради крепости) — краса, украшение. (М., Пч, Пр.).

баский (баские бережка) — красивый. (Пч).

безутычный (она сылет его искрой безутычней) — вместо б е з у г и ш н ы й — непрерывный, не прекращающийся. (Пр.).

белотá (белотá была взята от снегу белого) — белизна. (Пр.).

белойровый — постоянный эпитет пшена в былинах, указывающий на высокое качество. (Пч, Пр.).

берещатый (берещаты сумы) — из бересты. (Пч).

¹ В скобках после объяснения указано, в былинах каких районов встретилось данное слово. Условные обозначения: М. — Мезень, Пч — Печора, Пр. — Прионежье, Пн — Пинега, Пм — Поморье.

берча́твый (как разо^ст[л]али скатёрки да всё берца́тные) — узорчатый. (М.).
беседа, бесе́душка — 1) (собери-ко бесе́душку) — деревенская вечеринка, по-
сиделки. (М., Пн); 2) (сделай мне рыба́дую бесе́душку) — особое
место под навесом для сидения на судах. (Пр.).

беспелю́га, беспелю́ха (беспелюга хвастат молодой женой) — рохла, розиня.
(М.).

бестала́нный (я каличище бездомное и бесталанное) — несчастный, несудач-
ливый, от т а л а н — счастье, удача. (Пн).

бесча́стье (по бeсча́стью по великому права рука прома́хнулась) — несчастье.
(Пч).

блад (Добрынюшка Микитич блад) — млад. (М., Пч).

бобзун (молодой бобзун, не попорхивай) — птенец, не умеющий летать,
молокосос (перен.). Ср. з о б а у н, Марк., стр. 568; г л у з д ы р ь,
К. Д., стр. 269. (М.).

бодрá — бедро, см. н а к о с у б о д р у . (Пр.).

босá — см. б а с а. (Пр.).

бра́живать — брать. (Пч).

бра́ный (браным полотенцем вытираетца) — вытканый или вышитый узо-
рами. (Пч, Пн).

братáн — двоюродный брат или названный брат. (Пр.).

бра́тчи́па (пошол-то Василий на братчину) — праздник на общий счет,
в складчину. (М.).

браты́ня (принесли тут браты́нечку не малую) — стопа или ковш для на-
питков. (М., Пч).

буёвая (паница буёвая) — боевая. (Пч).

бурза́мский (копье бурза́мское) — вместо м у р з а м е ц к и й — татарский,
восточный. (М., Пч).

бурла́тный, бурла́стый — см. бу́рнастый. (Пн).

бу́рнастый (бу́рная лисица) — совсем рыжий. (Пч, Пн).

бу́рна́ческий — см. бу́рнастый. (М.).

В

ва́ля́к (как уж пуговики были ва́лячные, того ле ва́ляку красна золота) —
литая, чеканная работа, от л ь я к, л я к, л ь я л о — форма для
лигья. (М.) Ср. у Григ., III, стр. 316: «А во льяк лита пуговка
чистого серебра».

ва́ля́чный — литой, чеканный. (М.), см. ва́ляк.

ва́ровать (а на то де станичники не ва́руют) — веровать. (М., Пч).

ва́тюшки (да трое рукавки, три ва́тюшки) — суконные или вязаные из
шерсти рукавицы. (М.).

ве́жество (рада была тебя спородить ве́жеством... в купца Садка бога-
тыря) — учтивость, знание приличий, умелое обхождение с людьми.
(Пр.).

вербы (связали вербами шелковыми) — вместо вервы, веревки. (Пр.).
 верста (едет палениця .... не мне цета и не мне верста) — ровня. (М.).
 вертеп — пещера. (М.).
 вёшний, вёшний — весенний. (М.).
 взвоз — настилка со двора в верхний сарай. (М.).
 взъезд — то же, что взвоз. (М.).
 вкока (ты вкока ль не есть вдова безмужняя) — какая. (Пр.).
 вяшный (пугови все вяшные) — см. в а л ь я ч н ы й. (М.).
 волокидный (нищая калека волокидная) — вместо в о л о к и т н ы й, переход-
 жий с места на место. (Пр.).
 волотяжный — см. в о л о ч а ж л и в ы й. (М.).
 волочажливый (сука волочажливая) — беспризорный, бездомный, от в о л о-
 ч и т ь с я. (Пч.).
 волочажный (сука волочажная) — см. в о л о ч а ж л и в ы й. (Пч.); (лученочко
 волочажное) — обыденный, будничный, рабочий. (Пр.).
 волуций (волуций камень) — валун, оглаженный и округленный природой.
 (Пр.).
 волхон (волхоны высокие) — балкон. (Пр.).
 воробый (посол воровый) — скорый, проворный. (Пч.).
 вотчина — 1) (я не знаю имени ведь и вотчины) — отчество (М.);
 2) (Дай мне Микитину вотчину) — поместье. (Пр.).
 вохрабейщина (впереди бежит серый волк, позади бежит да вохрабей-
 щина) — богатырь, от стар. х р а б р (?) (М.).
 втапорá, втапоры (втапора... наливает он цару зелена вина) — в т у пору.
 (Пн.).
 вывет (они рубили силу нунь без вывету) — исключение, изъятие. (М.).
 выветить (только одного Вася старца выветил) — изъять, исключить. (М.).
 выздынуть (в третий подкоп паду... тебя не выздыну) — поднять.
 (Пр.).
 вызнеть (вызвел он выше своей буйной головы) — поднять. (М.).
 выклай (Добрынино дело не выклое) — привычный. (Пч.).
 выпрянуть (чтобы конь из седла не выпрянул) — выскочить. (М.).
 высадить (я ведь посадил две белые лебеди) — добыть, освободить.
 (Пр.).
 выставать (никто по детину не выставает же) — выступить за когонибудь.
 (Пч.).
 жытать (выстала бы на високу гору) — встать. (Пр.).
 выть — 1) (к одной выти быка съедает) — пора еды, час еды. (М., Пр.);
 2) (ах ты волчья сыть и голодна выть) — еда. (Пр.).
 вышибаться из речей (из речей детинка вышибаетца) — говорить не то, что
 нужно, заговариваться. (М., Пч.).
 выюныш — юноша, мальчик. (Пр.).
 вяз (черленим-то везом стал помахивать) — в смысле дубины из вяза.
 (Пч, Пр.).

Г

- гагалиночка (мала гагалиночка на Пучай-реке без шевелимости) — вместо гоголиночка, см. гоголь. (Пр.).
- гаалиться (пуще прежнего галится — купается) — насмехаться, издеваться. (М.).
- габлый (закричаю кротким хіблым холосом) — слабый. (Пр.).
- габится — вместо галиться. (М.).
- глинный (пропадёшь за глиную платичину) — глиняный. (Пр.).
- гля — для. (Пр.).
- гóворны, гóворы (еще все ли на пиру гости гóворны) — говоруны, разговор-чивы. (М.).
- гóголь (обернулся Василий ярим гоголем) — род утки. (М.).
- горáзд (горазд играть на музыке) — искусен. (Пр.).
- горóзны (мене горóзны стрелёты нет) вместо горазне — сильнее, болсе. (М.).
- гостёбище (были гости во почестном гостебище) — пирушка. (Пр.).
- грёдень (грёдень столовая) — вместо гридня. (Пр.).
- грёзá (он эту грёзу нагрёзил) — что-либо худое. (Пч.).
- грёзить (грёзит, ребят обиждаёт) — делать беду, проказить. (М., Пч.).
- грести под стол (нижну-то корочку под стол грёбёт) — сгребать, сбрасывать. (М.).
- гривна — крупная золотая или серебряная монета. (Пч.).
- гридня, гридень, гриднюшка (светлая гриднюшка) — комната, покой. (М., Пч, Пн, Пр.).
- грия — вместо гридня. (М., Пч.).
- грядень — вместо гридня. (Пр.).
- грядочка, грядка (он пухов-го колпак да клал на грядочку) — перекладина жердь из стены в стену для вешания одежды. (М., Пч, Пр.).
- гужики, гужй (гужики у ратая шелковые) — петли, в которые вдеается оглобля. (Пр.).
- гукнуть (не смеет гукнуть) — пикнуть, звук подать. (Пр.).
- гүнюшка (только есть у меня худа гүнюшка) — худая ветхая одежда, рубище. (Пч.).

Д

- даваться — см. подаваться. (Пр.).
- державушка (ты моя державушка) — опора, крепость. (Пр.).
- держаться (золотая казна моя не держитцэ) — издерживаться. (Пр.).
- дел, деу (они деу делят) — пай, паевой дележ добычи. (Пн.).
- довжать — см. должать. (Пр.).
- доводить (не твое дело, девчоночка, чужих жен доводить) — доносить на кого-нибудь. (Пр.).
- докуль — до каких пор. (М.).

до зени (кланялся в пояс до зени) — до земли. (Пр.).
 должать (буду должать там на заставы) — задерживаться. (Пр.).
 долога (без долóги он явился да во высо́к терем) — доклад. (Пр.).
 доло́нь (на одну долонь положу) — ладонь. (М., Пр.).
 домови́ще — гроб. (Пн).
 дормовой (пить дормового зелёна вина) — даровой. (Пр.).
 дородно (дородно сдет!) — красиво, солидно. (М.).
 дородный (дородный молодец) — рослый плотный; статный, видный.
 (М., Пр.).
 досе́ль (а и прежде досель, в молодую пору) — прежде, до сего времени.
 (Пч).
 досе́льный (времена те досельные) — давний. (Пч, Пн).
 досюлежи́ый (за те времена за досюлежны) — досельный, давний. (Пр.).
 досюль (как досюль было, давным давно) — см. до се́ль. (Пр.).
 дра́нка (дранки надеру, пива наварю) — мука крупного размола. (Пр.).
 ду́другу (дудругу настрету стреталися) — друг другу. (Пр.).
 ду́жки (дужки от колечик не вышли вон) — следы от колец на пальцах.
 (Пр.).
 дуро́дний — дорожный. (Пр.).
 ду́чки — см. ду ж к и. (Пр.).

Е

еди́на́кня́ (еди́на́кая дочь) — единственный. (Пч, Пм).
 е́зды брать — проехаться верхом на обыгранном; выигрывающие в городки
 бросают палку в цель, сидя верхом на обыгранных, это называется
 «езды брать». (Пр.).
 ёла́быш — см. а л а б ы ш. (М., Пч).
 есе́й — шашки, шахматы, вместо тавлеи, велеи, ср. Гильф, 80. (Пр.).
 ерля́к — см. я р л ы к. (М., Пч, Пр.).

Ж

желу́ха (бил коня он не желухою) — вместо жалуха, жалость, не же-
 лухою — без жалости. (Пр.).
 живо́т (животы описывать) — имение, имущество. (Пр.).
 житей́ски (мнози отказались, а житейски пошли) вместо житейск-ие —
 среднее сословие жителей в старом Новгороде. (М.).
 жога́ (кудри жоги́ заонежские) — птица с навислыми бровями (дубонос),
 кудри жоги́ — в смысле лохматые, нависшие. (Пм).
 жу́ковины — перстень. (Пр.).

З

за беду́ стало — показалось обидно, оскорбительно. (Пр.).
 забиду́щий, забуду́щий (напитки забидущие) — вместо за б ы д у щ и й, от
 которого впадают в забытье. (Пр.).

забрести́ (забрести не в свою ровню) — расхвастаться, разважничаться (М.).

заведь (застоялась у старого да в заведи рука) — сочленение руки между кистью и предплечьем. (Пч).

заветье — см. заведь. (Пч).

завид-рука — см. заведь. (Пч).

заводь (тихие заводи) — 1) залив у реки, образуемый мысами или крутыми поворотами берега; 2) место с замедленным течением около берегов рек, озер, моря. (М.).

завоина (отстоялася рука ле по завоины) — см. заведь (?) (М.).

завубье (усмотрел на тихом на завубье плавало там две лебедушки) — вместо загубье, в смысле заводи. (Пр.).

загѡдка — загадка. (М.).

загрѣзнить (загрѣзит Алѣшенька не в свою ровню) — набедокурить, здесь в смысле разбахвалиться. (М.).

загрѣзовый (Олѣша... порату загрѣзовый был) — от загрѣзнить — бахвал, пустослов; проказливый. (М.).

загумен́ный (сорока загумен́ная) — летающий по загуменьям; загуменье — место позади гумна. (Пч).

загусельщик — гусляр. (Пр.).

задворенка (бабушка-задворенка) — живущая в задворне, задворенке, в задней улице деревни. (Пч).

заевид (заевид потерял свою буйную голову) — вместо запевид — незначай, по неведению. (Пч).

зазубры (подворотня со зазубрами) — зазубрины. (М.).

закладывать ворота — запира́ть. (Пн).

заколо́деть (прямоезжая дорожка заколодела) — быть завалену колоде́м, — деревьями, сучьями. (Пр.).

заку́тки (тут спустила заку́тки железные) — запоры, ворота. (Пр.).

залѣ́зть (вековецкое увещье залѣзѣно) — добыть, получить. (М.).

зали́шить (не зали́шила меня чяркой зеленѣм вином) — лишить, обойти, обнести. (М.).

залѡ́г (кто бѣ́тсѧ о велик залѡг?) — заклад. (Пч).

залѡ́жечка, залѡ́жѣчка (залѡжѣчка да воротовая) — защелка, запор, задвижка (Пч).

зало́жить (ус залѡжил) — пригладить. (Пр.).

замура́веть (прямоезжая дорожка замуравела) — зарости травой. (Пр.).

замы́згать (замы́згал собака да по собачьему) — залаять. (М., Пн).

запа́сть (запала дорога) — заглохнуть. (М., Пч, Пн).

запиту́ника (запитуника ты деревенская) — пьяница. (Пр.).

запла́вчивый (бо́хатырско сердце заплавыцево) — вспыльчивый; обидчивый. (М.).

за преку́ (тогда-то Малюты за преку́ стало) — неприятно, досадно. (Пч).

- за́риться (стали на нее за́риться) — распалаться на что-нибудь, сильно хотеть. (Пн).
- за́ро́д (летом ворона на зародах) — стог продолговатой кладки; шесты для просушки сена. (Пр.).
- за́ряжайда́ть, за́режа́ндать (дубовые двери вси за́ряжайда́ли) — затрещать. (Пр.).
- за́става (за́става бога́тырская; е́сть тут три за́ставы) — сторожевой пост; преграда на пути. (М., Пч, Пр.).
- за́стать (за́стали там на за́ставы бога́тыри) — стать, становиться. (Пч).
- за́сто́лье, за́сто́лье (ско́зил Ко́стрык из за́сто́лья) — место за столом. (М., Пр.).
- за́сто́яться (за́сто́ялась у ста́рого во плече ру́ка) — задержаться, остановиться. (Пч).
- за́та́льча́ть (за́та́льча́т мои сере́бренны ко́лечушка) — зазвенеть, забрякать. (М.).
- за́тре́сье (на том на зелено́м на за́тре́сье пла́вало там две лебе́душки) — часть воды, покрытая трестю, тростником. (Пр.).
- за́ту́хнуть (вы́пусти с су́ндука, пока не за́ту́хну́ там) — задохнуться. (Пр.).
- за́ты́м — зачем. (Пр.).
- за́тюре́мши́к — заключенный. (Пр.).
- зау́го́льщи́на — внебрачный ребенок. (Пр.).
- захло́пина (ой же ты захо́пина боя́рская) — холоп. (Пр.).
- звы́гнуть (звы́гнула титивочка шелко́вая) — взвизгнуть. (Пр.).
- здре́ть (он смотре́л и здрел во все сто́роны) — вместо зреть — смотреть. (М., Пч).
- зды́нуть (зды́нул ко́пьё он выше́ голо́вы) — поднять. (Пр.).
- зла́тнѣ́ца (дал отцу́ денег три́дцать зла́тнѣ́ц злата и сере́бра) — монета. (Пч).
- зна́меноваться (Со́рочински́ горы зна́менуются́) — виднеться. (М., Пч).
- зо́ры (то-то хоро́шие зоры́) — взоры. (Пр.).
- зыбе́й — зыбка, колыбель. (Пр.).
- зы́нуть (зы́нул кулак да выше́ голо́вы) — вместо зды́нуть — поднять. (Пр.).
- зычо́н (зычо́н го́лос) — зычный, громкий. (Пр.).
- зя́блый (зя́блый о́вес) — мерзлый, поврежденный морозом. (Пр.).

И

- и́вина (вы́хватил из креста́ и́вину) — прут, щепка. (Пр.).
- изви́хаться, изви́хнуться (по наса́дочкам ко́пыща да изви́халисе́) — изогнуться. (М., Пч).
- изги́ленье, изги́лянье (а вы́дал по́ганому на изги́лянье-те́рзанье) — глумление. (М.).

изотчина (по изотчине не звеличать) — отчество. (Пч).
илей — см. елей. (Пр.).
инной (инной хвастает отцом-матерью) — иной. (Пр.).
искитаться (над божьим даром искитается) — глумиться (Пч)
ископоть — см. ископытъ. (Пч, Пр.).
ископытъ (смотрела ископытъ лошадиную) — яма от удара копытом; ком
земли из-под копыта. (Пч).

К

казáковать (в чистом поле да показáковать) — наездничать. сражаться.
калёка — вместо калика. (Пм).
калёный (стрелочка калёная) — закаленный. (М., Пч, Пр.).
калёка (калика перехожая) — странник, богомолец, от греческого слова
ка ли ги — особого рода обувь, которую носили странники. (М., Пч.
Пр, Пн).
ка́мка, камка́ (дарил для хрущатой камки) — шелковая цветная ткань с узо-
рами и разводами. (Пч).
камчатный (шубка камчатная) — из камки. (М.).
карчáревый (карчáрева дуга) — см. корчава. (Пр.).
кастыч (кастыч сарафан) — крашенный сарафан, обшитый внизу хахом
блестящей лентой. (Пр.).
квчига — плоская с загибом на конце палка для молотбы хлеба и окола-
чивания льна. (Пн).
квичища (ножища — большис квичища) — большая кичига. (Пч).
козáковать, см. казáковать. (Пр.).
кокошить (в одной кокошиги без платка) — кокошник, женский головной
убор. (Пр.).
колёка — вместо калика. (Пр.).
колёный 1) см. калёный; 2) (а колёные мостики ныне подишли) —
вместо каленовый. (Пч).
коло́да (в колоду ее клала) — долбленный гроб из цельного бревна. (Пн)
коло́дный (окошко колодное) — косящется, с колодами, косяками. (М)
колотиться (кто у ворот теперь колотится) — стучаться. (Пр.).
ко́мони — кони. (Пр.).
комóчека — см. камка. (Пр.).
конёжки (конёжки на ножках семи шелков) — вместо кенёжки, кень-
ги — обувь без голенищ, головка с подошвами сверх сапог. (Пм).
корань (конь на корань спотыкается) — валежник, от корзать — обру-
бать, соскребать ветки с дерева (?). (Пр.).
корча́ва (соизнул его дугою корчавою) — вместо корчага — кривая дуга.
(Пр.).
косяца (выбил глаз с косяцею) — висок. (Пч, Пр.).

косе́щѣтый, кося́щѣтый (окошечко *коссашето*) — см. кося́щѣтѣй.
(М., Пч).

косточ — см. касты́ч. (Пр.).

косто́щѣная голова — череп. (М.).

кося́щѣтый — с косяками. (Пн).

ко́шка (*щупайте вы во синѣ море, мы на кошки стоим иль на камени*) —
песчаная или каменная гряда на взморье. (М., Пч).

крекне́вич (славный *крекневиц дуб*) вместо *кряковнстый* — *кряжистый*.
(Пр.).

креко́вищо (*дубищо креко́вищо*) — вместо *кряковистое* — *кряжистое*.
(М.).

крéчинь — кречет. (Пр.).

кружа́ло (*на кружале ён ходит государевом*) — питейный дом, кабак. (Пч).

кружа́тый (*камка крушатая*) — *кружчатый*, с узорами из кругов. (Пр.).

кры́льца (*оттянуть... ретиво ле сердце между крыльцами*) — плечные ло-
патки. (М.).

куми́рники (*разбойники-кумирники*) — язычники. (Пр.).

куи́стый (*шапка куниста, пушиста, завесиста*) — *куний*. (Пр.).

курева́, кúрево (*только видели курева́ стоит*) — пыль от поднимаемого на
воздух песка или сухой земли. (М., Пч, Пр.).

кут — угол. (Пч).

куты́ра, куты́рь, куты́рник (*куты́ра боерская*) — насмешливое прозвище
подъячих. (Пн).

Л

лайча́тый (*перчатки лайча́тые*) — *лайковые* (?). (М.).

лайчи́вая собака — много лающая. (Пн).

ла́вно — ладно. (Пч).

ла́тырь-камень — *алатырь*, легендарный камень. (Пр.).

ледови́това книга — очевидно искаженное «*левонидова*». (Пр.).

лэ́вища — лестница. (М.).

лети́цами (*молодых-то молодущек всех лети́цами*) — *стоями* (?) (Пч).

лётничек, лётник (*она без летничка в одной сорочичке*) — легкая холщевая
женская одежда. (Пр., Пм).

лётний, лётный (*посмотрел под сторону под летнюю*) — *южный*. (М., Пч).

ли́паться (*не липаться здесь! На чистом поле надо сражаться!*) — вместо
рипаться, *соваться* (?) (Пн).

ли́пеный (*липеная петля*) — *свитый* из липового лыка. (Пч).

ли́пина (*приотпятился холопина на липину*) — *дверной* или *оконный косяк*.
(Пр.).

ля́сье — *листья* (соби́р.). (Пн.).

ли́шечка (*как осталось товару на лишечке*) — *небольшой остаток*. (Пч).

личино у лаптей (лопотки семи шелков, личино у них унизано красным золотом) — вместо личико, верхняя часть. (Пн).
 ложница, лёжница — см. ложня. (М., Пч).
 ло́жня — спальня. (М.).
 локоть (в длину-то камень пятьдесят локот) — мера длины, соответствующая длине руки от локтя до конца среднего пальца, около 14 вершков. (М., Пч).
 луда (мы на кошки стоим или на камени, не той ли луды на подводной) — каменистая мель. (М.).
 лука у седла, у стремени — изгиб. (Пр.).
 лучёнышко — лучок, лук (презр.) (Пр.).
 ляга (ко той ко ляге кровавой) — лужа, колдобина. (Пн, Пм).

М

маковица — маков цвет. (М., Пр.).
 малапу́га (малапу́га морская) — морская трава, тина (?) (Пн).
 манёстовка — ожерелье. (Пр.).
 мани́ть (добрых людей не маните-ка) — обманывать. (Пр.).
 ма́рева — 1) (найду́т на тебя вешны марева) — знойный, мгlistый воздух. (М., Пч); 2) (а стои́т ма́рева баски-кудрявые) — призрачные очертания предметов. (Пч).
 ма́тер (старой ма́тер человек) — большой, дорожный. (Пн).
 матеря́щий (с тех дубов матеря́щих) — здоровенный, огромный. (Пч).
 ма́тица — 1) (выскочи́л Владимир чу́ть не до ма́тицы) — поперечный брус, поддерживающий потолочную настилку. (М.); 2) (я поеду́ по украи́ну, а вы поезжайте́ се́редь ма́тицы) — в смысле середины. (М.).
 медвя́ный (пи́тья медвя́ныи) — медовый или сладкий, вкусный, подобно меду. (М., Пн).
 медля́ный (налил баско́й воды́ медля́ной) — вместо медвя́ной. (Пч).
 ме́резь, ме́ржа, ме́рж — мерзость, мразь. (Пр.).
 мети́е (не́т на свете ме́ня стрелка ме́тнее) — более меткий. (М.).
 могу́та́ (иной хваста́т могу́то́й-си́лой) — мо́шь, сила. (Пч).
 му́равленка, муравленая (печка му́равленка) — покрытая глазурью, поливанная. (М., Пч).
 мураме́цкнй — см. му́ржеме́цкнй. (Пр.).
 му́ржеме́цкнй (копё́ му́ржеме́цкое) — вместо му́рзаме́цкнй — от слова «му́рза» — татарский, восточный. (Пр.).
 муто́вка — палочка с рожками на конце для мешанья и взбалтывания. (Пч).
 муха́йский (ше́лка муха́нские) — вместо ше́маха́нскнй. (Пр.).
 мызг — лай. (М.).
 мы́льна, мы́льня — баня. (Пр.).
 мяко́ньки (она́ ка́ждый де́нь пе́кёт мяко́ньки) — небольшие мягкие хлебы. (Пр.).

наб — надо бы. (М., Пр.).

набранный (узденка набранная) — с украшениями. (Пр.).

наволоок, наволо́ки (бегат он густыми наволо́ками горноста́льщиком) —

1) коса или вообще низкий берег, вдающийся в море или озеро;

2) прибрежный луг. (Пч, Пн).

нагрэзить — см. грезить. (М., Пч).

наде́я (на кого была надея, того чорт побрал) — надежда. (Пч).

надзгиля́ться (надзгилялась надо мной) — насмеяться. (Пн).

назбо́лушка — см. назо́лушка. (Пр.).

на до́стали — наконец. (Пр.).

на дудру́ги (как поехали богатыри на дудру́ги) — друг на другие. (Пр.)

нажо́гаться (от того ли вина ты нажогался) — разгорячиться. (М.).

назём (коли по колес в назёмъ) — навоз. (Пр., Пм).

назо́лушка (не давай великою назолушки моему ретивому сердечушку) — досада. (М., Пр.).

назо́р (поехал назором) — дозор, осмотр. (Пн).

наигри́ще (попросил он наигри́щов поиграть) — гусли. (М.).

на́изнача́ (Илья Муромец спит на́изнача́) — вместо на в з н и ч ь, лежа на спине. (Пр.).

нака́зывать (молодой жены да он наказывает) — наставлять. (М., Пр.).

нако́н (замахнулся ли старой во второй нако́н) — раз, прием. (М., Пч).

налишеский (у тя есь ли казна теперь налишеска?) — наличный. (Пч).

на косу бодрю́ (поднял его на косу бодрю) — с размаху. (Пр.).

набо́корач (конь пал набо́корач) — на четвереньки. (М.).

на поёзде (на поёзде молодой жены наказываё) — при отправке в путь. (М., Пр.).

напо́льный (нету ли в Кисве напо́льного?) — пребывающий, служащий в поле, воюющий в поле. (Пч).

напу́с (не русьской бога́тырь, да я напу́с держу.) — см. на пу ск. (Пч).

напу́ск (напу́ском смел) — натиск. (М., Пч).

нару́чники (кладены наручники калиновы) — перила. (Пр.).

нару́шить (сына не оживила, а всё же ей нару́шила) — в смысле у б и т ь. (Пч).

наса́д (насады цервленные) — судно с поднятыми досчатыми бортами. (Пр.).

наса́дка (капеца по насадоукам извихалисе) — место, где железный конец копыя прикрепляется к пике; у сабли имеется в виду рукоять. (М., Пч).

на́сердки (вот на́сердки что делают!) — в сердцах, по недоброжелательству, злобе. (Пм).

наско́рй (кознь Соло́мана наско́рй) — немедленно, скорее. (Пр.).

настрёту — навстречу. (Пр.).

на́ть (не на́ть мне сарафан) — надо. (М., Пн).

нача́яться (ты *каку невзгоду мне начасешься?*) — полагать, ожидать — отча́ять. (Пр.).
находи́ть — в смысле напа́даты. (Пч.).
находочка (не моя была *право находочка*) — в смысле наступле́ние, напа́дение. (Пч.).
небыло́вое место — глухое. (Пр.).
невзго́душка (над собой *невзгодушки не ведасишь*) — несчастье, беда. (М., Пр.).
невзго́нушка — см. невзго́душка. (Пч.).
невре́мя (ле *невре́мя како случилось?*) — безвременье, неблагополучие. (М.).
незго́душка — вместо невзго́душкa. (Пр.).
него́душка (в *чистом поли стоит негодушка*) — вместо невзго́душкa. (Пч.).
незамáль (*незамаль поры-времячка*) — не за малое время, спустя некоторое время. (Пр.).
неизме́нный (а *верны вы служи неизменны!*) — верный, не изменяющий. (М., Пч.).
нелёгченны́й (*жеребчик нелёгченный*) — нехолощённый. (М.).
непоклёпны́й (ты *будеши мне непоклёпный сын*) — не подлежащий поклепу, оговору, дурной славе. (М.).
Несей-река — вместо Енисей-река. (Пч.).
неталанни́й (*зародила неталаннова*) — несчастливый, неудачливый. (Пр.).
неудольны́й (*неудольная скука*) — неодолимый. (Пр.).
неуми́льный (*речи неумильные*) — невежливый, неприятный. (М.).
визве́л очей — не взвел, не поднял. (М.).
новина́ (*отец с братом на новину ушол, копают поле*) — земля ещё не паханая, новь. (Пн.).
ново́й (*отецкой сын хвастат золотой казной, а ново́й хвастат высоким теремом*) — другой. (Пч.).
новоло́ка — см. н а в о л о к .
норка́м (*кого толкнёт, тот норка́м подёт*) — в смысле нырком, вниз головой. (Пр.).
носа́д (*тут плавал-гулял черленный носад*) — см. н а с а д . (М.).
носа́дка — см. н а с а д к а . (М.).
нуда́ (*конь в нуды́*) — короста. (Пн.).
ну́жный (*было у бедного, у нужного*) — бедный, в нужде. (М.).
нутро́ба — утроба. (М.).

О

обе́дничны́й (*посмотри под сторону обедничну*) — южный. (Пч.).
ободве́рина (*вышиб двери с ободве́ринами*) — притолока или косяки у двери. (Пч.).

ободро́ушка (жил в ободроушке) вместо дроушка — нега, от дро-
чить — нежить. (Пр.).

обрёз (у обреза листовичьнего) — кадка для хранения квашеной капусты.
(М.).

обро́тье — обручи на колоду, бочку. (Пн).

обрю́питься (на подкопе конь обрюшился) — вместо обрушиться.
(М., Пч).

оглу́паться (не зная оно оглупается — про Идолище) — теряться. (М.).

огорѣ́ (огорцы те нажигала) — уголья, очевидно, от обгорать. (Пн)

оди́на́кий (была одна дочь да одинакая) — единственный. (М., Пр.).

одноле́точек (конь однолеточек) — одного году возрастом. (Пн).

ожа́веть (а пряжечки от дожжика не ожавлют) — оржаветь, заржаветь.
(Пр.).

окара́кою (и все стоят окара́кою) — на четвереньках. (Пр.).

о́карачь (как упал у Ильи конь на о́карачь) — на четвереньки. (М., Пч,
Пр.).

ока́тистый (горы окатистые) — с окатами, крутизнами. (М.).

ока́титься — поскользнуться. (М.).

ока́тица — см. о к а т ы. (Пч).

ока́ты (окаты прекрасные) — крутизны. (Пч).

око́льный — 1) (окольные скамеечки) — находящийся около чего-нибудь.
(М., Пр.); 2) дорожка окольная — объездная, противоположность
прямой. (Пр.).

о́корочь — см. о к а р а ч ь. (М.).

оло́вина (оловину жрала, да издохла) — осадки и остатки браги, пива,
квасу. (М.).

о́мешики, о́мешки (о́мешики у сошки пощиркивают) — лемех, сошник, желез-
ное острие у сохи. (Пр.).

опа́хивать (улицы ты опахивай) — выметать. (Пр.).

опочѣ́в держать (пошел в тот же шатёр опочѣв держать) — почивать, спать.
(М., Пн).

опочѣ́нуться, опочѣ́ниться — лечь спать. (М., Пч).

опру́гаться (тут дубовые столы опругались) — опрокинуться. (Пр.).

опру́жить (хотел гриню княженецкую опружить) — опрокинуть. (Пч).

ора́тай — пахарь. (Пр.).

ора́ть (орёт в поле ратай, понукивает) — пахать. (Пр.).

орда́ (ты коей земли, коей орды?) — земля, страна, народ. (Пр., Пм).

орле́нный (грядочки орлёные) — с царскими знаками, эпитет грядки. (Пр.).

осёк (в осеку свинья гнездо свила) — огороженный выгон. (Пн).

оси́стый (бобр осистый) — с мехом, имеющим высокую и густую ость. (Пч).

остоло́мься (остоломелся тут Владимир стольно-киевский) — остолбенеть.
(Пр.).

остре́йный (острейный нож) — с острым лезвием. (Пр.).

отва́житься (вперед этим отважьтесь) — вместо отвадиться. (М.).

отгрезывать (он эту грезю нагрезил, пускай отгрезывает) — поправлять беду. (Пч).

отдох (отдох держать) — отдых. (Пр.).

отеребить (не отеребила, да сварила) — ошипать. (М.).

откладывать ворота — открывать ворота. (Пр.).

отклѣчный (служи неотклѣчные) — уклоняющийся, уклончивый. (Пч).

откулешный (ты скажи-ка, скажи, откулешный?) — прилагательное от откуль, откуда. (Пм).

откуль (ты откуль, вдова, с какого города?) — откуда. (Пр.).

отлыжный (служи не отлыжные) — отлынивающий, уклоняющийся; неотлыжный — исполнительный. (Пч).

отопраться (отопраться не посмела) — отпереться. (Пн).

отростень (чей корень, той и отростень) — отросток. (М.).

отшататься (я от берега горюша отшатиласи) — отшатнуться. (Пч).

охлащивать (по целой чашке охлащивает) — выхлестывать, опоражнивать. (Пн).

очесливый (роду вежливого и очесливого) — умеющий воздать честь, обходительный. (Пч).

ошатиться (вот все они ошатились в поле) — поставить шатры. (Пч).

П

пабедье (ехал он с утра до пабедья) — время около пабеда, еды до обеда, второй завтрак. (Пр.).

паленица, паленица (паленица разудала) — богатырь, богатырша. (М., Пр.).

палица (палица тяжелая) — дубина. (М., Пр., Пм).

панзырь (латы-панзыри) — вместо панцырь. (М.).

паромок (паромок любимый) — вместо парубок, слуга. (Пр.).

пашица, пашица (как жила была да вдова пашица) — беднячка. (Пч, Пр.).

пѣльки — женские груди. (М.).

перённый (крылечко перёное) — с перилами. (Пч, Пр.).

перепасться (старушка перепалася) — испугаться. (Пр., Пн).

пересмять (от жары в горле пересмяло) — высушить, перехватить голос. (Пр.).

переставиться (Буслав да и переставился) — преставиться, умереть. (Пр.).

перечиться (с Новым градом да не перечилсэ) — перекоряться, спорить. (Пр.).

перэфарпивать (который которова перэфарпивает) — перефорсить. (Пр.).

петинарный — вместо ветеринарный. (Пч).

печатная сажень (в долину три сажени печатная) — казенная, с клеймом. (Пн).

псеченьки (из-под копыт-то конинных и выворацивается мать сыра земля как лютые псеченьки) — комья (?) (М.).

пѣтер-ѣдер (косил силу-армию... без пѣтеру, без едеру, безо сну) — пѣтье-еда. (Пч).
 пласта́ть (пласта́ть бѣлы груди) — вспарывать. (Пр.).
 плати́е (шолково плати́е ей не трѣхнется) — платно́, платье, одежда. (М.).
 платичина (пропадешь ты за илиную платичину) — кусок, пласт. (Пр.).
 пласта́ть — см. пласта́ть. (Пр.).
 побѣ́риться (побѣ́риться с бѣ́атырем) — побороться. (Пр.).
 побѣ́дный (пожалей-ка нас несчастных, пожалей да побѣдных) — несчастный. (Пр.).
 побѣ́душка (побѣдушки над собой не ведаешь) — беда. (Пр.).
 побра́гим — названный или крестовый брат, поменявшийся нательным крестом. (Пр.).
 поваре́нка, повѣ́ря — кухня. (Пн).
 поваре́нка — уполовник, большая разливная ложка. (Пч.).
 повѣ́йничек, повѣ́йник — головной убор замужних женщин. (Пм).
 повѣ́здынуть (в первый погреб скачу... тебя повѣздыну) — поднять. (Пр.).
 повѣ́щербать (сабѣ́лки востры все повѣщербали) — зазубрить. (Пч).
 пога́литься (што же ты не везѣшь... буйну голову да на вострых копьях? хотя бы мы пога́лились) — поглумиться. (М.).
 по́гибни — ко́льца. (Пр.).
 по́гину́ть (ахти мне, да я погинула!) — погибнуть. (Пр.).
 погла́диться (еще ѥ не с кем молодцу ѥ поглади́тьца) — понежиться, поласкаться. (Пр.).
 пода́ваться (я у всей семьи подаваласи) — спрашивать, проситься, войти в соглашение. (Пр., Пм).
 подворѣ́тница (я встречу его под подворотницей) — доска, которой заставля́ется отверстие под воротными затворами. (М.).
 поддѣ́бушек — дубок под большим дубом. (Пч).
 подколѣ́нный (князь подколѣнные) — подвластный, младший, от ко́лено — семья, род. (Пр.).
 подколѣ́дник — разбойник, грабитель. (М.).
 подлыга́ться (во глазах, собака, подлыгаешься) — прилыгать, лгать. (Пр.).
 подмолу́чик (толстобрюхие бояра они подмолу́чики) — сплетник, доносчик. (Пч).
 подобѣ́дичный (сторона подобѣдичная) — юговосточный. (Пч).
 подошну́ться (конь-от подопнулсѧ) — споткнуться. (Пн.).
 подоро́жник (разбойники-подорожники) — грабитель на доро́гах. (М., Пч, Пм)
 подоро́жники (подорожников напекла) — пироги, лепешки и т. п. на доро́гу. (М.).
 подоткнѣ́ться (конь подоткнулсѧ) — вместо подопнулсѧ. (Пн).
 подпина́ться (у его конь подпинастѧ) — спотыкаться. (М.).
 подпо́рница каба́кая — каба́кий завсегдатай. (Пр.).

подпоти́чник (а на войлу́чек подклады́вал подпоти́чник) — подстилка под седло. (Пр.).

подпруга, подпруге́чка (он подпря́г тут двена́дцать подпруг с подпруго́ю) — ремень, которым укрепляют седло. (М.).

подня́ться — см. по до п н у́ т ь с я. (Пн).

подре́зать (подрезали его́ да ножки́ резвые) — подогнуться. (Пр.).

подре́зы, подрезы (становили подрезы́ железны́я) — капкан (?) (М.); (увидали подписи подписаны и увидели по́дрезы подрезаны) — вырезанная надпись. (Пр.).

подсто́лье (по подсто́лью слепа́ курица́ валяе́тся) — место под столом. (Пч.).

подсу́шина — голь каба́цкая, пьяница́. (Пч.).

подтюре́мщик — заключенный, узник. (М.).

поду́миться (с Кострю́ком поду́милась) — посоветоваться, набраться ума (Пр.).

подшя́почка (да была́ подшя́почка дворя́нская) — ухватка, щегольство. (М.).

поё́здины (при поё́здинах вынесла́ ему́ плетку-троехвостку) — отъезд. (М.).

пожи́той (пожита́ вдова́) — пожилой. (Пр.).

по́жня — сенокосный луг. (Пн).

позадо́говать — побиться об заклад. (М.).

покло́ушка (да забря́кает моя́ покло́ушка у са́бли золо́ченная) — рукоять. (Пч.).

покла́ный (у той у бере́зы у покла́ныя) — кривой, наклоненный в одну сторону. (Пр., Гм.).

поко́лякать — поговорить. (Пр.).

поко́ряться (горько-тошно́ она́ покоря́ется) — укорять. (Пр.).

поку́ль (поку́ль ты шол, добрый́ молоде́ц, поку́ль е́хал?) — где, каким путем. (Пч.).

пола́пызывать (тугой́ лук стал́ полапы́вать) — трескаться, ломаться. (Пр.).

поле́гивать (а́ еще́ нача́л костью́ он поле́гивать) — от лягать, попинывать ногой. (Пр.).

поленё́ца — см. п а л е н и́ ц а. (Пч., Пр.).

полю́чик (кля́л перчатки́ барановы́ на полю́чику) — полка. (Пч.).

поло́н (во поло́н взять) — плен. (М., Пр.).

поло́ншита, поло́нщица — пленница́. (Пр.).

поло́хать (не поло́хал бы́ добра́ коня́) — пугать. (Пр.).

полтре́тьяста — двести́ пятьдесят. (Пн).

полу́де́нный (деви́ца полу́де́нная) — с юга. (Пн).

полу́но́чный (поверну́л в ту́ сторону́ полу́но́чну) — северный. (М.).

по́льскый (встря́хнула́ голову́ по-по́льскому́) — полевой, воинский. (Пр.).

поля́ковать (не каза́ковал бы́ Добры́нюшка, не поля́ковал) — ездить в поле воевать. (Пр.).

помё́лышко (помё́лышко у́ ей шелко́вое) — помело́ для обметания́ печи́ перед посадкой́ хлеба́. (М., Пч.).

помё́льчака, помё́льчики — см. по м ё л ы ш к о. (Пр.).

- помётный** (а завозная лучёнышка помётная) — стоящий того, чтобы выбросить, бросовый. (Пр.).
- по-метусову** (полетела стрела по-метусову) — криво, от митуситься — кривиться. (М.).
- помылышко** — см. помёлышко. (Пр.).
- понакнуться** (молода Настасья понакнулась и замуж пошла) — поддаться на уговоры, согласиться. (Пр.).
- понаумиться** (и она тут понаучилась и пошла за Олёшу Поповича) — набраться ума, решиться. (Пр.).
- поносить** (матушке там приходят жаловаться... всё ей поносят) — доносить. (М.).
- понестись** (понеслась прекрасна королевична) — забеременеть. (Пр.).
- поотвёдаться** (с Кострюком поборотися, с Темрюком поотведатьця) — побороться, поотведать силы. (Пн.).
- попарщик** (дай мне единого попарщика) — вместо поперщик, соперник. (Пр.).
- поператься** (повыкупил пухов колпак, а в кресте чумаки поператься стали) — возражать, противиться. (Пч.).
- поперщик** (поискать себе поперщика) — противник, соперник. (Пр.).
- попнуть** (уж он Мишку раз попнул — стоит Мишка не шатнется) — толкнуть. (Пр.).
- попрышкаться** (не доехали они до Киева за три попрышка) — поприще, путевая мера около 20 верст. (М.).
- пораздуриться** (уж как с вечера она да пораздурилась) — занемочь, разболеться. (Пр.).
- поратиться** (пусть едет во чисто поле, побиться со мной, поратиться) — сравниться. (Пч.).
- порато, порату** (из слов порату выхвалеться) — очень, сильно. (М.).
- порешить свету белого** — лишить свету белого, убить. (Пн.).
- пороха, порошка, порошница** (как не во пору пороха выпадала) — молодой снег. (М., Пч.).
- посвирёже** (ты же будешь посвирёже всех) — свирепее. (М.).
- постолье** — см. подстолье. (Пн.).
- посульный** (грамота посульная) — посольный, посольский. (Пр.).
- потнячек** — подстилка под седло. (Пр.).
- пóтуги** (а на войлуки клал потуги) — вместо подпруги. (Пр.).
- потяпыш** (а дават Добрынюши всё потяпыши) — удар ладонью по телу, оттяпнуть — ударить. (М., Пч.).
- похва́льный** (речи похвальные) — хвастливый. (Пч, Пр.).
- позматка** (у ней позматки всё есть женские) — ухватка. (Пр.).
- почётный** (почётный пир) — почетный. (Пр., Пм.).
- пошйргивать** — см. пошйргивать. (М.).
- поширгивать, поширкивать** (стали они Илью пошйргивать) — попинывать, толкать, теревить. (Пч, Пр.).

пощербаться, пощорбаться — см. *прищербаться*. (М.).

пра́веж — 1) (*дёржат-то добра молодца на правеже*) — истязание с целью взыскания долга, пени и вообще денег. (Пн); 2) (*не видели хозяева пути-пра́вёжу*) — правильный путь, управление. (М.).

прави́льщик (сама я села во *прави́льщики*) — рулевой. (Пр.).

пра́виться (*куда вы правитесь?*) — направляться. (М.).

прегроблѣй (*не будут нас дёржать ручьи прегроблѣе*) — глубокий (?) (Пч.).

предста́виться (*хоть не старилси, вдруг представилси*) — преставиться, умереть. (Пр.).

прежѣто (*там прежѣто живут*) — зажиточно. (Пн).

пре́здрить (*завсегда его прездрила во ясных очах*) — призирать, смотреть с участием. (Пр.).

преста́виться — умереть. (М., Пр.).

призаде́рнуть (*призаде́рнуты есть тут столики дубовыи*) — приготовить, накрыть. (Пр.).

призаме́днить (*золота казна призаме́дила*) — принять вид меди. (Пм).

призатумѣлѣться (*тут все на пиру призамолкнули, призатумѣлились*) — припечалиться. (Пр.).

призна́чка, призна́чка (*ради призна́чки богатырской*) — примета, значок. (Пр.).

при́знять (*при́знял его выше головы*) — поднять. (М., Пч.).

прика́нвать (*коня не прикаивал, не привязывал*) — приколоть, пустить на возже, аркане, прикреплять. (М., Пч.).

прикла́дка (*говори не с упадкою, говори со прикла́дкою*) — складная резь. (Пр.).

прику́ивать (*к стремени булатному прику́ивал*) — приковывать, прикреплять. (Пр.).

прима́кнуться (*привыкнет народ и примáкнется ко мне*) — примкнуться, привлечься. (Пч.).

приобга́ниться (*али пьяница-дурак ти приобга́нился*) — вместо приобга́литься — поиздеваться. (Пр.).

приоббо́драть (*туман-то в поле приоббо́драло*) — приободрать — раздёрнуть. (М.).

приобу́маться (*может Ставер приобуместся*) — образумиться, набраться ума. (Пр.).

приока́титься (*у Илеюшки пави ножеца приокатилась*) — поскользнуться. (М.).

приоко́льзнуться (*лева руценька приоко́льзнулась*) — в смысле прома́хнуться. (М.).

приослы́шаться (*на то ли нонь калики приослы́шались*) — прислушаться, послушаться. (М.).

приотпѣ́яться (*приотпѣ́тился холопинка ко липинке*) — попятиться. (Пр.).

при́прежь (*не ради басы, ради крепости, ради при́прежи лошадиныя*) — вместо при́пряжь — вся сбруя для лошади, здесь в смысле совершенства седлания. (Пч.).

прирасхвѣстаться (*малые ребята прирасхвѣстались*) — вместо прирасхвѣстаться — расхныкаться. (Пн).

присѣшек — сошная лопаточка для отворта земли. (Пр.).

пристать — устать. (М.).

притѣчины (*ототкнули притѣчины серебряны*) — корабельная снасть для прикрепления корабля к берегу. (М.).

приукатиться — см. приокатиться. (М.).

прищербаться (*сabelьки-те у их прищербались*) — получить зазубрины. (Пч).

пришотиться (*я от бережка горюша отшатила, к другому не пришотиласи*) — пришатнуться, пристать. (Пр.).

продолжаться (*уж он ѣди там продолжается?*) — задерживаться. (Пр.).

про́дох — отверстие для выхода воздуха. (М.).

проѣздивая дорожка — проезжая. (М.).

прожиточный — зажиточный. (М.).

происхождѣние (*происхожденьице рассказал тут старший брат*) — происшествие. (Пр.).

прометиться — промахнуться. (Пр.).

пропитомство (*пропитомство кладу да ѣ овса с водой*) — пропитание. (Пр.).

пропрядывать (*не сер горносталя да тут пропрядывал*) — проскакивать.

пуйны (*сорвал все пуйны шелковые*) — привязь коня. (Пч).

пұрхай (*ты молодой пұрхай, не попархивай!*) — порхун, не оперившийся птенец. (Пч).

пұрхатъ (*не черный ворон с поля пурхая*) — летать, лететь. (Пр.).

пұстельга, пустельга (*а у те всё это, Владимир, народу пұстельга*) — пустой, ничтожный человек. (М.).

пядь (*промежу глаз пядь бумажная*) — мера в четверть аршина, протяжение между большим и указательным пальцами. (М.).

пялá (*в пяхлах-то шито всё по книжному*) — пальяцы. (Пм).

пятá двери (*отворяйте все двери на пятау*) — нижний шип. На пятау отворить — распахнуть настежь. (М., Пр., Пн).

пятаик (*на ходу он дверь с пятником выдѣрживат*) — крюк у ворот или дверей. (Пр.).

Р

развихаться (*копсички у них развихались*) — согнуться. (М.).

разнимать поля — разделять под пашню. (Пн).

раскатистый, раскатистый (*ворота раскатистые*) — с сильным раскатом, широко распахивающиеся, эпитет ворот. (Пр.).

ратай — пахарь. (Пр.).

ратиться — биться, сражаться. (Пр.).

ратовать (*ездить-ратовать во чистом поли*) — ратиться, воевать. (Пр.).

рать (*рзть могучая*) — войско. (Пр.).

распахивать (*улицы распахивать*) — выметать. (Пр.).

распахенка (*у той у вдовки у распахенки*) — беднячка, см. *пашца*. (Пр.).

растанн, растанюшки — см. *ростань*. (М.).

рѣли, рѣля — 1) (*повели Солóмана к рѣли высокия*) — виселица. (Пр.);
2) (*поставь меня да на рѣли высокие — слова коня*) — возвышенность, сухой лужок с хорошей растительностью среди болота. (Пч.).

ретивый (*твоя мать была ретива*) — горячий, пылкий на дело. (Пн).

решить (*его самово решил*) — убить. (Пр.).

рѣдня — см. *гридня*. (Пр.).

рогач (*сошку за рогач вокруг вертят*) — рукоятка у сохи. (Пр.).

ростань, рóстань (*приезжает старóй козак да к рóстаням*) — перекресток, пересечение дорог. (М., Пч).

рострой (*рострой сделати*) — расстройство. (Пч).

рыбьядая беседашка (*сделай мне рыбьядую беседашку*) — из кости моржа; ср. у К. Д., 1: «на том Соколе корабле... была беседа — дорог рыбей зуб». (Пр.).

рычѣйки (*розлетелса тут столик в мелки рычѣйки*) — куски, щепки. (М.).

ряхнуть — вместо *рявкнуть*. (М.).

С

сбруня — *сбруя*. (Пч).

сверсна́ (*умом сверсна́*) — сверстна, подстать, пара. (Пр.).

сверста́ — см. *сверсна́*. (Пр.).

сграбиться (*за рубашку сграбился*) — схватиться, вцепиться. (Пн).

сѣвер — ветер с севера (Пч).

сеголѣточек (*добрый конь сеголѣтошек*) — рождения данного года. (Пч).

седун (*он был седун до тридцати лет*) — сидень, не могущий ходить. (М., Пн).

семья́ (*любимá семья Настасья свет Микулишна*) — жена, муж. (Пр.).

сенные бояре — служащие при княжеском дворе. (Пн).

сеючі (*сеючі блестят*) — вместо *сияючи*, сияя. (Пр.).

скáтны саночки — легкие, легко катящиеся, ср. «*санки-самокатки*». (Пр.).

скачѣный, скачѣнный (*скачѣная жемчужина*) — вместо *скатный* — крупный, круглый, ровный, точно скатанный. (Пр.).

скилевáть (*скилевáл с себя чунный крест*) — скидывать. (Пч).

сколѣдный (*сколодный сын*) — приблудный, внебрачный. (М.).

скоморѣватый (*одежда скоморовчата*) — скомороший. (Пр.).

скопотѣть (*скопотѣл все желты пески макарѣвьски*) — поднять пыль, задымить. (Пч).

скорбѣть — 1) (*скорбила своё лицо белое*) — обливать слезами, делать лицо скорбным; 2) (*скорбил родну матушку*) — доводить до скорби. (Пр.).

скоретово (сподоблялся скоретово) — быстро. (М.).
 скошеваться (как неверно собрание скошевалося) — образоваться, собраться. (М.).
 скрынуть (скрынѹ в рожок) — воскликнуть. (Пр.).
 слегá — тонкое бревно, жердь. (Пн.).
 смениться (сменилось личко белое) — измениться. (Пр.).
 сметлѣй (сметолѣйкой буду царя сметлѣй) — сметливее. (Пч.).
 сметьѣ (какое сметьѣ тут) — существительное от с м е т ь. (Пр.).
 сметья (по сметьям собака таскалася) — сор, отбросы. (Пч.).
 собольный (шапка собольня) — соболиный. (М.); (стрелка собольня) — предназначенная для поражения соболя. (М.).
 еовѣт (шурин-совет) — советник. (Пн.).
 солóвый (кобылка солóвая) — желтоватой масти. (Пр.).
 солопый — см. солó в ы й. (Пр.).
 солннвый (он роду солнѣвого) — вместо сонливый. (М.).
 сосвиснѹть (сосвиснѹл он богатыря со белых грудей) — сбросить. (Пч.).
 состигнуть (состигла их тѣмная ноченька) — настигнуть, захватить. (Пр.).
 спѣчик (он и шолков кушак вешал на спѣчику) — деревянный гвоздь в стене, на который вешают полотенце, платье и т. п. (Пч.).
 спѣчушко — см. спѣч и к. (Пч.).
 спѣцѣнка — см. спѣч и к. (М.).
 спѣдики — спод, кирпичная выстилка внутри печи. (Пч.).
 сподобляться (сподоблялся скоретово) — собираться. (М., Пч.).
 споровать (батюшко с матушкой споровали) — спорить. (М., Пр.).
 способный (дал мне бог тишину способную) — нужный, подходящий. (Пч.).
 спрастывать (дворы спрастывать) — опрастывать, освобождать. (Пр.).
 спредиковывать — глупо поступать, от д и к ѳ й — глупый. (Пн.).
 становѣтый (станечком она была становѣтая) — статный. (Пр.).
 станичник (наезжает ле старый да на станичничков) — разбойник. (М., Пн.); в смысле богатырь, член стана богатырского, заставы. (М.).
 старѣница — монахиня. (Пр., Пм.).
 степ, степь (они клали двенадцать подпружинок, а тринадцету клал черев мотучу степ) — хребет конской шеи вдоль гривы. (М., Пч.).
 стѣочка (схватил он стѣочку зелена вина) — род жбана. (М.).
 стѣйка (а стѣйка с дверьми вылетела в сени) — косяк у окна или двери. (Пр.).
 столѣсина (выкладены столесины кедровые) — доска в верхней части стола. (Пч.).
 столѣшника — см. столесина. (Пч.).
 столѣчник — см. столесина. (Пр.).
 столованье, столѣвание (пирѣванье-столѣванье) — званый обед, пир, (М., Пч, Пн.).
 столѣн (как столѣн стоят) — столб. (Пр.).
 столѣо (столько... не упадывай) — только. (Пч.).

сто́льник, сто́льница (а я Дюкова есте сто́льница) — придворный чин, смотритель, смотрительница княжеского или царского стола. (Пр., Пм).

сто́льный (сто́льный царев) — см. сто́льник. (Пн).

сто́почка (он на стопочку взялянул, кунью шубоньку нашол) — деревянный гвоздь в стене для вешания одежды и других вещей, вешалка. (Пр.).

стосну́ться, стоскнү́ться (уж я год жила, не стоснуласи) — стосковаться. (М., Пч, Пр., Пм).

сто́ялый (конюшня стоялая, двор стоялый) — где есть стойла, эпитет конюшни. (Пр.); (разводил медами всё стоялыми) — выдержанный, крепкий. (Пр.).

страхови́тый (Пучай-река-то есть страховитая) — страшный. (Пч, Пр.).

ступ кони́ный — след коня. (Пр.).

ступа́ (ходи ступою бродовою, а не ходовою) — поступь, ход коня. (М.).

ступе́ньца (одевает ступе́ньца на босю́ ногу) — род женских башмаков, домашние туфли без задка. (Пч).

ступи́стый (лошадушка ступистая) — быстроходный, от ступь — шаг, ход лошади. (Пр.).

суго́н, суго́ночка, сугонушка (эта сила в сугон отправлена) — погоня. (М., Пч).

су́рядливый (во хмелю детянка не су́рядливый) — сурядный, опрятный, держащий себя прилично. (Пч).

сустега́ть (сустегал Сокольника недалече он) — настигать. (М.).

суты́чки (а садился Илюшка на суты́чки же) — красный угол в избе. (М.).

сухойлова кость — высохшая, голая, пустая, от яловый. (Пр.).

суши́на (поднимался на сосну на суши́ну) — сухое дерево. (Пн).

сході́мо солнце (не видать сходима красна солнышка) — закатное. (Пч).

схудоу́мниться (схудоу́мился Никита, раскуражился) — прийти в дурное расположение; потерять ум. (Пр.).

сыт — см. сы́ть. (Пч).

сыть (ах ты, волчья сыть) — корм, еда. (М., Пр.).

Т

тапо́ра — место в та́пора. (Пн).

тарфо́й — шашки, шахматы. (М.).

та́ть (писал ярлыки ко тем ко та́тьям, ко разбойникам) — вор, разбойник. (М.).

та́цяный (узда та́цяная) — вместо та́чьяны́й, выстроченный, от та́чать. (Пч).

тва́ровать (хотели Илью Муромца копы́ем сколоть, этого Илья Муромец не тваровал) — творить, делать. (Пр.).

тере́жа (случилась теряжа всё немалая) — потеря. (М.).

тма (на кажного короля-королевица по три было тмы, по три тысящи) — десять тысяч. (Пч).

толмáчить (толмáчил по-немецькому) — переводить с одного языка на другой. (Пч).

толпíца (знали мóлодых молодок толпицами) — толпа. (М., Пч).

тормчá (тормича на землю попадали) — вместо торчмя, торчком. (Пр.).

торокá (в тороках везёт Соловья-разбойника) — ремни для привязывания позади седла. (Пр., Пн).

трáвчатый рукав — вместо трáвчатый — из узорчатой ткани. (Пр.).

трапéзовать (сидит за столом, трапезует) — обедать. (Пр.).

трепéтовый (юль трепётова) — оборванный, в лохмотьях. (М.).

трóпнуть (сам приготовился, чтобы его тропнуть) — хватить, ударить. (Пн).

трубчатый (трубчатая береза) — с пустотой внутри, с дуплом. (Пн).

тужой (начал бить коня по тужим ребрам) — вместо тугой. (Пч).

ту́литься, туля́ться (большой брат тулитце за среднево) — прятаться. (Пр.).

ту́личка (а от младшей тулички ответу нет) — тот, кто тулится, прячется. (Пр.).

тупи́ца (хватила тупиченьку неточённую) — топор особого рода, затупленный. (Пр.).

тушíть (не зарежьте меня, не тушите меня) — душить. (Пр.).

У

увáлистый (горы увалистые) — в увалах, грядами, уступами. (М.).

угомонíть (княгиню Катерину угомонила) — в смысле у б и т ь. (Пн).

удёл (молодой турчак свой удел делит) — пай, паевой дележ добычи. (Пн).

уде́яться (и щё то у нас удеяться) — сделаться, случиться. (Пн).

удовá — вдова. (Пр.).

ужáхнуться (сердце ужáхнулось) — ужаснуться. (Пр.).

укáтистый (шоломя укатисты) — вместо окатистый. (Пч).

укра́ина (объезжай всю вокруг землё, захватывай по украинам) — окраина, край. (Пр.).

укря́тать (не укрятася плеча молодецкого) — утомить, укротить. (Пр.).

ула́н (у ней было сопровождаемых-то... пэлтораста улановей) — татарский сановник, мурза. (Пн).

улы́ (только бы слышала — улы пошли) — гул. (Пр.).

уме́ршее платье — в котором хоронят. (Пн).

умíлка (тихо-мирная речь со умилкою) — любезный, вежливый тон. (Пч).

уми́льный (речи умильные) — вежливый, любезный. (Пр.); (игра умильная) — приятный, трогательный. (Пр.).

упáдка (говори ты речь не с упáдкою) — упадок духа, говорить не с упадкою — смело, безбоязненно. (М., Пр.).

упáдывать (столько же, Дунай, да не упадывай) — падать духом. (Пч).

упáлая татарка — вместо купава я, упавая — красивая. (Пр.).

упарáльщик (в баенке умывальщики, упаральщики) — парильщик, служитель в бане, который парит моющихся. (Пр.).

упах^ать (дайте мне *упах^ать плечи ^{могущи}*) — утомить, укротить. (М.).
упёченки (ударят тебя *солнечны ^{упёченки}*) — зной, пекло. (М.).
уплет^аться (все *травушки-муравы ^{уплетаются}*) — сплетаться, заплетаться.
(Пр.).

уско́ки (лежат тут *ускоки ^{богатырские}*) — следы от скачки коня. (М.).
усто^аться (в *плечу ^{рука да ^{устояласи}}*) — остановиться. (М.).
утупи́ть — 1) (*утупи́л ^{очи ^{ясные}}*) — потупить. (Пр.); 2) (*утупи́шь ^{своего ^{коня ^{доброю}}}*) — утопить. (Пч.).

учёстливый — вежливый, см. очесливый. (Пч.).

учини́ться (и *щё ^{то у нас ^{удеялося, ^{учинилося}}}*) — случиться. (Пн.).

учо́ствовать (на *приезди нас не ^{употчёвал, на ^{отъезди не ^{учостовать}}}*) —
учествовать, почтить. (М.).

Х

хайло — пасть. (Пн.).

хвосну́ть (не по *ком, ^{Потаня, ^{везом ^{хвосну́ть}}}*) — хлестнуть, ударить.
(М., Пч.).

хвоста́ться (бились-хвостались *целы ^{суточки}*) — хлестать друг друга. (Пч.).

хи́дн^ицать, хи́дничать — вместо хищничать. (Пн.).

холостня́жина — холостой. (Пр.).

храп (*принакинул ^{храпы да очень ^{крепкия}}*) — цепи, пути; крюк. (Пр.).

хребѣтница (двенадцать *пряж ^{через ^{хребетницу}}*) — хребет. (М.).

хребтуе́ц — см. хребѣтница (М.).

хруща́тый (камка *хрущатая*) — см. круща́тый; может быть также —
плотный, шуршащий. (Пч, Пр.).

Ц

целова́льник (*погребный ^{целовальник}*) — нанятый приказчик, который «це-
ловал крест» на верной службе. (М.); наименование утвердилось за
торгующими в кабаках.

целово́льник — вместо *целовальник*. (М.).

цervлѣ́ный — см. червлѣ́ный. (Пр.).

цervка́льский — см. черка́льский. (Пр.).

цervка́шенин — вместо *черкашенин*, черкес. (Пр.).

цervкв^а-сыновья — см. черкв^а-сыновья. (Пн.).

Ч

чаблѣ́ты (*чаблѣты ^{одевал на босю ^{ногу}}*) — штиблеты. (Пч.).

чеблѣ́ты — см. чаблѣ́ты. (Пч.).

че́боты — см. чо́боты. (Пч.).

чебура́х (*проколол ^{уши, ^{продел ^{чебура́х}}}*) — см. че́мбур.

челяди́ная (чёрная *девка ^{челядина}*) — служанка, чернорабочая. (Пр.).

чембур (на чембуре на шелковом стоит привязан конь) — повод, уздечка.
 червлёный, черлёный (кораблики цервлены; червлёный вяз) — красный,
 эпитет корабля, вяза. (М., Пч, Пр.).
 черка́льский (седёлышко черкальское) — черкасский, черкесский. (М., Пр.).
 чернавка, черна́вочка, черна́вушка (девушка чернавушка) — служанка для
 черной работы. (М., Пч, Пр.).
 черка́льчетый — см. черка́льскый. (Пч).
 черкв́а-сыновья (у ей было провожатым двести татаровей, полтретьяста
 черкв́а-сыновей) — черкесы, искажение «черкасовей». (Пн).
 чёрни (разлетелся дуб на черни на ножовые) — черенья, черенки. (Пр.).
 черни́визина — см. черни́зина. (М.).
 черни́зина (усмотрел-углядел во поле чернизинку) — черное пятно. (М.).
 чета́ (накинул ноньце чету́ железную, а не ради басы, а для крепости) —
 металлическая упряжь, цепь (?). (М.).
 чинга́лищо — см. чинжа́лищо. (М.).
 чинжа́лищо (ножищо-чинжалищо) — кинжал. (М., Пч).
 чо́боты (в одних-то чулочках без чо́ботов) — башмаки. (Пч, Пр.).
 чумаки́-целова́льники — продавцы казенного вина. (Пч); см. це́лова́ль-
 ник.

чу́рванка (на головушке шапочка чурванка) — вместо му́рманка? — шапка
 с завесами; возможно, через «черномурманка». (Пч).

Ш

шал (коровища по сметьям шаталася, да шалом подавилася) — вместо
 шальё — падалъ. (Пч).
 шальба́ (шалыга подорожная) — 1) плеть, кнут; 2) шатающийся без дела.
 (Пр.).
 шальби́ща — см. шальба́га. (Пр.).
 шемахи́льский, шамахи́льский (петелки белого шолку шемахильского) —
 вместо шамаханского — из Шемахи. (М.).
 шар (полетела стрела... разлетелась Соловью во правый шар) — глаз.
 (Пч).
 ша́ркнуть, шарну́ть (ша́рнул он старого в белы груди) — бросить в кого-
 нибудь. (М., Пч).
 шаро́вый (выше дерева шарового) — вместо жаро́вый, высокоствольный.
 (Пч).
 ша́хманка (взяла дощечку нову шахманку) — шахматная доска. (Пр.).
 шевелы́мость — движение. (Пр.).
 шеле́уга, шелапу́га — ременная плеть, нагайка; дубина. (Пн).
 шело́мя, шоло́мя (на шоломях, на горах на юкатистых) — холм. (М., Пч).
 шибну́ть — бросить. (Пр.).
 ширинка, шири́ночка (белой шириной утирается) — полотенце. (Пн);
 (а идут они по городу шириночкой) — шеренга, линия. (М.).

школьничек (с горы школьни^цки да злы разбойни^цки) — в смысле шкодничек, делающий вред. (М.).

шлега́ (накладите шлеги́ железные наверх, положите плиту железную на эти матицы) — слега́, тонкое бревно, перекладина. (Пч).

шнокча́ть — вместо щекта́ть, свистеть по-соловьиному. (Пч).

шоло́мя — см. шело́мя. (Пч).

шпёнек (подпруги железные, шпёнеки волощёные) — шип, пряжечная шпилька. (Пр.).

шумаханский (шелка шумаханские) — вместо шамаханский, из Шемахи, восточный. (Пр.).

шурмова́ть (шурмовать-гремять сто́льне Киев-град) — вместо штурмовать. (Пч).

Щ

щанетёлье (шитьё-щанетелье новгородское) — вышиванье на пальцах. (Пр.).

щелина (со щельи скачит на щелину) — речной или морской мыс с крутизнами; утесистый берег. (Пч).

щелья́ — см. щелина. (Пч).

щепы́ (берите щепы́ долгомерныя, щупайте вы во синё море) — вместо щупы́ — шесты для определения глубины дна. (М.).

щётка (у лошади) — место над копытом. (Пр.).

Ю

ю (и отправляйте ю во Киев-град) — ес. (Пр.).

юка́тистый — вместо ука́тистый, см. окати́стый. (М., Пч).

юла́н — см. ула́н. (Пн).

Я

ягодицы́ (ягодицы́ словно маковицы́) — щеки. (М., Пр.).

ядрёный (учул, что ядрён стал) — полный, здоровый, крепкий. (Пн).

ярлы́к (ярлыки скорописчатые) — указ, грамота. (М., Пч, Пр.).

яро́вчатый (гусли яровчатые) — вместо яворчатый, из дерева явора (род чинары). (Пр.).

ярый воск (свеча воску ярова) — чистый, белый. (М., Пр.).

яства́ (яства́ сахарны́е) — кушанья. (Пч, Пр.).

ясы́к (зарычи-ко там да ясным ясы́ком) — яса́к, голос, условный крик. (Пр.).

яфовт — вместо яхонт. (М., Пм).

СОДЕРЖАНИЕ¹

Предисловие	5
-----------------------	---

III. ПРИОНЕЖЬЕ

Суриков Егор Борисович		
100. Про царя Калина и князя Владимира	11	754
101. Про Добрыню Микитича	15	723
102. Про Василия Буслаева	18	705
103. Про Соломана	25	795
Андрянов Кузьма Дмитриевич		
104. Добрынюшка Никитич	36	724
105. Чурилушка Пленкович	40	803
106. Дунай Иванович	41	737
107. Былина о Кострюке Церкашенине	42	774
108. Гришка-расстрижка или Смутное московское время	43	716
Богданова Настасья Степановна		
109. Былина о Добрыне Никитиче	48	724
109а. Былина о Добрыне Никитиче и о Настасье Никулчине	59	725
110. Женьтиба князя Владимира и Дуная Ивановича .	76	737
111. О Щуриле Щапенковиче	89	803
112. Былина о царе Соломане	92	796
113. Маришка догадлива	104	735
114. Былина об Иване Годиновиче [Молодец и худая жена]	109	782
115. Василий Буслаевич	114	706

---

¹ Первая колонка цифр обозначает страницу текста, вторая — примечания.

116. Кострюк	115	774
117. О девяти братьях-разбойниках и об их сестре . .	117	702
118. У вдовушки вдовы	119	710
Зиновьева Наталья Тимофеевна		
119. О девяти братьях и одной сестре	122	703
120. Былина про удодушку	123	711
121. [Насильственное пострижение]	125	786
Амосов Василий Васильевич		
122. Илья Муромец и Соловей-разбойник	128	762
123. Турканин-собака царь Калин	131	755
124. Илья Муромец, сын Иванович	138	752
125. Смелый Алеша Попович	142	698
Пашова Матрена Кузьминична		
126. Девять сыновей и одинакая дочь	148	703
127. [Василий и Софья]	150	711
128. [Насильственное пострижение]	151	786
Ястребова Александра Кирилловна		
129. Про Добрыню Никитича	155	725
Рябинин-Андреев Петр Иванович		
130. Вольга Святославович и Микула Селянинович . .	162	713
130а. Вольга Святославович и Микула Селянинович . .	168	713
131. Илья Муромец и Соловей-разбойник	173	763
132. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром . .	181	757
133. Первый бой Добрыни со Змеем	191	733
134. Добрыня Никитич в отъезде	197	729
135. Королевичи из Крякова	228	772
136. Ставер Годинович и Василиса Микулична	238	798
137. Чурила Щепленкович и Катерина Николаевна . .	249	803
138. Худая жена, жена умная	252	783
139. Как было у вдовушки у распахеньки	257	703
Рябинин Кирик Гаврилович		
140. Вольга и Микула	262	714
141. Илья Муромец и Соловей-разбойник	264	764
Сарафанова Марья Кириковна		
142. Дюк Степанович	270	743
Лучина Анна Кузьминична		
143. Гришка-расстрижка	276	717
Тихонова Анна Тимофеевна		
144. Про Соломана	279	796
145. Девять сыновей и одинакая дочь	284	704
146. Девять дочерей и одинакой сын	285	711
147. Насильственное пострижение	286	786
Трухавая Агриппина Федоровна		
148. Бой Добрыни со Змеем	289	733

149. Дюк Степанович	296	743
150. Михайла Потык	308	780
151. Ковер Единолич	311	799
Кудров Кузьма Семенович		
152. Два брата, два ливака	316	785
153. Об Иване Грозном	320	745
Касьянов Иван Иванович		
154. Былина о Волге	324	714
Коренная Пелагея Никифоровна		
155. [Птицы на море]	330	789
156. [Насильственное пострижение]	331	786
Горшков Петр Григорьевич		
157. Илья Муромец	334	747
158. Сватовство Дуная	360	738
159. Сталовёрст	369	799
160. Об Иване Грозном	373	746
Самылин Матвей Егорович		
161. Про Ставра	379	799
162. [Молодец и худая жена]	383	784
Филипова Пелагея Никитишна		
163. Добрыня и Настасья Микулична	387	725
164. Женитьба князя Владимира	390	738
Чванов Илья Григорьевич		
165. Илья Муромец сын Иванович	394	750
166. Ставёр Годиневич	408	800
Морозова Надежда Ильинична		
167. Про Чурилу	417	804
168. Добрыня	419	726
169. [Казань-город]	421	767
Кулатова Наталья		
170. Чурило	424	804
Мосеева Евдокия Ивановна		
171. Чурилушка	428	804
Оргина Анастасия Федоровна		
172. Про Добрынюшку Никитича и про Алёшеньку Поповича	433	726
173. [Князь, княгиня, старицы]	441	768
Рагозина Мария Васильевна		
174. Про вдову	446	704
Антропова Ольга Алексеевна		
175. Дюк Степанович	450	743
Могучева Марья Васильевна		
176. О Васильи и Софин	455	711

Егорова Авдотья Дмитриевна		
177. Как у пашицы	458	704
Мерзлякова Авдотья Петровна		
178. Про Добрыню	461	727
Грибанов Федор Дмитриевич		
179. Про Добрыню	468	727
Никонова Агрипина Матвеевна		
180. Добрыня	472	727
181. [Василий Игнатьев]	476	708
182. Дюк Степанович	478	745
183. Кострюк	480	775
Корешкова Анна Николаевна		
184. Про Добрыню	484	728
Царев Петр Павлович		
185. Дунай Селиванович	489	739
186. Добрыня и Маринка	492	735
Денисов, Афанасий Матвеевич		
187. Микула Селянинович	495	715
188. Былинка	498	788

Приложение I

Рябинин Михаил Кирикович		
1. Оратай	499	715

Фонографические записи текстов

Суриков Антон Егорович		
2. Илья Муромец и Соловей-разбойник	501	765
3. Дунай	503	739
4. Василий Буславьевич	508	706
5. Про Никиту Романовича	513	746
6. Гришка-расстрижка	515	717
Рябинин-Андреев Петр Иванович		
7. Королевичи из Крякова	516	773
8. Чурила Пленкович и Катерина Николаевна	520	805
9. Худая жена, жена умная	523	784

IV. ПИНЕГА

Мурина Василиса Осиповна, Мурина Прасковья Яковлевна, Титова Матрена Архиповна, Филина Александра Петровна		
189. [Роман и его дочь Настасья]	528	791
190. Про князя Михайла	530	778

Черноусова Татьяна Никитишна		
191. [Молодец и казна монастырская]	534	782
Мерзлый Антон Егорович		
192. Про Илью Муромца и Соловья-разбойника	536	764
Черноусова Агриппина Михайловна		
193. Как Роман жену убил	539	792
194. Про Илью	540	766
Попова Василиса Степановна		
195. О Михайле	543	778
Дорофеева Евфросинья Аббаковна		
196. Роман и Настасья	547	792
197. Про Михайло	549	778
198. Про Алешу Поповича	551	699
Ершкова Оксинья Дмитриевна, Поликарпова Дарья Прокопьевна, Дьячкова Настасья Алексеевна, Фефилова Катерина Ипатьевна		
199. [Дмитрий и Домна]	556	718
Губина Агафья Пафнутьевна		
200. Скоклива песня	562	776
Кокорин Василий		
201. Про Илью	566	766
202. Про Казарина	567	771
Кузнецова Васса Алексеевна		
203. Про Домну Фалилеёвну	570	719
204. Про Михайлу	574	778
Тараканова Анисья		
205. Михайло жонку убил	578	792
Мельникова Татьяна Даниловна		
206. Про Домну	580	719
207. Роман и Настасья	583	792
Ломтев Иван Александрович		
208. [Илья Муромец и станичники]	585	759
209. Кострюк	586	775
210. [Жалобы солдат Петру I на князя Долгорукого]	590	744
Завернина Наталья Антоновна		
211. Роман и Настасья	593	793
Вехорев Александр Прохорович		
212. Про Алешу Поповича	596	699
213. Кострюк	603	776
214. Среди было царства Московского	606	801
Вехорева Александра Никитишна		
215. Небылица	609	787
Обросов Галактион Семёнович		
216. Илья Муромец и станичники	611	760

Чуркина Екатерина Матвеевна		
217. Кострюк	615	776
218. [Как филина ловили]	619	777
219. Про Михайлу	621	779
Савина Марфа Николаевна, Федорова Надежда Егоровна		
220. Небылица	626	787
Смоленская Матрена Федоровна		
221. Козарин	630	771
222. Про Домну	631	719
223. Роман и Настасья	635	793
224. Не шум шумит	636	800

Приложение II

Титова Матрена Архиповна		
1. Про Садко	638	794

V. ПОМОРЬЕ

Петухова Авдотья Антоновна		
225. [Дмитрий и Домна]	645	720
Лейнова Мария Андреевна		
226. [Князь, княгиня, старицы]	650	769
Ростовцева Наталья Алексеевна		
227. Как ездил стар	656	760
Кузнецова Устинья Максимовна		
228. Жил князюшко девяносто лет	660	769
229. [Братья-разбойники и сестра]	661	704
Никитина Анна Семеновна		
230. Про Дунаюшку	664	741
231. [Дмитрий и Домна]	666	720
Рохмистрова Анна Григорьевна		
232. Ездил стар	669	761

Приложение III

Лопинцев Иван Корнилович		
1. Илья Муромец	671	751
А. М. Астахова. Некоторые наблюдения в области исполнения былин	679	
Напевы былин	696—697	
Примечания	697	
Указатель сокращений	806	

Алфавитный список былинных сюжетов тома II	809
Алфавитный список исполнителей Прионежья, Пинеги и Поморья	811
Алфавитный указатель населенных мест, где производилась запись былин тома II	813
Словарь местных и старинных слов	815

---

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Н. Т. Панченко*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректор *И. И. Удимов*

*

РИСО АН СССР № 4226. М-00191. Подпи-
сано к печати 28/IV 1951 г. Формат бум.
60 × 92/16. Бум. листов 26,5. Печ. л. 53 +
+ 11 вкл. + ноты. Учетно-изд. листов 45,7.
Тираж 4000. Заказ № 1752. Цена в пере-
плете 40 р. 50 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
71	15 сверху	«[Э]драствѣйте	«[Э]драствуйте
125	11 снизу	во колье	во келье
174	7 сверху	ко мне	к нам
266	7 снизу	берете-ка	берите-ка
300	16 "	пшена	пшены
398	12 сверху	во чистѹ полю	по чистѹ полю
508	4 снизу	похаживать,	похаживать, ¹
639	11 "	цернавкѹ	цернавку
681	11 "	1898	1890
682	19 сверху	№ 163	№ 161
694	19 "	горюница»	горюшица»
719	2 снизу	околот	околок
728	18 сверху	№ 167	№ 165
734	19 "	256	266
735	26—31 "	Слова: «Былинный ритм... и др.» относятся к № 113	
799	10 снизу	заменяются	заменяется
825	12 сверху	друг на другие	дру на друге